

Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ
БЫВШЕ

БЫВШЕ

«ПРОГРЕСС»

Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

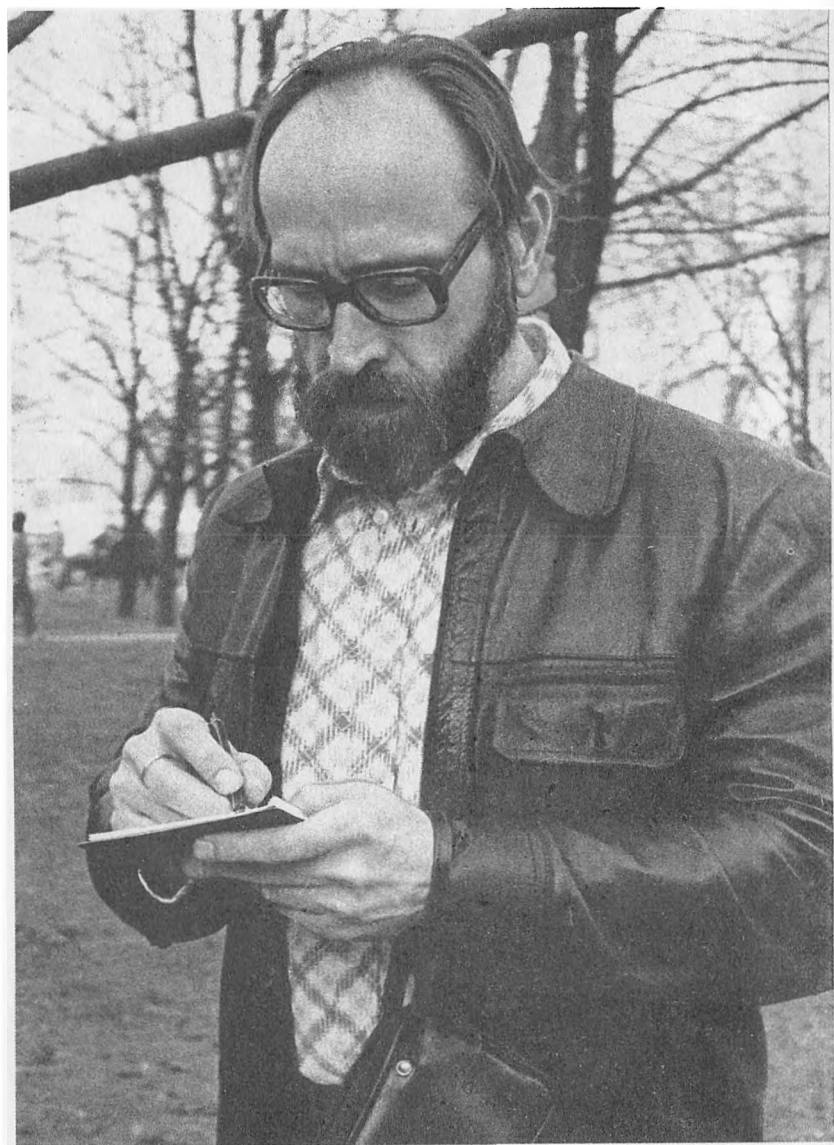
Бывшие

Бывшие

Юрий Власов
ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

ОГОНЬ ВЛАСОВ

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Юрий Власов

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

Бывшие

Москва
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»
«КУЛЬТУРА»
1993

Ю. П. ВЛАСОВ родился в 1935 г. в Макеевке Донецкой области. Окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского в 1959-м. Год прослужил в войсках, после — в ЦСКА. Уволился из армии по собственному желанию в 1968 г. в звании инженера-капитана.

С апреля 1960 г. — профессиональный спортсмен, инструктор по спорту высшей квалификации. Неоднократный чемпион мира, Европы, СССР, обладатель десятков выдающихся рекордов мира, а также титула «самый сильный человек мира». За победу на XVII Олимпийских играх в Риме награжден орденом Ленина. В 1964 г. Ю. Власов получает на XVIII Олимпийских играх в Токио серебряную медаль и покидает спорт. Народный депутат СССР в 1989—1991 гг.

Литературной работой занялся в 1959 г. — опубликовал свой первый газетный очерк. В 1959—1965 гг. сотрудничал с «Известиями», напечатал цикл репортажей, статей, очерков. Печатал рассказы и очерки в «Огоньке», «Физкультуре и спорте» и др. журналах.

Автор книг: «Себя преодолеть» (1964), «Белое мгновение» (1972), «Особый район Китая» (1973), «Соленые радости» (1976), «Справедливость силь» (1989), «Геометрия чувств» (1991), «Стужа» (1992), «Кто правит бал», (1993).

В $\frac{4702010204-179}{006(01)-93}$ КБ-41-52-92

Глава I

ПРЕСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В 1920 г., в разгар борьбы генерала Врангеля за белый Крым, в Берлине выходит малозаметная книжечка (и мало замеченная — до нее ли было: миллионами гибли люди) в 32 страницы — «Правда о Царской Семье и „темных силах“»¹. Автор — товарищ (заместитель) прокурора Екатеринославского Окружного Суда В. М. Руднев, командированный по распоряжению министра юстиции Керенского в Чрезвычайную Следственную Комиссию по рассмотрению злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц бывшей Российской империи.

Я мог бы переложить содержание документа своими словами, но оно слишком важно. Это документ об истории злонамеренного уничтожения Верховного носителя власти в России и разгрома великой славянской державы.

Из предисловия Бориса Гаранина:

«Из всех орудий политической борьбы нет более подлого, чем клевета, но нет и более сильного. С идейной антиправительственной пропагандой можно бороться тем же идейным путем; заговор можно раскрыть; восстание можно подавить. Но как парализовать действие планомерной, систематической клеветы, к услугам которой — и пресса, и парламентская трибуна, и тысячеустая молва?

¹ Изд-во «Двуглавый Орел». Типография Евгения Александровича Гутнова, Berlin S. 14, Dresdnerstr. 82—83. 1920 г.

Эта книжечка, как и воспоминания генерала барона Врангеля, была подарена мне в Гренобле весной 1991 г. Ириной Николаевной Н.

К концу работы над «Огненным Крестом» картина преступления революции перед русским народом и царствующей семьей Романовых у меня вполне сложилась. Документ В. М. Руднева приколачивает революцию к доске позора и вечного проклятия. Это было неоправданное, изуверское разрушение русской национальной жизни.

Молодая Россия, только набравшая силу, только распрямившаяся для жизни, в ореоле великой культуры, оказалась, как молодое крепкое дерево, злонамеренно вывернута с корнем и брошена на погибель. С нею расправились именем демократии.

Россия до Февраля 1917 г. являлась прежде всего **молодым государством** — его становление, весь расцвет были еще впереди. Гении Пушкина и Лермонтова пришлось лишь на самую первую пору его весны. Молодая Россия оказалась загублена на взлете.

Это поняли творцы «великой» русской революции. Задавшись целью низвергнуть во имя захвата власти в свои руки Императорский Трон и отлично сознавая, что путем дозволенной этическими законами критики Царского правительства им не удастся создать в народе необходимое для осуществления их плана революционное настроение, они предприняли против Царя и Династии клеветнический поход.

За это дело они с особенным рвением принялись в то время, когда Императорская Россия, после двух лет тяжелой войны, была накануне победы. Но что им было до этого? Победоносная, могучая Россия, ведомая Царем к благоденствию, славе и счастью, была им не нужна, потому что они знали, что не им, профессиональным разрушителям и гробокопателям, будет в ней уделено почетное место.

Для них важно было одно: использовать в своих видах глухое недовольство народа, измученного войной и сопряженными с ней лишениями.

И началась отвратительная, низкая травля, в которой самые лживые обвинения, самые гнусные измышления пускались в ход для того, чтобы расшатать устои Русского Трона, основанные на вере народа в Царскую милостивую и праведную власть.

Правда, Царя и Царской Семьи тогда, до революции, открыто касаться не смели. Но все близкие ко двору лица обливались потоками грязи в расчете, что недоверие, возбужденное в народе к ним, перенесется и на державных их повелителей.

В Государственной Думе Милюков произносит свою «историческую», в сотнях тысяч экземпляров разошедшуюся по всей России речь, в которой он, не имея в своем распоряжении ни единого доказательства и основываясь исключительно на темных сплетнях какой-то английской газеты, обвиняет Распутина и Вырубову в изменнической работе на пользу врага, происходящей на глазах и, значит, с ведома Императрицы...

В прифронтовых учреждениях и в Военно-Промышленном Комитете бесчисленные приспешники Гучкова систематически отравляют ядом той же гнусной клеветы армию и фабричных рабочих.

И клевета сделала свое дело.

В роковые для России февральские дни, когда в Петрограде вспыхнуло восстание, организованное при помощи нескольких, не желавших сражаться запасных полков, русский народ не встал на защиту своего Государя.

Восстание превратилось в революцию, революция смела Царский Трон, растлила армию, довела Россию до пределов позора и страданий. Но клеветники добились своего: хоть и на короткое время, но они получили желанные портфели и власть...

Клеветнический поход против Трона не прекратился и после революции. Зная, как прочны древние узы, связывающие Царя с народом, и более всего страшась «гидры контрреволюции», руково-

дители этого похода, очутившись у власти, еще удвоили свои усилия, но главной мишенью для своих нападков они избрали теперь уже не Двор, а беззащитную Царскую Семью, поносить которую стало отныне не только безопасным, но и выгодным для революционной карьеры.

Вот уже более трех лет длится то отвратительное зрелище. Более трех лет подлыми руками треплются в грязи кристально чистые, ничем не запятнанные имена Государя и Императрицы, виновных разве только в том, что они слишком верили в русский народ и слишком его любили. Из всех обвинений, против них возведенных, ни одно никогда не было подкреплено хоть каким-нибудь, самым слабым доказательством; все они до единого были плодами злостных измышлений. Но толпа им верила и, может быть, продолжает верить и теперь — как верит вообще всякому печатному слову.

Конечно, настанет день, когда правда восторжествует. Беспристрастная история воздаст должное и кротким царственным мученикам, и политическим проходимцам, сознательно их оклеветавшим.

Но когда это будет?

А время не ждет.

Нельзя допустить, чтобы современное поколение питалось одной только революционной ложью, чтобы оно оставалось в неведении относительно того, какими темными, недостойными путями шли к своей цели творцы русской революции. Оно должно знать правду — и только правду — о том, кто является истинным виновником этого величайшего в истории России несчастья и кто в нем неповинен...

Вероятно, В. М. Руднев был убежденным либералом; вероятно, он примыкал к стану тех, кто приветствовал революцию, кто считал ее спасительной для России. Иначе ему не было бы дано столь важное, с точки зрения революционного правительства, поручение. Сам он в своей записке говорит, что он был предубежден против лиц, которых ему предстояло допросить в качестве обвиняемых.

Но он был прежде всего честным человеком.

Он прочитал все относящиеся к делу документы, допросил множество свидетелей, лично присутствовал при обысках и выемках и не нашел ничего — ни одной строчки, ни одного показания, ни одного факта, которые подтверждали бы справедливость обвинений.

Когда, таким образом, стало ясным, что расследование, начатое для того, чтобы покрыть Царскую Семью позором, привело к установлению совершенной ее невинности, председатель комиссии, прис. пов. Муравьев, стал пытаться побудить В. М. Руднева к пристрастному образу действий, на что В. М. Руднев не согласился и подал в августе 1917 г. рапорт об отчислении...

Но к счастью, подлинная записка В. М. Руднева — собственно-ручно им от первой и до последней строчки написанная — сохранилась в неприкосновенности, и ныне наконец представляется возможность опубликовать ее.

Время изглаживает в памяти подробности когда-то прочитанного и слышанного; сохраняется лишь общее впечатление. Поэтому нелишним будет напомнить читателю, к чему сводилась сущность обвинений, возводившихся деятелями революции на Царскую Семью и на лиц, о которых идет речь в записке В. М. Руднева.

Государыня Императрица Александра Федоровна обвинялась в том, что, оставшись в душе немкой и не любя России, она в продолжение всей войны втайне сочувствовала тогдашнему врагу России — Германии. Когда стало ясным, что победа будет на стороне союзников, она будто бы употребляла все усилия к тому, чтобы заставить Государя заключить сепаратный мир с Германией. В этом деле ей якобы способствовали Распутин и А. А. Вырубова, а также министры Протопопов и Штюрмер. Далее, клеветники утверждали, что, будучи крайне честолюбивой, Императрица замышляла лишиться власти Государя, чтобы самой, по примеру Екатерины II, сделаться Повелительницей России. Но даже и на этом они не останавливались. С целью окончательно очернить Ее Величество не только как Государыню, но и как женщину, как супругу и мать они пытались набросить грязную тень на отношения ее к Распутину.

Про Распутина распространялись слухи, что он, будучи секретным германским агентом и крайним реакционером, влияет на Государя в смысле назначения на высшие посты врагов народа и убежденных сторонников сепаратного мира с Германией.

А. А. Вырубова выставлялась клеветниками как любовница Распутина, которому она благодаря влиянию своему при Дворе оказывала содействие в достижении преступных его целей...»

Правда о Царской Семье и «темных силах»

«Состоя Товарищем Прокурора Екатеринославского Окружного Суда, 11 марта 1917 г., ордером Министра Юстиции Керенского, я был командирован в Петроград, в Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений бывших Министров, Главноуправляющих и других высших должностных лиц.

В Петрограде, работая в этой Комиссии, я получил специальное поручение обследовать источник «безответственных» влияний при Дворе, причем этому отделу Комиссии было присвоено наименование: «Обследование деятельности темных сил». Занятия Комиссии продолжались до последних чисел августа 1917 г., когда я подал рапорт об отчислении ввиду попыток со стороны председателя Комиссии прис. пов. Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия. Мне как лицу, командированному с правами Судебного следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допрос свидетелей и т. д. В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики, мною были разобраны и осмотрены архивы Зимнего Дворца, Царскосельского и Петергофского Дворцов, а равно и личная переписка Государя, Императрицы, некоторых Великих князей, а также и переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини С. С. Игнатъевой, доктора Бадмаева, В. И. Воейкова и других прежде высокопоставленных лиц.

При производстве расследования было обращено особое внимание на личность и характер деятельности Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой, также и на отношение Царской Семьи к Германской Императорской фамилии.

Считая, что задача моего обследования имеет громадное значение в смысле освещения событий, предшествовавших и сопровождавших революцию, я снимал копии со всех протоколов, осмо-

тров, проходивших через мои руки документов, а равно и со свидетельских показаний...

Прибыв в Петроград в Следственную Комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.

Наиболее интересной личностью, которой приписывалось влияние на внутреннюю политику, был Григорий Распутин, а поэтому естественно, что его фигура явилась центральной при выполнении возложенной на меня задачи. Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев.

Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращений, так и все встречи по дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал, так как фамилии некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей. Познакомившись с этими документами, а также допросив ряд свидетелей, фамилии которых в документах упоминались, и сопоставив эти показания, я пришел к заключению, что личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об этом говорили и писали.

Исследуя нравственный облик Распутина, я, естественно, обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конце концов открыли ему доступ ко Двору, и я выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко религиозно настроенными и несомненно умными архиепископами Феофаном и Гермогеном. Убедившись, на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов Православной церкви, будучи причиной удаления Гермогена в один из монастырей Саратовской епархии на покой и низведения Феофана на роль провинциального епископа тогда, когда эти истинно православные епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине темные инстинкты, открыто вступили с ним в борьбу, — я пришел к заключению, что, несомненно, в жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губернии, имело место какое-то большое и

глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее его обратиться ко Христу, так как только наличием этого искреннего Богоискания у Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися пастырями. Это мое предположение, основанное на сопоставлении фактов, нашло себе подтверждение в безграмотно составленных Распутиным воспоминаниях о хождении по святым местам. От этой книги, написанной Григорием Распутиным, дышит наивной, простой и задушевной искренностью. Опираясь на содействие и авторитетность указанных архиепископов, Григорий Распутин был принят во дворцах Великих княгинь Анастасии и Милицы Николаевен, а затем, через посредство последних, знакомится с г-жой Вырубовой, тогда еще фрейлиной Танеевой, и производит на нее, женщину истинно религиозно настроенную, огромное впечатление; наконец, он попадает и в Царский Двор. Здесь у него, видимо, пробуждаются заглушенные низкие инстинкты, и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких особ к его святости.

При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно продуманной последовательностью. Как показало обследование переписки по сему поводу, а затем как подтвердили и свидетели, Распутин категорически отказывался от каких-либо денежных пособий, наград и почестей, несмотря на прямые, обращенные со стороны их Величеств предложения, как бы тем самым подчеркивая свою неподкупность, бесребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он — единственный предстатель за Нее перед престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него, все клеветуют на него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственно, что позволял себе Распутин, это оплату его квартиры из средств Собственной Его Величества Канцелярии, а также принимать подарки собственной работы Царской Семьи — рубашки, пояса и прочее.

Входил Распутин в Царский Дом всегда с молитвою на устах, обращаясь к Государю и Императрице на «ты» и трижды с ними лобызаясь по сибирскому обычаю. Известно, что он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью», — и при этом установлено, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладающего даром предсказывать события...

К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин, несомненно, обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого Института, — причем все явления этой болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мною и другой яркий случай проявления этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой

1914/15 г. в будку железнодорожного сторожа Царскосельской дороги, где после крушения поезда лежала в совершенно бессознательном состоянии, с раздробленными ногами и тазобедренной костью и с трещинами черепа, Анна Александровна Вырубова. Около нее в то время находились Государь и Императрица. Распутин, подняв руки кверху, обратился к лежащей Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза». И тотчас она открыла глаза и обвела ту комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильное впечатление на окружающих, и в частности на Их Величеств, и, естественно, содействовало укреплению его авторитета.

Вообще надо сказать, что Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминавшие порою юродивого, были несомненно искусственны; ими он старался подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность...

При этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходили из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда и с некоторыми из его просительниц. Что же касается его близости к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было.

Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях и которым он был обязан своим возвышением. Так, например, при обыске у епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: «Милой, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пускают». Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов. С целью выяснить этот вопрос Верховной Следственной Комиссией был приглашен профессор по кафедре сектантства Московской Духовной Академии Громогласов; последний ознакомился со всем следственным материалом и, считаясь с тем, что совместное мытье мужчин с женщинами в банях является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не усмотрел никаких признаков хлыстовства.

Вообще Распутин по природе был человек широкого размаха; двери его дома были всегда открыты; там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет; в целях создания вокруг себя ореола благотворителя по слову Евангелия: «рука дающего не оскудеет» — Распутин, постоянно получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов, к нему обра-

щавшимся тоже с какими-либо просьбами, даже и нематериального характера...

Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при Дворе; все эти просьбы касались, как было выше указано, назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел, но решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то что влияние его при Дворе, несомненно, было велико...

Распутин всем лицам, с которыми ему приходилось сталкиваться более или менее часто, давал прозвища, некоторые из них получили права гражданства и при Дворе; так, например: Штюрмера он называл стариком, архиепископа Варнаву — мотыльком, Государя — папой, Государыню — мамой. Прозвище Варнавы — «мотылек» — было обнаружено и в одном из писем Императрицы к Вырубовой.

Следственный материал приводит к несомненному заключению, что источником влияния Распутина при Дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств и вместе с тем их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россию перед Богом, причем наличность этой святости усматривалась Царской семьей в отдельных случаях исключительно в воздействии Распутина на психику приближенных ко Двору лиц, как, например (о чем указано выше), приведение в сознание г-жи Вырубовой, затем благотворное влияние на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний; при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний — всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом.

Этим влиянием Распутина на Царскую Семью старались, конечно, пользоваться ловкие люди, способствуя тем самым развитию в нем низких инстинктов. Особенно ярко это сказалось в деятельности бывшего Министра внутренних дел А. Н. Хвостова и директора Департамента полиции Белецкого, которые, чтобы упрочить свое положение при Дворе, вошли в соглашение с Распутиным и предложили ему такие условия: выдавать из секретного фонда Департамента полиции ежемесячно по 3000 руб. и единовременные пособия в различных суммах, по мере надобности, за то, чтобы Распутин проводил при Дворе тех кандидатов, которых они будут указывать, на желательные для них посты. Распутин согласился и действительно первые два-три месяца выполнял принятые на себя обязательства, но затем, убедившись, что такое соглашение для него невыгодно как значительно сокращавшее круг его клиентуры, он, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно, на свой риск и страх...

Из всех государственных деятелей Хвостов был ближе всего к Распутину, что же касается до столь нашумевших отношений его с

Штюрмером, то в действительности отношения эти не выходили из области обмена любезностями. Штюрмер, считаясь с влиянием Распутина, исполнял его просьбы относительно устройства отдельных лиц, посылал иногда фрукты, вино и закуски, но данных о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюрмера следствием не добыто было решительно никаких.

Не больше была связь с Распутиным и у Министра внутренних дел Протопопова, которого Распутин почему-то называл «Калинин», хотя надо сказать, что Распутин относился к Протопопову с большой симпатией и всячески старался защищать его, хвалить и выгораживать перед Государем в тех случаях, когда почему-либо положение Протопопова колебалось...

При осмотре бумаг Протопопова было найдено несколько типичных писем Распутина, начинавшихся словами «милой, дорогой», но всегда говоривших только о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, так же как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных лиц, не было найдено ни одного документа, указывавшего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику.

Протопопов отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до Министра внутренних дел проходил в качестве выборного лица разных общественных групп, вплоть до должности товарища Председателя Государственной Думы. Так как периодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавления народных волнений в первые дни революции — якобы выразившаяся в установке на крышах домов пулеметов для расстрелов безоружных толп манифестантов, — то на предварительном следствии на это обстоятельство было обращено особое внимание председателем Комиссии, прис. пов. Муравьевым, поручившим обследование этих событий специальному следователю Ювжику Компанейцу, установившему, путем допроса нескольких лиц и проверкой отобранных войсками пулеметов, найденных на улицах Петрограда в первые дни революции, что все эти пулеметы принадлежали войсковым частям и что ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем вообще никаких пулеметов на крышах домов не стояло, кроме ограниченного числа пулеметов, поставленных с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин.

Вообще, нужно сказать, что в критические дни февраля 1917 г. Протопопов проявил полную нераспорядительность, а с точки зрения действовавшего закона — преступную слабость.

Несомненно, в прессе и в петроградском обществе создалось мнение о близких отношениях Распутина к двум политическим авантюристам — доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто бы имевшим через него влияние на политику.

Следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески

старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими с его стола, и стараясь преувеличить перед своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такового вовсе не имели, и через то поддержать мнение о своем якобы при Дворе влиянии...

Угождая петроградским сановникам, князь Андронников, конечно, лез из кожи, чтобы угождать Распутину. Так, известно из показаний прислуги Андронникова, что он предоставлял свою квартиру для секретных свиданий Распутина с Хвостовым и Белецким, а также и с епископом Варнавою.

В то же время кн. Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне, за особой ширмой, устроил подобие часовни, поставив большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналая, и прочее. Достоинно примечания, как это мною лично установлено при осмотре его квартиры и при допросе его прислуги, что кн. Андронников в той же самой спальне, по другую сторону ширмы, на своей двуспальной постели предавался самому гнусному... с молодыми людьми, дарившими его ласками, за обещание составить протекцию. Последнее обстоятельство нашло себе подтверждение в ряде отобранных мною при обыске у князя Андронникова писем от таких обольщенных им молодых людей, которые жаловались в этих письмах на то, что он их обманул в своих обещаниях...

Много слышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе и об отношениях ее с Распутиным, сведения о которых помещались в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику государства...

Г-жа Вырубова, будучи еще 16-летним подростком, заболела брюшным тифом в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась местным воспалением брюшины, и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда гг. Танеевы, большие почитатели гремевшего тогда на всю Россию Протоиерея отца Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели болящей дочери. После этого молебна в состоянии больной наступил благоприятный кризис, и она стала быстро поправляться.

Этот эпизод произвел, несомненно, огромнейшее впечатление на

психику религиозной девушки-подростка, и с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех вопросов, которые возникали у нее по различным поводам.

Г-жа Вырубова познакомилась с Распутиным во дворце Вел. кн. Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая княгиня Милица Николаевна подготовляла к нему г-жу Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультистической литературой; затем однажды Великая княгиня пригласила к себе Вырубову, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником Земли Русской, одаренным способностью врачевания.

Эта первая встреча г-жи Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела на нее большое впечатление, в особенности в силу того, что она намеревалась тогда вступить в брак с лейтенантом Вырубовым. При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы, благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и при ударах судьбы человек совершенствуется.

Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным: по словам г-жи Танеевой, муж ее дочери оказался полным импотентом, но притом с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неописуемые нравственные страдания и вызывал к себе чувство полного отвращения. Однако г-жа Вырубова, памятуя слова св. Евангелия: «Еже Бог сочетав, человек да не разлучает», — долгое время скрывала свои нравственные переживания от всех, и только после одного случая, когда она была на волос от смерти на почве садических половых извращений своего супруга, она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания г-жи Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме. При дальнейшем производстве следствия эти объяснения г-жи Танеевой о болезни супруга ее дочери нашли себе полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования г-жи Вырубовой, произведенного в мае 1917 г. по распоряжению Чрезвычайной Следственной Комиссии; данные эти установили с полной несомненностью, что г-жа Вырубова — девственница.

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни религиозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании; при этом предсказание Распутина о терниях жизненного пути явилось для Вырубовой истинным пророчеством. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бессребрника и чудотворца...

Неглубокий ум Вырубовой и чисто философский склад мышле-

ния Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнявшими; разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственного удовлетворения в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке Императорской Семьи. Общительная и бесхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны царедворцев, ее окружавших. А общее у этих столь различных двух женщин нашлось тоже — это любовь к музыке. Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения пели дуэты...

...Влиянием при дворце Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла; слишком большой был перевес умственных и волевых данных Императрицы над умственно ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой, а затем сделавшейся домашним человеком в Царской Семье г-жой Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношениями матери к дочери, но не больше того. Дальнейшим связывающим звеном этих двух женщин было одинаково сильно развитое, как у одной, так и у другой, религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина.

Мои предположения о нравственных качествах г-жи Вырубовой, вынесенные из продолжительных бесед с нею в Петропавловской крепости, в арестном помещении, и, наконец, в Зимнем Дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтверждались проявлением ею чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над г-жой Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от г-жи Танеевой; только лишь после этого г-жа Вырубова подтвердила все сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобностью, заявив, «они не виноваты, не ведают бо, что творят». По правде сказать, эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плеванья в лицо, снятия с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, еле двигавшейся на костылях женщины, и угроз лишить жизни «наложницу Государя и Григория», побудили Следственную Комиссию перевести г-жу Вырубову в арестное помещение при бывшем Губернском жандармском управлении...

...В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в царских покоях прямого провода в Берлин мною были произведены осмотры помещений Императорской фамилии, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким во время войны установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным

немцам выяснилось, что отношение ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что, кто посетит больного, тот посетит Его Самого.

В силу многих обстоятельств, в том числе и постоянного болезненного состояния Императрицы вследствие ее болезни сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что естественно способствовало самоуглублению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный, преобладающий характер. На почве этой религиозности Александра Федоровна вводила монастырский устав Богослужения в некоторых придворных церквях и с особым наслаждением, несмотря на болезненное состояние, выстаивала до конца длившиеся долгими часами службы. Это исключительное религиозное настроение Императрицы Александры Федоровны и послужило единственной причиной преклонения ее перед личностью Григория Распутина, который, несомненно, как уже было объяснено, обладая способностью внушения, благотворно действовал в некоторых случаях на состояние здоровья тяжело больного Наследника. При этом, вследствие своей религиозной настроенности, Императрица не могла объективно оценивать источник несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех высших небесных силах, которыми был наделен, по ее глубокому убеждению, за свою святую жизнь Распутин. Года за полтора до переворота 1917 г. известный бывший монах Илиодор Труфанов, о котором было уже выше упомянуто, прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить Царской Семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную впоследствии под названием «Святой черт», где он описывает отношения Распутина к Царской Семье, набрасывая на эти отношения тень скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался департамент полиции и на свой риск и страх вступил в переговоры с женой Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60 000 рублей. В конце концов, дело это было представлено на усмотрение Императрицы Александры Федоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что «белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь...».

Подлинное подписал:

Бывший командированный в Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений Министров, Главнуправляющих и других должностных лиц, с правом производства следственных действий, товарищ Прокурора Екатеринославского Округного суда, Владимир Михайлович Р у д н е в.

г. Екатеринослав
28-го марта 1919 г.»

Отчет Руднева подытоживает самостоятельное слово Николая Гальберга.

Кара Божия

«Свобода, равенство и братство» — лозунги «великой» французской революции, по существу своему такие идеальные, красивые. Но при проведении их в жизнь они в лучшем случае обращаются в ничто, над ними же высится неотъемлемая принадлежность — кровавая гильотина, ножом которой действительно свободно, равно и по-братски рубились головы всем не желавшим, а часто просто не умевшим вовремя поклониться кроваждному революционному Молоху. Ложь, лицемерие и потоки крови, крови без конца — вот истинные символы революции. С особенной яркостью выражаются они и в потрясающей ныне весь мир «великой» русской революции. Красной нитью проходят эти символы через деятельность всех деятелей революции. Все эти Гучковы, Милюковы, Родзянко, кн. Львовы, Винаверы, Маклаковы, крестные отцы революции, крупные по своей разрушительной работе и столь бледные и безвольные в деле созидания, их воспитанник, в сущности, психически больной Керенский и, наконец, их естественные преемники по каиновому делу — Ленин и Троцкий, эти умные, наиболее яркие, но демонические слуги князя тьмы, затопившие Россию потоком крови и закончившие начатую их предшественниками работу по ее разрушению, — все они так или иначе послужили этим революционным символам.

Мрачна картина нашей революции, что в душе признают и разочаровавшиеся искренние и честные ее приверженцы, но не менее темна и безобразна предшествовавшая ей эпоха, когда шла подготовка к ней и производился планомерный натиск на... Царскую Семью.

Россия вела в то время величайшую за свое бытие войну, вынося на своих плечах все ее тяготы, так как ее конституционно-парламентарные союзники только подготовлялись еще к борьбе, заделывая свои прорехи в деле оборудования и формирования армий. Верховный повелитель России, столь миролюбивый по своей натуре, с болью в сердце согласившийся на войну, всей своей благородной душой, всеми своими помыслами отдался делу служения Родине. Вся его семья, во главе с Государыней Императрицей Александрой Федоровной, всецело была занята заботами о раненых, беженцах, семьях запасных солдат, призванных на войну, снабжением войск бельем. И в это время у них же за спиной свила себе гнездо подлеишая измена. Умело направленная интернациональными темными силами, с успехом проделавшими то же с Людовиком XVI и его женой и ныне использовавшими безмерное честолюбие различных политических и общественных деятелей, со змеиным шипением поползла гнусная клевета. Ловко играя именами действительно нежелательных лиц, под покровом святости проникших в глубоко религиозную Царскую Семью, все эти политиканы начали обвинять

в измене Императрицу Александру Федоровну, окрещенную ими «немкой», подобно тому как их же учителя столетие тому назад называли «австриячкой» несчастную Марию Антуанетту. Затем дошли даже до того, что обвинили Самого Государя Императора в том, что он, пренебрегая интересами государства, желает заключить невыгодный для России сепаратный мир.

Несмотря на всю явную нелепость взводимых обвинений, клевета успешно работала, проникая всюду, начиная и, что особенно позорно, иногда исходя из великокняжеских дворцов, проползая в дворянские хоромы и доходя даже, через офицеров, в солдатские окопы...

Теперь Россия — голодная, мерзнущая, вымирающая от болезней, захлебывающаяся в потоках крови — являет собой ужасную картину. Пережив революционные временные правительства различных формирований, она изнывает теперь под гнетом одной из его разновидностей, именуемой советским правительством. А все те, кто так храбро боролся с царской властью, жалобно ноют по различным столицам Европы и ничего не могут сделать с той властью, которая сумела вовремя снять плоды с посаженного ими дерева.

И это тяжелое испытание, ниспосланное за грехи нашей Родине, будет продолжаться, как и триста лет тому назад, до тех пор, пока огромное большинство русского народа не покается в своих прегрешениях и в особенности не познает того, насколько оно безмерно виновато перед своим Государем, Помазанником Божиим, светлый духовный образ которого еще ярче вырисовался в эти мрачные годы лихолетия...

Николай Гальберг

30 июля ст. ст. 1920 г.»

Позволю себе привести выдержки еще из одной книги, вовсе не редкой, более того, изданной совсем недавно в Петербурге, — это труд С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II» (СПб, «Петрополь», 1991).

«В середине двадцатых годов Высший Монархический Совет заказал жившему в Париже проф. С. С. Ольденбургу, сыну академика, научный труд по истории царствования Императора Николая Второго, — сообщает в предисловии член Высшего Монархического Совета Юрий Константинович Мейер. — С. С. Ольденбург имел возможность выполнить такое научное изыскание, изучив копии подлинных актов в Российском посольстве... Дело в том, что в порядке предосторожности еще задолго до Первой мировой войны дубликаты исторических актов стали посылаться на хранение в наше посольство в Париже...»

Итак, слово Ольденбургу.

«Император Николай II, конечно, не был поклонником представительного образа правления. Он не питал иллюзий относительно

настроений общества. С. Е. Крыжановский присутствовал (в конце 1905 г.) при разговоре Государя с гр. Витте и отмечает, как Он «с явным раздражением отмахнулся от сладких слов графа, когда тот стал доказывать, что в лице народного представительства Государь и правительство найдут опору и помощь. „Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени».

Государь считал, что неограниченное самодержавие в идеале **выше и совершеннее**. Но годы правления создали в Нем убеждение, что в России начала XX века, и прежде всего в русском образованном обществе, этот строй не находит достаточного числа убежденных, не за страх, а за совесть, исполнителей монаршей воли...

Чтобы облегчить русскому обществу работу на пользу отечества, Государь вступил на путь реформы, опасность и отрицательные стороны которой он все время живо ощущал. Ни на минуту Его не оставляло сознание **ответственности за Россию** — не только за собственные ошибки или упущения, но и за какое-либо **попустительство**. Безответственность конституционного монарха либеральной доктрины показалась бы ему преступным умыыванием рук, и Государь поэтому тщательно заботился о том, чтобы всегда оставлять за Собою возможность последнего решения...

«Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы», — тогда же сказал Государь В. В. Коковцеву (это было сказано в 1911 г. — Ю. В.).

Государь все более проникался убеждением в том, что пьянство — порок, разъедающий русское крестьянство, и что долг царской власти — вступить в борьбу с этим пороком...

На двадцатом году царствования Императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспевания...

За двадцать лет население Империи возросло на пятьдесят миллионов человек — на сорок процентов; естественный прирост населения превысил три миллиона в год.

Наряду с естественным приростом, равно свидетельствующим о жизненной силе нации и о наличии условий, дающих возможность прокормить возрастающее число жителей, заметно повысился общий уровень благосостояния. Количество товаров, как русских, так и иностранных, потребляемых русским внутренним рынком, более чем удвоилось за двадцать лет. Так, например, потребление сахара с 25 млн. пудов в год... превысило 880 млн. пудов... в 1913 г. Хотя в 1911—1912 гг. был неурожай свекловицы и цена значительно поднялась, это не вызвало уменьшения спроса...

Благодаря росту сельскохозяйственного производства, развитию путей сообщения, целесообразной постановке продовольственной помощи «голодные годы» в начале XX века уже отошли в прошлое.

Неурожай более не означал голод; недород в отдельных местностях покрывался производством других районов...

Если принять во внимание рост вывоза (за границу уходило около четверти русских хлебов) и увеличение численности населения, все же количество хлеба, приходящегося на душу населения, бесспорно возросло. В городах белый хлеб стал соперничать с черным...

Вклады в государственных сберегательных кассах возросли с трехсот миллионов в 1894 г. до двух миллиардов рублей в 1913 г. ...

Донецкий бассейн, давший в 1894 г. меньше 300 млн. пудов, в 1913 г. давал уже свыше полутора миллиардов. За последние годы началась разработка новых мощных залежей Кузнецкого бассейна в Западной Сибири. Добыча угля по всей Империи за двадцать лет возросла более чем вчетверо...

Если некоторые виды машин, особенно фабрично-заводское оборудование, ввозились еще из-за границы... то паровозы, вагоны, рельсы производились преимущественно на русских заводах...

Подъем русского хозяйства был стихийным и всесторонним. Рост сельского хозяйства — огромного внутреннего рынка — был во второе десятилетие царствования настолько могучим, что на русской промышленности совершенно не отразился промышленный кризис 1911—1912 гг., больно поразивший Европу и Америку: рост неуклонно продолжался. Не приостановил поступательного развития русского хозяйства и неурожай 1911 г. ...

Этот стихийный рост отражался и на доходе казны... Год за годом сумма поступлений превышала сметные исчисления; государство все время располагало свободной наличностью... Золотой запас Государственного Банка с 648 млн. (1894 г.) возрос до 1604 млн. рублей (1914 г.).

Бюджет возрастал без введения новых налогов, без повышения старых, отражая стихийный рост народного хозяйства...

Протяжение железных дорог, как и телеграфных проводов, более чем удвоилось. Удвоился и речной флот — самый крупный в мире (пароходов в 1895 г. было 2539, в 1906-м — 4317).

Русская армия возросла приблизительно в той же пропорции, как и население: к 1914 г. она насчитывала 37 корпусов (не считая казаков и нерегулярных частей)... После японской войны армия была основательно реорганизована.

Начальник германского Генерального штаба, ген. фон Мольтке, в докладе на имя статс-секретаря по иностранным делам фон Ягова, писал (24.11.1914), так оценивая результаты реформ, проведенных в русской армии за период 1907—1913 гг.: «...боевая готовность России от времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте. Следует в особенности отметить, что она некоторыми чертами превосходит боевую готовность других держав, включая Германию...

Русский флот, так жестоко пострадавший в японскую войну, воз-

родился к новой жизни, и в этом была огромная личная заслуга Государя, дважды преодолевшего упорное сопротивление думских кругов...

Исследователи аграрной реформы — датчанин Вит-Кнудсен (в 1913 г.) и немец Прейер (в марте 1914 г.) отмечали успехи закона 9 ноября — «переворота, не отстающего по своему значению от освобождения крестьян». «Это было смелое начинание, своего рода скачок в неизвестность, — писал Прейер. — Это был отказ от старой основы с заменой чем-то неиспытанным, неясным. Столыпин взялся с решимостью и отвагой за эту великую задачу, и **результаты показали, что он был прав**».

Морис Бэнинг, известный английский писатель, проведенный несколько лет в России и хорошо ее знавший, писал в своей книге «Основы России» (весной 1914 г.): «Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства». Бэнинг, наблюдавший оппозиционные настроения в обществе, замечал: «У случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: да чего же большего еще может желать русский народ?!»

Трудное наследие досталось Государю, когда Он прибыл в Ставку 23 августа. «Сего числа, — гласил Его приказ, — я принял на себя предводительство всеми сухопутными войсками, морскими силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в помощь Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской...»

25 августа (5 сентября) (1915 г. — Ю. В.) в швейцарской деревне Циммервальд собралась конференция представителей левых социалистических партий. Это была первая попытка восстановить разрушенный войной Интернационал...

По инициативе итальянских и швейцарских социалистов в Циммервальде собралось 33 делегата из десяти государств — Германии, Италии, России, Франции, Голландии и т. д. Конференция заседала четыре дня. Она вынесла резолюцию, в которой выражалось осуждение «империалистической войне»; высказывалось порицание всем социалистам, которые под предлогом «защиты отечества» идут на сотрудничество с буржуазией, входят в правительство, голосуют за бюджет и т. д. Целью пролетариата объявлялась борьба за немедленный мир. Около трети делегатов, с Лениным во главе, считали и эту резолюцию недостаточной. Ленин говорил, что необходимо «империалистическую войну превратить в гражданскую» и, воспользовавшись тем, что под оружием десятки миллионов «пролетариев», отважиться на захват власти в целях социального переворота...

Последствия Циммервальдской конференции были весьма вели-

ки. Было сказано, от имени международного социалистического центра, хотя и «самочинного», то слово, которого во всех странах ждали социалистические круги и вообще все элементы, уставшие от войны. Циммервальдская резолюция, запрещенная во всех воюющих странах, стала быстро известна повсюду, включая Россию; и она дала сильный толчок революционному движению в рабочей и полунинтеллигентной среде...

15 сентября в Ставке состоялось заседание кабинета, на котором Государь отчетливо выразил министрам Свою волю — посвятить все силы ведению войны и не допускать политической борьбы, пока не достигнута победа...

Кампания 1915 г. на Восточном фронте закончилась.

«Россия в настоящее время внесла свой вклад — и какой героический вклад, в дело борьбы за европейскую свободу, — писал Ллойд Джордж¹, — и в течение многих месяцев мы не можем рассчитывать, со стороны русской армии, на ту активную поддержку, которой мы до сего пользовались... Кто займет место России, пока ее армии перевооружаются?»

«Как мы можем отплатить России за все, что она сделала для Европы?» — спрашивала «Times»².

Действительно, за 1915 г. Россия вынесла на себе главную тяжесть борьбы. К осени 1915 г. на Восточном фронте было сосредоточено 137 пехотных австро-германских дивизий и 24 кавалерийские; на Западном оставалось 85 пехотных и одна кавалерийская. За все лето никакие боевые действия на англо-французском фронте не доставили России того облегчения, которое русские армии принесли союзникам за первые месяцы войны³...

В стране (России. — Ю. В.) развивалась в спешном порядке военная промышленность; строились огромные новые казенные заводы, переоборудовались старые. С союзниками было достигнуто финансовое соглашение относительно оплаты больших заказов — преимущественно в Америке и в Англии.

Государь жил в Ставке, примерно раз в месяц приезжая на несколько дней в Царское Село. С Ним вместе большей частью находился Наследник Цесаревич. Все ответственные решения принимались Государем, который в то же время поручал Императрице поддерживать постоянные сношения с министрами и держать Его в курсе происходящего в столице...

Осенью 1915 г. в Царскую Ставку прибыл известный французский политический деятель Поль Думер, впоследствии президент

¹ Председатель кабинета министров Великобритании в годы мировой войны.

² Ведущая английская газета.

³ «Союзники России мало сделали для того, чтобы отплатить за русские жертвы, принесенные ради них в 1914 г.», — признает Британская Энциклопедия (Brit. Encycl., 14-е изд., статья World War).

республики; он настаивал на том, чтобы Россия присылала на Западный фронт по **40 000 человек в месяц**; их доставку и вооружение союзники брали на себя («Помогите нам чем вы богаты, помогите нам **людьми**», — говорил впоследствии А. И. Шингареву французский министр финансов Рибо).

Государь отклонил посылку крупных войсковых частей и согласился только отправить во Францию **символические** отряды — первая партия была намечена в 8000 человек. Такой жест подчеркивал солидарность союзников, не ослабляя в то же время многострадальный Восточный фронт...

«...В 1917 г., — говорил он (Шингарев. — Ю. В.), — мы достигнем апогея. Это год крушения Германии... Архангельская дорога перешита, Мурманская кончается осенью. Приходят все паровозы и вагоны из Америки, снабженные ружьями, патронами, тяжелыми снарядами. Количество бомб измеряется десятками миллионов».

Возражая Шингареву, Н. И. Астров сказал: «Объективное изображение не наше дело».

Целью записки (о положении армии. — Ю. В.) было показать, что при этом правительстве все должно пойти прахом. «Общественные организации» в политическом отношении вели упорную борьбу с властью, не особенно стесняясь в средствах...

А. Н. Хвостов¹ должен был уйти, так как проникся верой в значение «распутинской легенды» и увлекся мыслью ее уничтожить — при помощи уничтожения самого Распутина.

Тщательно подготовленная враждебными Государю кругами еще в 1911—1912 гг., эта легенда, как известно, приписывала Распутину огромное закулисное влияние на государственные дела, «на смену направлений и даже смену лиц», выражаясь словами Гучкова, одного из главных творцов этой легенды (если не главного)... Эта пропаганда, которая велась умело и упорно, находила немало легковых слушателей (да почти вся Россия слушала жадно и гневно. — Ю. В.)...

Можно сказать, что в это трудное время свой долг до конца исполнили те министры, которые нашли в себе нравственную силу **игнорировать не столько самого Распутина** — это было сравнительно легко, — **сколько распутинскую легенду**; которые служили своему Государю так, как будто никакого Распутина на свете не было. К чести русского служилого сословия, таких министров оказалось **большинство**. Это, впрочем, не мешало кругам, враждебным власти, приклеивать кличку «распутинцев» чуть ли не ко всем неугодным для них государственным деятелям...

Начальник штаба ген. М. В. Алексеев выработал смелый стратегический план, который был доложен ген. С. Г. Жилинским на

¹ Министр внутренних дел, уволенный в отставку в середине марта 1916 г.

совещании представителей союзных штабов в Шантильи в декабре 1915 г. По алексеевскому плану, союзники должны были в 1916 г. предпринять общее наступление на Венгрию — русские со стороны Карпат, англо-французская (и сербская) армия — от Салоник, — с тем чтобы «встретиться в Будапеште»; такой удар лишил бы Германию всех ее союзников и отрезал ее от источников снабжения. План этот был отвергнут союзниками, продолжавшими считать французский флот главным, а остальные вспомогательными. Вместо этого было решено, накопив силы, одновременно начать наступление на Западном и на Восточном фронтах в середине лета 1916 г.

Немцы, однако, предупредили это наступление, начав уже в феврале атаку против Вердена. В разгар первых боев на верденском фронте, русская армия — впервые после отступления 1915 г. — проявила наступательный почин в районе озер Нароч и Вишневское к югу от Двинска (бои шли с 5 марта по 17 марта). Это пробуждение русской армии настолько обеспокоило немцев, что они примерно на неделю приостановили свои атаки против Вердена, пока не убедились, что это операция местного значения.

Пока под Верденом продолжалась изнурительная борьба, истощившая резервы обеих сторон — французы несли не меньшие потери, чем немцы, — австрийский главнокомандующий Конрад фон Гетцендорф предпринял смело задуманный поход на Италию. Австрийские войска, наступая из Южного Тироля, продвигались к равнине реки По и грозили отрезать от базы все главные итальянские силы, боровшиеся в горах Карсо, на путях к Триесту.

Как и в 1914 г., союзники обратились к России — и русская армия, пополнившая свои потери, значительно усилившаяся количественно, если не качественно, снова, ранее намеченного срока, перешла в наступление.

22 мая армии Юго-Западного фронта под начальством ген. А. А. Брусилова (который незадолго перед тем сменил ген. Иванова) прорвали в нескольких местах неприятельский фронт на Волыни и в Галиции и начали быстро продвигаться вперед, занимая города Луцк, Дубно, захватывая сотни тысяч пленных.

Блестящая русская победа над австрийцами сразу же ликвидировала итальянский поход ген. Конрада фон Гетцендорфа, который к тому же был обвинен в том, что не предусмотрел русского наступления; он вынужден был сложить командование. Италия была спасена от страшной угрозы. Но «брусиловское» наступление отразилось и на бое под Верденом: немцы вынуждены были спешно отправить подкрепления на Восточный фронт и у них больше не осталось резервов для продолжения верденской «борьбы на истощение».

Русская победа на Волыни была первым крупным успехом союзников после долгой полосы неудач...

Наступление на Юго-Западном фронте успешно развивалось; из Волыни оно распространилось на Галицию и Буковину. Уже за первые три недели наступления число пленных (главным образом австрийцев) превысило 200 000.

Атака под Верденом прекратилась. Союзники в свою очередь перешли в наступление на Сомме; они продвигались вперед очень медленно, с огромными жертвами... но все же продвигались. Если немцам удалось предотвратить одновременное общее наступление союзников — они уже не могли помешать тому, что к середине лета инициатива попала в руки их противников: на обоих фронтах Германия вынуждена была перейти к обороне...

В двух вопросах — польском и еврейском — русская политика, быть может, не удовлетворяла союзников, но такт и лояльность не позволяли им вмешиваться во внутренние вопросы русской жизни. Как русскому правительству не приходило в голову советовать Англии ввести гомруль¹ для Ирландии или Франции — отменить закон против монашеских орденов, так и союзные правительства не считали уместным требовать от России каких-либо внутренних реформ...

Некоторые английские финансовые круги с лордом Ротшильдом во главе с самого начала войны пытались добиться через русского посла в Лондоне, графа Бенкендорфа, изменения законов относительно евреев; но Государь тогда же — осенью 1914 г. — категорически запретил давать какие-либо обещания. Указания в этом смысле повторялись затем неоднократно.

Когда русская парламентская делегация была в Лондоне, ее председатель А. Д. Протопопов, несколько смело заверил лорда Ротшильда на одном банкете, что еврейское равноправие будет вскоре осуществлено в России. По возвращении в Петроград А. И. Шингарев сделал 19 июня доклад в военно-морской комиссии, в котором доказывал, что в целях облегчения выпуска союзных займов в Америке необходимо провести реформы в пользу евреев; известный банкир Яков Штифф, считавшийся германофилом, обещал в таком случае сам выпустить заем для русского правительства...

Такая постановка вопроса вызвала возмущенный протест представителя правых Н. Е. Маркова (в Думе. — Ю. В.). «Вопрос ясен: Его еврейское величество Яков Штифф приказывает союзникам заставить Россию провести внутри своего государства желательные Его величества реформы... Нам приказывают... Вы ведь не говорите, что Яков Штифф прав, а вы говорите, что иначе вам не дадут денег. Значит, вам приказывают, иначе вас заставят...»

А. И. Шингарев счел нужным подчеркнуть, что его доклад — только изложение фактов, а не его собственные аргументы. «Я такого аргумента не могу вынести, что под давлением требований Россия должна уступить...»

Государь продолжал считать, что всякие внутренние реформы должны быть отложены до окончания войны (автор книги заме-

¹ Самоуправление.

чает, что, по существу, равноправие — и даже более того — было; например, в 1916 г. на 1-й курс медицинского факультета Одесского университета поступило 586 человек, из них — 390 евреев! — Ю. В.). Он был уверен, что союзники сами слишком заинтересованы в безопасности России, чтобы из-за «еврейского вопроса» задерживать поставку военного снабжения...

Русская Императорская власть, оглядываясь на год упорной работы, могла с гордостью убедиться в том, как много переменялось за 15 месяцев. Не только не было уступлено пяди русской земли, но, наоборот, у врага удалось отвоевать широкую полосу территории на Волыни, в Галиции и Буковине (площадью около 30 000 кв. верст). На Кавказе русская армия глубоко проникла в пределы Турции, на Анатолийское плоскогорье. Почти вся Армения была в русских руках. Было захвачено около миллиона пленных, преимущественно австрийцев (общее число пленных приблизилось к 2 млн. — Ю. В.)...

Уже во время кампании 1916 г. армия была снабжена **удовлетворительно**. К концу 1916 г. **производство военного снабжения увеличилось в огромных, поразительных размерах**. Производство ружей **удвоилось** против 1914 г. ...производство пулеметов возросло в **шесть раз**, для легких орудий отмечалось увеличение в **девять раз**... для 3-дюймовых снарядов — в **шестнадцать раз**. В **четыре раза** возросло производство тяжелых орудий, **утроилось число аэропланов** (716 против 263)...

«Мало эпизодов Великой Войны, — писал У. Черчилль, — более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 г. Это был последний славный вклад Царя и русского народа в дело победы... К лету 1916 г. Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной, которая в течение 1915 г. пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно сумела собственными усилиями и путем использования средств союзников выставить в поле — организовать, вооружить, снабдить — 60 армейских корпусов вместо тех 35, с которыми она начала войну...»

Но русская власть никогда не отличалась умением саморекламы, и это в особенности давало себя чувствовать осенью 1916 г. Огромное большинство населения **совершенно не отдавало себе отчета в гигантских достижениях этого года**. Правда, многие цифры в это время составляли военную тайну. Население не отдавало себе ясного отчета в том, что плугов, как и гвоздей, не хватало, так как почти все железо шло на военное снабжение. Оно не знало, что армия — возросшая до **восьми миллионов**, включая тыловые части, — поглощала от двух третей до трех четвертей всего русского производства тканей. Сочувственно внимая лозунгу «все для войны», население не в достаточной мере сознавало, что этот лозунг сулил суровые ограничения для тыла.

Осень третьего года войны была порой упадочных настроений. Как всегда, немалую роль в том играли события на фронте. Успехи первой половины лета забывались быстро; фронт опять застыл на месте, а в то же время шли бои более кровавые, чем в 1915 г. Кампания 1916 г. обошлась русской армии в два миллиона человек — притом пленные в этой цифре составляли уже не 40 проц., как при великом отступлении, а всего 10 проц. С Западного фронта доходили вести о таких же тяжелых потерях, о таком же «топтании на месте».

Казалось, что войне не будет конца; что Германия окончательно справилась с продовольственными затруднениями, на которые так надеялись весной 1915 г. В рабочей, в студенческой, в полунинтеллигентской среде все более распространялось циммервальдское воззрение: это империалистическая война, ее надо прекратить...

Никакая пропаганда не могла преодолеть эту усталость от войны; побороть ее — на известный срок — могла только железная дисциплина, только строгая цензура. Только царская власть, только твердая власть могла сдержать, затормозить эти явления распада...

Россия была больна войной. Все воюющие страны в разной степени переживали эту болезнь. «Везде, в парижском населении и в Палатах (парламента. — Ю. В.), чувствуется смутное беспокойство. Пораженцы с каждым днем выигрывают почву. В воздухе носятся подозрительные миазмы», — отмечал (6.XI — 24.X.1916) президент Пуанкаре¹. Но русское общество вместо того, чтобы осознать причины неудачи, прониклось убеждением, будто все дело — в недостатках власти...

А. И. Гучков (в августе 1916 г.) писал ген. Алексееву: «Власть гниет на корню...» А. И. Гучков, конечно, не мог не знать фактических огромных достижений 1916 г., но в своей пропаганде против власти на самых верхах армии он, очевидно, настолько же мало стремился к объективности изображения, как и «общественные организации»...

«Уверенность в измене родины ее официальных вождей крепла и становилась всеобщей...»

«Темных сил» не было. В эту тяжелую годину русской жизни Россией правил сам Государь. Никто ему не «нашептывал»; никто на него не влиял; «темные силы» были плодом клеветы или больного воображения. О них твердили везде и всюду, но, когда нужно было указать, кто же именно эти «темные силы», — либо повторяли: «Распутин», либо произносили случайные имена людей, не имевших на самом деле никакого влияния (Гучков впоследствии договорился до каких-то «темных биржевых акул»).

Но эти два призрака возникли не случайно; это были орудия борьбы определенных кругов. В «революционной ситуации» 1916 г.,

¹ Президент Франции в 1913—1920 гг.

кроме стихийных факторов, проявилась также борьба двух сознательных волей.

На одной стороне был Государь Император Николай Александрович. Он твердо верил, что России нужна сильная Царская власть; Он был убежден, что **только такая власть** может вывести Россию на путь победы. Он был почти одинок в этом убеждении; верной подругой и помощницей Ему была Государыня, как и Он проникнутая верой в историческую миссию Царской власти, — верой, которую Он сумел в Нее вселить. Государь не считал возможным идти в уступках **дальше известного предела**; Он не считал себя вправе в военную бурю отдать государственную руль в другие руки; Он не верил, что эти другие справятся.

На другой стороне была группа людей, знавших, что, пока у власти Император Николай II, Россия останется в основе самодержавной монархией, хотя бы с частичными ограничениями полномочий власти. И эти люди поставили себе задачей — **сменить Царя**. Они использовали войну как удобную обстановку для борьбы, ведшейся уже ранее.

«К вопросу об отречении Государя я стал ближе не только в дни переворота, но задолго до этого, — свидетельствует А. И. Гучков. — Когда я и некоторые мои друзья в предшествовавшие перевороту месяцы искали выход из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях, в смене состава правительства, в обновлении его общественными деятелями, обладающими доверием страны, — в этих условиях **выхода найти нельзя**, что надо идти **решительно и круто**, идти в сторону **смены носителя Верховной власти**. На Государе и Государыне и тех, кто неразрывно с Ними был связан, на этих головах накопилось так много вины перед Россией, **свойства их характеров не давали никакой надежды ввести их в здоровую политическую комбинацию**; из всего этого для меня было ясно, что Государь должен покинуть престол».

Распутинская легенда, кампания против «немки», ураганный огонь клеветы по отдельным министрам: все это были только маски, за которыми скрывалась истинная цель — свержение Самого Монарха. Конечно, лишь немногие поставили себе эту цель так открыто и так заранее, как А. И. Гучков и «некоторые его друзья». Даже партия к.-д., с П. Н. Милюковым, не преследовала эту цель столь определенно (однако, например, князь Львов, судя по некоторым его заявлениям, был близок к позиции Гучкова).

«Николай II в глубокой скорби оставался непоколебим. Он видел так же ясно, как и другие, возраставшую опасность. Он не знал способа ее избежать. По Его убеждению, только самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям. Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом свое строение... Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей самодержавной власти — в глазах Царя это значило вызвать немедленный развал. Досужим критикам,

никогда не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитать упущенные возможности. Они говорят как о чем-то легком и простом о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе от самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю... **Самое негибкость строя придавала ему мощь** (выделено мною. — Ю. В.)... Самодержавный Царь, какие бы ни бывали прискорбные упущения, **повелевал Россией...**» — пишет английский парламентский деятель Черчилль в своей книге о войне на Восточном фронте...

Государь не верил, что его противники совладают с положением: Он поэтому до последней минуты старался удержать руль в **Своих** руках. Когда такая возможность **отпала** — по обстановке было ясно, что Он находился уже в плену (под Псковом, на станции Дно, в часы отречения. — Ю. В.), — Государь пожелал по крайней мере сделать все, чтобы со своей стороны облегчить задачу своих преемников (то было одно из высших проявлений благородства и долга, известных истории. — Ю. В.). Он назначил намеченного Думским Комитетом ген. Л. Г. Корнилова командующим войсками Петроградского округа. Он подписал указ о назначении князя Львова председателем Совета Министров. Он назначил Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. Он, наконец, составил обращение к войскам, призывая их бороться с внешним врагом и верно служить новому правительству...

Государь дал своим противникам все, что мог: они все равно оказались бессильными перед событиями. Руль был вырван из рук державного шофера — автомобиль рухнул в пропасть...

Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II было то, что Он, при невероятно тяжелых условиях, довел Россию до порога победы: **Его противники не дали ей переступить через этот порог** (выделено мною. — Ю. В.)...

Но всего ярче о том же свидетельствует Черчилль (бывший в момент революции английским военным министром) в своей книге о мировой войне):

„Ни к одной стране судьба не была столь жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она (Россия. — Ю. В.) уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией — и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем

фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы...

В марте (1917 г. — Ю. В.) Царь был на престоле, Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа беспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна... Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусилковские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было Его (царя. — Ю. В.) доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, тот строй, который в Нем воплощался, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами Он придавал жизненную искру, к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; Его действия осуждают; Его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, как древле Ирод, пожираемая червями“».

Загнали в землю Отца земли Российской, да не одного, а с женой и детьми, — и нет у нас для них даже просто скорбного слова. Все на весах взвешиваем, что чего перевешивает: добро иль зло. Ни души, ни доброй памяти... В укор нам, русским, слова Черчилля. Есть, оказывается, такие слова...

Ну что еще добавить? Те черви и донныне пожирают Россию.

Сомнений быть не может: за революционной Россией хищно таились иностранные капиталы, черно густилась ненависть к великой славянской державе, ставшей матерью для десятков народов. Свое сокрушение России эти тайные силы повели задолго до мировой войны. Война дала им прекрасную возможность взять власть. Народ стонал от горя и бед — такова любая война.

И наконец, большевизм, опять-таки используемый темными силами, превратил Россию в застенок и юдоль печали, надрыва, истеричного самоистребления людей. А теперь именем демократии и прогресса происходит расчленение и дележ России.

Народ же безмолвствует.

Как доказывает и неоспоримо свидетельствует история, без вождя этот народ не выявляет свои великие качества. Нет вождя, которому народ поверил бы и за которым пошел, — и народ недвижим.

Злые, черные вихри задувают на просторах Руси.

«...Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2, 11).

Зло при разрушении государства и подавлении народа грабежом, обманом и оружием не может быть изгнано, стерто без отпора силой — это высший долг государственной власти, стоящей на страже покоя своего народа.

Добро должно оберегать свои пределы святым словом и увещанием, но в руке у него должен быть обнаженный меч. Меч защитника чад своих — всего народа.

Так и смыкаются два мира — тьмы и света. И тьма все время стремится поглотить свет. И у света, добра всегда на страже свои воины. Одежды их белые, ибо обрекают они себя на муку ради света и добра.

«...И вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей» (Откр. 6, 5).

Так всегда было: кто дает свет и ласку — того убивают. Поэтому на нем одежды белые...

Глава II

СТОЛЫПИН

2 августа 1917 г. Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного правительства допросила Александра Ивановича Гучкова. Показания пронизательного и решительного политика, каким являлся Гучков, рисуют верхи правящей России и дают оценку реформам и самому Столыпину несколько иначе, чем общепринятая их характеристика.

«Не может быть сомнения в том, что правительство, даже в лице Столыпина, хотя оно и расходилось с требованиями радикальных кругов русского общества, все-таки ставило себе задачи, и, если бы эти задачи были разрешены в том смысле, как оно их себе ставило, они привели бы к значительным улучшениям в нашем государственном и хозяйственном строе. Но здесь точно так же мы замечаем ту же борьбу закулисных влияний с видимыми носителями власти, и по мере того, как страх перед переворотом отходит в область истории (подавление революции 1905—1907 гг. — Ю. В.), крепнут и растут эти элементы реакции. Здесь определяются как бы три гнезда этих реакционных сил: во-первых, то, о чем я уже упомянул, — придворные сферы — камарилья; во-вторых, группа бюрократов, которые устроились в виде правого крыла в Государственном совете, и, в-третьих, находящееся уже вне законодательных учреждений и пребывающее в общественных кругах так называемое объединенное дворянство... Таким образом, видимой власти Столыпина приходилось вести тяжкую борьбу и сдавать одну позицию за другой. Это была ошибочная политика компромисса, — политика, стремящаяся путем взаимных уступок добиться чего-нибудь существенного... В сущности, Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти. Как это было ни странно, но человек, которого в общественных кругах привыкли считать врагом общественности и реакционером, представлялся, в глазах тогдашних реакционных кругов, самым опасным революционером. Считалось, что со всеми другими, так называемыми революционными силами легко справиться (и даже, чем они левее, тем лучше) в силу неосуществимости тех

мечтаний и лозунгов, которые они преследовали, но когда человек стоит на почве реальной политики — это считалось наиболее опасным. Потому и борьба в этих кругах велась не с радикальными течениями, а главным образом с целью свергнуть Столыпина, с ним вместе и тот минимум либеральных реформ, который он олицетворял собою. Как вы знаете, убить его политически удалось, так как влияния на ход государственных дел его лишили совершенно; через некоторое время устранили его и физически... Вскоре после смерти Столыпина мне удалось ближе подойти к так называемым темным силам; их присутствие было мне раньше известно, но не так они были для меня ясны и не так конкретно они мне являлись.

Только уже после его смерти всплыли передо мной все те имена, которые потом стали известны всей России и, вероятно, точно так же составляют предмет вашего (т. е. комиссии. — Ю. В.) обследования: «старец» Григорий Распутин, Вырубова, Танеев, князь Андронников и вся эта компания. Я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможности мирной эволюции для России. По мере того как он политически мало-помалу умирал, для меня становилось все яснее, что Россия ходом вещей будет вытолкнута на второй путь, — путь насильственного переворота, разрыва с прошлым и, как бы сказать, скитания без руля, без компаса, по безбрежному морю политических и социальных исканий... Переговоры мои с представителями правительства, и в частности с В. Н. Коковцевым, убедили меня в том, что если еще покойный Столыпин пытался бороться с этими силами, то новые представители власти либо капитулировали перед ними и пошли по их указкам, либо вовсе не рисковали бороться с ними. Тогда-то, если припоминаете, я внес в Думе запрос о Распутине и о деятельности темных сил, после чего мне один из министров передал, как высочайше заявлено ему было, что «Гучкова мало повесить» («высочайше» — значит, императором или императрицей. — Ю. В.). Я тогда на это ответил, что моя жизнь принадлежит моему государю, но моя совесть ему не принадлежит и что я буду продолжать бороться. Я помню, что за несколько недель и даже месяцев перед переворотом (Февральская революция. — Ю. В.) мне пришлось, в Особом совещании по государственной обороне, говорить на эту тему, и, указывая на некоторые конкретные промахи власти, я закончил свою речь в заседании, которое было под председательством генерала Беляева, приблизительно такими словами: я сказал, что если бы жизнью нашей армии, нашей внутренней жизнью руководил германский генеральный штаб, то, вероятно, он не создал бы ничего, кроме того, что создала наша русская правительственная власть, что все те элементы, которые какой-нибудь немецкий химик мог бы намешать в нашу жизнь, чтобы вызвать взрыв, — все они внесены самой правительственной властью... я считал его настолько назревшим и исторически необходимым, что при первых признаках вполне поверил в его неотвратимость и, как вы знаете, присоединился к тем деятелям, которые стали около событий в дни переворота...»

Тут честнейший Александр Иванович лукавит, и не только лукавит, но и рулит против истины, пользуясь совершеннейшей тайной, которая окутывала его собственную работу по подрыву доверия, расшатыванию устоев власти с последующим сокрушением ее. Все это в значительной мере так и осталось тайной, но кое-что «повылезло из мешка» на свет Божий. И деятельный Александр Иванович (внук крепостного мужика) не предстает столь наивно прекраснодушным обличителем пороков власти, пламенным патриотом, изнывающим в бессильных потугах нейтрализовать эти самые пороки. Нет, все это в нем есть, то есть было. Но Александр Иванович свыше десятилетия отдал себя сколачиванию тщательно законспирированной, совершенно секретной всероссийской организации, проросшей, согласно традициям фронды и якобинства, из масонских лож.

Александр Иванович лукавит: он клеймил пороки, намеренно преувеличивая их пагубность для России. Он всячески будоражил, растревлял общество, сводил к презрению отношение к престолу и власти. По сути, вел загон на последнего русского самодержца.

Он сие организовывал и осуществлял, как и десятки, сотни его влиятельных единомышленников, не обиженных ни капиталом, ни должностями, а нередко и древностью рода.

Он и тысячи членов организации по всем заметным городам любовно «мастерили» крушение монархии. Идею монархии, самого царя и царицу и все, что им служило, в том числе и армию, валяли в мрази сплетен, топили в стыдных, грязных газетных намеках, публикациях на манер «Господ Обмановых» Амфитеатрова.

Этот внук крепостного раба (Гучков) предстает отнюдь не таким витязем возвышенных гражданских добродетелей, а скорее хищным орлом, даже не о двух головах, а о множестве мощноклювых, безжалостных голов, каждая из которых имела касательство к важнейшим отраслям жизни государства.

Нет, государь не токмо сам подвигался к пропасти — его к ней еще и вели, а порой и грубо подталкивали. И делали это хитро, жестко, сладкоречиво и в то же время гневно-крикливо, оплетая каждый такой шаг к пропасти роем слов о любви к народу и Отечеству. Это был загон — и этим все молвлено.

Два пути стояло перед каждым русским.

Можно было устранять несовершенство государства, укрепляя его, а можно — увеличивать слабость, дабы в конце концов сломить его. Здесь стерегли свой час гучковы, керенские, ленины, троцкие... Россия же истекала кровью...

Было два пути.

Гучков и весь «февральский» блок еще за много лет до революции вступили на путь сокрушения России. Им светило, что таким образом она станет мощнее и крепче. Но государь, и монархия, и дворянская держава, а за ними и вся тысячелетняя Русь рухнули в пропасть.

Отцы февральского переворота и вся их говорливая братия отравились доживать свои дни в Европу и Америку. Свое дело они совершили — двуглавый орел втопан в грязь...

Лев Николаевич Толстой писал Столыпину не раз. Одно из писем весьма примечательно и свидетельствует не столько об определенных взглядах писателя, сколько о подоснове определенных настроений в России. Это те самые взгляды писателя, которые дали основание Ленину назвать его зеркалом русской революции. Письмо дает понимание не только трагедии семнадцатого года, но и многих последующих.

Беловик письма Лев Николаевич написал 26 июля 1907 г. в Ясной Поляне.

«Петр Аркадьевич!

Пишу Вам не как министру, не как сыну моего друга, пишу Вам как брату...

Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли...

Нужно теперь для успокоения народа не такие меры, которые увеличили бы количество земли таких или других русских людей, называющихся крестьянами (как смотрят обыкновенно на это дело), а нужно уничтожить вековую, древнюю несправедливость...

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать *права* одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать *права* одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли или не будет это установлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не должна, не может быть собственностью отдельных людей точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждающие рабство, все знали, что этого не должно быть...

В том, что все революционное раздражение держится, опирается на недовольство крестьян земельным устройством, кажется, не может быть сомнения. А если это так, то не сделать того, что может уничтожить это раздражение, вынув почву из-под ног революционеров, значит, имея в руках воду, которая может потушить зачинающийся пожар, не вылить ее на огонь, а пролить мимо и заняться другим делом...

Пишу Вам, Петр Аркадьевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга...

Да, любезный Петр Аркадьевич, хотите Вы этого или нет, Вы стоите на страшном распутье: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идете — дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха, другая дорога — дорога благородного усилия, напряженного осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей. Неужели возможно колебание? Дай Бог, чтобы Вы выбрали последнее...

Пожалуйста, простите меня, если Вам покажутся резкими выражения этого письма. Я писал его от души, руководимый самым хорошим любовным чувством к Вам.

Лев Толстой».

В одном из черновых набросков письма Лев Николаевич выражает свои взгляды еще более определенно:

«Передовые либеральные социалисты и анархисты должны понять, что, как бы ни сложилось в будущем общественное устройство, уничтожение земельной собственности есть *первая* настоятельная мера, без исполнения которой невозможно никакое изменение к лучшему общественной жизни».

Надо полагать, именно эту мысль Льва Николаевича Ленин ухватил в первую очередь. Ранняя смерть не позволила развернуть вождю социалистические заветы великого Толстого. У Сталина времени оказалось достаточно. Он и согнал крестьян с земли, соединив в колхозах. Общая земля, и труд — общий...

Петр Аркадьевич ответил Толстому через три месяца — 23 октября того же года:

«Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство... Нельзя любить чужое наравне со своим, и нельзя обихаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землею. Искусственное в этом смысле оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному, главное, к бедности... А бедность, по мне, худшее из рабств... Смешно говорить этим людям о свободе или свободах. Сначала доведите их уровень благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным.

А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, т. е. при наличии права собственности на землю... Теперь я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитой элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность».

Из далей канувших в вечность времен до нас долетает и голос Сергея Дмитриевича Сазонова:

«Я глубоко убежден, что крушение Русской Государственности могло произойти только благодаря тому, что Россия, с начала европейской войны, оказалась поставленной в условия несравненно худшие, чем ее союзники. Борясь плечом к плечу с ними, она несомненно с успехом выполнила бы выпавшую на ее долю громадную задачу. Она была лишена главного элемента успеха, давшего ее союзникам победу: тесного слияния и сплоченности между собою и общности материальных средств. Торжество русской революции есть прежде всего результат народного разочарования, перешедшего затем в безнадежность и отчаяние. Этому способствовали еще и другие причины, но они были сами по себе недостаточны, чтобы совершилось преступное и безумное дело разрушения Русского Государства, в существе своем здорового и жизнеспособного и нуждающегося лишь в разумных реформах для приспособления его к требованиям и духу времени.

Основная мысль, заложенная Столыпиным в его преобразование, исходила из этого убеждения. Он начал их постепенным раскрепощением крестьянского населения, не освободившегося еще от оков общинного землевладения. Этой существенной реформой подводилось здоровое и прочное основание под здание русской государственности. Революция, уже раз в 1906 году сломленная Столыпиным, увидела наступающую для нее смертельную опасность и рукою Богрова свалила этого благороднейшего сына России. Принято говорить, что нет людей незаменимых. Но Столыпина у нас никто не заменил, и революция, среди тяжелой нравственной и материальной атмосферы войны, восторжествовала. Пока я пишу эти строки, передо мною живо встает величавый в своей силе и простоте образ Столыпина, и мне припоминаются неоднократно слышанные от него слова: для успеха русской революции необходима война. Без нее она бессильна. В 1914 году мы получили эту войну, а после трех лет тяжелой борьбы, которую нам пришлось вести одиноким и отрезанным от общения с нашими союзниками, к нам прибыла из Германии и революция в лице Ленина и его сообщников, отдавшая себя на служение нашим врагам и радостно принятая ими как желанная сотрудница».

И еще одно свидетельство — В. Б. Лопухина, крупного царского дипломата, представителя русской знати:

«Справедливости ради, позволю себе еще отметить одно его (Столыпина. — Ю. В.) качество, как хотите, привлекательное в сознании человечества поныне с самых отдаленных времен. Это — бесстрашие... Бесстрашен был и перед царем, и в начавшейся борьбе с Распутиным, а также чиновною и придворною оппозициею. В начале 1911 г. Столыпин достиг кульминационного предела своего возвышения... Столыпин с помощью вновь назначенного в 1910 г. синодального обер-прокурора С. М. Лукьянова разоблачил в Распутине развратного хлыста, чья близость к царской семье представля-

лась недопустимой, помимо его низостей и грязи, еще по причине предпринятой им торговли своим влиянием при дворе, выражавшейся в проведении за соответствующую мзду ряда постыдных дел и в устройстве на разные посты мерзавцев и проходимцев. И настоял на удалении Распутина. Последний должен был выехать на родину, в Сибирь. За разоблачение и удаление Распутина, вскоре, впрочем, возвращенного отправившегося за ним А. А. Вырубовою, возненавидела Столыпина царица. И еще разожгла неприязнь царя к премьеру...»¹

Петр Аркадьевич Столыпин появился на свет в старинной дворянской семье спустя год с небольшим после отмены крепостного права — 2 апреля 1862 г.

Это его отец, Аркадий Столыпин, доставил из осажденного Севастополя важное известие: страшный штурм английских, французских, итальянских и турецких войск отбит². Еще не минуло и полугода с восшествия на престол молодого императора Александра Второго. Мы читаем в дневнике князя Д. А. Оболенского:

«Удачно отбитый 6-го числа штурм в Севастополе очень всех порадовал... Эта первая удача сильно возвысила дух гарнизона. Что за собрание героев!.. С известием об отбитии штурма приехал Аркадий Столыпин. Он говорит, что положение Севастополя, несмотря на последнюю удачу, весьма опасно. Недостаток у нас в людях и в порохе. Неприятель тоже, по-видимому, не имеет во всем полного довольства и, кроме того, так же как и мы, делает ошибки».

Этот неудавшийся штурм произвел ошеломляющее впечатление на французов и англичан. В письме к другу адъютант английского генерала Коллина писал из-под севастопольских редутов:

«Я не могу поверить, что какое бы то ни было большое бедствие может сломить Россию. Это великий народ; несомненно, он не в нашем вкусе, но таков факт. Никакой враг не осмелится вторгнуться на его территорию, если не считать таких ничтожных кусочков, какие мы теперь заняли (то есть клочок суши, захваченный англичанами, французами и турками возле Севастополя. — Ю. В.)...»

Молодой Столыпин окончил Петербургский университет и 22 лет начал службу царю и престолу в Министерстве внутренних дел. В 37 лет Петр Аркадьевич — губернский предводитель ковенского дворянства, с 1902 г. — губернатор Гродненской губернии. С февраля 1903-го по апрель 1906-го — губернатор Саратовской губернии. Петр Аркадьевич проявляет твердую решимость в подавлении крестьянских волнений, за это удостоивается всемиловитейшей благо-

¹ Лопухин В. Б. Люди и политика. — «Вопросы истории», 1966, № 9—11.

² В свою очередь 21 ноября 1855 г. в Петербург курьером из осажденного Севастополя прибывает с донесением о действии артиллерии в день штурма и Лев Николаевич Толстой.

дарности государя императора. 26 апреля следует назначение министром внутренних дел, а 8 июля того же года одновременно — и председателем Совета Министров. Столыпин не колеблясь разгоняет II Государственную думу и 3 июня 1907 г. основательно изменяет избирательный закон. Это ему принадлежат слова: «Сначала успокоение, а потом реформы».

Анархисты взрывают его дачу под Петербургом, тяжелое ранение получает старшая дочь. Сам Столыпин невредим.

К 1911 г. Николай Второй уже не дает себе труда скрывать жгучую неприязнь к Столыпину. Воля, ум председателя Совета Министров чрезвычайно уязвляют самолюбие августейшего повелителя: нет, разумеется, не поведение Петра Аркадьевича, а государственная крупность, так сказать, в чистом виде.

43-летнему, уже достаточно искушенному и в управлении империей, и в житейских делах Николаю Александровичу Романову как-то не приходит в голову, чем он обязан этому сдержанному, спокойному человеку. Ведь в энергичном и беспощадно-умелом отражении натиска первой русской революции (1905—1907) основная заслуга Столыпина. Он в некотором роде спаситель престола. Именно его предприимчивостью и талантом администратора и политика замирена необъятная империя. Теперь надлежит уничтожить корень зла — источник постоянных волнений в стране. И Петр Аркадьевич приступает к реформам. Он ставит целью преобразование экономики сельского хозяйства, где крестьянину уже отводится совершенно новая роль. Реформы проходят туго, часто ощипанными, но дело подвигается.

В конце августа — начале сентября 1911 г. в Киеве торжества по случаю введения земств в шести западных губерниях, открытия памятника «отцу земств» Александру Второму и восстановленной церкви XII века в Овруче, а в заключение — маневры войск Киевского военного округа и парад, а затем уже поездка в Чернигов.

За полицейско-охранное обеспечение торжеств нес ответственность товарищ (заместитель) министра внутренних дел П. Г. Курлов. Его помощниками были вице-директор департамента полиции М. Веригин и А. Курлов (кузен товарища министра внутренних дел). Дворцовый комендант В. Дедюлин направил в Киев нашего знакомого — Александра Ивановича Спиридовича, в ту пору полковника, начальника охраны государя императора. Сам государь император весьма благоволил к Александру Ивановичу. В Киев было стянуто около 2 тыс. агентов охраны (по нынешним масштабам, цифра, конечно, срамная; расцвет этой службы весь еще впереди, за гребнем семнадцатого года). Поставил на ноги всю киевскую полицию и ее начальник полковник И. Н. Кулябко (кстати, женат был на родной сестре Спиридовича). Принимал гостей генерал-губернатор киевский, волынский и подольский Ф. Ф. Трепов (один из четырех братьев Треповых). Кстати, он оказался единственным, кто оказывал всяческую помощь уже почти опальному главе правительства.

Петр Аркадьевич прибыл в Киев в ночь с пятницы на субботу (с 26 на 27 августа). На вокзале его встретили только Трепов и Курлов. Это уже свидетельствовало о неотвратимо близкой отставке. Толпа чиновников высших рангов обычно сопутствует появлению главы правительства. Столыпин соглашается остановиться у Федора Федоровича Трепова.

28 августа Столыпин на богослужении в честь прибывшего помазанника Божьего с его двумя дочерьми. Императрица Александра Федоровна, недомогая, предпочла остаться в Царском. Город переполняет петербургская чиновничья знать, титулованные особы, и первый среди них — наследник болгарского престола Борис. Он вступит на болгарский трон совсем скоро — в 1918 г. — год убиения хозяина торжества с его семейством.

30 августа все собираются на открытии памятника Александру Второму.

Столыпин переживает унижения. Его «забыли» обеспечить придворным выездом, не пригласили на пароход — 4 сентября Николай Второй наметил для посещения Чернигов.

В эти дни в охранное отделение к полковнику Кулябко поступают данные о задуманном покушении на председателя Совета Министров. Источник информации — агент охраны Д. Г. Богров по кличке Аленский.

31 августа в Купеческом саду — гулянье. Около 6 тыс. киевлян могут лицезреть своего августейшего повелителя с дочерьми. Петр Аркадьевич возвращается с гулянья невредимым, хотя более выгодных условий для убийства быть не может: безлунная ночь, скудное освещение и сразу за парком — откосы Днепра в зарослях кустарника. Бродит среди публики и Богров. В кармане — браунинг. Он только один знает в лицо заговорщиков, только он может подать команду и обезвредить преступников.

1 сентября Его величество государь император отбывает маневры. Трепов обязан сопровождать его. Перед отъездом Трепов предупреждает Столыпина о готовящемся покушении и просит соблюдать предельную осторожность.

После маневров и парада в театре — «Сказка о царе Салтане». К девяти вечера гости заполняют театр. Петр Аркадьевич в первом ряду среди других министров и первых сановников империи. В этом же ряду — генералы Дедюлин, Курлов, Трепов, командующий Киевским военным округом генерал Иванов (он самый, Николай Иудович) и др.

В своей ложе — Его величество государь император и две его августейшие дочери-княжны, с ними — будущий болгарский царь Борис.

36 билетов получены охранным отделением для своих агентов, среди них и Богров — лишь он видел заговорщиков. Вся надежда полиции на Аленского.

После второго акта, около половины двенадцатого ночи, Петр Аркадьевич не покинул зал с большинством публики. Он стоял,

слегка опершись на рампу, лицом к залу. Смерть уже начала счет последним мгновениям его жизни. Петр Аркадьевич беседует с бароном Фредериксом, военным министром Сухомлиновым и графом Ю. Потоцким.

В 18-м ряду поднимается Богров и не спеша направляется к Столыпину. В трех шагах от сановников он останавливается, вынимает из кармана руку, в руке — черный вороненый браунинг. Богров вытягивает руку и дважды стреляет в Столыпина.

Одна из пуль попадает в запястье, другая — в крест ордена св. Владимира и, срикошетив, под крутым углом входит в грудную клетку, поражая плевру, диафрагму и печень жертвы, не задевая, однако, ни кишечника, ни других самых важных жизненных органов, в том числе и крупных сосудов. В общем, надежда выжить при подобном ранении достаточно велика.

Петр Аркадьевич не падает и не стонет. Он лишь машинально вытирает кровь на фраке и начинает медленно оседать на паркет. Все эти мгновения зал поражен оцепенением.

Советский писатель Константин Георгиевич Паустовский оказался свидетелем покушения и поведал о нем в своих воспоминаниях «Повесть о жизни», глава из которой («Корчма на Брагинке») удостоилась похвалы великого Бунина. Он написал, что этот рассказ (глава из книги) «принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы».

Обратимся к главе «Выстрел в театре».

«...В Оперном театре был торжественный спектакль в присутствии Николая. На этот спектакль повели гимназисток и гимназистов последних классов всех гимназий.

Повели и наш класс.

Служебными темными лестницами нас провели на галерку. Галерка была заперта. Спуститься в нижние ярусы мы не могли. У дверей стояли любезные, но наглые жандармские офицеры. Они перемигивались, пропуская хорошеньких гимназисток.

Я сидел в заднем ряду и ничего не видел. Было очень жарко. Потолок театрального зала нависал над самой головой.

Только в антракте я выбрался со своего места и подошел к барьеру. Я облокотился и смотрел на зрительный зал. Он был затянут легким туманом. В тумане этом загорались разноцветные огоньки бриллиантов. Императорская ложа была пуста. Николай со своим семейством ушел в аванложу.

Около барьера, отделявшего зрительный зал от оркестра, стояли министры и свитские.

Я смотрел на зрительный зал, прислушиваясь к слитному шуму голосов. Оркестранты в черных фраках сидели у своих пюпитров и вопреки обычаю не настраивали инструментов.

Вдруг раздался резкий треск. Оркестранты вскочили с мест. Треск повторился. Я не сообразил, что это выстрелы. Гимназистка, стоявшая рядом со мной, крикнула:

— Смотрите! Он сел прямо на пол!

— Кто?

— Столыпин. Вон! Около барьера в оркестре!

Я посмотрел туда. В театре было необыкновенно тихо. Около барьера сидел на полу высокий человек с черной круглой бородой и лентой через плечо. Он шарил по барьеру руками, будто хотел схватиться за него и встать.

По проходу шел от Столыпина к выходным дверям молодой человек во фраке. Я не видел на таком расстоянии его лица. Я только заметил, что он шел совсем спокойно, не торопясь.

Кто-то протяжно закричал. Раздался грохот. Из ложи бельэтажа спрыгнул вниз офицер и схватил молодого человека за руку. Тотчас вокруг них сгрудилась толпа.

— Очистить галерку! — сказал у меня за спиной жандармский офицер...

Нас быстро прогнали в коридор. Двери в зрительный зал закрыли...

— Не разговаривать! Выходить немедленно из театра! — крикнул жандармский офицер...

Площадь была пуста. Цепи конных городских оттеснили толпы, стоящие около театра, в боковые улицы и продолжали теснить все дальше. Лошади, птясь, нервно перебирали ногами. По всей площади слышался дробный звон подков.

Пропел рожок. К театру размашистой рысью подкатила карета «Скорой помощи»...

Мы видели, как Столыпина вынесли на носилках. Их задвинули в карету, и она помчалась по Владимирской улице. По сторонам кареты скакали конные жандармы...»

Николай Второй не подошел к поверженному главе правительства. Он лишь наблюдал, как Столыпина под пение зала «Боже, царя храни!» уносили на носилках.

Убийце — Дмитрию Богрову — шел 29-й год. Родился он в состоятельной еврейской семье, отец (преуспевающий адвокат) дал сыну хорошее образование. Богров окончил киевскую гимназию, потом — университет, тоже став адвокатом. Он много ездил за границу. Служить в полиции секретным осведомителем вызвался сам за плату в 100 рублей ежемесячно — это приблизительный оклад младшего армейского офицера. Имея связи с эсерами, выдал немало своих знакомых.

Именно Богров предупредил полковника Кулябко о якобы замышляемом эсерами убийстве Столыпина. Именно из рук Кулябко он получил билет в театр.

Мотивы убийства остались не выяснены.

Полиции убийство главы правительства было ни к чему (да и расследование это доказало). Положим, что имелась бы такая необходимость — тогда убийство не было бы выполнено в театре. Для этого были свои профессионалы и тысячи других возможностей.

Как оказалось, партия социалистов-революционеров к убийству председателя Совета Министров тоже не имела отношения.

Петр Аркадьевич умер на четвертые сутки. Государь император даже не заглянул к умирающему, ограничившись краткой беседой с его женой, урожденной Нейдгарт.

Прожил Петр Аркадьевич 49 «годов» — это, конечно, ничтожно мало не только для политика, который в такие лета обычно только начинает, что называется, разворачиваться.

Его величество государь император показал себя в той истории не с лучшей стороны. Гибнет слуга престола, гибнет страстный борец за неизбежность монархических начал в России, а у Николая Александровича Романова все человеческое, монаршьи застили обиды, зависть, досада...

Поведение Николая Второго по отношению к Столыпину вообще и в истории его гибели в частности — одна из самых неприглядных страниц в летописи жизни последнего русского самодержца.

Мелочность, граничащая с подлостью, бездушием, злая ревность к воле и уму Петра Аркадьевича, безразличие (за которым если не радость, то облегчение от ухода Столыпина в вечность — так Бог велел, наверное, рассуждали августейшие супруги) — это выше разумения. Ведь императору России было сорок три — это возраст мужа, а не себялюбивого юнца.

Престол, а с ним и вся царская Россия погружались в бездну. Похоже, манила их всех эта стихия из мглы и черных вихрей...

9 сентября (в день предания земле праха Петра Аркадьевича) в четыре утра дело Д. Г. Богрова разбирал Киевский окружной военный суд. Убийца от защиты отказался.

Чтение обвинительного акта — 30 минут.

Судебное разбирательство — 3 часа. Оно выяснило: заговорщиков не было. Убийство задумал и осуществил сам Богров — секретный сотрудник киевского охранного отделения.

Совещание суда — 20 минут.

Приговор — смертная казнь через повешение.

Командующий Киевским военным округом генерал Иванов приговор утвердил.

12 сентября рано утром шею Богрова захлестнула петля.

Николай Второй назначил председателем Совета Министров В. Н. Коковцева¹.

¹ Коковцев, Владимир Николаевич, родился в год начала Крымской войны (1853) в семье богатого новгородского дворянина. Закончил Александровский лицей (тот самый, который окончил и Пушкин). Занимал самые различные государственные должности. С 1896 по 1902 г. — товарищ министра финансов Витте — школа основательная. С 1904 по 1914 г. — министр финансов, основную задачу своего ведомства видел в бездефицитном бюджете. С сентября 1911-го по январь 1914-го — председатель Совета Министров. Крайне правые обвиняли Коковцева в заигрывании с Государственной думой, двор затаил обиду из-за отрицательного отношения к Распутину. Сие и закончилось отставкой в январе 1914 г. При увольнении с этой высшей государственной должности Коковцеву был дарован графский титул.

В 1918 г. эмигрировал во Францию. Занимался банковской деятельностью. В 1933 г. опубликовал воспоминания «Из моего прошлого». Скончался 90 лет в 1943 г.

Заслуживает внимания напутствие августейшего монарха новому главе правительства.

«Пожалуйста, не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять. Все он и он, а меня из-за него и не видно было».

Не заслоняйте самодержца!!

Создатель, кого же ты наделяешь высшей властью?! Неужто не видно Тебе, что из этого проистекает — потоки крови и смертная судорога всей России!

Спустя месяц, 5 октября 1911 г., Коковцев прибыл в Ливадию с докладом к государю императору. И вот тогда императрица Александра Федоровна изволила опять помянуть Петра Аркадьевича, заметив, что он, Владимир Николаевич, придает слишком большое значение личности и деятельности Столыпина; не надо так жалеть тех, кого не стало, тех, роль которых окончилась.

«Жизнь всегда получает новые формы, — с несвойственной ей философичностью взялась рассуждать государыня императрица, — и вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал ваш предшественник... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место и что это — для блага России».

«Для блага России».

«Все он и он, а меня из-за него и не видно было...»

Мертвому завидовать, на мертвого наступать — эх, Николай Александрович!..

Перестал заслонять трон Петр Аркадьевич. А попробуй-ка с пулевым смертным ранением — не шибко заслонишь! Хотя заслонял все же, реформы худо-бедно, а работали на монархию и Россию и после гибели. Вот и распрямылся государь император без своего верного слуги, далече стал видеть — углядел из всех дорог единственную — прямо вела в Екатеринбург, под залп чекистов.

Был выбор — настоящий, широкий исторический выбор, и не только на путях столыпинских реформ. Ан нет, предпочел последний русский самодержец вот ту дорогу, что углядел без Столыпина и прочих черных слуг.

В чем Твой замысел, Творец и Создатель?..

На троне обыкновенный человек, полковник — это точно. Ревность и пренебрежение к слугам образуют даже не пустоту, а бездну подле трона. И в роковой час для династии и России вокруг одни Ивановы, Хабаловы... Даже Алексеев перекрестился и отступил. Даже Григория Ефимовича не оказалось — уже тлели его косточки...

Одиночество. Ненависть. Пустота.

В германском вагоне по германской земле грохочет колесами вагон. Там большевики с Лениным. Металл рвет на куски тела русских мужиков и рабочих, а эти едут свою Россию сочинять, есть о ней в их ученых книгах: надо только наднатужиться, подпереть штыками — и пойдет, родимая, куда денется.

Гучков, Керенский, Терещенко... Господи, сколько же их! Перегрызают, мочалют императорскую власть.

Уже юлит, кренился трон...

И нестерпимый пал войны, крови, слез, стона от Балтики до Черного моря!

И Его величество государь император, который до последнего мига все боится, чтобы его кто-нибудь не заслонил.

А Россия?! За что ты приговорена?! За что твои кровь и муки?! В чем провинилась, какой грех приняла?! За что тебя казнят, полоусуют, морят голодом, травят твоих сынов и дочерей, кладут в гроб целые поколения народа?! За что бесчестят, позорят гордое имя?!

Почему молчишь? Почему только терпишь? Почему лишь истекаешь слезами, кровью и корчишься в судорогах?!

Ведь ты все можешь, Россия!

Государь император однажды спросил Петра Аркадьевича, отчего бы ему не вступить в «Союз Русского Народа». Это организация «истинно русских людей, которые должны объединиться», — сказал Николай Второй, вконец измученный террористическими эксцессами и революционным брожением в обществе.

Петр Аркадьевич, однако, отказался; полагаю, справедливо: государственный деятель должен служить объединению, быть центром стяжения всех здоровых сил общества.

Монарх и его сын носили значки этого патриотического объединения, которое возглавил доктор Дубровин; средства на организацию выделила одна из богатейших женщин Петербурга, Полубоаринова.

Еврейские погромы (особенно в Белостоке) не были просто битьем посуды и окон. Евреев десятками забивали насмерть, рубили топорами, насиловали женщин, а дома сжигали, разграбив до последней нитки. Обширные еврейские кварталы в черте оседлости оказывались выжженными.

Это был ответ государства и националистических элементов общества на террористические акты Гершуни, Азефа, а главное — на террор революционных партий, возглавляемых в основном евреями.

Однажды государь император не выдержал и сказал в беседе с видным чиновником: «Взять бы всех этих революционеров да утопить в заливе». Обмен мнениями происходил у окон дворца, которые глядели на Финский залив¹.

«По священным заветам Венценосных Предков наших, непрестанно помышляя о благе вверенной Нам Богом Державы...»

«Союз Русского Народа» был учрежден в начале 1905 г., тотчас же после октябрьской волны беспорядков, стычек и боев, вырвав-

¹ См.: Последний Самодержец. Berlin, Eberhard Frowein Verlag, 1912, с. 300.

шей у царя Манифест 17 октября. Его зачинателями явились виднейшие представители самодержавия: великие князья Владимир Александрович и Николай Николаевич, граф Доррер, Марков 2-й, П. Н. Дурново (в ту пору министр внутренних дел), граф Коновницын, сенатор Стишинский, просто дворянин Соколов и, наконец, доктор Дубровин...

В уставе Союза одним из самых первых пунктов значилась незыблемость православия, как одной из трех главнейших основ и опор империи. Знаменем Союза являлась церковная хоругвь с изображением Георгия Победоносца, а нагрудный значок имел форму креста с прикрепленной к поперечине императорской короной. К его концу понизу крепилось круглое изображение того же Георгия Победоносца.

Каждый местный отдел Союза имел свою хоругвь и свои иконы, хранившиеся в местных соборах или монастырях.

Георгий Победоносец считался покровителем «Союза Русского Народа», входил в герб Москвы и был составной частью родового герба Романовых.

В деле подавления революции Петр Аркадьевич проявил завидную решительность. Завидную — его ненавидели террористы, и заплатил он за это тяжелым ранением старшей дочери и более легким — сына. И однако, не дрогнул. Лишь сказал после этого покушения на себя и свою семью: «Да здравствует мужественная жизнь, господя! И да посрамятся труссы!».

В этом взрыве на его даче погибли 27 человек, 32 оказались ранены. Анархисты не поскупились на динамит. Уж очень им хотелось сровнять с землей храброго врага.

Витте был трусом. Дурново, что называется, не трясся за шкуру, однако не рисковал встречать опасность вот так, в рост, как Столыпин. И обратите внимание на фотографии Петра Аркадьевича. Он никогда не уклоняет взора, всегда смотрит прямо. И посмотрите на снимки его с семьей. Какие славные, открытые лица у девочек.

Ох как ненавидят таких люди-крысы! Водится такая порода людей, и размножаются, размножаются...

Столыпин не щадил революцию. Он наносил четкие и безошибочные удары. Он не страшился общественного осуждения.

31 августа 1909 г. Лев Николаевич Толстой заносит в дневник: «...Вчера продиктовал Саше письмо к Столышину, едва ли кончу и пошлю...»

Лев Николаевич действительно не отослал письма. В этом письме от 30 августа Лев Николаевич упрекал П. А. Столыпина в «дурной, преступной» деятельности и советовал ему прекратить «насилия и жестокости», и «в особенности смертные казни», иначе имя его «будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи».

Надо полагать, письмо это Лев Николаевич решил написать на правах близкого товарища отца Столыпина, с которым они, что

называется, сошлись в осажденном Севастополе. Они даже предпринимали шаги по изданию образовательной газеты для солдат. В то время это оказалось совершенно невозможным. И они (это не только А. Д. Столыпин и Толстой, но и еще несколько офицеров) получили отказ.

По рекомендации Льва Николаевича в «Современнике» (№ 7 за 1855 г.) был напечатан очерк Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе».

Вот так пересеклись пути премьера-реформатора и великого писателя.

Столыпин пал бы много раньше, если бы не заступничество вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Она благоволила к Петру Аркадьевичу и способствовала продвижению на высшие посты в империи. Но в конце концов мать уступила невестке. Александра Федоровна так восстановила мужа против своего самого преданного слуги — он, хозяин огромной империи, позволит себе ревновать своего министра к власти.

Эх, Николай Александрович...

Граф Коковцев даст следующую характеристику Николаю Второму в беседе с французским послом Палеологом 29 августа 1916 г.:

«...Человек со здравым смыслом... умеренный, трудолюбивый. У него нередко бывают умные мысли. У него есть высокое понимание своей роли и возложенного на него долга. Но он недостаточно образован, и сложность проблем... слишком часто превышает его силы... Его недоверие к себе самому и к другим настраивает его враждебно ко всем, кто выше его по уму. Поэтому он окружает себя одними ничтожествами». Кроме того, он узко и суеверно религиозен, а это заставляет его очень ревниво оберегать свой царский авторитет, этот дар Божества...

Сам факт, что Николаю Второму давали противоречивые характеристики, все же свидетельствует о его незаурядности. А каким он был — это так и осталось скрытым от современников. Каждый из них видел его одну или несколько сторон, но не всего. Не разглядели...

Оскорбляет пренебрежение русских к себе же. Это к ним обращается Петр Аркадьевич:

«Презрение чувствуется и со стороны непрощенных советчиков, презрение чувствуется, к сожалению, и со стороны части нашего общества, которая не верит ни в право, ни в силу русского народа. Стряхните с себя, господа, этот злой сон и, олицетворяя собою Россию, спрошенную царем в деле, равного которому вы еще не вершили, докажите, что в России выше всего право, опирающееся на всенародную силу».

Будущий белый вождь генерал барон Врангель пишет в воспоминаниях: «В Киеве между поездами я поехал навестить семью губерн-

ского предводителя Безака. По дороге видел сброшенный толпой с пьедестала в первые дни переворота (Февральского 1917 г. — Ю. В.) памятник Столыпина...»

Так этот памятник и лежит во прахе.

Журнал «Вопросы истории» (№ 1, 2 за 1966 г.) открывает немало новых сведений по делу Богрова, отсутствующих в расхожих ныне материалах. И эти провалы в исторической памяти тоже не случайны. С самого дня убийства и донныне личность Богрова очерчивается у разных авторов по-разному. И узловое значение в этом своего рода разночтении фактов кроется в еврействе Богрова. Пристрастие еврейской стороны рисует Богрова едва ли не сверхчеловеком, всячески затушевывая не только сам факт провокации Богрова («provokator bez provokatsii»), но и даже факт капитуляции перед следствием и выдачу ряда сведений.

Так называемая русская сторона, наоборот, склоняется к упрощенному толкованию трагедии...

Итак, в один из июньских дней 1925 г. в Киеве, на Бессарабском рынке, был задержан пьяный человек. Он предлагал «на счастье» (за деньги, разумеется) куски от веревки повешенного. Задержанным оказался бывший главный палач Лукьяновской тюрьмы Юшков. Следствие уже подходило к концу, когда от Юшкова была получена записка с просьбой о новом допросе.

Задержанный сообщил, что кроме 4 казней, в которых его обвиняли, он привел в исполнение еще одну, но вот фамилию повешенного запомнил... ну это был тот самый, что застрелил царского министра Столыпина, вот как его?..

— Богров? — не без удивления произнес следователь.

— Точно, Богров, — обрадованно подтвердил Юшков. — Вы напомнили его фамилию. Но его правильно повесили. Он был предатель рабочих и крестьян, провокатор... Я сам из-за него здорово пострадал — ох, и была же история!..

Следователь сказал, что, очевидно, Юшков рассчитывает таким образом смягчить участь себе.

— А как же! — отозвался Юшков. — Кто-то должен был этого предателя повесить. А вы рази против?

И вот рассказ Юшкова о тех днях.

— В то время, — сообщил он, — я был страшно непутевый. Много пил...

Водку «штатному» палачу безотказно отпускали в Плоском полицейском участке Киева, где он мог жить «на всем готовом, сколько ему захочется». Но он мог жить и дома у матери, ее палач частенько поколачивал.

«Когда убили Столыпина, — рассказывал Юшков, — я был на воле и жил с матерью (из этих слов следует, что Юшков часто сидел в тюрьме за различные преступления, в некотором роде она тоже была его домом. — Ю. В.). Как-то позвал меня пристав и сказал, что

через 3—4 дня надо будет «поработать». В такие дни я мог все время жить при околотке, там было специальное помещение, вроде камеры. И там, по моему желанию, меня безотказно кормили и поили. Как-то утром приходит ко мне мать. «Что случилось?» — спрашиваю. А она падает мне в ноги, плачет, умоляет. «Не надо, говорит, сынок, больше этим заниматься... Стыдно на людях показаться. Уезжай из Киева, и чем скорее, тем лучше, — деньги на дорогу и жизнь добрые люди дадут». Я хотел было сразу ее побить и выбросить, уж больно мне надоела этими разговорами, но подумал: что это за добрые люди, которые так жалеют мою мать и суют ей деньги? Я велел тут же рассказать, кто ее подослал ко мне.

И вот что она рассказала.

Утром к ней пришли молодые люди, сказали — студенты, которые знают, что я живу при участке, и стали ее стыдить, что ее сын — палач, вешатель, и велели ей посоветовать мне бросить это дело, и тогда, если я желаю, общество мне даст деньги, чтобы уехать из Киева куда-нибудь. Но уехать надо немедленно — так они передавали, — чтобы я не смел исполнять приговор над убийцей Столыпина... Вдруг меня такая досада взяла, я сильно ударил мать, стоявшую передо мной на коленях, кулаком по голове. Она опрокинулась... перестала дышать. Я забежал в канцелярию участка и сообщил, что убил свою мать... Скоро появилась карета «скорой помощи», в которой ее, так и не пришедшую в себя, отвезли в больницу...

Я здорово напился и завалился спать. Выспавшись к концу дня, я вспомнил о матери и тотчас направился в больницу проведать ее. Но служители не пустили меня. Я стал, понятно, скандалить, шуметь. Ко мне подошли незнакомые молодые люди... Я их послал ко всем чертям, отказался с ними разговаривать и снова направился к дверям больницы. Но молодые люди набросились на меня, скрутили руки и усадили в ждавшую их пролетку, чтобы отвезти в полицию. Когда я стал кричать от боли и возмущения, они сунули мне в рот кляп. Помню, что по дороге я просил дать напиток. Они ухитрились влить мне в глотку из бутылки водку. Больше я ничего не запомнил».

Очнулся Юшков через два дня в одном из кабаков на окраине Петербурга. От кабатчика он узнал, что сюда пришел накануне с шумной студенческой компанией: почти сутки праздновали его, Юшкова, именины. Юшков потребовал вызвать полицию. Пока явился ее представитель, кто-то опять напоил его.

«Что там дальше произошло, — продолжал вспоминать Юшков, — не помню, крепко напоили. Пришел в себя только на вокзале в Киеве. Кругом конвоиры... прямо с вокзала повезли меня в канцелярию генерал-губернатора. Когда меня завели в его большой кабинет, сам Трепов вышел из-за стола... и строго спросил, как я попал в Петербург. Я ему рассказал... Трепов рассвирепел и потребовал, чтобы я ему рассказал, как началось мое знакомство со студентами... Как он меня бил! Так меня еще сроду никто не бил...»

Избитого Юшкова подняли и отвезли в Плоский участок, где передали приставу, который тоже изрядно «отходил». После его накормили и уложили спать. Но спал он недолго. Ночью его растолкали, приказали облачиться в палаческий наряд: плисовые шаровары, щегольские сапоги, красную рубаху и красный колпак с прорезями для глаз.

Он сел с полицейским в пролетку, и они поехали на Лысую гору...

Именно поэтому столь затянулась казнь Богрова. Этими несколькими днями жизни он обязан своему палачу. Однако именно в эти дни Богров потерял присутствие духа и дал позорные показания против своих товарищей и организации.

Добился этих показаний однофамилец командующего войсками Киевского военного округа подполковник отдельного корпуса жандармов Иванов. Оттяжка казни измучила Богрова. Он ничего не мог понять.

Подполковник отметил, что Богров сдал за последние сутки. Не ускользнула от опытного жандарма определенная беспомощность и приниженность в облике смертника. Он понял: Богров ждет чуда, то есть избавления от кары.

Именно поэтому Богров встретил жандарма вопросом:

— Что случилось, почему до сих пор за мною не приходили?

Богров уже успел совладать с собой и вернулся в мир отрешенности и пренебрежения к смерти. Однако подполковник дело свое знал. Богров дал нужные показания (подлинники протоколов допросов Богрова от 4—10 сентября 1911 г. были найдены в архиве департамента полиции Б. Струмило и опубликованы им в 1924 г. в журнале «Красная летопись»).

Показания от 10 сентября заканчиваются весьма прозаическим донесением как бы рядового профессионального платного агента секретной службы: «Относительно сохранившегося в Черкассах и в Киеве оружия и шрифта могу, соответственно тому, что я слышал от членов ревизионной комиссии и знал сам, сообщить следующее: в Киеве около пуда шрифта должно быть закопано в усадьбе на Боричев-Токе, где еще в 1908 г. произошел взрыв бомбы. В Черкассах и в Киеве в том же году был отправлен транспорт в 21 браунинг, которые в значительной части были спрятаны в усадьбе, в которой было оказано содействие группой анархистов».

Последние признания ничего нового не добавляли, это были факты известные...

В ночь на 12 сентября Богров крепко спал. Когда тюремщики вошли, он мгновенно вскочил. Он сообразил: это смерть! Чтобы скрыть потрясение, он попросил дать его шляпу. Ему скрутили руки веревкой. Он не сопротивлялся. В напряженной тишине он четко проговорил:

— Самая счастливая минута в моей жизни только и была, когда услышал, что Столыпин умер.

Во дворе убийцу поджидали чины полиции и вице-губернатор.

Он проверил, надежны ли веревки на запястьях сзади, после чего группа пролеток и верховых тронулась к месту казни.

В одном из глухих углов двора форта стояла виселица с опущенной веревочной петлей. На табурете тускло светил керосиновый фонарь. Тут же прохаживался Юшков в своем палаческом облачении.

Карета с Богровым остановилась почти вплотную с виселицей. По приказу вспыхнули факелы. Это придавало всему особенно зловещий характер. Смертника во фраке и без головного убора вывели из кареты и под руки подвели к табурету. Богрова тут же окружил конвой.

После оглашения приговора последовал приказ вице-губернатора: «Действуй!»

Юшков придвинул к себе табурет, составил на землю фонарь, снял с табурета мешок и накинул его на голову Богрову. После обхватил Богрова и поставил на табурет — точно под перекладину. Возле столба, обвитого веревкой, стоял товарищ прокурора Киевского окружного суда Лашкарев. Согласно инструкции, он прижимал правой рукой конец веревки к столбу. Юшков набросил петлю и затянул на шее Богрова. И тут же мгновенно вышиб табурет из-под ног Богрова. Тот дернулся всем телом, повис было — и рухнул на землю. Это веревка выскользнула из руки Лашкарева.

Все невольнко ахнули. Но помилования не последовало. Вице-губернатор ткнул Юшкова кулаком в спину: «Повесить!» Юшков стал поднимать безвольное тело и свалился сам. Юшков встал и уже без суетливости одним уверенным движением поднял Богрова. Тот было уперся, чтобы стоять самому, без Юшкова. Но Юшков, изрядно озлобившийся, подвинул его к табурету. Богров что-то ска- за, но так слабо — никто ничего не понял.

— Он еще жив! — сказал вице-губернатор. — Скорее!

Юшков перенес Богрова на табурет и принялся напяливать на шею петлю. И вот тогда из-под мешка проскрипело бессильное:

— Сволочи.

Лашкарев вцепился в конец веревки. Все готово — и Юшков с той же ловкостью выбил табурет. В этот раз табурет отлетел далеко в сторону. Богров два раза дернулся и затих.

Глава III

БРЕСТ-ЛИТОВСК

В мае 1917 г. вместо Гучкова военным и морским министром становится Александр Федорович Керенский. 26 мая (по старому стилю) он приезжает в Москву. Все должностные лица города, а также почетный караул встречают его на вокзале. Толпа на всем пути следования приветствует министра.

— Здравствуйте, товарищи граждане! — отвечает Александр Федорович.

Вечером в Большом театре митинг в честь нового военного министра. Его встречают возгласами: «Вождь русской армии и флота!» Оркестр под управлением Кусевицкого исполняет «Марсельезу» и увертюру к «Вильгельму Теллю».

Поэт Константин Бальмонт читает со сцены:

Созвучья первых русских песен
Сложил крестьянин, а не князь...

Поступают приветственные телеграммы от министров Церетели и Скобелева.

На сцене прославленный тенор Большого театра Л. В. Собинов. Он обращается к Александру Федоровичу:

«Большой театр, горячо приветствуя представителя Временного правительства, уповает, что идея государственности сотрет партийные границы и скует в единое целое граждан министров в непреклонной воле спасти Россию от гибели, разрухи внутри и от грозной опасности со стороны непримиримого врага (Германии. — Ю. В.).

Мы верим, что Временное правительство, объединившись в самосознании великого долга, соединит расшатанную Россию и зажжет огненное пламя любви к Родине.

Да здравствует единая, великая, могучая Россия! Да здравствует Временное правительство! Да здравствуют граждане министры!»

Аплодисментами встречают представителя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов А. Р. Гоца. За Гоцем высту-

пает вождь партии эсеров В. М. Чернов. Заключает торжество сам Александр Федорович.

Оркестр играет министру встречу. Когда он поднимается на сцену, публика встает, и, по словам очевидца, все тонет в громе оваций. Сцену заполняют цветы: корзины, букеты, венки. Слава Керенскому!

В жадной тишине начинает речь Александр Федорович:

«...Ничто и никто не могут сломить свободу освобожденного народа... Я — военный министр, обладающий достаточной властью, и я заставляю подчиниться воле революционного народа, и я говорю вам: войска исполняют свой революционный долг перед Родиной! Но я скажу: вы сидите в залах, залитых огнями, сидите в бриллиантах, а они — в окопах, съедаемые насекомыми, голодные и холодные... И они имеют право сказать, что, если свободная страна хочет, чтобы мы исполнили свой долг, пусть она поддержит нас не словами, а делами!

Разве там не знают, сколько здесь людей, которые должны, обязаны быть в окопах...

И теперь, товарищи, мы должны жить для подвига... У нас есть огромный капитал — великая сила народа...»

После отъезда Керенского — в театре импровизированный аукцион. Портрет Керенского продан за 15 100 рублей (по курсу того времени неплохое имение стоило всего в три раза дороже). Продана также «расписка» (автограф. — Ю. В.) будущего министра-председателя.

От подъезда театра народ бежал за автомобилем Керенского.

— Здравствуйте, товарищи граждане! — повторял он.

В десять вечера Керенский прибыл на Продовольственный съезд и произнес обстоятельную речь. А через час он уже на съезде партии социалистов-революционеров (эсеров). Заседание закрыто, но все терпеливо ждут гражданина министра.

Под гром аплодисментов Керенский снова заводит длинную взволнованную речь...

Нового военного министра слушал в Большом театре и мистер Локкарт — тогда генеральный консул Великобритании в Москве.

«В России я знал его лучше — гораздо лучше, чем кто-либо из английских чиновников, — повествует о своих отношениях с Керенским мистер Локкарт. — Не раз я служил ему переводчиком при переговорах с сэром Джорджем Бьюкененом. Часто видел его одного. Именно ко мне он пришел, скрываясь от большевиков. Это я помогал ему в выезде из России».

Выступление Александра Федоровича в Большом театре оставит неизгладимый след в памяти молодого английского дипломата.

«С самого начала он вел безнадежную борьбу, пытаясь загнать обратно в окопы нацию, уже покончившую с войной, — пишет

мистер Локкарт и обращается к тому вечеру в Большом театре. — ...Керенского следует считать одним из величайших в своем роде ораторов в истории... Его голос огрубел от постоянного крика. Он мало жестикулировал — удивительно мало для славянина, — но он владел речью и говорил с покоряющей убежденностью. Как отчетливо я помню его первый приезд в Москву... после назначения его военным министром. Он только что вернулся из поездки по фронту... Все встали. Керенский поднял руку и сразу заговорил. Он выглядел больным и усталым. Он вытянулся во весь рост, как бы собирая последний запас энергии. И с нарастающей силой начал излагать свое евангелие страданий... Сам человек рождается в муках... Можно ли думать, что наша революция окрепнет без страданий?.. При свете ramпы его лицо казалось мертвенно-бледным. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест и до хрипоты кричала «ура»... Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания. В соседней со мной ложе генерал Вогак, человек, прослуживший всю свою жизнь царю и ненавидящий революцию больше чумы, плакал как ребенок. Это было историческое зрелище, вызвавшее более сильную эмоциональную реакцию, чем любая речь Гитлера и других ораторов, когда-либо слышанных мною. Речь продолжалась два часа...»

Я против отношения к истории как к некоей безликой силе, которая с неодолимой фатальностью, предопределенностью вершит судьбы людей и народов. Однако в данном случае могу с полным правом написать: «Но жизни всех уже были расписаны». Исторически обусловленная и созревшая сила большевизма, жесткая и жестокая, обратит всех в безликих статистов в том грандиозном действе, которое большевизм брался поставить.

Ураган ненависти и разрушения мел из всех углов России, безжалостно разваливая устои старой власти. И что тут значило красноречие нового военного министра, если он лишен дара читать знаки истории. Самые главные он не прочел — и Россия, и он, и большевизм шагнули в бездну...

Сколько же лет я собирал материал для этой книги, обдумывал, пробовал писать (не получалось, не было ясности), вел своего рода подпольные записи (анализ того, что узнавал, что открывалось), которые шаг за шагом продвигали к истине! Записи эти я называл «крестами», поскольку ставил в верхнем правом углу листа крест; это означало — обнаружение такой записи для меня несчастье, смерть. Я их продумывал, перепечатывал, год от года «кресты» росли, складывались в пухлый манускрипт без сюжета и последова-

тельности. Герои, правда, были: Ленин, Сталин, ленинизм, революция, насилие, народ, вера в правду...

Мной руководило желание хоть как-то ответить за поруганное Отечество, его честь, веру, культуру, униженных и унижаемых людей, сведенных всем своим существованием к роли быдла.

Народ не должен нести на плечах своих палачей и безответственных болтунов политиков. Все они сосут жизненные соки из народа и жиреют бедой народа. Казнокрады, выжиги, партийные хапуги — все помойные мухи, слетевшиеся на дележ народного достояния. Почти 70 лет народ не разгибал спину, а делят богатство, им созданное, те, кто даже близко не имел к труду какого-либо отношения. Мало того, что народ превратили в крепостного, и он почти 70 лет работал фактически задарма, теперь опять присваивают его труд. А он, измученный, больной, только смотрит, как его опять грабят, теперь уже до последней нитки.

Народ отучают любить Родину постоянным унижением от имени Родины, глумлением над прошлым — нашей историей, — глубоким равнодушием и презрением к участи беспомощных и слабых. Россию превращают в объект раздела, но сначала хотят привести в состояние недвижимости — обессилить народ, изнурить неизбывной нуждой, превратить в червей, поглощенных лишь заботами о пропитании...

Этой книге я подчинил жизнь. Печатался мало, да и не печатали, надо было льстить, угождать режиму; впрочем, и нынешняя демократическая пресса (конец 1991 г. — начало 1992 г.) избегает печатать все, что как-то шершавит новых вождей от демократии. Я весь ушел в «дело», с осени 1959-го уже совершенно сознательно (сразу после своего первого чемпионата мира по тяжелой атлетике в Варшаве). Повернул меня к этому «делу» революционер с еще «царским» стажем, эсер-максималист, после большевик Гронский Иван Михайлович, человек, беспредельно преданный ленинизму.

По мере работы сужался круг товарищей. Не оставалось ни времени, ни сил на обычную жизнь, тем более очень скоро разработки углубились в совершенно заповедные и запретные темы. Я должен был очень много читать, а главное — искать и встречаться с участниками тех событий. Литература же на все подобные темы была уничтожена на корню, да и свидетелей из того времени «женевский» гребень вычесал безжалостно.

Ближе к 80-м годам, когда в сознании уже складывалась книга, я умышленно взялся сворачивать знакомства, сознавая, что этой публикацией нанесу близким вред. Это вызывало непонимание, зачастую упреки в зазнайстве или неблагодарности. Но лучше упреки, нежели сознание своей вины...

Жизнь вокруг была странной. Было несравненно больше людей, которые соглашались на жизнь в бесчестье, лихоимстве, притворствах самого разного свойства. Для тех из них, кто хоть как-то догадывался о моей работе, я представлялся... придурком.

И впрямь, на что я мог надеяться?.. «Психушку», преследования... Это же идиотизм — соглашаться на это добровольно, да к тому же при отличной возможности «хапать» — ведь такое спортивное имя!

А я упрямо работал, подвигая цель-несчастье своей жизни. Книгу я решил напечатать в любом случае, как только она сложится, а план ее уже вырисовывался. Нет, не все было гладко. Временами меня охватывали бессилие и отчаяние...

Я писал в отчуждении, один... Ни с кем нельзя было поделиться находками, готовыми главами...

Годы проклятого одиночества. Они уже складывались в десятилетия...

Я выпускал другие книги, писал статьи, но настоящая жизнь таилась (именно таилась) в другом, я никому не смел о ней сказать... А эти книги, статьи должны были давать литературный тренинг и обеспечивать существование...

А обычная, невыдуманная жизнь шла рядом. Заманчивая, прекрасная жизнь без выдумок, единственная, неповторимая; в ней любовь, солнце, женщины, шелест шагов в траве, смех, признания... Все-все призраком скользило рядом, всего лишь рядом, не задевая меня. Я все время говорил себе: закончится эта работа, и я смогу жить без этого долга-колоды...

Сколько раз я слышал:

— Что ты можешь изменить? Всем все известно — и за это класть жизнь? Пока народ не проснется, вы здесь разобьетесь, а ничего не сделаете. Он же вас и слышать не хочет, отвернулся. Кому нужен Сахаров? Бьется один, а народ глух. А ты чего добьешься? Здесь никто не сдвинется, народ с ними; смотри на партию: она же их гнет к земле, а они ее чтят... Брось свои глупости...

Очень похожее я слышал бесконечное число раз, после этого могли не только опуститься руки — жить не хотелось, мысли о людях были тяжелыми и мрачными.

Я возражал, не мог не возражать, потому что верил. Но я видел ненужность своих слов. Мы вообще все говорим на разных языках, а еще чаще — просто не слышим друг друга.

В общем, я укреплял окружающих в мнении, что я настоящий придурок, мучаю себя и близких. Близких я, правда, не мучил — они почти сразу отпали от меня, а позже стали предавать. Я познал все виды измен и вероломства. В этом жестком, рациональном мире — кому я нужен был со своими мечтами?..

Времена круто и неожиданно изменились. Теперь мои знакомые возвращаются из поездок в Канаду, США, Швецию и еще Бог весть откуда. За столом у них самые вольные речи. Они всё знают, всё предугадывали и всё «то» не принимали. Оказывается, не принимали. А мне по их карьерам и откровенному стяжательству в это как-то не верится.

Одни, самые отважные и бескомпромиссные, шли в лагерь, за ними захлопывались двери «психушек», другие после тюрем кон-

чали с собой, рано сходили в могилу — и все при совершенном отчуждении общества. Пусть меня не переубеждают, было именно так: полное отчуждение общества. Ничтожная горстка людей отзывалась на их мужество.

Другие, поосторожнее, «кропали в стол», готовили книги, зная, что их за эти книги сотрут — те же лагеря или «психушки». В каждом дне — риск разоблачения, решетка или допрос.

И проклятый воз мыслей с тобой: правильно ли идешь, не даешь ли волю просто чувствам?..

Теперь я знаю, как делается история.

Одни падают, другие (считай, все) переступают и шагают себе дальше, румяные, ясноглазые, уверенные: они победили, боролась — и победили!..

Брюс Локкарт вспоминает о встрече с Керенским в те дни:

«...Керенский говорил без умолку. В нарушение постановления правительства на столе стояло вино, но сам хозяин был на строгой диете и пил только молоко. Всего несколько месяцев назад ему удалили пораженную туберкулезом почку, но это нисколько не отразилось на его энергии. Он вкушал первые плоды власти. Уже был недоволен давлением, которое оказывали на него союзники.

— Как бы понравилось Ллойд Джорджу, если бы какой-нибудь русский взялся поучать его, как следует управлять английским народом?..»

Журнал британского Королевского общества международных дел («International Affairs») в апреле 1956 г. напечатал текст расписки Гельфанда в получении денег от германского посольства:

«Получено от германского посольства в Копенгагене 29 декабря 1915 года один миллион рублей в русских банкнотах для поддержки революционного движения в России».

Подпись: «А. Гельфанд».

Александр Львович Гельфанд не кто иной, как Парвус, один из друзей непреклонного и несгибаемого Троцкого, с которым оказался в числе руководителей первой русской революции 1905—1907 гг. Гельфанд в годы мировой войны проворачивал крупные финансовые и торговые операции. К данным операциям прямое касательство имело одно из самых доверенных лиц Ленина — большевик Яков Ганецкий (Фюрстенберг). К Гельфанду же Ленин относился с выраженной неприязнью.

Гельфанд родился в Березине — местечке, носящем имя реки, на которой Наполеон понес жесточайшие потери при бегстве из России. По национальности — еврей. В 1885 г. окончил одесскую гимназию, 1891-м — Базельский университет: обычный маршрут состо-

ятельных еврейских отпрысков в те десятилетия, причина — запрет поступать в высшие учебные заведения России иудеям.

В конце прошлого столетия эмигрировал в Германию. «Занялся» революцией. Очень «подмог» Ленину, организовав издание «Искры» в Лейпциге. Вернулся в Россию, принимал деятельное участие в марксистском движении. После Хрусталева-Носаря и Троцкого был третьей по значению фигурой в первой русской революции (кто ж только не «делал» эту русскую революцию). В 1905 г. несколько месяцев отсидел в «Крестах».

Гельфанд слыл знатоком марксизма, имел ряд серьезных публикаций. Из тюрьмы по приговору суда сослан в Сибирь, откуда дал тягу приблизительно в одно время с Троцким (1906). Очень скоро стал расходиться с Лениным по ряду теоретических вопросов. Постепенно складывается в идеолога «слабой России» и тужился, делал все, дабы она таковой стала. Фактический ненавистник России и русских, готовый на любые шаги ради ослабления мощи великой славянской державы.

Каким-то своим краем Гельфанд вписывается в идеологические бредни Розенберга (одного из теоретиков фашизма, повешенного в Нюрнберге) и, разумеется, Гитлера. Для них все, что из России, — неполноценное, а русские — «унтерменши», то бишь недочеловеки, назначение которых быть подневольной рабочей силой, скотом. И совершенно не случайно появление в германской политической жизни подобных мыслей. Они были сопроводительным напевом всех десятков веков соседства Германии и Руси. Колонизация славянских земель (а колонизация всегда сопровождается истреблением всего или части коренного населения) являлась целью Германии еще с седой древности. И в разной мере это находит отражение в высказываниях, построениях политических деятелей самых разных взглядов — от Гитлера до Маркса и Энгельса.

Ведь это в 8 знаменитых статьях первого коммуниста затерлось вот такое высказывание: «Славяне — мусор истории...»

Маркс называл себя «черным человеком». И этот «черный человек» (внук раввина, кстати) повернул и против своего народа, заявив, что «евреи — не нация»... Черный и есть...

Идея «ослабленной России» Парвуса, как мы знаем теперь, родилась далеко не на пустом месте. У нее был именитый предшественник в мировом социал-демократическом учении, сам первоучитель — Карл Маркс, который в статье «Демократический панславизм», к примеру, писал:

«Ненависть к русским была и остается у немцев основной революционной страстью».

Вот так, ни больше и ни меньше — «революционная страсть».

И в другом месте:

«Только в союзе с поляками и мадьярами и с помощью самого решительного терроризма против славянских народов мы будем в состоянии обеспечить прочность революции».

Да, так: уничтожить Россию — и в мире установится демокра-

тизм, а без этого и не мечтайте о революции. Деспотизм царей не будет угрожать Европе, коли разлечь, разрушить Россию.

Что Гельфанд вынашивал планы революционизации России, подтверждено документально, как и то, что он вошел в сговор с кайзеровским правительством.

Гельфанд считал, что «русские демократы смогут добиться своих целей только при полном уничтожении царизма и разделе России на более мелкие государства». Гельфанд не сомневался, что революция в России была необходима лишь для того, чтобы проложить путь прогрессивным принципам германского социализма, который сможет восторжествовать в Германии, быть может, и без самой революции.

Это был идеальный союзник для германского правительства и Генерального штаба, самая настоящая золотая находка.

Очевидно, с изложением подобных соображений Гельфанд и приезжает к Ленину в Цюрих в конце весны 1915 г.

Содержание беседы осталось тайной. Ленин и Крупская встретили его недружелюбно.

Позже Гельфанд вспоминал:

«Я виделся с Лениным летом 1915 года в Швейцарии. Я развил ему свои взгляды на социально-революционные последствия войны и вместе с тем предупреждал, что, пока длится война, революции в Германии не будет, что революция в это время возможна только в России и здесь явится результатом германских побед».

Через германского посла в Дании графа Брокдорф-Ранцау (а Гельфанд осел в Дании) Александр Львович установил связь с кайзеровским правительством. Он утверждал, что может организовать рабочие беспорядки в Петрограде, если его снабдят суммой в один миллион золотых рублей. Означенную сумму он незамедлительно получил и слово сдержал. В 1916 г. забастовки потрясли Петроград, а за ним и другие промышленные центры России. Немецкий ревизор, проверявший фирму Гельфанда, был поражен размахом и количеством нарушений торговых законов военного времени, но вскоре, однако, сообразил, что это неспроста, эти нарушения, очевидно, «могут быть полезны министерству иностранных дел в разрешении других задач»¹.

Для «разрешения других задач» — именно так и было.

В документах германского министерства иностранных дел, захваченных союзниками в 1945 г., имеется сообщение германского посла в Копенгагене графа Брокдорф-Ранцау (август 1915-го):

«Доктор Парвус снабдил организацию деньгами для покрытия расходов... даже люди, работавшие в организации, не имеют понятия, что за этим стоит наше правительство».

¹ Работа профессора Оксфордского университета Г. М. Каткова «Февральская революция» (Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1984), выполненная под общей редакцией А. И. Солженицына, является первым серьезным исследованием тайных взаимоотношений Ленина и его партии с правящими кругами Германии, а также влияния этой связи на революционные процессы в России.

По оценкам Гельфанда, для развертывания революции требовалась сумма в 20 млн. золотых рублей (по тому курсу это очень и очень много).

Сложно проверить эти документы, опубликованные в научной литературе Запада, но факт, который всегда будет вызывать сомнение, — на какие средства большевики придали столь огромный размах своей пропагандистско-агитационной работе в семнадцатом году. Ведь у большевистской партии зимой 1916/17 г. не имелось средств даже для издания журнала «Сборник социал-демократа» — крайне нужного партийного органа.

Однако в апреле 1917 г. большевики уже издают 15 ежедневных газет в самых крупных городах России¹. Это ли не размах!

По-настоящему кайзеровское правительство замечает Ленина и его партию с их чрезвычайно активной пораженческой деятельностью лишь после Февраля 1917-го. Свержение царя не оправдало расчетов правящих кругов Германии, ибо российское Временное правительство провозгласило «войну до победного конца». Уже доподлинно известно, что кайзера и других ответственных лиц германского руководства убедил пойти на денежную поддержку Ленина генерал Людендорф. И это не случайно. Генерал был человеком не только круто националистического толка, решительным, но и не чуждым движению политической мысли. Он очень следил за программами партий, читал наиболее известные работы политиков. Ведь не кто иной, как он, принял участие в безнадежном путче Гитлера против баварских властей в 1923 г. Это он, генерал Людендорф, шагал бок о бок с будущим фюрером Германии Адольфом Гитлером по улице навстречу полицейским. Залп полицейских лишил жизни 15 нацистов. Пули не тронули старого генерала — таков был приказ полицейского начальства. Генерал остался стоять среди стонов, криков... Гитлер в эти мгновения полз в сторону: следовало как можно быстрее уносить ноги...²

Вот на Ленине и замкнулась тогда мысль генерала. Господин Гельфанд знал, к кому обратиться.

Тут уже представляется достоверным документ за подписью статс-секретаря ведомства иностранных дел фон Кюльмана — это доклад императору Вильгельму:

«Только после того, как большевики начали регулярно получать от нас денежные средства по разным каналам и под разными этикетками, они смогли поставить на широкую ногу их главный орган — «Правду», развить энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкую базу их партии».

¹ См.: Письмо Ленина Ганецкому от 21 апреля 1917 г. — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 438.

В беседе с английским философом Бертраном Расселом Ленин сказал, что «листовки столь же могущественны, как и оружие».

² Это было в Мюнхене 9 ноября 1923 г.

Для Германии это был вполне логичный шаг — он выводил из войны Россию и высвобождал для Западного фронта десятки дивизий. Германия к тому времени испытывала острый голод в людских резервах — по существу, их уже неоткуда было черпать.

Что большевики, точнее, их верхушка, эти деньги готовы были принять, не составляет сомнений. Ленин смотрел на подобные вещи диалектически. В итоге ведь торжествует революционная идея.

Такое совпадение интересов делало все практические шаги как со стороны Германии, так и со стороны Ленина более чем вероятными и, скорее всего, состоявшимися.

Великий доктринер, прикрываясь лозунгами о благе народа, готов был разрушить Отечество, лишь бы получить власть. И он его разрушил.

Вот и становится понятным, откуда взялась и такая кроваво-зловонная организация, как ВЧК, с ее прямым продолжателем — КГБ. Карательная служба Дзержинского и всех последующих руководителей должна была охранять захватчиков власти, самозванно утвердивших себя именем пролетариата вождями народа. Дух насилия над личностью, порочное потребительское отношение к человеку были усвоены от ее основателей, и непосредственно от Ленина.

Все руководители этой тайной службы, жуткой по числу кровавых дел и общему количеству загубленных и обесчещенных жизней, были готовы на любые преступления ради партийных интересов.

Для историка имеет большую ценность разговор Керенского и лорда Бивербрука, описанный Локкартом.

«В июне 1931 года мы (Локкарт и Керенский. — Ю. В.) завтракали в «Карлтон-Грилл-Рум» в Лондоне; к нам вскоре присоединился лорд Бивербрук... он сразу же стал осыпать Керенского вопросами.

— Какова причина вашего провала?

Керенский ответил, что немцы толкнули большевиков к восстанию, так как Австрия, Болгария и Турция собирались заключить с Россией сепаратный мир (для Германии это означало быструю гибель. — Ю. В.). Австрия решила просить о сепаратном мире всего за две недели до Октябрьской революции.

— Удалось бы вам победить большевиков, если бы заключил сепаратный мир? — спросил лорд Бивербрук.

— Ну конечно, — возразил Керенский, — мы были бы теперь в Москве.

— Так почему же, — поинтересовался лорд Бивербрук, — вы не сделали этого?

— Мы были слишком наивны, — последовал ответ.

Наивность — лучшая эпитафия на могилу Керенского».

Керенский сказал неправду, точнее, лишь часть правды, притом не самую важную. Заключению мира помешала не его «наивность». Да, конечно же, союзники — они намертво вцепились в горло России: воевать во что бы то ни стало! Ради этого было брошено в ход

все! И задавать подобный вопрос («Так почему вы не сделали этого?») лорду Бивербруку было по крайней мере бестактно.

Союзники обрели буржуазную Россию на вторую (ленинскую) революцию. Разумеется, ради русского пушечного мяса...

Гельфанд родился на год «запозже» Ленина, в 1869-м, то бишь являлся одногодком Крупской. Тут сплошная мистика: мало того что объявился на свет едва ли не в один год с Лениным — опочил в один год — в 1924-м!

В «Указателе имен» 9-го тома синеледеринового 5-го собрания сочинений Ленина ему посвящены идейно-проникновенные слова:

«...После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам (в Брюсселе и Лондоне летом 1903 г. — Ю. В.)... Парвус выдвинул антимарксистскую «теорию перманентной революции» (Сталин ей следовал всю жизнь. — Ю. В.), которую затем Троцкий превратил в орудие борьбы против ленинизма.

...Во время первой мировой войны — социал-шовинист, агент германского империализма (это как раз то, что нам нужно! Хотя данный факт не отрицается, а какой важный! — Ю. В.), занимался крупными спекуляциями, наживаясь на военных поставках. С 1915 г. издавал журнал... «Колокол» — орган (словами Ленина. — Ю. В.) «рenegатства и грязного лакейства в Германии».

Вот такая сжатая справочка. И признаться, этой рады — нет о Парвусе ничего в других советских энциклопедиях и словарях.

Ленину и не было нужды мараться о «рenegата» Парвуса. Отмывание денег от германо-кайзеровских метин производилось на уровне Якова Станиславовича Ганецкого-Фюрстенберга (1879—1937 — вторую дату на жизни Якова Станиславовича сам Чижиков нарисовал). От энергичнейшего и точнейшего Якова Станиславовича деньги поступали уже хирургически стерильными (на данном уровне все концы обрывались, ни один не прощупывался — на то и был поставлен Ганецкий). Наверное, даже германская секретная служба себя пыталась: а и впрямь ли ссужала эти самые рублишки в золоте? Ну благопристойнейшие торговые операции, и все тут: и тебе отчетность, документы в грессбухах, справки, печати. Попробуй придерись: торгово-финансовые операции в чистом виде. Коммерсанты, и патент вот!..

На 1 января 1993 г. известны около 400 документов, свидетельствующих о финансировании Германией революционной деятельности большевистской партии. По данным документам общая сумма, отпущенная Ленину, составляет один миллиард марок.

Ганецкого Ленин ценил чрезвычайно (сколько я ни искал — ни разу не высказался о нем даже с тенью осуждения, вообще никогда — это для Ленина и по тем временам редкость великая, скорее даже полное исключение). Словом, доверял, как себе, — и должности, которые занимал Яков Станиславович после октябрьского полымя, тому свидетельство.

А немцы эту связь замуровали — крепче, замковой, глуше и не замуруешь, поскольку от нее, этой связи, след прямо вел в нижнюю комнату Ипатьевского особняка, а это напоминание чуткая душа Вильгельма Гогенцоллерна, бывшего властителя Германской империи, вынести не могла. И посему всё пожгли, всё попрятали, всё затерли. Так, случайные бумажонки завалились... Потому что Вильгельм Гогенцоллерн не мог на миллионы золотых рублей устроить убийство своего русского родственника, его германской жены и их детей полугерманской крови. Такое с совестью Вильгельма просто «несовместно» — вот и растворились, убралась в землю, канули в небытие всякие вообще свидетельства вместе с кровью Романовых. И, как говорится, сосите лапу, историки!

Но есть еще одна маленькая новость, ну самый пустяк.

При жгучей ненависти Ленина к врагам жить их детям в советской стране в эпоху разнузданного сталинского террора, какого-то органического презрения в людям не представлялось возможным. Это категорически исключалось. Их не только не пустили бы через границу — их как близких семейству Троцкого тем более изничтожили бы на месте, а то и выкрали бы, дабы держать в бессрочной ссылке. А с сыном Парвуса все вопреки логике (и это тоже заставляет серьезно задуматься). Его сын (Евгений Гнедин) не только оказывается в СССР, но и в самые вулканические годы сталинского террора будет заведовать отделом печати Наркомата иностранных дел. Его перу принадлежит книга «Лабиринт» — это о советской дипломатии середины и конца 30-х годов. И ведь что удивительно — Гнедин дожил до самых преклонных лет. И это-то с такой «убийственной» родословной! Фактически семейство Троцкого подверглось поголовному истреблению. Все дети «врагов народа», что называется, доходили в детских колониях, не говоря уже о взрослых отпрысках — те ложились вместе с родителями, исключений не обнаруживается. А Евгений Александрович Гнедин — на столь ответственном посту! Ведь тогда ответ на каждый пункт анкеты высвечивался под микроскопом. Полчища «товарищей» с Лубянки только этим и промышляли. А тут служба, да где — в наглухо связанном с иностранцами ведомстве!

Никто ничего здесь не поймет без разъяснений самого Евгения Александровича, хотя некоторые, и очень важные, выводы напрашиваются сами.

Вот такая маленькая новость, просто с ноготок новость.

Сообщение о Гнедине имеется в работе немецкого историка Ингеборы Фляйшхауэр «Пакт Гитлер — Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939».

Гнедин (Парвус-Гельфанд-младший) все же был арестован в начале 1939 г. — почти одновременно с группой высокопоставленных советских дипломатов еврейского происхождения. Сталин мастерил процесс над бывшим наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым-Финкельштейном (1876—1951). Большевизм открывал новую страницу в своей истории — антисемитскую. Однако мгно-

венно меняющаяся обстановка в канун Великой Отечественной войны заставила Сталина пересмотреть планы. К их претворению он приступит в последние годы своей жизни.

Но уже только один арест кремлевских врачей (почти все евреи) вызовет за рубежом бурю протестов. Эта кампания возмущения возьмет новую силу теперь уже у нас и после XX съезда КПСС.

Мучить и убивать недопустимо вообще. Это главное установление в жизни людей. Это то, за что шла тысячелетняя борьба и что вошло незыблемыми законами в жизнь человечества.

Но почему мир откликнулся болью только на насилия над советскими евреями?

Что истребляли русских десятками миллионов аж с самого семнадцатого, казалось вполне уместным и даже естественным (чем меньше русских на свете, тем лучше). И это ровным счетом никого не беспокоило. И взаправду, экая невидаль! Русских валили без всяких возражений «мировой общественности» — валили без жалости, при общем постыдном молчании. Вот и вся правда о страсти народов к справедливости...

После окончания мировой войны для сближения советской России и веймарской Германии появились веские причины.

В марте 1923 г. уже умирающий Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» пишет:

«Система международных отношений сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработщено государствами-победителями — это Германия... Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться».

Проводником данной политики становится граф Брокдорф-Ранцау. Он подчеркивал, что задачи именно германского посольства в Москве имеют «ярко выраженный хозяйственный характер и без позитивного выполнения этих задач не могут быть достигнуты поставленные политические цели».

В личной жизни графа выделяла совершенная непохожесть не только на людей своего круга, но и на своих коллег дипломатов. На службу в Москву граф пригласил своих людей. Свою резиденцию в Обуховском переулке он украсил произведениями искусства и никогда не покидал ее, даже летом в жару. Именно в этом особняке проходили беседы германского посла и Чичерина. Посол передвигался только в автомобиле, и злые языки утверждали, что за все время службы в Москве он не сделал ни одного шага вне автомобиля. В свой особняк он перевел даже шифровальное бюро и никогда не прибегал к услугам других сотрудников посольства, презрительно не замечая их. За шесть лет службы в Москве он ни разу не посетил здание германского посольства. Он отменно стрелял, фехтовал, но не любил охоту, решительно отвергая убийство безоружных существ.

За годы жизни в Петербурге в начале века и за время службы

послом в Москве он не научился русскому языку.

9 января 1924 г. Чичерин пишет Ранцау:

«Высокоуважаемый господин посол, сегодня я позволю себе обратиться к Вам с особой просьбой о том, чтобы обеспечить дальнейшее нахождение проф. Фёрстера в Москве. В то время как здоровье тов. Ленина совершенно неожиданно быстро улучшается, а единственным действительным руководителем его врачебного наблюдения является проф. Фёрстер, пребывание последнего в Москве оказывается совершенно необходимым. Чрезвычайная важность этого дела очевидна. Я прошу Вас, господин посол, совершенно особо предпринять необходимые для этого шаги».

На другой день после кончины Ленина Ранцау писал в Берлин, что протокольный отдел НКВД СССР просил его взять на себя переговоры с дипкорпусом относительно церемонии соболезнования. При этом Ранцау подчеркнул, что просьба обращена к нему, «хотя я и не дуайен». Германский посол добивался того, чтобы члены дипкорпуса как представители глав своих правительств следовали в похоронной процессии непосредственно за членами советского правительства (см. статью А. А. Ахтмазяна «Профили рапалльской дипломатии» в журнале «Вопросы истории», 1974, № 12).

В конце 1927 г. Ранцау известил брата об ухудшении своего здоровья: у него появились необратимые нарушения речи. В июле 1928 г. он выезжает в Берлин. Диагноз врачей — рак горла. Ранцау до последней минуты сохранял ясность мышления.

За несколько дней до смерти, сидя в кресле, он говорит брату: «Я умираю охотно, потому что не достиг ничего, чего хотел».

Накануне смерти он до глубокой ночи читает и пишет за письменным столом. Затем по старой привычке спит до часу дня. В два часа пополудни он говорит брату: «Мне думается, что сегодня вечером мы расстанемся».

Германская сторона скрывала финансовую связь с Лениным и большевиками в годы мировой войны и в период между Февральской и Октябрьской революциями, как мне представляется, по одной-единственной причине: Ленин и его соратники погубили царскую семью. Для Вильгельма Второго это создавало невыносимое положение. Получалось, он, германский кайзер, отыскал убийц и они, большевики, убили царя (его, кайзера, родственника), царицу (немецкую принцессу) с детьми. На Вильгельма падала страшная вина — как бы соучастие в убийстве родственника и его детей. И немцы как могли скрывали этот факт связи с Лениным, уничтожив какие бы то ни было документы, однако кое-что все же уцелело. Ведь еще весной и летом семнадцатого года разведка Антанты нащупала запрятанные связи Германии с русской революцией. О связи Ленина с немцами рассказал Керенскому французский министр-социалист Альбер Тома во время визита в Россию.

Иначе не объяснить происхождение тех огромных средств, которые были истрачены большевиками на массовую пропаганду и агитацию после Февраля 1917 г. Размах пропаганды и агитации оказался настолько велик — объяснить его какими-либо частными пожертвования или «эксами» не представляется возможным. На данные средства строилась не только печатная работа партии, но и вся ее деятельность в то время. Ведь по Ленину — этически все, что может послужить делу революции. А мировая революция все уравнивает.

Правда требует признать Октябрьскую революцию волей народа. В тот исторический миг она явилась ответом на устремления большинства простого люда бывшей Российской империи. Этот миг подготавливался энергией и талантом Ленина, совершил же переворот народ.

«Важно понять, что с самого начала революция в России была революцией народа, — писал Брюс Локкарт. — С первого момента ее ни Дума, ни интеллигенция ни в коей мере не контролировали положение. Кроме того, эта революция была революцией за землю, за хлеб и за мир, и в первую очередь — за мир. Керенский пал именно потому, что он не собирался заключать мир. Ленин пришел к власти именно потому, что обещал прекратить войну».

Ленин пообещал — и народ повернул за ним.

«Мы не можем не считаться с тем, что власть большевистская все же власть, „помазанная народным безумием“, — говорил лидер эсеров Чернов.

Надо признать, что сама большевистская партия не многого стоила с точки зрения настроенности на революцию социалистическую. Она вообще немногого стоила без своего вождя.

«В газетах того времени нашло отражение то странное и неожиданное впечатление, — вспоминал В. Д. Набоков, — которое произвели приезд Ленина и его первые выступления. Даже Стеклов (Нахамкис)¹ нашел нужным заявить, что Ленин, по-видимому, потерял контакт с русской действительностью. «Правда» не сразу сумела подняться до уровня своего идейного вождя... Но колоссальную настойчивость и самоуверенность Ленина нельзя было, конечно, победить так просто. Все последующее показало, до какой степени

¹ Стеклов, Юрий Михайлович (настоящая фамилия — Нахамкис). На три года моложе Ленина. Родился в еврейской семье в Одессе. С двадцати лет примкнул к социал-демократическому движению. В 1894 г. арестован, из якутской ссылки бежал за границу — все они бежали, сидеть никто не хотел; сидеть они заставили после всю прочую часть России, у которой хоть в чем-то проявлялась самостоятельность.

В 1900 г. Юрий Михайлович познакомился с Лениным и примкнул к искровцам. В 1905 г. вернулся в Россию. В 1910 г. арестован и выслан за границу (ну нет управы на человека!).

В ходе Февральской революции избран членом исполкома Петроградского Совета. С 1917-го и по 1925-й — редактор газеты «Известия». Репрессирован (по закону возмездия) «женевской» тварью и упокоился на 68-м году жизни.

глубоко, даже в деталях, был продуман план. Он немедленно, шаг за шагом, начал осуществляться, причем главным рычагом было утомление армии войной и начавшееся на фронте, под прямым влиянием Петербургского переворота, быстрое — можно сказать, катастрофическое — разложение.

По своим воспоминаниям мне приходится констатировать, что Вр. правительство с изумительной пассивностью относилось к этой губительной работе. О Ленине почти никогда не говорили. Помню, Керенский уже в апреле, через некоторое время после приезда Ленина, как-то сказал, что он хочет побывать у Ленина и побеседовать с ним, и в ответ на недоуменные вопросы пояснил, что «ведь он (Ленин. — Ю. В.) живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-нибудь помог ему ориентироваться в том, что происходит». Визит, сколько мне известно, не состоялся...

Нет, Александр Федорович был глубоко не прав. Нет опасней ошибки, чем недооценка противника. Около Ленина был человек. Ленин не сохнул в одиночестве, рядом стоял... Ленин... и обоих Лениных подпирала финансовая помощь воюющей Германии. Но не эти деньги укрепляют убеждения вождя большевизма. Их родила, скрепила намертво глубочайшая, фанатичная уверенность в правоте дела. Деньги из Германии лишь помогали вести главное доказательство жизни. Были бы это деньги от «Союза палачей всех народов» (существуй такой) — он и их бы взял. Ведь этично все, что служит революции. Он взял бы любые деньги, даже из огня и крови, расплавленного металла и стонов миллионов людей, — эти деньги пошли бы на то, чтобы навсегда смыть слезы, горе, несправедливость, угнетение. В святость своих целей он верил непоколебимо. Как взошел на эшафот его старший брат, не отрекшись от убеждений, так и он готов был отправиться на эшафот, в пыточную, в лед любой могилы.

О том, взял ли Ленин кайзеровские деньги или нет, вести спор нелепо — конечно, взял, потому что они шли на революцию. Это не была продажа убеждений — это был всего лишь шахматный ход. Когда победит революция в России, она перекинется на весь мир — и какое значение будет иметь, откуда были взяты деньги. Все правительства капиталистов ответят. И эти золотые рубли фактически отданы врагом на свою же погибель. Взять их, чтобы после убить того, кто дал: германский империализм.

Капитализм Ленин ненавидел люто. Эта ненависть даже искажила в нем многие человеческие черты. Но очевидно, таковой была природа борьбы: среди всемогущего буржуазного порядка, в одиночестве, в эмиграции, в забвении, в ярости риска, среди недостойной грызни в партии и вообще революционном лагере. Ленин был сработан из огня ненависти и непримиримости. Именно здесь трагедия

революции. Для продвижения к цели — победе социализма — допустимы любые жертвы, важно достижение цели. Цель поставлена перед человеком — и свершилась подмена ценностей, бойня стала целью нового государства, ибо служила человеку...

И все потонуло в крови и проклятиях...

Имя профессора Фёрстера всплывет еще раз — в истории с ядом. В 1967 г. писатель Александр Бек беседовал с личными секретарями Ленина Фотиевой и Володичевой. Из этих бесед как бы «выпадет» история еще одной безнравственности, теперь уже направленной не по привычной схеме от Ленина на весь мир, а на Ленина, и не от всего мира, а от самых доверенных его лиц. Диктатора предавали те, кого он считал своими верными помощниками.

«...Меня предупредили, что Ленину разрешено диктовать не более пяти минут, — делится своим позором Володичева. — Надежда Константиновна провела меня в комнату, где на кровати лежал Ильич. Вид у него был болезненный. Он неловко подал мне левую руку, правая была парализована. Это меня сильно поразило. Я не предполагала, что ему до такой степени плохо. Когда мы остались, я села за стол рядом с кроватью. Ленин сказал: „Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!“»

А спустя какое-то время после диктовки Мария Акимовна уже на квартире Сталина и передает ему расшифрованный текст ленинской диктовки. Сталин вместе с Орджоникидзе и Бухариным удаляются в кабинет, откуда «примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его на этот раз были тяжелыми, лицо озабочено. Он пригласил меня в другую комнату... «Сожгите письмо», — сказал он мне. Это распоряжение Сталина я выполнила...».

А Ленин на другой день наивно предупреждает своего секретаря, то есть все ту же Марию Акимовну:

«„Я буду диктовать вам свой дневник. Он абсолютно секретен...“ Кончив диктовать, Ильич еще раз напомнил: «Продиктованное вчера, 23 декабря, и сегодня, 24 декабря (1922 г. — Ю. В.), является абсолютно секретным». Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте, под особой ответственностью...»

Но нет, Мария Акимовна тут же направила свои стопы в дом к Сталину. Не отстала от нее и Лидия Александровна Фотиева, даже больше твердости проявила в предательстве, даже какую-то идейную пламенность.

Эти признания-самообличения, выжатые талантом Бека вести беседу, воздействия на людей, вызывают омерзение и даже некоторое чувство обиды за разящего всех и каждого вождя революции. Обессиленный неизлечимой болезнью, уже безопасный для всех, он становится объектом нечистоплотных манипуляций.

Фотиева до конца своих дней оставалась «закрытым» человеком, то бишь отказывалась с кем-либо встречаться и беседовать. По сло-

вам историка Владлена Логинова («Московские новости», № 17, 23 апреля 1989 г.), Фотиева была уверена (и говорила об этом Логинову), что еще в 30-е годы во время ремонта в ее квартире в «доме на набережной» (дом, из которого на пытки и смерть постепенно увезли почти всю верхушку партии, Красной Армии и государства), не таясь, установили подслушивающие устройства. И десятки лет она жила в твердом убеждении, что любое слово, даже сказанное шепотом, фиксируется. И уцелеть можно только ценой молчания.

Из беседы Бека с Фотиевой 20 марта 1967 г.:

— Однако же Володичева в своей записи (в дневнике дежурных секретарей. — Ю. В.) прямо говорит, что она передала письмо в руки Сталину.

— Нет, это неверно. Погодите, дайте-ка вспомнить. Я два раза была в это время у Сталина. Первый раз насчет яда. Но об этом писать нельзя. А второй раз... Да-да, вспомнила. Я сама передала письмо Ленина о национальностях.

— То есть сразу после того, как он продиктовал?

— Да. Могу вам рассказать. Только не записывайте. И если вздумаете опубликовать, то отрекусь.

— Да что вы, какая публикация? Мне это необходимо просто уяснить.

— Так вот. Сначала о яде. Еще летом (1922 г. — А. Б.) в Горках Ленин попросил у Сталина прислать ему яд — цианистый калий. Сказал так: «Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя» (Ленин собирался последовать примеру Поля Лафарга и его жены, дочери Маркса — Лауры, которые отравили себя в 1911 г., чтобы не мучиться наступающей старостью. — Ю. В.). Сталин согласился. Сказал: «Хорошо». Однако об этом разговоре узнала Мария Ильинична и категорически воспротивилась. Доказывала, что в этой болезни бывают всяческие повороты, даже потерянная речь может вернуться... В общем, яд Владимир Ильич не получил. Но после нового удара он в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал:

— Профессор Фёрстер написал мне так: «У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу». И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным.

Владимир Ильич вспылал, раскричался. Во время болезни он часто вспыхивал даже по мелким поводам: например, испорчен лифт (он был вспыльчив смолоду, но боролся с этим. — А. Б.).

— Ваш Фёрстер — шарлатан, — кричал он. — Укрывается за уклончивыми фразами.

И еще помню слова Ленина:

— Что он написал? Вы это сами видели?

— Нет, Владимир Ильич. Не видела.

И наконец, бросил мне:

— Идите вон!

Я ушла, но напоследок все же возразила:

— Фёрстер не шарлатан, а всемирно известный ученый...

Что нам добавить? Великий утопист верил, что совокупность материальных факторов преобразует человека — стоит лишь изменить характер собственности. Вышло же все наоборот.

Только нельзя уже вернуть назад миллионы жизней и благородную мощь Российского государства.

Он был беспредельно жесток в следовании предназначениям плана — создать свободное и счастливое общество. Судьбы людей, их страдания, кровь — это были лишь безликие величины в его расчетах. Как живые люди они отсутствовали. Была предназначенность общества к свершению. Все прочее не имело ни ценности, ни значения, ни смысла.

Великий утопист мечтал искоренить зло, но не сумел избавиться от него даже в своем окружении.

В манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» Ленин вскрывает империалистический характер войны 1914 г., разоблачает измену рабочему классу вождей главнейших социалистических партий Европы и II Интернационала. Ленин выдвигает в манифесте революционные тактические лозунги международного рабочего класса в империалистической войне и показывает, что только одна партия большевиков отстаивала интересы международного пролетариата и не склонилась революционного знамени перед империализмом.

Задолго до названного манифеста он не без волнения напишет, это чувствуется по строю слов:

«Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе».

И это звучало как возвышенная и гордая клятва.

В манифесте же проставлена судьба России.

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую, — пишет Ленин, — есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны (Парижской. — Ю. В.), намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высокоразвитыми буржуазными странами».

Ленин до конца предан идее справедливости для бедняков через

диктатуру пролетариата. Ради этой идеи он живет, без этой идеи нет для него не только земного бытия, но и мира вообще. Здесь никто и ничто его поколебать не могут: ни десятилетия в подлинном изгнании, ни травля в газетах, ни предательства ближайших сотрудников, ни постоянная провокация царской охранки, ни пули Каплан, ни тяжкий недуг.

Есть только революция во имя бедняков. И кровь в достижении этой цели значения не имеет.

Первые два десятилетия советской власти говорили не «служу Советскому Союзу», а «служу трудовому народу».

Все, что происходило в России с 1917 по 1991 г., не случайность. Это часть огромного процесса — проба миром новых форм бытия, ибо действительность все жестче и жестче подводит к исчерпанности возможности жить устоявшимися способами производства, обеспечения населения и использования недр. Крах социалистического опыта в России не означает, что причины, вызвавшие к жизни данный опыт, исчерпаны, их более нет. Кто так думает — глубоко и опасно заблуждается. Опасно, поскольку не уловить смысла явлений, их требований — значит непременно угодить в беду. А беда на уровне мирового развития — это катастрофа... Ведь совсем не случаен этот опыт над целой страной с сотнями миллионов людей и на протяжении трех четвертей века. И это отнюдь не прихоть Ленина. Только для слепца — это голая игра случая. Природа мирового общества искала выход из тупика, которым являются самодовольство и разрушительность капитализма для человеческой цивилизации. И, кстати, направление, общий смысл поиска у Ленина были, безусловно, верными. Крах наступил из-за насилия как способа устройства новой жизни и пренебрежения человеком. Человек, как и человечество, не может быть ничьим средством.

Жизнь требует, ищет новые формы своей организации, ибо человечество вползает в сокрушительный глобальный кризис. Именно поэтому в России грянула социалистическая революция. Она оказалась отражением тупика в мировом движении и поиска выхода из этого тупика.

Причины кризиса не только сохранились со времен Ленина, но обострились. Нужны подлинные реформаторы с высоким интеллектом — лучшие из лучших. Ограниченность же тех лиц, что поставлены к руководству государств, обрекает человечество. Что ждет его при таком управлении, представить несложно. Это будет доведенное до предела, уже неразрешимое сплетение разного рода противоречий — и общественных (прежде всего классовых), и природных (исчерпанность ресурсов, гибельность экологическая), и нравственное, моральное усечение человечества... От этого не отмахнуться. Это поставлено на самое недалекое будущее человечеству.

Как не понять, что террор, бестолочь военных столкновений,

выдающееся падение морали, разрушение Земли есть предвестие, а точнее, настойчивое предупреждение грядущих вселенских событий нам, людям? Это первые гонцы огромных бедствий. Они вопиют о бессмысленном устройстве жизни. Не прочитать это послание — значит приговорить себя. И революция Ленина была прочтением такого послания будущего, однако опыт организации новой жизни на трупных ногах оказался не только преступным, но и бесполезным.

И конечно же, в центре грядущей бури — человек. То, во что превращает его так называемое развитие цивилизации, есть не что иное, как надругательство. Это уже не человек, не центр мироздания и не «человек — это звучит гордо», и уж никак не творение Божие, а всего-навсего... существо. Этакое приспособление для работы и отправления инстинктов — и только. Все несогласия с этим — лишь пустое лицемерие. Капитализм вместо человека лепит чудовище. Себялюбие (эгоизм) личное и групповое поставлено в центр вселенной. Ничто не должно препятствовать насыщению этого себялюбия и идущего с ним рука об руку стяжательства...

Ленин первым возвысил голос против мирового безумия — войны. Именно это после Февраля 1917 г. и дает большевикам власть над душой народа, а тут еще и земляца обещана — та самая, о которой мужик бредил извечно. Качнуло это лапотную страну окончательно к большевизму и Ленину, ведь до семнадцатого года крестьянство составляло подавляющее большинство России.

Участник боевых действий с первого и до последнего дня войны Д. Оськин вспоминает¹ март—апрель 1917 г. в своем пехотном полку: «Солдат теперь спит и видит, как бы поскорее поехать домой землю делить».

Нет оснований считать этот фронтной полк исключением. С некоторыми отклонениями, во всех пехотных полках наблюдалась примерно общая картина.

Однако интеллигенции и офицерству антивоенная, пораженческая пропаганда и агитация Ленина представлялись изменой и пособничеством врагу, то есть кайзеровской Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции.

Революция.

Кадровое офицерство, не связанное с земельной и фабричной собственностью, все же видело в монархии гарантированный источник материальных благ: орденов, чинов, жалованья и пенсий. Соответственно и настроение подтягивалось к монархическому.

Впрочем, и оно, профессиональное воинство, в определенной части своей тоже приветствовало революцию как единственное

¹ См.: Записки прапорщика. М., «Федерация», 1931.

средство обновления страны, искоренения казнокрадства, карьеризма, предательства, безответственного руководства, то есть всего того, что сводило на нет безмерные усилия народа в той кровавой войне.

Молодое же офицерство (в большинстве своем из унтер-офицеров, то бишь крестьян и рабочих, студентов, учителей, мелких чиновников...) едва ли не повально подалось на сторону революции.

Это молодое офицерство и патриотически настроенное кадровое офицерство стремились к единению с народом. Они одобряли закон о даровании гражданских прав бывшим нижним чинам и вообще всю послереволюционную обновленческую деятельность властей. Надежды возлагались на Учредительное собрание — оно должно определить статус России. Выборы в собрание были намечены на ноябрь-декабрь того же, 1917 г.

Офицерство ждало от победы революции укрепления дисциплины, сознательности в отношении к воинским обязанностям всех — от рядовых до генералов — и, как следствие, возрастания боеспособности армии. Предстояли новые столкновения с немцами, уже не одну российскую губернию придавил их сапог.

Немалая часть офицерства считала, что именно для закрепления добытой в Феврале свободы прежде всего необходимо сбросить с плеч России Германию и Австро-Венгрию, которые стремились расчленить ее и экономически предельно ослабить и тем самым низвести до положения второстепенной европейской державы.

Что эти опасения имели под собой основания, подтверждают воспоминания немецкого генерала Макса Гофмана — в ту пору начальника штаба Восточного фронта.

«Свергнуть большевистское правительство, на мой взгляд, не стоило бы никаких особых усилий. Для этого достаточно было бы занять линию Смоленск — Петербург, образовать в Петербурге новое правительство, которое должно было бы пустить слух, что наследник цесаревич жив; назначить последнему регента и привезти Временное правительство в Москву. В качестве регента я наметил великого князя Павла, с которым главнокомандующий Восточного фронта (принц Гогенлоэ. — Ю. В.) вступил в сношения... Вся эта комбинация избавила бы Россию от ужасов голода и холода и спасла бы жизнь миллионам людей...»¹

Существенно проясняют данный факт и воспоминания австрийского министра иностранных дел графа Оттокара Чернина.

«...За последние дни я получил надежные сведения о большевиках. Вожди их — почти сплошь евреи с совершенно фантастическими идеями, и я не завидую стране, которой они управляют. Но нас, конечно, в первую очередь интересует их стремление к миру... Немецкие генералы, возглавляющие, как известно, всю герман-

¹ Гофман М. Записки и дневники. 1914—1918. Л., «Красная газета», 1929.

скую политику, сделали, как мне кажется, все возможное для того, чтобы свергнуть Керенского и заместить его «чем-нибудь другим». Это «другое» (Ленин и большевики. — Ю. В.) заступило его место и желает заключить мир... Исчерпывающих данных об этих большевиках не достать; то есть, вернее, данных очень много, но они противоречивы... Они (большевики. — Ю. В.) зверски угнетают все, что не подходит под понятие пролетариата. Русские буржуазные классы... трусливы и глупы... и дают себя резать, как бараны... было бы правильно не вступать с этими людьми в переговоры, а просто идти на Петербург и восстановить там порядок, но такой силы у нас нет...»¹

Гофман и Чернин размышляют о более позднем времени — оно наступит через 10—11 месяцев, — но сама возможность проникновения врага в глубинно-исконные земли России нарастала с каждым днем. Если у немцев не было такой силы для похода на Петроград и Москву, то у новой власти в России благодаря ее сознательной политике она совершенно исчезла, защищаться было просто нечем, армия под влиянием ленинской антивоенной деятельности распалась в прах...

Все эти безобразия, глумления над здравым смыслом оказались возможны из-за уничтожения культурного слоя русского народа. Только в среде малообразованной, нетребовательной мог процветать сталинизм. Следовало не только принизить общественный разум, сделать его непритязательным, ограниченным и агрессивным, но и обескровить общество. Тогда возможен сталинизм, объяснимо все это восхищение дремучими насильниками, полуграмотными хозяевами жизни...

В этом Отечестве можно поносить Сталина и вообще любого генсека, но Ленина — не «моги». Это понятно: без утопии Ленина уже вообще все — одно безобразие, никакого человеколюбия, один террор и нужда.

Поэтому все, кто чествуют Сталина и других генсеков, — это люди безусловно стоящие, патриоты. А вот ежели на Ленина тебя заносит и видишь в нем корень зла, то ты уже злодей.

Старый эсер говорил мне в 1961 г. о Ленине и победе большевиков: «Они победили, потому что всё и всем обещали... а потом ничего не стали выполнять. Им поверили, а они и не собирались выполнять. Им надо было пробиться к власти — не было того, чего бы они не наобещали. Изнанкой революции была совершенная безнравственность».

¹ Чернин О. В дни мировой войны. М.—Л., Госиздат, 1923.

В полку, где служил Оськин, насчитывалось приблизительно 60 офицеров; шестеро или семеро из них (старых кадровых) сразу повели себя контрреволюционно, к ним примкнули и несколько молодых офицеров. Все же остальное офицерство приняло революцию, и приняло горячо, с верой. Безусловно, какая-то часть его заняла выжидательную позицию, но таких были единицы. В общем же, свыше двух третей офицеров одобряли свержение монархии. Так было в марте—апреле 1917 г., еще до преследований и убийств офицеров.

Данные полностью согласуются с воспоминаниями Виктора Шкловского — русского советского писателя, участника этих событий.

Летом 1917 г. Виктор Борисович Шкловский руководил армейским комитетом Восьмой армии Юго-Западного фронта, которой поначалу командовал знаменитый Брусилов, после — Каледин, атаман Войска Донского, а за ним Корнилов — будущий зачинатель белого движения; в этой же армии командиром бригады начал войну и генерал Деникин.

Комиссарская степень ставила эсера Шкловского вровень с командующим армией.

После Виктор Борисович оказался комиссаром так называемой Персидской армии, то есть русских соединений, которые действовали против Турции через Персию (Иран).

Виктор Борисович знал солдата и вообще фронт. Свои воспоминания складывал не понаслышке, а были они живой, кровотокающей памятью участника. Он дважды был ранен, сначала пулей в живот, а позже, будучи инструктором подрывного дела, осколками снаряда.

Виктор Борисович умер глубоким стариком 5 декабря 1984 г. Примечательно, что в некрологе, напечатанном центральными газетами, вообще не называется его книга воспоминаний «Сентиментальное путешествие» — одна из капитальных работ писателя.

В этих воспоминаниях, имеющих подзаголовок «Революция и фронт», Виктор Борисович писал:

«Судьба нашего офицерства глубоко трагична. Это не были дети буржуазии и помещиков, по крайней мере в своей главной массе. Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Хороши или плохи были эти люди — других не было и следовало беречь их. Грамотный человек не в офицерском мундире был редкостью, писарь — драгоценностью. Иногда приходил громадный эшелон, и в нем не было ни одного грамотного человека, так что некому было прочесть список...

У России скривлены кости. Кости были скривлены и у русского офицерства. Навыки России, походка ее мыслей были им понятны.

Но революцию они приняли радостно. Война тоже измучила их. Империалистические планы не туманили в окопах и у окопов никого, даже генералов. Но армия, гибель ее застилала весь горизонт. Нужно было спасать, нужно было жертвовать, нужно было надрываться: таких было много... Мы сами не сумели привязать этих измученных войной людей, способных на веру в революцию, способных на жертву, как это они доказали не раз. Такова была судьба всех грамотных русских, имеющих несчастье попасть на ту черту, где кровавой пеной пенилось море — Россия...»

Офицер не разбирался в тонкостях социал-демократического отношения к войнам. Он четко нес одно: армия и он, офицер, созданы для защиты Отечества. Долг офицера — сражаться, не допускать врага на родную землю. И не только сражаться, но и делать все для сохранения боеспособности армии, ибо, пока есть армия, государство существует.

Здесь сразу обозначилась основа расхождения офицерства и большевиков.

Между тем расправы над офицерами входили в быт страны еще до Октября 1917 г. Оськин свидетельствует:

«...Газеты столько раз сообщали о массовом избиении офицеров в Петрограде, Москве и других городах, особенно старших генералов...»

Антивоенная пропаганда Ленина и большевиков, их стремление разложить армию как единственную силу, преграждающую им путь к захвату власти, организация травли офицерства как классового противника, а после и их убийства, погромы — в итоге это не могло не сказаться на настроении этих самых, единственно грамотных людей в России.

К лету 1917 г. германские войска захватили обширные пространства бывшей Российской империи. Подрывать в этих условиях боевую мощь Вооруженных Сил представлялось образованной части русского общества прямым предательством. Именно тогда и зарождается «миф» о Ленине — «шпионе германского Генерального штаба».

Об этом «мифе» все тот же генерал Гофман пишет:

«Разложение, которое русская революция внесла в ряды армии, мы стремились еще больше углубить путем пропаганды... Немцы, находившиеся с Россией в состоянии войны, имели полное право предпринять все меры для того, чтобы разложить вражескую армию, поскольку русская революция не оправдала наших надежд на заключение мира (имеется в виду Февральская революция 1917 г. — Ю. В.)... Точно так же, как мы направляли против русских окопов ураганный огонь, точно так же, как мы отравляли их ядовитыми газами, мы имели также полное право использовать против

них все средства пропаганды, в том числе и провоз Ленина через германскую территорию...»¹

Немцы ценили Ленина по-своему: как ураганный артиллерийский огонь и ядовитые газы...

14 апреля 1917 г. по пути в Россию Ленин отправляет телеграмму Карпинскому в Женеву: «Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Едем дальше...»²

Еще бы не охранять! Да этот вагон целых армий стоит, да что там армий — опасней самого ядовитого газа.

«Едем дальше...»

Грамотным людям России, да и не только им, казалось невероятным в подобных условиях действовать заодно с ленинцами — по существу, заодно с врагом. Во всяком случае, именно таковой выглядела внешняя сторона событий.

Народ же потянулся к Ленину. Народ отказывался быть серой скотиной, которую гонят на убой ради мощны и благоденствий больших и малых господ. Большевики эти настроения выявили четко. Об освобождении же захваченных земель и защите других как-то никто не думал: пусть там люди сами с немцами да австрийцами разбираются...

Особенно эти настроения проявились и стали определять ход событий после Октября 1917 г., и прежде всего — Брест-Литовского соглашения с Германией.

Россия лежала перед врагом.

20 февраля 1918 г. Гофман записывает в дневник:

«Свинства в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет. Вчера один лейтенант и шестеро солдат взяли в плен 600 казаков. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов, несколько тысяч пленных, дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы...»

Запись 21 февраля:

«Наше наступление продолжается. Вчера мы со стороны остров подошли по льду к Эстляндии. Большевики удирают. До вчерашнего вечера взято свыше 1500 пушек...»

Оськин вспоминает о тех же днях:

«На улице (Петрограда. — Ю. В.) мне бросились в глаза, раскле-

¹ «В какой мере германская рука активно участвовала в нашей революции — это вопрос, который никогда, надо думать, не получит полного, исчерпывающего ответа», — писал еще летом 1918 г. В. Д. Набоков. А он был не только видным членом кадетской партии, но и грамотным юристом, управляющим делами Временного правительства. Значит, уже тогда для него этот факт «участия» не составлял сомнений. Летом 1918 г. он написал книгу «Временное правительство и большевистский переворот». Книга была издана в Москве (изд-во т-ва «Мир», 1924), но с соответствующими купюрами и без последней главы — «Большевистский переворот».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 433.

енные на каждом столбике, на каждой будке и на стенах домов в большом количестве воззвания Совнаркома: «Социалистическое Отечество в опасности...» Пять—семь дней форсированного марша немецких войск — и Петроград станет ареной непосредственной борьбы. Отпора с нашей стороны ждать нельзя. Армия деморализована окончательно. Бросается оружие, все военное имущество, склады снарядов и т. п. Поезда захватываются бегущими с фронта солдатами. Удивляюсь... как можно говорить о революционной войне. Революционеров не так уж много, чтобы из них можно было создать армию, хотя бы даже партизанскую...»

9 апреля Гофман записывает:

«Мы заняли Харьков. Мне никогда и не снилось, что этот город когда-либо будет занят германскими войсками...» (выделено мною. — Ю. В.).

Германское наступление застопорило подписание мирного договора в Брест-Литовске.

«...Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить новой...» — объяснял задачу большевиков Ленин.

И они разбили некогда могучую армию. Но мало кто знает, что даже после Октябрьского переворота и в самый канун разгрома ставки в Могилеве отдельные соединения продолжали стойко удерживать фронт.

У меня хранится фотоархив бывшей 78-й пехотной дивизии Российской армии (начальник дивизии — генерал Добророльский). Это по сути летопись боевых дел дивизии в фотографиях. Я заполучил архив в марте 1968 г. В пору войны фотографии, очевидно, хранились в штабе дивизии, так как все аккуратно подклеены на большие, плотные листы зеленого картона, под каждой старательно почерком штабного писаря соответствующие пояснения с «ятью». Предполагалось, что после войны фотографии будут свидетельствовать о ратных делах дивизии.

Под последними фотографиями дата — ноябрь 1917 г. На самом последнем по времени снимке запечатлен раненый в окружении солдат (фотография приводится в книге). Подпись объясняет происшествие: «Позиция к северо-востоку от Якобени (это среди гор в Буковине. — Ю. В.). Бой 17 ноября 1917 г. С любимым фельдфебелем 16 роты 311 полка 78 дивизии».

Любимый фельдфебель повержен немецкой сталью. Его поддерживает за спину молодой солдат в фуражке, двое других — в папахах, как и фельдфебель, лица которого не углядеть за бинтами. Левый рукав шинели разворочен. Доходит служивый. У солдат, что смотрят на нас с фотографии, — измученные, грязные лица. Взгляды — настороженные и очень серьезные. Они в мятых, заносенных шинелях...

Фронт разложен, почти все ушли по домам, но есть такие, как эти: стоят на месте и не пускают врага в Россию, хотя Россия отвернулась от них: лейте свою кровь, мне-то что...

26 ноября 1917 г. германское командование Восточного фронта получило запрос по радио от нового Верховного главнокомандующего русской армии прапорщика Крыленко с предложением заключить перемирие.

Это сразу вызвало исключительную заинтересованность у германского руководства. Для успешного завершения войны на западе Германия остро нуждалась в притоке живой силы. Таким поистине неиссякаемым источником мог стать Восточный фронт, ибо людские резервы Германии были практически исчерпаны. В армию мобилизованы даже ученики выпускных классов школ, не говоря уж о престарелых мужчинах и полунинвалидах.

В штаб Крыленко последовала телеграмма с согласием на переговоры.

В Брест-Литовск прибыли: из Германии — чиновник министерства иностранных дел фон Розенберг, из Австро-Венгрии — подполковник Покорный, из Турции — генерал от инфантерии Ээки и из Болгарии — подполковник Ганчев. Они выработали условия перемирия, которые, по словам Гофмана, «не содержали в себе ничего обидного для русских; военные действия должны были прекратиться, и обе враждующие армии — оставаться на доселе занятых позициях».

2 декабря советская делегация пересекла линию фронта у Двинска (с 1920-го — Даугавпилс) и была доставлена в Брест-Литовск. Этот городок был захвачен немцами еще 15 августа 1915 г.

«С нормальным противником можно было бы на основе этих условий прийти к соглашению в одно заседание, — вспоминает Гофман, — но с русскими дело обстояло гораздо сложнее. В русскую комиссию входили Иоффе, с которым впоследствии нам пришлось близко познакомиться (Иоффе вскоре стал полпредом РСФСР в Германии, тогда еще кайзеровской. Из советского представительства повелась яростная пропаганда и агитация с призывами к уничтожению кайзера, генералов и капиталистов. — Ю. В.), Каменев, госпожа Биценко, приобретшая известность из-за убийства ею одного министра¹, один унтер-офицер, один рабочий и один крестьянин... К комиссии было прикомандировано несколько офицеров Генерального штаба и адмирал Альтфатер. Они не имели права голоса и должны были быть использованы только в качестве специалистов...»

¹ В главные очаги беспорядков 1905—1907 гг. Николаем Вторым с ревизией были посланы три генерал-адъютанта, в их числе бывший военный министр Сахаров. В марте 1906 г. его и убила четверым выстрелами в упор Биценко.

В состав делегации входили Каменев, Карахан, Масловский, Сватков, Шатков...

Эсер Масловский — сын генерал-майора Дмитрия Федоровича Масловского (1848—1894), русского военного историка, начальника кафедры истории русского военного искусства в Академии Генерального штаба, основоположника русской военной исторической школы. Генерал Масловский подчеркивал самобытность русского военного искусства.

Эсер Масловский (его сын) — полковник (до Октябрьского переворота), заведовал библиотекой Академии Генерального штаба, оставил любопытную книгу воспоминаний («Пять дней») — пять памятных дней двух революций. В советское время писал повести и рассказы под псевдонимом Мстиславский. Погиб в годы сталинщины.

Контр-адмирал Альтфатер (теперь уже бывший) поделился с Гофманом, так сказать, в неслужебной обстановке опытом революции:

«Большевистская пропаганда оказала совершенно необычайное влияние на массы. Я уже вам много рассказывал об этом, и в частности жаловался, что при защите Эзеля армия расплзлась у меня под руками. Точно так же обстояли дела на всех фронтах...»

Весной 1918 г. Василий Михайлович Альтфатер был введен в коллегию Народного комиссариата по морским делам; осенью 1918 г. назначен первым командующим Морскими силами и членом Реввоенсовета Республики. За какие-то полгода Альтфатеру удалось привести флот в относительный порядок. Он умер 36 лет от сердечного приступа в ночь на 20 апреля 1919 г., похоронен на Новодевичьем кладбище. Самый молодой адмирал бывшего императорского флота.

2 декабря перемирие все же заключено.

Для выработки условий мирного договора в Брест-Литовск прибыли: от Германии — статс-секретарь ведомства иностранных дел фон Кюльман, от Австро-Венгрии — министр иностранных дел граф Чернин, от Болгарии — посланник и полномочный министр в Вене Тошев и Хакки-паша — посол Турции в Берлине.

Советскую сторону представляли Иоффе, Каменев, Сокольников и профессор Покровский.

Мирная конференция в Бресте открылась 22(9) декабря 1917 г. Советская делегация предложила в качестве основы для соглашения принципы демократического мира, выраженные шестью пунктами знаменитого ленинского Декрета о мире.

«Инструкция о переговорах на основе Декрета о мире» была составлена с участием вождя и утверждена Советом Народных Комиссаров 10 декабря (27 ноября) 1917 г. Стержневым условием являлась все та же ленинская мысль, предельно сжато и четко выраженная в его «Конспекте программы переговоров о мире»: «Главная тема политических переговоров и основной принцип — „без аннексий и контрибуций“».

Для германской стороны это прозвучало неуместной шуткой. Перед пустыми русскими позициями стояли полнокровные германские дивизии. Не для того они лили свою и русскую кровь, дабы возвращаться восвояси. Россия лежала голая и беззащитная — ради этого затевал войну Берлин. Надо было брать все, на что хватало замаха оставшихся дивизий; остальные уже давно одна за другой поспешно передислоцировались на Западный фронт.

«Иоффе, Каменев и Сокольников, а главным образом Иоффе производили впечатление очень интеллигентных людей, — вспоминает Гофман. — С большим воодушевлением они говорили о стоящей перед ними великой задаче повести русский пролетариат к счастью и благоденствию. Все трое ни минуты не сомневались в том, что эта цель вполне достижима при условии, если народ сам будет управлять на основе марксизма. Иоффе твердо верил в то, что в будущем всем людям будет хорошо, а некоторым, среди которых, как мне кажется, он имел в виду самого себя, будет еще несколько лучше. Разумеется, все трое не делали секрета из того, что они рассматривают русскую революцию только как первый шаг к освобождению человечества. Совершенно исключена возможность, чтобы коммунистическое государство могло долго продержаться, будучи окружено капиталистическими державами. Главнейшей своей целью они считали поэтому мировую революцию...»

Тогда же состоялась встреча Иоффе с графом Черниным. В свое время тогда еще богемский вице-канцлер граф Чернин — далекий предок нынешнего министра иностранных дел — вел переговоры с Петром Первым в Вене. Граф Чернин поколения начала XX века тоже оставил любопытную справку:

«После обеда у меня было первое длинное совещание с господином Иоффе. Вся его теория основана на установлении во всем мире самоопределения народов... и на внушении этим народам начал любви. Иоффе не отрицает, что это движение, безусловно, вовлечет государства всего мира в гражданскую войну, но считает, что такая война, которая должна привести к осуществлению идеалов всего человечества, справедлива и достойна намеченной цели. Я ограничился тем, что сказал Иоффе, что ему следовало бы доказать на примере России, что большевизм действительно прокладывает путь к новой, счастливой эре и что, когда ему это удастся сделать, идеи его завоюют мир. Но прежде, чем такое заключение будет

подтверждено примером, Ленину едва ли удастся насильственно ввести весь мир в круг своих идей... Иоффе удивленно посмотрел на меня своими кроткими глазами и затем сказал мне дружески, я бы даже сказал, просящим голосом, которого я никогда не забуду: «Я все-таки надеюсь, что нам удастся вызвать у вас революцию».

В этом-то я и сам уверен, и без милостивой поддержки Иоффе, — об этом позаботятся все народы за себя...

Удивительные люди эти большевики. Они говорят о свободе и общем примирении, о мире и согласии, а при этом они, по-видимому, самые жесточайшие тираны, каких видел мир, — буржуазию они попросту вырезают, а единственными их аргументами являются пулеметы и виселица... лицемерие их превышает все...»

Тогда же граф записывает в дневник, что принимать всерьез какие-либо выборы в России нельзя. Красный террор сфальсифицирует любые результаты.

26 декабря Чернин беседовал с другим членом советской делегации, он не называет его.

«Он утверждал, что все монархи более или менее дегенеративны и что он не понимает, как вообще можно примириться с такой формой правления, при которой страна рискует подчиниться правителю-дегенерату. **Я ответил ему, что монархия имеет за собой то преимущество, что при таком строе хоть одно лицо застраховано от личного карьеризма, а что касается дегенерации, то и она является вопросом взглядов; ведь среди некоторых правителей также встречаются дегенераты. Мой собеседник сказал, что, по его мнению, эта опасность отпадает там, где избирает сам народ. Я ответил, что Ленин, например, вовсе не избран... В России, может быть, тоже найдутся люди, которые могут бросить ему упрек в дегенеративности...»** (выделено мною. — Ю. В.).

Читаешь — и диву даешься: да какой из последних Романовых пользовался такой широтой и бесконтрольностью власти, как генеральные секретари и вся их подло-жадная рать? Да дворцовый переворот смел бы такого государя, ибо он подрывал смысл существования самого дворянского сословия. И другая основа была у государей: Россия являлась не случайным владением, коим, согласно безродным обычаям, следует наживаться, пользуясь моментом, а их собственностью, о бережении и приумножении которой они пеклись в меру своих способностей. Кстати, последний Романов мечтал об очередной степени офицерского Георгиевского креста для себя, только мечтал... Вещь совершенно невозможная в свободном социалистическом Отечестве, где все граждане «равны», особенно генеральные секретари (вкупе со всеми обкомовскими и всеми прочими секретарями), которые могут загребать все, что утробе и душе угодно. Брежнев — бывший заурядный генерал-майор (из политработ-

ников, которые трепом зарабатывают себе на хлеб) — в мирное время стал полным маршалом и увенчал себя множеством геройских звезд и даже полководческим орденом Победа — редчайшей из наград, — хотя отродясь не командовал войсками. И вообще, он получал и присваивал все, что можно было цеплять на грудь и на плечи, и все, что нельзя цеплять, но можно уместать в своем доме, гаражах, на дачах, в ящиках письменного стола. То есть генеральные секретари и их республиканско-областные подпоры имеют все и пользуются бесконтрольностью всем.

А взяточничество, казнокрадство — настоящий разбой в своем же государстве всех этих брежневых, щелоковых, рашидовых, прочих министров, партсекретарей и их челяди? А полицейщина ради их покоя и воровства — всеохватывающая, свирепая и тупая? А все это глумление над здравым смыслом и честью — тоннами звезд, орденов, званий, поцелуев и славословий?..

И над всем этим развратом, мерзостями — отец и творец этого мира, богочеловек Ленин: все выше и увесистей бюсты, портреты на десятки этажей, рука под кепочкой в дружеском привете...

И никто ничего не может изменить в этом клубке неправды (хотя все знают правду), потому что каждому от рождения заткнут рот. Кто все же посмеет открыть его — или сойдет с ума, или умрет: это сотворят «женевские» служители в мундирах или врачебных халатах — убийцы на зарплате у народа.

И все эти расправы — без очевидцев, адвокатов, свидетельств честных, безмундирных врачей и прессы. Так что обеспечена тишина расправ. Ни крохотного валика ряби не разбежится по душам людей. Тишина.

И улыбается человек в кепочке: прочно сработан весь этот социалистический терем — всё-всё, буква в букву для счастья трудовых людей.

Салют от Непогрешимого...

26 декабря закончилась выработка условий договора.

Между тем на переговоры приглашены страны Антанты. До истечения срока, данного им для ответа, оставалось десять дней. Поэтому главы делегаций временно разъехались по своим столицам. Иоффе собрался в Петроград.

В канун отъезда, на совместном завтраке, Гофман указал Иоффе на то, что, по его, Гофмана, мнению, русская делегация превратно понимает мир без аннексий, на который согласились Германия и союзные с ней государства. Гофман напомнил делегатам декларацию советского правительства о праве народов на самоопределение. Стало быть, этим правом и могут воспользоваться Польша, Курляндия, Эстляндия и Лифляндия — их представители уже и высказались за отделение. Поэтому срединные державы не считают отделение их аннексией.

«С Иоффе точно удар случился... — вспоминает не без удовольствия Гофман. — Русские дали свободу своему разочарованию и возмущению. Покровский указал, что не может быть и речи о мире без аннексий, поскольку Германия собирается отторгнуть от России чуть ли не 18 губерний...»

«Они думали, что немцы просто откажутся от всех оккупированных областей и предоставят их русским», — сухо заносит в дневник Чернин.

Словом, советская делегация немедленно отправилась в Петроград.

3 января из Петрограда поступила радиограмма за подписью Иоффе. Советское руководство предлагало перенести переговоры в Стокгольм. Немцы и австрийцы отвергли это предложение. Им, победителям, ставить условия?! Кто, в конце концов, у кого просит мира?

7 января советская делегация вернулась в Брест-Литовск, но уже во главе с Троцким как наркомом иностранных дел Республики. Иоффе присутствует как рядовой делегат.

Немецкий офицер (он встречал делегацию в Двинске) рассказывает: двинские окопы со стороны русских совершенно пусты, деморализованная армия оставила их, путь на Москву открыт.

В повествовании Гофмана проскальзывает грусть: какие переговоры? Захватить Петроград и Москву...

8 января на переговоры пожаловал сам турецкий великий визирь. Талаат-паша — бывший мелкий почтовый чиновник, «милостыями» которого едва ли не под корень в 1915 г. выкошено армянское население Турции — сотни тысяч душ. Немцы с пониманием отнеслись к акции. Раз это увеличивает мощь и уверенность союзника, пусть режут... дети тоже не помеха. Германия должна победить!

Отдать Карс, Ардаган, Батум и еще кое-какие свои и чужие земли — вот требования Турции к новой России. Но Ленина они смутить не могут. Согласиться на все территориальные притязания, но власть удержать.

И еще бы, конечно, Баку — присовокупляет к своим требованиям Талаат-паша.

И он все получит, кроме Баку, — так и выхватит из тела России понизу изрядный кус плоти.

Сколько нежной грусти в воспоминаниях Гофмана!

Хотя бы эта история с «желтым крестом». Не поторопись, как предостерегали Гофман и другие генералы, создай запасы этого самого «креста» — и притравили бы противника в одно время на всех фронтах, ну ни одной англо-франко-русской рожи в окопах; прямехонько гусиным шагом во все вражеские столицы — вот это война!

Против тотального удушения никто не выстоял бы. Тем более

тайный советник Габэр гарантировал сохранность формулы газа в течение года после первого боевого применения. Все верно, ученые стран Антанты разгадали формулу газа лишь через 16 месяцев, но ведь следовало еще наладить производство.

Горчичный газ (иприт) был изучен за 30 с лишним лет до первой мировой войны германским ученым Майером. Тогда на газ никто не обратил внимания, а вот тайный советник Габэр даже очень обратил и обрадовался, когда набрел на сведения о газе в архиве. Сразу отправился с докладом к самому Людендорфу. Еще бы, этот майеровский газ в отличие от прочих поражает человека даже в защитной маске. Газ проникает через одежду и наносит тяжелейшие ожоги.

«Желтым крестом» немцы называли газ за маркировку снарядов с ним желтым трафаретным крестиком.

У Гофмана душа горит, когда вспоминает о бездарном применении нового оружия. На кой ляд было пускать его в ограниченных количествах, не создав запасы, которые могли разом покрыть все действующие фронты, только жди попутного ветра. Это ведь ничего не стоило для германской промышленности. Упущена возможность в несколько дней удушить и ошпарить всех вражеских солдат! Запустение поразило бы линии окопов и траншей, ну как в двинских, — ни души! Ну просто флейтовая грусть в душе Гофмана...

По пути в Брест-Литовск член советской делегации Радек из окна вагона разбрасывал листовки германским солдатам: за немедленную революцию, за уничтожение кайзера, генералов и офицеров! Долой кровавый империализм! Даешь мировую революцию и социализм!

Большевики свято верили в неотвратимость мировой революции — так начертано в сочинениях Маркса. Без такого вселенского пожара им, согласно все тем же священным книгам, не выжить в капиталистическом окружении. Ленин еще не везде успел приложить свой «жневский» талант и не во всем творчески переосмыслил труды дорогого учителя.

Это тот самый знаменитый большевистский острослов Карл Радек, который много позже язвил по адресу В. М. Молотова (Скрябина), известного в партии тугодума:

— Знаете, почему над Кремлем так много звезд? Да потому что Молотов звезд с неба не хватает.

А зачем Молотову хватать с неба звезды, когда и на земле хлопот по горло. Он в разное время являлся редактором «Правды», секретарем ЦК РКП(б), председателем Совнаркома, наркомом иностранных дел, бессменным членом политбюро. В упряжи Сталина — самый что ни на есть коренник, надежнее не бывает. Только коренник этот — необыкновенный, с головой кровавого пса.

Как и Сталин, замарал он себя с головы до пят кровью, даже не кровью, а кровищей, прожив, однако, почти до ста лет. Аж до 8 ноября 1986 г.¹

Ну и что из того — самый надежный! Отчего не поглумиться и не пострадать? Жена носилась с проектом об образовании в Крыму еврейского национального округа (татар выселили, место свободное)? И не преступление вроде, а повод есть. И для холопа это даже совсем нелишне, а тут в холопах — все, кроме «гения революции» Сталина. И позволил он запросто Сталину арестовать и засадить в тюрьму свою жену, совершенно ни в чем не повинную. И вот уж истинное умиление: сохранил к владыке и нежность и преданность. И оно понятно: сперва революция, то есть кровь, а уж после личное и вообще все прочее — достоинство, честь, правда... — это ведь все разложенческие категории. И вообще, почему не дать над собой поглумиться? Выделяет же он, Молотов, по отношению к окружающим то же самое. И вообще, мотивы подобных поступков он понимает и ценит...

Большевиками-ленинцами величали себя (сами того не подозревая, что выставляют этим своего главного вождя без одежд, в истинном виде), и возгорался над челом каждого нимб святости. Это не беда, что мокнут по самые ноздри в кровище и неправедности, это все обывательские представления — так отвечал на упреки Вячеслав Михайлович после разоблачения палачеств сталинизма и прибавлял: ту, сталинскую обстановку следует учитывать, так сказать, весь международный и внутренний узел.

Что ж, тогда учитывали... и теперь тоже...

За то и увенчаны все без исключения нимбами революционной исключительности. И над Сталиным — самый большой и серпастый, чисто заревный. А кто еще более имеет право на звание большевика и ленинца?..

Словом, нисколько не печалила Вячеслава Михайловича кровь, а даже более того, гордился собой, ибо следовал каждой букве святого ленинского учения. И надо сказать, пребывать в гордости мог очень долго, ибо прожил жизнь необыкновенно длинную, схоронив после Ленина и Сталина всех последующих генсеков: Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко...

А так повстречай (как автор этой книги в свое время): такой милый этот Вячеслав Михайлович, такой домашний, почти родной...

Радек же разделил участь большинства. Постоянно требовались алмазному повелителю доказательства, что он самый великий революционер и все вокруг — черви. А Радек не очень торопился в черви, вернее, торопился, но вот с Троцким сохранил отношения. В таком случае «женевская» образина беспощадно крушит кости...

¹ Молотов умер на 97-м году жизни.

«Троцкий, несомненно, был интереснейшей личностью в среде нового русского правительства, — продолжает свои наблюдения Гофман. — Это был умный, многосторонне образованный, весьма энергичный, работоспособный человек, одаренный большим ораторским талантом. Он производил впечатление человека, который знает, чего он хочет, и не останавливается ни перед чем, дабы достигнуть своей цели...»¹

Гофман умер в 1927 г., еще до изгнания Троцкого из Советского Союза. Впрочем, этому немецкому генералу плевать было на все узоры большевистской политики, точнее, внутривластной резни (не розни, а резни), поедания Сталиным всех, кто, хоть отдаленно, хоть на чуточку, мог или смел угрожать его величию первого революционера и демократа, хозяина свободной России.

В свою очередь граф Чернин пишет:

«Троцкий, несомненно, интересный, ловкий человек и очень опасный противник. У него совершенно исключительный ораторский талант² — мне редко приходилось встречать такую быстроту и тонкость реплики, как у него, — и вместе с тем вся наглость, свойственная его расе...

Адлер рассказывал мне, что в Вене у некоего Бауэра хранится библиотека Троцкого, которой он очень дорожит. Я сказал Троцкому, что, если ему хочется, я велю доставить ее ему...»

В то время Чернин просил за некоторых, надо полагать, сиятельных австрийских военнопленных, назвав их поименно.

«Троцкий принял это к сведению... обещал навести справки; он подчеркнул, что его готовность помочь не имеет никакого отношения к вопросу о библиотеке, так как такую просьбу, как моя, уважил бы и при всяких других условиях. Получить библиотеку он хочет».

Речь тут о том самом Адлере, который пособил Ленину в начале войны с переездом в Швейцарию. Адлер уберег Ленина от заключения в концентрационный лагерь.

Троцкий сразу отменил общее столование с делегатами других стран, как было при Иоффе, — с той поры еда для советских делегатов доставлялась на квартиры; так сказать, четко проводилось классовое разграничение. Он же наложил запрет на любые внеслужеб-

¹ А вот впечатление от встречи с Троцким английского философа Бертрانا Рассела:

«У него горящие глаза, военная выправка, искрящийся ум и магнетическое обаяние. Он очень симпатичен, с прекрасными вьющимися волосами, заметно, что он неотразим для женщин... Мне показалось — возможно, я и не прав, — что его тщеславие еще более велико, чем даже его любовь к власти, — это тот сорт тщеславия, который скорее можно встретить у художника или актера...» Вот таким предстал Троцкий перед генералом Гофманом.

² Молотов вспоминал в 70-х годах:

«Троцкий прекрасно выступал, очень хорошая дикция... Когда прислушаешься, чувствовался еврейский акцент, но так не очень заметно. Как оратор, сильнее Бухарина. Первого класса, конечно... Сильным оратором был Бухарин. Ленин послабее...»

ные встречи и беседы с представителями других делегаций. Уже не пооткровенничаешь, как с Иоффе, о мировой революции или там дегенератизме правителей — тема, надо признать, во все времена чрезвычайно жгучая и захватывающая.

«Вообще, у всех священный трепет перед Троцким, — рассказывает об обстановке в советской делегации Чернин. — И на заседаниях никто не смеет и рта раскрыть в его присутствии...»

Если уж граф обращает на это внимание, значит, обстановка куда как лакейская.

Этот трепет в общении с властью имущими в партии, а стало быть, и в стране не только сохраняется с героических времен Троцкого, но и еще гуще прорастает по всем направлениям: без взяток, ползания на животе, славословий и не продрасться через эти заросли. Лакейство — узаконенный тип отношений в социалистическом Отечестве. И вообще вся новая, свободная Россия приучилась жить под команду больших и малых правителей. Как говорится, шапки долой! А потом толкуют о национальной традиции. У нас, действительно, национальная традиция... драть с народа три шкуры. Тут большевики сверхнациональны.

11 января 1918 г. — очередная запись графа:

«Он (Троцкий. — Ю. В.) произнес целую речь в весьма повышенном тоне и временами доходил даже до резкостей, заявив, что мы играем в фальшивую игру, что стремимся к аннексиям, прикрывая их мантией права народов на самоопределение. Он говорил, что никогда не согласится на такие претензии и готов скорее уехать, чем продолжать в таком духе...»

Торгуйся, поражай ораторским дарованием, обращай по радио к народам мира, ссылайся на справедливость — силы за спиной нет. Исчезла русская армия, или, как ее называет Гофман, «грозная рать». Сама линия фронта — видимость. В траншеях — дерьмо да ржавые жестянки, а солдат — ни души. Именно посему и загнан в тупик товарищ Троцкий.

Россия лежала перед врагом беспомощная. И мировая революция почему-то не торопилась, никак не подавала руку. Братья по классу продолжали резать друг друга, травить газами, давить и рвать на куски артиллерийским огнем и танками. Уже тогда ставили по несколько сот стволов орудий на километр фронта.

Радиограммы Троцкого улетали в пустоту. Один, правда, «абонент» принимал их аккуратно, благо располагался под боком, — Главный германский штаб Восточного фронта, то есть опять-таки генерал Гофман собственной персоной.

Кому, как не ему, и вспоминать:

«Хотя в течение ближайших недель пропаганда стояла в центре мировых переговоров, я все же думаю, что Троцкий вначале дей-

ствительно пытался прийти к какому-нибудь соглашению и только потом, загнанный Кюльманом в тупик, решился на театральный жест, объявив, что Россия выходит из состояния войны, но не принимает наших мирных условий.

Еще до начала переговоров в Брест-Литовск явилась новая группа мирных делегатов. Это были посланные Радой представители Украинского народного правительства. На основании декларации петроградского советского правительства о праве народов на самоопределение представители Рады приехали в Брест-Литовск для заключения сепаратного мира от имени Украины...

Постепенно всем стало ясно, что главной целью Троцкого (после провала попыток что-либо спасти, не имея за спиной вооруженной силы. — Ю. В.) является распространение большевистских идей, что он произносит свои речи через наши головы и не думает о какой бы то ни было деловой работе. Наряду со своими речами Троцкий выпускал по радио обращения «всем, всем, всем», которые призывали к возмущению, непослушанию и убийству офицеров. Я заявил решительный протест... Троцкий обещал прекратить свои призывы, но, несмотря на это обещание, продолжал... При этом тон Троцкого с каждым днем становился все агрессивнее.

...По приказу Троцкого его зять Каменев произнес речь, от которой у всех сидевших за столом офицеров кровь ударила в голову. Эта речь была исключительно нахальна, и русские могли бы ее произносить только в том случае, если бы германская армия была разбита и русские войска победоносно вступили на германскую территорию...

Он (Кюльман. — Ю. В.) предоставил мне слово, и я изобразил перед русскими настоящее положение вещей. Я обрисовал им все их злодеяния (красный террор. — Ю. В.) и решительно заявил, что германское Верховное главнокомандование считает вопрос об окраинных землях решенным...

Когда я кончил, наступило глубокое молчание. Даже господин Троцкий в первый момент не нашел ни одного слова для возражений. Он только пробормотал, что все мои утверждения совершенно не соответствуют действительности (конечно, это не они, большевики, а люди сами себя добровольно убивали десятками и сотнями тысяч. — Ю. В.)...

На ближайшем заседании Троцкий ограничился несколькими ничего не значащими фразами и заявил, что моя речь является выражением германского милитаризма...»

Сепаратные переговоры немцев и австрийцев с украинской делегацией вызвали необходимость срочной поездки Троцкого в Петроград. 29 января Троцкий вернулся. На заседании он появился с Медведевым и Шахраем (так пишет фамилии Гофман) — уполномоченными Харькова, где обосновалось новое, уже советское правительство Украины.

Троцкий заявил, что Рада пала и «если ее делегаты и представляют какую-нибудь территорию, то она ограничивается лишь их комнатой в Брест-Литовске».

«По полученным мной донесениям, — продолжает Гофман, — большевизм на Украине победил, Центральная рада и Временное украинское правительство бежали...»

И все же представители срединных держав отказались от переговоров с Харьковом, ссылаясь на то, что Троцкий в начале января признал первую украинскую делегацию полномочным представителем украинского народа. Эти державы и подписали мирный договор с делегацией несуществующего правительства Украины. Для обеспечения этого договора, то есть грабежа Украины, на ее земли вскоре были введены германские и австрийские войска.

Кто располагал силой, тот и ставил условия. Россия без армии и флота могла лишь взирать на действия бывших противников.

Позиция Троцкого определялась уверенностью в том, что в ближайшие месяцы Европу поразит революция — прелюдия мирового пожара. Подобные обнадеживающие факты имелись. Они четко писывались в теорию-предсказание Маркса.

На заседании 10 февраля Троцкий заявил, что не будет подписывать мира, но Россия выходит из войны, распускает свою армию (это ничего и не стоило — армии не существовало) и объявляет об этом решении всем народам и государствам. Это явилось своего рода приглашением всех трудящихся других стран к революции...

«После декларации Троцкого на конгрессе наступило глубокое безмолвие, — вспоминает Гофман. — Растерянность была всеобщая».

Граф Чернин записывает в дневнике 11 февраля:

«Троцкий отказался подписать соглашение. Война кончена, но мира нет».

С растерянностью немцы совладали за неделю.

Гофман сводит впечатления в полном язвительной насмешливости заключении:

«На восьмой день перерыва мирных переговоров наша армия возобновила наступление. Деморализованные русские войска не оказали никакого сопротивления. О каких-нибудь войсках вообще не могло быть и речи. Мы натыкались только на замешкавшиеся штабы, основная же масса войск уже ушла домой...»

На второй день наступления мы получили по радио сообщение из Петербурга: русские согласны возобновить переговоры и заключить мир и просят приостановить наступление. Потребовалось очень мало времени, чтобы жизнь разбила все теории Троцкого (и в значительной мере Маркса. — Ю. В.). Германские войска продолжили продвижение только до Пейпусского озера и Нарвы, чтобы

освободить своих прибалтийских соотечественников от большевистского насилия. В остальном наше наступление было приостановлено, и мы ответили русским, что они могут присылать в Брест-Литовск полномочную делегацию для заключения мира...»

Запись из дневника Локкарта:

«15 февраля 1918. Имел двухчасовой разговор с Л. Д. Т. (Львом Давидовичем Троцким. — Ю. В.). Его озлобление против Германии показалось мне вполне честным и искренним. У него изумительно живой ум и густой, глубокий голос. Широкогрудый, с огромным лбом, над которым возвышается масса черных вьющихся волос, с большими горящими глазами и толстыми выпяченными губами, он выглядит как воплощение революционера с буржуазной карикатуры. Он одевается хорошо. Он носит чистый мягкий воротничок, и его ногти тщательно наманикюрены.»

18 февраля 1918 г. германские войска повели наступление. Они овладели Двинском (Даугавпилсом) и приблизились к Режице (Резекне).

В ответ на радиообращение советского правительства о согласии на германские условия мира Гофман ответил (тоже по радио), что германское командование не остановит наступления до получения письменных подтверждений воли советского правительства.

21 февраля 1918 г. германские войска заняли Минск, Оршу и Режице. 24 февраля взят Псков.

Совнарком объявляет Петроград на осадном положении и выпускает воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!».

Немцы угрожали Питеру.

20 февраля с документами Совнаркома из Режице (Режице к тому часу еще не пал) в Двинск выехал бывший штабс-капитан русской армии Владимир Мартынович Турчан. Он действовал по личному распоряжению Ленина (от него и получил указания). Ленин предупредил Турчана, что немцы вполне могут его расстрелять.

В двадцати пяти верстах от Режице автомобиль был остановлен немецким патрулем. Лица, сопровождающие Турчана, были отправлены назад, а Турчан препровожден в Двинск, затем в Утены (в семидесяти верстах от Двинска), где от него были приняты документы советского правительства и вручены новые условия мира, утвержденные кайзером.

22 февраля в двадцать четыре ноль-ноль поступила радиограмма Гофмана:

«Совету Народных Комиссаров. Петроград

Ответ германского правительства сегодня в шесть утра вручен в Уцянах (Утенах. — Ю. В.) русскому курьеру, который немедленно отправился в обратный путь.

Генерал Гофман»

Турчан доставил ответ германского правительства 23 февраля в 10 часов 30 минут и тут же свалился в тифозной горячке.

Тогда же, 23 февраля, состоялось решающее заседание ЦК партии. В острой политической борьбе ЦК принял предложение Ленина о заключении мира. За немедленное принятие германских условий голосовали 7 членов ЦК (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга), против — 4 (Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов) при 4 воздержавшихся (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе).

После этого Совет Народных Комиссаров постановил: «Условия мира, предлагаемые германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск».

Ответ советского правительства на германские условия доставит в ставку Гофмана В. А. Баландин.

Красную республику загораживал спасительный мир.

Сокольников тоже подробно сообщает о тех беспокойных днях:

«Уверенности в том, что мирное предложение будет принято немецким правительством, само собой разумеется, не было, и появление глубокой ночью на ленте аппарата Юза первых слов немецкого ответа с согласием на возобновление переговоров было для всех в большой мере неожиданным, тем более что задержка ответа, продолжавшееся движение немецких войск и взятие ими Пскова создавали с часу на час впечатление безуспешности мирного маневра.

Советская делегация, не доехав до Пскова ввиду разрушения железной дороги (ее разрушили уходящие остатки русских войск. — Ю. В.), перегрузилась на дрезины и, наконец, последнюю часть пути к немецким линиям проделала пешком поздно вечером. Командование передовых (немецких. — Ю. В.) частей, не осведомленное о возобновлении переговоров, было в большом недоумении и первоначально не знало, что делать с делегацией, явившейся таким странным и неожиданным образом. Немецкие солдаты оправдывали наступление необходимостью освобождения от русского гнета окраинных народностей...»

В Брест-Литовске советской делегации было заявлено, что «до подписания договора наступление будет продолжаться». Очевидно, чтобы меньше было слов за столом переговоров.

Нет, действия Троцкого не были пустым актерским жестом, хотя театральность Льву Давидовичу не была чужда, более того — он к ней пристрастен, но к театральности умелой, высокого полета. В данных же обстоятельствах явно было не до театральности; как говорится, не до жиру — быть бы живу.

Действия Троцкого определялись марксистским анализом, точнее, доктринерским следованием букве теории. Это буквоедство

вообще свойственно русским последователям Маркса. В этом они усматривают верность марксизму и чрезвычайно гордятся своим догматизмом. Только Ленину как святому и непогрешимому было дано право «творчески» домысливать марксизм, то есть отходить от буквы его и кое-что изменять. Но это — Ленин!

Впрочем, он на это ни у кого не спрашивал дозволения, а действовал сообразно необходимости. И впрямь, власть надо удерживать, при чем тут правила?..

По всем прогнозам, революции в России должна сопутствовать революция европейская, а их — увенчивать мировая революция, эдакий вселенский пожар. Троцкий, как и всякий большевик, исповедовал марксизм. В подобных условиях подписание договора, да еще грабительского, представлялось нелепостью, вот-вот европейский пролетариат сметет угнетателей. Зачем же тогда напяливать на себя хомут, зачем унижения? Не сегодня-завтра всех этих гофманов поставят к стенке. И Троцкий объявляет: ни войны, ни мира! Как можно подписывать подобный мир? Но и войны не будет, армия распускается.

Это был и призыв к народам присоединяться к русской революции и устанавливать справедливый порядок на земле — мир без угнетателей, вечное царство социализма (как прочны были холопские привычки: ведь именно *царство* социализма!).

Но Троцкий руководствовался и противоположными мотивами. Правда, они являлись следствием центральной посылки — о мировой революции. Троцкий не видел в тех условиях, которые тогда сложились, возможности выжить русской революции. В этом, кстати, Троцкий признается сам несколько лет спустя. Он скажет: понастоящему в конечную победу верил лишь Ленин, все остальные большевики (из тех, что составляли верхушку партии) считали ее нереальной. Соответственно этому и строил поведение Лев Давидович: хлопнуть дверью, распалить народы новым призывом, превратить переговоры в самую яркую кампанию против империализма — сейчас, издавелека, это мнится неким ребячеством.

Это было противоречивое поведение, ибо определялось взаимоисключающими мотивами. И все же ведущим настроением являлось неверие в победу. Слишком грозная обстановка складывалась к началу 1918 г. Выжить в ней рабоче-крестьянскому государству сложно, практически невозможно! И это настроение не одного Троцкого. Ленин тоже допускал гибель революции, но при этом сохранял веру в конечную победу и определенную вероятность все же выжить, надо только биться.

Доказательством тому, что Лев Давидович стоял именно на этих позициях, — факты. На решающем голосовании в ЦК РКП(б) 18 февраля 1918 г. Троцкий в числе семи, включая Ленина, голосует за немедленное заключение мира. Против заключения подано четыре голоса, воздержались тоже четверо...

Генерал-майор царской службы Самойло еще задолго до первой мировой войны занимался вопросами военной разведки. Поэтому имел более профессиональное представление о тех людях, которые стояли во главе германской и австрийской армий.

Александр Александрович принял революцию. В 1948 г. в чине генерал-лейтенанта авиации вышел в отставку, имея два ордена Ленина и четыре — Красного Знамени.

А тогда Александр Александрович принял участие в Брест-Литовских переговорах. Генерал Гофман благоволил к бывшему царскому генералу и часто с ним беседовал. Откровения Гофмана заходили порой далеко — что ему стесняться поверженного противника?..

«Надо сказать, что о Гофмане я уже давно составил себе совершенно определенное представление как об одном из наиболее даровитых немецких военачальников. Подобно тому как в австрийской армии я привык считать центральной фигурой начальника Генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа, так у немцев за последнее время мое внимание сосредоточивалось на деятельности и личности генерала Гофмана. Как начальник штаба Восточного (русского) фронта он в моих глазах превосходил и Фалькенгайна (начальника штаба Верховного главнокомандующего), и всех других немецких стратегов, не исключая Гинденбурга и Людендорфа, своим умением правильно оценивать обстановку. Все это настраивало меня внимательно присматриваться к Гофману по приезде в Брест...

Прожив около полугода в России и будучи в течение нескольких лет начальником Русского отдела в прусском Генеральном штабе (русско-японскую войну он провел прикомандированным к японской армии), Гофман был хорошо знаком с нашей армией и сносно, хотя и не свободно, говорил по-русски...

Гофман представлял среди всех окружавших его наиболее импозантную фигуру. Вильгельм знал, кого поставить начальником штаба Восточного фронта при бесцветном Леопольде и кому поручить переговоры с большевиками. В свою должность Гофман вступил лишь недавно, выдвинувшись как автор плана Танненбергского сражения двадцатого августа. Он был произведен в генералы с подчинением по линии службы Фалькенгайну...

По внешнему виду это был типичный немец: высокий, плотный, слегка рыжеватый, с гордым, злым лицом, высокомерно державшийся со всеми. В своей каске с шишаком он представлял красивую воинственную фигуру, но я находил, что еще более к нему шел бы древнегреческий головной убор с двумя большими рогами. Лучшего натурщика нельзя было бы сыскать для какого-нибудь Марса! Чувствовалось, что он дирижер, твердо держащий в своих руках все: от войск на фронте до лакеев в офицерском собрании. Все беспрекословно повиновались не только его приказаниям, но даже малейшим знакам... Помнится, я читал в каком-то немецком сочинении, уже после Великой Отечественной войны, что Гитлер усвоил полностью

систему взглядов, идей и понятий, высказывавшихся Гофманом по военным и политическим вопросам. Состоя лидером военной партии, он был идейным выразителем и взглядов Вильгельма на славянство как на навоз для удобрения немецкой культуры. Позднее Гофман выступил с книгой... «Война упущенных возможностей». Он сожалел в ней, что главный удар в начале войны был направлен не на Россию...

Зная, что в планы русского Генерального штаба не входило отступать в глубь страны, Гофман развивал мысль, что, действуя вместе с австрийцами, немцам удалось бы нанести России сокрушительный удар, избегнуть вовлечения в войну Англии, Италии, Румынии и Америки. Эти расчеты на успех он строил на малой подготовленности к войне русских, на революционном настроении народа, на малой авторитетности русского командования...»

Эсэсовский генерал Шелленберг (глава внешнеполитической разведывательной службы ведомства Гимmlера) высказывает сомнения в естественности смерти Гофмана, последовавшей в 1927 г.

В 20-е годы Гофман и влиятельный германский промышленник Рехберг сколачивали всеевропейский экономический и военный союз против красной России. Им удалось даже втянуть в это дело прославленного французского маршала Фоша, всю жизнь относящегося с подозрением к Германии. За недомолвленностью Шелленберга проскальзывает вполне недвусмысленный намек на ОГПУ. Сейчас с уверенностью сказать невозможно, но не исключено, что Гофману умереть подсобили из Москвы: слишком привычным это было для Кремля и Лубянки. Гибель генералов Врангеля, Кутепова, Миллера, множество других так называемых загадочных убийств по всем землям Европы — мы-то теперь знаем, что и кто стояли за ними. Убийствами, похищениями дирижировал из центра Европы «синий» генерал Эйтингон — любимец Сталина, организатор самого важного для Сталина убийства — Троцкого.

Можно с полным основанием сказать: в обиход политической и общественной жизни Европы этот разбой ввел Сталин, а после 1933 г. к нему присоединился и Гитлер. Все прочие в данных упражнениях смотрелись недорослями.

Там, в Бресте, и Троцкий оказался не подарком. В общем, нашла коса на камень. Кто тут коса, кто камень — значения не имеет, хотя на роль косы, пожалуй, больше подходил Гофман. Один взмах его «косы» сметал русско-советские войска с позиций, и камень не являлся помехой...

Танненбергское сражение — часть Восточнопрусской операции

августа четырнадцатого года, в которой были окружены два корпуса Второй армии генерала Самсонова.

Русское наступление в августе 1914-го имело целью спасти Париж, который находился под угрозой захвата. Французы откатывались перед лавиной германских войск. В результате русские корпуса были разгромлены: 90 тыс. солдат и офицеров попали в плен, 20 тыс. полегли на полях боев. Париж выстоял...

«Любопытно мнение о русской армии, распространенное в Австро-Венгрии и приписываемое Конраду: победить русских трудно, но и им самим трудно быть победителями...»

В открытом письме Центральному Комитету партии большевиков Мария Спиридонова развертывает поистине чудовищную картину рабских поборов, названных вождем диктатуры пролетариата продовольственной разверсткой.

«...Вы перестали быть социалистами в анализе явлений, совершенно уподобляясь царскому правительству, которое тоже всюду искало агитаторов и их деятельностью объясняло все волнения. И вы так же правы, как оно. Вот что об агитаторах мне пишут крестьяне из всех губерний Советской России: «Ставили нас рядом, дорогая учительница... целую одну треть волости шеренгой и в присутствии других двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети». (Реквизиционный отряд, руководимый большевиками из Совета.)

Или из другого письма: «По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика... по нескольким неделям не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить...»

Или из третьего письма: «Матушка наша (т. е. Мария Александровна Спиридонова. — Ю. В.), скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян... Очень нас пороли, сказать тебе не можем как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли. Кто теперь за нас заступится? Все сельское общество тебе земно кланяется».

Из четвертого: «Вязали нас и били, одного никак не могли усмирить — убили его, а он был без ума...»

Из пятого письма: «В комитеты бедноты приказали набирать из большевиков, а у нас большевики вышли все негодящиеся, из солдат... прямо скажем, хуже дерьма. Мы их выгнали. То-то слез было, как они из уезда Красную Армию себе в подмогу звали... спины все исполосовали и много увезено (на расстрелы, конечно. — Ю. В.), в четырех селах 2—3 человека убито, мужики там взяли большевиков в вилы, их за это постреляли».

Или еще письмо: «...хотели поднять на штыки ребенка, только смелым вмешательством женщины, назвавшей его своим, удалось спасти. Берут платье, режут скот, бьют посуду, совершают по всему Каротоякскому уезду всякие неслыханные бесчинства...»

Из следующего письма: «В комитеты бедноты идут кулаки и самое хулиганье. Катаются на наших лошадях, приказывают по очереди в каждой избе готовить обед, отбирают деньги, делят меж собой и только маленький процент отсылают в Казань, приказали отнимать скот у мужиков... Крестьяне режут скот. Через год разорение будет окончательное и непоправимое. Деревня без скота — гиблая...»

Из нового письма: „Мы не прятали хлеб, мы, как приказали по декрету, себе оставили 9 пудов в год на человека. Прислали декрет оставить 7 пудов, два пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами. Разорили вконец. Поднялись мы. Плохо в Юхновском уезде, побиты артиллерией. Горят села. Сровняли дома с землей. Мы всё отдавали, хотели по-хорошему. Знали, голод голодный. Себя не жалели...“»

И Мария Спиридонова спрашивает:

«Кто агитатор, кто подстрекатель?! Отвечайте! Вы контрреволюционеры, худшие из худших белогвардейцев!!!»

Читая письмо Спиридоновой, уже ясно представляешь, что мятеж левых эсеров в июле восемнадцатого был лишь отчасти продиктован несогласием с политикой большевиков в германском вопросе. Распаленная болью деревня, вой, слезы крестьянской России толкнули левых эсеров на выступление, ибо не такой представляли они новую деревню, деревню после Октября.

Спиридонова продолжает горестный список:

«„Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали... Обед им сготовили, все несем, угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся... Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились...»

И вот пошли мужики потом. Шли шесть волостей стеной, на протяжении 25 верст со всех сторон, с плачем всех жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами. Шли на совет...“

Этой крови вам не смуть, не отчиститься от нее даже во имя самых «высоких» лозунгов...

Понятие классово-борьбы, этой философско-исторической доктрины, вы подменили не только марксистским понятием, только борьбу двух экономических категорий, а подменили понятием борьбы просто волчьей...

...Отряды немецких военнопленных (интернационалистов, прибавляете вы) действовали наряду с другими реквизиционными отрядами. Я знаю о Пензенской губернии.

В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали... Сначала их реквизировали, пороли и расстреливали, потом они стали

стеной (кулацкое восстание — говорили вы), потом их усмиряли, опять пороли и расстреливали... С каким презрением говорили они (немцы из реквизиционного отряда. — Ю. В.) о глупости мужика и о том, что ему нужна палка...

Вся ваша зверская, грубая политика по отношению к крестьянству, особенно развернувшаяся, когда мы стали тюремной, чрезвычайной клиентурой (речь идет о левых эсерах. — Ю. В.), — *это политика подлинной контрреволюции...*

Рабочий класс должен запретить вам спекулировать его именем, прикрывая великим, святым понятием диктатуры пролетариата эти мастерства красного цеха.

...Что, что сделали вы с нашей великой революцией, освященной такими невероятными страданиями трудящихся?!

Я спрашиваю вас, спрашиваю...

...Трудовые массы почти никогда не бывают контрреволюционны. Они только бывают голодны или обижены...

...Какую бы возможность вы ни нашли поставить меня под ваш суд, все равно — заставить меня участвовать в нем вы не сможете, даже ваша Чрезвычайка (поклон вам, Владимир Ильич и Феликс Эдмундович, за такое великое изобретение! — Ю. В.) окажется здесь бессильной. Слишком долго я была на самом дне жизни (иснасилованная солдатней и городовыми, брошенная на Нерчинскую каторгу совсем юной девушкой — всего двадцати двух лет. — Ю. В.), слишком сильно всеми помыслами и сердцем люблю революцию, чтобы бояться каких-либо испытаний и смерти: «на прицел», под который пять, шесть раз брала меня здесь в Кремле ваша стража, ради забавы. И только убийством вы можете меня изъять из революции...»

Из этого ленинского насилия над деревней вышел Сталин. Не он искажил наметки кооперативной политики Ильича, а Ильич определил отношение большевизма, Сталина и всех прочих «серпастых и молоткастых» к деревне. **Ильич показал, как можно это делать¹.**

Это он, Ленин, глубочайший знаток Маркса и вообще мировых философских систем, воплощение любви к народу, сама справедливость и доброта, ломал кости деревне, не «кулакам», а всему крестьянскому миру.

«Трудовые массы почти никогда не бывают контрреволюционны. Они только бывают голодны или обижены...»

¹ Эту способность в Ленине прозорливо предполагал Керенский. «В одном из мартовских заседаний Временного правительства, в перерыве, во время продолжавшегося разговора на тему о все развивающейся большевистской пропаганде, Керенский заявил — по обыкновению истерически похотатывая: «А вот погодите, сам Ленин едет... Вот когда начнется по-настоящему!...»

О Ленине у Керенского имелось свое мнение, очевидно уходящее корнями еще в гимназические предания. Ведь тот и другой закончили одну и ту же гимназию.

Свидетелем реплики Керенского был Набоков.

Продразверстка оборачивалась кровавыми стычками. Сомнений быть не могло — это была крестьянская война против советской власти, ее зверской, утопической политики военного коммунизма. Мятеж Антонова вобрал в себя недовольство крестьянства Тамбовской, Воронежской, Пензенской губерний. Это уже была грозная сила, настолько грозная, что на усмирение крестьянства были направлены регулярные войска Красной Армии. В 1920 г. это позволяла общая обстановка на фронтах Гражданской войны. Войска возглавил Тухачевский. Он и повел себя как на войне, сметая артиллерией непокорные деревни.

В рассказе «Эхо в горах» Варлаам Шаламов рассказывает об Александре Антонове.

Эсер Антонов до революции имел бессрочную каторгу и более года сидел на цепи. В одном из воззваний к крестьянству Антонов писал:

«Я — старый народоволец, был на царской каторге много лет. Не чета вашим вождям Ленину и Троцкому, которые, кроме ссылки, ничего и не видели. Я был закован в кандалы...»

Не только в кандалы, но и прикован к цепи.

Кстати, Махно тоже сидел на каторге и тоже был прикован к цепи.

Александр Степанович Антонов защищал крестьянство. Крестьянство пошло за ним. Таким мужикам приклеили ярлык — кулаки, то есть враги трудового крестьянства. Но ярлык не сработал, народ не отшатнулся. Тогда движение стала подавлять Красная Армия. Давно уже в центральных губерниях России пушки своих же не вели огонь по деревням. Да и вообще, было ли такое в русской истории?..

А в 1919—1921 гг. — было...

«Сам Антонов лежал в лазарете в сыпном тифу, — пишет Шаламов, — и когда лазарет был окружен красноармейскими конниками, брат Антонова застрелил его на больничной койке и застрелился сам. Так умер Александр Антонов...»

Сейчас мы можем лишь склонить голову перед памятью народного героя. Он осмелился в эпоху всеобщего преклонения перед Лениным и ленинизмом заступиться за русское крестьянство. И наверное, понимал, что будет убит.

Мятеж был подавлен, но крестьянство не замирено. Продотряды продолжали встречать выстрелами и вилами. Вспыхивали настоящие бои. Крестьяне защищали свой хлеб от продотрядов из городов.

Лилась кровь. Сливалась в одну реку, истоки которой не только в Октябре 1917 г. Кровавой и долгой была борьба крестьян за землю, но они ее так и не получили.

А тогда крестьян замирил переход с продразверстки на продналог, то есть нэп (весна 1921 г.).

Отец моей жены, Сергей Сергеевич Костин, оказался в том огромном потоке крестьянства, названном раскулаченным, что хлынул из России в бесплодную тундру, болота тайги, на дикие, необжитые просторы востока.

В четыре утра к ним постучали и велели собраться. Какое-либо имущество брать с собой запретили — ехать в том, что на тебе. С собой — ни одной теплой вещи. Дворовую пушистую собачонку (она завыла, на беду) пристрелили.

Деда и бабушку и всех из этой партии, кому оказалось за шестьдесят пять, увезли неизвестно куда. И уж потом удалось установить: их вывезли в места, где не было ни леса, ни близких деревень — одно голое поле.

И всех бросили там.

Расчет был один: старики не сумеют вернуться, тем более зимой (а было начало февраля). Когда их высадили, снег оказался кому до пояса, кому по грудь. 80-летние, 70-летние...

Остальных повезли на Северную Двину (не всех довели — везли очень долго, из Ульяновской области) — и там поставили на лесоповал.

Мужчины валили лес и ладили из него гробы (хорошая замена, в духе Ленина: вместо хлеба «растить» гробы; а чему удивляться — это все лишь продолжение все той же продрозверстки, нащупывание трупной дороги утопии). Для кого гробы — неведомо, ведь ссыльных просто зарывали в ямы. А гробы увозили в большом количестве и трех стандартов: большие, средние и детские (в том числе и совсем крохотные). Именно эта подробность заставляет сотни раз при рассказе плакать Сергея Сергеевича — человека высоченного роста, огромной силы и светлого ума.

Их семья единственная отважилась на побег. Ссылным объявили, чтобы сдавали детей, якобы для учебы. На самом деле детей увезли за сто пятьдесят километров, где они все и перемерли.

Семья Костиных была из четырех человек: родители и двое маленьких сыновей. План побега был обсужден, и первым ушел отец. Он сбежал с лесоповала, а семья, заранее зная о побеге, ушла не то из лагеря, не то из поселка. Отцу следовало пройти расстояние, которое отделяло лесоповал от намеченного места встречи, поэтому он и вышел раньше.

Шли 21 день. Это многие сотни километров. Их искали. Однажды облава вынудила спрятаться в огромном овраге среди колючек и непроходимых сплетений кустов. Туда пустили собак для проверки. Одна из них и наткнулась на беглецов; обнюхала детей и голоса... не подала... Собака оказалась милосердной людей.

«30 лет я слышу от папы этот рассказ, — говорит Лариса Сергеевна. — И 30 лет плачу вместе с ним и думаю: „Сколько еще такого нерассказанного, от чего волосы не просто встали бы дыбом, а выпали...“»

И еще. Без знания «Колымских рассказов» Шаламова многое нельзя понять в нашей жизни... Это вечный набат совести.

В беспощадности и безграничности принуждения Троцкого превосходили всего лишь двое из главных большевиков — Ленин и Дзержинский. О суровой непреклонности Троцкого знали на всех фронтах Гражданской войны.

Террор — самостоятельная величина в политике Ленина. Невиданный в истории государственный террор вминал кости и плоть России в уготованное им ложе. Здесь основа ленинского провидения и побед, каждая мечена кровью и горем...

Этот зверь — насилие — становится основной движущей силой нового социалистического государства.

Доктринеры человеческих слез и страха...

В воспоминаниях фон Гинденбурга все те события найдут отражение:

«...Конечно, мы были бы очень довольны, если бы начало 1918 года ознаменовалось миром на востоке. Вместо этого из Брест-Литовска раздавались дикие агитационные речи доктринеров разрушения (большевиков. — Ю. В.). Широкие народные массы всех стран призывались этими подстрекательствами свергнуть угнетающее их иго и установить царство террора. Мир на земле должен быть обеспечен массовым убийством буржуазии. Русские парламентарии, и прежде всего Троцкий, смотрели на переговоры, которые должны были примирить сильных противников, как на средство сильнейшей агитации... Ленин и Троцкий... хотели внести разложение в наш тыл и в ряды нашего войска. Мир при таких условиях грозил стать хуже, чем перемирие...

Дело, однако, осложнилось, когда Троцкий 10 февраля отказался подписать мирный договор, объявив в то же время, что война окончена. В этом презрительном отношении Троцкого к основам международного права я мог видеть только попытку продлить неопределенное положение... Во всяком случае, положение создавалось невозможное. Канцлер граф Гертлинг присоединился к взгляду верховного командования. Его Величество император решил 13 февраля, что 18-го снова должны быть начаты враждебные действия на востоке.

Проведение операций почти нигде не встретило серьезного сопротивления врага. Русское правительство признало теперь угрожающую ему опасность. 3 марта в Брест-Литовске был подписан мир...

Нечего и говорить, что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям... я лично не верил в длительное господство террора...»

Последние слова весьма опрометчивы. Ведь не кто иной, как

фон Гинденбург, всем своим более чем значительным авторитетом способствовал приходу к власти Гитлера со всем его людоедским террором, ни в чем не отличающимся от ленинского.

Ложь погоняет ложь.

Итак, снова Брест-Литовск.

В этот раз советскую делегацию возглавляет заместитель наркома иностранных дел РСФСР Григорий Яковлевич Сокольников. Члены делегации — заместитель наркома иностранных дел Чичерин, нарком внутренних дел РСФСР Петровский и секретарь делегации Карахан.

«Переговоры и на этот раз происходили очень своеобразно, — не без удивления и насмешливости отмечает Гофман. — Розенберг на первом же заседании предложил рассмотреть привезенный им мирный договор по пунктам. Сокольников же попросил, чтобы ему прочли весь договор сразу. После зачитания договора Сокольников заявил, что он отказывается обсуждать каждый пункт в отдельности, русские готовы сейчас же подписать весь договор»¹.

Куда уж тут обсуждать — каждый день немцы захватывают новые земли. И 3 марта 1918 г. договор подписан без обсуждения: первый и единственный вариант.

При подписании Сокольников «произнес речь, в которой, к большому негодованию присутствовавших во главе с генералом Гофманом немецких генералов Восточного фронта, дана была резкая характеристика германского ультиматума и выражена... уверенность, что торжество империализма над советской стороной является только временным и преходящим».

3 марта ВЦИК постановил 116 голосами (против — 85, воздержались — 26) «принять неслыханно тяжелые условия мира, которые ультимативно предложило нам Германское Правительство».

Мирный договор насчитывал 14 статей с приложениями и дополнениями.

От России отторгались Польша, Лифляндия, Курляндия, Эстляндия и часть Белоруссии.

Германия сохраняла за собой Моонзундские острова и часть Рижского залива. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. На Кавказе к Турции отходили Ардаган, Карс и Батум.

Таким образом, Россия теряла около одного миллиона квадратных километров территории, возвращаясь по размерам почти к депетровской Руси.

¹ Главное — спасти свою власть, все прочее не имеет значения. Ай да Ильич!

Кроме того, советская Россия обязывалась провести полную демобилизацию армии и флота, а также должна была признать мирный договор Центральной рады с Германией и ее союзниками.

Берлином был продиктован чрезвычайно невыгодный режим торговли Германии с Россией.

И наконец, советская Россия обязывалась уплатить контрибуцию в шесть миллиардов марок.

Россия в первой мировой войне потеряла убитыми свыше 1,7 млн. человек, тяжело искалеченными (до потери трудоспособности) — 755 тыс.

Больше потеряла лишь Германия — до 2 млн. убитыми и 1 млн. 537 тыс. тяжело искалеченными.

Гофман еще раз, последний, обращается к воспоминаниям о советской России:

«Большинство наших делегаций в России высказывалось в том смысле, что мы не можем безучастно наблюдать за всеми ужасами большевизма. Многим, однако, казалось, что нам трудно будет решиться расторгнуть заключенный уже мирный договор и снова направить оружие против России. Я открыто признаюсь, что в первое время такое решение не удовлетворяло и меня. Русский колосс уже в течение ста лет слишком тяжело давил Германию, чтобы мы не могли с чувством известного облегчения наблюдать за тем, как под влиянием революции и хозяйственной разрухи былая мощь России постепенно разрушается. Однако, чем больше я узнавал о большевистских насилиях, тем все более и более менял свою точку зрения. Как честный человек, я не мог допускать, чтобы мы безучастно наблюдали за истреблением целого народа... Кроме того, дело дошло до того, что военные действия на востоке, несмотря на все наши старания, не прекратились. Там и сям мы наталкивались на различные большевистские банды, перестрелки стали обыденным явлением, намерения чехословацких легионов были нам совершенно неясны... Нам передавали, что чехословацкие легионы, пользуясь поддержкой Англии, наступают с востока на Москву, чтобы произвести там государственный переворот. Этим самым Германия снова окажется в кольце. Ввиду этого с начала 1918 года я стал придерживаться той точки зрения, что нам необходимо предпринять наступление на Москву, посадить там другое правительство; предложить новому правительству более приемлемые мирные условия, чем Брест-Литовский договор (в первую очередь ему можно было уступить Польшу), и потом заключить с этим новым правительством союз. Мы не нуждались для этой операции ни в каких подкреплениях. Наш новый военный атташе в Москве майор Шуберт, который первый высказался за решительное выступление против большевиков (надо думать, потому что своими глазами посмотрелся на них в Москве. — Ю. В.), полагал, что для водворения порядка в

Москве и создания там нового правительства достаточно иметь всего два батальона. Если даже я считал, что предложения Шуберта слишком оптимистичны, то все же для наступления на Москву нам вполне хватило бы тех дивизий, которые еще имелись в нашем распоряжении. У Ленина и Троцкого тогда еще не было Красной Армии. У них достаточно было хлопот по разоружению солдат старой армии и отправке их домой. Вся их власть опиралась на несколько латышских батальонов...

Вся эта комбинация избавила бы Россию от ужаса голода и холода и спасла бы жизнь миллионам людей. Несомненно, если бы германское правительство и Верховное главнокомандование решились бы на такую операцию до наступления Людендорфа на Западном фронте в марте 1918 года, мы получили бы колоссальные результаты.

Генерал Людендорф пренебрег возможностью создания нормальных условий на востоке, заключения союза с новым русским правительством и выжидательной тактики на Западном фронте. Он решил добиться развязки путем решительного наступления на Западном фронте и нисколько не сомневался в том, что наступление закончится победой германского оружия...»

Понять Людендорфа тоже можно. Сам Гофман признает: после победы большевистской революции «впервые за все время кампании у нас было на Западном фронте преимущество в силах перед противником».

И надо отметить, весьма внушительное.

«Вскоре, в июне (1918 г. — Ю. В.), — вспоминает Сокольников, — я был введен в состав командированной в Берлин комиссии, которой предстояло составить дополнительные к мирному договору экономические и правовые соглашения. Ко времени этих переговоров относятся поездка Красина в ставку Людендорфа и переговоры с ним о прекращении движения немецких войск на Баку. Твердо намеченный Людендорфом план отсечения Кавказа и Туркестана был сорван высадкой американских войск на французском побережье, сорвавшей новую военную обстановку и исключившей возможность осуществления в России военных планов крайнего правого крыла германских империалистов...»

Для большинства русской интеллигенции и офицерства ленинцы явились теми, кто по замыслу врага развалил Россию. В основе их действий лежала невиданная дотоле демагогия. Большевики и немцы воспринимались в сознании образованной России как общий исторический враг.

Как иначе было понять канцлера кайзеровского правительства — он неоднократно повторял, что **революция в России слишком запаздывает**. Это означало только одно: правящие круги Германии уже давно видели своим союзником разложенческую деятельность большевизма, видели и осторожно пособляли ему. Для кайзера и генералов революция в России являлась военным союзником, с ней они и связывали свои захватнические планы.

С заключением же Брестского мира для интеллигенции и офицерства уже становилась беспспорной изменническая суть большевизма, и главным образом Ленина. Ценой разрушения России они закрепились у власти. Это было посерьезней снарядов с «желтыми крестами».

Мириться с договором для большинства образованной России было трудно, если вообще возможно. У этого слоя общества не был столь развит собственнический инстинкт, как, скажем, у крестьянина: есть земля — и пропади все пропадом... разные там присвоенные врагом земли, контрибуции...

Народ, в общем, безразлично отнесся к договору. Чего воевать, коли по декрету вышла земля, помещиков больше нет, да и за что давать себя убивать?..

Нажим ленинской агитации не ослабевал. Офицер становится воплощением всех зол. События стремительно ставят его вне закона. И офицерство, именно то, которое не имеет сословных и имущественных интересов, обращается к белому движению — другого способа выжить не существует, а тут еще лозунги о возрождении России, освобождении от германской кабалы, великом Учредительном собрании...

Власть любой ценой!¹

Пусть развал, пусть добрая часть России под немцами, но власть, власть и власть! Это — ведущее настроение Ленина-политика: власть и диктатура (насилие, террор).

Естественно, можно было предвидеть поражение Германии, ведь Соединенные Штаты только разворачивали свой экономический потенциал, только начали по-настоящему масштабно присылать людские пополнения и технику. Но бесспорно и то, что до своего поражения Германия могла занять Россию до линии Крым—Москва—Петроград (или Вологда) и сколько же еще принести горя и унижений!

Это не тревожит Ленина. Главное — власть над страной. Любой ценой вырвать передышку и укрепиться у власти!

Захват власти для строительства социализма вопреки экономическому и культурному состоянию России, введение военного ком-

¹ Из «Справочника по ГУЛагу» Жака Росси:

«Еще до захвата власти большевиками в 1917 году Ленин определил, что „этично все, что служит укреплению и завершению коммунизма“».

мунизма согласно прожектерским (но всегда с очень заметным отливом крови) представлениям о коммунизме, безответственное разрушение хозяйственной жизни страны, чтобы в страхе попятиться к нэпу, развал старой армии и полная беззащитность перед врагом, безответные убийства сотен тысяч людей от имени государства — это далеко не оправданный риск. Но почему тогда ленинский авантюризм увенчивают победы?

Пороки старого государственного строя, кровь и тяготы мировой бойни, величайшая демагогия о бесклассовом обществе, о завтрашнем, незамедлительном рае и т. п. — все это производило на неискушенных в политике людей потрясающее впечатление. С ними впервые говорили на таком языке.

Бок о бок с демагогией шествовал террор — как я уже отмечал, самостоятельная величина в политике Ленина.

«Каждый, кто заблуждается в отношении истинной веры, должен быть казнен» — так звучало требование Святой инквизиции.

Да это и есть та вера, которой мы жили (и еще живем). Вера сужения мира до размеров нашей ненависти. Исключение всех других чувств и достоинств — только заповеди марксизма.

И резня офицеров, и война с крестьянством в эпоху военного коммунизма и после, при коллективизации, и все бесконечное принуждение: расправы при любом несогласии, и жизнь под приказом и палкой, серое, безногое счастье — все-все обернулось новой несправедливостью, неравенством и ложью. На сваях лжи покоится здание нового общества.

И поэтому все благие порывы Ленина, каковыми бы они ни являлись по смыслу, были и есть одно зло и мучительство, праздник для одних и надрывное существование для других.

И тогда встает вопрос: за что убивали людей, за что их объявляли виновными в дурной жизни, травили, казнили, преследовали?

Зачем нужна была одна долгая — на десятилетия — резня и жизнь под страхом, палкой и в нужде?

С кого спросить? Кому заглянуть в глаза?

Кто вернет пролитую кровь, человеческие жизни и мирную радость семьям? Кто воскресит людей, загубленных надрывным строительством основ социализма? Кто вернет жизни, искалеченные и погрязшие страхом, принуждением и ложью?

Мой знакомый, говоря о попытках Горбачева создать партию на новых началах и отыскать свой путь в будущее, заметил:

«Я не ворон. Я не живу 300 лет, у меня не три жизни. Выходит, одна жизнь ушла на дикости ленинизма, не жили же мы, только исходили потом и кровью... Пришла пора и вторую пускать на пробу? А не выйдет — останется третья?... Да у меня одна жизнь, вернее, остаток той, что не до конца сожрали партийные кровососы, и этот остаток гробить на новую пробу?.. Пробовать, когда челове-

ство уже давно нашло дорогу! После всего этого опять пробовать? Да какой кровью еще платить?!»

Можно возразить: Ленин хотел лишь добра трудовым людям и на этом неизведанном пути допустил просчеты, а сам путь — правильный.

Верно, практика строительства нового общества Лениным и большевиками не сразу дала свой настоящий цвет, вернее, думали (наставляя лбы на священные книги марксизма), что через кровь надо перешагнуть, без этого нельзя, не бывает.

И не отдавали себе отчета в том, что жизненны лишь формы, вырастающие из прежних, постепенно заполняющие пространство старой жизни.

Природа исторического прогресса исключает скачкообразность (если речь идет о прогрессе). Эволюция является знаменем прогресса. Перезалив кровью этот опыт, начинаем теперь кое-что видеть, а главное — остерегаемся разрушать... Убивать готовы по-прежнему, но — разрушать... кажется, нет.

Позволительно вспомнить, что за все несогласия с утопией Ленин карал. Это с Ленина повелось: каждый несогласный с марксизмом и его российской практикой — предатель, его удел — мытарства, гибель. Отныне неприятие марксизма и его (Ленина) утопии есть государственная измена, ибо он (Ленин) и народ — одно и то же.

Из марксизма было сделано извлечение самого важного — учения о диктатуре пролетариата — и утверждено как необходимость постоянство террора. Партийной доктрине должны подчиняться все — это непреложное условие существования советского общества. В тотальном насилии и принуждении государство черпает устойчивость, а марксизм как учение служит правовым и нравственным обоснованием подобного порядка.

Отсюда террор и подавление людей становятся естественным состоянием общества. **И свершилось самое страшное: с этим свыклись.**

Происходило растление народа, иначе утопия не могла существовать.

Со временем исчезает необходимость в массовых арестах, чистках, преследованиях. Вывелись несогласные. Заменились на послушных и еще — сытых и относительно сытых — это новая категория свободы (разложения), потому что отныне степень сытости и оснащенности жилплощадью определяет гражданскую сознательность — и ничто другое.

Философия приспособленчества, отказа от себя во имя государства (присвоение человеческих жизней) дала и дает новую поросль людей, хотя ее тоже строго прочесывают «женевские» грабли.

Три социальные группы получают небывалое развитие в государстве ленинской утопии: партбюрократия (со всеми ее разновидностями: военная, советская...), каратели и охранники (всех «родов войск») и уголовники.

Все эти три социальные группы сделали все для растления народа — и, следует признать, преуспели в этом чрезвычайно.

Людей нет — есть доктрина, нечто большее, нежели люди, общество. Ничего вообще вне пользы марксизму — лишь это определяет назначение человека, следовательно, и искусства и вообще любых страстей, мук и свершений.

Теперь личность — это уже не что иное, как часть единого целого. Она должна быть обработана, как и всякая другая, подогнана под нужды целого — огромных маховиков работы. Эту крохотную частичку целого можно с успехом приладить для производства любых операций.

Люди штампуются государственным механизмом согласно требованиям маховиков работы. Каждый человек — ничто перед величием работы механизма.

Общность, отказ от себя, стирание всего личного — вот высшие добродетели нового порядка, конечный итог воспитания людей.

Отсюда безликость и серость жизни. А и в самом деле, ежели есть хоть какая-то сытость, на кой она... свобода?..

Каждый ничтожен и бесправен перед громадой власти.

И все это называется порывом к счастью, ленинизмом.

Демагогия и террор — основа ленинского провидения и побед. Авантюризм, подпираемый демагогией и насилием, переходит в свою противоположность и становится мудрой политикой.

«Синее воинство» с Лубянки (со всеми всесоюзными ответвлениями, полчищами осведомителей и доносителей), как никто другой, виновно в истощении физических и духовных сил народа. Вина его перед Россией безмерна, а позор несмываем.

И этим... от веры в Маркса и Ленина... нет доброй памяти, не может быть. Отравили русскую жизнь. Измучили народ, опоили кровью... В историческую память народа они уже запали намертво как нечто сродное Батыеву нашествию, разгрому и рабству Руси.

Не требуем от вас покаяния. Ничего не нужно.

А прощения нет, не может быть.

И вот за все это Ленин возведен в святые, к ногам его брошены сотни миллионов жизней.

Святой, бредущий по самую шею в крови.

Иоффе, Сокольников, Радек, Чичерин, Карахан, Петровский и, наконец, Троцкий — что за дополнение к «женевскому» счету! Каковский поворот! До сих пор всю эту машинерию они предполагали (и мастерили) для других. Холили, укрепляли режим диктатуры.

Закон возмездия.

Адольф Абрамович Иоффе родился 10 октября 1883 г. в Симферополе, в богатой купеческой семье. Все радовались мальчику, а и не догадывались, что вместе с ним в люльке лежит... закон возмездия — младенец и воздаст себе же по делам своим.

Итак, на переговорах в Брест-Литовске Адольфу Абрамовичу было тридцать четыре, но каких!..

По окончании гимназии в 1903 г. он как политически неблагонадежный не мог поступить ни в один российский университет, а потому вынужден был уехать (о горе!) поступать на медицинский факультет Берлинского университета. Это не мешало свободолюбивому юноше наезжать в Россию по неотложным революционным нуждам.

В мае 1906 г. по постановлению канцлера фон Бюлова его выдворяют из Германии как «неудобного иностранца».

В России у Адольфа Абрамовича неприятности с полицией, можно сказать, возникли тотчас, едва нога ступила на родную землю. Поэтому он натурализовался в Цюрихе, на юридическом факультете местного университета. И вообще революционизировать Россию удобнее из Европы, а при близости к курортным местечкам сей мужественный процесс и не столь уж обременителен для здоровья, и даже наоборот. Ну не греметь же кандалами, да еще на цепи, как, скажем, все тот же Александр Антонов... да мало ли кто там еще (ведь «мы пойдем другим путем», это уж точно: пошли)...

Иоффе сходитя с Троцким, еще недавно таким же школяром, как и он, а ныне грозным революционером, заявляющим право на указание народу путей следования по его, Троцкого, наметкам и требующим от народа всяческих жертв во имя будущей нови.

В императорской Вене Адольф Абрамович вкупе с Львом Давидовичем с 1908 г. приступает к выпуску своей газеты «Правда».

В 1912 г. у Адольфа Абрамовича — провал в Одессе. Его высылают на четыре года в Тобольскую губернию. Через год в связи с обнаружением новых фактов приговор утяжеляют на пожизненное поселение в Сибири. Надо признать, в отличие от большинства других ссыльных (из крупных большевиков) Адольф Абрамович вел себя смиренно и в бега не только не ударялся, но даже прилежно служил в местной лечебнице.

После Февраля 1917 г. он и Троцкий¹ издают в Петрограде газету «Вперед». Тогда же Иоффе проходит от большевиков в Петроградскую городскую думу, а также знаменитый и всемогущий Петросо-

¹ Патриоты могут кривиться на «жидовство» Троцкого, но факт остается фактом: он был самым энергичным, лично отважным, наиболее умным (наряду с Лениным), самым порядочным и самым широким человеком в стане большевиков. И серая, завистливая среда (скопище посредственностей) исторгла его из себя. Он был ей органически чужд.

вет — второе и, безусловно, главное правительство России с марта по октябрь семнадцатого года. В те же месяцы Адольф Абрамович опять-таки по списку большевиков занимает место во ВЦИК Советов и проходит в депутаты Учредительного собрания от избирателей Пскова. Перечень почетнейший, под стать первым особам партии. Люди голосуют охотно: заслуженный революционер, ссыльный и проклятый режимом, почти изгой.

Адольф Абрамович сообщает в автобиографии:

«На VI съезде РСДРП(б), в июле 1917 года, избран членом Центрального Комитета РСДРП(б), а затем, после изменения наименования партии, членом ЦК РКП(б). Во время октябрьского восстания был председателем Военно-Революционного Комитета — ВРК (об этом, кстати, ни слова ни в одной из современных советских книг! — Ю. В.). Когда последний ликвидировался, передав власть Совету Народных Комиссаров, был послан в Брест-Литовск... После брестских переговоров был комиссаром иностранных дел и социального обеспечения, а затем послан в Берлин послом... Принимал деятельное участие в подготовке германской революции и за три дня до восстания, 6 ноября 1918 года, был вместе с посольством выслан из Германии...»¹

Вот, оказывается, где прирыта правда! Председатель всевластного ВРК — Адольф Абрамович Иоффе! Да, это он: стрела, пущенная Лениным, его верная опора и талантливый исполнитель, меч диктатуры пролетариата!

Мало того что Адольф Абрамович как бы двойник самого Троцкого по ВРК и Петросовету и вообще меньшевистскому прошлому, он еще сменит его и на посту наркома иностранных дел!

Председатель ВРК, руководитель делегации в Брест-Литовске (Троцкий его заместит несколько позже), нарком иностранных дел — один Троцкий не смог бы его так двинуть, Ленину определенно нравился этот человек, во всяком случае, в те полгода-год...

Да-а, такого Иоффе было бы чрезвычайной оплошностью оставлять без опеки «женевской» твари (та только и живет кровью; можно сказать, вся Лубянка из человеческого мяса сложена, и вместо воды там по трубам циркулирует кровь).

А милейший Адольф Абрамович ничего такого и не подозревал, верил в учение и свою звезду (и не без основания верил), преданно вел переговоры и заключал договора с Эстонией, Литвой, Латвией, Польшей, Японией, Китаем — ну, что называется, ставил советскую дипломатию. Был он и членом делегации на знаменитой Генуэзской конференции.

¹ Здесь и далее биографические данные видных большевиков приводятся по 41-му тому (ч. I—III) Энциклопедического словаря Гранат, долго бывшему под запретом и находившемуся до 1985 г. в спецхране. Сведения об Иоффе взяты из автобиографии, опубликованной там же. Данные не совпадают с современными источниками.

Серьезно заболев, был отправлен правительством в 1924 г. на лечение в Вену. Блоку в таком лечении было отказано; точнее, когда после длительных и унижительных просьб и проволочек разрешение на лечение за границей последовало из самого политбюро, Блок уже агонизировал. Но диктатуре пролетариата нужен именно Иоффе — его лечат, выхаживают, снабжают пайками и охраной, но... до поры до времени.

Автобиографию Адольфа Абрамовича пронизывает скрытое недоумение: как же так, хаживал в великих чинах и заслугах, революцию нес в собственных ладонях, а теперь — пустота, ничто...

Эту пустоту вокруг будущих врагов народа загодя создавал искуснейший стратег по части всяческих уголовных деяний — товарищ Сталин — любимейшее чадо ныне беспризорных коммунистов и просто «ура-патриотов».

Адольф Абрамович старается подчеркнуть свою недавнюю крупность. И в самом деле, стоял впереди (это уж точно!) и Сталина, и Чичерина, и, скажем, Дзержинского... ну впереди всех стоял, вплотную за Лениным и Троцким; может, еще Зиновьев да Каменев слегка заслоняли, но то ведь самые близкие сотрудники Ленина...

Уже это подчеркивание выдает в Адольфе Абрамовиче политика-любителя, скорее даже обывателя. Не проникся он моментом, не понимал, как сверхопасны подобные подчеркивания и такие вот имена и ссылки для новых времен.

Поправив здоровье, Адольф Абрамович участвует в переговорах с Великобританией, после чего отбывает послом в Вену. Это уже опала. Алмазный повелитель распрямлялся во весь свой убойный рост и брал таких на личный и скорый учет.

Адольфу Абрамовичу сгодится личное оружие. В 1927 г. он покончит с собой.

Из предсмертного письма Иоффе:

«Вы (эти слова Адольф Абрамович адресовал Троцкому. — Ю. В.) политически всегда были правы, начиная с 1905 года, и я неоднократно вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю вам это теперь... Но вы часто отказывались от собственной правоты, в угоду переоцениваемому вами соглашению, компромиссу. Это ошибка. Повторяю, политически вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо. Когда-нибудь партия это поймет (да как она что-либо могла понять, если год за годом у нее отшибали ум и оставляли только послушание? — Ю. В.), а история обязательно оценит. Так не пугайтесь же теперь, если кто-нибудь от вас даже отойдет или, тем паче, если не многие так скоро, как этого бы всем нам хотелось, к вам придут. Вы — правы, но залог победы вашей правоты — именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича (не совсем, пожалуй, так, Ленин

был великим мастером компромисса. — Ю. В.). Это я много раз хотел сказать вам, но решился только теперь, на прощанье».

Приведя это место из письма Иоффе, далее Троцкий пишет: «За ночь на квартире (Иоффе. — Ю. В.) перебивало несколько тысяч человек... Похороны Иоффе были назначены на рабочий день и час, чтобы помешать участию московских рабочих. Но похороны собрали все же не менее десяти тысяч человек и превратились во внушительную оппозиционную манифестацию».

Чижигов так повернул дело, что друзья и соратники Троцкого оказались вне закона (даже подобия его, социалистического). На других еще распространялось какое-то сочувствие, там, скажем, снисходительность, а на этих годились любые средства и приспособления.

Тут товарищ Сталин вырастает из Чижигова в гигантскую фигуру, без сомнения всемирно-исторического смысла. Как не вспомнить Шкловскому откровения артиллериста: «Я знаю одно: мое дело — попасть...» Попасть, не дать промаха — Чижигов тут приспособился гвоздить по площадям: ну ни за что не пропустишь, ни единой души...

Дабы прикончить кого-то без суда (той сиротской видимости суда), да с семьей, да стереть из памяти людей, достаточно было назвать такого троцкистом, хотя Лев Давидович — такой же марксист и злодей, как и всякий прочий заслуженный член партии. Просто застрял на пути Чижигова, а тот остро завидовал, сознавая неоспоримое умственное превосходство Троцкого, неодолимую крупность (для Сталина неодолимую), просто громадные заслуги перед революцией...

Поначалу ВРК возник как «штаб военно-революционной обороны». 9 октября 1917 г. Исполком Петросовета поручил отработать проект такого штаба Садовскому, Лазимиру, Балашову.

11 октября коллегия Военного отдела Исполкома Петросовета обсудила проект.

12 октября проект был принят, а «штаб военно-революционной обороны» переименован в ВРК.

Вечером 13 октября на заседании Солдатской секции Исполкома Петросовета (фактически она стояла во главе гарнизона) проект создания ВРК был принят 283 голосами (против — 1 при 23 воздержавшихся). Это вызвало бурную радость Ленина.

16 октября решение Солдатской секции утвердил пленум Петросовета.

После стремительной победы революции приемная ее высшего органа пропустила многие тысячи граждан — вопросы решались самые невероятные, вплоть до бракоразводных. Работа начиналась с семи утра, когда толпа при открытии дверей буквально вламывалась в помещения, занимаемые ВРК. В три часа ночи уходил последний посетитель.

По делам же непосредственно революции ВРК заседал непрерывно. Те люди, которые вели заседания утром, к полудню уже оказывались целиком замененными и весь состав заседавших тоже был обновлен.

Протоколы ВРК сохранились лишь начиная с 29 октября 1917 г. Велись ли они раньше — спорный вопрос. Бывшая работница секретариата ВРК Е. Богораз утверждала, что начала вести протоколы с 27 октября, то есть прямо с рождения советской власти. Так или иначе, первые двое суток самой разрушительной революции в истории человечества оказались, так сказать, без письменных свидетельств.

У Григория Яковлевича Сокольников (первородная фамилия — Бриллиант) к переговорам в Брест-Литовске за плечами уместился 31 год — не возраст, а сплошная зависть: все можно и все достижимо по таким летам.

Родился Григорий Яковлевич в интеллигентной еврейской семье — отец служил врачом на железной дороге. В 1905 г. Григорий Яковлевич вступил в московскую организацию большевиков, в 1908-м — арестован; полтора года обдумывал будущее в одиночке, после чего отправлен на вечное поселение в село Рыбное на Ангаре. В этом самом Рыбном от «вечности» прихватил всего шесть недель — от тоскливого житья и вообще такого насилия над личностью сбежал за границу. В Париже оно, естественно, не в Рыбном, не на сто втором меридиане, не столь одиноко и опять-таки можно революционизировать Отечество (в этом направлении все повторяется с удивительным постоянством). Нет в нем, этом самом Отечестве, достойного движения жизни без большевиков, в бестолочи томятся люди, не ведают, кто настоящий Бог и какие за ним молитвы.

В Париже Григорий Яковлевич вошел в круг знакомых Ленина и, не теряя времени, тогда же получил диплом юриста, а заодно и прошел докторантуру экономических наук.

Стоило молодость просиживать в библиотеках, рыть учейшие книги, изучать все самые ветхозаветные и самые новейшие достижения мысли, дабы пристать к одной нищенски простой истине: насилие есть условие победы и существования после революции. Чижиков это и без всяких наук в себе носил... тоже мне открытие...

Григорий Яковлевич предан идее большевизма. В автобиографии рассказывает:

«...Выехал в Россию после Февральской революции с первой группой эмигрантов, в составе которой были Ленин, Зиновьев, Радек, Харитонов, Инесса Арманд, Мирингоф, Лилина, Усиевич и др. Путешествие в «запломбированном вагоне» через Германию было заполнено обсуждением тактических платформ на голодный желудок — было принципиально решено отказаться от жидкого супа, которым собирался угостить едущих немецкий Красный Крест (хорошо, что еще не гофмановский «желтый крест». — Ю. В.).

Два делегата от ЦК германской с-д., пытавшиеся проникнуть в вагон для принесения приветствий Ленину, должны были спешно ретироваться ввиду предъявленного им ультиматума — уйти, если не хотят, чтобы вытолкали в шею. Этот сформулированный Лениным ультиматум был без риторических смягчений предъявлен делегатам и произвел должное действие.

Встреча пассажиров «запломбированного вагона» в Швеции была организована Ганецким.

Сведения о травле, начатой против Ленина и едущей с ним группы большевиков, заставляли допускать возможность попытки Временного правительства арестовать приезжих после переезда через русскую границу (как лиц, проезжавших через территорию страны, находящейся в состоянии войны с Россией и каждый день убивающей сотни русских. — Ю. В.). На всякий случай (по предложению Ленина) условились, как держать себя на допросах и т. п.».

Сокольников с 1922 по 1926 г. — нарком финансов СССР. Это Григорий Яковлевич осуществил денежную реформу, начисто избавив страну от изнурительной, воистину вулканической инфляции, когда всё покупали на миллионы. Рубль приобрел внушительную устойчивость.

С 1929 г. он полпред в Англии, на смену ему в Лондон прибудет Иван Михайлович Майский (Ляховсецкий), который закончит свою дипломатическую карьеру при правительстве Черчилля в годы второй мировой войны (это тот самый Майский, из самарской «учредки», бывший злостный меньшевик)...

Григорий Яковлевич тоже по большевистскому списку оказался в депутатах Учредительного собрания. Член ЦК партии большевиков с 1917 по 1919 г. и с 1922 г. до 1930-го. С 1930-го по 1936-й — кандидат.

По возвращении из Брест-Литовска разработал проект декрета о национализации частных банков и управлял самой национализацией.

Являлся членом Реввоенсовета Второй армии на Восточном фронте, руководил подавлением восстания рабочих на Ижевском и Воткинском заводах и слившегося с ним мятежа крестьянства и части московских продотрядов. Подавил успешно.

Затем Сокольников командирован на Южный фронт и введен в Реввоенсовет Девятой армии. Без политического руководства армия превращалась в анархический сброд.

На VIII съезде РКП(б) был докладчиком по вопросам военного строительства, отстаивал необходимость «скорейшего перехода от партизанского сепаратизма к централизованной», регулярной «революционной армии». Являлся членом комиссии по пересмотру партийной программы. Можно сказать, с немногими другими крупными большевиками был сердцем и легкими партии.

После съезда получил назначение в Тринадцатую армию, на фронт против Деникина, а затем (для поддержания авторитета руко-

водства) назначен командующим Восьмой армией, где разложение грозило не только армии, но и фронту.

«Штаб армии (Восьмой. — Ю.В.), — вспоминает Сокольников, — кочевал с места на место, всегда рискуя быть захваченным враг; часть работников штаба дезертировала, а некоторые перебежали к белым...»

Вскоре Сокольников отзывают в Москву, на II конгресс Коминтерна. После конгресса какое-то время командовал Туркестанским фронтом; руководил становлением советской власти в Бухаре, воевал против басмачей, а с осени 1922 г. наконец осел в Москве в почетнейшем качестве наркома финансов. Им оставался до 1926-го, в котором стал зампредом Госплана. К тому времени Сталин уже укрепил на самых важных постах своих людей. Григорию Яковлевичу пришлось потесниться. Среди большевиков он выделялся умом и хваткой — ни одно из порученных дел не провалил. Успешно справился с такой сложной задачей, как инфляция и денежная реформа. И на дистанции в три четверти века Григорий Яковлевич вызывает к себе уважение. Не был он партийным изувером¹, а способностями обладал исключительными. Пожалуй, «там» по уму ему не было равных...

Летом 1922 г. Григорий Яковлевич представляет советскую Россию на Гаагской конференции. А после Чижиков не стал теснить его различными все более низкими должностями, а взял и стер с земли, подцепив к одному из страшных московских политических процессов.

Чижикову нужны были вот такие представительные процессы-пугала. Если сейчас, спустя почти шестьдесят лет после расправы над Сокольниковым, автор этой книги слышал, как многоорденосный пенсионер, член партии с сорокалетним стажем рассуждал о черныбыльской катастрофе:

— Правильно делали в средние века, когда сжигали ученых. Поразвели заразу и прочую погильель...

А слушательницы — пожилые женщины пенсионного возраста — кивали в знак согласия: нравился этим женщинам такой подход. И нравится не только им...

Тогда о таких процессах иначе начинаешь думать.

Процессы над различными вредителями и первыми сановниками партии и были рассчитаны на подобную массу, иначе ее не назовешь. Газеты и радио скармливали ей всю идейно-политическую отраву, бесстыдную ложь пополам со слепой ненавистью, а они, это безбрежное пространство людей, их пожирали. Раствление уже состоялось.

Тут берут свое и политучебники, и политчасы, и не виданная для России ни в какие «запрежде» времена армия политработников, и отделы кадров с их «женевским» просеиванием людишек; и уж, само

¹ Почему «не был»? А подавление восставших крестьян и рабочих из продотрядов? Это же бессудные расстрелы. Легли тысячи людей.

собой, профессиональные «женевские» вычесывания строптивых и просто самостоятельных и честных (честность всегда должна соотносываться с текущей линией партии и непосредственных руководителей); и пошлое, сюсюкающее, подхалимское советское искусство; и куда тут без доносов и партийных собраний (это уже, так сказать, легальное доносительство).

В общем, упряжь до сих пор не портили...

В повествовании Григория Яковлевича о себе — пытливый интерес к жизни (даже жадный), истинно большевистская преданность идее, уже запуганность Чижиковым (Григорий Яковлевич вдруг с какой-то торопливостью и не к месту припоминает: накануне Октября вместе со Сталиным входил в состав редакций газет, поочередно издаваемых вместо «Правды», — «Рабочий и Солдат», «Путь Правды», «Голос Правды», — а после октябрьского переворота — и «Правды». — Ю. В.), несомненная политическая честность с непоказной скромностью. Так, Григорий Яковлевич не таится, заявляет о своих взглядах на различных дискуссиях, явно идущих вразрез с тогдашним курсом партии. К примеру, в 1925 г. открыто требовал снятия Сталина с поста генсека, за что и поплатился членством в политбюро.

Чижиков лишний раз убеждался, с какой интеллигентской размазней имеет дело. При чем тут политическая честность? Да и вообще честность при чем? Сами себе головы и отвинчивают...

Троцкий, Каменев, Иоффе, Сокольников, Радек... шли в революционеры, а точнее, в вожди, прямо с гимназической скамьи, без крупницы житейского опыта и надлежащей образованности — сразу учить, организовывать, командовать, быть на вершине человеческой пирамиды. На Россию смотрели как на нечто заждавшееся их и явно ущербное без них.

Свое назначение видели в сломе старой жизни, себя — вождями, народ — сырьем для лепки нового человека, человека будущего. Их человека, поскольку форму для его лепки будут давать они — и никто другой.

«Маленький человек с огромной головой, с торчащими ушами, с гладко выбритым лицом (в те дни он еще не носил этой ужасной мочалки, именуемой бородой), в очках, с большим ртом, с желтыми от табака зубами, в котором неизменно торчала большая трубка или сигара, он всегда был одет в темную тужурку, галифе и гетры, — рассказывает Локкарт о К. Б. Радеке. — ...В блеске его ума, во всяком случае, можно было не сомневаться. Это был виртуоз большевистского журнализма, и его разговор был так же блестящ, как и его передовицы».

И Локкарт заключает: «...он был нечто среднее между профессором и бандитом».

У большевиков вообще эти две грани чрезвычайно близки. Так что это обобщающая характеристика. С годами только профессор-

ское шибко поужалось в лидерах большевизма. Уже после смерти Сталина все заговорят лишь по шпаргалкам. А вот бандитское, наоборот, шибко даст в росте...

Карлу Бернгардовичу Радеку (Зобельзону) к моменту переговоров в Брест-Литовске было тридцать два года — тоже из виднейших партийцев, но с преимущественно заграничным уклоном. С 1919 и по 1924 г. — член ЦК РКП(б).

Автобиография Карла Бернгардовича заслуживает внимания.

«После заключения Брестского мира руководил отделом Центральной Европы в Наркоминделе... После начала германской революции был послан совместно с Раковским, Иоффе, Бухариным и Игнатовым в составе делегации ВЦИКа на первый съезд немецких Советов. Когда легально не удалось проехать, отправились нелегально. Принимал участие в организации первого съезда компартии Германии. После убийств Розы Люксембург и Карла Либкнехта остаюсь нелегально в Берлине и принимаю участие в руководстве партией...

В марте 1920 года назначаюсь секретарем Коминтерна. Принимаю деятельное участие в организации Второго конгресса Коминтерна, на котором выступаю докладчиком. После конгресса отправляюсь в качестве члена... ревкома на Польский фронт...

Совместно с Зиновьевым принимаю участие в организации Первого съезда народов Востока, на котором выступаю докладчиком (в поездке на съезд от сыпняка умирает Джон Рид. — Ю. В.). В октябре 1920 года отправляюсь нелегально в Германию для участия в организации съезда, на котором должно произойти объяснение независимцев с спартаковцами.

...Принимаю участие в Третьем конгрессе Коминтерна в качестве докладчика по тактике (можно предположить, какую тактику «преподавал» Карл Бернгардович, учитывая личный опыт революционирования Европы. — Ю. В.). На Четвертом конгрессе являюсь докладчиком о тактике единого фронта и рабочем правительстве...

В начале 1923 года отправляюсь в Христианию для предотвращения раскола норвежской коммунистической партии... По возвращении в Россию командируюсь Коминтерном... для участия в руководстве предполагаемым восстанием (в Германии. — Ю. В.)...»

Пестрая молодость.

И всюду Карл Бернгардович прикладывает опыт руководителя восстаний, существенного значения не имеет — в Германии ли или другой стране, подавленной капиталом. Важны владение основополагающими принципами марксизма-ленинизма и одержимость идеей освобождения трудового народа. Если владеешь принципами, то есть освоил их за книгами в библиотеках, то прикладывать не столь уж и сложно. Народы истомились по таким, как Карл Бернгардович.

Что и рядить, личности необыкновенные. Прямо с гимназического урока — за руководство пролетариатом и за свои газеты с кате-

горическими наставлениями, как и куда идти людям, и кого когда свергать и вообще резать, и кого почитать вождями и всячески оберегать.

В 26 лет Троцкий руководит Петроградским Советом рабочих депутатов, а уж к тому времени у него солиднейший опыт по такого рода делам.

Да что там Троцкий! Все эти будущие вожди и генералы революции сразу после выпускного гимназического бала водворяются за границей и производят себя в знатоков русской жизни, и особенно ее нужд. И все издают газеты, листки, листовки, брошюры, труды — поучают, разоблачают. А образование, жизненный опыт — только-только прикрыть доньшко.

Усвоили по книгам теорию-спасение для народа — и хватъ его по лбу, этот самый народ, опять теми же газетами, «эксами», обещаниями рая на земле: на-ка исповедуй, здесь все исцеления!

Бесстыдно эксплуатировали забитость России, просчеты властей, надовольство общества и любые внешние и внутренние потрясения. И чуть что — за ширму; это значит — в Европу. Отсидеться, собраться с силами — и опять в дело: а как же, народы ждут...

Почти все они, без исключения, вчерашние школяры: молодые люди без жизненного опыта, профессии, службы, семьи, и в подавляющем большинстве случаев — дети состоятельных родителей (Ленин — сын статского генерала, Крупская — из дворян, ее отец вышел в отставку капитаном, Коллонтай, Софья Перовская и Вера Фигнер — дочери генералов, Чичерин — из родовитой и состоятельной дворянской семьи, Дзержинский — из дворян, Троцкий — сын землевладельца...), то есть люди, выросшие вне забот, книжные по опыту, а нередко и вовсе случайные, как, например, Сталин — сын сапожника и вчерашний семинарист. Сподобил же Господь Бог такого, наставил на путь истины, Всевидящий и Всемогуший...

Выходцев из рабочих и крестьян в руководстве партии не водилось. В верхушке партии их можно было счесть по пальцам, а из самых крупных, пожалуй, только Рыков и Калинин. С собственной точкой зрения, опытом рабочей жизни, тяжким тюремным образованием — так один Рыков. Алексей Иванович и перед вождем спину не гнул, хотя был его первым заместителем в Совете Народных Комиссаров.

Не отметить эту особенность большевизма, который все ставил именно на пролетарскую диктатуру, просто невозможно. За это самое происхождение будут терзать до смерти сотни тысяч людей (за дворянское или буржуазное, разумеется). После десятки лет будут сводить людей со свету анкетами с их распинающей строчкой — «происхождение». Нет, исключения были, но это — исключения. Основная же масса легла в землю.

Сила этих революционеров заключалась в умении использовать неустойчивую, переломную обстановку мировой войны, в готовности к любым обещаниям (после можно силой отнимать хлеб, как в эпоху военного коммунизма, всех и всё принуждать силой), а глав-

ное — проливать кровь. Ни одна политическая группировка в истории из существовавших дотоле не была так теоретически подготовлена к пролитию любого количества крови, как большевики. Это было первым пунктом их доктрины. Никакая буржуазия со всеми своими диктаторами-кровопийцами, выдвигаемыми историей в критические моменты, не может сравниться по решимости пускать кровь (причем безразлично чью) с большевиками, приспособившими для этого определенную часть рабочего класса.

Это был и есть центральный программный пункт ленинцев. Поначалу они гордо именовали его диктатурой пролетариата, прятался же за ней самый оголтелый и примитивный террор верхов партии.

Еще бы, всех вырежешь из несогласных и самостоятельных — поневоле станешь и правым и хозяином... то есть ленинским руководством партии... Нет, окупались сидение в библиотеках, возы книг и близорукость от книг...

В автобиографии Карла Бернгардовича всего ярче — самолюбование, игривая развязанность: во какой я! Слов нет, находчив был и неглуп. И еще в этом исповедании недоумение, даже не оно, а оторопь: что случилось, почему отодвинули от любимого дела — руководства революциями и вообще народами? Ведь священнодействовал-то с согласия и по поручениям Ленина...

Весь этот авантюризм соответствовал догмам о европейской и всемирной революциях. Мировая же война озлобила народы до крайности. Здесь не только Ленин со своим профессорским багажом, но и шут сойдет за пророка, коли наладится кричать о самом больном.

Он был шибко посвящен в финансовые секреты партии, очень близко стоял (ближе нельзя) к делам Гельфанда.

Это он, Радек, в дни процесса над Зиновьевым и Каменевым, напишет статью в «Известиях», и там среди прочих будут слова: «Троцкистско-зиновьевская банда и ее гетман Троцкий...»

Даже перед лицом смерти, кровавой драмы целого народа Радек оставался все тем же шутом и клоуном.

А дальше... дальше для Карла Бернгардовича — небытие, еще одно имя в «женевском» списке. Чуть старше пятидесяти годов, был лишен радостей существования, да тоже не просто так, а подцеплен к громкому и позорному процессу врагов народа. Вся страна требовала на митингах смерти им, оборотням. И голосовали на митингах всей страной.

Растление народа — одна из основных забот этой партии.

Ну, а после — реабилитация. Что еще нужно?..

Это более чем умирительно: мучили человека, вколотили в землю, обрекли на позор родных и близких, а взамен — бумажка. Взамен жизни, счастья тысяч людей — бумажка. Мол, терзали и угробили зазря, ложный оказался расчет движения.

И не смей возмущаться, требовать палачей к ответу. Это невоз-

можно, ведь эти убийства, как и любые притиснения и приговоры поныне, — существо государственной власти на этой шестой части суши. Требовать кого-то к ответу — стало быть, требовать к ответу государство.

Словом, радуйся: есть реабилитация — и не обижайся, коли слежка и там какое другое наблюдение за тобой сохраняется.

Держи бумагу — и шепчи «спасибо».

Пробу своему «таланту» Сталин устроил на двух великих вождях. Ленин и Троцкий относились друг к другу далеко не с доверием, особенно Ленин, который не скупился на ярлыки, отмечая Троцкого, среди прочих таким достойным именем, как иудушка-Троцкий.

Ленин вообще питал к меньшевизму, пожалуй, еще большую ненависть, нежели к белым. Для него они были злейшими врагами рабочего класса, и прежде всего потому, что вносили в него раскол, все время оспаривая позиции большевиков. Между Лениным и Троцким не существовали даже просто открытые, товарищеские отношения, не говоря уже о добросердечных. Порой представляется: Ленин лишь терпит его...

И вот этим воспользовался Сталин. Он нагло изолировал большого Ленина, не опасаясь никого, в том числе и Троцкого. В любом случае Ленин не должен был обратиться к Троцкому. Он для него оставался чужаком в партии. Пусть великим (из-за практической пользы), но чужаком.

Сама изоляция Ленина — в общем, дело его собственных рук. Действия Сталина стали возможны из-за партии, точнее, обстановки в партии, когда низы по-солдатски подчинены верхам. И что там наверху — их в это не считают нужным посвящать. Поэтому вся масса дисциплинированно, по-солдатски выполняет указания сверху.

И Сталин не просчитался. Он изолировал Ленина, лишил реальной власти в делах государственных и партийных и принялся поворачивать дело в партии на свой лад, то есть сосредоточил усилия на объединении всех против Троцкого и троцкистов. Но разумеется, пока еще очень осторожно. Так, лисьи узоры и прыжки...

Вождь (и его семья) к иудушке-Троцкому не обращался, в себе переживая унижения, в главном ничем не отличимые от домашнего ареста (все, разумеется, под видом заботы о здоровье).

Лев Давидович тоже не проявлял признаков беспокойства, пока не разглядел игры против себя. С высоты занимаемого положения, можно сказать всемирного авторитета, это было несколько затруднительно. Казалось, ничто и никто не сумеют его поколебать. Его рассматривали как законного наследника Ленина. Безусловно, он улавливал какую-то кабинетную возню, перемещение теней за своей спиной, но разве ему, «принципу» партии, обращать на это внимание. Он только взойдет на трибуну... Не сегодня-завтра к нему

отойдет партийный престол. И вообще, партия слушает только его и Ленина...

И все же с Лениным Коба просчитался, он повел игру слишком грубо, уповая на доклады врачей. Но ведь время тоже терять нельзя! Следует вцепиться в возможность закрепления власти над партией, он так близко подошел к этому, увидел, наслаждался... До Ленина ли!.. Впрочем, так повел себя не только он. Все, кто знал подлинную историю болезни вождя, уже отдали его смерти.

И просчеты следуют один за другим. В «грузинском» деле Сталин шельмует мнение Ленина. Он оскорбляет Крупскую, совершает еще ряд неуважительных действий.

И Ленин протягивает руку иудушке-Троцкому.

Троцкий свидетельствует:

«Ленин вызвал меня к себе в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу. Он предлагал создать специальную комиссию при ЦК и приглашал меня к активному участию в работе.

Я ему ответил:

„Владимир Ильич, по убеждению моему, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что и на местах, и в центре создается особый подбор чиновников и спецов, партийных и беспартийных, вокруг известных партийных руководящих групп и лиц, в губернии, в районе, в центре, то есть при ЦК. Нажимая на чиновника, наткнешься на руководящего партийца, в свите которого спец состоит, и, при нынешнем положении, я на себя такой работы не мог бы взять“. Таким «рычагом» Ленин видел... комиссию.

Нет, не понял Троцкий того, что затевал Сталин.

Как мы видим, корень решения вопроса с ростом бюрократии виделся вождям в создании очередной комиссии. Это даже как-то огорчает. Тут надо съезд созывать, в основу учения поправки вводить, а они... раковую опухоль принимают за прыщик. Ну да Бог с этим, но они ведь даже в Чижикове не разглядели того жуткого, культового, что присуще партии, как человеку под солнцем — тень. Они даже себя не сумели защитить. После данного эпизода об их провидчестве начинаешь думать даже как-то нехорошо... Ведь они так до сих пор и создают по каждому поводу комиссии. А следовало создать одну, всего одну: на предмет изучения правомочности всех этих людей решать судьбу России и заводить ее в тупик государственной катастрофы. Неужто это не было видно — чудовищная искусственность всей социалистической конструкции, ее совершенная нежизненность, непригодность. Только величайшим принуждением всего народа она могла стоять, не рушиться на головы своих создателей. Неужто им это не было видно и насилие государства над людьми они принимали за естественное функционирование государственной системы?

Нет, ничего не видели.

Были уверены, что строят новое. Раздвинут это новое — а там укатанные рельсы в социализм и всеобщее счастье...

И слепо, упорно втискивали жизнь в свои схемы. Плоть народа трещала, исходила кровью, мучительно вдавливаясь в назначенный Лениным шаблон...

А тогда Ленин согласился с оценкой Троцкого и предложил блок Ленин — Троцкий против Сталина.

Поздно. Над Лениным сомкнулось безмолвие. Троцкий остался один.

Опираясь на медицинское заключение, Сталин повел загон против Троцкого. Ленин не оправится, это живой труп, не более. Уста его не разомкнутся для связной бегущей речи. В лучшем случае он издаст мычание...

Таким образом, разногласия между Лениным и Троцким явились для Чижикова Божьим знамением. Вполне возможно, именно эта комбинация подарила ему тот прием (то знаменитое сказочное заклинание, которым он отворял все двери власти), которым он с завидным постоянством уничтожит всех соперников. Господи, он даже не удосужится внести в него что-нибудь новое, будет всех их стравливать, давить одним приемом.

Он бил их по частям. Изолировал жертву и объединял всех против нее, суля всем, кто участвовал в очередном загоне, благоденствие после уничтожения жертвы или жертв. Если надо — покупал новыми назначениями, идейные ограничивались пафосными разговорами о коммунистическом завтра и важности единства партии. И вся славная партийная гвардия уничтожала своих же вчерашних товарищей одного за другим, пока не пожрала самое себя. У Сталина были все основания презирать ее. Всех: и убитых, и тех, кому в ничтожном меньшинстве была сохранена жизнь, но не просто так, а чаще всего ценой потери достоинства. Но что такое достоинство? Это значит, что они признавали за Сталиным право убивать. Значит, предавали тех, кого убивали. Они все были предателями, и прежде всего — народа. Зато покупали себе жизнь.

Сталин преодолел пространство из трупов (это были когда-то люди, которых он переиграл «на дурачка», повышение в должности, трусость), людей-призраков (ничего своего — все органы только для того, чтобы угождать и угадывать и уже заранее одобрять любое злодейство, любое решение, даже самое преступное по отношению к народу и народам). Эти люди-призраки не имели своих слов. Они только шевелили губами. Слова могли быть только у него.

Ему, судя по всему, было очень скучно среди них. Любый ложился под топор — к этому свелась вся сложная и долгая игра за власть.

Безусловно, от обилия крови, пыток, которые составляли значительную и самую существенную меру его бытия, он к концу жизни несколько подвинулся в рассудке. Физическую силу потерял разительно, стремительно дряхлая, однако умело пряча это от людей. А

в характере обозначилась снедающая его дни и ночи подозрительность. Он избегал спать в одной комнате. Избегал в рост стоять у окна, так... разве при крайней нужде обозначится по касательной...

А при встрече этого всего и не заметишь. Такой, каким был всегда.

Генерал Толубко был у него на приеме за две-три недели до мозгового удара. Владимир Федорович Толубко рассказал мне об этом в 1974 г.

Напряженно шел по коридору к кабинету. Первая встреча с вождем один на один. Неживой от волнения. И не заметил, как повились двое офицеров. Один скомандовал:

— Встать к стене лицом, не поворачиваться!

Генерал Толубко встал к стене, но прежде увидел, как из дали коридора появился Берия, в штатском, несколько мешковатый, грузный, по сторонам от переносья — два блика от пенсне...

Сзади и спереди Лаврентия Павловича шагали по одному офицеру из тех, что должны в случае чего заслонить маршала Берию своим телом.

Грузно отдавали в пол за спиной Толубко хромовые полусапожки Лаврентия Павловича. А справа, уже шагах в двадцати, зычно пролаял голос офицера-«глашатая»:

— Встать к стене лицом, не поворачиваться!..

И кто-то из вельмож этой великой державы послушно ткнулся лицом к стене... Руки вдоль тела. Во всем — полная покорность. А иначе и быть не могло, ибо все здесь были — и в золоте погон, и в блеске орденов — слуги и холуи! И другого в этой стране социализма не было дано.

Когда генерал Толубко отодвинулся от стены, обмяк, приходя в себя, шагов уже не было слышно...

Здесь все боялись друг друга.

Ведь даже Сталин признавался, что, когда проходит мимо последнего охранника уже непосредственно перед входом в свой кабинет, каждый раз думает: «А вот возьмет и застрелит меня».

Об этом они думали постоянно и в первую очередь.

Это о них писал Сергей Дмитриевич Сазонов — один из последних министров иностранных дел Российской империи:

«Шайка Циммервальдских революционеров, щедро субсидируемая нашими внешними врагами и опиравшаяся на элементы, давно, но безуспешно работавшие внутри России над ее разложением, по своему разрешила польский вопрос, заодно с вопросом о существовании самого Русского Государства, которое она превратила в страну бесправных, обездоленных и беспощадно истребляемых рабов, лишив их даже славного имени их великой Родины и заменив его ни сердцу, ни уму ничего не говорящей собирательной кличкой...»

Что же, рязанский дворянин Сазонов на склоне своего земного бытия из далей парижской эмиграции безошибочно определит суть российской трагедии.

«...Лишив их даже славного имени их великой Родины...»
А что до Польши, это польскому народу решать.

Троцкий, Иоффе, Радек, Карахан...

Напустили, как саранчу, на русскую жизнь всех этих вчерашних школяров. И кромсали, уродовали ее¹. И за это возвели себя в святые. Поотнимали у городов, площадей, улиц древние имена, запачкав своими. Каждому вбили в лоб по пятиконечной звезде.

Можно прославлять великую терпеливость народа: не растоптал их, не отрунул как отравителей, а говорит с ними, ищет добрые слова.

Лев Михайлович Карахан — из мещан Кутаисской губернии, по старой терминологии — инородец. На переговорах в Брест-Литовске не было моложе его в советской делегации: 28 лет. По образованию — юрист. В РСДРП(б) — с 1904 г., с 15 лет.

С 1918 г. — заместитель наркома иностранных дел. В 1921-м — полпред в Польше. С августа 1923-го — полпред СССР в Китае. Совсем скоро — первая величина среди советских дипломатов после наркома иностранных дел. Пал в 1937 г. от поцелуя «женевской» твари. Реабилитирован... а отчего не реабилитировать? Можно выдать на помин души квиток с прощением. Вот только могилы не существует. Сваливали это добро где придется. Не нравилось Сталину, что они живут. А тут могилки...

Михаил Николаевич Покровский к моменту переговоров в Брест-Литовске был на два года старше Ленина и на девять — Сталина.

В 1891 г. Михаил Николаевич закончил историко-филологический факультет Московского университета, ученик В. О. Ключевского, вскоре профессор истории. В 1902 г. на чтение им лекций наложен запрет. В апреле 1905 г. вступил в партию большевиков, деятельный участник событий 1905—1907 гг. На V съезде партии избран кандидатом в члены ЦК РСДРП.

¹ Из письма Константина Победоносцева императору Александру Третьему 4 марта 1887 г.:

«...Бог знает еще, чья хитрая рука направляет, чьи деньги снабжают наших злодеев, людей без разума и совести, одержимых диким инстинктом разрушения, вырождков лживой цивилизации (выделено мною. — Ю. В.)...»

Нельзя выследить их всех, — они эпидемически размножаются; нельзя вылечить всех обезумевших. Но надобно допросить себя: отчего у нас так много обезумевших юношей? Не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем несвойственную нашему быту систему образования?..» (Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., «Русская книга», 1993, с. 489.)

С 1907 г. Михаил Николаевич — в эмиграции: сначала — в Финляндии, потом — во Франции. В Россию вернулся после Октябрьского переворота. С ноября 1917-го по март 1918-го председатель Объединенного Московского Совета, затем — председатель Совнаркома Московской области, академик — ставил советскую историческую науку. С деятельностью Михаила Николаевича связано возникновение рабфаков и Института красной профессуры. Он автор множества работ. Скончался в апреле 1932-го, 64 лет, избежав знакомства с «женевской» уродиной. Великая резня партийных кадров еще не давала о себе знать. Безбожно резали обыкновенных людей, из неподатливых или бывших, но все это в порядке вещей, то есть на законных основаниях, согласно учению. Оно, это учение, предполагает обязательным прореживание общества. Простор требуется новому человеку.

Наркому внутренних дел РСФСР Петровскому к переговорам в Брест-Литовске исполнилось тридцать девять, в революционном движении — с 1895 г.; арестовывался, саживал в тюрьмах, был и в эмиграции.

Как член IV Государственной думы Григорий Иванович произнес тридцать две речи; в 1912 г. кооптирован в члены ЦК РСДРП(б). За отказ голосовать за военные кредиты в феврале 1915-го сослан на вечное поселение в Туруханский край.

С ноября 1917-го и по март 1919 г. он нарком внутренних дел РСФСР, наряду с Дзержинским — самый непосредственный распорядитель «женевского» механизма, так сказать, гроза классовых врагов. В общем, не одну тысячу людей отправил в братские могилы.

С марта 1919-го и по самый 1939 г. Григорий Иванович — председатель Всеукраинского ЦИК, один из председателей ЦИК СССР, с 1926 и по 1939 г. — кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б). В общем, подпирал плечом Сталина, не перечил. Гибель скольких товарищей одобрил — и не счесть.

«...Петровский без всяких оснований был отозван с Украины, — сообщает Советская историческая энциклопедия, — и фактически в течение пятнадцати лет отстранен от всякой активной политической деятельности, работая заместителем директора Музея Революции СССР... Похоронен на Красной площади...»

Мы по данному поводу не будем лить слезы. Лучше склоним голову в память о его старшем сыне — комкоре Л. Г. Петровском. Командя 63-м стрелковым корпусом, погиб в бою с гитлеровцами в сентябре 1941 г. в Смоленском сражении.

Чижиков каким-то чудом не послал Григория Ивановича на «женевскую» потеху. Скорее всего, заместительство при музее, эта несоразмерность с его истинным масштабом всей прошлой деятельности, это унижение (ведь даже не директор) и тешили алмазного диктатора, тем более он предал Григория Ивановича прочному

забвению. Хоть запечатанные бутылки с весточками кидай из форточки: жив, мол, бывший нарком Петровский и вовсе не иссяк в силе. Авось прочтут, встрепаются, вспомнят — все не в такой глухоте пропадать.

Автор книги помнит то скудное на мысль время. Григорий Иванович являл собой некий исторический реликт. Всем было ясно, что он в жестокой опале, но допускали и неспособность Григория Ивановича к новой жизни. В революцию оказался на месте, а в мирное время, в сложную эпоху социалистического строительства и всяческого созидания, не потянул, не та эрудиция и широта. Случилось же такое, скажем, с Ворошиловым, Буденным, Тимошенко... какие фигуры!

Правда, ни Ворошилову, ни Буденному, ни Тимошенко, ни всем другим не к чему было кидать бутылки в шумное людское море. Занимали они почетно-бесполезные должности, в основном служили «маяками» подрастающему поколению и вообще молодым воинам.

А вот бывший нарком Петровский даже «маяком» не служил. Не называли его имя при Сталине ни в докладах, ни в фильмах, ни в газетах, чуть-чуть прописывали в редкоотважных работах по чижиковской истории революции и Гражданской войны. В общем, революцию Ленин делал, но без Сталина с места не сдвинулся бы. И Гражданскую войну выиграл Сталин, ему в разных местах пособляли Котовский, Пархоменко, Щорс, Чапаев и Лазо...

Ну как на необитаемом острове оказался Григорий Иванович, мог бы и разучиться говорить. Словом, самое время в бутылку послание втискивать и окуривать сургучом.

На живых душах была мозоль. Набили ее годы радостного социалистического строительства и очищения. Кто не сумел набить, кому не легла короста на душу — сам ложился в землю.

Нет, не попало бы в живые руки послание Григория Ивановича. Поскольку сам творил этот мир — тот и воздал ему. При чем тут Сталин и культ личности? На волчью завязь крепилась жизнь.

Но и то правда: Григорий Иванович превосходно сознавал свое положение — отчего оно и с кем он имеет дело — и вел себя смиренно, даже примерно. Ничем не гневил вождя — ну тень тенью (по самой бровочке ходил, вовсе места не занимал), каковой и являлся в своей первоходной сущности: трус, признавший за палачом право творить жизнь, то бишь произвол. Сам похожий творил. Вот и положил себя под сталинский шаг — сохранней так...

Беспощадный нарком внутренних дел.

Творец новой жизни.

Воистину так: за что боролись — на то и напоролись.

В Брест-Литовске Георгию Васильевичу Чичерину — племяннику известного русского историка и философа Бориса Николаевича Чичерина — было сорок пять. Георгий Васильевич окончил

историко-филологический факультет Петербургского университета и с 1897 г. служил в архиве Министерства иностранных дел. Интеллигент из рафинированных: обожал музыку, литературу, общество. Однако с 1904 г. эмигрировал в Германию, примкнув к меньшевикам. За границей арестовывался и высылался из различных стран: хлопотное проживание для родовитого и воспитанного дворянина. Чичерины ведь состояли в тесном родстве с первыми дворянскими семьями России. Таким родовитым дворянином на советской службе будет, пожалуй, еще только граф Игнатьев.

С 30 мая 1918 г. Георгий Васильевич — нарком иностранных дел и не мог не участвовать в игре, затеянной после убийства царя и его семьи.

После убийства посла графа Мирбаха германское правительство потребовало введения немецкого батальона в Москву для охраны посольства. Едва отговорились...

18 июля (может, несколькими днями позже) Свердлов сообщил германскому правительству о том, что императрица и наследник Алексей живы. Опять отговорились.

Ленин и Свердлов все знали о казни Романовых — и лгали. За ними лгал и Чичерин. Он служил революции самоотверженно и страстно, изводил себя работой до изнеможения. Только и жил делом. Вплотную с кабинетом комнатка — там отдыхал и спал. Прочие радости и не прельщали, гордился все новыми и новыми признаниями советской власти, выгодными договорами. Усаживался иной раз за инструмент и наигрывал любимейшего Моцарта; многие его сочинения, если не большинство, знал на память — вот и весь досуг.

Колоритен Чичерин в описании Локкарта, который виделся с ним десятки и десятки раз.

«Только глаза, маленькие и окруженные красной каемкой, как у хорька, проявляли признаки жизни. Его узкие плечи склонялись над заваленным работой письменным столом... Идеалист, лояльность которого по отношению к партии была непоколебима, он с исключительным недоверием относился ко всем, кто не входил в нее.

...Позднее, когда я ближе познакомился с Чичериным, я узнал, что он никогда не принимал решения, не посоветовавшись предварительно с Лениным».

Что еще? Бажанов упоминает о мужеложестве наркома. Да пусть, это дело личное, хотя и гадкое.

Глубоко страдал Георгий Васильевич от неослабных преследований Сталина, а пуще всего — от постепенного отстранения от политической жизни и унижительного пренебрежения им.

Во время последнего лечения за границей, в Германии, вознамерился не возвращаться в новое социалистическое Отечество: одни пинки, обиды и вообще коренное расхождение с идеалами чижиковской революции. Революцию Георгий Васильевич видел чистой и служил только чисто, идеалом представлял Отечество без угнетения, свободное, с великой и достойной демократией. Георгия Васильевича уговаривали, он возвращаться отказывался.

Это вызвало едва ли не потрясение у Чижикова (а он вообще «не потрясаясь»); насколько известно, всего еще только раз испытал потрясение — в июне 1941 г., и опять «закаменел»). Мало того, Чичерин слишком много знает, и что вообще могут подумать о нем, Чижикове, если отворачиваются и уходят вот такие люди. Одно дело — он убивает, а другое дело — от него за границу уходят. Тут сплошные «мальчишки кровавые в глазах»... Уж одного Троцкого на свободе более чем достаточно, а тут... из Висбадена, с лечения, уходит в эмиграцию сам нарком иностранных дел! Автору книги рассказывал о тех событиях очевидец. Очень переживал вождь. Шутки ли: к Троцкому, Бажанову уйдет еще и Чичерин! Что пристрелим — сомнений быть не может, но сам факт!..

Дело держалось в величайшем секрете. Были предприняты все меры — и уговорили. Чичерин дрогнул и вернулся. А через год, в 1930-м, он был освобожден от должности... по личной просьбе. Нет, не по болезни, а по принуждению.

Дни свои Георгий Васильевич закончил в почти тюремной изоляции, в похожей закончит свои дни и Горький, заколодят они по своему и Луначарского, и еще кое-кого.

Местью сына сапожника оказалось и захоронение Георгия Васильевича не на Красной площади или в Кремлевской стене, а на Новодевичьем кладбище, кое пребывало при Сталине (и аж до самого 1955 г.) в запущенности и убожестве: полусорванные, кривые громады ворот со стороны монастыря, бурьянные могилы, полное презрение к ушедшим жизням, хотя покоилась там и жена самого Сталина, правда, сжитая им со свету. Я навещивался на это кладбище тогда особенно часто: в сентябре 1953 г. лег в ту землю мой отец — Власов Петр Парфенович, — мученически умер за преданность делу и Родине.

Из беседы писателя Александра Бека с личным секретарем Ленина Фотиевой 20 марта 1967 г.:

— Я вообще не была в подчинении у Надежды Константиновны и не спрашивала ее разрешений.

— Но ведь письмо Ленина («К вопросу о национальностях или об «автономизации»). — А. Б.) было направлено против Сталина?

— Не только против него. Также и против Орджоникидзе и Дзержинского (и без признаний Фотиевой и Володичевой вся история этого дела достаточно проясняется при чтении 45-го тома сочинений Ленина. — Ю. В.).

— Да-да, главным был все-таки Сталин. И вы передаете ему. То есть заблаговременно вооружаете его (эта помощь Фотиевой и Володичевой весьма поспособствовала Сталину в установлении полного контроля над партией. — Ю. В.).

— Ах, вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин. Большой Сталин. (Она не сказала «великий», сказала «большой». — А. Б.)

— Это я понимаю. Но хоть бы посоветовались с Марией Ильиничной.

— А Мария Ильинична вообще ничем не распоряжалась. Все предоставляла Надежде Константиновне. Однажды Мария Ильинична, еще при жизни Владимира Ильича, сказала мне: «После Ленина в партии самый умный человек — Сталин».

Хороша же была эта партия, ежели самый умный человек в ней после Ленина — Сталин, уость мышления которого буквально ломится из всех его поступков и слов. Нет, он был отмечен «гениальностью» — в коварстве, вероломстве, бездушии. Все качества, сопутствующие жестокости, у него находились, как говорится, на высоте.

Но ум?

Тут семинария так и осталась «зияющей» вершиной его интеллектуальных достижений. И это совсем не насмешка или пристрастность, которая заставляет изменять чувствам справедливости и объективности. Почитайте Сталина (уже, кстати, подчищенного и «причесанного» редакторами) — серая, убогая речь. Этот язык отражает его умственную организацию. Это мещанин, освоивший грамоту, не больше. Ошибочно путать энергию палача, тирана с энергией ума.

А тут: «После Ленина в партии самый умный человек — Сталин». Уже одно это сравнение должно унижать, умалять достоинства главного вождя большевизма. Кто ж тогда он сам?

Из воспоминаний Н. К. Крупской:

«Дешевизна в этом Шушенском (месте сибирской ссылки Ленина. — Ю. В.) была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое «жалованье» (казенное содержание для ссыльных. — Ю. В.) — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья (ну и язык — как булыжная мостовая. — Ю. В.), и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват.

Одну неделю для Владимира Ильича убивали барана (так все семь дней и убивали? — Ю. В.), которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест. Потом на неделю покупали мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. А молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его собаки.

Вскоре мы перебрались на другую квартиру — полдома с огородом наняли за 4 рубля...»

Вся эта поразительная дешевизна навсегда исчезла из России с победой Октябрьской революции. Ну, а как поступали и поступают

у нас с инакомыслящими и вообще заключенными и ссыльными — писать не стоит...

Иоффе, Сокольников, Радек, Карахан, Петровский, Чичерин и, наконец, Троцкий и Каменев (без «спецов») ... Делегацию в Брест-Литовске в разное время представляли выдающиеся люди, даже по высшим меркам большевизма. И с точки зрения «женевских» маховиков, это тоже были достойнейшие личности.

Словом, истинные доктринеры людского горя и лжи.

Это они накладывали запрет на духовную самостоятельность. Это они vybrили всем без исключения лбы, как окрещенным в одну обязательную веру. Это они заставляли всех твердить только назначенные слова и тропить жизнь лишь в строго означенных пределах: в сторону — пуля.

Им даже невдомек простая истина — правда, за которую люди бились и страдали испокон веку. Еще теолог Бальдассарре Кастильоне говорил в XVI веке: «...правда и состоит в том, чтобы говорить что думаешь, даже если заблуждаешься...» Сказать было жутко, а уж заблуждаться!..

Ни словечка сверх назначенного — иначе гонения, сумасшедший дом, арест, глумления и насилия уголовников в камере и уголовников с Лубянки, что при синих петлицах. Жизнь как параша...

Им и невдомек высокая истина: «Я лучше отдам свою кровь, чем запятнаю себя кровью человека».

Не укладывается она в формулы классовой борьбы даже частным и несчастным случаем — ну нет ей места. И вообще, зачем же своей кровью пятнать, коли под руками сколько угодно чужой, так сказать, классово чуждой...

И верно, для этих людей, что произвели себя в учителя и вожди, кровь людей — та животворная вода, которая вращает жернова истории — их истории.

У них много крови запланировано и просто для слива: надо пульс и давление общества держать на заданном уровне. Их уровне.

Ни Каменев, ни тем более Зиновьев (тип преотвратительный), как и почти все из окружения главного вождя, не идут ни в какое с ним сравнение: Ленин гораздо шире и уже в одной этой широте крупный.

Искренность, широта, доброжелательность — свойство натур одаренных, сильных.

Ленина выделяла определенная широта.

Лишь Троцкий, Сокольников да, пожалуй, Рыков возвышались над всей этой мелкотней, жадно грудящейся вокруг вождя. Троцкий же вообще обращает внимание независимостью и силой характера. Если говорить о Троцком до 1924 г., то проглядывает в нем самолю-

бование и позерство — игра в этакую мрачную значительность, явное осознание себя личностью исторической. И даже на расстоянии более чем полвека это производит несколько комичное впечатление.

В Ленине это отсутствовало начисто. Зато хватало искренней убежденности (временами просто святой простоты) в праве распоряжаться судьбами народа и каждым человеком в отдельности. При всей демократичности обращения нечто мессианское руководило его поведением. И он это сознавал: он не живет, а исполняет историческую миссию.

К величайшему горю великого множества людей (я не пишу: всего человечества — это было бы неправдой), эта почти религиозная уверенность замыкалась на священном праве распоряжаться жизнями, в том числе и убивать. Убийства обосновывались исторической неизбежностью и необходимостью всеобщего счастья и процветания и облекались в форму диктатуры пролетариата.

И надо признать, пролетариат подпер своим плечом вождя, тоже отчасти проникнувшись мессианской идеей.

Большевики, казалось бы, прирожденные диалектики, а приняли учение Маркса как догму. Все, что не уместается, не втискивается в догму, не хочет быть втиснутым, — отсечь. Это не имеет права на жизнь.

Но Сталин громоздил расправы прежде всего во имя неприкосновенности и неограниченности своей власти: до предела отжать все лишнее, а лишнее и лишние — все, что не есть Сталин.

Все эти так называемые оппозиции, заговоры, перерождения, гнусные опалы за какие-то прегрешения являлись в подавляющем большинстве чистейшим вымыслом — истребить всех, кто имел какое-то значение в партии, особенно в прошлом, ибо это прошлое стремительно переписывалось и перекраивалось. Из этой кровавой свары все выше и выше вздымалась фигура Сталина. Во всех его действиях присутствовала ограниченность, неразвитость духовная, художественная. Он так и не сумел преодолеть примитивные представления о мире.

Как страсть всякого примитивного существа, жажда власти превосходила в нем все прочие инстинкты (нет, не чувства, а именно инстинкты: животное в нем было выражено ярче и больше всего).

Для Ленина власть сама по себе не имела столь важного значения. Власть давала ему возможность воплощать в действительность догмы, которые составляли каркас его убеждений. Через эти догмы он брался осчастливить человечество. Власть для него — нечто побочное. Для Чижикова — жгучая страсть, смысл бытия, и уже в этом вся примитивность его натуры, обедненность чувствами...

Останься в миру большевики с заметными заслугами и хотя бы толикой самостоятельности, Чижиков состряпал бы новые процессы под какими угодно ярлыками. Для этого под рукой томилась в неизбывном рвении министр Берия, прокурор и министр Вышинский, идеологи Жданов, Молотов, Митин, Юдин, Аристов, Поспе-

лов и запуганное, оболваненное общество, гордо именуемое себя «самыми свободными людьми на земле». Его постепенно озаряла любовь к очередному богочеловеку — третьему после Ленина и тоже избавителю, коли принять во внимание революционное вознесение Троцкого, тоже под стать иконному.

И в этом вождю пособляли тысячи тонн книг, газет, кинофильмов, живописных полотен — все досточтимое воинство советских писателей и художников, нечистое племя приспособленцев, невежд, лоящих милости и благословения властей. Их культурное убожество так же безгранично, как и тщеславие. Сведенные в стада, именуемые творческими союзами, они демонстрируют ту же животную покорность и всеядность.

Художники кисти и слова... они дружно ваяют Сталина, а после так же дружно оплевывают. Они превозносят Хрущева, а после смешивают с грязью. Они ползают на коленях перед Брежневым и брежневщиной — воровской, черной мразью, — а погода на крик смешивают его время с грязью, тем самым доказывая свое родство с холуями и рабами, ибо только раб и холуй способны оплевывать то, чем восхищались вчера.

Какая цена этим «идейным людям», почему-то считающим себя художниками, если они не признают простейшей из истин: художник — это прежде всего независимость и самостоятельность мышления.

У истоков этого искусства дежурил Сталин, а он признавал человека лишь в одном состоянии — на коленях.

И оттуда, с колен, все радовались свободе, прозорливости вождя, кляли врагов и опять славил вождя. Бога на Руси так не чтили, как Сталина. А Ленин вообще смотрел откуда-то с поднебесья.

Так чему удивляться, на что жаловаться — по счетам надо платить, и не год, и не десять. Не без помощи большевиков, но и сами тоже шагали в светлое завтра, думали откупиться кровью, густо пустили ее из своих же ближних...

А на кровь ничего не купишь, кроме ада.

Лили кровь и не думали, чья она (как бы и не людская, вроде воды) и что это вообще кровь. Узким мирком сапожника (кустаря и ремесленника) схватывали жизнь.

С рождения отрекались от братства и общности жизней. Жили, как за стеной. Там, за стеной, пусть кровь, нас она не волнует — это ведь уже вражья кровь. Все, кто оказывался за стеной, становились врагами. Наши чувства отключались. Мы ясными глазами взирали вперед, чтобы не видеть ничего по сторонам...

Но казалось бы, к чему теперь тянуть за собой тень Сталина — этаким всемирным невод, полный трупов? Не проще ли отмыться от жути прошлого? Почему, для чего столь упорное сохранение верности палаческому прошлому?

Признать несправедность и палачество Сталина — значит признать несправедность и палачество марксизма и, следовательно, самого богочеловека — Ленина. Что ж тогда остается? Признание

того, что вся история советского общества — ложь, принуждение, террор?

Это же все равно что публично сознаться в преступлении всей философии ленинизма, его тиранической сущности.

Эпохальный террор и деспотическое правление Сталина целиком обязаны марксизму-ленинизму; так сказать, его производные, ибо это учение проповедует диктатуру и насилие как неизменно костоправные условия захвата и удержания власти. Генеральные секретари, как и система их властвования, тоже лишь производные этого учения и никак не порождение исторического вывиха. Все стройно вписывается в марксизм-ленинизм.

Существование советского государства логически обусловлено доктриной, жестокой и античеловечной, построенной на голом принуждении, подавлении и лишении людей всех прав, кроме одного — быть рабочим механизмом, безгласным придатком государственной машины.

Свою бюрократическую, бесконтрольную власть они называют правлением партии, перебрасывая мостик на все понятие народа, от которого они уже давно отделились всей особой системой прав, льгот и бессудности.

Площадь перед их главной резиденцией — Красная (кстати, с первых же дней захвата власти они скромно заняли дворцы, и только дворцы, открыв счет с дворца Кшесинской), не потому что красивая (хотя это так), а по прилитой крови, из народа пролитой. И красные они по гордому самоименованию — по пущенной ими из других крови; и знамена у них красные — тоже по пролитой крови. И должны их вожди — и Ленин, и Сталин, и Троцкий, и Дзержинский, и Молотов, и Менжинский, и Ягода, и Ежов, и Берия, и все-все — щеголять в красных рубашках, красных костюмах под красными галстуками и в красной, скрипящей, как человеческий стон, обуви. И это было бы по справедливости.

И на груди у каждого на цепочке, вроде боцманской дудки — кляп или намордник, дабы не терять времени и сразу заткнуть рот любому, ежели что не так. И эти кляпы и намордники тоже должны быть красные.

Именем красной правды все должны или молчать, или мусолить назначенные слова.

Дух народа, закованный в объятия скелета.

Ленин не был тем провидцем, который предвидел вместе с крушением Германии и возвращение земель, потерянных с Брест-Литовским договором.

Ленин считал их утраченными для России. Об этом свидетельствует его успокоительное заявление для партии. Успокаивать, наверное, следовало — итог договора оказался разрушительным не только для национального достоинства, но и для всей хозяйственной жизни.

«Подъем производительности труда, — пишет Ленин в 1918 г. (почти сразу после заключения договора), — требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д.»

«Даже после Брестского мира...»

В общем, строить экономику можно. И без утраченных богатств обойдемся...

Так что о прозорливости, граничащей с ясновидением, толковать не следует. **Был голый расчет утверждения власти — и все! Цена этого утверждения значения не имела.**

Это не ново в истории: разбазаривать национальное достояние, выдавать союзников и свои коренные земли, пуская в торг кровью добытые народные богатства... И всё с единственной целью: закрепиться у власти, протянуть свое время там, наверху, где сходятся все нити управления страной.

Террор и реформы, террор и заключение мира с немцами — одно с другим сцеплено неразрывно.

Террор и ублажение декретами. Но террор всегда беспощаден — это подлинный нерв большевизма. После этот прием будет повально обращен и против народа при коллективизации, и против всех, имеющих какую-либо самостоятельность и человеческую значимость. Произойдет оскотление, обезглавливание России, захват ее тела в безраздельное владение карателей.

Вот и вся правда.

Брест-Литовск.

Огненный Крест над Россией.

«Кто не с нами — тот против истины».

Освобождение войск на русском (Восточном) фронте дает возможность германскому командованию преодолеть кризис в живой силе. Людские резервы исчерпаны. Пополнения за счет призыва очередных возрастов исчерпаны. Это катастрофа!

И вдруг замирение на востоке!

Мирный договор в Брест-Литовске позволяет германскому командованию перебросить с востока на запад сотни тысяч солдат. И тогда германское командование предпринимает последнее решительное усилие: сейчас или никогда! Мы можем и должны победить!

Германский военный историк Тило фон Бозе рассказывает об

этом в своей работе «Катастрофа 8 августа 1918 года» (Берлин, 1930).

21 марта 1918 г. после трех с половиной лет беспримерной борьбы германские армии Западного фронта начали «великое сражение во Франции». Надежда достичь окончательной победы решительным ударом против англичан имела полное основание. Недаром уже по прошествии первых пяти дней с начала наступления создавалось положение, о котором не кто иной, как сам маршал Фош¹, впоследствии выразился так:

«Кризис был наиопаснейшим во всей мировой войне, так как германцы могли разбить северный фланг союзных армий, овладеть портами Ла-Манша и выиграть войну...»

Когда затем 30 мая германские ударные дивизии в своем неслышанно быстром победном движении через Шмэн-де-Дам, через Эн и Вель вторично появились за время этой великой битвы народов на Марне, Париж снова затрепетал, и еще настойчивее, нежели до сих пор, раздался призыв государственных и военных деятелей Антанты к президенту Вильсону о быстром оказании помощи из-за океана. И она последовала широким, казалось бы, нескончаемым потоком. Американцы подключились к борьбе. Чаша весов решительно упала на сторону союзников. Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция были обречены...

Маршалу Фошу принадлежат слова, в которых предельно обнажена роль России в мировой войне: «...если Франция не была вычеркнута с карты Европы, этим она прежде всего обязана России».

И последний мазок на величественном полотне замирения ленинцев с кайзеровской Германией. Воспользуюсь снова трудом, посвященным двадцатилетию ВЧК-ОГПУ-НКВД.

«...Когда после победы революции империалисты воочию убедились в победе рабочего класса, они начали готовиться к тому, чтобы взорвать, уничтожить эту победу. Один за другим организовывались на советской земле контрреволюционные заговоры, из которых крупнейшее место занимал заговор английского разведчика Локкарта. В этом заговоре объединенным фронтом действовали империалистические разведчики почти всех капиталистических стран, чтобы совместными усилиями свергнуть власть рабочего класса. В контакте с Троцким и его бухаринским охвостом заговорщики пытались сорвать Брестский мир. В разных городах одновременно готовили они провокационные восстания, убийства вождей рабочего класса...

¹ *Фош, Фердинанд* (1851—1929) — национальный герой Франции; маршал Франции (1918) и Польши (1923), британский фельдмаршал (1919). В первую мировую войну командовал армией, в 1915—1916 гг. — группой армий «Север», с 1918-го — Верховный главнокомандующий союзных войск. Один из самых крупных и талантливых руководителей первой мировой войны.

Они готовили провокационное восстание воинских частей, арест всего состава ВЦИК, убийство Ленина. Подкупом и провокациями заговорщики хотели открыть дорогу на Москву английскому экспедиционному корпусу в Архангельске...

Эту цель объединенного контрреволюционного выступления на пролетарскую революцию разорвали во главе с Феликсом Дзержинским работники ВЧК.

Огромной заслугой ВЧК является и раскрытие другого большого военного заговора, организованного английским разведчиком Дюксом в период наступления Юденича на Петроград.

В мае 1919 г. Петроград был окружен кольцом армии Юденича. Подступы к Петрограду героически защищала Красная Армия под руководством товарища Сталина, которого партия командировала организовать и восстановить дезорганизованный предателем Троцким фронт...»

В общем, рука всевышнего (то бишь Чижикова) Отечество спасла...

15 сентября 1990 г. я дописывал в свой манускрипт эту страничку. Рукопись «Огненного Креста» никто не берет — а я так спешил ее дать людям. На глазах рассыпается смысл жизни. Зачем громоздилась вся та жизнь — риск ареста, поиск материала, открытия, выводы, бессонницы, болезни... Зачем все это было?

Покоится на столе высоченная кипа белых мертвых страниц — и ничем они не помогли и не помогут людям. И я бессилен.

Жена обижается, а я называю рукопись «трупом книги».

А ближе к вечеру пришел незнакомый человек и рассказал о Сахарове — что знал о его аресте. Он это прослышал от тогдашнего заместителя генерального прокурора СССР по госбезопасности В. И. Илюхина на закрытой лекции.

Расправиться с Сахаровым замыслил Андропов, привлек на свою сторону генерального прокурора Руденко — того самого, что обличал военные преступления гитлеровцев на знаменитом Нюрнбергском процессе. Ирония судьбы...

Словом, подали документ на утверждение политбюро с требованием уголовного наказания именитого ослушника. Для него это означало: суд, лагерь на долгие годы, глумление уголовной сволочи (из купленных и притравленных). При здоровье Сахарова лагерь автоматически влек смерть. Это и требовалось для вождя чекистов.

Политбюро, надо полагать, не из-за человеколюбия, а во избежание громкого процесса смягчило «уголовное» ходатайство Андропова и Руденко. Мятежный физик был доставлен в Горький — в объятия местных чекистов и «славного» доктора Обухова.

Веселая компания: политбюро из нарушителей закона, генеральный прокурор, подписывающий беззакония, шеф тайной службы, помышляющий сломать ноги артисту балета Нуриеву (посмел остаться в США!), и собственно насильники чекисты...

А потом Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС и главой государства. Все его понимание необходимости реформ свелось к ловле прогульщиков. Их взялись ловить по баням, гостиницам, кинотеатрам и просто на улицах. Выше этого партийно-полицейский мозг бывшего комсомольского «вожака», затем посла, секретаря ЦК, шефа тайной службы представить ничего не мог...

Человек, который рассказал мне историю со ссылкой Сахарова, назвал. Я заметил, что этого лучше не делать, ему может недоборовать, мой дом прослушивается насквозь¹. Он упрямо повторил:

— Пусть. Я их не боюсь...

Я дописал эту историю и сунул листок в рукопись — «труп книги». Сунул, а сердцу больно: так и не послужила людям...

¹ Прослушивается и сейчас, при власти «демократов», в июне 1992 г., когда я который раз просматриваю рукопись «Огненного Креста» для нового издания.

Россия снова растягивается на две стороны. Обойдется ли в этот раз — и не будет ли крови Гражданской уособицы?..

Вчера была попытка убить нас с Ларисой (14 июня 1992 г., в воскресенье, в 15.00). Один за другим стартовали два автомобиля за кустами во дворе дома, через который мы каждый день идем на прогулку в Ходынский парк. На скорости около 90 км в час они вырвались к месту, где мы столько раз переходили дорогу — тихая асфальтовая дорога внутри двора, где автомобили ездят крайне редко и тихо-тихо. Когда они брали старт, рев их умножился эхом двора 8-этажного дома. Оно напоминало рев гоночных автомобилей. И это спасло нас. Они шли один за другим, на передних сиденьях по два молодых парня, бесстрастные, с каменными лицами. Проскочив мимо нас, автомобили веером разошлись на разные дороги. Стоило сделать всего шаг...

Глава IV

БЫВШИЕ

Белое движение складывается на юге России с конца разрушительно-смутного 1917 г. Вождями его проявляют себя генералы Алексеев и Корнилов, на полшажка позади — Деникин.

15 ноября 1917 г. Алексеев публикует обращение к офицерам. Первый генерал бывшей русской армии призывает их на Дон. Там, на Дону, должна возродиться армия для освобождения Родины от большевизма.

Советская историческая энциклопедия сообщает:

«Алексеев, Михаил Васильевич (1857—1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии, один из главных организаторов буржуазной помещичьей контрреволюции в 1917—1918 гг. Родился в семье сверхсрочнослужащего солдата...»

Энциклопедия умалчивает — этот сверхсрочнослужащий солдат за мужество и военные способности был произведен в офицеры и выслужился в штабс-капитаны. Один из приказов по 64-му пехотному Казанскому полку за 1857 г. ставил в известность: «...штабс-капитан Алексеев рапортом донес, что у него родился сын Михаил. Перемену эту внести в послужной список штабс-капитана Алексева...»¹

Стало быть, Михаил Алексеев был на 13 лет старше Ленина.

¹ К и р и л и н Ф. Великая единая и неделимая Россия. Генерал Михаил Васильевич Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919.

Сведения для книги Кирилин получал непосредственно от М. В. Алексева, в этом ее особенная ценность, к тому же в нее включены малоизвестные или почти не сохранившиеся известия о «белых» событиях 1918 г. Не исключено, я обладаю единственным уцелевшим экземпляром. В Вене полковник Туркул (о нем сказ дальше) показывал П. К. Пономаренко экземпляры именно этой книжечки, ноотрез отказавшись расстаться с ней.

В Вязме Михаил Алексеев поступил по экзамену вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк, из полка — в Московское юнкерское училище. Училище Алексеев заканчивает в 1876 г. по первому разряду и выходит прапорщиком в свой родной, 64-й полк, с которым после и отбывает в Турецкий поход (1877—1878).

За храбрость Алексеев получает Станислава третьей степени и Анну третьей и четвертой степеней. Из прапорщиков он уверенно поднимается до штабс-капитана. По реестру выслуги тех лет от прапорщика до подпоручика полагалось три с половиной года службы, от подпоручика до поручика — около четырех лет и от поручика до штабс-капитана — от пяти до шести.

В 1887 г. Алексеев поступает в Академию Генерального штаба, за плечами Турецкий поход и четыре года командования ротой, а всего 12 лет пресно-суровой строевой службы. В 1890 г. Алексеев первым в выпуске оканчивает академию, ему присуждают Милютинскую премию и назначают в штаб 1-го армейского корпуса.

«...Благодаря исключительной работоспособности, — сообщает Советская историческая энциклопедия, — приобрел большой опыт и широкие познания. С 1898 г. ...профессор военной истории в военной академии». В русско-японскую войну 1904—1905 гг. он — генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии.

Еще в марте 1904 г. Алексеев произведен в генерал-майоры. Принимал участие в печально известном Мукденском сражении. По возвращении в Петербург назначен обер-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба. Это уже признание его способностей.

С 1905 г. разворачивается основательная перестройка русского военного дела. Горький опыт русско-японской войны не оставлен без внимания. Заметное влияние на эту работу оказывает генерал Алексеев. Он служит в Главном штабе, является членом ученого комитета и по-прежнему читает лекции в Академии Генерального штаба.

В 1908-м — Алексеев — начальник штаба Киевского военного округа. Он, без представления своими начальниками, произведен Николаем Вторым в генерал-лейтенанты. Честь для избранных! Как-то ответит на нее Михаил Васильевич...

В 1912-м генерал Алексеев назначен командиром 13-го армейского корпуса.

В 1914 г., с получением известия о мобилизации в Австро-Венгрии, в Петербурге была проведена военная игра для срочно созданных командующих пограничными военными округами и их начальников штабов. Действия Алексеева оказались настолько выше, грамотнее, что тут же было принято решение назначить генерала начальником штаба Юго-Западного фронта, действующего против Австро-Венгрии.

«Алексеев работает неутомимо, — писал Лемке, — лишая себя

всякого отдыха. Скоро он ест, еще скорее, если можно так выразиться, спит и затем всегда спешит в свой незатейливый кабинет...

Удивительная память, ясность и простота мысли обращают на него общее внимание. Таков же его язык: простой, выпуклый и вполне определенный... Если вы видите генерала, внимательно, вдумчиво и до конца спокойно выслушивающего мнение офицера, это Алексеев...

Алексеев — человек рабочий, сурово воспитанный трудной жизнью бедняка, мягкий по выражению чувств своих, но твердый в основании своих корней... Человек, которого нельзя себе представить ни в какой другой обстановке, практик военного дела, которое знает от юнкерского ранца до руководства крупными строевыми частями; очень доступный каждому... товарищ всех подчиненных, неспособный к интригам...

Алексеев глубоко религиозен. Он всегда истово крестится перед едой и после... Отсюда же у него неспособность всегда предвидеть чужую подлость. Он готов в каждом видеть хорошее...

Жена его очень симпатична, проста, деятельна и внешне до сих пор красива и моложава. Единственный их сын¹, Николай Михайлович, корнет лейб-гвардии Уланского Его величества полка, все время в строю...

Алексеев отнюдь не разделяет курса современной реакционной политики, чувствует грубые ошибки правительства и ясно видит — царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести...

Корнет Н. М. Алексеев имел разговор с Пустовойтенко... Пустовойтенко убеждал молодого человека выйти из строя, чтобы успокоить отца, который нервничает и тем иногда, может быть, портит дело государственной важности. Он все выслушал, очень достойно заявил, что из строя не уйдет, и вчера же отправился в свой полк...»

После взятия крепости Перемышль, с 17 марта 1915 г., Алексеев — главнокомандующий Северо-Западного фронта.

4 августа того же года произошло разделение фронта на Северный и Западный...

Спустя год после начала мировой войны начальник штаба Верховного главнокомандующего (великого князя Николая Николаевича) генерал Янушкевич писал военному министру Поливанову²:

¹ У Алексеевых была еще дочь — Вера, она родилась в 1899 г.

² Поливанов, Алексей Андреевич, родился 4 марта 1855 г. в старинной дворянской семье. Закончил Николаевское инженерное училище. В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. под Горни-Дыбником (Болгария) был ранен в грудь. По выздоровлении закончил Николаевскую инженерную академию (1880), вскоре первым на курсе закончил Академию Генерального штаба (1888). В 1905—1906 гг. — начальник Главного штаба, с апреля 1906 по 1912 г. — помощник военного министра. Был близок к думским общественным кругам, в частности к А. И. Гучкову. В 1912—1915 гг. — член

«Подходит 19 июля — год войны. Хотя побед нет, нет даже успеха, но армия, окопы в этом не виноваты. Дух падает, так как не видят просвета. Нет винтовок, нет патронов, мало артиллерии... Во всем этом окопы не виноваты, да не виновата вообще армия...

...Винтовки ценнее золота...

Ведь ни одна наука не учила еще этому методу ведения войны: без патронов, без винтовок, без пушек...»

В 1915 г. германское командование направило главные силы на Восточный фронт: враг поставил целью разбить русские армии и вынудить Россию к сепаратному миру, тогда уже ничто не мешало ему расправиться с Францией.

Немцы овладели значительными пространствами Российской империи, но русская армия сохранила и монолитность и боеспособность. Немцы не решили основной задачи. Россия по-прежнему скрывала более чем крупные соединения германских и австро-венгерских вооруженных сил...

С 23 августа 1915 г. Алексеев — начальник штаба Верховного главнокомандующего, которым скоро себя назначит Николай Второй. Таким образом, генерал Алексеев оказывается фактическим руководителем Российских Вооруженных Сил. За короткое время он получает ордена Белого Орла, Владимира второй степени и генерал-адъютантство.

Известие о высочайшей милости — назначении генерала Алексева начальником штаба нового Верховного главнокомандующего (царя) — доставил в штаб Северо-Западного фронта новый военный министр Поливанов, только что сменивший Сухомлинова¹.

Штаб фронта размещался в Волковыске.

«Главкомандующий занимал маленький домик в центре города, — вспоминал Поливанов. — Я не видел ген. Алексева с мая (1915 г. — Ю. В.). Озабоченный тяжелым положением своих войск, он был, однако, как всегда, спокоен и сосредоточен и с тем же обычным ему спокойствием выслушал от меня известие о предстоящей ему обязанности обратиться в начальника штаба при Верховном главнокомандующем — государе, промолвив мне, что „придворным быть он не сумеет“».

Выполнивший свою миссию по уведомлению о смещении великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и назначении Алексева начальником штаба при новом Верховном главнокомандующем, Поливанов тотчас был принят царем. Николай остался доволен своим новым министром.

Государственного совета. С июня 1915-го по март 1916-го — военный министр и председатель Особого совещания по обороне. В 1920 г. — член Законодательного совета и Особого совещания при Главкоме Красной Армии. В том же году был направлен с делегацией для ведения мирных переговоров с Польшей, тогда же в Риге и скончался от тифа.

¹ «Когда же Поливанов осмелился проявить неуважение к Распутину, отняв у него оказавшиеся в его распоряжении для личных его надобностей четыре военных автомобиля, то императрица Александра Федоровна настояла на увольнении Поливанова», — пишет В. Б. Лопухин в книге воспоминаний «Люди и политика».

«Он трижды меня поцеловал и сказал, что никогда не забудет, как хорошо было исполнено мною возложенное им на меня трудное поручение».

В том же дневнике Поливанов дает зарисовку покоев государя императора, в которых проходили «все обряды, связанные с личными докладами».

«Прибывший к назначенному часу с докладом министр встретился «скороходом» и вводился в приемную комнату перед кабинетом, где ожидал появления из двойных дверей кабинета дежурного камердинера с фразой: «Его Величество вас просит».

В правом углу приемной стояло знамя сводного полка дворцовой охраны, посредине комнаты — длинный стол с альбомами; по стенам висели небольшие картины, из которых выделялись с одной стороны ярко написанная жатва, а с другой — сумрачный вид кладбища в Финляндии; кое-где этажерки с вазочками на них, несколько фаянсовых статуэток дополняли скромное убранство комнаты.

Государь встречал, стоя посреди кабинета — небольшой комнаты в два окна, где, кроме письменного стола, дивана, нескольких маленьких столов и стульев, ничего не было, и после нескольких слов общего характера медленно шел к креслу перед своим письменным столом, садился, вслед за чем и я садился на кресло перед особым столиком для докладчика, приставленным к письменному столу с правой его стороны».

По словам И. П. Демидова¹, приехавшего к Алексееву по делам Земского союза, первый русский генерал дал следующую характеристику правящим кругам империи:

«„Это не люди, это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, что такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина². А придворные сферы?“ — И Алексеев безнадежно махнул рукой...»

Известен рассказ генерала Деникина о том, как однажды после официального обеда в Могилеве Александра Федоровна завела с Алексеевым разговор о Распутине, пытаясь его убедить, что посещение «старцем» ставки «принесет счастье». Алексеев сейчас же ответил, что для него этот вопрос решен давно и что, если Распутин появится в ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба... Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым...

Энциклопедический словарь Гранат сообщает:

¹ Демидов, Игорь Платонович — член IV Государственной думы от Тамбовской губернии, кадет, один из ведущих деятелей Земсоюза.

² Горемыкин, Иван Логинович (1839—1917) в 1895—1899 гг. — министр внутренних дел. С апреля по июль 1906 г. — председатель Совета Министров, разогнал Государственную думу (его сменил Столыпин). С января 1914 г. и по январь 1916 г. — председатель Совета Министров, сменивший на этом посту графа Коковцева. Находился под влиянием Распутина. Умер под арестом в один из первых дней Февральской революции. Преданнейший слуга престола.

«Алексеев не отличался талантами полководца, у него не было даже свойств, необходимых для боевого генерала, но в роли начальника штаба, благодаря своим разнообразным знаниям и необычайной работоспособности, он был незаменим. Находясь при Николае Втором более полутора лет, он положил много труда на устройство армии, но воскресить ее дух и исправить общее стратегическое положение оказался не в состоянии...»

В ноябре 1916 г. он вынужден уехать в Севастополь на лечение. В Морское собрание, где он разместился, подан прямой провод из ставки.

На время болезни Алексея заменит в ставке генерал Гурко Василий Иосифович, бывший командующий Пятой армией, а после — и Особой армией — той самой, которую следовало, по мнению генерала Лукомского, бросить на Петроград в февральские дни семнадцатого. Армия была относительно надежной, офицерский же состав поголовно сохранял преданность престолу.

В судьбоносные часы Февральской революции при опросе командующих фронтами об участии Николая Второго генерал Алексеев высказывается за незамедлительное отречение от престола и предпринимает для этого все возможное. Николай Второй пережил это чрезвычайно болезненно, вполне справедливо приняв за измену.

После Февральской революции Алексеев — Верховный главнокомандующий.

9 марта новый военный и морской министр издает приказ, который подписывает и генерал Алексеев.

«...Потоки крови лучших сынов Отечества пролиты за великое дело: история и Родина нам не простят, если эта кровь окажется пролитой напрасно, если ошибки переживаемых дней сведут ее на нет, приведут к позорному миру.

Мы обязаны сохранить великую Россию, созидательные труды наших предков, давших ей настоящее величие...»

21 мая 1917 г. первый русский генерал смещен; уходит в отставку и Гучков, вместо него военным министром теперь — Керенский. Обязанности Верховного принимает генерал Брусилов Алексей Алексеевич.

22 мая на закрытии офицерского съезда в Могилеве выступит бывший начальник штаба Верховного генерал Деникин:

«Верховный главнокомандующий (генерал Алексеев. — Ю. В.), покидающий свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказать, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что он болеет той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии. Позвольте и мне сказать от себя несколько слов.

С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли скорбь свою безысходную, свою душевную печаль. Как живая развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря.

Вы — бесчисленное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы — бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы, скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга! Вы ли теперь дрогнете?

Нет! Слабые — поднимите головы. Сильные — передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте!

Вы не одни. С вами все, что есть честного, мыслящего, все, что установилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла. С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад — к несправедливости и нищете духовной, а вперед — к свободе и свету. И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит и с ним, и с войной.

Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им: «Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником!» Забитый, загнанный и обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до Отечественной войны, как яркий светильник, жажду подвига. Подвига — для счастья Родины! Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: «Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессленно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть“».

О так называемой белой кости в армии и речи не могло быть. Офицеры из бывшего привилегированного сословия растворились, едва ли не бесследно, в общей демократической массе офицерства из мелкого чиновничества, учителей, инженеров, студенчества и кадровых солдат. Да этой «белой кости» и не хватило бы на сотую долю той громадной армии, которую потребовала современная война. Уже в первые месяцы ее была выбита едва ли не вся кадровая основа армии. И недаром такой процент офицерства впервые составили бывшие солдаты. Война пожирала людей, и это прямо сказывалось на широкой демократизации офицерства.

Именно в ту пору среди офицеров ходили в списках стихи:

...Народ с нас погони сорвал,
Название святое «бойца офицера»
В поганую грязь затоптал.
И, край наш родимый от немцев спасая,
За родину нашу умрем...

Алексеев уезжает в Смоленск¹, хотя и числится в должности военного советника Временного правительства. В Смоленске старый генерал (старый не по возрасту, а по усталости и болезням) проживает на Верхне-Пятницкой улице в доме Пастухова. Там же он приступает к созданию Офицерского союза, так называемой «Алексеевской организации». Это уже то, что называется контрреволюцией.

Но с другой стороны, все прочие политические силы давно уже объединены в политические организации, что позволяет выступать им монолитно (большевики — так скоро уже два десятилетия). Почему же офицерство не имеет права беспокоиться о себе?..

С годами Алексеев не утратил суховатой подтянутости, но в нем уже мало и от прежнего щеголеватого кадрового военного. С фотографии тех лет смотрит человек среднего роста, типично кабинетной внешности. Лицо — с воспаленными, припухшими веками, под глазами — темные мешки. И в плечах он уже ссутулился по-стариковски, хотя, чувствуется, на публике еще пытается держаться фертом. Лихо подкрученные усы стрелками опустились к уголкам рта, и весь густо взят проседью.

Лавр Георгиевич Корнилов — сверстник Ленина, на 13 лет моложе генерала Алексева.

Родился будущий «первооткрыватель» белых походов в городке Усть-Каменогорск Семипалатинской губернии 18 августа 1870 г. Отец Лавра Георгиевича — хорунжий Корнилов (подпоручик) — выслужил чин из простых казаков и не имел собственности, кроме той, что возит с собой гарнизонный офицер. Он так и не поднялся выше хорунжего — жалованье для многодетной семьи бедняцкое. Выйдя в отставку, Георгий Корнилов за неимением средств поступает в волостные писаря в родной станице Караклинская. Его жена — казачка станицы Кокпетинская — всю черновую работу по дому и воспитанию детей тянула своим горбом.

Десяти лет Лавр Корнилов поступает в церковно-приходскую школу и через два года бросает: семья перебирается в городок Зайсан. Нечего и мечтать о кадетском корпусе после двух лет подобного образования, а там еще иностранный язык. В бедной казачьей семье о нем и представления не имели.

Без преподавателей, едва умея писать и считать, Лавр Корнилов подготавливает себя к экзаменам. В 1883 г. мальчик зачислен в Сибирский кадетский корпус. С начала четверти — первый по успеваемости в роте. Первым и оканчивает корпус.

В 1889 г. по распределению получает почетное направление в Михайловское артиллерийское училище. К математике у юноши

¹ Там проживали его жена и 18-летняя дочь Вера. Из Смоленска они уедут на белый юг в ноябре семнадцатого.

определенные способности. Однако за независимый и гордый нрав карают его посредственными оценками за поведение.

По выпуске из училища, в 1892 г., по собственному желанию определен в Богом забытую Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Молодой офицер едва ли не весь досуг посвящает изучению местных языков.

В 1895 г. поручик Корнилов поступает в Академию Генерального штаба и заканчивает через три года с серебряной медалью. Он отказывается от места в Генеральном штабе и возвращается в Туркестан на должность офицера разведки — как раз по характеру. А характер отличают предприимчивость, любознательность и бесстрашие при полном равнодушии даже к обычному материальному достатку.

Разведка афганской крепости Дейдади потребовала от Корнилова и мужества, и физической выносливости. За несколько дней (будто бы за три-четыре) он преодолевает около 400 верст и привозит пять лично исполненных фотографий наиболее важных объектов. Надо заметить, внешность весьма способствует его службе разведчика. Он невысок, жилист, темен, лицо не то калмыцкое, не то... в общем, лицо восточное. Сибирские казаки в первопроходческие времена и переселения брали в жены местных женщин... за неимением своих, русачек. Не шибко шли русские бабы в огонь да полымя чужих заснеженных земель. Во всяком случае, на всех не хватало. Таких, как Мария Прончищева¹, надо поискать и святить. Города и земли называть их именами!

Отечественная историческая наука считает, что продвижение на восток, за Урал, отнюдь не являлось стихийным, а находилось под контролем правительства.

Но это не совсем так. В данном случае интересы государства совпадали с интересами уходящих на восток людей. Тем и другим нужны были новые земли, правда, уходящим — преимущественно без этого самого государства. Не только пушнина и страсть к неизведанному вели людей на восток. Шли за лучшей долей, пока не упирались в океан. Все выходило в соответствии с горькой присказкой: впереди море — позади горе...

Так и ширилась Русь: все подальше от горя, а оно, это горе да холопство... по пятам... липучее, не отстанет...

Иноверцы первыми бежали из России, тоже своего рода инакомыслящие. Потому и бежали.

Вас. И. Немирович-Данченко (брат знаменитого театрального режиссера и военный корреспондент в войну 1877—1878 гг.) описал

¹ Теперь доподлинно установлено: жену В. В. Прончищева звали Татьяной, но не Марией. В роковом северном путешествии среди льда и мертвых безлюдных берегов лейтенант Прончищев командовал дубель-шлюпкой «Якуцк» (1736). Уже на подходе к Таймыру лейтенант был серьезно болен. Здесь, в ледяной пустыне, смерть ждала слитые воедино два сердца. Крест отметит их общую могилу — преданность, любовь и службу Родине.

однажды такую встречу с беглецами (теперь уже бывшими) в Болгарии:

«— В Россию не тянет?»

— Как не тянет, а только вспоминая, сколько мы там вынесли да как нами помыкали, всякую мысль вернуться оставишь...»

«Всякую мысль вернуться оставишь».

Уж так Господь сладил Россию...

В книге воспоминаний о той же войне русский офицер с горечью обращается к своим новым болгарским знакомым:

«Мы вас освобождаем, но кто нас освободит?»

Не случаен и не столь прост этот вопрос, поскольку сами мы неспособны добыть себе свободу и будущее¹. История лишь мнет народ, подобно воску.

Отсюда из сердца вырвавшийся горький-прегорький вопрос:

«Кто нас освободит?»

Сами не можем взять свободу и достойное будущее — ну кто же нас освободит?

И боль, и горечь, и самоунижение в нескольких словах... и история целого народа...

Надрванного, обессиленного, запутанного и запутавшегося...

Летом 1899 г. Корнилов изучает район Кушки.

Следующие полтора года он больше в кочевье, нежели в кабинете. Главный объект — китайский Туркестан. Результаты исследования обобщены в книге «Кашгария и Восточный Туркестан».

В 1901 г. капитан Корнилов командирован для изучения восточных провинций Персии, ему 31 год. Из всех путешествий и вылазок это — самое изнурительное: восемь месяцев скитаний с двумя казаками и двумя туркменами. Он недурно овладевает персидским. По возвращении печатает свод статей. В нем душа настоящего офицера, и он храбр, безумно храбр!

До 1903 г. Корнилов отбывает строевой ценз, командуя ротой. Затем его направляют в Индию для изучения местных языков и сбора разведывательных данных. Русско-японская война застает его в Белуджистане.

В конце 1904 г. Корнилова переводят в действующую армию на должность начальника штаба 1-й стрелковой бригады. Он участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Телином. За вывод из окружения своей бригады (ночную штыковую атаку), спасение знамени, раненых и всего имущества отмечен офицерским Георгием четвертой степени.

¹ Ведь в итоге Горбачев даровал нам свободу (у нас говорят: «Партия», — но это вздор! Горбачев даровал! Не мы взяли свободу, а нам ее дали, как вольную крепостным и рабам. Сами мы ее не добились, не взяли в бою! Жизнь отдавали единицы, а мы отсиживались, голосовали, воровали, спивались, в лучшем случае чахли в глубоком недовольстве к режиму. Мы не отвоевали свободу. Мы холопы, которым милостиво ее даровали).

После войны 11 месяцев прослужил в Управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба.

С конца 1907 и по 1911 г. Корнилов — военный агент России в Китае: верхом объезжает многие провинции Китая, а также Монголию, Тарбагатай, Кашгар и Синьцзян. Ведь по размерам это целое государство — и какое!

В феврале 1911 г. полковник Корнилов получает в командование 8-й пехотный Эстляндский полк, а затем 2-й Заамурский отряд — два пехотных и три конных полка, его производят в генерал-майоры.

В 1913 г. он во Владивостоке командует 9-й стрелковой Сибирской дивизией.

С началом мировой войны Корнилов — начальник 48-й пехотной дивизии, бывшей Суворовской. Он прост, доступен солдатам, храбр.

В конце августа 1914 г., в боях на реке Верещица (под Львовом), дивизия теряет почти всю артиллерию и много солдат пленными, несмотря на личную доблесть начальника дивизии. Это отличительная черта Корнилова: решать ряд боевых задач с присущей ему храбростью, хотя он сведущ и в военном искусстве. В нем берет верх азарт, и еще он свято верит в свою задачу — это подчеркивали все, кто знал его.

В апреле 1915-го при прорыве Макенzenом¹ фронта по линии Тарно—Горлице дивизия Корнилова прикрывает отход русских соединений.

Немецкие документы свидетельствуют:

«На предложение германского парламентаря сдатьсь начальник дивизии ответил, что не сможет это сделать, сложил с себя полномочия и исчез со своим штабом в лесах. Вслед за этим 3500 человек сдались корпусу Эммиха. После четырехдневного блуждания в Карпатах генерал Корнилов 12 мая со всем своим штабом также сдался одной австрийской войсковой части...»

Это был отчет для газет, и, как водится, составлен в духе унижения противника.

Если дивизия оказалась в окружении 24 апреля (а это так и было), то что же она делала до 8 мая — дня сдачи 3500 русских солдат и офицеров?..

14 дней дивизия пытается вырваться из кольца. Генерал Корнилов отправляет три полка на прорыв, а сам с Рымникским полком остается в прикрытии. Генерал получает ранения в ногу и тяжелое, с раздроблением кости, в руку. Четверо суток солдаты и штабные офицеры несут своего начальника на носилках в попытках вырваться из кольца вражеских войск.

Штабная группа непрерывно тает, к австрийцам попадают всего семь человек. Генерал в беспомощном состоянии — все время плена (год и три месяца) он кочует по госпиталям. Лечение сложное.

¹ *Макензен, Август* (1849—1945) — генерал-фельдмаршал германской армии, не без удачливости и дарований. Помните, целование руки кайзеру? Это он, Макензен, целовал. Как и Людендорф, разделял взгляды Гитлера.

Наконец весной 1916 г. он оказывается в резервном госпитале города Коссега. Генерал не сомневается, ему удастся бежать, он старательно занимается немецким.

Он входит и соглашение с аптекарским фельдшером Францем Мрняком. За 20 тыс. крон тот берется организовать побег. Генерал дает расписку — деньги ему, Мрняку, будут выплачены тотчас по прибытии в Россию.

В госпитале для русских раненых служит русский врач Гутковский.

29 июня Мрняк приносит Корнилову форму австрийского ландштурмиста, документы, и они покидают госпиталь. Доктору Гутковскому и раненым офицерам удастся несколько дней скрывать побег¹.

Почти до самой румынской границы Корнилов и Мрняк едут в поезде². Дальше пути расходятся, к несчастью для чеха, ибо его арестовывают. Военно-полевой суд приговаривает Мрняка к расстрелу; по обжалованию приговор заменяется на двадцатипятилетнее тюремное заключение, но, надо полагать, скорое крушение и распад австро-венгерской монархии возвратят свободу Мрняку.

Корнилову удастся перейти румынскую границу: он в безопасности. Румыния вот-вот выступит на стороне Антанты.

Слов нет, ему и многим другим сложно понять, если вообще возможно, как это Ленин и его единомышленники сподобились проехать через Германию и, мало того, разваливать после русскую армию, превращая Россию в политический и военный труп. Уразуметь партийную логику Ленина эти люди не могли.

В их представлении Россия была единой: генерал Корнилов — сын простого казака, и генерал Алексеев — сын сверхсрочнослужащего солдата, и генерал Болдырев — сын деревенского кузнеца, и адмирал Колчак — сын морского артиллерийского офицера, и Ленин — сын статского генерала, и все-все — это лишь сыновья России, у которых одна забота — сражаться, отстаивать целостность и самостоятельность Родины. Что священнее Родины? Склони голову перед ней, росс!

А это что за люди, которые разрушают русскую государственность? Десятилетия за границей — на партийные средства, пожертвования... Ученье в лучших зарубежных университетах, лучшие библиотеки мира, вдумчивая кабинетная работа. И житье — в лучших городах, курортных местечках старой Европы. А тут сызмальства — кадетский корпус, армейская лямка, ученье на трудовые рубли, служба с риском для жизни, война, гибель и увечья товарищей — и все во имя Родины.

¹ См.: Туземцев Н. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов-на-Дону, 1918.

² Существует иная, менее «героическая» версия пленения генерала Корнилова и его «чудесного» избавления. — См.: Предисл. к публикации выдержек из воспоминаний А. И. Деникина «Поход и смерть генерала Корнилова». Ростов-на-Дону. 1989. — *Прим. ред.*

И вот эти господа из «германского вагона» травят офицерство, организуют расправы над ним, позорят честь, имя офицера... Смириться с этой ядовитой политической работой, развалом тыла, фронта ради партийных догм, чужеземной философии, власти, за которой так и маячит торжествующий кайзеровский шишак¹!?

Ленин и большевики сдают Россию врагу — вот вывод из каждодневной практики семнадцатого года. Вывод, который четко откладывается в сознании большинства русских генералов, офицеров и интеллигентов.

В письме Ганецкому и Радеку в Стокгольм Ленин 12 апреля 1917 г. (вскоре по возвращении из Швейцарии через воюющую Германию) сообщает:

«Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удается: есть сторонники и верные...

Положение архисложное, архиинтересное...

Крепко жму руку и желаю от души всего лучшего. Пишите чаще, будьте архиаккуратны и осторожны в сношениях.

Ваш В. Ульянов»²

На Ганецком завершалось отмыwanie денег из Германии. Причин для того, чтобы быть «архиаккуратным» и «осторожным», имелось более чем достаточно.

Рабочий Петроград и гарнизон встретят Ленина восторженно, но уже спустя несколько дней в газетах проскользнет недоумение, как это удалось Ленину и его коллегам-эмигрантам проехать через Германию, ведь на фронте каждый день гибнут русские. Недовольство наберет мощь шторма, а после и урагана. Ленин и Троцкий примутся помещать в газетах объяснения. Но почти все газеты уже наладятся писать о Ленине и других эмигрантах из «запломбированного вагона» как об «агентах Вильгельма». Это не просто ураган, а ураган травы.

И кто, вы думаете, ее вдохновитель? Не поверите — Бурцев! Да, наш уважаемый Владимир Львович Бурцев — ужас бывшего департамента полиции, разоблачитель провокаторов в политических организациях дореволюционной России (один Азеф чего стоит).

«Он набрасывал густую тень подозрений на имена Ленина, Троцкого, Зиновьева и многих других, в том числе даже Горького. Все

¹ Германские офицерские и генеральские каски увенчивали высокие шишаки, у генеральских — золоченые. В полевых условиях каски были просто черные или темно-зеленые.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 438.

эти люди обвинялись в том, что они, сознательно или бессознательно, служат интересам германского кайзера.

В своей краткой отповеди Горький крикнул Бурцеву: «Жалкий вы человек!..»

Клевета не убила большевиков; напротив, ее необоснованность и конечное крушение подняли в глазах массы авторитет таких деятелей, как Ленин...

Бурцев доказал как раз обратное тому, что желал...¹

Время заставляет по-новому взглянуть на события весны и лета семнадцатого. Одни признания генерала Гофмана дают основания для качественно другой оценки работы Ленина: объективно она служила врагам России, вела к ее разрушению. Большевики уповали на мировую революцию; она, по их расчетам, должна смести и кайзеровскую Германию, а с нею и Брестский договор. Не вышло. И быть России преданной и проданной, не одолей союзники Германию и Австро-Венгрию к осени 1918-го. Эта победа смела бремя самого кабального в истории России договора.

Владимир Львович был дружен с Савинковым не только из-за Азефа, но и в связи со своим народовольческим прошлым. В молодости Бурцев отсидел 18 месяцев в английской тюрьме за призывы убить Николая Второго. Скончался эмигрантом в Париже 80 лет от роду (1942). Вот такая история еще одной жизни и бури, которую вожди большевизма смогли преодолеть, не утратив доверия простого люда. Наоборот, под урез семнадцатого численность большевистской партии подросла к двумстам тысячам. Это были убежденнейшие бойцы, на них и лег весь груз революции и первых лет Гражданской войны. Не груз, а огнедышащая лава.

Карлейль отмечал: «Силен был тот, кто имел церковь». Историк имел в виду единство мировоззрения, которое дает церковь. После Октября семнадцатого такой религией в России станет ленинизм. Он явится тем идейным и духовным раствором, который намертво скрепит красную новь. Но для этого следовало выжечь из сердец Бога Небесного и бога семьи: отца ли, мать ли, или гордость за свой род.

И выжгли.

И люди стали принадлежать Системе.

Ни в чем другом Ленин не определял свои позиции столь однозначно, как в отношении к государству. Уже стала афоризмом его знаменитая фраза:

«Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства».

Ленин усвоил навсегда как непреложную истину: рабы не сбросят цепи без уничтожения господ. А господа — это все, кроме тех,

¹ П о с с е В. А. Воспоминания (1905—1917 гг.). Пг., «Мысль», 1923, с. 124, 125.

кто не стоит за станком или не пашет. Следовательно, социалистическое государство было, есть и будет, дабы защищать трудового человека. И он, Ульянов-Ленин, призван организовать эту защиту, служить ей и отдать ей свою жизнь — это для него свято.

Ради освобождения рабочих от угнетения, кабалы он заключит договор с дьяволом, возьмет деньги у кого угодно (сатана — это так, детские игрушки) и согласится на что угодно — любые жертвы, любую кровь. Без революционного насилия справедливое устройство мира для рабочего человека недостижимо. Понимание этого определило не только политику, но и весь психический, душевный склад Ленина. **И именно здесь вместе с победой таилось и его поражение. И, умирая, великий Ленин так и не осознал, что насилием никаких устойчивых форм бытия (в том числе, разумеется, и экономического) создать невозможно.**

Ленин заранее был обречен на поражение.

Все, что они, марксисты, вывели как непреложные законы экономики, бытия, оказывалось блефом, утопией. Доказательства вздорности их представлений, превращенных в государственную политику, последовали незамедлительно: топор палача не успевал обсыхать от крови. Лишь террором, безграничным принуждением можно было заставить существовать это государство и как-то шевелиться экономику. Палач стал выдыхаться, а государство — разваливаться. Прежде рухнули величавые декорации первого государства социализма, после обнажилось гнилое, исчервленное нутро, и погода Земля услышала отчаянный стон целого народа...¹

А тогда, в семнадцатом, Ленин знал определенно одно: Парижская коммуна, а раньше республика Робеспьера пали от недостатка решительности. Надо действовать, не отвлекая внимание и энергию на жертвы. Только безграничное революционное насилие откроет возможность к существованию государства рабочих и крестьян. Он, Владимир Ленин, знает это определенно.

И вы проклинаете Ленина?

Неужто не сознаете — Ленин был самой сокровенной мечтой и только поэтою люди пошли за ним, отдали души, сердца...

Жизнь без нужды, без надрыва, без вечного подавления слабого сильным, торжества толстого кошелька, должности, вечного страха перед завтра — за это люди сомкнулись вокруг Ленина.

Люди мечтали о справедливости и добре. И великий Ленин был убежден: ключи от Справедливости и Добра у него — у него и партии, которую он научил борьбе.

¹ Написано мною в ноябре 1991 г. Все, что творится вокруг, оскорбляет. Это кошмарный сон, это не может быть жизнью...

Вера Ленина в марксизм граничила с религиозной. Отсюда и такие слова: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

Обманул?

Обмануты?

Он превратил нас в десятки миллионов трупов, разбитые судьбы, му́ку нищеты, одно скорбное унижение, но ОН был нашей мечтой. Выше этой мечты люди не знали ничего.

Почему гибнут все наши мечты?

Почему у нас нет воли подняться выше инстинктов размножения, насыщения властью и эгоизма? Ведь любое насилие — ничто без людей. Что такое дряхлый старик диктатор? Что такое орущий Гитлер? Что вообще Зло без людей? В действительность его превращают люди. И не тысячи, и не миллионы, а большая часть народа.

Ленин явился нашей мечтой. Мы молились на него: с ним все дурное сползет с нас, как гнусная короста, и мы станем другие. Мы славили не кровь, а восход новой жизни — той, в которой зло станет невозможным.

Не стали другими.

И все это было. И это надо помнить. Нельзя забывать.

Иначе мы ничего не поймем в том, что было...

А покуда рабочие и солдаты мятежного Питера все внимательно прислушиваются к голосу Ленина, а в кайзеровском Берлине подсчитывают, сколько дивизий освободит фронт с русскими для боев на западе в результате проезда Ленина через Германию. Да и мир в таком случае неизбежен — какие земли присоединятся к Восточной Пруссии: Белоруссия, Украина, Крым?.. Расчеты строились не на песке. Русская армия распалась — и в Берлине это учитывали. Стране без армии можно диктовать любые условия. Ленин согласится на любые условия — это в Берлине вычислили сразу. В противном случае не загремел бы колесами по германским дорогам вагон с главным в партии большевиков. На всякий вложенный капитал полагается прибыль.

В сентябре 1916 г. Корнилов по окончательном излечении получает 25-й армейский корпус. Государь император производит его в генерал-лейтенанты. Популярность Корнилова необыкновенна!

Февральская революция решительно изменяет и его судьбу.

2 марта 1917 г. по телеграмме Родзянко следует назначение командующим Петроградским военным округом. Однако в мае он возвращается на фронт командующим Восьмой армией, бывшей калединской. В июле он уже командует Юго-Западным фронтом.

Приказ № 1 разложил армию, свое добавляет и нарастающая антивоенная пропаганда Ленина. Мир народам!

В наступлении 18 июля 1917 г. солдаты отказываются идти в бой, после — даже начали покидать позиции. Офицеры не щадят себя —

в результате потеряно до восьмидесяти процентов офицерского состава. Противник сам переходит в наступление.

По отзывам Корнилова, Вторая армия обратилась в стадо обезумевших людей, царил ужас, позор, срам, каких русская армия не знала с начала своего существования. Теперь армия — это уже скопище людей, неспособных к отражению внешнего врага и в то же время чрезвычайно опасных для своей же Родины из-за погромных настроений, растущих с каждым часом.

«Не следует заблуждаться, — докладывает Корнилов, — меры кротости правительственной, расшатывая необходимую в армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость несдержанных масс, и стихия эта проявляется в буйствах, насилиях, грабежах, убийствах. Не следует заблуждаться: смерть не только от вражеской пули, но и от руки своих же братьев непрестанно витает над армией».

Отступление армий из Галиции, Буковины и Молдавии привело врага к рубежам коренной России.

«Необходимо, — докладывает Корнилов Временному правительству, — в качестве временной меры, исключительно вызываемой безвыходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий...»

Генерал считает: даже при весьма высоком нравственном уровне отдельных бойцов дисциплина, основанная на одном лишь сознательном исполнении долга, непригодна в боевой обстановке.

И он доказывает: «...необходимо противопоставить ужасу спереди, со стороны неприятеля, равный ужас сзади, со стороны сурового и беспощадного закона, карающего всей своей строгостью тех, кто уклоняется от исполнения долга...»

В Отечественную войну 1941—1945 гг. Сталин многократно перекрыл все требования «ужаса спереди и ужаса сзади» — военно-полевые суды, заградотряды, расстрелы на месте, штрафные батальоны. Требования защиты Отечества диктовали свои меры, однако на все наложилась и кровавая суть самого вождя.

По настоянию главным образом Корнилова Керенский отдает приказ о введении смертной казни на фронте. Других путей борьбы с дезертирством, мародерством, саботажем и самосудами Корнилов не видит. Россия в опасности!

Георгиевская дума награждает его Георгием третьей степени.

Керенскому по душе решительность генерала. Это как раз тот человек, который поможет ему, министру-председателю, обуздать революцию и скрутить большевиков.

18 июля Керенский назначает Корнилова Верховным главнокомандующим.

«Со вступлением генерала Корнилова в должность Верховного главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука, — вспоминал Петр Николаевич Врангель. — Начальники, почувствовав за собою поддержку сверху, приободрились и стали увереннее, солдаты подтянулись. Целым рядом приказов власть войсковых

комитетов была ограничена и введена в известные рамки. Полки, утерьявшие всякую дисциплину, стали приходить в некоторый порядок».

Вспоминая это назначение, генерал Деникин писал:

«Корнилов уже тогда видел в диктатуре единственный выход из положения».

В ответ на проповедь насилия грядущей диктатуры пролетариата, а точнее, верхушки большевистской партии, Корнилов пытается организовать военную диктатуру.

Очевидец переносит нас в те дни (крах наступления 18 июля 1917 г.).

Его пехотный полк, бросив позиции без боя, уходил через лес. Немцы плотными цепями преследовали. Цепи даже не обменивались выстрелами. Тех и других устраивал «бой» без крови.

Командир полка брел за солдатами последним, изрядно отстав; не мог он идти: противно воле и душе это. Ведь полк ни в чем не уступал неприятелю. Солдаты просто бросили окопы, землянки, пулеметы, боеприпасы и направились в тыл. Полковник криками напоминал солдатам о долге, увещевал: ведь враг топчет родную землю, опомнитесь, братцы!

Немцам надоел русский полковник, да и не мог он не привлечь внимание: один, далеко позади всех. Немецкий офицер скомандовал — и с десяток солдат устремились вперед. Когда полковник увидел со всех сторон только немецкие каски и шинели, было поздно. А русские цепи таяли среди деревьев, кустов...

Полковник отказался сдаться, отстреливался. Кончились патроны — увертывался от штыков, отбиваясь шашкой, и смертным зовом звал на помощь своих.

Смертный крик, скорее вопль, полк, однако, услышал. Расправа потрясла солдат. Без команды, как один, они повернули и ударили в штыки. Этот бросок назад без единого крика, эта неожиданная злобная ярость застали немцев врасплох. В полосе этого полка германские цепи оказались сметенными. Солдаты гнали врага до своих позиций, переколов абсолютное большинство из них...

Так, на миг протрезвев, Россия крохотной частью своей дала отпор захватчикам...

Это доподлинная сага о чести русского офицерства и русских солдатах, способных на мужество и бесстрашие, но безнадежно отравленных ленинской агитацией и пропагандой. Оставались считанные месяцы до того, как они начнут поднимать на штыки своих офицеров и генералов.

Гниение армии, расстройство хозяйственной жизни — словом, неспособность правительства управлять страной порождает у высших генералов стремление к твердой власти. По существу, наиболее

ответственные участки фронта держат лишь казаки. Они да латышские формирования еще не подвержены массовому дезертирству. С той же верностью латышские соединения послужат и революции.

12 августа 1917 г. Временное правительство созывает в Москве Государственное совещание.

Накануне совещания Корнилов скажет Верховскому¹:

«Людей, которые приходят ко мне говорить о монархии, я гоню прочь. Новый строй государственной жизни народ определит себе сам через Учредительное собрание».

Верховский отметит в своей книге:

«Я совершенно ясно все время понимал, что в корниловском движении о монархии и речи быть не может...»

Шульгин вспоминал во Владимире после отсидки в тюрьме:

«В августовском совещании в Москве, в Большом театре, под председательством Керенского, как мне помнится, в одной ложе были генералы Алексеев, Корнилов, атаман Каледин и Деникин...»

14 августа на утреннем заседании в Большом театре выступает Корнилов.

У Верховного главнокомандующего нет уверенности, что армия способна исполнить долг по защите Отечества. Отсутствие дисциплины, убийства офицеров, повальное дезертирство, отход без боя по малейшему поводу, да еще с оставлением оружия, превращают ее в сброд.

Корнилов зачитывает телеграммы с уведомлением об очередных и столь обыденных расправах над ответственными чинами армии.

Потеряны Галиция, Буковина, отчасти Молдавия. Враг угрожает исконно русским землям, в первую очередь — южным губерниям. Враг стучится в ворота Риги. Враг добывает союзную румынскую армию. Дорога на Петроград едва ли не открыта.

Необходима строгая дисциплина. Следует незамедлительно восстановить власть и престиж корпуса офицеров.

Пусть существуют комитеты, но пусть деятельность их не выходит из круга хозяйственных и бытовых интересов солдата. Пусть остаются и комиссары, но необходимо обратить внимание на личный состав комиссариата.

Корнилов говорит о разрухе. Армия начинает голодать, такого прежде не бывало. Корнилов говорит о снижении производства на

¹ *Верховский, Александр Иванович* (1886—1941) — из дворян, в 1911 г. окончил Академию Генерального штаба. Участник русско-японской и первой мировой войн. С 3 июля по 2 сентября 1917-го — командующий войсками Московского военного округа. Выступил против корниловского мятежа. Настаивал на выходе России из мировой войны и резком сокращении Вооруженных Сил. В 1919 г. вступил в Красную Армию. С 1921 по 1930 г. преподавал в военной академии, профессор. В 1930—1932 гг. — начальник штаба Северокавказского военного округа. Преподавал в Академии Генерального штаба. Имел звание комкора. Арестован и расстрелян. «Женевская» уродина не могла простить Александру Ивановичу ни генеральства, ни участия в правительстве Керенского. О нем читайте и в моей повести «Геометрия чувств».

заводах, фабриках и настаивает на самых решительных мерах по оздоровлению обстановки.

«...Я верю в разум русского народа, верю в его светлое будущее» — так заканчивает он свою речь.

«...С глубокой скорбью нужно отметить, — пишет в воспоминаниях Верховский, — что на речь Корнилова откликнулась лишь правая часть залы Государственного совещания. Все демократические и армейские организации не встали даже, как это ни уродливо, чтобы его приветствовать.

Еще один грозный признак. Дабы бороться с анархией, нужна сила. Сила же теперь в руках демократических организаций, а они отказывают Корнилову в поддержке. Что же сможет он?..

Государственное совещание ничего не дало. Каждый пришел высказать свое и ушел с тем, с чем пришел. Обстоятельства требуют самоотречения массы... Керенский именно на этом требовании теряет свою популярность. Только жизнь может этому научить наш народ, едва выходящий из своей вековой темноты...»

На том же совещании генерал Каледин — атаман Войска Донского потребовал, чтобы декларация прав солдата была пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей. Атаман пошел значительно дальше Корнилова и потребовал объявления армии вне политики, запрета митингов и собраний с их партийной междоусобицей и склоками, недопустимыми в боевой обстановке.

«Страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами, свободных от необходимости оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп...»

Генерал Алексеев свел выступление к требованию дисциплины: «Господа, и можно и должно воскресить нашу душу, оживить наш организм, заставить нас вспомнить свой долг одерживать победы и довести войну до победного конца. Это можно. Эта цель достижима. И для этого нужна, господа, прежде всего решимость Временного правительства быстро и энергично провести все меры, которые оздоровят наш пока большой организм. Прежде всего перед всем, перед интересами отдельных людей должны главенствовать польза, спасение и интересы нашей Родины. Раз зовут нас здесь к единению, раз зовут нас к тому, чтобы жертвовать всем, что у нас есть, то неужели же, господа, так трудно пожертвовать призрачным каким-то преимуществом организации на некоторое время!

Господа, порядок и дисциплина — это то, без чего не может быть армии. Не зовите дисциплину железной, не зовите ее сознательной — назовем ее истинной и прочной. Основы этой дисциплины лежат в любой армии света. В критическую минуту жизни бросьте слово о необходимости дисциплины, и за этим словом двинутся массы...»

«Те, кто был на так называемом Государственном совещании в московском Большом театре в августе 1917 года, — вспоминал Набоков, — конечно, не забыли выступлений Керенского — первого, которым началось совещание, и последнего, которым оно закончилось. На тех, кто здесь видел или слышал его впервые, он произвел удручающее впечатление. То, что он говорил, не было спокойной и веской речью государственного человека, а было сплошным истерическим воплем психопата, обуянного манией величия. Чувствовалось напряженное, доведенное до последней степени желание произвести впечатление, импонировать. Во второй — заключительной — речи он, по-видимому, совершенно потерял самообладание и наговорил такой чепухи, которую пришлось тщательно вытравлять из стенограммы. До самого конца он совершенно не отдавал себе отчета в положении. За четыре-пять дней до октябрьского большевистского восстания, в одно из наших свиданий в Зимнем дворце, я его прямо спросил, как он относится к возможности большевистского выступления, о котором тогда все говорили. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло», — ответил он мне. «А уверены ли вы, что сможете с ним справиться?» — „У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно“».

Совершенно другое впечатление произвел Керенский на Юлия Исаевича Айхенвальда.

«О железе и крови говорил на Государственном совещании его председатель, и председатель всей России, Керенский. И действительно, изречение старинной мудрости давно уже провозгласило, что там, где не исцеляют лекарства, исцеляет железо; там, где не исцеляет железо, исцеляет огонь, и там, где бессилён огонь, исцеляет одна только смерть. Железо и огонь, стихии страшные, и кровь человеческая, несомненно, будут привлечены к одру изнемогающей России; но если и они не помогут, неужели останется последнее, роковое средство? Неужели болезнь России кончится смертью России?»

Всею силой инстинкта самосохранения противится каждый из нас этой ужасной мысли и ждет спасителя врача. Судя по речи Керенского на Государственном совещании, он уверен в себе, он себя чувствует вождем, который может заблудившуюся Россию вывести на истинную дорогу. И для того чтобы сделать это, он готов принести самую тягостную жертву, отдать больше чем жизнь свою — готов погубить свою душу. «Душу свою погублю, а родину спасу», — прозвучали на весь мир его скорбные и сильные слова. В самом деле, Керенский на огне русской революции жжет не только свою жизнь, но и свою душу... Революция взнесла его наверх, и он жаждет оказаться достойным этой высоты. Но с ним совершается еще и другая, более мучительная драма: разочарование в революции. Мы имеем право так говорить, потому что он сам это сказал:

чье сердце не забилося сильнее при его взволнованных и волнующих словах: «Зачем я не умер два месяца назад?» — зачем он не умер до революции, на которую возлагал столько пламенных надежд, зачем он дожил до зрелища «взбунтовавшихся рабов?»»

Взбунтовавшиеся рабы.

На Государственном совещании Верховский увидит Корнилова. Более того, как командующий Московским военным округом он обязан ему представиться и сделать доклад о состоянии вверенных ему войск.

«Корнилова здесь я видел впервые. Он произвел на меня сильное впечатление. Небольшого роста, стройный, со спокойными, уверенными движениями; смотрит прямо в глаза твердым, ясным взглядом. В нем чувствуется простой и сильный человек, человек поля сражения... Львиное сердце у Корнилова есть, чувствуешь, как бьется в его жилах горячая кровь бойца, взятого в плен лишь после тяжелой раны, свалившей его с ног, и бежавшего из плена, как только он поправился...»

Верховский передает разговор с Корниловым:

«Корнилов меня принял, и в долгой беседе с ним я снова увидел человека, глубоко, бесконечно страдающего за Россию, за армию, которая разрушается перед лицом торжествующего врага...»

О Корнилове, со слов отца, вспоминала Марина Деникина-Грей: «...маленький, нервный, усы и бородка черные; родом из Сибири, дерзкий, отчаянный, самонадеянный и одновременно доверчивый и очень переменчивый в настроении. В Ледяном походе (поход начался 22 февраля 1918 г. — Ю. В.) ему было 48 лет. Он был женат, имел дочь и сына».

Выступил на совещании и Родзянко. Обращаясь к Керенскому, Михаил Владимирович сказал:

«Ваша вина — это дезорганизация Армии, которая не сумела противостоять неприятельскому натиску. Причина этой дезорганизации не в войсках. Я видел, как наша Армия без ружей отбивалась от вооруженного неприятеля лопатами и топорами, а теперь эти герои оказываются преисполненными страха».

Неужели правительство не имело силы, а если имело, то почему не употребило ее для того, чтобы остановить преступную агитацию, которая развратила нашего солдата и сделала его небоеспособным?»

Позже в книге «Государственная дума и Февральская 1917 года революция» он напишет:

«Революция сразу смела все традиционные устои в Армии, не успев создать новые, и спустила вековое политическое знамя. Солдаты, видя это и не ощущая цели дальнейшей борьбы, просто потянулись домой ввиду начавшихся смут в тылу и, конечно, под влия-

янием преступной пропаганды. Это самовольное обратное шествие по домам шло преступной и кровавой дорогой..

Народная мысль пошла за теми проповедниками, которые заведомо и неосновательно сулили ей рай земной, прекрасно понимая, однако, что выполнить они этого не могут.

Возбужденные умы и легковверные сердца приняли это обещание на веру и пошли за теми лживыми учителями, которые сулили им недобросовестно то, чего дать не могли...

Вот логические причины того обстоятельства, что в период наибольшего развития революционного движения, когда оно достигло зенита — высшей точки своего проявления, — Государственная дума как элемент законности и порядка, а не разрушения должна была уступить место более активным и агрессивным элементам революции».

Небезынтересен портрет Родзянко в исполнении Лопухина (воспоминания «Люди и политика»):

«Без него не могло обойтись ни одно крупное событие, ни одно торжество... Везде тут как тут. Всюду внедрялся.

...Никогда умом не блиставшего, а с войною окончательно свихнувшегося думского председателя, с некрасивым щетинистым лицом, вечно небритого (что придавало ему вид и плохо умытого), телом сырого и грузного» (характеристика злая и во многом видится пристрастной).

Ленин рвется вперед, он очень торопится, для этого есть веская причина. И он не щадит себя, готовя переворот. Среди наиболее дальновидных политиков и военных витает мысль о сепаратном соглашении с Германией. Кое-кто начинает понимать, что, если мир не заключить, всем начнет повелевать революция. Для большинства в русском обществе мысль о сепаратном соглашении мнится кощунственной, это значит предать поруганную Родину, но самые дальновидные уже просматривают контуры вселенской бури со стороны большевизма, который довел народ до степени ярости... Эта мысль будет постепенно подтачивать традиционно патриотическое мышление, и мысль о сепаратном соглашении уже не представится дикой.

И тогда Россия пойдет на соглашение с Германией (а именно с подобным предложением выступил перед своими коллегами по Временному правительству военный министр генерал Верховский в самый канун октябрьского переворота). И если это случится, Россия уже утратит податливость для большевистской пропаганды и агитации, социалистическая революция канет в область фантазии, мечты.

И Ленин спешит, его энергия титаническая, он не пишет, а изрыгает десятки статей, призывов, лозунгов, книгу, опять статьи... Сейчас — или никогда! Успеть обогнать все события!.. Не дай Бог, мир по воле Временного правительства!

Генерал Алексеев заблуждался в оценке «призрачности преимуществ организации». Да какие же они «призрачные»? И как отказаться от организации, то есть партии? По Ленину, это то самое, что делит людей на правых, достойных, и неправых, вообще мразь, и делает неизбежным раскол государства с последующей кровавой междоусобицей, то есть в конечном итоге делит людей на живых и мертвых. **По Ленину, партия, безусловно, выше Отечества.**

Перед смыслом понятия «организация», то есть партия, все вообще, и безопасность Родины в том числе, — ничто.

Наивен был старый генерал со своим отсталым-изжеванным патриотизмом — отныне это понятие, «патриотизм», наполнено классовым содержанием: нет Родины, есть партия и вожди, что одно и то же.

И всех, кто несогласен с ленинизмом, станут в России отлучать от Родины, будто и впрямь можно потерять Родину с утратой веры в Маркса или вообще при отсутствии оной. Этим вздором насыщен весь необъятный свод напечатанного при советской власти. **Со временем русские начнут сознавать: Родина и государство — это совершенно разное.**

Грядущий 1918 год не переживет ни один из этих генералов, а с ними сгинут и еще сотни тысяч русских; будет опасно подранен и провозвестник новой веры — Ленин.

Государственное совещание не повлияло на политику Временного правительства. Кризис обострился, хотя существовало обоюдное желание — и Временного правительства, и верхушки армии со значительной частью русской интеллигенции — раздавить большевизм.

В ответ на бездеятельность правительства, обманные заверения Керенского, чехарду безвольных и безответственных министров Корнилов как Верховный главнокомандующий предъявляет правительству ряд требований, названных впоследствии ультимативными.

Правительство с ответом медлит.

21 августа немцы захватывают Ригу. По воспоминаниям немецких генералов, население встречало германские войска с исключительным радушием.

Разговоры о сдаче Риги якобы умышленно лишены оснований. Русские части, разложенные антивоенной пропагандой, сменой выборного командного состава, повальным дезертирством, голосованием: идти на позиции или нет, — уже находились в таком состоянии, что сбить их с передовой позиции даже не стоило сколь-нибудь заметной крови. Немцы не захватили русскую столицу лишь по одной причине: Западный фронт пожирал все людские резервы...

24 августа в Могилев прибывает управляющий военным министерством Борис Викторович Савинков — бывший террорист, ужас и проклятие царских сановников. В свою очередь Борис Викторович потерял еще задолго до революции родного брата — револю-

ционер, сосланный в Сибирь и там покончившего с собой; недавно растерзан солдатами муж сестры — демократически настроенный офицер, но солдатам это без разницы.

Борис Викторович сообщил Корнилову: его требования к правительству вполне справедливы и намечены правительством к проведению в жизнь, но лишь после разгрома большевистского выступления. 28—29 августа в столице ожидается путч большевиков (большевики в те дни не собирались захватывать власть). Это был предлог.

Борис Викторович указал на необходимость сосредоточения в окрестностях столицы 3-го Конного корпуса генерала Крымова, с тем, дабы при большевистском путче бросить казаков на подмогу. Петроградский гарнизон разложен и насквозь большевизирован.

Корнилов заявил, что иных действий в подобной обстановке и не представляет.

После сосредоточения корпуса, сообщил Борис Викторович, Петроград будет объявлен на осадном положении, а уж после ликвидации большевистского заговора на очереди новый закон: офицерство снова получит дисциплинарную власть, солдатские комитеты будут ограничены в правах — это почти все, на чем настаивает Верховный главнокомандующий. Борис Викторович условился и о телеграмме; ее отправят ему в министерство с началом движения корпуса.

25 августа из ставки последовала телеграмма: генерал Корнилов просил объявить Петроград на военном положении.

И он двинул войска.

Телеграмма напугала Керенского. Он вдруг решил: генералы под видом подавления большевиков посягают на его власть. Правда, отношения с Корниловым давали повод для такого рода подозрений.

Генерал терпеть не мог «выскачку адвоката».

Из Смоленска в Петроград уже срочно вызван Алексеев. Он должен уладить конфликт с генералом, авторитет Алексеева непрекращаем для любого русского генерала и офицера. А пока Керенский требует отвода корпуса из-под Петрограда. Он отстраняет Корнилова от занимаемой должности. Он, Керенский, на страже русской революции и демократии.

Корнилов ответил, что не подчиняется министру-председателю, политика правительства ведет страну к национальной катастрофе. Ставка Верховного главнокомандующего выпускает одно за другим два воззвания: к народу и казакам. Ни одно из них стараниями Керенского не получит распространения.

Так или иначе, но правительство вынуждено обсудить требования Корнилова. Важнейшее из них — создание нового правительства. Алексеев намечен председателем правительства с наделением его диктаторскими полномочиями. Это, конечно, создало бы более чем серьезные препятствия для революции Ленина.

Керенский всячески уклоняется от такого поворота событий.

Ах, как Александру Федоровичу не хочется расставаться со всероссийской славой! Однако его все время возвращают к делам: стране нужно сильное правительство!

Уже на заседании Керенскому доставляют телеграммы генералов Щербачева и Пржевальского с заявлениями верности Временному правительству. Это же целые фронты за него, Керенского! И он меняет тон. Никакого нового главы правительства! Он, Александр Керенский, будет возглавлять отныне не только правительство, но и русские Вооруженные Силы, а генерал Алексеев будет у него начальником штаба. И волки сыты, и овцы целы, но...

Вот тогда и последовали объявления Корнилова и его сторонников мятежниками и контрреволюционерами. Советская историческая энциклопедия излагает события иначе:

«25 августа Корнилов двинул войска на Петроград, потребовал отставки Временного правительства и выезда Керенского в ставку. Министры-кадеты 27 августа подали в отставку, выражая солидарность с Корниловым. В ответ на ультиматум Керенский объявил Корнилова мятежником и отстранил от должности главковерха. Переход Керенского от участия в заговоре к борьбе с Корниловым был вызван боязнью того, что Корнилов расправится не только с большевиками, но и с мелкобуржуазными партиями и отстранил Керенского от власти. Вместе с тем Керенский опасался, что возмущение масс может смести не только Корнилова, но и его самого. Выступив же против Корнилова, он рассчитывал поднять пошатнувшийся авторитет Временного правительства среди народных масс... 27 августа ЦК РСДРП(б) обратился к рабочим и солдатам Петрограда с призывом встать на защиту революции... Под Петроградом строились заграждения, железнодорожники разбирали пути... к 30 августа движение корниловцев всюду было приостановлено. В их войсках началось разложение...»

В общем, белая и советская версии, дополняя друг друга, уже рисуют целостную картину, из которой однозначно следует: как бы ни вел себя Керенский, а войскам пройти к Петрограду не удалось бы. Разложение проникло столь глубоко — даже отборные казачьи части уже вне приказов своих начальников. Подавлять Петроград просто нечем. Надо полагать, поэтому пустил себе пулю в голову 30 августа генерал Крымов: корпус распался, что называется, в руках, приказ главковерха не исполнен, а сам он, командир корпуса, превращается в мятежного генерала без войск, и вообще будущее слишком мрачно, можно сказать безнадежно.

1 сентября Алексеев прибывает в ставку и принимает должность начальника штаба главковерха. Сразу по прибытии он арестовывает генерала Корнилова. Процедура для Алексеева преотвратительная.

Корнилов водворен в могилевскую гостиницу «Метрополь» под караул солдат Георгиевского полка. Вскоре под арестом с ним ока-

зываются генералы и старшие офицеры Лукомский, Иванов, Романовский, Аладьин, Киселев, Соотс... Всего 19 мятежных душ.

В Бердичеве арестованы восемь генералов и офицеров: Деникин, Марков, Эльснер, Эрдели, Ванновский...

«Для солдат имя Корнилова, — вспоминал о тех днях генерал Краснов, — стало равнозначным смерти, казни и всяким наказаниям. Корнилов хочет войны, а мы желаем мира...»

Спустя несколько суток Алексеев переправляет группу арестованных в Быхов. В место заключения обращено здание старинного католического монастыря.

Для производства дела назначена Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного правительства под председательством главного военного прокурора генерала Шабловского.

Быхов — уездный городок в верховьях Днепра, южнее Могилева километров на сорок-пятьдесят, с населением в несколько тысяч душ. В июле 1941-го здесь черным потом и кровью отойдут беспощадные бои с немцами: не утерпят, пожалуй, в гости те самые, что и в четырнадцатом. Сколько раз уже к нам хаживали, а все мало.

В районе Быхова в первую половину июля 1941-го воевали Четвертая и Тринадцатая армии войск Западного направления (бывший Западный фронт). Командующий Четвертой армией генерал-майор Коробков, отступая от Бреста, где дислоцировалась часть соединений его армии, испытывал наибольшие трудности. Именно по соединениям несчастной Четвертой армии пришелся один из главных ударов гитлеровских войск, основу которых составляли танковые корпуса Гудериана, призванные взломать оборону приграничных войск и глубоко вклиниться на территорию Советского Союза. Именно поэтому войска врага были столь насыщены бронетанковыми соединениями.

Однако к середине июля 1941 г. А. А. Коробков, как и командующий фронтом генерал Д. Г. Павлов со своим штабом, уже находился в пыточных НКВД. Сталин мстил за свои просчеты. Вскоре генералы легли под пулями палачей на Лубянке.

Знаток минного дела знаменитый полковник И. Г. Сталинов, прикомандированный в те горяче-кровавые дни к штабу фронта, писал в своих воспоминаниях о том опустошении, которое произвели аресты¹. Ведь с генералом Павловым и его штабом последовали под пули палачей еще и многие другие офицеры и генералы. Это подрывало устойчивость фронта. Красноармейцы были потресканы: ими командовали «враги»...

Всего через 12 дней после вступления в должность начальника штаба главковерха Алексеев подает рапорт об освобождении с должности и возвращается в Смоленск.

¹ См.: Сталинов И. Г. Мины ждут своего часа. М., Воениздат, 1964.

В белой версии так называемого корниловского мятежа (хотя какой это мятеж — действовал Корнилов в согласии с первыми лицами государства, сам Керенский давал «добро») вроде бы не стыкуются даты. Возможно, Алексеев был вызван в Петроград несколько раньше и заседание правительства происходило тоже раньше. Не исключено, определенную путаницу вносит неряшливая перепись дат старого стиля на новый.

Настроение в стране складывалось не в пользу генералов и их единомышленников. Люди были настроены решительно, речь шла о жизни арестованных. Революционные низы и армия явно требовали крови. Сказывалась работа Ленина.

Письмо Алексеева Миллюкову (этому старому лису, сумевшему впоследствии внушить уважение и симпатию даже вождям большевизма) написано сразу после сдачи должности.

Должность принял генерал-лейтенант Духонин; если бы генерал знал, что он принимает!..

Алексеев 12 сентября 1917 г. пишет из Могилева:

«Многоуважаемый Павел Николаевич!

Перед своим отъездом из Петрограда 31 августа я не имел возможности повидать Вас. Теперь, сдав должность, я не могу приехать в Петроград и должен письмом беспокоить Вас. Помощь Ваша, других общественных деятелей, всех, кто может что-либо сделать, нужна скорая, энергичная и широкая.

Основная причина моего ухода — коренное несогласие с направлением дела Корнилова и особенно Деникина и лиц, с ними привлеченных к ответу¹.

Усилия лиц, составляющих правительство, сводятся к тому, чтобы убедить всю Россию, что события 27—31 августа являются мятежом и авантюрой кучки мятежных генералов и офицеров, стремящихся свергнуть существующий государственный строй и встать во главе управления. Стараются убедить в том, что дело это простое и несложное: что кучка мятежников, не опиравшаяся на сочувствие и помощь каких-либо кругов, проявила измену родине и мятеж, а потому кучка эта подлежит быстрому преданию самому примитивному из судов — суду военно-революционному — и заслуженной смертной казни.

В этой быстроте суда и в этих могилах должна быть скрыта вся истина, действительные цели движения, участие в деле членов правительства...

Страсти в Бердичеве искусственно комиссаром Иорданским, его помощником и армейским комитетом приподняты до наивысшего градуса. Откровенно требуют казни. Правительство якобы бесцельно извлечь из Бердичева обвиняемых, соединить все дело в одно общее (в Бердичеве — второстепенные участники) и судить там, где суд будет свободен от влияний возбужденной, грубой черни и ее вдохновителей, в числе которых, по-видимому, ведет также недо-

¹ Алексеев относился к Корнилову с прохладцей и, наоборот, выделял Деникина.

стойную игру военно-полевой прокурор Юго-Западного фронта генерал Батог...

Павел Николаевич! Совершается возмутительное дело, а общественная совесть спит, честная печать эту совесть не будит; она молчит. Неужели она будет оплакивать могилы честнейших русских людей, искусных и доблестных генералов, любящих Россию и только ради нее поставивших на карту свое доброе имя и свою жизнь?

Неужели не настало время громко вопиять об этом и разъяснить русскому народу, в чем же заключается дело Корнилова? Думаю, что это долг честной печати.

Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания Родины, доведенной до гибели неудачным подбором правителей-министров.

Никто не мог бы доказать, что движение направлено было против существовавшего 27—31 августа государственного строя. Оно было направлено исключительно против последовательно вступающих в состав министерства и быстро уходящих из него лиц, не могущих составить прочной, твердой власти и ведущих государство к гибели. Цель движения — не изменять существующий строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию.

Выступление Корнилова не было тайною от членов правительства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко и через них — с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашениях. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом. Филоненко будет выведен на чистую воду; он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел, великодушно на другой день соглашаясь на пост министра внутренних дел.

Участие Керенского бесспорно. Почему все эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались они от своих слов — я сказать не умею.

Движение дивизий 3-го Конного корпуса к Петрограду совершилось по указанию Керенского, переданному Савинковым. В какой мере было выработано и установлено соглашение (объясняемое ожидаемым выступлением большевиков), пусть укажет Вам следующая короткая телеграмма:

«27 августа. 2 ч. 30 мин. Петроград. Управляющему военным министерством

Корпус сосредоточивается в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа.

Генерал Корнилов»

Думаю, что мне не нужно объяснять значение этой телеграммы. Члены правительства, принимавшие участие в деле и почему-то отступившие от него в минуту решительную, решили в ночь с 26 на 27 августа, т. е. почти час в час, когда Корнилов писал свою телеграмму за № 6394, сместить его с поста Верховного главнокомандующего. Но остановить тогда уже начатое движение войска было невозможно, что генерал Лукомский и высказал в телеграмме от 27 августа № 6406 Керенскому:

«Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от Вашего имени, заставил генерала Корнилова принять окончательное решение и согласно с Вашим предложением отдать окончательные распоряжения, отменить которые теперь уже поздно...»

Из этого отказа Керенского, Савинкова, Филоненко от выступления, имевшего целью создание правительства нового состава, из факта отстранения Корнилова от должности вытекли все затруднения 27—31 августа. Рушилось дело; участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или явились вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранялись от него, отдав около 30 человек на позор, суд и казнь...

Корнилов не искал власти лично для себя. Цель его была — создание власти твердой, прочной, из людей, могущих надежно вести Россию к спасению. Но ведь это — желание и стремление всего честного и любящего свою Родину...

К следствию привлечены члены Главного комитета Офицерского союза, не принимавшие никакого участия в деле и только после возвания генерала Корнилова от 27 августа обратившие со своим возванием к офицерам — членам союза. Почему они заключены под стражу? Почему им грозят тоже военно-революционным судом?

Генерал Деникин и прочие, находящиеся во власти Иорданского и фронтового комитета Юго-Западного фронта, виновны: 1) в выражении телеграммой, что они солидарны с идеями генерала Корнилова; 2) в рассылке возваний генерала Корнилова...»

Во все свое белопарижское житье, до самой последней минуты, помнил Деникин, как его, Маркова и других вели по Бердичеву — их отправляли в Быхов. По улице кучно стояли солдаты и крыли матом, плевками, улюлюкали. У генерала было ощущение, что вот вот его подденут штыком или всадят пулю. Но отвратительнее всего был позор издевательств...

Павел Николаевич Милюков — магистр русской истории, член Государственной думы третьего и четвертого созывов, автор основополагающих работ по российской истории.

Милюков был знаком с великим Толстым, и все из-за тех же «революционных» дел. Судьба свела их на совещании либеральной московской интеллигенции, председательствовал Павел Николаевич. Участники совещания просили Толстого написать протест против речи молодого царя Николая Второго на встрече с депутациями земств, предполагая ее публикацию за рубежом. Царь назвал «бессмысленными мечтаниями» разговоры об участии земств в делах внутреннего правления.

Это совещание, устроенное Д. И. Шаховским, произвело впечатление на Толстого, и 29 января 1895 г. он записывает в дневнике: «Событие важное, которое, боюсь, для меня не останется без последствий, это дерзкая речь государя. Были на собрании Шаховского. Напрасно были. Все глупо, и очевидно, что организация только парализует силы частных людей...»

Лев Толстой отказался написать протест...

За связь со студенческим движением Павел Николаевич был уволен из Московского университета, выехал за границу и почти 10 лет читал лекции в Софийском и Чикагском университетах. После 1905 г. вернулся в Россию. С 1907 г. — председатель ЦК конституционно-демократической партии (кадетской, или народной свободы).

В. Д. Набоков оценивал Милюкова как «крупнейшую умственную силу и единственного человека, который мог бы вести внешнюю политику и которого знала Европа».

В самом первом составе Временного правительства Павел Николаевич — министр иностранных дел.

Лопухин воссоздает примечательную картину в своих воспоминаниях «Люди и политика».

«4 марта (1917 г. — Ю. В.) смотритель зданий министерства иностранных дел, демобилизованный вследствие ранения штабс-капитан гвардейского гренадерского полка Пашенко уведомил меня по телефону, что Павел Николаевич Милюков желает вступить в управление ведомством. Для этого он просит товарищей министра, директоров департаментов и начальников политических отделов собраться в министерстве назавтра к 12 час. Новый министр предусмотрел и форму одежды. Никакой официальности. Явиться в пиджаках. Редко приходится наблюдать такое ликующее настроение, какое переживал в эти дни Павел Николаевич. Осуществилась давнишняя его мечта. Он, облеченный доверием народа, авторитетнейший в глазах народа, каким мнил себя в ту пору Милюков, руководитель внешней политики России. От неисчислимого количества речей, произнесенных в Таврическом дворце непрерывно стекавшимся депутациям, Павел Николаевич охрип. До потери голоса непревзойденного пропойцы или больного горловою чахоткою в последней стадии. Искрящиеся восторгом глаза. Не сходящая с уст радостная улыбка. Сипота заглушает речь. Уловимы лишь отдельные отрывистые возгласы: «Бескровный переворот (речь о Февральской революции. — Ю. В.). Бурный поток стихийного народного подъема входит в спокойное русло. Лишь не стать ему поперек

течения. Держаться берегов. Направлять. Не давать вылиться из русла. Перспективы самые радостные!..»

Но я не разделяю оптимизма Милюкова. Я бы еще поверил в его «спокойное русло», если бы новым правительством был провозглашен лозунг окончания войны, выхода из нее России. Ведь главным образом именно этой цели добивался народ...

Милюков намечал конституционную монархию с сохранением династии Романовых... Недалеко, впрочем, ушел от Милюкова по части оптимизма и не очень мудрый председатель Совета Министров князь Львов. Близкий к нему Григорий Трубецкой (посланник в Белграде. — Ю. В.)... рассказывал, что Львов впал в эти дни в совершенно экстатическое (восторженное, иступленное. — Ю. В.) состояние. Вперив взор в потолок, он проникновенно шептал: „Боже, как все хорошо складывается!.. Великая, бескровная (революция. — Ю. В.)...“»

2 мая 1917 г. Милюков вышел в отставку: непримиримо выступал против Ленина.

Перо Троцкого не обошло и Милюкова:

«Просвещенная ограниченность и обывательское лукавство, поднявшееся на высоты политической «мудрости», — эти черты как нельзя более к лицу лидеру кадетской партии»¹ — вот оценка Льва Давидовича.

В политике Павел Николаевич — хитрый лис, меняющий оценки едва ли не на противоположные. Он основательно забрызган кровью царского семейства. Именно он занимался телеграммой английского короля Георга Пятого своему кузену Николаю Второму. Английский король откликнулся на отречение двоюродного брата предложением выехать Романовым в Англию.

Павел Николаевич так занимался телеграммой — английский монарх не то чтобы отказался от своего предложения, но повел себя так, словно предложения вовсе и не поступало². Зато никаких осложнений в печати, никаких неприятностей с выездом бывшего императора из России. Такая бы свистопляска! А тут для правительства все сложилось чрезвычайно удобно...

Зато в 1920-м сам Павел Николаевич эмигрировал, и именно в Лондон, а уж с 1921 г. обитал в Париже. Это, заслонив его на митинге в Берлине, 28 марта 1922 г. пал от пули террориста Владимир Дмитриевич Набоков — видный деятель кадетской партии, бывший управляющий делами Временного правительства и родитель знаменитого писателя.

В те годы Милюковым проповедовался лозунг «Советы без большевиков» — зело опасный лозунг, большевики аж зубами скрипят. Кстати, Кронштадт восстал против советской власти именно под указанным лозунгом.

С первых дней второй мировой войны Павел Николаевич отка-

¹ Из статьи Троцкого «Милюков».

² Не будет ошибкой считать, что высшая английская власть отвернулась от Романовых.

зался сотрудничать с гитлеровцами. Скончался 31 марта 1943 г. на 85-м году.

А в тот день, когда Алексеев сочинял письмо, Павлу Николаевичу перевалило за пятьдесят девять — последний день рождения справил в Петрограде...

Судя по позднейшим свидетельствам, должность начальника штаба главноверха Алексеев принял с единственной целью — спасти Корнилова, Деникина и других арестованных от скорого суда и казни. И он добился от Керенского назначения обыкновенного следствия и суда, которые, впрочем, так и не имели места из-за стремительности событий. Скоро самому Керенскому придется удариться в бега...

А пока Александр Федорович в качестве нового Верховного главнокомандующего является в могилевскую ставку. Сколько же этих Верховных перевидела бывшая ставка государя императора!

Обстановка в Могилеве корежит министра-председателя. Он во всем зависит от генералов, даже в самых простейших военных решениях. И еще этот скрытый культ Корнилова! И эти корниловские полки!

Всякий раз, возвращаясь с учений, там, в Быхове, корниловский ударный полк рявкает «ура» своему арестованному шефу — в самые окна монастыря, и текинцы салютуют своими клычами.

Охрану по-прежнему несут текинцы и георгиевцы, тут министр-председатель ничего поделывать не может... да и он почти молниеносно возвращается в Петроград. Очень беспокоят Ленин, Троцкий и вообще вся эта ленинская компания. Унять бы их...

Дни и ночи ломает голову министр-председатель, как же это устроить. Вроде силы под рукой — вся Россия, а только не поддается она, ровно деревянная к его слову...

Слишком самоуверен был для столь ответственной роли Александр Федорович. Никого и ничего не видел, кроме себя... Ни с кем не намерен делить власть: Россия указала перстом на него. Он ее избранник — и он это докажет.

Власть, власть...

Разве она не выше любых денег, родственных уз и чувств к женщине? Да что вообще сравнимо с хмельным, ни на что не похожим ощущением возвышения над людьми, податливости твоей власти любого человека?..

«Корниловская авантюра, роль в которой Керенского и Савинкова так и не была выяснена до конца, — писал историк Н. А. Рожков спустя год после генеральского мятежа, — больше всего ударила по кадетской партии, по новому правительству и сильнейшим образом поколебала популярность министра-председателя, проявившего самовластные замашки и не очистившегося от подозрительных связей и сношений с Корниловым. Последовавшие затем

попытки правительства подыскать себе костыль то в виде Демократического совещания, то в виде Совета Республики, то, наконец, посредством «обновления» своего состава путем союза с крупным капиталом и кадетами, выразившегося в приглашении в министерство Коновалова, Третьякова, Кишкина, явились лишь признаками слабости и подлили масла в огонь поднимавшегося настроения масс, на этот раз не только рабочих и матросских, но уже и солдатских.

Известно, какую видную роль сыграли солдатские массы в Февральскую революцию: в сущности, эта роль была решающей...»

Война: кровь, увечья, смерть, вши, полуголод — делала свое...

У Ленина все то же, единственное оружие: продолжать агитацию и пропаганду, углублять разложение армии, размывая опору буржуазии (Ленин смеялся ударение в этом слове на «а»), обострять кризис, поворачивать народ к большевизму и новому взрыву.

Весь вопрос в том, кто скорее организуется: генералы или Ленин с социалистической революцией.

У Ленина были: финансовый «костыль» из Берлина, всех и все бередающее слово, ненависть и безмерная усталость народа от войны и великолепно вышколенная партия, а самое важное — знание цели и путей подхода к ней.

За генералами бушевала разваливающаяся армия, ненавидящая их, из-под обломков которой выкарабкивались офицеры — костяк будущей белой армии, призванной возродить Россию и вытравить из ее жизни ленинизм.

Еще у Ленина был Петросовет — второе и главное правительство России, окончательно подпавшее под контроль большевиков в сентябре 1917 г. Вся Россия внимает голосу Совета, а это голос Троцкого.

Петросовет держал Временное правительство под контролем, не позволяя без своего ведома и одобрения принимать ни одно решение (знаменитое «двоевластие»).

У генералов отсутствовало все: люди, организация — ничего в готовом виде. Все рассеяно по России, все — одни рассуждения. А действовать предстояло среди нарастающей враждебности, при удручающем отсутствии тыла — везде в них видели врагов. От слов Ленина штормило людскую стихию России. Офицеров и буржуазного вида людей линчуют на улицах больших городов. Их убивают, избивают, увечат (по воспоминаниям Шостаковского, это происходило очень часто, появились даже термины для обозначения подобной расправы). Это — прямое следствие ленинской агитации и пропаганды. Война сверхстремительно увеличивала шансы Ленина.

Именно к той поре относятся полные желчи стихи Шполянского¹:

¹ Шполянский писал под псевдонимом Дон-Аминадо. Был широко известен в эмиграции сборниками политической сатиры. Но печатал и отличные лирические стихи. В моей библиотеке есть его сборник «Накинув плащ», изданный в Париже в 1928 г. Шполянский скончался вскоре после второй мировой войны. Он практически неизвестен на Родине.

Придумав гениальный клич,
Наш могучий Владимир Ильич
Говорит толпе исполнинской
С балкона балерины Кшесинской:
— Развернись, как бездна, как хлябь!
Что касается награбленного — грабь!
Грабь в качестве основного закона! —
И потом слезает с балкона...

«Новым в Петрограде, каким я его увидел в июле семнадцатого года, — пишет Шостаковский, — было невероятное количество солдат, свободно разгуливающих по улицам города, а также запустение, которое бросалось в глаза на улицах, вокзалах, в театрах, банках...

Отсутствие после февраля твердой власти породило самосуд. На фронте, в деревне, в городах. Появилось даже специальное слово — «растрепать»...»

Война, с ее бедствиями и кровью, давала Ленину своего рода единственный шанс для захвата власти, доводя социальный кризис до неведомой, ураганной силы. Ленин сознавал: уже никогда не сложатся, не сплетутся и не затянутся в такой узел условия, столь выгодные для революционного переворота, — и ярил Россию.

Кризис принимал совершенно неуправляемый для правительства характер. Ленин и стремился довести общее недовольство властью и озлобление до степени, когда правительство окажется вообще бессильным влиять на события. В этот час и должна будет прозвучать его, Ленина, команда к штурму — новой революции, уже во имя угнетенного народа. «Вся власть Советам!» Бедные и угнетенные должны вырвать власть у паразитов и угнетателей!

А первые генералы («закоперщики») пока в кутузке, в Быхове, ждут суда. Армии уже нет, почти нет солдат в окопах, голая Россия по линии фронта...

Шостаковский передает свой разговор с адвокатом Пальчевским (своим свекром) о Керенском (ведь он тоже адвокат, и поэтому Пальчевский знал его достаточно) и будущем России.

«— Мы, адвокаты, иначе его (Керенского.— Ю. В.) себе не представляем, как собирающим с шапкой в руках деньги на помощь политическим ссыльным. Сколько я его знаю, это была наиболее характерная для него поза. Он умел вызывать в людях симпатию и собирал большие суммы...

— И полиция это допускала?

— Видишь ли, думаю, что полиция не принимала его всерьез¹, как не принимают всерьез Керенского-министра и сейчас его товарищи по кабинету. Он идет на поводу у событий, и не он ими, а они им управляют... Не сомневаюсь, события сметут его так же неужи-

¹ За участие в деятельности боевых дружин в дни декабрьского восстания 1905 г. Керенский был арестован.

данно и просто, как до сих пор возвышали. Наверняка большевики возьмут в конце концов власть. Потом они поймут, что теория — одно, а жизнь — другое, и заведут порядок, как его заводили до сих пор все западные социалисты... добравшиеся до власти...»

Все это и случилось именно так. Только большевики кое-что о своей теории и ленинизме начали догадываться через семьдесят лет разрушения Российского государства. Разрушали бы и дальше (в этом у ленинизма исключительный запас прочности и неизменности), да обломки начали падать и на их головы...

Павел Петрович Шостаковский обнародовал свои воспоминания «Путь к правде» в Минске в 1960 г.

Надо признать, что величайшая удача и, пожалуй, счастье — такой партнер, как министр-председатель Керенский.

Кстати, логике учил в той гимназии, которую закончил Ленин, сам директор господин Керенский — родитель будущего главы Временного правительства. Так что искрометный Александр Федорович знал Владимира Ильича несколько ближе и больше, нежели по газетным статьям.

Мал Симбирск, а, поди, сразу двоих «спасителей» и «благодетелей» народа напустил на Россию. Приглядеться бы к этому городку... Ба, да и последний министр внутренних дел Российской империи, претендующей на лавры Распутина при царском семействе, сам господин Протопопов, тоже из... Симбирска!

Александр Федорович ненавидел большевиков — и был бессилен им помешать. Он предельно нуждался в верных частях и генералах — и объявлял изменниками и мятежниками самых влиятельных и заслуженных из них, выводил таким образом из игры, а себя оставляя без поддержки офицерства.

Это был сказочный в своей ограниченности, напыщенности и беспомощности партнер по игре в революцию. Он все норовил усесться не между двумя стульями, а вообще обойтись без них. И в то же время — все же... усесться, сидеть.

Такого партнера искать, перевернуть Россию — и не найти, а тут, поди... объявился, и все из того же Симбирска: ну просто магия какая-то.

Этот партнер постоянно сам для себя суживал пространство, ограничивая опору, пока не остался вообще один. И поэтому Александр Федорович Керенский был огромным выигрышем Ленина, то есть большевизма — самой первой и плодоносной ветви от древа марксизма (после взойдут самостоятельные побеги этого самого марксизма — в Китае от Мао Цзэдуна, в Камбодже от Пол Пота...).

Власть Временного правительства не только расплзлась, как перепревшая ткань, но еще и чрезвычайно усердно отравляла самое себя... по ряду субъективных обстоятельств, порожденных именно искрометной личностью Александра Федоровича.

Очень жива характеристика Локкарта:

«Керенский крупными энергичными шагами приближается ко мне. Лицо его мертвенно-бледно, даже желтовато. Узкие монголь-

ские глаза устали. С виду кажется, что ему физически больно, но решительно сжатые губы и коротко подстриженные под бобрик волосы создают общее впечатление энергичности. Он говорит короткими отрывистыми фразами, делая легкие, четкие движения головой».

Из дневника графа Луи де Робьена — атташе посольства Франции в Петрограде:

«Вторник, 9 октября (1917 г. — Ю. В.)

По указанию своих правительств посольства союзных держав предприняли демарш перед правительством Керенского. Они официально предупредили его о своем беспокойстве в связи с обстановкой внутри страны и на фронте... Керенский принял «гостей» вместе с Терещенко в Зимнем дворце. Дуайен дипломатического корпуса (посол или посланник, старший по сроку пребывания в стране. — Ю. В.) Джордж Бьюкенен вручил им коллективную ноту. Хотя она была составлена в очень сдержанных тонах — даже очень сдержанных, с моей точки зрения, — нота сильно задела тщеславие главы Временного правительства, который, выходя, сказал: «Вы забываете, что Россия — это великая держава!»...»

Развязка не заставила себя ждать.

Ленин произнес слово-заклинание.

Генералы, сбившиеся со своего аллюра под давлением государственной власти (Керенского), за которой стоял народ, взвинчиваемый большевиками, уже ничего не могли противопоставить этому слову-команде. Они были подавлены и в значительной мере просто выведены из игры теми самыми силами, которым теперь надлежит пасть под ударами большевизма. Величайшее несоответствие здравому смыслу!

Оськин точно фиксирует настроение офицерства тех дней. Теперь для него нет уже ничего неясного в политике Ленина и большевиков. Он вспоминает один разговор тех дней.

«По радио передан декрет о демократизации армии. Все чины и ордена объявляются отмененными. Офицеры должны снять погоны...

— ...А в общем, друзья мои, — закончил Святенко (прапорщик. — Ю. В.), — этот декрет подводит итог всей большевистской политике, которая для меня была ясна еще в марте месяце (то есть сразу после Февральской революции. — Ю. В.). Это — разложить армию, парализовать офицерский корпус, дать этому корпусу по шее, да так, чтобы он никогда больше не поднялся... Все это ясно. Так... братцы, — обратился к нам Святенко, — долой погоны!..

И он первый сорвал со своих плеч погоны...

Императрица Мария Федоровна — мать Николая Второго (слева) и ее родная сестра, супруга английского короля Эдуарда Седьмого. Поэтому Николай Второй и Георг Пятый столь разительно походили друг на друга.

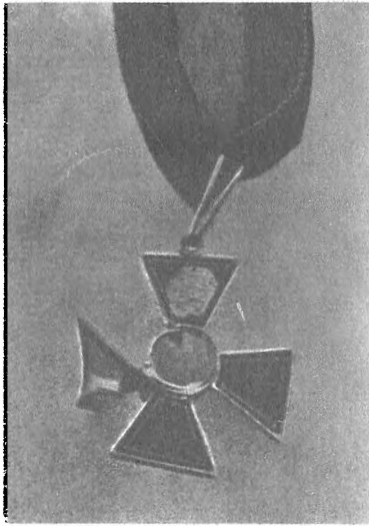
Николай Второй с сыном — Цесаревичем Алексеем в Могилеве. 1916 год.

Вильгельм Второй и генерал По на маневрах 1912 г.

П. А. Столыпин — могучее животворное начало в самодержавии на последнем отрезке его земного бытия.

Крест Столыпина, пробитый пулей
Мордки Богрова.

Офицеры гвардейского полка на отдыхе
под Петроградом.

9 декабря 1916 г. (здесь и далее даты по старому стилю). Командующий Девятой армией генерал Лечицкий производит смотр на тыловой позиции Овручскому полку. Революция еще не тронула тленом костяк армии. Немцы не в состоянии преодолеть оборону наших войск.

«За Бога, Царя и Отечество!» Крещенский парад одной из частей 78-й пехотной дивизии. Лесистые Карпаты. 1917 г. Военская дисциплина и послушание остаются на высоком уровне и за несколько недель до Февральской революции.

Сбитый германский аэроплан у села Фундум-Молдова (Буковина). Солдаты тыловой части успели к месту падения. Обратите внимание на дату: 27 февраля 1917 г.

Германский летчик с подбитого аэроплана. Их еще много будут сбивать у границ и на просторах России. Кровавым смерчем взметнутся годы 1941—1945-й, но все это будет еще впереди.

Буковина. Высота 1231. После боя 17 января 1917 г. в отбитых у немцев траншеях.

Буковина. 2 октября 1916 г. Старый лес иссечен артиллерийским огнем в щепу и пни. Пленные немцы. Нет, не пятилась русская армия, пока не хлебнула яда революций.

Буковина. 10 декабря 1916 г. За 11 недель до Февральской революции. Великий князь Георгий Михайлович награждает солдат Георгиевскими крестами. Армия стоит непреодолимой стеной перед врагом.

Георгиевские кавалеры.

Вот она — «великая» и «бескровная» Февральская революция! Митинг на тыловой позиции в конце марта 1917-го. Начало разложения армии.

Буковина. 15 марта 1917 г. Присяга Временному правительству. Клятва Кресту на Святом Евангелии. Ленин отменит эту присягу через 8 месяцев — 25 октября 1917 г.

Пораженческая пропаганда не всех обратила в дезертиров. Еще стояли целые части, заслоняя Родину от германского нашествия. Бой 17 ноября 1917 г. — это уже после Октябрьской революции, после зверского разгрома ставки Верховного главнокомандования Российскими Вооруженными Силами в Могилеве, после расправы над генералом Духониним. Подпись под фотографией рукой штабного писаря: «С любимым фельдфебелем 16-й роты 311-го полка 78-й пех. дивизии». Дивизией командовал генерал Добророльский. Где он сложил голову: в эмиграции, распят солдатами или пал на Гражданской войне?..

12—15 августа 1917 г. (здесь и далее даты по новому стилю). Государственное совещание в Москве. У входа в Большой театр. Впереди слева — знаменитый террорист Борис Савинков, справа — кумир русского офицерства генерал Лавр Корнилов.

21 мая 1917 г. генерал Алексеев (на снимке второй слева) смещен с поста Верховного главнокомандующего. С ним уходит и его начальник штаба генерал Деникин (крайний слева).

Фотография исполнена 22 или 23 мая — это последняя фотография генералов с адъютантами в Могилевской ставке. Впереди октябрьский переворот и Гражданская война.

Адмирал Колчак. За верность и службу Отечеству будет расстрелян и спущен под лед Ангары чекистами в ночь с 6 на 7 февраля 1920 г.

Генерал Май-Маевский на военном смотре. За его спиной (в черном) лжекапитан Макаров.

Ведал ли Марков, легендарной храбрости генерал, в свой роковой миг смерти, что все напрасно, белая гвардия обречена и большевики железной пятой придавят Россию?..

Генерал Кутепов. Крещен огнем, кровью и сталью. Фотография 1919 г., так как на погонах — шифр Добровольческой Армии, а крайний справа памятный значок — орден на груди — за участие в Ледяном походе. Будет генерал повязан на парижской улице и доставлен аж в Москву, на проклятую Лубянку, где после допросов и умерщвлен.

Мы последовали его примеру...»

К дню октябрьского переворота армии не существовало, а генералы, сбитые с толку арестами и осуждением самых авторитетных из них, оказались давно и напрочь отстраненными от событий. Огромный вал революции накатывался на старый мир — деморализованный, потерявшийся, ослабленный керенщиной и ни к чему не способный. Это было величайшее падение: он видел убийц, видел, как они разбирают ножи, чтобы резать его, — и не мог защититься, ждал убийц...

Для этого мира все следовало начинать с нуля, то есть всем, кто мог носить оружие, пробиваться на юг, преимущественно на Дон. Здесь же, в центре России, уже все было проиграно.

Генералы брались за оружие, не сознавая, однако, что в этот раз перед ними не обычный противник, а совершенно другой, качественно другой. У этого противника ко всему свой подход и ни на что не похожая мерка. Ни с чем подобным мир еще не встречался. Такое генералы слишком поздно раскусили — главным образом в эмигрантских углах.

Особое чувство вызывает Керенский у Родзянко. Почти целиком одну из глав уже не раз цитировавшейся здесь книги «Государственная дума и Февральская 1917 года революция» он посвящает бывшему министру-председателю.

«А. Ф. Керенский для меня, хорошо его знающего, был совершенно ясен. В высшей степени беспринципный человек, легко меняющий свои убеждения, мысли, не глубокий, а, напротив, чрезвычайно поверхностный, он не представлял для меня типа серьезного государственно мыслящего человека. Его речи в Государственной думе, всегда нервно-истеричные, были в большинстве случаев бессодержательны, в виде фейерверка громких, звонких фраз, и не всегда даже соответствовали его внутреннему настроению... Я смело утверждаю, что никто не принесет столько вреда России, как А. Ф. Керенский. Любитель дешевых эффектов, рисующийся демагогическими принципами, Керенский был всегда двуличен, заигрывал со всеми политическими течениями и не удовлетворял решительно никого — безвольный, без всяких твердых государственных принципов, бесспорно тайно покровительствовавший большевикам.

Но хотя Керенский и балансировал во все стороны, однако же справедливость требует напомнить, что некоторое время он был всеобщим оракулом, вождем и любимцем. Им увлекались все, веря его заманчивым вещаниям, из которых он, однако же, ни одного не выполнил.

Этот человек, вовлекший Россию в пропасть, террор и потоки крови, имеет теперь смелость, чтобы не сказать более, требовать Европейского протектората над Россией, если не будут проводиться в жизнь неисполнимые и неосуществимые его доктрины.

Россия не нуждается ни в чем протекторате, она найдет в себе

довольно гражданской мощи и мужества, чтобы своими собственными силами и средствами стать твердо на ноги и занять подобающее ей место в концерте Европейских Великих Держав.

Временное правительство неожиданно для меня оказалось тоже не чуждо влияниям Совета рабочих и солдатских депутатов, обнаружив сильный крен в его сторону».

Понимание существа кризиса заставляет Верховского как военного министра искать выход. Он предлагает Временному правительству провести следующие неотложные меры:

- заключить мир с Германией и Австро-Венгрией;
- демобилизовать почти всю армию;
- «перейти к решительной борьбе с анархией» в стране.

«Со мной несогласны. Мои сотоварищи по кабинету считают, что я переоцениваю опасность, что с нарастающим движением можно будет справиться без тех героических мер, которые я предлагаю... Я знаю, что я не ошибаюсь, но... большинство голосов... против меня. Выйдя из состава Временного правительства, я уехал в Финляндию...

Приехав на пароходе с Валаама в Сердоболь, я из газет и рассказов финнов узнал все, что произошло в Петрограде за девять дней. Временное правительство арестовано. Большевики захватили власть; никто, кроме юнкеров и женщин-ударниц, не заступился за него...

Теперь пришли другие люди, которые не будут разговаривать. Они будут действовать и проделают для темного народа «наглядный» опыт обучения, и, лишь пройдя через горькое падение, просветленный народ найдет правду. Что же, да будет воля Божия...»

В предисловии к своему дневнику «Россия на Голгофе» Верховский оставляет слова любви к Родине:

«Но пусть не думают малодушные люди, что русская история развернулась на своей последней странице. Вспомним все, что пережила Россия, все, что видели московские святые, что видели наши старые монастыри. Все тут было. И татарское иго, поляки, шведы, и смутное время, и страшные дни французского нашествия 1812 года — а все стоят вековые святые, все стоит Русская земля...

Проснется великий народный дух, и мы увидим другое время, увидим правду, свободу и величие родной земли...

На святой крови... вырастет новая, свободная Россия, страна, которую мы видели в юношеских мечтах и которая будет жить великой, несмотря ни на что» (выделено мною. — Ю. В.).

Николай Николаевич Духонин окончил Киевский кадетский корпус. Из юнкерского училища выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Литовский полк. В 1902 г. окончил Академию Генерального штаба. В первую мировую войну Николай Николаевич — на долж-

ностях командира полка, генерал-квартирмейстера штабов армии и фронта. После бегства Керенского принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Наотрез отказался признать советскую власть. Совнарком по прямому проводу немедленно приказал Духонину прекратить военные действия против Германии и начать мирные переговоры. Духонин, разумеется, отказался: ему ясно одно — новая власть оружием свергла законное правительство и по сему не имеет юридического права выступать от имени России, а тут еще заключение мира с врагом славянства... Он, Николай Духонин, присягал России.

Генерал Врангель рисует нам портрет Духонина:

«По приезду в Могилев я явился к генералу Духонину. Я видел его впервые. Среднего роста, полный, румяный, с густыми вьющимися черными волосами, чрезвычайно моложавый, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека. Он стал уговаривать меня отменить мое решение, доказывая, что при нынешних настоящих условиях долг старших начальников — оставаться в армии... Еще через несколько дней мне была предложена должность командующего войсками Минского округа, на что я, конечно, ответил отказом...

К обеду пришел генерал Духонин, просидевший у нас часов до десяти, он, видимо, рад был отдохнуть от дел, рассказывал многое из прежней своей службы, с особенным удовольствием вспоминал о времени, когда командовал 165-м Луцким полком. Полк под его начальством имел немало славных дел, и Георгиевские кресты, украшавшие грудь и шею генерала Духонина, говорили об этом...

В день, когда мне стало известным о назначении Верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал».

Из Петрограда на ставку двинуты составы с революционными матросами.

«Матросы рекрутируются у нас в несравненно большей степени, чем сухопутная армия, из пролетариата, из рабочих... Все это делает флот более пролетарским... по психологии. Но в то же время флот, как и армия, является потребительной, непроектирующей организацией, матросы представляют собой деклассированную часть пролетариата, и это усиливает наклонности к максимализму и анархизму, свойственные российскому рабочему классу в целом...»¹

Страх перед фронтом и боевыми действиями так же разложил флот, как и весь Петроградский гарнизон. Никакая сила не могла заставить покинуть солдат и матросов тыловые казармы, кроме демобилизации. А ведь Петроградский гарнизон — это сотни тысяч

¹ Октябрьский переворот. Факты и документы. Под ред. Н. А. Рожкова. Пг., 1918, с. 18.

солдат и матросов, влияние их на революционные события оказалось решающим. Они явились опорой Ленина в его антивоенной агитации, чутко отзываясь на каждое брошенное слово. Гарнизон вообще охотно шел за левой фразой, особенно погромной. Недаром матросы Балтфлота после рассыпались по всей России, составив костяк любой вольницы, анархии и всякого рода насилий.

И вот эшелоны с этой пьяной, никого и ничего не признающей ордой в бушлатах науськаны и спущены на могилевскую ставку...

Шполянский писал:

Матросы Балтийского флота
С заросшими лбами,
Знаменитая, злая рота,
Скрежещущая зубами...

Наслушайте, жгите,
Услаждайте чрево,
Ножиком направо,
Ножиком налево.

...А вы, любители,
Собиратели мифов,
Вот не хотите ли
Домашних скифов...

Написано жестко, но, уже тронутая тленом разложения, хлебнув кровавого напитка вседозволенности, эта среда могла только разрушиться. И ей льстили, ее взращивали для этой роли. И она не подвела...

19 ноября Духонин приказывает освободить из-под стражи всех еще не освобожденных «быховцев». Последним обретает свободу Корнилов. Духонин отдает себе отчет в том, что представляют собой «пассажиры» этих «полосатых» составов для «быховцев». Притравленность их к словам «буржуй» или «генерал» такова, что они убивают раньше, нежели успевают подумать. Ужасами расправ заполнены газеты тех месяцев, ими полны воспоминания очевидцев. Всякий, кто смеет им возражать, поднимается на штыки. Их бог — маузер, грехи им отпускает Ленин. Он им внушил, что они прокладывают дорогу революции...

На Могилев накатывают эшелоны с матросами. Все живое — прочь с дороги: Кронштадт идет!

Этой ордой в эшелонах командует новый Верховный главнокомандующий — бывший прапорщик Крыленко. Человек, как покажет история, заурядный, во всем потрафляющий Чижикову. Правдолюбец по отношению к себе и жестокий палач для всех прочих, а точнее, для тех, в кого ткнет перст вождя. В общем, ублажал «железную» тварь, пока перст вождя не ткнул ему в лоб...

Оставил Локкарт, не погнушался, и портрет товарища Крыленко:

«...Крыленко, эпилептический дегенерат, будущий общественный прокурор и самый отталкивающий тип из всех, с кем мне когда-

либо приходилось встречаться среди большевиков» (такую характеристику заслужить надо).

Хорош вожак для хмельно-разбойной орды матросов. Еще надо прибавить к портрету упоминание о росте — исключительно маленький...

Духонину жить ровно сутки. Господи, взмыть птицей, лечь на крылья и улететь!..

В ночь на двадцатое Корнилов срывается со своими телохранителями-текинцами (отборнейшие воины-туркмены, кавалеристы высшей пробы, бесстрашные в бою).

Все позади: служба царю, ранения, плен, побег, попытка укрепить новую республиканскую власть, арест и заключение. Генерал свято верует в свою звезду. Впереди необыкновенная жизнь — жизнь во имя новой России! Она возродится — это непременно! И добудет ей возрождение клинком и пулей он, Лавр Корнилов! Очнись, Россия!

Утром двадцатого по путям могилевского железнодорожного узла погромывают составы, битком набитые матросами и солдатами. Ставка будет служить революции!..

2 ноября 1917 г. горьковская «Новая Жизнь» печатает письмо генерала Верховского.

«Я глубоко возмущен тем, что меня, не спросив, включили в список министров (Ленин составляет первый Совет Народных Комиссаров. — Ю. В.). Ни в какие соглашения с большевиками я не пойду, так как люди эти, все обещая, ничего не дадут. Вместо мира — междоусобная война; вместо хлеба — голод; вместо свободы — грабежи, анархия и убийства.

Мир может дать только правительство, признанное всей страной. Крестьяне, Юг, казачество соглашения с большевиками не признают. Я боролся за активную политику мира, но никогда не пойду вместе с людьми, у которых руки в крови от предательского убийства.

Мы должны спасать страну от анархии. Нужно бороться за порядок, а большевики ничего, кроме позора, не дают».

Могилевская ставка...

Здесь, в Могилеве, побывал Карл Двенадцатый — об этом хранят память земляные валы. В «Карловой долине» шведский король обедал.

В 1780 г. в Могилеве Екатерина Вторая вела беседы с австрийским императором Иосифом Вторым в дни его визита в Россию. Их связывала личная дружба.

И здесь, в Могилеве, несколько недель лежал больным импера-

тор Александр Второй. А знай, что на Обводном канале бомба Игнатия Гриневицкого раздробит ноги, — поди, так и остался бы в Могилеве. А чем плохой городок? Хотя, по зрелом размышлении, и здесь достали бы «свободчики». Торопил разночинно-интеллигентский люд революцию. Зарево свободной жизни видел в каждой новой листовке, каждом «непорядке», волнении и, уж конечно, убийстве сановников.

Когда от потери крови и нестерпимых страданий царь-реформатор ловил последнее дыхание, Владимиру Ульянову всего 11-й годок набегал, да и Гриневицкому еще и двадцати пяти не сложилось. Ребятки... от их нажима вся Россия пошла дыбом и наперекос, а все пуще с пением «За упокой...». Шибко торопил новую, раскрепощенную жизнь ученый люд России...

Тесной удалась вторая половина XIX столетия. Почитай, все освободители народа сошлись в ней. Только успевай заглядывать в лица, пятиться да креститься...

Одни созидали, защищали и строили Россию, а другие — разоряли. Именем счастья — разоряли и губили.

В России было и будет: за любой революцией — наручники и намордник новой диктатуры. Так будет и сейчас. Найдут управу на каждого.

Да, и еще.

Через Могилев наступал и корпус многоопытного наполеоновского маршала Даву, чей жезл хранится в Историческом музее, что впритык с Красной площадью.

Маршал Даву принял корпус генерала Раевского и казаков генерала Платова за всю русскую армию и попятился назад, в Могилев. Там и ждал событий, послав донесение Наполеону.

По словам генерала Ермолова (1777—1861) — героя 1812 г., и не только этого года, — «грубая ошибка Даву была причиной соединения наших армий».

«Грубая ошибка» позволила соединиться Первой Западной армии под командой педантичного, но боевого генерала и военного министра Барклая де Толли (Ермолов за холодное спокойствие называл его «ледовитым») со Второй Западной армией под командой генерала Багратиона.

И без того ничтожно слабые перед всеевропейским войском, эти армии оказались разобщенными из-за внезапного вторжения Наполеона в Россию.

Дорого обошлась эта ошибка Даву французам.

Минует 129 лет, и в начале июля 1941-го (тоже в начале июля — видно, судьба города такая) за Могилев завяжутся упорнейшие бои. На город наступали танковые корпуса прославленного гитлеровского генерала Гудериана. Основой жесткой обороны города послужит личная телеграмма Сталина командующему Тринадцатой армией генералу В. Ф. Герасименко¹:

¹ См.: С а н д а л о в Л. М. Пережитое. М., Воениздат, 1961, с. 181.

«Герасименко. Могилев под руководством Бакунина¹ сделать Мадридом».

Мадрид отважно защищали республиканские войска в пору Гражданской войны в Испании (июль 1936 — март 1939 г.).

Генерал Бакунин командовал корпусом, находящимся в подчинении Василия Филипповича Герасименко. И Могилев действительно защищался героически, хотя и недолго. Другое дело, имела ли военный смысл данная защита, но таковой проявил свою волю диктатор, как всегда непреклонную и окончательную. Не воля, а приговор.

Однако для этого с октябрьских дней семнадцатого должны будут сложиться 24 года и 4 месяца. Внушительная стопочка дней.

После победы революции в Петрограде овладение ставкой имело для большевиков первостепенное значение. Заключить мир с немцами, распустить армию и таким образом сделаться единственной реальной силой в стране.

Около десяти утра в Могилев вступили матросы. Очевидец дает их портрет: «В лохматых шапках, в черных шинелях, с винтовками за плечами, с лицами победителей...»

Духонина арестовали и отвезли на вокзал.

А в общем, матросы не подчиняются никому, кроме своих вожakov. Центробалт («братишка Дыбенко») обозначает цель — и этого достаточно. Робкие попытки Николая Крыленко подчинить их нарываються на угрозы. Они здесь для того, чтобы выжечь контрреволюционное генеральское гнездо. К тому же они постоянно пьяны.

Продолжайте, жарьте
Во славу сивухи,
В прежнем азарте
И в новом духе...

Формально частью общих сил по ликвидации ставки (их многочисленными матросскими отрядами — Северными) командовал бывший поручик Рейнгольд Иосифович Берзин, латыш по происхождению, однофамилец Яна Карловича Берзина — будущего начальника разведывательного управления РККА в 1924—1935 гг. Высоко вознесется Рейнгольд Иосифович. В Гражданскую будет командовать армиями, фронтами. На колчаковском направлении сподобится командовать Северо-Урало-Сибирским фронтом. Будет отмечен многими наградами. В 1938-м его равнодушно подгребет «женевская» тварь. Останется от живого Рейнгольда Иосифовича лишь отпечаток на фотобумаге — суровый, насупленный человек в мятом френче с большой черной бородой. Продырявит ему голову чекистская пуля в палачески памятном подвале Лубянки. Пожалуй, сотни тысяч людей швырнула там на кучу песка чекистская пуля в голову.

¹ «Круговую оборону Могилева держал 61-й корпус генерала Ф. А. Бакунина». — Г. К. Жуков в. Воспоминания и размышления, т. 2. М., «Новости», 1990, с. 60.

Нигде не было убито столько людей, а с виду и не скажешь: красуется в центре Москвы опрятное многоэтажное здание.

Господи, сколько же жизней приняла в свое могильное чрево революция! Какие жертвы ей, оказывается, нужны! От одной крови моря и океаны на земле должны окраситься в красное!

Отряды матросов и солдат рассыпаются по городу, часть остается на станции, при эшелонах. Очевидец этих расправ, глубокий старец (бывший военный чиновник), рассказывал автору книги в Париже летом 1962 г., как они «выжигали». Постоянно хмельные, взведенные, уже изведавшие крови и власти в Питере (весь город — бывшая столица империи, где они еще недавно тянулись «во фронт» перед любым офицером, — в их власти. Бери, грабь, насилуй — и брали), вдруг осознавшие, что нет над ними власти, вообще нет никакой власти. Они и есть власть! Даешь светлое завтра!..

Вечером на перроне вокзала в шелухе семечек, плевках, грязи корчится, скребет руками в агонии самый молодой Верховный главнокомандующий бывшей российской армии — генерал Духонин. Он исколот штыками и, истекая кровью, отдает последнее дыхание. Был Николаю Николаевичу 41 год. Господь Бог за руку вел к этой кончине — через ласку детства, первую любовь, службу, бои, ранения и веру в будущее.

И привел.

Другой очевидец тех событий вспоминал, как все происходило. «...Неожиданно на площадке, где только что стоял Духонин, появился высокий, здоровенный матрос в огромной бурой папахе и обратился к толпе с речью:

— Товарищи, мы дали бежать Корнилову, мы выпустили его из своих рук! Не выпустим по крайней мере Духонина!..

...После разжигающей страсти речи матроса толпа потребовала Духонина. Его вывели, с него сорвали погоны, и тот же высокий матрос ударом немецкого штыка сбросил его (с площадки вагона. — Ю. В.) в толпу, которая с каким-то стихийным, неопределенным криком растерзала бывшего главнокомандующего.

Находившийся тут же крестьянин заметил:

— Так ему и нужно, собаке! Его и хоронить не надо. Его в помойную яму нужно спустить.

Я всматривался в лица окружающих. И не знаю, быть может, мне это только казалось, но я определенно заметил в глазах присутствовавших какой-то особенный, страшный блеск. Это не был дикий блеск слепой, животной кровожадности. Скорее это был суровый огонь фанатизма и классовой ненависти»¹.

Что, паскуда, не по нутру матросское угощение?!

¹ Известия Гомельского Губкома, № 15 / Г. Л е л е в и ч. Октябрь в Ставке. «Гомельский Рабочий», 1922, с. 92.

Именно с того дня и прижилась разбитная революционная при- сказка: «Отправить в штаб к Духонину!» — то есть убить кого-то именем революции.

Матросы ринулись на поиски жены Духонина. А пощекотать лярву генеральскую.

Не нашли — Духонина молилась в храме.

А кого щекотать штыком — в городе и без нее доставало. Так что утешились «братишки».

Даешь революционную ставку!

«Генерал Духонин, как свидетельствует его предсмертная речь, не боялся расстрела — «солдатской смерти», — пишет вслед за расправой в Могилеве Юлий Айхенвальд, — он боялся только самосуда толпы, он не хотел, чтобы его превратили в «кусочек мяса»... случилось именно то единственное, чего он боялся... К ужасам теперь все привыкли, ничему больше не удивляются наши окоченелые души... Сухопутные матросы, убившие Духонина, продолжали издеваться и над бездыханным телом...

Действительно, когда с народа спадают вековые узы, привычка столетий, соскакивает тот железный обруч власти, который плотно смыкает тело единой государственности, то совершенно естественно, что наступает... разгул безудержных страстей...

И пока эти люди, более похожие на вещи, чем на людей, одушевленные и все-таки бездушные механизмы, творили свои разрушительные дела, живая жизнь страдала и гибла...»

Ночью труп генерала был ограблен: сняты сапоги, шинель, нижнее белье (никак рассчитывали, постирав, свести кровь). Мертвое тело таскали по вагону, в неживой рот заталкивали дымящиеся папиросы...

«На следующий день простой сосновый гроб с телом Духонина был поставлен в товарный вагон и прицеплен к киевскому поезду...» — отметил в воспоминаниях бывший царский генерал, родной брат «ленинского» Бонч-Бруевича — Михаил Дмитриевич, тот самый, что снабжал главного вождя большевиков секретными документами (переправлял их в Швейцарию), и тот, кто какое-то время стоял во главе военной контрразведки Российской империи, то бишь по долгу службы обязан был пресекать утечку секретной информации. А почитаешь воспоминания Михаила Дмитриевича — патриот, правдолюбец...

Но и Николаю Васильевичу Крыленко Бог ниспослал «достойное» завершение дней. Станет Николай Васильевич при новой власти одним из организаторов суда и прокуратуры. С 1918 г. — член коллегии наркомюста РСФСР, с 1931-го — нарком юстиции РСФСР, а с 1936-го — нарком юстиции СССР. В 1938 г. будут Николая Васильевича пытаться, позорить, и наконец сложит он голову как «заклятый враг народа». Набежит ему к тому черному дню пятьдесят три. Но уж Николая Васильевича Бог не вел за десницу. Как боль-

шевик, он сам ковал свою судьбу, презирая Бога, сатану и вообще всякие метафизические хреновины.

7 октября из Смоленска в Петроград приезжает Алексеев. Он избран в Российский предпарламент. Поэтому октябрьский переворот застаёт его в мятежной столице.

Своими единомышленниками генерал переодет в цивильное. Теперь он знает, что делать. 11 ноября первый генерал (самый первый среди всех) уже в Новочеркасске.

15 ноября Михаил Васильевич публикует обращение к офицерам: на Дон, время слов избыло! Здесь надлежит создать армию. Она возродит Россию, очистит от парши большевизма. Для генерала большевизм и германское нашествие — величины одного порядка. В революции Ленина он видит прежде всего предательство России, какое-то тяжкое заболевание от привнесенной извне инфекции. Чужеземная философия, нерусские имена, «германский вагон» (для генерала этот вагон — сущее пришествие дьявола, сама невероятность!), разрушение веры отцов — православия, — организация убийств по имущественному цензу, развращение души народа чело-веконенавистническими лозунгами, осмеяние святынь русской жизни... Генерал непреклонен: к оружию, русское офицерство и все, кому дорого Отечество! Настал наш час! Враг бросил вызов! Ждать и сносить беду больше нельзя! Россия в огне! К оружию, братья!

От этой даты — 15 ноября — и ведет хронологию белое движение .

Белый, синий, красный!..

Не комета, не чудеса затмения — во всю ширь над Россией... Огненный Крест. Да возродится святая Русь предков!

Три эскадрона текинцев и полк «георгиевцев» уже зимой, по снегу, пробиваются на юг. Путь среди враждебного населения изобилует лишениями. Что ни день — стрельба, рубка, заслоны... трупы. А эскадроны только за своим генералом. Пока за своим генералом...

Великий тотемный знак России — трупы.

Тотем — слово из языка индейского народа оджибве, означающее «его род». У каждой родовой группы — свой предмет (или живой организм), которому все поклоняются, это своего рода божество родовой группы или целого народа.

Надежды и оправдания всех свершений — трупы. Здесь на трупах расцветает жизнь. Нет ее без страданий и трупов.

Корнилов приказывает текинцам следовать без него, это облегчит им продвижение, а сам в солдатском, один, с подложными документами, продолжает странствие в белый стан.

Необъятный поток солдат с фронта разливается по России, и в этом потоке неприметный сухонький мужичонка, почти старик. И все богатство его — бело-сине-красный. Зело верует в эту игру цве-

тов мужичонка, крестится на них, несет в сердце. А для пущей сохранности на груди, под солдатской истрепанной шинелью, — браунинг. Ну точь-в-точь как у Федоровича, только тот держал свой за брючным ремнем. Прижмет его локтем искалеченной руки и продавится через толпу. И какой леший его гонит на юг?!

Нет, тут все понятно: великий тотемный знак Руси — трупы.

Мало их ей. Будет откупаться за новую веру еще добрых полвека. Сколько же народу ляжет! Страхнет с себя, как вшей, десятки миллионов, вроде и не нужны ей. И всей этой погибели, муки не охватить разумом. Уж от одной смерти близкого существа человек каменеет, а тут на десятки миллионов! Одна чернота в глазах...

Приглядывается Лавр Георгиевич к соседям по вагону, чадит дешевой папироской, а то и махру тянет, угощается кипяточком, вспоминает фельдшера Мрняка и свои двадцать тысяч крон долга.

Может, будет так: вернет долг, а?..

Короста грязи и седоватая щетина на скуластом желтоватом лице генерала в солдатском трепаном барахлишке. Дозерился Богу Лавр Георгиевич. Верует в судьбу.

Обнаруживая офицеров в вагоне (как ни переодевайся, а чует мужик золотопогонника), солдаты выкидывали их на ходу: скатертью дорога, ваше благородие!.. И садили матом.

И это было счастье, поскольку чаще убивали (стукнут по башке — и готов). А как же, это офицерье виновато в крови и горькой жизни, это они гнали на убой под германца. Слово в слово повторяли мужики слова Ленина. Мудрость великих книг, выжимки из мировой культуры, опыт дискуссий воплощались в каждом понятные, до предела простые слова (вроде «грабь награбленное»). Уж куда проще!

Поэтому офицеры не ехали на юг, а пробирались кто в чем одет и призаросшие до неузнаваемости — родная мать не признает! И это очень хорошо, стало быть, есть надежда доехать...

19 ноября Новочеркасск взбудоражен — здесь генерал Корнилов! Сила воздействия его на людей такова — уж одно это мнится избавлением. Будет над Россией бело-сине-красный стяг! Вернется!

Советские историки несколько по-иному излагали версию событий в ставке, а стало быть, и бегство генералитета из Быхова.

Так, журнал «Вопросы истории» (1968, № 3) сообщает:

«...Изучение архивных документов позволяет сделать заключение, что контрреволюционному генералитету удалось сбежать на юг вследствие изменнических действий поручика Шнеура.

В. К. Шнеур — профессиональный провокатор, сотрудник царской охранки с 1907 года. Во время первой мировой войны служил в одном из гусарских полков. После свершения Февральской революции выезжал в Англию. В Петроград приехал в первых числах ноября 1917 года и вскоре был назначен исполняющим обязанности начальника штаба революционных войск по ликвидации ставки.

Шнеур умышленно тормозил наступление революционных отрядов на Могилев, дав возможность организаторам контрреволюции сбежать на юг и организовать там силы для борьбы с советской властью.

Отряд (из матросов Балтфлота и солдат Литовского полка. — Ю. В.), отправленный из Петрограда 11 ноября, вступил в Могилев 20 ноября, то есть тогда, когда контрреволюционный генералитет сбежал из Могилева и Быхова. Отряд, наступавший из Минска, должен был вступить в Могилев 18 ноября, однако не дошел даже до Быхова и лишь 21 ноября достиг Жлобина.

Действия Шнеура и командира минского революционного полка Ремнева не дали возможности большевикам Минска в срок выполнить указания В. И. Ленина. В письме из Петрограда 10 ноября 1917 года перед большевиками Минска В. И. Ленин поставил задачу: приложить все усилия для ликвидации духонинской ставки к 14-му, самое позднее к 15 ноября. Но это письмо более двух суток продержал у себя Ремнев, прибывший из Петрограда 12 ноября. Только 14 ноября, когда его вызвали в ВРК Западной области и настойчиво потребовали письмо, он вынужден был отдать его. Таким образом, время было упущено (то есть Корнилов и другие генералы успели уйти на юг. — Ю. В.)...

Судебно-следственная комиссия Петроградского революционного трибунала проверила личность Шнеура. Был допрошен бывший директор департамента полиции Белецкий, который подтвердил, что Шнеур работал в царской охранке... Шнеур сейчас же был арестован и под сильным конвоем доставлен в Петроград, где и заключен в Петропавловскую крепость...»

Раз генералы утекли из Быхова и Могилева, их можно и нужно догнать и уничтожить — именно такое распоряжение отдает Ленин. Из красного Петрограда спешно отбывает вооруженный отряд; крупный отряд формируется ревкомом Западного фронта. В погоне за Корниловым пожирает километры и бронепоезд. Не дать золотопогонным тварям прорваться на юг!

25 ноября 1917 года — первый бой у станции Тамаровка (это в двадцати восьми верстах от Белгорода). Общее руководство красными войсками осуществляет прапорщик М. К. Тер-Арутюнянц, комиссар революционного полевого штаба по борьбе с контрреволюцией. Бой дает представление о составе корниловцев — приблизительно одну треть отряда Корнилова составляли юнкера и офицеры.

26 ноября красные отряды под командой Пролыгина настигают у станции Унеча Текинский полк во главе с Корниловым. Пролыгин доносил о результатах боя:

«Полк (Текинский. — Ю. В.) быстро отступил в разных направлениях в ближайшие леса и деревни. Под Корниловым убита лошадь. Вместе с комендантом по охране, многими без вести пропавшими офицерами и всадниками исчез и генерал Корнилов».

19 декабря советские газеты поместили сообщение о том, что под Белгородом разбиты корниловцы.

Итак, началось преследование «контры».

Вот отчет о боевых действиях:

«Отряд корниловцев в составе одного ударного полка, 2-го и 8-го Оренбургских ударных батальонов и 5-го отдельного ударного батальона, численностью в 5—6 тыс. человек при 200 пулеметах, нами стерт в порошок. После боя у станции Тамаровка... наш отряд преследовал противника на протяжении ста верст и уничтожил его как организованную боевую величину».

Журнал описывает и последующие события.

«Потерпев поражение, бросив текинцев и георгиевцев, Корнилов переоделся в солдатское обмундирование и в таком виде прибыл 6 декабря 1917 года в Новочеркасск. Генерал Корнилов, — писала газета «Известия», — прибыл в Новочеркасск в форме солдата одного из пехотных полков. Всю дорогу проделал в качестве солдата-большевика, самовольно оставившего фронт. Ехал без документов в вагоне 2-го класса. Генерал Марков приехал в Новочеркасск с двумя офицерами и пятью-шестью солдатами за день до генерала Корнилова».

Остается лишь гадать, кто брал интервью у генералов для красной газеты «Известия», ведь красная и белая версии данных событий заметно разнятся.

Из протокола Совета Народных Комиссаров от 7(20) декабря 1917 г.:

«Назвать комиссию — Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем — и утвердить ее...»

Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действует Ликвидационная комиссия ВРК...»¹

Не менее пятисот-шестисот человек в день умерщвляли в Москве в переполненные горячей кровью и мукой годы: 1937-й, 1938-й, 1939-й...

Случались недели — валили по тысяче в день и больше. На четырех городских кладбищах только и успевали рыть братские могилы — ров за ровом...

Но и в эти цифры мы не верим. Убивали миллион за миллионом (не считая тех, что сморили голодом). Какая уж тут тысяча людей в день! Счет шел на несколько тысяч...

В сполохах Огненного Креста отчетливо проступает: две правды выстраивают свои слова. И каждая для каждой — приговор.

¹ «Известия ВЦИК», 1917, № 248, 10(23) декабря.

Никто не должен противиться белой правде.

Никто не должен противиться красной правде.

Потому уже издревле тотемный знак России — трупы.

Две правды сталкиваются:

— Ленина, классовая: уничтожить всех угнетателей-кровососов и установить справедливый порядок;

— белая (Алексеева, Корнилова, Деникина, Шульгина, Милюкова, Колчака...): отстоять Россию от немцев, укрепить армию, сохранить революцию по Февральскому образцу — чтобы Россия сама диктовала законы своему вечу.

Правда Ленина — исчерпывающе справедлива, если бы она не предполагала под собой кровь и принуждение (и отнюдь не только в Гражданскую войну).

Одна часть русских, и очень значительная, преследовала и казнила другую — не очень значительную, — а вместе представляли почти всю Россию. Винтовочным дулом приставлен был ко лбу вопрос: «В кого веруешь, русский?»

При историческом, то есть временном сравнении, уже зная, чем что обернулось (ленинская революция и строительство высшей мечты человечества — социализма), иначе предстают и программы партий, и революция, и Гражданская война.

Все это позволяет иначе рассматривать события первых лет революции — всю ее программную жестокость, теперь уже очевидно бессмысленную (а какой ужас был бы, увенчайся эта жестокость сытым завтра — хоть этого и не могло быть!), ибо она не добывала и не приближала свободу, а, наоборот, ее отнимала. Одна несправедливость постепенно замещалась другой. И между этими несправедливостями благодаря преступно-смелой фантазии Ленина и следующего за ним большевизма — горы трупов, нужда, насилия, безгласность и счастье, которое тебе старательно вбивают в глотку: дышать нечем, в глазах темно, от усталости подламываются ноги, а в тебя заколачивают «счастье». Это именно оно — счастье. Ленин же назвал его...

Огненный Крест высвечивает из темноты все лица: ни одно не скрыто. Все лица дающих счастье... каждая черточка впрогляд... Они!

И Огненный Крест.

И муки, провидчество других!..

От революции Ленина Александр Федорович Керенский устремляется поначалу в Псков — там штаб Северного фронта, и вообще городок смиренный, почитай как его Иван Грозный пустил на разграбление, так одна покорность.

А по этой самой смирности исстрадался Александр Федорович. Ну точь-в-точь повторяется тот бессильный рывок государя императора! Только встречает бывшего министра-председателя не Рузский, а Черемисов — новый главнокомандующий войск фронта.

Много общего в их положении, бывшего министра-председателя и государя императора (пока Николай Александрович ехал в Псков — он еще не отрекался от скипетра и державы, он — царь): образование пустоты — почти поголовное отступничество всех, в том числе и тех, кто прямо извлекал ту или иную выгоду из близости к верховной власти.

Существует и разница, пусть внешняя: Николай Второй ни на миг не был клоуном, не пытался скрыться под пол крысой, мученически принял смерть за идею — для него священную и полную смысла. Несомненно, гибелью своей он искупил вину перед Россией. На Голгофу взошел как мученик.

И еще у него хватило понимания того, что, в общем, время его в прошлом.

Керенский же начисто оказался лишенным всякого чувства времени. И пожалуй, до самого 1970 г. — года своей кончины — Александр Федорович не сознавал, что он политический мертвец с того самого ноября 1917 г., когда гнал автомобиль в Псков, к своему протезе и любимцу генералу Черемисову.

Александр Федорович не был жалок: с первого и до последнего дня политической деятельности после Февраля 1917-го он был карикатурен.

Владимиру Андреевичу Черемисову в те беспокойно-головорезные дни уже перевалило за сорок пять. Все было: и военное детство, и юнкерство, и Академия Генерального штаба, и служба на козырных должностях, и позор провала боевой операции, и ссылка на штабную работу. Настроен генерал был определенно демократически и при знакомстве очень приглянулся министру-председателю. Решил он продвинуть Владимира Андреевича в главнокомандующие фронта, а вот, поди, Верховный, то бишь генерал Корнилов, отказался утвердить назначение. Не по душе был Корнилову этот Владимир Андреевич, влюбленный во Временное правительство, мать его со всеми «заслугами»! Да ведь провалил боевую операцию! Интриган, а не генерал!..

Отыгрался министр-председатель после ареста Корнилова: как новый Верховный незамедлительно утвердил Черемисова главнокомандующим Северного фронта — надежные надобны генералы, свои...

В общем, в те ноябрьские дни семнадцатого не смог Владимир Андреевич пособить благодетелю, и даже более того, почти тотчас сорвался за ним в эмиграцию — ну как выдуло из России! А и впрямь, демократия демократией, но что ж это, простите, за порядки при большевиках? Совесть надо иметь.

А вот и портрет Владимира Андреевича:

«Во время обеда прибыл вновь назначенный командующим армией, герой Галича, генерал Черемисов, — вспоминает генерал Врангель. — Маленький, худенький, с бегающими черными глазками и приятным, несколько вкрадчивым голосом, генерал Черемисов».

сов произвел на меня впечатление живого, неглупого человека. Разговор за обедом велся на общие темы. Генерал Корнилов вспоминал о своей службе в Туркестане, генерал Черемисов рассказывал о последних боях своего корпуса. Вопросы политические совсем не затрагивались».

На Александре Федоровиче так и отсвечивала кровь царского семейства. Весьма поспособствовал его гибели. После Февраля семнадцатого был глубоко убежден, что царь и царица находились в преступной связи с неприятелем.

Когда следственная комиссия представила свой доклад, убедился в полнейшей чистоте Романовых. По такому случаю Александр Федорович изменил свое отношение к бывшей императорской чете, но время для выезда за границу было упущено. Большевики уже в открытую собирали силы для переворота. Но и тогда еще все можно было изменить. Для этого следовало сделать сущую малость: переместить бывшего императора с семьей в места, более близкие к границе. Ведь все, кто находился поблизости от границы, спаслись, если очень хотели...

Александр Федорович же стремился угодить всем...

Попытка свергнуть оружием ленинское правительство проваливается. Александр Федорович — в Гатчине. Командир 3-го Конного корпуса генерал Краснов (сменил застрелившегося Крымова) — на переговорах с революционными матросами. Ясно, речь там о выдаче его, бывшего министра-председателя. Казаки Краснова единодушны: они в распри между большевиками и «кадетскими» генералами не встрянут, да по дурости класть головы, пушай сами себя и кушают...

Александр Федорович добывает матросскую форму, прячется за темные очки — и укатывает на авто к Луге. Попробуй ссади, даже коли узнал. Автомобилей в ту пору — это ж по перстам счастье...

Ушел, унес ноги Александр Федорович, не достать, не ухватить!..

В деревне Ляпунов Двор искрометный Александр Федорович целых 40 суток отсиживается у мужа и жены Болотовых — родни «матроса Вани», помогшего разжиться форменкой. Усы, борода совершенно изменяют внешность. Свято бережет он свою жизнь, но не для утробного благоденствия. Верит в демократию, а без него этой самой демократии в России и быть не может, вот истинный крест!

От Болотовых Александр Федорович налаживает кое-какие связи, изрядно пишет, строит планы: пора ссаживать большевиков! Словом, опять примеривает председательские штаны.

Вторая половина декабря мятежного семнадцатого для бывшего министра-председателя — пора опасных переездов. Сначала друзья

перевозят его на хутор Заплотье, а потом — в Щелкалов, потом — в психиатрическую лечебницу под Новгород и, наконец, — в имение Лядно.

Под первый советский Новый год Александр Федорович с превеликой осторожностью и бережением возвращается в Петроград, из Петрограда перебирается в Финляндию — у него паспорт шведского гражданина и надежный грим. По части изменения наружности и конспирации Александр Федорович не уступит самому Ленину.

В Финляндии Керенский скрывается в имении Франкенгейзера, а позже — в доме офицера Бойе. С началом революционных беспорядков в Финляндии Александр Федорович во второй раз проникает в Петроград, у него уже прочные и обширные связи с руководством эсеровской партии. Ни минуты не сомневается в скором крушении большевизма: да он этого Ленина знает как облупленного — тиран, должен от него отшатнуться народ, вот тут и подхватит он, Керенский, власть, и не подхватит, а вернет законному владельцу. Ведь ждет его Россия, чуток ошиблась с ним, пнув, но протрезвеет. У него свой расчет: еще маленько — и объестся народ ленинскими дарами. Посему он, Александр Керенский, в любой миг может понадобиться истории. А он уже все обдумал, выносил. Не с пустыми руками примет власть...

О том Петрограде многие оставили воспоминания, вернемся к свидетельствам Шостаковского.

«В городе понемногу исчезали лошади, собаки, кошки, крысы, даже воробьи. Голод вымел из Петрограда мастеров и ремесленников, и интеллигенты стали заменять, и иногда с успехом, сапожников и портных, ювелиров и часовых дел мастеров, механиков и слесарей, пекарей и даже ресторанную прислугу...»

Зимы с 1918-го на 1919-й и с 1919-го на 1920-й оказались еще суровой, если подобное слово применимо, ибо это был ужас, мор, запустение из безмерного голода, холода, бандитизма и террора.

К тому времени «женевская» уродина окончательно встала на ноги. Это уже был взматеревший хищник, не ведающий колебаний, пощады и вообще каких-либо моральных ограничений.

ВЧК Ленина и Дзержинского постепенно замораживала мысль и волю России. Уже ледяной глыбой большевизма возвышалась над миром прежде сметливая, озорная, песенно-рабочая Русь...

С майским теплом 1918 г. Александр Федорович — в Москве (живет под фамилией Лебедев), а в июне уже с сербским паспортом на имя Милутина Марковича отправляется в Мурманск. Что-то происходит с народом и жаждой свободы. И вообще, это уже не борьба за демократию и не доброе старое подполье с филерами — почти каждого знал в лицо, — а сплошное хождение по крови.

Избави и оборони!

Паспорт для бегства Александру Федоровичу оформит мистер Локкарт.

«Итак, я взял сербский паспорт, которым заручился Керенский, поставил визу и приложил к своей подписи штампованную печать,

которая должна была сойти за нашу официальную печать. В тот же вечер Керенский, переодетый сербским солдатом, отправился в Мурманск. Только через три дня, когда можно было быть уверенным в его безопасности, я телеграфировал в Лондон о своем поступке и руководивших мною мотивах. Я боялся, что у большевиков был ключ к нашему шифру».

20 июня 1918 г. Александр Федорович прибывает в Лондон на английском крейсере «Адмирал Об».

Был он, Александр Федорович, на одиннадцать лет младше Ленина и упокоился на девяностом году, невозможно далеко пережив всех вождей семнадцатого года, кроме, пожалуй, Василия Витальевича Шульгина. А ведь при всем шутовстве, позерстве и каком-то грошовом политиканстве был и в Александре Федоровиче кусочек правды, и что-то от России нашло в нем выражение.

А этот кусочек правды и не такой уж махонький, чтобы не заметить и втоптать в навоз. Пытался Александр Федорович вывести Россию к новой жизни меж двух берегов из огня...

«Прошло семь месяцев с тех пор, как я в последний раз видел Керенского, — писал Набоков в мае 1918 г., — но мне не стоит никакого труда вызвать в памяти его внешний облик... Его внешний вид — некоторая франтоватость... почти постоянно прищуренные глаза, неприятная улыбка, как-то особенно открыто обнажавшая верхний ряд зубов... Он был недурным оратором, порою даже очень ярким... При всем том настоящего, большого, общепризнанного успеха он никогда не имел. Никому бы не пришло в голову поставить его как оратора рядом с Маклаковым или Родичевым или сравнить его авторитет как парламентария с авторитетом Милюкова или Шингарева... При всей болезненной гипертрофии своего самомнения он не мог не сознавать, что между ним и Милюковым — дистанция огромного размера. Милюков вообще был несоизмерим с прочими своими товарищами по кабинету как умственная сила, как человек огромных, почти неисчерпаемых знаний и широкого ума...

С упомянутым сейчас болезненным тщеславием в Керенском соединялось еще одно неприятное свойство: актерство, любовь к позе и, вместе с тем, ко всякой пышности и помпе. Актерство его, я помню, проявлялось даже в тесном кругу Вр. правительства, где, казалось бы, оно было особенно бесполезно и нелепо...

«По-своему» он любил Родину — он в самом деле горел революционным пафосом, — и бывали случаи, когда из-под маски актера пробивалось подлинное чувство. Вспомним его речь о взбунтовавшихся рабах, его вопль отчаяния, когда он почуял ту пропасть, в которую влечет Россию разнузданная демагогия... Он органически не мог действовать прямо и смело, и, при всем его самомнении и самолюбии, у него не было той спокойной и непреклонной уверенности, которая свойственна действительно сильным людям...»

Небезынтересны показания генерала Спиридовича¹.

«Керенский, как социалист-революционер, был проведен в IV Государственную думу Центральным комитетом трудовой группы с условием, чтобы в Думе он вошел во фракцию трудовиков, что им и было выполнено. Находясь всегда в оппозиции к правительству и ведя с ним энергичную борьбу с думской трибуны, Керенский в годы войны начал бороться с правительством также и путем подпольным.

Звание депутата и даваемая им гарантия неприкосновенности способствовали успеху его подпольной деятельности и давали возможность отлично сочетать ее с работой легальной. Успех гласных выступлений и авторитет члена Думы содействовали популярности Керенского в рабочих и солдатских массах, где всякая революционная работа интеллигентным людям, не прикрытым неприкосновенностью депутата, во время войны являлась почти невозможной...»

12 июня 1970 г. в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось собрание избирателей Бауманского избирательного округа по выборам в Совет Союза. С речью выступил генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

13 июня «Правда» напечатала речь Брежнева.

«Много внимания партия уделяла в истекшие годы развитию сельского хозяйства... никогда еще мы не производили столько зерна и других сельскохозяйственных продуктов...»

Партия помнит указание Ленина о том, что коммунистам не пристало бояться серьезной деловой критики и самокритики на том основании, что этим может воспользоваться враг. «Кто этого боится, тот не революционер», — говорил Ленин. А мы, товарищи, были и остаемся революционерами. (*Бурные аплодисменты.*)...»

В той же газете на пятой странице было помещено уведомление:

«Смерть Керенского.

Нью-Йорк. ТАСС. Вчера в Нью-Йорке на девяностом году жизни умер бывший глава буржуазного Временного правительства России Керенский».

И ничего больше, даже ни имени, ни отчества.

Мстительно это победившее братство.

Сергей Есенин писал: «Живущий в склепе пахнет мертвечиной».

Тут ею пропахли едва ли не все...

А тогда, после крушения государства капиталистов-плутократов, Россию ждали изобилие и самая большая свобода — Ленин это вычислил точно.

К месту будут строки, завершающие первую главу воспоминаний генерала Врангеля:

¹ См.: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886—1916. Пг., 1918.

«По призыву Царя русский народ поднялся на защиту родной земли, и русские воины шли на бой с германскими полками. Теперь тот же русский народ, убивший своего Царя, грабил и жег родную землю. На защиту этой земли встали немногие честные сыны Родины. Как преступники, скрытно пробирались они через кордоны немецких войск, занявших часть Отечества, для того чтобы под старыми знаменами начать борьбу за честь и свободу родной земли. Эту честь и свободу попирали потерявшие совесть русские люди, их недавние соратники.

Грозный призрак междоусобной брани повис над Россией».

На обращение Алексеева откликнулись немногие. К концу ноября всех добровольцев — около двухсот: в основном юнкера и офицеры. И это — армия! Да где же оно, русское офицерство?! Кто же тогда за Россию?! Срам!

Средств вообще нет. Первый взнос делает сам Алексей — 400 рублей, все сбережения генерала.

За Корниловым в Новочеркасск пробираются Деникин, Романовский, Эрдели, Марков, Лукомский, Ронжин, Врангель, позже Дроздовский, Туркул, Кутепов, Слащев...

Такое впечатление — выжидает белая Россия, а получится ли у генералов? Получится — тогда и мы с нашим удовольствием. А как же рисковать без гарантий, да на пустом месте? Вырождение проело Россию — ту Россию, за которую подняли российский стяг Алексей, Корнилов и Деникин. Бело-сине-красный...

Медленно, натужно идет формирование армии. Каждый, кто вступает, должен иметь поручительства от уже двоих вступивших. Армия только добровольная и только на чести.

Алексеев оставляет за собой финансово-хозяйственное обеспечение белого движения и вопросы внешней политики. Корнилов берет на себя главнокомандование над новой, пока еще не существующей армией — у нее до сих пор и названия нет.

Этот маленький упорный человек с жилковатыми коричневыми глазами не признает смерть — это выдумки для слабодушных. Он уже не раз наведывался в ее уголья. Так, ничего, даже, можно сказать, лучше там, когда боль: гаснет она, эта боль, как и сознание, — там ни времени, ни шутовства, ни предательства — всего того, что люди именуют настоящей жизнью.

От мыслей о предательстве Корнилова перекашивало. Эта жизнь, кажется, вся замешена на двоедушии. Предают семью, любимую женщину, долг, Россию... Но дело, важнее всего дело... и победа! Он присягал победе. Его имя будет воплощать победу, сплетется с победой. Лавр под сенью лавра — а чем плохо?..

Русского, еще пуще казачьего, не стесненного, не задушенного расчетом, в нем было с лихвой. И не человек, а ртуть. И женщин — не замечал: а на кой, ежели есть родимая (нет слаще голоса и рук),

да с детками... Увезет с собой в эмиграцию Деникин детей павшего генерала Корнилова.

Пусть земля будет пухом им — и Корнилову, и Деникину...

Корнилов не сомневался: Россия с признательностью вычеканит его имя. Он, Лавр Корнилов, даст ей новую жизнь. Поруганная и униженная, она распрямится, он подставит ей свое плечо.

Да разве позволит он растоптать, развеять, пустить по ветру Петрову Русь — творение миллионов русских!

Зачем мученичество, любовь, боль, риск? Зачем все?..

Это его час!

Да, да, Россия и он, Лавр Корнилов!..

Начальником штаба армии утвержден генерал Лукомский.

Все хорошо, вот только армии нет.

Затаилась по углам Россия и выжидает, авось обминуется...

Александр Сергеевич Лукомский был на два года старше Ленина, и в 1918-м ему набегит пятьдесят. Образование получил в Полтавском кадетском корпусе и Николаевском инженерном училище. Академию Генерального штаба Александр Сергеевич окончил в 1897 г. — на год «запозже» Корнилова; почти все время и прослужит в Генеральном штабе, причем с 1909-го по 1913-й — начальником мобилизационного отдела Главного управления — святая святых Генерального штаба, после чего станет помощником начальника канцелярии военного министра. И уже привыкнет видеть за окнами Зимний. Понемногу поймет его уклад жизни. Что ни день — то в солнышке, то в пелене дождя или тумана, то за снежными вихрями — Зимний! И Александрийский столп! Да разве ж он предаст это, отступится?! И твердо, размашисто осенял себя крестом.

Образумится Россия, должна образумиться...

С начала мировой войны Александр Сергеевич — начальник этой высокой канцелярии — сидит в соседнем кабинете с Сухомлиновым. В июне 1915 г. его назначают помощником военного министра. В апреле 1916-го получает 32-ю пехотную дивизию и летом участвует в знаменитом Брусиловском прорыве. Александр Сергеевич доказывает, что он не штабная крыса. Его дивизия слывет одной из лучших. Он получает один орден за другим.

С 21 октября 1916 г. он — генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. В апреле 1917-го Александр Сергеевич — командир 1-го армейского корпуса, а со 2 июня — начальник штаба Верховного главнокомандующего (второй после самого Алексея). Штабист первой величины. И Алексеев и Лукомский — коренные русаки.

При генерале Деникине (после гибели Корнилова) Александр Сергеевич числился помощником главнокомандующего Добровольческой Армии и начальником Военно-морского управления.

Это по распоряжению Лукомского будет повешен знаменитый красный комбриг Кочубей, который с частью своих войск переметнется к белым.

С марта 1920-го Лукомский в Константинополе представляет

Врангеля при Союзном командовании. О белом движении оставит два тома отличных воспоминаний, скончается в Париже.

Не о таких ли русских генералах в зарубежье писал Иван Бунин:

«...На третий день Пасхи он умер в вагоне метро — читая газету, вдруг откинул к спинке сиденья голову, завел глаза...

Когда она, в трауре, возвращалась с кладбища, был мирный весенний день, кое-где плыли в мягком парижском небе весенние облака, и все говорило о жизни юной, вечной — и о ее, конченной.

Дома она стала убирать квартиру. В коридоре увидела его давнюю летнюю шинель, серую, на красной подкладке. Она сняла ее с вешалки, прижала к лицу и, прижимая, села на пол, вся дергаясь от рыданий и вскрикивая, моля кого-то о пощаде...»

России надлежало преодолеть в себе то грязное, гнойное, что стало препятствием для развития, движения. Кризисом такого внутреннего развития народа, вспышкой застарелой болезни духа, нравственной основы народа и явилась ленинская революция.

Антивоенная агитация и пропаганда Ленина, лозунги Октябрьской революции превращают Россию в бурлящий котел. Ненависть и насилие со всех сторон подступают к крохотному белому островку.

В декабре 1918-го штаб и все ничтожные воинские формирования переходят из Новочеркаска в Ростов.

Алексеев и Корнилов недолюбливали друг друга, примирял их обычно Антон Иванович Деникин. Может, неприязнь зародилась еще при уходе Рузского по болезни с главнокомандования Северным фронтом. Военный министр вознамерился назначить Корнилова, а генерал Алексеев как Верховный главнокомандующий решительно воспротивился. Но скорее ревность развела генералов.

27 декабря 1917 г. в Ростове штаб армии выпускает воззвание, которое провозглашает рождение новой армии, цели и причины движения (это как раз пора унижительных переговоров советской власти с немцами в Брест-Литовске):

«Пусть каждый знает, во имя чего создается Добровольческая Армия.

...Германия, пользуясь нашим настроением и прикрываясь обманным лозунгом мира, овладевает нашей Родиной. В Петрограде государственная власть уничтожена, и германский штаб диктует стране свою волю. Германии нужно продление в России разрухи и беспорядка, дабы не было со стороны законной власти отпора ее хищным вождениям. Преступный мятеж большевиков сознательно нарушил выборы в Учредительное собрание. Ныне же надежда исстрадавшегося русского народа, Учредительное собрание, срывается наемниками немцев. Но завладеть всецело Россией можно лишь после полного уничтожения ее вооруженной силы. И вот наша армия, выдержавшая стойко три года войны, разрушается не открытой силой извне, но изнутри, силой предательства и изме-

ны... Цель эта (Германии. — Ю. В.) — полное экономическое поражение России. Хранитель русских богатств, благодатный юг, обречен в будущем, по немецким расчетам, на окончательное рабство. Сейчас немцы стремятся немедленно завладеть южными нашими областями, дабы их средствами спасти Германию от грозящего ей истощения...

Создавшееся положение требует героических мер. В сознании смертельной опасности, угрожающей нашему Отечеству, русские люди должны забыть все разъединяющие их различия взглядов, партий, состояний и положений, должны слиться в едином могучем порыве. Разрастаясь и ширясь, он свяжет единой действенной волей к спасению России все государственно мыслящие силы страны, все слои широкой народной массы. Объединенными усилиями они должны ковать оружие защиты и освобождения. Нужна организованная военная сила, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Долг всех русских людей — немедленно приступить к созданию этой силы, к образованию мощной духом и воинской дисциплиной Добровольческой Армии. В ней найдут место все, кто исполнен мужественной решимости поднять меч на защиту Отечества. Нужны средства, нужны люди. Пусть каждый внесет в это великое дело посильный дар. Сильные да войдут в ряды, слабые да помогут в деле организации и патриотической проповеди. Добровольческое движение должно быть всеобщим...

Армия эта должна быть той действительной силой, которая даст возможность русским гражданам осуществить дело государственного строительства Свободной России...

Новая Армия должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ — выявит через посредство свободно избранного Учредительного собрания державную волю свою. Перед волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая Армия...

Да будет это последним походом русских людей в эту тяжелую годину и да завершится честно и грозно святое дело освобождения России.

За свободную волю Русского народа — за Учредительное собрание — за возрождение Великой России!»

В основу положен добровольческий принцип: никаких мобилизаций и принуждений. Отсюда и название армии: Добровольческая. Очень скоро армия прибегнет к мобилизации не только офицерского состава, но и всего здорового мужского населения. Многие белые части будут на 60—80 процентов укомплектованы даже за счет пленных красноармейцев. Этим пленным станут сплошную пришивать погоны, чтобы в переменчивом ходе боя от них нельзя было избавиться и перебежать к красным.

Начальником первой дивизии назначен Деникин, хотя к январю 1918-го вся армия насчитывает около двух тысяч штыков — неполный полк старой армии. Ей-богу, курам на смех!..

До армии еще — дистанция космического размера, но это не сбивает с толку белых вождей. Пусть горстка людей, начнем с нею. Русь не останется глухой. Чай, из православных...

Генерал Алексеев, голос которого и манера выражаться отчетливо прослеживаются в декабрьском белом воззвании, провозглашен Верховным руководителем Добровольческой Армии. В его ведении по-прежнему хозяйственно-финансовое обеспечение движения и все, что относится к внешней политике.

Армия гола, без оружия и каких бы то ни было припасов. Готовы помочь немцы, но руководство Добровольческой Армии отвергает любые соглашения с ними.

Алексеев направляет к союзникам адъютанта, напутствуя его:

«Прошу вас хорошенько усвоить мой взгляд и твердо передать нашим союзникам, что вы являетесь к ним не как захудалый родственник за подачкой, а как посол России и что вы явились не просить, а требовать немедленной помощи. Скажите им, что если они теперь не помогут нам в борьбе с большевиками, то сами погибнут от них. Еще раз повторяю вам, что это вы должны сказать твердо. Если вы это сделать не можете, то лучше ничего не говорите, а только передайте эти письма».

Александра Васильевича Колчака генерал Корнилов намечает в состав будущего правительства.

Шульгин был одним из идейных организаторов белого движения. Деникин писал ему:

«Вы боретесь мужественно. Мы это ценим. Что же касается монархии, то это только форма правления. Возможна конституционная монархия, возможна и толковая республика. Восемьдесят процентов моих офицеров — монархисты. Но казачество скорее республиканцы, а казаков — большинство в Добровольческой Армии».

Разумеется, Шульгин не мог остаться в стороне от дела, в которое старался вдохнуть жизнь. Он пробирается на юг.

«В Екатеринодаре я стал издавать газету «Россия», — вспоминал Шульгин полвека спустя во Владимире. — Если память не изменяет, первый номер вышел пятнадцатого августа (1918 г. — Ю. В.)...

В свое время считался командующим генерал Алексеев, бывший главком всей царской армии (Алексеев был начальником штаба Верховного главнокомандующего, которым являлся сам император Николай Второй. — Ю. В.). Но он уже был стар и слаб, фактически командовал Деникин, у которого был начальником штаба Романовский, а вроде как бы правительством — генерал Драгомиров.

Все эти лица участвовали в этой беседе... со мной.

Совещание открыл генерал Алексеев:

— Мы желали бы поговорить с вами относительно газеты «Россия». Вот Антон Иванович скажет.

Он начал так:

— Мне кажется неподобающим общий тон газеты. Вы употребили слово «чернь» вместо слова «народ». Кроме того, вы очень выпячиваете монархизм. Конечно, много офицеров-монархистов. Но у вас выходит так, что единственная цель Добровольческой Армии — восстановление монархии. Это не так. Ваша газета названа «Россия». Это — правильное название. Попираемую Россию мы и хотим восстановить. А форма правления — это вопрос второго порядка.

Выслушав это, я ответил так:

— ...Я приехал сюда исключительно с целью помогать Добровольческой Армии, ни в коем случае не мешать... Поэтому я устраняюсь... Я не буду делать скандала, я не стану закрывать только что открывшуюся газету, но я лично больше в ней писать не буду. Будут писать другие... которые не будут вам мешать, а будут помогать...

Наступила длительная и тяжелая пауза...

Деникин почувствовал, что сочувствие других генералов на моей стороне. Он махнул рукой и сказал:

— Пишите что хотите! Только вставьте на манжетке, что газета «Россия» — ваше независимое издание.

На этом совещание окончилось».

Белая армия. Алексеев, Колчак, Корнилов, Деникин, Врангель...

Красная армия. Троцкий, Фрунзе, Тухачевский, Егоров, Буденный, Думенко, Миронов, Сокольников, Якир...

Две армии одного народа.

Кто уходил в белые, как бы заявлял: «Я против свободы и счастья народа». Ведь Ленин и большевики провозгласили своей целью мир, свободу и счастье народа. Это сразу выводило белую армию в разряд коренных врагов трудового народа.

Зато белые объявляли красных изменниками, предавшими Отечество немцам (один Брестский мир чего стоит), и хриstopродавцами (что тоже имело основание).

И сошлись две армии одного народа в схватке — пощады не было никому. Сечь без пощады. И не свои против своих, а два разных мира — не ужиться одному с другим. Два народа в одном народе, но несоединимые. Один язык, одни лица, а совершенно чужие.

И сошлись в смертном бое.

Красные.

Белые.

Примирение между этими мирами (но частями целого) было невозможно — каждый владел какой-то частью общей правды, а вместе они соединиться не могли. Сначала должен изболеть народ. И возвыситься над злом — это и будет означать преодоление кризи-

са. А этот кризис на десятилетия, может, на века. Суть в народе, новой нравственности народа.

И сейчас это вроде бы давнишний кризис — все в той же критической точке, даже еще глубже ушел. Не изжито зло, но уже ясно обозначилось в сознании народа то, чего прежде не было: люди поняли (пусть робко), начинают понимать, смутно чувствовать, что нельзя без души. Выражением этого процесса и является возрождение интереса к религии, храмам и вообще милосердию, добру. Это еще очень слабое, почти неуловимое прозрение, первый слабый свет его — но это уже знамение начала этого процесса. Здоровые силы народа ищут самоисцеления и обращаются к Добру.

Это первый признак выздоровления. Все дело в том, хватит ли у народа душевных сил шагнуть из зла, которое ему нарекли в божество, а он принял его и поклонялся ему, дав болезни столь глубоко, страшно глубоко проникнуть в свое тело.

Ведь суть не в том, как развивать промышленность и за кем будет земля (хотя это — вещественное выражение степени поражения заразой зла и ненависти, нетерпимости и себялюбия), а в том, насколько народ проникся отрицанием насилия, изживанием в себе демона насилия, отторжением зла. Только в осознании этих истин, осознании сердцем, душой, — выздоровление народа. Только здесь обновление.

Иначе не перешагнуть через распри, не быть народом.

Это внутренняя логика развития наций и народов. Или сойти с исторической сцены, упорно исповедуя зло, раствориться в вечном мире людей (тем и гасится зло — распадением сообщества зла). Или самим оставаться великой твердью, к которой пристают все потерпевшие крушения.

У Петра Николаевича Врангеля в воспоминаниях есть слова:

«Нужно сказать правду, что, за исключением социалистических элементов (это преимущественно большевики и левые эсеры. — Ю. В.), с одной стороны, и отдельных лиц, главным образом из военных (это прежде всего Корнилов, после Алексеев, Деникин, Колчак, Миллер, Юденич. — Ю. В.), — с другой, бездарность и безволие проявляло в равной мере все общество. Растерянность, безразличие, столь свойственные русским людям, неумение договориться и организовать, какое-то непонятное легкомыслие и болтливость наблюдались кругом. Все говорили о необходимости организовать, все на словах конспирировали (то есть готовы были к образованию секретных и прочих организаций. — Ю. В.), но серьезной работы не было».

Однако полоса безволия русского общества внезапно оборвалась. Решимость небольшого количества военных родила вооруженный отпор захватчикам власти.

Во веки веков — Россия!

Родина под двуглавым византийским орлом!

К середине января 1918 г. отряды добровольцев под командованием Деникина выдвинуты за Таганрог. Необходимо прикрыть свою базу — Ростов. Они на месяц задерживают красных. Короткие жестокие бои без пленных.

Марина Деникина-Грей вспоминает об отце времен Ледяного похода, очевидно, по рассказам матери — молодой и верной подруги боевого генерала, обнажившего меч против едва ли не всей России, одурманенной ядом большевизма:

«...Грузноватый, лысый. Усы и борода седоватые. Стального цвета глаза под густыми черными бровями. Он верит во Всевышнего, Родину и справедливость. Ему сорок шесть, и он всего как пять недель женат».

Любовь, кровь, ледяные могилы, казни, надежда, ненависть, штыковые атаки против своих же русских, нежность, объятия и безграничная вера в правоту белой идеи — все соединилось, слилось в один огненный поток дней и чувств.

Бред любви, дорогих прикосновений — и бред, крики искалеченных бойцов; смертные вопли пленных под саблями и прикладами — и ласки, надежда на жизнь и счастье высокого синего неба.

Вперед, господа!

Россия с надеждой и верой взирает на нас из веков! Мы возродим святую Русь! За святую Русь!

В ночь с 22 на 23 февраля 1918 г. Добровольческая Армия выступает на Екатеринодар (будущий Краснодар), пока свободный от красных. Там сражается Кубанская Добровольческая Армия. Вся вооруженная рать Корнилова — две с половиной тысячи офицеров, юнкеров, кадетов (это юноши 14—16 лет) и студентов с ничтожным количеством солдат-добровольцев. Ни лекарств, ни бинтов и никакой хирургии вообще. Нет даже в достатке еды, а боеприпасы надо брать с боем у красных, других нет.

Это тот самый знаменитый Ледяной поход белой гвардии — через еще ледяную степь, насквозь продуваемую зимними ветрами; в отдельные же дни степь вытаивала в безбрежное болото¹. Оказаться раненым — почти верная погибель. На повязки рвут нателеное белье, нет даже йода, все лекарство — студеная вода. А раненых, Господи!..

В Ледяном походе полковник Кутепов командует сборным отрядом: юнкера, солдаты, чиновники, кадеты, горстка интеллигентов. Всех единит святость цели. Россия возродится! Они очистят ее от немцев (сколько топчут родную землю!) и большевиков с Лениным и Троцким. Ничего, что их, добровольцев, здесь, в кубанской степи, так мало. Россия воспрянет!

Детскими своими годами Марина Деникина-Грей помнит Александра Кутепова. Сквозь толщу лет она всматривается в тот далекий образ:

¹ Деникин утвердит особый знак — «За Ледяной поход»: лавровый венок из серебра с мечом посредине.

«Бывший командир Преображенского полка¹, история которого восходит к Петру Великому. Смуглый, с квадратной бородой. Коренастый. Изящно-щеголеватый. Холостой...»

Население враждебно к белым (их еще называют «кадетами»): победят — стало быть, землю отымут.

Каждая верста дается с боем и надрывом. За армией, то бишь неполным полком, тащится обоз: штабы, женщины, раненые.

Генерал Марков командует офицерским сводным полком. Вот его портрет, списанный, как говорится, с тех дней: «Герой Великой войны (мировой, против немцев. — Ю. В.). Весь из мускулов. Волосы и бородка черные как смоль. Сентиментальный и суеверный, грубый и храбрый. Под его обаяние одинаково поддаются и женщины и мужчины. В походе ему было 39 лет. Он женат, у него двое детей».

Под Медведковской решалась судьба корниловцев: вырвутся из кольца железных дорог — будут живые и среди них. Впереди ждали рельсы, товарняк красных с патронами и снарядами.

Марков каждым выстрелом распоряжался — пушку поставил на прямую наводку. Многие господа офицеры шли в атаку без винтовок — у груди несли снаряд для пушек.

Марков первый вскочил на паровоз. Машиниста — штыком в живот. Тот:

— Товарищи, товарищи!..

Да только уже нет «товарищей». Били в вагонах всех без разбору: солдат, матросов, баб, раненых. Один жуткий мат, хрип, рев...

Белые добыли патроны и снаряды, перерубили кольцо железных дорог, ушли в вольную степь.

Маркова называли «храбрецом среди храбрейших». Равных по бесстрашию ему не было. Сам водил господ офицеров в штыковые атаки, и не раз, и не два... В злой пулеметной метели бежал впереди, и всегда — с солдатской винтовкой наперевес.

Был роста невеликого, усы и борода — под последнего императора... Спереди, как и положено, под шеей у воротника солдатской гимнастерки, крупный крест — Станислав с мечами. Глаза имел живые, как говорили, «со светом». Пал Марков незадолго до своего

¹ Что Кутепов был командиром Преображенского полка, справочники (из известных) не подтверждают. Скорее всего, он им не был. К такой должности непременно предполагались генеральское звание и придворный чин.

С 1915 г. командиром лейб-гвардии Преображенского полка являлся генерал-майор свиты, флигель-адъютант Александр Александрович фон Дрентельн. А. А. Мосолов писал: «...он, думается мне, был единственным близким, к которому государь был более других привязан, не считая, понятно, Фредерикса. Беседы с ним были царю по душе...» (М о с о л о в А. А. При дворе последнего императора. С.-Петербург, «Наука», 1992, с. 170).

Для тех, кто интересуется личностью последнего императора, его семьей, окружением, придворными, обычаями и церемониями двора, воспоминания Александра Александровича Мосолова дают, пожалуй, наиболее серьезное представление.

сорокалетия — 25 июня 1918 г., в самом начале так называемого второго Кубанского похода (под первым подразумевается Ледяной).

И его зароят — ни креста, ни камня — а чтоб не надругались. Шибко способна на это Русь — гадить и плевать на могилы. Лег Марков — и нет больше. Только небо во всю ширь. Метра два-три земли, а над нею — небо, всегда небо...

Во веки веков живи, Россия!

Нет тыла — кругом смерть.

Чуть-чуть пройдут, вроде распрямятся, а уже выстрелы и крик: — В цепь, господа!

Под огнем зарывайся в грязь, чем глубже — тем сохранней. И не елозь, мать твою, задницу продырявят. Славно стреляют красные солдатики, сами их обучали прицелу, мать их!.. Ишь бежит водичка, а все одно — не крути рылом... В штыки, господа!.. А как в штыки, мать твою?! Да на сапоге по пуду грязи. И каждый раз изволь вытащить ногу, а вперед надо, и лучше бы рысью: чем быстрее — тем сохранней. Ведь кладут на выбор, мать их всех, краснопузых!..

С Богом, господа!

А после... после не обсохнуть и не присесть. Папиросы мокрые, вообще все мокрое. В груди жжет — лакай из лужи. Одна отрада — первач: и уж ни холода, ни дрожи в ногах...

— Господа, есть добровольцы расстреливать пленных?..

И поднимаются: шибко много злобы за убитых друзей, сожженные дома, поломанную жизнь. И расшибают в мешок с костями своих же русских. А после глушат самогон. Потому что если не мы их, то они нас. Нет без этого Гражданской войны. Нет тыла — кругом смерть, ибо тотемный знак России — трупы... И первый среди первых — сынок генерала Алексеева.

Подробное описание похода оставил офицер Роман Гуль — будущий русский писатель в эмиграции. Вместе с братом дрался в передовых цепях добровольцев.

По позднейшим отзывам генерала Врангеля можно судить о боевых качествах Красной Армии: «Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо». Барон не без горечи и гнева пишет о зверствах красных. Даже ему, военному человеку, отвоевавшему мировую войну день в день и всякого навидавшегося, такое в диковину.

«...Часть офицеров была убита (при нападении красных. — Ю. В.), лишь немногие успели спастись. Некоторые перед смертью подвергались жестоким истязаниям. У Влескова (бывшего подчиненного генерала Врангеля в войне против Германии, храброго кавалерийского офицера. — Ю. В.) были перебиты обе руки и ноги и содрана кожа с черепа. Он был подобран крестьянами... После продолжительной болезни он был перевезен разыскавшим его братом... Я немедленно поехал навестить его. Блестящий офицер, ред-

кой красоты юноша был теперь совсем неузнаваем. Одна рука была по локоть ампутирована, пальцы другой были сведены, передвигаться он мог лишь с помощью костылей. Череп был до сего времени покрыт незажившими рубцами...»

А вот наблюдения Врангеля в месяцы командования кавалерийской дивизией на Северном Кавказе.

«Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков, некоторые... выжжены до тла, много черкесов расстреляно и замучено. В одном... несколько десятков черкесов были живьем закопаны...»

Во всех кубанских станицах красные прежде всего расстреливали стариков — это были носители казачьих традиций. Проще всего традиции похоронить вместе с людьми. Зверски обходились с казачками. Их насиловали, позорили, возили в обозах, после пристреливали.

«Почти все солдаты красной армии имели при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период гражданской войны, где одна сторона (белая. — Ю. В.) дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то смутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны, имея неприятеля и впереди и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков (то есть не получая снабжения. — Ю. В.), части невольные смотрели на военную добычу как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно (а это восстанавливало население против. — Ю. В.). Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у пленных деньги и все попавшее в руки войсковой части имущество распределялись между казаками особыми комиссиями... а все имевшее исключительно боевое значение передавалось в дивизионное интендантство...»

Врангель отмечает отсутствие тыла у белой армии (в первую половину борьбы). Никаких запасов имущества и боеприпасов не было. «Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой Армии, производилось исключительно за счет противника...»

Но это все впереди, а пока офицеры, юнкера, кадеты и горстка верных солдат прибывают к Екатеринодару.

14 марта кубанцы покидают Екатеринодар. В столице казачества — советская власть. Это удар! С кем теперь соединяться добровольцам?..

Из Новороссийска красные матросы подвезли тяжелую морскую артиллерию. Город опоясывают траншеи. Не отдых и пополнения ждут добровольцев, а снаряды, пули и штыки.

Красная правда и белая правда.

24 марта соединяются отряды добровольцев и белоказаков. Теснят их со всех сторон, шибко пускают кровь, норовят извести на корню заразу контрреволюции. От Ленина приказ — всех положить в землю, не дать разрастись мятежу.

Белые только грядутся. Не отлежаться, не уйти: нет тыла — кругом смерть.

Корнилов диктует приказ: штурмовать город!

Будущей армии нужна настоящая база. Без нее как начинать освоение России? И потом... из всех углов, самых паршивых уездов и волостей смотрят — а как у белых?..

Надо победить, победа собирает под знамена людей.

На штурм, господа!

13 апреля в многодневном штурме Корнилов убит: разрыв снаряда впритык с домом, где он принимает доклады... Его выносят на воздух: гибель мгновенная, а на теле — ни ран, ни даже царапины. В неполные 48 лет оборвала смерть полет генерала к славе и возрождению любимой России. Одногодок Ленина, он прожил на шесть лет меньше. Красная правда, правда Ленина, перешибла белую... Ой ли?..

Свято верил в свою звезду Лавр Георгиевич. Да, видать, закатил ее Господь Бог. Нет ему дела до белой правды и какого-то Корнилова. Метет он дорогу перед Лениным, красными...

А Лавр Георгиевич понадеялся — и шагнул... в пустоту...

Да кому же ты святишь дороги, Создатель?!

Огненным Крестом — жар схождения двух правд. Одна часть народа сживает со свету другую, и нет между ними примирения. И не будет.

Алексеев пятится с Добровольческой Армией к Дону. Престарелый генерал не дал рассыпаться армии. Его имя свято для каждого русского офицера. Генерал Корнилов зарыт. Никто не знает где — это приказ Алексеева. Чтоб не надругались... Жирной кубанской землей завалили генерала — не встать, не увидеть небо, не позвать за собой друзей-воинов... Очень много земли на груди генерала, а он верил в свою звезду и Россию...

Армия наполовину изранена, истреблена, рассеяна. Полковник Дроздовский более чем кстати со своими офицерами: достойное восполнение потерь. Если бы Бог еще одарил такими вот отрядами — развернулась бы армия. Но вскоре восстание донского казачества

даст ошеломляющую мощь белому движению, казалось бы обреченному и бесплодному в самом зародыше.

Восточный фронт, то есть урало-сибирская контрреволюция, на полтора года прикует силы молодой Республики Советов. Под прикрытием этой грозной контрреволюции, воплощаемой звонко-торжественным именем адмирала Колчака, взматерееет и превратится в смертную опасность южная контрреволюция во главе с Деникиным.

Над Югом России расправляется трехцветный стяг: бело-синекрасный.

Отче, помоги творить Твою волю!..

«Последнее дело на земле» — называет свои хлопоты по созданию Добровольческой Армии Алексеев.

Он заболевает воспалением легких. Сердце не выдерживает, и 8 октября все того же, 1918 г. Михаил Васильевич умирает, пережив Корнилова на неполных шесть месяцев. Был ему 61 год. Мера дела его исполнена, и душа чиста перед Богом.

Из интервью дочери генерала Алексеева Веры Михайловны журналу «Европа+Америка» (1991, № 2):

«Отец скончался 25 сентября 1918 г. (по старому стилю). Тогда все считали его стариком, а ведь ему исполнился только 61 год. Его изнурила война, колоссальная ответственность лежала на нем. Особенно тяжелым был 1915 год, когда немцы предприняли четыре страшнейших наступления и надо было спасти армию. Правда, Польшу пришлось почти всю оставить, но армия не была уничтожена, чего хотели добиться немцы. Отец ночами не спал, почти не ел, держался на одном черном кофе. И это окончательно подорвало его здоровье, у него открылась болезнь почек...

Сначала мы захоронили его в Екатеринодаре. А когда уезжали в Югославию, то с благословения владыки Антония вывезли тело отца в Белград. Мы очень боялись, что с ним сделают то же, что и с телом генерала Корнилова. Знаете, наверное, эту историю? После гибели Корнилова его тело хотели захоронить как полагается... но так получилось, что генерала пришлось похоронить в поле, и план этого места был зарисован. Кто-то из местных жителей выдал это место большевикам. Они выкопали тело Корнилова, привезли в Екатеринодар, издевались над ним, а потом то ли сожгли, то ли из пушки выстрелили... Поэтому мы увезли тело отца. В Белграде удалось купить могилу и поставить отцу памятник... Отцу сооружен еще один памятник — в Париже, на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Памятник алексеевцам и генералу Алексееву...»

«Памятник алексеевцам и генералу Алексееву».

Остается добавить, что, когда Вера Михайловна давала это интервью весной 1991 г., ей был 91 год. «Я живу Россией», — сказала дочь основателя белого движения.

«...Выдал это место большевикам» — все доносим, выдаем, предаем, растлеваем, лжесвидетельствуем... Да что же это? Когда рус-

ские распрямятся, гордо вскинут головы и предпочтут смерть за правду и Родину, но не бесчестье и похлебку безродной рабочей силы?

Русь!

Ледовое побоище. Куликовская битва. Полтавское сражение. Бородино!..

Молодая Россия!

Белое дело на Юге России принимает генерал Деникин.

Летом 1918 г. белые осваивают часть Северного Кавказа, в основном Кубань. Здесь командует кавалерийской дивизией генерал Врангель. Здесь его едва не зарубят. Он останется один перед красными всадниками, положившими семерых его офицеров и одного солдата. У барона не окажется ни пистолета, ни шашки. Пробежав по пахоте, он чудом успеет уцепиться за санитарную линейку. Красные было пойдут в погоню, но отстанут. Совсем рядом собирались белые сотни...

С кубанскими казаками армия подрастет аж к 35 тыс. штыков и сабель. Костяк ее — соединения под командованием отважного генерала Кутепова (сначала — дивизия, после — корпус). Эту дивизию (корпус) составляют «именные» полки: Алексеевский, Корниловский, Марковский и Дроздовский.

Полковник М. Г. Дроздовский прибыл в Добровольческую Армию походным порядком с бывшего Румынского фронта (внушительный отряд офицеров в 1100 штыков, как тогда выражались). Дроздовцы прибыли к завершению Ледяного похода — 8 мая 1918 г. Весь отряд тут же по приказу Деникина брошен в бой. Это было как знамение Божие, как щедрость Создателя. Вот-вот должна захлестнуться петля на шее белых — нет резервов, нет базы. И вдруг мощный кулак из фанатично убежденных воинов, да каких! Каждый прошел боевое крещение, знал риск, был ранен, имел награды. Это были не штабные шаркуны и не думские ораторы, а железные воины.

Дроздовский был исключительным человеком. И внешность его запоминалась, просто так не могла затеряться в памяти.

В те отяжелевшие от крови месяцы он был худощаво строен. Изпод козырька офицерской фуражки смотрели умные серые глаза за щегольским пенсне. Сама фуражка — замятая, с армейским шиком. В худоватом, удлиненном лице и посадке головы — выражение непреклонной воли. Во всем облике было что-то от коршуна. Знал этот боевой офицер цену риску, страданиям и воле.

Генерал Дроздовский (а он был произведен Деникиным в генералы) будет ранен. Рана даст осложнение, и в 1919 г. он умрет. Имя его станет носить один из лучших полков белой гвардии.

«Продолжая наступление, дивизия (ею командовал Врангель. — Ю. В.) 28 октября подошла к станице Сенгилеевской, — рассказывает Петр Николаевич Врангель. — Противник, разбитый и подав-

ленный предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардом, отошел на Ставрополь. 30 октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города...

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеленой нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, изредка, то здесь, то там, вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступавших сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к дереву, стояли кони и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший вернулся я в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с прекусным местного изделия сыром, лег спать. На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части... Дроздовского, 3-я пехотная дивизия понесла жестокие потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль железной дороги, при этом был ранен... Дроздовский...

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей...

Я с трубачами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где еще шла перестрелка. На улице и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбежал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку...»

Борис Михайлович Шапошников накануне мировой войны служил в Варшавском военном округе, по роду службы близко знал всех его офицеров. Тогда-то он и познакомился с капитаном Дроздовским. Он запомнился ему таким: «Энергичное лицо, сжатые губы и холодный взгляд голубых глаз».

Это было само воплощение воли, ума и отваги. Он был подлинным рыцарем белого офицерства.

Вообще вожди белой правды отличались мужеством, свойственным русскому офицерству. Несмотря на возраст и чины, сами водили подчиненных в штыковые атаки. Что это такое — представить очень сложно даже при богатом воображении.

Кроме данных соединений, Добровольческую Армию составляли и другие корпуса, дивизии и бригады; отдельные из них особенно Кутеповский (Добровольческий) корпус, едва ли не сплошь представляли офицеры: это гвардия в гвардии.

Не сплоти и не зарево освещают Россию. Сам православный крест во всю ширь и высоту раскинул огненные руки и тело...

Горят плоть и душа России. Смотри, русский, пойми свое место!

Генерал С. Л. Марков пал 25 июня 1919 г. в одном из первых боев Добровольческой Армии после отдыха на Дону в станице Мечетин-

ской. Вот выдержка из боевого донесения: «...предводительствуемые генералом Марковым части 1-й пехотной дивизии после упорного боя овладели мостом и станцией «Шаблиевка». Задача, поставленная дивизии, составлявшей левый фланг Добровольческой Армии, была блестяще выполнена. Враг бежал, но часть его артиллерии еще продолжала стрелять, и одним из последних снарядов был ранен генерал Марков». Остается добавить: смертельно ранен.

В ростовском госпитале от заражения крови скончался герой-рыцарь Добровольческой Армии — М. Г. Дроздовский. Как вспоминал после генерал Краснов, «генерал Деникин становился одиноким».

С Дона были высланы из пределов России М. В. Родзянко и А. И. Гучков. В канувшей в небытие Думе белое офицерство видело подлых разрушителей России. Тем более не было ходу на юг, к белым, ни савинковым, ни авксентьевым... Генерал Краснов пишет: «...он (Деникин. — Ю. В.) поставил на своем знамени «единую и неделимую Россию» и все, что не совпадало с этим, было ему ненавистно, и он враждебно к этому относился. Скоропадский был изменником, изменниками были все украинцы... В это время известным поэтом и сатириком Мятлевым в Киеве было написано следующее остроумное стихотворение, рисующее положение юга России к прибытию союзников:

Не поется мне и не пишется,
День-деньской в ушах моих слышится:
«Ах ты, Русь моя, Русь родимая,
Ты единая, неделимая!..»

Из хохлов создав чудом нацию,
Пан Павло кроит федерацию,
«Ах ты, Русь моя» и т. д...

Пан Павло — генерал Скоропадский.

Уже к началу 1918 г. (самый заворот Гражданской войны, предельное растяжение сил перед кровавой сечью — только что закончился Ледяной поход Добровольческой Армии, сам Корнилов лежит в земле под Екатеринодаром) до болезненности обостряется еврейский вопрос (с «белой» стороны над ним основательно потрудились Василий Витальевич Шульгин).

О нем вдруг без обиняков заговаривает в своей книге «Наша революция. Ее вожди и ведомые» Юлий Исаевич Айхенвальд. Только первые месяцы над Кремлем полощется красный стяг. Еще живы в Екатеринбурге царь и его семейство. Еще все впереди, но уже погромы пятнают карту России.

«...Хотя во главе большевизма стоит русский дворянин, далеко не кающийся дворянин, по имени Ульянов-Ленин, но молва душою этого течения признает евреев, как вообще евреям приписывают едва ли не всю вину (или заслугу?) нашей революции. В связи с этим на столбцах газет пестрят разоблачения псевдонимов: злоратно сни-

мают личину Стеклова с лица Нахамкиса, вместо Зиновьева подставляют Апфельбаума, уличают Каменева Розенфельдом, Троцкого — Бронштейном, Мартова — Цедербаумом и т. д. Если бы это было только невинной забавой... Но здесь на самом деле... коварно зреет ядовитое зерно антисемитизма. И оно может вырасти и дать кровавый плод (и дает уже)... Действительно, в теперешнем движении против большевиков есть такие особенности, которые превращают его и в движение против евреев... История давно уже уделила им (евреям. — Ю. В.) роль ответчиков за все грехи; история наказывает их за чьи бы то ни было преступления и предъявляет им к оплате все счета; история посадила их на какую-то мировую скамью подсудимых.

...Среди большевиков видную роль играют евреи... Но справедливость укажет, что и среди меньшевиков одно из первых мест занимают те же евреи... Евреи около Максима Горького, евреи — около Плеханова. Но если чьим-нибудь симпатиям ближе социалисты-революционеры, политическая семья «бабушки» Брешко-Брешковской, те найдут и в этой партии вождей-евреев... В недрах русского монархизма, среди консерваторов, несомненно, тоже были и есть евреи. Они — и в центре, они — и слева, они — и справа.

И в связи это с тем, что так же обстоит дело не только в политике, но и в русской культуре вообще. Достаточно сказать, что еврейские деятели и писатели распределили себя здесь по самым различным идеологиям, оказались в самых далеких друг от друга лагерях... вспомним, что наиболее убежденным и наиболее талантливым реставратором славянофильства, реставратором-художником, является Гершензон.

Русские псевдонимы — псевдонимы только внешние; по существу же, они говорят только об единстве тех задач, которые ставят себе одинаково и русская, и еврейская интеллигенция...

Но теперь по России льются кровавые волны. И конечно, по образцу позорного прошлого, в первую очередь и больше всего гибель падает на головы евреев. Для грубого и элементарного сознания они оказываются виновниками современной разрухи.

...Большинство евреев — против большевизма, и своими они не признают Троцкого с компанией, морально извергают их из своей среды — отщепенцами еврейства... изменниками еврейству, а не евреями считают они этих бездомных, внутренне опустошенных, бессодержательных людей. Большевики витают в безвоздушном пространстве; и физически, и нравственно какие-то перекати-поле, без оседлости, без привязанности, без национальности, вне религии, вне родины, вне истории, вообще во всех отношениях внешние, люди-схемы, люди-призраки, математические точки, а не специфические евреи.

...Большевизм-то уже наверное не есть продукт еврейства... недаром эти еврейские имена прикрыты русскими псевдонимами... это лишний раз доказывает, что носители таких псевдонимов — не личности, а безличности, что они — никто, что их нельзя причи-

слить ни к русским, ни к евреям... люди без роду, без племени, не помнящие родства, чужаки, пришельцы, мнимые русские, псевдоевреи...

Еще до того, как погромы настигли еврея под красным знаменем революции, он хорошо их познал при торжестве трехцветного флага; изменились цвета, но не трагическая сущность жизни... Антисемитизм принимает теперь свою худшую форму: из правительственного он делается общественным... Реакция всегда движется у нас под знаком антисемитизма...

У революции есть честь. Революция обязывает. И честь ее требует, чтобы она была нелицеприятна к национальностям и не впадала в преступную пошлость антисемитизма, этого, по известному выражению Бисмарка, социализма дураков...

Антисемитизм, и тонкий и грубый, занимает лишь один — очень выразительный, правда, — угол русской картины.

Но его характерность вовсе не заслоняет других кругов теперешнего русского ада. Впрочем, современные ужасы поражают лишь тех, кого они непосредственно касаются; все же остальные, только узнающие о насилиях и убийствах, не испытывают уже почти никакого впечатления. Притупилась впечатлительность, ко всему привыкли. Каждое утро мы вбираем в себя обильную дозу яда — ядом напитан любой газетный лист; и ничего: душевный организм наш к отраве приспособился... Все мы стали более жестоки, чем были раньше; война огрубила наши души и нервы...

Ничто больше не потрясает, не выводит нашего сердца из состояния моральной усталости...»

Практика разгрома России (именно разгрома, а не самораспада) с последующим закабалением ее дает совершенно противоположное толкование словам Айхенвальда, в искренности которого, однако, сомневаться не приходится. Не все ему дано было провидеть. Мы же свое «провидение» познали из кровавой беспощадной практики, попыток разрушения русской государственности и культуры, наглого нашествия тех, кого мы принимали за друзей, с кем делили и делим кровь и еду.

Антон Иванович Деникин родился в 1872 г., то есть был на два года моложе Ленина¹. Образование получил в Ловичском реальном училище и Киевском юнкерском училище, откуда в 1892 г. выпущен подпоручиком во 2-ю артиллерийскую бригаду. Не имел никакой крупной собственности и вообще титулов, денежной родни, средств от экспроприаций для организации карьеры и своего дела. А кость — что ни на есть самая «белая».

¹ Однако Ленин уже называл себя стариком, а Деникин именно тогда женился, и в первый раз! Женился на молодой красивой женщине, которая родит ему вскоре дочь Марину. Черная болезнь, как бич Божий, червивила красного вожда, как бы утверждая мысль о том, что противна природе мысль об устройстве жизни на ненависти — неугасимом пламени ненависти.

Академию Генерального штаба Антон Иванович окончил годом позже Корнилова, в 1899 г., так что уже в стенах альма-матер они достаточно знавали друг друга. В восемнадцатом тесно сойдутся, что называется кровно, — нет ничего ближе белой правды. Сойдутся на месяцы, чтобы расстаться навек. Господь явно тяготился белым делом, вроде в обузу для Него.

Будучи офицером Генерального штаба, Антон Иванович участвует в русско-японской войне, недолго командуя и пехотным полком. С 1910 г. по 1914-й командовал Архангелогородским великого князя Владимира Александровича полком 5-й пехотной дивизии. Незадолго до мировой войны — генерал для поручений при командующем войсками Киевского военного округа, то бишь генерале Иванове — том самом, которому надлежало усмирить мятежный Петроград в феврале семнадцатого. С первых дней войны Антон Иванович — начальник 4-й стрелковой бригады в Восьмой армии Брусилова на Юго-Западном фронте; с 9 сентября 1916 г. — командир 8-го корпуса. Прослыл он дельным и смелым командиром, был по-русски нетороплив, дороден; волос имел светловатый, с проседью; говорил не спеша, ровным басом...

«...В начале кампании генерал-квартирмейстером штаба моей армии был Деникин, — писал генерал Брусилов, — но вскоре он, по собственному желанию служить не в штабе, а в строю, получил, по моему представлению, 4-ю стрелковую бригаду, именуемую «Железной», и на строевом поприще выказал отличные дарования боевого генерала...»

Страсть соединяет людей, делает во много раз более стойкими. В этом смысле она преображает мир. Страсти правят миром. Любовь оттачивает характер и убеждения. Любимый человек с тобой и тогда, когда весь мир против. С любимой, с любовью мужчина чище, выше, а главное — непобедим.

Любовь соединяет в одно нераздельное целое государя императора с его Алисой — и увлекает их к одному ужасному концу, но они нераздельны. Влюблен жестокий рационалист революции, беспощадный математик счастья через кровь и могилы Ленин. Инесса Арманд! Ленин еще более убежден в необходимости бороться за счастье людей, не отступать. Пусть землю зальет кровь, но женщины в России народят каждая не менее четырех детей — и станет возможна мировая революция. Именно эта мысль заложена в черновиках знаменитых апрельских тезисов¹. Каждая из женщин должна будет дать государству не менее 4—5 детей. «Иначе — вырождение!!!» — восклицает вождь. Любовь даст бойцов революции. Через любовь мир обретет счастье.

В свою Анну нежно влюблен Верховный Правитель России адмирал Колчак. В смертный миг он просит разрешения проститься с ней.

¹ См.: «Час пик», 1992, № 14.

Влюблен суровый и фанатичный председатель иркутской ЧК Семен Чудновский. Через грубость инстинкта он прорывается к духовному, высшему, что увенчивает страсть.

Бывший председатель Политцентра Федорович через гибель своей любви пробивается к сознанию бытия, соотношения зла и добра, впервые задумывается о невозможности счастья через насилие.

Страсти потрясают белых и красных, мужиков и господ — все любят на свой лад, но все в преклонении перед женщиной, даже если похотью и унижают ее. Они все равно сознают великую зависимость от женщины — подлинного источника и созидания, и прекрасного на земле...

Весна 1915 г. Неприятель предпринимает все, дабы поставить Россию на колени, но она несокрушима, хотя и пятится перед огнем и сталью германских, австрийских и венгерских дивизий. Это исключительно кровавые и тяжкие бои. К исходу года они затихают.

10 октября 1915 г. Антон Иванович Деникин отправляет письмо:
«Дорогая Ася!

Может быть, не следует Вас больше называть этим уменьшительным именем. Я не могу Вас называть иначе. Мать моя меня упрекала в том, что я не отвечаю на Ваши письма. Если действительно Вы мне их писали, то я их не получал. Образ моей дорогой Аси никогда не покидал меня...»

После горечи отступлений и потерь 1915 г. государь император возлагает на себя бремя Верховного Главнокомандования. С конца 1915 г. русская армия закрепляется на своих рубежах. Под жестокими ударами она сохранила организованность и устойчивость. Это по-прежнему могучая армия. Она вступает в полосу перевооружения и восстановления. Она не уступит врагу Россию. С этих месяцев все попытки врага взломать фронт терпят крах. Упорными схватками и бессилием Германии и ее союзниц отмечен 1916 г. Более того, войска под командованием генерала Брусилова наносят врагу удар невиданной мощи. С этого момента Австро-Венгрия неудержимо катится к развалу.

И среди забот о войсках, в риске быть изувеченным или убитым Антон Иванович обращается к своей Асе. Она в его сердце. Среди крови и воплей растерзанных металлом людей, отчаяния, проклятий, героизма и благородства он отправляет ей письмо за письмом.

27 февраля 1916 г. он по сути признается ей в любви. Он не смеет сказать это молодой женщине, она много моложе, но он одержим любовью.

«Я получил сегодня Ваше письмо от 15-го числа. Оно менее нежное, чем обычно, и малопонятное. Временами мне кажется, что понимаю, временами сомневаюсь. Всё жду от Вас ответа на вопрос, который не смею задать, на мысли, которые не смею высказать...»

Слава Деникина, как воина выдающихся способностей и доблести, уже известна за пределами войск, которыми он ко-

мандует. Он среди тех генералов, на кого Россия взирает с надеждой.

Ответ Аси потрясает Деникина. В письме 4 апреля 1916 г. он не без тревоги спрашивает любимую: может быть, она создала в воображении свой образ, не его — и в этот образ влюблена, а это вовсе и не он. Это очень длинное и напряженное по тону письмо. Оно проникнуто мукой вопроса: его ли она любит?..

«Вы меня спрашиваете, почему я не смею задать Вам вопрос, который уже давно созрел в глубине моего сердца. Во-первых, я не хочу обкрадывать счастье. Во-вторых, я иногда спрашиваю себя, не обращаю ли те нежные слова, которые я читаю в Ваших письмах, к лицу, созданному Вашим воображением, а не ко мне, **которого Вы не видели уже шесть лет** (выделено мною. — Ю. В.) и которого время серьезно потрепало. Для Вас разочарование было бы неприятностью, для меня — крушением...»

Спустя 18 дней он обронит между строк: «Моя столь желанная...» А через месяц, 21 мая, он уже весь в пламени чувств: «Моя душа полна Вами». Еще через шесть дней он опять повторяет: «Моя столь желанная...» Это похоже на стон...

Она не скрывает: она любит его, как 6 лет назад! Она в недоумении: при чем тут возраст и прочие условности? Она его любит!

И в письмах Антона Ивановича вспыхивают, горят слова:

— 31 мая: «Моя радость!...»;

— 10 июня: «...скажите мне, моя голубка... моя дорогая! Моя радость! Ты осветила мою безрадостную осень, ты ее согреешь, не правда ли?..»;

— 23 июня: «Помните ли Вы о нашей последней встрече?» — «Еще как помню — в тот день началось для меня то, что, с сердцем в трауре, я старался вытолкнуть из души и которое шесть лет спустя снова наполняет всю душу...»

Шесть лет Деникин преодолевал страсть к юной женщине. Шесть лет он старался не думать о ней. Что он может ей дать, когда вокруг столько молодых, красивых и удачливых мужчин. Шесть лет он думал только о ней — ничто не смогло вытравить это чувство. И теперь оно вырвалось, закружило его в вихре страсти среди рева металла, смерти.

Но война воистину бесконечна. Бои, потери... Годы и горе, годы и могилы... Господи, увидит ли он ее?! Наступит ли счастье назвать ее своей женой?! И быть всегда вместе — всегда?!

И 27 октября (ровно за 4 месяца до позорной революции гучковых, милюковых и керенских и за 16 месяцев до знаменитого Ледяного похода, когда он с молодой женой и горсткой белых воинов станет рвать в кубанской степи красные заслоны и похоронит великого воина Лавра Корнилова) из-под пера срываются горестные слова, не слова, а надрывный вздох, почти крик отчаяния: «Моя столь желанная, придет ли когда-нибудь счастье?..»

К ним пришло, но будет оно навечно окрашено горем утраты России.

С марта и почти до конца мая 1917-го Антон Иванович — начальник штаба главковерха генерала Алексеева. При замене Алексеева Брусиловым назначен главнокомандующий Западного фронта. Таким образом, за три года войны продвинулся от командира бригады до главнокомандующего фронта — убедительное признание способностей.

На совещании в могилевской ставке 16 июля 1917 г. с участием министра-председателя Керенского и министра иностранных дел Терещенко произнес чрезвычайно резкую речь, обвинив Временное правительство в разрушении армии.

19 июля, после назначения Корнилова Верховным главнокомандующим, Антон Иванович становится командующим Юго-Западным фронтом.

После выступления Корнилова арестован вместе со своим начальником штаба Марковым и вскоре отправлен в Быхов, освобожден Духониним.

«Грубоватая солдатская откровенность Деникина, а равно его склонность к красивой скорбной фразе привлекли к нему офицерские симпатии...» — писал генерал Болдырев.

Полагаю, это не совсем так, это даже совсем не так. Симпатии офицеров Деникин завоевал тем, что предельно точно выразил их намерения, а выразив, мужественно поднялся, чтобы проводить их в жизнь. Только это и сделало его белым вождем, надеждой офицерства.

«Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского, — рассказывает Петр Николаевич Врангель. — Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-Западного фронта он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую Армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа, и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова...»

8 октября 1918 г., после смерти Алексеева в Екатеринодаре, Деникин становится главнокомандующим Добровольческой Армии, объединив в своем лице высшую военную и гражданскую власти. При нем состоялось Особое совещание под председательством генерала Абрама Драгомирова (служил в русской армии и его родной

брат — генерал Владимир Драгомиров), исполняющее функции правительства. В белой армии Деникина звали «дедом Антоном», а какой же дед — в 1918-м ему всего-то исполнилось сорок шесть. И горячо был влюблен, вот ведь как...

Вообще вся эта армия была необыкновенно молода.

Шульгин рассказывал о почти полном безразличии к власти Деникина. «...Он (Деникин. — Ю. В.) не имел тщеславия. Хотя его и называли в шутку «царь Антон». Если б ему предложили престол, он отказался бы, чего не сделал бы Врангель... В этом было между ними существенное различие. Деникин властвовал, тяготясь властью... К этому прибавлю: когда было нужно, Деникин умел хорошо говорить, но говорить не любил. Он не любил лезть на первое место. И если бы не обстоятельства, охотно был бы вторым. Он написал великому князю Николаю Николаевичу, находящемуся в Крыму, прося его возглавить Добровольческую Армию, великий князь отказался...»

В конце мая 1919 г. Деникин признал власть адмирала Колчака «Верховной и Всероссийской». В свою очередь 17 июня 1919 г. генерал Деникин объявлен заместителем Верховного Правителя России адмирала Колчака с оставлением в должности главнокомандующего Вооруженных Сил Юга России.

Судьба даровала довольно долгую жизнь одному из центральных лиц Гражданской войны. Проживет он ее в основном во Франции. Там, во Франции, в годы второй мировой войны он наотрез отказался иметь какие-либо дела с гитлеровцами. И все ждал, когда Красная Армия повернет штыки против политбюро, ЦК и «гениального мыслителя, теоретика марксизма, руководителя мировой революции, вождя мирового пролетариата и всего свободолюбивого человечества, корифея науки и знаменосца борьбы советского народа за коммунизм — великого Сталина». Служат-то в армии как-никак русские люди. Особенно верил в восстание армии против большевиков и комиссаров после разгрома немцев в Отечественную войну, за успешное окончание которой горячо молился... В душе он не расставался с Родиной.

Антон Иванович обручился с Оксаной Чиж в грозном 1918-м — за какие-то пять недель до Ледяного похода. Антон Иванович давно и страстно любил эту женщину, а была она более чем на два десятка лет моложе знаменитого генерала. Антон Иванович нежно звал ее Асей. Она, как писали в старинных романах, подарила ему дочь Марину (в замужестве — Марина Грей, известный французский историк, автор ряда серьезных работ о Гражданской войне в России).

Переписка Антона Ивановича и Аси в годы мировой войны, опубликованная их дочерью Мариной, — документ большой нравственной и лирической силы.

Два последних года Антон Иванович с семьей проведет в США. Они будут отравлены болезнью сердца.

За несколько минут до кончины он скажет: «Я оставляю им (своим близким. — Ю. В.)... имя без пятен... Увы, я не увижу Россию спасенной...» И, сдерживая стон и показывая на сердце, выговорит губами: «Мне больно».

Вскрытие выявит шесть рубцов на сердце (все рубцы — за Россию!). О существовании их не подозревали даже родные. В разные годы Антон Иванович выносил их без лечения и обращения к врачам, не всегда ложась в постель.

На русском кладбище святого Владимира в Нью-Джерси (США) на камне под православным крестом начертано:

Генерал А. И. Деникин
4 декабря 1872 — 7 августа 1947

Надпись повторена и на английском.

Господь отмерил Антону Ивановичу семьдесят пять лет.

Ася переживет своего мужа на 26 лет и скончается в 1973 г.

Петр Струве писал: «... в революции, в самом ее ядре, гнездилась зараза контрреволюции, которая до последнего своего издыхания будет кичиться наименованием революции. Под каким наименованием погромная зараза будет раздавлена, совершенно неважно. Раздавлена же и выжжена из русской жизни она должна быть во что бы то ни стало».

Даже для бывшего коллеги Ленина по социал-демократии это сказано куда как круто, круче и не выразишь.

Петр Бернгардович Струве — ровесник Ленина, он скончается в 1944 г. 74 лет, пережив святителя революции на два десятка лет...

Ледяной поход явился пробой сил и решимости сражаться. По своей сути это была демонстрация — демонстрация кровью и муками. Ведь остальные прикидывали, взвешивали, словом, выжидали. Остальные — это все, кто не принимал большевизма, но и не верил в борьбу или страшился испытаний.

Надо полагать, внутреннее чувство, самое важное чувство, подсказывало: кто сделает такой шаг к борьбе, уже не сможет вернуться в прежнюю жизнь, никогда не сможет. Разве лишь только через победу, а в любом другом случае не пощадят. Все верно: тотемный знак России — трупы...

Белые вожди сознавали эти истины. Именно поэтому они с такой решительностью пошли на бой. Важно дать бой — и Россия, их Россия, очнется, примкнет к ним, не может не примкнуть.

И господа офицеры, юноши-юнкера, студенты, мальчишки-кадеты брели через ледяную степь и укусы свинца. Заплатить жизнью, но поднять Россию на борьбу.

Сразу обильно и безмерно потекла кровь. В земле она слилась в один жирный поток. Без различия — белых, красных, зеленых...

Все принесено в жертву борьбе — семья, любовь, родные, друзья; все, что дорого... Мучения в гное ран и лихорадке. Гибель в безвестности — на соломе или в канаве. Каждый день новые могилы — ямы, в которые зарывают людей, прячут от них солнце, небо, свет... бывшие люди...

По углам и норам расплзались изувеченные — не просто калекки, а клейменные отныне участием в Гражданской войне. Проклятые Богом и новым государством люди. Ни жалости к ним, ни помощи, ни участия, ни копеечного пособия... Бывшие люди. Живые покойники.

И так будет все время.

Отныне все мечены Огненным Крестом...

Для ленинской диалектики не существовало неразрешимых, отвлеченных вопросов, коли речь заходила о власти. И борьба начиналась прежде всего в мире идей, преобразовании их в осязаемо земные представления и сжатые лозунги, понятные каждому.

Чистое, светлое в белом движении являлось лишь маленьким участком ткани большого гниющего организма. Это движение в подавляющей своей части усматривало обновление в сползании к старому. Но кто ищет правду и справедливость в отвергнутом старом?..

Ленинское насилие при всей своей необычной чудовищности предлагало зримо определенное будущее — и не какое-то Учредительное собрание с его загадочным голосованием и еще более загадочными итогами голосования, а вот сейчас, тут же: земля, мир избавление от полиции, жандармов, судов и, конечно же, нужды. Все это уже ничего общего не имело с прежними порядками. Глубочайший кризис, порожденный войной, делал невозможными иные решения — такова была ставка тех дней и месяцев.

Большевики во многом говорили правду о прошлом, а о будущем — тоже все очень справедливое и заманчивое. И хотя практика большевизма была жестока, люди подались за ним: точь-в-точь в соответствии со словами Троцкого — крестьяне (а они составляли подавляющее большинство старой России) из двух зол, большевиков и белых, выбрали меньшее, то есть большевиков. А стоило ли вообще выбирать из зол?

Именно зло — это выражено словами точно.

Зло!

И это зло казалось с верхушки тех лет меньшим.

Тогда казалось...

Эх ты, наша доля,
Мы вернулись с поля,

А вокруг гуляет недобитый класс!
Эх, скажи-ка, дядя, для народа ради,
Никакая контра не уйдет от нас!
Белая гвардия наголову разбита,
А Красную Армию никто не разобьет..

Из фронтового дневника (а сие редкость — поденные записи на фронте!) поручика Никольского Владимира Борисовича, застреленного махновцами в бою у станции Кирилловка Екатерининской железной дороги в январе 1920 г. (дневник начат в Севастополе 10 декабря 1918 г.), запись 22 декабря:

«... Не скрою, что, глядя на собравшихся здесь офицеров, слушая все разговоры, видишь, что эти люди — остатки прошлого... не им создавать новую Россию... Мне очень бы хотелось сейчас поверить в успех дела Добровольческой Армии и с пылом отдаться этому делу, но я не могу поверить. Не могу я считать, что дело, не пронизанное подъемом, будающим высокие чувства и порывы, а пронизанное лишь духом злобы, ненависти и мести, которым полны многие офицеры, может принести результаты. Одни мстят, мстят с каким-то большевистским сладострастием, другие апатичны, недоверчивы и готовы осмеять самих себя. И все это могло бы принести результаты в руках опытного руководителя. Но где он, этот желанный «Иван Царевич», который сотворил бы чудо?..»

Из записи 11 января 1919 г.:

«... Нет, мы армия обреченных и осужденных! Волосы становятся дыбом, когда смотришь на то, что делается в 3-й дивизии. Офицеры опять бьют солдат шомполами, чуть ли не из-под палки заставляют петь «Боже, Царя храни!». Ведь это Господом отверженные люди, это какое-то свертупоумие!.. Это не восстановление дисциплины, а уничтожение ее, гибель. Это не созидательная работа, а дискредитирование идеи и окончательный, бесповоротный развал...»

Наши предатели союзники, победившие сначала нас, а потом Германию, погибнут подобно нам, по всей вероятности, в потоке социальной революции (мировой. — Ю. В.), но до того им придется войти в то или иное соглашение с большевиками. **Союзникам не нужна Россия — им нужны ее богатства.** В этом мы убеждались буквально на каждом шагу. Союзники признают всякую сильную власть на наших землях — им важна торговля, выгода. Что им за дело до нас? Они свое получили: Россия обессилена, лишена веса в мировых делах. Ее можно брать.

Сейчас в Лондоне, Токио и Париже признают нас, но когда увидят и осознают, что мы миф, не пользующийся поддержкой масс, то снова предадут нас с легким сердцем...

Кругом, в среде местного населения, полное недоверие к нам и страх, ужас перед большевистским нашествием...»

И незадолго до смерти появляется такого рода признание:

«... На Киев... наступает большевистская армия под начальством

генерала Гутора¹... «Горе побежденным!!» — кричат большевики, и правы. Прогнившее, старое неспособно противиться им...»²

В своей основе офицерство оказалось морально сломленным. Крушение всего уклада жизни, чудовищные потрясения семнадцатого и первой половины восемнадцатого года вышибли из-под ног почву. Большинство вступило в борьбу не по зову сердца и желанию возродить Родину, а только потому, что на родной земле просто не оставалось места. Другой же частью руководила испепеляющая ненависть, уходящая корнями в месть...

Офицерство не сделало выводов из катастрофы. Все это многомиллионное движение стояло на трупных ногах.

В 1962 г. после одной из спортивных травм я (тогда еще молодой капитан) отлеживался в окружном военном госпитале в Красногорске. Соседом по палате оказался седой грузноватый полковник с добрым, а главное, очень спокойным лицом и очень неторопливой речью и манерами. Сейчас, с позиции прожитых лет, я бы подметил мягкость и выраженную отрешенность в нем. Отрешенность от суеты, карьеры, забот...

Я уже тогда собирал материалы по Гражданской войне. Полковник отвоевал ее красноармейцем. Я до сих пор помню его рассказы в палате с невключенным светом — затяжные вечера, переходящие в рассвет...

Естественно, я, выпускник военной академии, интересовался первыми военными красными академиями. Полковник окончил одну из них еще задолго до Отечественной войны. Годы террора счастливо обошли его.

Дня за два до выписки он помянул среди преподавателей тех курсов бывшего белого генерала Слащева. Кто не слышал это имя! В годы Гражданской войны имя генерала Слащева гремело. Я же узнал о нем из журнала «Москва». В 1957 или 1958 г. там появились воспоминания А. Вертинского.

И полковник рассказал, как однажды, не вытерпев, спросил Слащева на лекции:

— Как вы, товарищ преподаватель, опытный военный специалист, не предусмотрели переправу красных частей через Сиваш? Это ведь определило тогда судьбу Крыма и врангелевщины.

— Да, это прямая моя вина, — ответил Слащев. — Я отвечал за оборону на Перекопе. Но скажите, какой нормальный человек... я

¹ Генерал А. Е. Гутор командовал войсками Юго-Западного фронта незадолго до Октябрьского переворота (Б. М. Шапошников отмечал в своих воспоминаниях его военную безграмотность). Гутор принял революцию и поступил на службу в Красную Армию.

² Сергеев А. Деникинская армия сама о себе. М., Госиздат, 1920, с. 19—21. Книга была издана в Гражданскую войну, Крым еще принадлежал белым. Вряд ли эта книга сохранилась еще где-либо. Во всяком случае, я не встречал ее ни в одном книгохранилище.

подчеркиваю: не генерал, а человек... пошлет солдат через огромный пролив по ледяной ноябрьской воде? Ведь все, кто вступал в эту воду и шел десять, двадцать, сорок минут... были обречены. Не простудиться насмерть было невозможно. Это означало, что красное командование уже обрекало всех этих людей на гибель или смертные болезни. Я был воспитан на других традициях и представлениях. На Литовский полуостров выходили не люди, а мертвецы. Каюсь, я не смел даже предположить такого хода за Фрунзе. Ни одному белому генералу такой приказ никто не посмел бы отдать. Я вот все интересуюсь, ищу, может быть, найдется такой человек, кто уцелел после ледяной переправы. Конечно, они могли уцелеть, десятки, может быть, сотня-другая, но основная масса должна была полечь и без наших пуль. Это же выморозить все свои внутренности! Я еще не встречал того, кто бы уцелел.

— Перед вами, товарищ преподаватель, такой красноармеец. Я перешел вброд Сиваш, и я не умер...¹

Большевизм (и все, что за ним следовало) — это кризис духовного развития народа. Только через его преодоление народ может сохранить способность к развитию.

Кризис оказался выражением исконных свойств народа, в определенных условиях являющихся уже препятствием для существования народа вообще, его развития как единого целого.

У этой общности людей, которую именуют народом, есть свои законы становления и развития в духовном и нравственном.

Большевизм — это болезнь, она поразила бы общество и без Ленина, Троцкого и Сталина. Болезнь проявлялась в виде кризиса духовного становления народа. Как единый целостный организм народ не мог дольше существовать без серьезной перетряски всего своего духовного строя.

От утробного существования к высшему, духовному — это еще не только потребность, внутренняя потребность души. Это и необходимость, то самое качество, без которого невозможно усложнение жизни, сама жизнь в усложняющихся условиях и все более тесном сожительстве людей.

Развитие отторгает определенные качества народа.

И вопрос встал: или их, эти качества, отторгнуть и сохраниться народу как единому целому, или развалиться, выродиться. Но это не могло и не может произойти просто так — ибо умирание народа — это всегда тяжкая и опасная болезнь, а главное — разрушительная. С ней уходят в могилы миллионы, ибо уже нет единого народа, а есть два народа — и один должен умереть. И тот, который останется, через какое-то время опять погрузится в боль, хаос и страдания; или, изболев, все же отринет насилие и нетерпимость, или,

¹ На Перекопском перешейке пало около 10 тыс. красных бойцов. Сюда не входят те, кто умрет после от переохлаждения.

постепенно распавшись, рассеется уже навсегда. И не станет таких людей — с именем «русский».

Яков Александрович Слащев родился в 1885 г., окончил Павловское военное училище, а затем и Академию Генерального штаба, преподавал в святая святых учебных заведений старой России — Пажеском корпусе.

Мировую войну начал командиром роты, в 1916 г. — командир полка. Уже в генеральских чинах командовал у Деникина войсками Крыма и Северной Таврии.

Когда стало известно, что Деникин подал в отставку, между белыми генералами Врангелем, Шилингом и другими завязалась ссора за пост правителя Юга России.

Деникин был категорически против кандидатуры Шилинга: генерал так позорно сдал Одессу. Недолюбливал Антон Иванович и Врангеля, но его выбору на свой бывший пост не препятствовал.

Была выдвинута и кандидатура Слащева — за ней стояли самые боевые офицерские массы. Он был подлинным кумиром фронтового офицерства.

Военный совет под председательством генерала А. М. Драгомирова остановил свой выбор на бароне Врангеле.

Когда новый правитель и главнокомандующий войск Юга России приступал к исполнению своих обязанностей, фронт, то есть Крым, удерживался горсточкой людей, которых увлекал за собой Слащев. Он лично проявлял безумную храбрость. Подчиненные боготворили Якова Александровича, за ним они шли на самые невероятные по дерзости предприятия — и боевая фортуна не изменяла им. В большинстве своем это были молодые офицеры и юнкера — вчерашние мальчишки.

Именно мужеству и военному таланту Слащева обязан белый Крым тем, что не пал, когда армии Деникина были разгромлены и в величайшем хаосе катились к Одессе, Крыму, Новороссийску. На какой-то бешеной энергии, потустороннем воодушевлении генерал Слащев сумел сбить остатки белых частей в организованные боевые единицы. Красные не сумели преодолеть сопротивление войск Слащева на Перекопском перешейке. Крым остался за белыми.

Петр Николаевич Врангель писал:

«Фронт удерживался частями генерала Слащева, сведенными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек... однако сборный состав его частей и их слабая подготовка и отмеченное нашей разведкой постоянное усиление противника заставляли считать наше положение далеко не устойчивым».

Слащев скверно подчинился, глубоко презирая всякое тыловое

начальство. Шесть лет кровавой бойни (а Слащев воевал с первого дня войны с немцами, то есть с осени 1914 г.) тоже наложили свою печать, кровь не имела для генерала значения. Гражданское население порол, вешал, расстреливал почем зря. В этом он не имел себе равных среди белых генералов..

Петр Николаевич следует за каждым днем борьбы — они все в памяти, будто это происходило вчера.

«Прибыл генерал Слащев. После нашего последнего свидания он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный, отрывистый разговор производили тягостное впечатление (Слащев постоянно нюхал кокаин. — Ю. В.). Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я познакомил его с последними решениями военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением совета он полностью согласен, и просил верить, что его части выполняют свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намеченной операцией по овладению выходами из Крыма».

Поэт, певец и актер с общероссийской громкой славой Александр Николаевич Вертинский (1889—1957) сохранил нам облик мятежного генерала именно той поры¹.

«Длинная, белая, смертельно белая маска с ярко-вишневым припухшим ртом, серо-зеленые мутные глаза...

Он был напудрен...

Высокие свечи в бутылках озаряли лицо Слащова (Вертинский пишет: Слащов. — Ю. В.) — страшную гипсовую маску с мутными глазами...»¹

Слащев был высок, статен, с крупными руками, настойчивым прямым взглядом.

И, прощаясь со Слащевым на страницах своей книги воспоминаний, Вертинский прибавляет, как бы извиняясь:

«Я, конечно, не претендую на точность или значительность своих выводов, но мне кажется, что чувствовал я его все-таки верно. Слащов любил родину. И страдал за нее. По-своему, конечно».

В своих воспоминаниях, законченных 30 декабря 1923 г. на чужбине, Врангель называет Слащева генералом «талантливым и честолюбивым, беспokoйным и своевластным».

«Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым (не будь Слащева, не было б и врангелевского Крыма. — Ю. В.). Однако полная, вне

¹ Вертинский А. Дорогой длиною... М., «Правда», 1991, с. 117—118, 128. В 1949 г. мне посчастливилось побывать на его концерте в Московском театре имени Ленинского комсомола. Пластика его жестов поразила даже меня, подростка, а песни, голос звучат в памяти и доныне.

всякого контроля самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину (будешь подвержен, коли купаешься в крови — не в штабе, а на передовой — целых шесть лет; шесть лет — окопы, пули, кровь, гибель товарищей, постоянный риск смерти, штыковые и сабельные атаки, ранения. — Ю. В.), он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влить на общую политическую работу, засыпал ставку всевозможными проектами и предположениями, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе лиц, казавшихся ему выдающимися».

Петр Николаевич день за днем старается восстановить дисциплину в армии. Неизбежно возникает необходимость отстранить Слащева.

«...Я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением. В заключение нашего разговора я передал генералу Слащеву приказ (№ 3505, от 6 августа 1920 г. — Ю. В.), в коем в воздаяние его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование «Крымский»; я знал, что это была его давнишняя мечта.

Слащев растрогался совершенно; захлебывающимся, прерываемым слезами голосом он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть.

В тот же день генерал Слащев с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащев — в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворона, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и диванам, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина...

Я настоял на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения... он решил поселиться в Ялте».

Итак, впредь именовать генерала Слащевым Крымским.

Рушится оборона Крыма. Из степной его части приближаются лавы Второй Конной армии Миронова — прославленного красного командарма, расстрелянного 2 апреля 1921 г., вернее, застреленного в тюремной камере в Москве. Миронов смел выразить возмущение красным террором и истреблением казачества.

11 ноября 1920 г., когда кавалерийские полки Миронова уже обрушились на горный Крым и вот-вот скатятся на побережье, Врангель издает воззвание:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих — офицеров, дру-

гих служащих и их семей — правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжелых испытаниях, какие ожидают выезжающих из пределов России. Недостаток транспорта приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море; кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилий врага, оставаться в Крыму».

Непосредственная опасность не угрожала рядовым врангелевской армии — мобилизованным крестьянам южных губерний. Однако все они — десятки тысяч человек — были расстреляны партия за партией в горах, без свидетелей. Операцию по их уничтожению осуществляли Фрунзе и бывший глава венгерской революции Бела Кун.

В Стамбуле Слащев вместе с женой и ребенком поселился в маленькой хибарке — без мебели и средств к существованию. Но это был лишь пролог злоключений.

Тут же, в ноябре 1920-го, Врангель организует офицерский суд чести над Слащевым — теперь, когда Яков Александрович лишен поддержки своих офицеров и юнкеров, это становится возможным. Он беззащитен.

Опальному генералу предъявляются два обвинения:

— «пособничество большевикам»; зверства, чинимые в занятых Добровольческой Армией землях, восстанавливали население против правительств Деникина и Врагеля и вели к появлению «банд зеленых» и партизан;

— самовольный расстрел полковника Протопопова (любимца Врангеля).

Офицерский суд чести постановил, что генерал Слащев не может быть более терпим «в рядах русской армии».

Слащева разжаловали в рядовые. Генерал Врангель проявил неприличную поспешность. В тот же день, 21 ноября 1920 г., он утвердил приговор господ старших офицеров.

Столько бешеной работы, мук, риска — и вдруг такой финал. За все — лишение чинов. Отныне он, Яков Александрович Слащев, изгой.

Это не могло не повлиять на настроение бывшего генерала. Он быстро приходит к отрицанию контрреволюции. Ничего удивительного в том, что он вступает и в переговоры с советским правительством. Ему обещают помилование. И осенью 1921 г. Яков Александрович прибывает на пароходе в Севастополь. Его тут же доставляют на железнодорожную станцию, в вагон Дзержинского.

Слащева действительно амнистируют, и он уже выступает по радио.

«Я, бывший генерал Слащев-Крымский, добровольно вернулся на родину, в советскую Россию. Я раскаялся в грехах и получил прощение от советского правительства. Мне предоставлено право продолжать военную службу, созданы хорошие материальные условия... Я призываю вас всех последовать моему примеру...»

Яков Александрович получает должность преподавателя тактики в Высшей тактической стрелковой школе РККА. Он издает книгу «Общая тактика», проявив себя крупным военным специалистом.

11 января 1929 г. на московскую квартиру к нему постучался некий молодой человек и спросил:

— Вы бывший генерал Слащев?

Получив утвердительный ответ, молодой человек выстрелил в Якова Александровича. Убийцу задержали. Он назвал себя Коленбергером и заявил, что отомстил за своего брата, казненного по распоряжению Слащева в годы Гражданской войны.

Слащеву было сорок три.

Что молвить о геройском командарме Филиппе Кузьмиче Миронове?

Преданный революции казачий офицер сердцем принял горе народа. Это не могло ужиться со служением ленинской революции. Человек ничего не значил в сплетении формул, из которых следовала лишь одна солдатская подчиненность вождям.

В ноябре 1920-го мироновские конные лавы сметут в Крыму белые заслоны. Имя его выхлестнет на самый гребень народной славы. А через пять месяцев из его головы жарко брызнет кровь. Приказ революции: истребить командарма. Без суда, объяснений, дознания, простой беседы...

Кто бы ни исполнил смертный приговор — это была воля Ленина, без него человека такого размаха не посмел бы тронуть никто. Это Ленин согласно мотнул головой, а убийца шагнул за порог камеры и пустил пулю в голову геройского командарма.

Что убийца вышел из кабинета Мундыча, тоже вне сомнений. Такую новость, такой приказ никто не должен был знать — только самая высшая власть и убийца. А за убийства в красной Москве отвечал только Железный Феликс.

Вечером Мундыч накрутил телефон и доложил главному вождю:

— Решение относительно Миронова исполнено, товарищ Ленин.

А главный вождь сказал «спасибо» и еще раз напомнил о совершенной секретности дела. После, опустив ручку, дал отбой по линии. И ушел с головой в бумаги: вся Россия перед ним. И выедает глазами каждую строчку. И нет уже в памяти этого имени — Миронов. До него ли, лбами сошлись два мира, судьба миллионов на кончике его пера... Наставит лобастую голову и прикидывает резолюцию: ведь обманут, что бы ни написал — обманут!.. И трет виски:

болит голова, нестерпимо болит, с каждой неделей всё нестерпимей...

Не ведает он, что уже половина мозга усыхает, сжимается в младенческий кулачок.

Без дисциплины и принуждения (не только из-за любви к Родине, но и страха ответственности и малодушия в том числе) нет и не может быть армии, а стало быть, и государственной самостоятельности.

Когда большевики захватывают власть, и следочка не остается от их разоблачений драконовских условий военной службы, придинок офицеров, смертной казни за трусость, непослушание и измену (а сколько же мордобоя в Советской Армии, гнусной «дедовщины», издевательств офицеров — где вы, обличители ужасов старого режима?).

«28 июля (1942 г. — Ю. В.) в разгар оборонительных боев, — пишет маршал Василевский в книге воспоминаний «Дело всей жизни», — был подписан и немедленно отправлен в войска приказ № 227 народного комиссара обороны И. В. Сталина. Приказ этот сразу же привлек внимание всего личного состава Вооруженных Сил... Приказ предлагал «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток...». Предписывалось также снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагалось применять к командирам и комиссарам полков и батальонов за оставление воинами без приказа боевых позиций. Этим приказом вводились штрафные батальоны...»

Вводились не только штрафные батальоны (служба в них уже была равна смерти), но и смертная казнь за ряд поступков, несовместимых с защитой Отечества. Словами Корнилова, «необходимо в качестве временной меры, исключительно вызываемой безвыходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий... необходимо противопоставить ужасу спереди, со стороны неприятеля, равный ужас сзади, со стороны сурового и беспощадного закона, карающего своею строгостью тех, кто уклоняется от исполнения долга...»

Но в отличие от подло-старого времени смертная казнь для большевиков, утвердившихся у власти, явилась уже не временной мерой, а постоянно действующей, без которой явно расшатывается все колюче-бетонное здание социалистического Отечества.

Приказ № 227 явился не первым приказом такого рода, однако этот сосредоточил карающую силу всех предшествующих.

Но ведь тогда, в 1914, и 1917, и 1941, и 1942 гг., за спиной находилась Россия — и надвигался на нее все тот же немец — огнем и мечом...

Ленинская антивоенная пропаганда привела к развалу фронта.

Существование России было поставлено под угрозу. И спасла ее от кабалы Брестского мира не мировая революция, на которую делал свою ученую ставку Ленин, заключая договор с кайзеровской Германией, а победа бывших союзников России по мировой войне — и ничто другое. В противном случае сидеть бы немцам на шее русского и других народов.

В девять часов утра 8 ноября 1918 г. маршал Фош от имени союзных держав передал германской делегации условия капитуляции.

Глава германской делегации Матиас Эрцбергер (вождь партии центра, статс-секретарь без портфеля в правительстве Макса Баденского) читал условия и не верил глазам. Германия должна очистить Бельгию, Францию, Люксембург, Эльзас-Лотарингию, а также в течение 15 дней выдать Антанте 1800 орудий, 25 тыс. пулеметов и т. п., и, наконец, объявлялись не имеющими силы все статьи Брест-Литовского договора.

«Провидчество» Ленина обрело явь ценой усилий и побед Антанты. Миллионами жизней русских была оплачена эта победа.

11 ноября 1918 г. германская делегация подписала капитуляцию на всех предложенных условиях.

Несколько раньше состоялись унизительная поездка Красина в ставку Людендорфа и переговоры о прекращении движения германских войск на Баку.

Европа радовалась миру, верила в его вечность. Лига Наций — новый великий инструмент мира — должна соединить народы в единой воле.

Лишь над Россией все громче и раскатистей ухал погребальный колокол.

Через чистилище идти народу, коли дал простор болезни, согласился на то сорное, что из зла, что дает самый жар и силу болезни. И белым и красным идти через это чистилище. А когда не станет белых, все равно идти, но уже одним красным. Ибо нельзя обманывать душу. Она — центр мироздания.

И болеть России, пока не презрит насилие и нетерпимость. В себе не сможет нести это, ибо уже станет невозможным так жить. А до тех пор назначено ей болеть.

Представим слово Троцкому — руководителю Вооруженных Сил рабоче-крестьянской республики:

«Главное место в гражданской войне занял, как уже сказано, южный фронт. Силы врага состояли из двух самостоятельных частей: казачества, особенно кубанского, и добровольческой белой армии, набранной со всей страны. Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву».

Главным Южный фронт стал по одной причине: Восточный

фронт Колчака прикрыл развертывание сил южной контрреволюции. Притянув на себя внимание и главные силы Москвы в 18-м г., он дал время Деникину организовать. В то время это имело решающее значение.

Весной 1919 г. Добровольческая Армия под командованием генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского перебросена с Северного Кавказа в Донбасс и на юг Украины. В походе на Москву армия действует на основном стратегическом направлении: Курск — Орел — Тула — Москва.

Приказ о походе на Москву Деникин отдает в Царицыне 19 июня 1919 г. — армии Верховного Правителя России адмирала Колчака уже откатываются к Уралу. Через семь месяцев адмирал будет расстрелян и спущен под лед.

«На следующее утро, — пишет барон Врангель, — генерал Деникин присутствовал на торжественном богослужении и принял парад войск. После парада он пригласил меня и генерала Юзефовича в вагон и здесь, в присутствии генерала Романовского, прочел нам свою директиву:

«Вооруженные силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний Новгород, Владимир и Москву...

2. Генералу Сидорину — правым крылом до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву...

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлениях Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев...

Царицын, 20 июня 1919 года. Нр. 08878

Генерал-лейтенант ДЕНИКИН

Начальник штаба генерал-лейтенант РОМАНОВСКИЙ»

Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр — все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву».

К тому времени Антон Иванович был введен в должность главнокомандующего Вооруженных Сил Юга России. Обстоятельный, неторопливый... интеллигент — военный интеллигент. В повадках и привычках — типичный русак. И в жестах мягкий, предупредительный, вовсе не громобойный.

Антон Иванович, несмотря на чин, почитает за долг бывать на передовой и показывать господам офицерам, что за люди ими распоряжаются. Прямо из штаба части — на передовую. Пули — роем, а только не гнется генерал. Должность такая — быть выше поклонов и приседаний. Возьмет у офицера трехлинейку, ремень зажмет в ладонь, чтоб не болтался. Офицер с земли смотрит и от этого несколько виновато дает выражением лица понять: лежит, но не трус. И вдруг генерал зычно, вовсе не интеллигентски подаст команду — на обе стороны за версту пойдет — и зашагает вдоль цепи. Господа офицеры снизу скалятся: по душе им такой Антон. Рожи у всех обожжены солнцем, худые, но бритые, подворотнички чистые...

А он перебросит винтовку (играет в руках, с юнкерских лет выучка) — и вдруг сгорбится, соберется, прижмет приклад к бедру. Не чувствует тяжести Антон Иванович, не винтовка в руках, а что-то невесомое. Только неуловимо опустит правую руку, нащарит кобуру и расстегнет: а на всякий случай, а не помешает...

И все: с Богом...

Обернется и так же зычно, на всю степь рявкнет:

— Знамя! Знамя ко мне!

Протопают знаменосцы, с ними — знаменный взвод, у ассистентов шашки наголо. Знаменосец чехол сдирает, руки трясутся.

И вот оно! Захлопает, запылится на ветру российское, трехцветное: бело-сине-красное!

И уже рев по степи — теперь не унять, дело сделано: пойдут, а если надобно — все и полягут.

И опять зычно поет на всю степь Антон Иванович:

— Примкнуть штыки!

Шагает по цепи, словно и пуль нет (а не отлита еще для него — знает это определенно, есть такое чувство). За ним — веером штабные, а что делать... нельзя отставать... шашки поблескивают... Антон Иванович и не оборачивается, разве что метнет взгляд: как они там... А, не отстают! Раненый охнет. И глухо, мякотно завалится срезанный наповал: захрипит, заскребет каблуками землю — и отлетела душа. Антон Иванович и не повернется — правила такие: война. Погоны не полевые, в золоте. Бей не спеша — и завалишь первого белого генерала, पहले нет...

Да только генерал плевал на это. Размашисто вышагивает, в обычной жизни вроде так и не выйдет. Всё перед ним: степь, люди, — а ничего не видно. Всякий раз вот этак — сколько ни ходи...

Однако возьмет себя в руки, отрезвеет. Расцветет в улыбке — молодец молодцом.

Угроза гибели на каждом по-разному откладывается. У одних

лица кирпично-красные, в сальной пленке пота; у других — блее снега. У одних глаза суженные, ну щелки, а не глаза; у других — выпученные, дикие. Но у всех не лица, а маски и губы бескровные.

Быстро, летуче крестятся. Не все, но крестятся. Он бы и сам перекрестился, да заняты руки. Ничего, у него с Господом ровные отношения... Чувствует: лицо — тоже чужое, вроде не свое. Полную грудь воздуха наберет и прокричит:

— В штыки, господа! За мной! За Бога и Отечество, марш!

И всей кожей примет (сам не оборачивается — нельзя это, этика тут своя), как заворочались, оторвались от земли люди.

И мат, обложной мат по всей цепи. Ярятся к крови господа офицеры.

Антон Иванович и сам ловит себя на том, что безобразно матерится, но сознание тут же опять отключается на чисто животные действия. Он набыченно, мешковато топает с винтовкой наперевес навстречу выстрелам, похожим на один несмолкаемый, очень громкий и какой-то ломано-скачущий звук.

А уж со всех сторон натужливый дых и бессмысленные маски лиц. Теперь не остановишь — дойдут. Будут рвать руками, рубить, резать, колоть, мозжить прикладами... теперь не остановишь...

И со всех сторон рев — вовсе не «ура», а рев, жуткий мат...

Пошли врукопашную...

Матерый был русак Антон Иванович.

18 июня 1919 г. генерал Врангель издает приказ по Кавказской армии:

«Славные войска Кавказской армии!

8 мая под станцией Великокняжеская вы разбили противника и погнали его к Царицыну.

С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье Калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому беспрерывно подходили подкрепления, не могли остановить вас.

В ряде жестоких боев вы разбили X и подошедшую XI армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага — Царицын...»

Красные потеряли 40 тыс. пленных, 70 орудий, 300 пулеметов. Оказались захвачены бронепоезда «Ленин» и «Троцкий», 131 паровоз, 10 тыс. вагонов, из них 2085 — с военными грузами.

«19-го утром я прибыл в Царицын, — пишет Врангель, — и прямо с вокзала проехал в собор. Огромная толпа народа заполнила храм, площадь и прилегающие к ней улицы. Престарелый епископ Дамиан за несколько дней до нашего прихода должен был бежать и скрывался где-то на окраине города. Служил настоятель собора, освобожденный из тюрьмы нашими войсками. Во время службы и он, и большинство присутствующих плакали. По окончании богослужения я вышел на площадь и обратился к населению, привет-

ствуя граждан с их освобождением и обещая защиту и покровительство армии.

В тот же день вечером прибыл в Царицын Главнокомандующий (Деникин. — Ю. В.)...

Город Царицын, «Красный Верден»¹, как называли его большевики, оказался в ужасном состоянии. Все мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено, магазинов и лавок не существовало. Зимой в городе свирепствовали страшные эпидемии, смертность была огромна, умерших не успевали хоронить, трупы сваливали в овраге у городской тюрьмы. По словам жителей, в овраге свалено было до 12 000 трупов. С весной трупы стали разлагаться, зловоние стояло на несколько верст кругом... Улицы города представляли собой свалочное место... Уже через несколько дней по нашем приходе город стал оживать. Улицы наполнились народом. С левого берега Волги повезли всякой живности и зелени. Продукты быстро падали в цене. Постепенно стали открываться магазины».

Остается лишь добавить, что войсками большевиков под «Красным Верденом» фактически командовал Сталин.

Примеры отважного поведения высших чинов белой армии нетрудно обнаружить в воспоминаниях Павла Макарова — адъютанта генерала Май-Маевского². Впрочем, все продвижение по службе этих людей было сопряжено с обязательным проявлением личного мужества. Такие, как коммунист генерал Ф. Н. Голиков, о котором рассказывает в воспоминаниях Н. С. Хрущев, среди высшего командного состава русской армии не водились. Дворянская честь, традиции исключали проникновение голиковых в генералы. Это же позор, пятнами покрываешься, когда читаешь, как мучался Голиков: бежать надо за Волгу, бежать, а то поздно будет!.. А бойцы?.. Это их дело...

И этот генерал стал маршалом и начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота! Это уже печать, клеймо: первый коммунист в армии, так сказать, определенный на это место, дабы все были беззаветно преданы

¹ Верден — город и крепость на северо-востоке Франции. В мировую войну 1914—1918 гг. под Верденом шли кровопролитнейшие сражения. Немцы старались взять его во что бы то ни стало. Общие потери обеих сторон достигли 1 млн. человек, но городом германские армии так и не овладели. Весь мир с напряжением следил за боями под Верденом.

² См. Макарова П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. Л., «Прибой».

В книге есть приписка:

«От редакции

Все факты, сообщаемые в книге т. Макарова, проверены Истпартоделом ОК ВКП(б) Крыма и рядом партийных работников, работавших в Крымском подполье» (ОК — отдел кадров. — Ю. В.).

Даты выпуска книга не имеет, но появилась она не позже 1930 г., когда издательство «Прибой» слилось с ОГИЗом.

социалистической Родине и не отворачивали от пуль, — и трус! Нет, это уже знамение Божие!

Не все красные и советские генералы таковы, как Голиков: подавляющее большинство погибало достойно, смерти смотрело в глаза. И понятно — ведь это защита Родины, своего народа.

Генерал Алексеев — участник боев в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Награждался за участие в атаках своего полка.

Корнилов и вовсе, даже в генеральских чинах, непрестанно испытывал судьбу. «Генерал, ходящий в атаки, пробивающийся с револьвером» — так написал о нем Шкловский, довольно близко знакомый с ним. Лавр Георгиевич даже не испытывал судьбу, а свято верил в нее, в свое особое назначение — спасти Россию. И он упорно ставит жизнь на ребро. Как же, его ведет Божий промысел, этот промысел — Россия!..

Адмирал Колчак рисковал в северном плавании, когда на вельботе ушел к острову Беннета (в ту пору неразведанную сторону); рисковал в морских операциях начала мировой войны, а до этого в Порт-Артуре.

У этих людей не было посредников между жизнью и риском увечий и смертью...

Не они хомутали русскую волю — точь-в-точь как в опричнину при Иване Губителе; не они требовали от русских безгласной покорности перед партийными резолюциями — выше чести, любви, родовых, кровных уз. Не они травили людей за веру и свой голос.

И не они занесли меч над русскими святынями. Не они принялись вливать в душу народа яд. И не они опрокинули русскую жизнь в пламя и жар Огненного Креста.

Проклятые народом белые генералы...

«Как-то он (Деникин. — Ю. В.) пригласил меня обедать, — вспоминал Шульгин, — и высказался так:

— Французская революция в свое время объявила собственность священной и неприкосновенной и декретировала смертную казнь тем, кто будет на собственность посягать (Ленин — продолжатель якобинцев и Маркса, конечно, посягнул именно на собственность. — Ю. В.). А Наполеон говорил: «Если собственность рухнет, то это будет катастрофа. И я со всеми своими пушками не смогу ее восстановить».

Я — убежденный собственник, хотя моя собственность ограничивается шинелью и жалованьем. Но в моих мечтах — довести Россию до того, чтобы она смогла сделать какое-то волеизъявление. Это определит ее дальнейшую судьбу и форму правления. А я тогда мечтаю уйти в отставку...»

Петр Николаевич сдержан в чувствах, но, когда речь заходит о России, слог его приобретает взволнованную строгость, чеканную выразительность великих поэм о бедах народов. Впрочем, те черные будни расправ и убийств русских русскими без всякой на то надобности, разгула воровства, насилий и прочих мерзостей сплелись в одну муку и скорбь воистину эпической борьбы.

«Горькое чувство овладело мною, — пишет Петр Николаевич. — Я ясно отдавал себе отчет, что ошибочная стратегия Главнокомандующего сведет на нет все наши военные успехи, достигнутые такой дорогой ценой... 29 июля (все того же, 1919 г. — Ю. В.) я обратился к Главнокомандующему с официальным письмом:

«Милостивый Государь Антон Иванович,

В минуту казавшейся неизбежной гибели Великой России, когда Армия разваливалась, общество трусливо попряталось по углам и обезумевший народ грабил и жег Родную Землю (это уже по кличу Ленина. — Ю. В.). Вы подняли выпавшее из рук убитого генерала Корнилова знамя «спасения Родины». Под сень этого знамени стекались те, кто не потерял еще веры в спасение России, кто, веря в Вас, шел за Вами на служение Родной Земле.

В числе их был и я. Скоро год, как я в рядах Армии иду за Вами, страдая душой при виде потоков русской крови, пролитых братской рукой, при виде мерзости запустения Родной Земли, но незыблемо веря в светлое будущее России. Служа с Вами одному великому делу, являясь ныне одним из Ваших ближайших помощников и прожив целый год в рядах водимых Вами войск, я связан с Вами как солдат. Как человек я обязан Вам тем неизменно сердечным отношением, которое особенно чувствовал во время перенесенной мною смертельной болезни.

Всю жизнь я честно и прямо высказывал свои убеждения и, будучи связан с Вами и как служивший под Вашим начальством солдат, и как человек, искренно Вам преданный, почитал бы бесчестным ныне затаить «камень за пазухой» и не высказать Вам все, что наболело у меня на душе...»

И Петр Николаевич пространно излагает свои соображения по ведению боевых действий. Заканчивает он письмо словами:

«С открытым сердцем, не допуская недомолвок, я пишу Вам, рассчитывая на Ваш такой же откровенный ответ.

Уважающий Вас и сердечно преданный П. ВРАНГЕЛЬ»

В итоге всех этих объяснений генерал Врангель вынужден будет покинуть Крым и обосноваться в Константинополе, пока в марте 1920 г. военный совет не избрет его своим новым главнокомандующим.

Талантлив и широк натурой Владимир Зенонович Май-Маевский. Накануне мировой войны командовал 44-м пехотным Камчат-

ским полком 2-й бригады 11-й пехотной дивизии в звании полковника, а уже в войну Бог сподобил и корпус принять. Грузен, непомерно широк в боках генерал. На переносе — узенькое пенсне, на широкой, жирноватой груди — два офицерских Георгия. Отмерил ему Создатель в 1919-м пятьдесят два.

«На другой день я выехал на станцию Харцыск, дабы повидать генерала Май-Маевского, — рассказывает Петр Николаевич, — и переговорить с ним по содержанию полученного мною от генерала Романовского письма. Я впервые увидел генерала Май-Маевского. Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и с громадным носом-сливой, маленькими мышиными глазками на гладковыбритом, без усов и бороды, лице, он, не будь на нем мундира, был бы, несомненно, принят каждым за комика какой-нибудь провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и, несомненно, неглупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление... Он, видимо, близко стоял к своим войскам, знал своих подчиненных».

Постепенно сдал в требовательности к себе генерал, запивает, отключаясь от всех забот, не только фронтовых. А ведь коли по душам, по-людски, так и понять можно: уж пятый годок одно горе да убийства. Не деревянные, поди... Это к нему личным адъютантом устроился большевик Макаров Павел Васильевич. Владимир Зенонович поверит бывшему прапорщику, назвавшемуся капитаном, и навесит капитанские погоны. Дорого обойдется белым доверчивость Владимира Зеноновича, а с другой стороны, русак... Макаров ведь... И вроде бы боевой офицер... Угадай тут. Да что ж, без души жить, на засов все чувства! Жили до сих пор россияне одним племенем...

Генералы метили стрелками карты, обводили цветными кружочками места боев, скопления войск противника, свои резервы. Вот вот из-за лесов и полей сверкнет куполами первопрестольная.

Но дело подвигалось к грандиозной катастрофе. Когда она грянула, генерал Врангель не без желчи заметил о Май-Маевском: «О чем вы раньше думали? Что генерал Май-Маевский негоден, об этом давно знают все».

К началу октября 1919 г. — времени катастрофы — деникинские армии отвоёвывали около 18 губерний — это 42 млн. человек, треть России.

Белый дых столь смертоносно близок — Ленин отдал распоряжение Дзержинскому и некоторым другим высшим работникам из особо доверенных подготовить руководству партии фальшивые документы, тайные убежища, а также перевезти в тайники (самые надежные места) оружие, архив партии и государства, золото, драгоценности, в общем, все, что может потребоваться... после победы белых. Ленин готов все начинать сызнова, верит: история работает на будущую Россию — социалистическую.

Советская власть не могла быть разрушена чисто военными,

механическими действиями — и вот это не укладывалось в генеральские головы, даже не возникало там. Они мыслили Гражданскую войну как чисто военные операции.

Понятие справедливости и правды у белых не реализовывалось ни во что другое, как только в пафос слов: крушение старого мира почти ничему не научило. Их одуряло ощущение силы — возможность ею добиться всего. Эти люди непрерывно губили свое дело, имея в начале движения все возможности для победы. Но чем полнее они открывали свои лица, тем туже затягивали у себя на шею веревку, пока народ вообще не отказал им в воздухе на родной земле.

Огненный Крест.

Истинным творцом «красной конницы» являлся Борис Мокеевич Думенко. Весной 1918-го он собирает небольшой конный отряд, а спустя год уже командует конной группой Десятой армии. На базе этой группы в июне 1919-го формируется 1-й Конный корпус. За тяжелым ранением Думенко в командование корпусом вступил Буденный.

В конце 1919—начале 1920 г. Думенко во главе вновь созданного им корпуса совершил не имеющий себе равных по результатам поход от Царицына до Новочеркасска. На него фабрикуется дело. 11 мая 1920 г. по приговору выездной сессии Реввоентрибунала Республики Думенко вместе со своим штабом был расстрелян. Приложили к этому руку и Буденный, и Ворошилов, и Щаденко, и Тимошенко... Безусловно, были в курсе дела и Троцкий с Лениным. Ни с одной стороны возражений не последовало.

Вооруженные Силы Юга России предприняли поход на Москву, когда судьба Восточного фронта была решена, адмирал Колчак отступал. В этой несогласованности вся недооценка красных, все высокомерие и презрение белых генералов. Как же народ ненавидел их!

Вожди белого движения вели борьбу, усматривая в России легкую добычу. В эту свару оказались втянутыми все политические организации, признанные белым движением.

Нечего и говорить, как это при спаянности большевизма поднимало его шансы на успех.

А пока фронт осаждает к Москве.

На торжественных церемониях в белом тылу гремит военная музыка — «именные» полки (после — дивизии) обзавелись своими маршами. У каждого такого полка — своя форма и своя полковая музыка. После Измайловского, Преображенского, Семеновского полков в России открывается история новых, не менее почетных. Россия вот-вот осилит смуту.

«Гром победы, раздавайся!..»

В рейд по тылам красных Деникин бросает конную группу генерала Мамонтова¹. Еще усилие — и Москву накроет бело-сине-красный стяг. И Шкуро гонит своих казачков...

Командующий Донской армией генерал Сидорин² в разгар наступления подает Деникину рапорт за рапортом. Он упорно обращает внимание главнокомандующего на безотлагательность работы по укреплению и преобразованию тыла. Сидорин предлагает «отвести наши слабые, зарвавшиеся вперед войска на юг, пожертвовать даже Харьковом».

Антон Иванович отозвался с болезненной поспешностью: наше быстрое движение путает расчеты большевиков. Он уязвлен: подобные предостережения поступают и от других генералов, разве что Владимир Зенонович молчит...

На военные просчеты давно и настойчиво указывает Деникину и барон Врангель. Вот эти строки из его воспоминаний:

«Безостановочное, стремительное наступление Донской и Добровольческой армий, при чрезвычайной растяжке нашего фронта, при полном отсутствии резервов и совершенной неорганизованности тыла, представлялось опасным. Мы (то есть командование Кавказской армии. — Ю. В.) предлагали Главнокомандующему временно закрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын — Екатеринослав...»

А Май-Маевский пьет; застолье с юными приятными дамами (как, например, Жмудской), лесть — и этот ни на что не похожий чертов фронт! Он не может не сознавать всей шаткости обстановки. Но фальшивый капитан Макаров помогает заглушать тревогу — он такой мастак в организации пирушек. Право, отличный адъютант! А что, и впрямь, Москва под боком, а он, Владимир Зенонович, ведет эту рать.

Врангеля возмущает бесхребетность Деникина в отношениях с генералитетом. Безжалостной рукой пресечь любое неповиновение, расхлябанность и особенно пьянство с развратом. Как все это допустимо в трагические дни для Родины! Как это может быть — ведь в твоих руках судьбы народа?!

«Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью давший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное

¹ Генерал Мамонтов командовал конной группой из трех корпусов. В группу входил и конный корпус разбойного генерала Шкуро.

² Генерал Сидорин в эмиграции будет завербован (а потом разоблачен) чекистами и станет ревностно выполнять задания ВЧК-ОГПУ-НКВД.

бросание денег этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно».

Антон Иванович рассчитывает на стремительность продвижения, осталось 200—300 верст, всего несколько переходов для кавалерии. Эта стремительность и не позволяет противнику принимать ответные меры, он только успевает отходить. На плечах красных ворваться в Москву! Не давать им передышки, не давать времени на организацию фронта.

Принцип единой и неделимой России, над которым во всю историю так издеваются большевики, был принят ими самими безоговорочно, но только в другой форме. Удержат Финляндию и Польшу не представлялось возможным, хотя в польскую кампанию такие надежды всколыхнулись — красные разъезды почти доставали до пригородов Варшавы. Поэтому об отделении Финляндии и Польши большевики заявляют как о торжестве социалистических принципов и праве народов на самоопределение. Для всех же прочих народов, закрепленных Россией за собой, этот принцип ошельмован. Право есть, а не воспользуешься. На губах Москвы черная улыбка.

Добровольческая Армия ниточкой растянулась на обширном фронте. Резервы отсутствовали, части измотаны, скверно сбиты, еще хуже обмундированы, хотя тыловые склады ломаются от поставленной союзниками амуниции, но все это идет на расхищение и спекуляцию. Это оргия казнокрадства!

На личный состав Добровольческой Армии был заведен строгий и весьма дотошный учет. Вся эта канцелярия в большинстве своем была взята красными (вот уж пособила в работе «женевской» твари!). В среднем на сотню солдатских карточек приходились две-три с отметкой «расстрелян за большевистскую агитацию».

Гром победы...

«Лошади до такой степени устали, — пишет очевидец о тех последних победных шагах, — что не могли развить никаких аллюров, кроме шага. У замученных людей, дезорганизованных грабежами и насилиями, исчезла вера в свои силы...»

«Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот. — Горечь в словах Врангеля, когда он рассказывает об этом. — Тыл был по-прежнему не организован. Войсковые начальники, не исключая самих младших, являлись в своих районах полновластными сатрапами. Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением. Как я уже говорил, трудно было первое время в условиях настоящей борьбы требовать от войск соблюдения обычаев войны. В течение долгих месяцев армия жила военной добычей. Разоренные и ограбленные большевиками казаки справедливо хотели вернуть свое добро. Этот стимул, несомненно, приходилось

учитывать... Однако рядом неуклонно проводимых мер я стремился постепенно привить частям моим чувство законности».

И гром раздался.

Уже после крушения фронта и начала бегства тот же очевидец пишет: «...не только от наличия военной силы зависел сейчас исход борьбы. Неизмеримо большее значение имел моральный фактор. Большевики решили вопрос психологически. Их противники теряли веру в себя, волю к победе. И огромная донская конница, с глубокой ненавистью относившаяся к большевикам, теряла, как выражались фронтовики, «сердце» и отходила к Новочеркасску, не проявляя той стойкости, которой она отличалась несколько месяцев назад...»

2 ноября 1919 г. в Харькове, в штабе Добровольческой Армии, Деникин собирает совещание. Он приказывает Май-Маевскому доложить обстановку: что с армией, почему она так неудержимо бежит? Где резервы?

Май-Маевский заявляет, что в оперативном отделении нет карты, она на вокзале. Там, по предположению штаба, должно было состояться совещание. Более часа совещание поджидает нарочного с картой. Это производит тягостное впечатление.

Доклад Май-Маевского, к смятению участников, вдруг обнаруживает, как поверхностно знает штаб Добровольческой Армии обстановку. Из бессвязного доклада ясно одно: фронт прорван, белые части откатываются, но где, какие — неизвестно. Резервов нет. Отправлено последнее пополнение — 800 штыков. Это катастрофа, и когда, где — до Москвы уже рукой подать!

Несколько позже, так сказать в приватной беседе, Владимир Зенонович скажет барону Врангелю:

— Я считаю положение тяжелым и безвыходным. Причин много, объяснять не буду.

Май-Маевский отстранен от командования и вызван в ставку, в Таганрог.

Лжекапитан Макаров вспоминал:

«Улица, где жил Деникин, охранялась патрулями.

Приемная Деникина была обставлена мягкой мебелью. На стенах висели картины знаменитых художников и оперативная карта грандиозных размеров.

Деникин поздоровался с Май-Маевским самым дружеским образом и пригласил в соседнюю комнату.

— Владимир Зенонович, мне неприятно было отозвать вас. Я долго не решался... У меня была мысль подчинить вам Врангеля... Но вы поймите меня, я это сделал в интересах нашего общего дела...

— Антон Иванович, разрешите мне выехать в Севастополь, где я буду жить...

— Пожалуйста, пожалуйста, с полным окладом жалованья. А теперь пойдемте посмотрим фронт.

Генералы углубились в карту.

— Владимир Зенонович, что вы думаете об общем положении фронта?

— Положение тяжелое. Единственный, по-моему, выход — сосредоточить распыленные части на Кубань и Крым...

— Что вы, Владимир Зенонович?! Отдать без боя занятую территорию?! Нет, я с этим не согласен.

— Другого выхода нет, — настаивал Май-Маевский, — от больших соединений остались небольшие группы, разбросанные на огромной территории. Надо предположить, что противнику с превосходящими силами нетрудно будет ликвидировать эти группы, отрезав их от своих баз и связи. Вы же сами говорите, что от многих частей не имеете сведений... Возможно, они окружены и участь их решена. Нужно еще учесть: армия состоит из крестьян и пленных и у нас не столько потери, сколько дезертиры...

— Нет, Владимир Зенонович, вы не правы. К Кубани мы всегда можем отойти. Я постараюсь задержать наступление красных и перейти в контрнаступление.

— Антон Иванович, а как положение Колчака?

— Он отступает быстрее нас. У него большой недостаток командного состава: унтер-офицеры командовали полками. Колчак просил у меня офицеров; как хорошо, что я не послал их...»

Даже этот отрывок свидетельствует о неграмотности и неправильности речи лжекапитана.

«Май-Маевский часто диктовал мне приказы и распоряжения, — пишет Макаров. — Иногда брал у меня из рук лист, качал головой и укоризненно восклицал:

— Капитан! Почему вы так безграмотно пишете?! Будьте же внимательнее!

Я довольно несвязно ссылаясь на тяжелую жизнь и контузию.

Однажды в приказании начальнику штаба я написал «сурьезно». Начальник штаба генерал Ефимов старательно переправил «у» на «ю».

— «Сурьезно!» — прочитал удивленно Май-Маевский. — А кто же так поправил? — поинтересовался он смеясь.

— Начальник штаба, ваше высокопревосходительство...»

Сцена просто эпическая.

Любопытно, еще действует революционная этика: мягкая мебель — это у буржуев, крестьянам и рабочим она ни к чему, картины — тоже свидетельство роскоши и разложения... Ну, а что до карты «грандиозных размеров», тут Павел Васильевич не может удержаться от обычного детского изумления.

Деникин напишет:

«Май-Маевский был уволен.

До поступления его в Добровольческую Армию я знал его очень мало...

Май-Маевский прожил в нищете и забвении еще несколько месяцев и умер от разрыва сердца в тот момент, когда последние корабли с остатками белой армии покидали севастопольский рейд.

Личность Май-Маевского перейдет в историю с суровым осуждением...

Не отрицаю и не оправдываю...

Но считаю долгом засвидетельствовать, что в активе его имеется тем не менее блестящая страница сражений в каменноугольном районе, что он довел армию до Киева, Орла и Воронежа, что сам по себе факт отступления Добровольческой Армии от Орла до Харькова при тогдашнем соотношении сил и общей обстановке не может быть поставлен в вину ни армии, ни командующему.

Бог ему судья!»

А Макаров... сбежит из камеры смертников к партизанам, в Крымские горы. Определенно по душе Господу цепкость рук и чугунные души...

«Армия, — писал впоследствии Врангель Деникину, — воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, имея начальников, которые примером своим развращали войска, — такая армия не могла создать Россию. Лишенная организованного тыла, не имея в тылу ни одной укрепленной позиции, ни одного узла сопротивления и отходя по местности, где население научилось ненавидеть добровольцев, — армия, начав отступление, стала безудержно катиться назад по мере того, как развивался успех противника и обнаруживалась несостоятельность стратегии и политики...»

По воспоминаниям Локкарта, единственной целью каждого русского буржуа была интервенция британской армии для восстановления порядка в России, если не британской, так германской армии.

Как я уже писал, независимая позиция Петра Николаевича Врангеля привела его к фактическому изгнанию. Предложение об этом было передано через англичан. Предложение покинуть Россию. Это было вдвойне большее. Ему, русскому генералу, англичане передают предложение главнокомандующего покинуть Россию.

«Сведения о моей высылке быстро распространились. Известие об этом было встречено в армии и обществе весьма болезненно. Я ежедневно получал огромное число сочувственных писем и телеграмм. Многие приходили лично — соболезновали, просили остаться. Это было очень тягостно. Отъезд мой все откладывался... Все угольщики направлялись в Новороссийск, где шла поспешная эвакуация (бегство разбитой белой армии из Новороссийска в Крым судами из Новороссийска в феврале—марте 1920 г. — Ю. В.)... Потеряв надежду выехать на русском судне, я скрепя сердце сел на английский «слуп».

Стояла легкая зыбь. Печально смотрел я на исчезающие за горизонтом родные берега. Там, на последнем клочке родной земли, прижатая к морю, умирала армия. То знамя, которое она так гордо несла, было повержено в прах. Вокруг этого знамени шла пред-

смертная борьба, борьба, роковой исход которой не оставлял сомнений...

Я много слышал и читал про Босфор, но не ожидал увидеть его таким красивым. Утопающие в зелени красивые виллы, живописные развалины, стройные силуэты минаретов на фоне ярко-голубого неба; пароходы, парусные суда и ялики, бороздящие по всем направлениям синие прозрачные воды; узкие живописные улицы, пестрая толпа — все было оригинально и ярко красочно.

Мы остановились с генералом Шатиловым (начальник штаба Врангеля. — Ю. В.) в здании русского посольства, где военный представитель генерал Агапеев любезно предоставил в наше распоряжение свой кабинет. Громадные залы посольства были переполнены непрерывно прибывающими с Юга России многочисленными беженцами... Моя семья пользовалась гостеприимством англичан на о. Принкипо. Я и жена тяготились чужеземной помощью и решили при первой возможности перебраться в Сербию; остановка была за деньгами. Мы выехали из России совсем без средств. После долгих хлопот мне... удалось сделать заем в одном из банков, и на первое по крайней мере время мы могли себя считать обеспеченными.

Отъезд наш задерживался тяжелой болезнью матери моей жены...

Неожиданно я получил от генерала Деникина письмо — ответ на посланное мною перед отъездом из Крыма.

„Милостивый Государь, Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходилось напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды... Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло. А. ДЕНИКИН“»

В январе—феврале 1920 г. даже в южных задонских и кубанских степях морозы стояли 30-градусные.

Раненые и больные, лишённые самого примитивного ухода, гибли тысячами.

Фронтвики жаловались:

«Всего опаснее — получить ранение. Сама рана — пустяки: перетерпишь. А вот когда месяцами станут возить по железной дороге, да положат вместе с тифозными, да станут морозить, да морить голодом, — вот тогда вряд ли выживешь...»

Очевидцы не скупятся на подробности:

«Скученные, заедаемые паразитами войска тают с невероятной быстротой. Творится нечто ужасное, не поддающееся описанию...»

Свое слово скажет и Деникин: «Насилия и грабежи. Они пронесли по Северному Кавказу, по всему югу, по всему российскому театру Гражданской войны, наполняя новыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все «цвета» военно-политического спектра и не раз стирая черты, отделяющие образ спасителя от врага...»

За войсками следом шла контрразведка. Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское или терское правительство, но даже... отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью...»

Зеленые — это те, кто не пошел ни за красными, ни за белыми, не примкнул к повстанческим армиям Махно, Антонова, увильнул и от бандитской «повинности». В основном это были дезертиры, которые отсиживались в лесах, кубанских плавнях, — отсюда и прозвание: зеленые. В боевом отношении они тоже были достаточно опасны, так как сопротивлялись любым попыткам их подчинить. По существу, это тоже были банды, но без свойственных им активности и людоедства. Они не хотели служить ничьей идее и никому. Часто к зеленым шли самые обычные призывники. Вместо военкомата, сборного пункта — в лес или камыши...

Белые города являли собой отвратные картины. Преисподняя, ставшая вдруг явью.

«Пьянство, грабежи, насилия, бессудные расстрелы, огромные траты, возрастающая с каждым днем дороговизна, общее стремление... жить, руководствуясь принципом «лови момент», — все это свидетельствовало лишний раз о всеобщем развале и разложении...»

Деникин приказывает бросить навстречу Буденному конную группу генерала Павлова, отборные, надежные полки. Есть надежда не только остановить, но и расшибить врага.

«Генерал Павлов, стремясь как можно скорее столкнуться с Буденным, нашел необходимым идти по необитаемому левому берегу Маньча, по безлюдным степям, без дорог, по компасу... благодаря сильному морозу и ветру, благодаря полному отсутствию жилья половина корпуса в буквальном смысле вымерзла. Вместо двенадцати тысяч шашек... по строевому рапорту, в отборной конной группе осталось пять с половиной тысяч шашек. Остальные, в том числе и сам Павлов и весь командный состав, были обморожены или же совершенно замерзли.

Четыре дня шла донская конница по безлюдным степям. В двадцатичетырехградусный мороз с сильным ветром... негде было остановиться и укрыться... Ночевали в необитаемых зимовниках донских коннозаводчиков, причем один зимовник из нескольких избушек приходился на целую дивизию. Лишь немногим счастливым удалось попасть под крышу. Остальные ютились возле заборов и своих лошадей...

Последняя ночь... стояли под Торговой. Большевики энергично обстреливали... но пули никого не пугали. Страшнее был мороз. Тысячи обмерзших остались позади нас, в степях. Их засыпала уже метель. Уцелевшие жались возле своих лошадей... Чувствуешь, что начинаешь дремать, что засыпаешь, падаешь... Еще несколько минут — и уснешь вечным сном...»

После этого рейда в снегах находили целые эскадроны застывших до остекленения лошадей и людей в полной боевой выкладке...

Отнеси платок кровавый
К милой, к любушке к моей...

Одна из последних серьезных попыток погасить красный вал — нестерпимым жаром и огнем катился он от Москвы к морю.

И даже после этого, уже при состоявшемся крахе, отдельные части Добровольческой Армии сохраняли завидную боеспособность.

Деникин свидетельствует:

«...Донесения отмечали доблесть славных добровольцев и рисовали такие эпические картины, что, казалось, оживало наше прошлое... Движение, например, в арьергарде полковника Туркула с Дроздовским полком сквозь конные массы противника, стремившегося окружить и раздать его... При этом Туркул неоднократно сворачивал полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери...»¹

Документы красных дорисовывают картину павловского рейда². Слово начдиву Конармии О. К. Городовикову:

«Помню, как ночью в феврале 1920 г., когда белогвардейщина скатывалась к берегам Черного моря, под станцией Торговой конный корпус генерала Павлова внезапно напал на стоянку Конной армии³. Части дрогнули. Удар был внезапен, ночь глуха, на дво-

¹ Еще в 60-е годы полковник Туркул был жив. О встрече с ним в Вене и интересной беседе мне рассказывал П. К. Пономаренко — тогда представитель СССР в МАГАТЭ. Старый полковник ни в чем не раскаивался, хотя к этому пытался подвести его в беседе Пономаренко. Гитлеровцев Туркул ненавидел и служить им наотрез отказался, но и свою бывшую Родину считал захваченной большевиками — и ничто не могло его убедить в обратном. Надо полагать, с тем и умер старый белый полковник. Вояка он был бесстрашный — о его исключительной храбрости я читал и в других воспоминаниях.

² См. А к ш и н с к и й В. С. Климент Ефремович Ворошилов. М., Политиздат, 1979, с. 103.

³ 30 ноября 1919 г. конный корпус Буденного после ожесточенного боя овладел селом Велико-Михайловка. С этого дня корпус стал Первой Конной армией.

ре трещал 20-градусный мороз. Паника стала охватывать бойцов. Тогда по улице поселка проскакала вдруг кавалькада всадников. Впереди на своем неизменном Маузере крутился Ворошилов.

— Товарищи бойцы! — кричал он. — Назад, в контратаку! Лучше смерть, чем такой позор... Вперед!

Вокруг... собрались отдельные взводы. На выходе из поселка к нему подсказали два эскадрона, сохранившие строй. Через час все части собрались в мощный кулак (интересно, что делал в этот час генерал Павлов? — Ю. В.). Павловская атака (не атака, а угроза атаки, появление белых в непосредственной близости от расположения красных ночью, в мороз. — Ю. В.) была опрокинута. Во главе с Ворошиловым и Буденным отборные полки Первой Конной разрезали пополам корпус Павлова, оттеснили на открытую равнину. Несколько тысяч белогвардейцев погибли в этой кровавой сече».

Ворошилов (1881—1969) являлся бессменным членом и председателем РВС Конной армии, Буденный (1883—1973) — членом РВС и командующим.

Членом РВС армии был и Е. А. Щаденко — по его ретивости много людей лягут в землю или наглотаются слез. Думается, по данной причине он не удостоился чести наличествовать в Советской исторической энциклопедии, а был известен и весьма вхож к «самому». Большевистскую ярость «до классового врага» пережигал, будучи распорядителем кадров сначала Красной, а после Советской армий. Не шибко отстанет от него и генерал Запорожец — тоже прочесывал армейские кадры. Горькую по себе «вырыли» память.

На крымский клочок земли оказались выброшенными остатки некогда грозных белых армий. Генерал Врангель отмечал:

«В Крым переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев (то есть солдат и офицеров Добровольческой Армии. — Ю. В.) и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при посадке брошена. Казачьи полки были совершенно деморализованы. Настроение их было такое, что генерал Деникин, по соглашению с Донским атаманом Богаевским и командующим Донской армией генералом Сидориним, отказался от первоначального намерения поручить донским частям оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря и решил немедленно грузить их на пароходы и перебросить в район Евпатории, отобрав от полков последнее оружие.

Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборванны и озлобленны, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добро-

вольческий корпус (Кутеповский. — Ю. В.) боевой силы в настоящее время не представлял.

Фронт удерживался частями генерала Слащева...»

А Крест все не рушился; казалось, источен жаром, вот-вот раскатится на угли. А он нет, откуда-то из недр черпает силу — и стоит, стоит... Ровно Господь еще надеется на что-то...

Нестерпим его пыл каждому русскому. Гудит, вихрится огонь.

Видны лапы и тело Креста — огромный огненный смерч — знамение прошлой и будущей жизни.

Памятник всем жизням.

Высокой душевной силы народ... потерявший силы, надорванный... прими поклон от меня. Шел я с тобой одной тяжелой дорогой. Буду с тобой до конца. Не оставлю. Никогда не отступлюсь — всегда с тобой...

Все века, громада тысячелетия России взирают на нас: кто же мы для нее, что мы можем?

Примем же каждый мучу с народом, не отступим от Родины; будем с нею, не дадим порочить ее светлое имя; будем, как и предки наши, опорой ей. Не дадим сгинуть нашей свободной речи, песням, музыке, великим письменам и гордости наших прадедов и пращуров.

Кто же мы для России? (Писал я это 15 ноября 1991 г.)

Позже, уже в эмиграции, Деникин напишет:

«Развал так называемого тыла — понятие, обнимающее, в сущности, народ, общество, все невоющее население, — становился поистине грозным. Слишком узко и элементарно было бы приписывать «грехам системы» все те явления, которые, вытекая из исконных черт нации, из войны, революции, безначалия, большевизма, составляли непроницаемую преграду, о которую не раз разбивалась «система».

Классовый эгоизм процветал пышно повсюду, не склонный не только к жертвам, но и к уступкам. Он одинаково владел и хозяином, и работником, и крестьянином, и помещиком, и пролетарием, и буржуем. Все требовали от власти защиты своих прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношениях большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй и собственность. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась ничтожными в полном смысле цифрами. И в то же время претензии этих классов были весьма велики...

Долго ждали мы прибытия видного сановника — одного из немногих, вынесших с пожарища старой бюрократии репутацию передового человека. Предположено было привлечь его в Особое

совещание. Прибыв в Екатеринодар, при первом своем посещении он представил мне петицию крупной буржуазии о предоставлении ей, под обеспечение захваченных советской властью капиталов, фабрик и латифундий, широкого государственного кредита. Это значило принять на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время как нищая казна наша не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников...

Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось очень слабо. В частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространение... Борьба с ним не имела никакого успеха. Я приказал одно время принять исключительные меры в пункте квартирования ставки (Екатеринодар) и давать мне на конфирмацию все приговоры полевых судов... Прошло два-три месяца; регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екатеринодар ярославским, тамбовским крестьянам, которым неизменно я смягчал наказания; но, несмотря на грозные приказы о равенстве классов в несении государственных тягот, несмотря на смену комендантов, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало...

Не только в народе, но и в обществе находили легкий сбыт расхищаемые запасы обмундирования новороссийской базы и армейских складов...

Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий: кооператора, социал-демократа, офицера, даму общества, художника и лидера политической организации. Несомненно, что не в людях, а в общих явлениях народной жизни и хозяйства коренились причины бедствия — дороговизны и неразрывно связанной с ней спекуляции. Их вызвало общее расстройство денежного обращения и товарообмена, сильное падение труда и производительности и множества других материальных и моральных факторов, привнесенных войной и революцией...

Я провел все-таки через военно-судебное ведомство, в порядке верховного управления, «временный закон об уголовной ответственности за спекуляцию», каравший виновников смертной казнью и конфискацией имущества. Бесполезно: попадалась лишь мелкая сошка, на которую не стоило опускать карающий меч правосудия.

Лишь оздоровление народного хозяйства могло очистить его от паразитов. Но для этого, кроме всех прочих условий, нужно было время.

Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, целые корпорации страдали этим недугом. Ничтожность жалованья и задержка в его получении были одной из причин этих явлений. Так, железнодорожный транспорт стал буквально оброчной статьёй персонала. Проехать и отправить груз нормальным путем зачастую стало невозможным...

Традиция беззакония пронизывала народную жизнь, вызывая

появление множества авантюристов, самозванцев — крупных и мелких...

Все эти факты не вытекали из «системы». Это была давняя и прочная традиция.

В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось и офицерство, приезжавшее с фронта.

— Жизни — грош цена. Хоть день, да мой!

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой, — в тех праведниках, которые кормились голодным пайком, ютились в тесноте и холоде реквизированной комнаты, ходили в истрепанном платье, занимая иногда очень высокие должности общественной или государственной службы и неся ее с величайшим бескорытием. Таких было немало, но не они, к сожалению, давали общий тон жизни юга...»

Чтобы написать такие слова, а они далеко не единственные в книге, нужно было иметь не только ясную голову и честность, но и большое сердце.

И еще. Всего две строки из воспоминаний Врангеля.

«Как я имел случай упомянуть, слезка за старшими командными лицами, включительно до ближайших помощников Главнокомандующего, велась ставкой систематически.»

Сыск велик и неистребим.

И еще о традиции беззакония.

Это Николай Второй, заваленный докладами о взятках и должностных преступлениях (ворует вся чиновная Россия, ворует столетиями — что делать?!), обмолвится в сердцах:

«Если городской возьмет триста рублей, то это — взятка, а если тридцать — дополнение к содержанию»¹.

Помните диалог великого Петра с графом Ягужинским? Россия тонула в лихоимстве, и разъяренный Петр велел графу вешать казнокрадов. Граф мужественно возразил: «В таком случае Ваше Величество останется без подданных».

Да самый близкий Петру человек — Меншиков — обобрал казну, то бишь его, Петра, на такие астрономические суммы, что, проживи еще, не миновать «Алексашке» кар быстрых и жестоких, как и осквернявшей брачное ложе «чухонке» Екатерине, поднятой из грязи на российский трон!

Предательство, обжорство, доносительство, поклонение и служение лишь деньгам, насилию. Слизь. Пауки. Одно бессмысленное размножение и предательство, размножение и стяжательство.

И еще серчают, что это Господь медлит со своей благодатью. Доколь ждать?

К бело-сине-красному особенно охотно липла мразь.

Видеть за этой мразью и свалкой чувств светлые идеи было довольно сложно.

¹ «Последний Самодержец».

Сражаться же за это стадо, за алчность и подлость было тем более сложно, почти невозможно, и все же такие находились. И клали свои жизни.

«Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа»¹, — замечает Деникин.

Мудрое замечание. И в пору к нашим дням.

Белую армию ждали внушительный, казалось бы определяющий, успех, затем сокрушительное поражение, беспорядочное бегство, развал и, наконец, переселение в невозвратное прошлое, а если быть точным — небытие.

Вместе с белой армией состоялся исход и цвета российской патриотической интеллигенции: ушла за кордон и вроде бы избыла... но только «вроде бы». Творения разума и страсти не поддаются тлену. Слышите, вы, тысячеголовые радетели с Лубянки! Весь ваш «исторический» труд обречен. Одни преступления и останутся. Впрочем, другого и не было. До последнего дня своего владычества (август 1991-го) вы травили свободную и самостоятельную мысль.

Свидетели Гражданской войны из белых почти все сходились в одном:

«Были ли мы настолько жизнеспособны, чтобы в случае победы над большевиками создать новую Россию? Нет, ибо претендовавшие на эту историческую роль слишком много принесли с собой на юг пережитков старого...»

Кто мог предположить, что после такого Октябрьского начала: земля, мир, равенство — и вдруг костоломный пресс — аж до хрипа к земле: ни распрямиться, ни вздохнуть, ни слова молвить, тем более свободного, от души...

Народ сражался против белых во имя счастливой жизни и даже предположить не смел, что завалят, закуют эту грядущую жизнь новые хозяева. И уж тогда по-новому предстанут перед нами и революция, и смерч Гражданской войны, и все последующие десятилетия.

И уж никак жизнь не сложилась бы хуже, возьми верх белые. Никогда она не была б столь преступно обманной, надрывной.

Можно поздравить «синее воинство» и всю подпирающую его партию коммунистов: славно трудились и трудитесь, «дорогие товарищи»!

Это и о вас писал Александр Иванович Герцен (он, конечно, вам не указ, вы, скорее всего, распяли бы его!):

«Народ, умеющий ненавидеть свою политическую полицию, — свободен на веки веков».

Дыхание ваше нечисто, помыслы грязны и преступны. Быть с

¹ Деникин А. И. Поход на Москву. М., «Федерация», 1928.

вами — позорно. Ремесло ваше — калечить души, убивать, растлевать. Всю жизнь вы воюете против своего народа.

Между нашим нынешним временем более или менее благополучного состояния и революцией — одно насилие и бессудные казни (наши суды и не были никогда судами), одни издевательства над здравым смыслом и подлоги, одна бесконечная ложь, одинаково обязательная для тех, кто лжет, и тех, кому лгут, и одно бесконечное царствование полуграмотных генеральных секретарей, с их нечисто-жадной челядью и неоглядным морем сановных чиновников, различных партсекретарей и прочего мусора.

Черный занавес задернул Россию. За ним, где Россия, — клевета, расправы, самоуправства, посулы рая и какой-то поток неизбежного, монотонного труда. И проповедь этого труда с утра до ночи, один бесконечный духовный алкоголь. И жизнь — сплошной гигантский рабочий дом. Люди-муравьи...

И над всем — недремлющее око охранки, миллионной армии доносителей, добровольных и платных, партийных и комсомольских надзирателей, анкетное определение ценности людей, оглупление народа военно-бюрократическим искусством — купленное искусство, купленные страсти, купленные величия и величины.

Мираж жизни.

Но и то правда: многим по сердцу подобная жизнь. Был бы кусок пожирней, крыша да баба — ну чем не свобода, слаще и не бывает!

И еще немало таких, что ведут счет от артиллериста из воспоминаний Шкловского: «Я знаю одно: мое дело — попасть». Ну совершенно без разницы, в какую сторону, в кого и с кем...

И по-новому предстают годы Гражданской войны. Именно тогда была загублена, потеряна русская будущность, настоящее, неискривленное развитие России. Она всегда нашла бы силы для преодоления любого внутреннего раздора и беды, ибо ее духовные силы не были еще подорваны. Ленинизм именно подорвал не только физические, но прежде всего духовные, душевные силы народа.

Трагедия белого движения коренилась в том, что оно оказалось замешанным на всем том, что представляло старую жизнь. Этот вал, который должен был принести обновление и возрождение России, оказался захлавленным тем, от чего Россия наотрез отказывалась.

И это старое, исчервленное потянуло на дно подлинно достойное, за что боролись веками лучшие люди России.

Старый мир утянул за собой, казалось, нетленные ценности русской жизни, культуры, духовности, отлитые из крови, усилий и жертв множеств поколений русских мыслителей, художников и страдальцев за новую жизнь и Россию.

И все сверху замыла безбрежная гладь большевизма — одно громадное пространство с отсветом крови...

«...В революции, в самом ее ядре, гнездилась зараза контрреволюции, которая до последнего своего издыхания будет кичиться наименованием революции...»

Огненный Крест над русской жизнью. Не то могила всему, не то призыв...

Еще до изгнания, когда разгромленная белая рать катилась к Новороссийску, Перекопу и Одессе: вот-вот все захлестнут красные армии, — Врангель обращается к Деникину.

«Мне стало бесконечно жаль генерала Деникина: что должен был испытать этот человек, видя крушение того здания, которое с таким трудом он столько времени возводил и в прочность которого он несомненно верил. Как одиноко должен был он чувствовать себя в эти тяжелые дни, когда по мере того, как изменяло ему счастье, отворачивалось от него большинство тех, кто еще недавно катил ему. В эти дни лишь твердость, решимость и спокойствие духа вождя могли спасти положение. Это спокойствие духа, эту твердость мог иметь лишь вождь, не потерявший веру в свои войска, убежденный в том, что и они ему верят. Нравственная поддержка Главнокомандующего его ближайшими сотрудниками должна была быть в эти дни, казалось мне, особенно необходима.

Я написал генералу Деникину письмо:

«Глубокоуважаемый Антон Иванович!

В настоящую грозную минуту, когда боевое счастье изменило нам и обрушившаяся на нас волна красной нечисти готовится, быть может, поглотить тот корабль, который Вы, как кормчий, вели сквозь бури и невзгоды, я как один из тех, кто шел за Вами почти сначала на этом корабле, нравственно считаю себя обязанным сказать Вам, что сердцем и мыслями горячо чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытание судьбы. Если Вам может быть хоть малым утешением сознание, что те, кто пошел за Вами, с Вами вместе переживают и радости и горести, то прошу Вас верить, что и сердцем и мыслями я ныне с Вами и рад всеми силами Вам помочь.

П. ВРАНГЕЛЬ»

И дата: 10 декабря 1919 г.

В ответ — изгнание и то письмо Деникина.

20 марта 1920 г. Деникин направляет письмо председателю военного совета генералу Драгомирову.

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мной предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. Я не в силах более вести ее.

Предлагаю военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас А. Деникин»

Совещанию высших чинов белой армии надлежало избрать нового главнокомандующего. Им оказался генерал барон Врангель. Подписи под актом об избрании поставили генералы: Драгомиров, Герасимов (вице-адмирал), Богаевский, Сидорин, Келчевский, Вязьмитинов, Шатилов, Турбин, Боровский, Покровский, Топорков, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Ефимов, Улагай, Евдокимов (контр-адмирал), Стогов и Махров. Последним подпись поставил Петр Николаевич Врангель. Вот она, с характерной припиской:

«Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего.

Генерал-лейтенант Барон П. ВРАНГЕЛЬ
22 марта 1920 года»

В тот же день в Феодосии генерал Деникин отдал приказ Вооруженным Силам Юга России.

«§ 1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженных Сил на Юге России.

§ 2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию».

Нельзя без взволнованного биения сердца читать о событиях после совещания.

«Мы вышли в зал, где тем временем собрались все чины совещания, — рассказывает Петр Николаевич. — Генерал Драгомиров предоставил мне слово.

Я начал говорить и при первых же словах почувствовал, как спазмы сжимают мне горло. Меня глубоко растрогала оказанная мне всеми моими соратниками неподдельная трогательная и радостная встреча. Я ясно почувствовал, что среди безысходного горя, разбитых надежд, страданий и лишений они ищут во мне поддержки и опоры...

Что ожидает их в ближайшем будущем? Что станет с теми, кто шел за ними, жертвуя личными интересами, здоровьем и самой жизнью во имя борьбы за свободу и счастье родины? Что станет с десятками тысяч русских людей, которые в слепом ужасе бежали сюда, на последний клочок русской земли, под защиту штыков армии?

Неужели напрасно принесено столько жертв, пролито столько крови и слез?

Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, развала и бесчестья родины? С трудом выдавливая фразы из горла, закончил я свою речь».

Есть в воспоминаниях Деникина страницы и о союзниках.

«Отношения англичан по-прежнему были двойственны. В то время как дипломатическая миссия генерала Киза изобретала новые формы управления для Юга, начальник военной миссии генерал Хольман вкладывал все свои силы и душу в дело помощи нам. Он лично принимал участие с английскими техническими частями в боях на донецком фронте; со всей энергией добивался усиления и упорядочения материальной помощи; содействовал организации феодосийской базы — непосредственно влияя на французов... Он отождествлял наши интересы со своими, горячо принимал к сердцу наши беды и работал, не теряя надежд и энергии, до последнего дня, представляя резкий контраст со многими русскими деятелями, потерявшими уже сердце...»

Юг постигло великое бедствие. Положение казалось безнадежным, и конец близок. Сообразно с этим менялась и политика Лондона. Генерал Хольман оставался еще в должности, но неофициально называли уже имя его преемника, генерала Перси... Лондон решил ускорить ликвидацию... ко мне явился... генерал Бридж со следующим предложением английского правительства: так как, по мнению последнего, положение катастрофично и эвакуация Крыма неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для заключения перемирия с большевиками...

Я ответил: никогда.

Этот эпизод имел свое продолжение несколько месяцев спустя. В августе 1920 года в газете «Таймс» опубликована была нота лорда Керзона к Чичерину от 1 апреля. В ней после соображений о беспечности дальнейшей борьбы, которая «является серьезной угрозой спокойствию и процветанию России», Керзон заявлял:

«Я употребил все свое влияние на генерала Деникина, чтобы уговорить его бросить борьбу...»

В той же «Таймс» я напечатал тотчас опровержение:

„1. Никакого влияния лорд Керзон оказать на меня не мог, так как я с ним ни в каких отношениях не находился.

2. Предложения (британского военного представителя о перемирии) я категорически отвергнул и, хотя с потерей материальной части, перевел армию в Крым, где тотчас же приступил к продолжению борьбы...

4. Как раньше, так и теперь я считаю неизбежной и необходимой вооруженную борьбу с большевиками до их поражения. Иначе не только Россия, но и вся Европа обратится в развалины“».

Воспоминания Антон Иванович завершает словами:

«В тот вечер я с семьей и детьми генерала Корнилова (Георгием и Натальей. — Ю. В.) перешел на английское госпитальное судно, а на другой день на дредноуте «Мальборо» мы уходили от постылых берегов Босфора, унося в душе неизбывную скорбь.

Брюссель. 1926 год»

Русский народ был и остается жертвой — вот его тысячелетняя история. Едва ли не во все века он ослабляет петлю, чтобы как-то дышать. Избавление от рабства прослеживается со второй половины XIX века не только по документам.

К концу века уже можно говорить о народе, жизнь которого не стесняла сколь-нибудь заметные социальные, сословные ограничения. Генералы, ученые, чиновники высоких рангов и званий — выходцы из простого народа уже далеко не редкость. Впечатляющий мир тому — вожди белого движения: генералы Корнилов (сын бедного казака), Болдырев (сын деревенского кузнеца), Алексеев (сын простого солдата)... Кстати, генерал Иванов, посланный Николаем Вторым на усмирение мятежной столицы, тоже сын простого солдата. Таких примеров можно привести очень много.

Выходцы из народа заполняют торговый, ученый, артистический и литературный миры. Россия распрямлялась. Ее ждал могучий хозяйственный подъем при безусловном сохранении мирового лидерства в зерновом производстве.

Большевизм и близко не мог предложить что-либо подобное. Революция оказалась удушением народа, — народа, преодолевшего все завалы своей истории и распрямлявшегося для свободной жизни. В этом сказался гений народа: века преодоления неволи не ослабили его духовной и физической сути.

Революция изощренным варварским способом произвела не столько массовое, сколько массово-выборочное уничтожение всего того, что составляло Россию.

Гордость, независимость, богатство мысли, культуры — все было самым жутким образом ошельмовано и поставлено на грань уничтожения. А дальше произошло развращение, растреление народа.

Национальное растворилось в понятии «интернационализм» и легло под ноги космополитизму. Возник особый тип человека — советский, не чувствующий уже себя в полной мере русским, а свою землю родной. Он воспитывал из людей жадных потребителей.

Орудием этой реакции, уничтожения молодой России (а ее можно назвать именно молодой, так как она только набрала силу для национального развития, накопила исторический, культурный опыт) стал большевизм, выпестованный Лениным.

Ленинизм оперся на самые низкие, неразвитые, черные пласты народа. Этим черным, инстинктивным он и выжигал душу и тело народа так, что создалось впечатление, будто это черное, низменное и низкое и есть сам народ.

Ленинизм разделил народ на жертв и насильников. Доносительство заменило все духовные ценности, предстало оправданием всего. Растреление состоялось.

Народ раздавлен, развращен, но не уничтожен. Ему в наследство досталась великая культура. Народ обладает одной особенностью: независимо от истребительной деятельности государства на протяжении более чем семидесяти лет он воспроизводит заново все то, что составляет существо народного характера, будто и не утюжили русских безмерно тяжелым катком ленинизма.

Как бы ни было опошлено недавнее прошлое, какими бы жуткими ни были геноцид и растление (допустимо говорить об ослеплении народа), в детях и внуках неизбежно будет возрождаться то насильственно вырубленное и вроде бы уничтоженное навек, что всегда составляло суть русского народа. Весь ужас пережитого сложен историей с вполне определенной целью: преодолеть те черты в национальном характере, которые сделали возможным торжество ленинизма, то есть философии насилия.

Этот страшный исторический опыт должен лечь в сознание народа, выработать в нем систему духовной и нравственной самозащиты.

Ни один народ в мире не вынес бы такого удара судьбы, стерся бы, рассеялся по свету. Народ нашел в себе силы преодолеть яд ленинизма и с ним — плоды растления, болезнь насада. Народ болеет, надорвался и болеет. Народ унижен, но не уничтожен. Мы есть и будем.

После провала похода на Москву, за восемь месяцев до окончательного краха белого движения, совещание генералов в Севастополе назовет генерала Врангеля новым Главнокомандующим Вооруженных Сил Юга России.

В тех условиях не многие сохраняли присутствие духа, к примеру генерал Кутепов. Он говорил:

«Земельная реформа и виселица — тогда мы снова дойдем до Москвы...»

Все верно: тотемный знак России — трупы...

И вот первый рассвет в уже новом для Врангеля качестве — воядя остатков белых армий в Крыму.

«Едва стало светать, как я уже проснулся... Я встал, оделся и сел писать приказ войскам.

Что мог сказать я им, чем ободрить упавший дух? Наше тяжелое, по-видимому, безвыходное положение известно и офицерам и солдатам. Не сегодня, так завтра им станет известна и измена наших союзников¹. Не дрогнут ли при этом новом ударе сердца тех, кто грудью своей прикрывает последнюю пядь родной земли?..»

Барон Петр Николаевич Врангель родился в 1878 г., то есть был на целых восемь лет моложе Ленина и на год старше кроваво-

¹ Союзники (это главным образом англичане и французы) объявили об отказе помогать белой армии в Крыму.

мудрого Сталина. Умер он в 1928 г. в возрасте 50 лет. Жена его, баронесса Врангель, пережила его на 40 лет.

Моя матушка пережила моего отца на неполных 34 года и все дни хранила великую преданность его памяти. В последний вечер (ей оставалось жить сутки) мы расставались навек, она шепнула мне горячо: «Положите рядом с отцом... обязательно!» И откинулась на подушки. Сердце уже прекращало свой бег.

Но на том кладбище свои законы: положить маму рядом с отцом не разрешили, только сжечь — и сунуть урну. Смысл отказа: «Нечего засорять Новодевичье кладбище».

Это лечь с мужем в могилу — «засорять»?!

Такая женская преданность вызывает не только глубочайшее уважение и поклонение, но и... горечь. В своей жизни я не знал ее — в той, которая была до 50 лет. Меня только предавали в том изнурительном труде, который я поставил целью во имя людей. Я знал одно предательство.

Никогда я не гнался за деньгами — сколько есть, столько и есть, лишь бы можно было работать. Нет, никогда я не писал ради денег и наживы.

Я весь ушел в работу и ничего не видел — только бы донести ношу, вот эти самые страницы книги. Я складывал их почти 30 лет. Не все получилось, как я хотел, но не об этом сейчас речь. И в этом надрывном труде я был предан и оболган бесконечное множество раз. Меня предавали, а для оправдания предательства, своих низменных побуждений плели подлости за моей спиной.

Я с особенной остротой памяти и болью склоняю голову перед мамой — женщиной, которая через все ужасы войны, голода, нужды, одиночества пронесла любовь и верность одному мужчине — моему отцу. Мама умерла 16 января 1987 г. Часто во сне я зову ее и вглядываюсь в бесконечно дорогие черты...

Как я был наивен, когда думал, что святость цели, служение святой цели свято и всем твоим близким. А мы жили по расходящимся направлениям: я — в углубленном постижении смысла трагедии своего народа, а они, кто носил мою фамилию, — в утробной, иждивенческой трате дней.

Прозрение не сломало меня.

Никогда не думайте, что ваша страсть и служение достойному смыслу святы для других. Теперь я знаю: чистое и святое дело не сделает чистой и светлой черную душу.

Родство по крови.

У меня две дочери. Других детей нет.

Алена Юрьевна — от первого брака. Я отрекся от нее. До смертного моего часа нет и не будет у меня с ней ничего общего.

Нет такого горя, зла, унижения, которые бы она не причинила мне. Я не видел ее с января 1989 г.

До многого в этой книге не дотянулись руки именно из-за ее ненависти ко мне.

Я вынужден назвать вещи своими именами. Это — мое завещание.

Высшее образование барон Врангель получил в Горном институте. С дипломом инженера поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии конный полк. В русско-японскую войну командует сотней Забайкальской казачьей дивизии.

Будущий советский маршал Шапошников учился в Академии Генерального штаба вместе с Врангелем.

«...Врангель в академии вел знакомство только с гвардейцами и кое с кем из армейцев. Я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем. Высокого роста, худой, черный, он производил отталкивающее впечатление».

Однажды барон шульничал на экзаменах, поставив в трудное положение своего товарища по курсу сотника казачьего Донского полка Герасимова.

«Когда закончился экзамен, в кулуарах собрался курс, и началось обсуждение поступка Врангеля. К сожалению, суда общества офицеров у нас в академии не было. По адресу гвардейца (то бишь Врангеля. — Ю. В.) говорили много неместного. Идти к начальству с жалобой не позволяла офицерская этика... Поругались, поругались, и число бойкотирующих Врангеля, т. е. не здоровающихся с ним, увеличилось».

Барон «считался успешно окончившим дополнительный курс» и по выпуску ушел в лейб-гвардии конный полк. «Академия ему была нужна, чтобы скорее получить эскадрон и чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику».

Тут уместно молвить несколько слов о самой академии.

Она основана в 1832 г. по предложению военного теоретика генерал-адъютанта Жомини (1779—1869). Перу Генриха Жомини принадлежал известный труд «Очерки истории военного искусства». Помните стихи Дениса Давыдова: «Жомини да Жомини, а об водке ни полслова!» Это был упрек гусарам.

Срок обучения в Академии Генерального штаба был определен в два года, но впоследствии введен дополнительный 8-месячный курс. В академию принимались офицеры в звании от поручика до штабс-капитана включительно. Начиная с 1879 г. количество офицеров на 1-м курсе составляло 100 человек, с годами это число увеличивалось. Перед первой мировой войной выпускалось около 50 офицеров в год (остальные отсеивались).

Академия помещалась на Суворовском проспекте в построенном для нее двухэтажном здании. Перед ним был разбит сквер с памятником павшим в боях офицерам Генерального штаба.

В 1909 г. Николаевскую Академию Генерального штаба переименовали в Императорскую Николаевскую военную академию.

Кстати, русскую историю до времен Александра Третьего накануне мировой войны в академии читал С. Ф. Платонов — не забыли о гонениях на него и Тарле при Сталине, ссылку и смерть в 1933 г. ?..

Врангель участвует в самых первых боях и стычках мировой войны. Его эскадрон лейб-гвардии конного полка прорывается через позиции немецкой пехоты и захватывает батарею пушек. Граф Игнатьев в своих воспоминаниях рисует этот эпизод великой войны не без скрытой зависти.

Летом 1916 г. полковник Врангель ранен при атаке в конной кавалерийской лаве. Долечивается в Петрограде.

Зима с 1916 на 1917 г. застаёт Петра Николаевича командиром 1-го Нерчинского казачьего Наследника Цесаревича полка. Это большая честь — полк Наследника Цесаревича. Полк удостоен ее за выдающиеся боевые заслуги. Но ими полк прежде всего обязан своему блестящему командиру. Не только блестящему, но и бесстрашному, спокойно бесстрашному, без взведенности. Полк входит в состав Уссурийской конной дивизии (она сплошь казачья). Командует дивизией генерал А. М. Крымов. Врангель пишет о нем с уважением, называя лучшим из всей плеяды выпускников Академии Генерального штаба. Александр Михайлович — умный и дельный генерал с широким политическим кругозором. Он искренне страдал за судьбу Отечества.

10 января 1917 г. полковник Врангель получает под командование 1-ю бригаду Уссурийской конной дивизии. Через несколько дней следует приказ о его производстве в генерал-майоры «за боевые отличия».

С тревогой Врангель встречает известие о Февральской революции.

«Это конец, это анархия», — заявляет он.

В своих воспоминаниях он воскращает раздумья тех дней.

«...С падением Царя... пала сама идея власти; в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ничем соответствующим заменены».

30 марта генерал Крымов назначен вместо графа Келлера командиром 3-го конного корпуса. В апреле 17-го генерал Врангель получает назначение на должность начальника Уссурийской конной дивизии — это уже серьезное назначение, ибо эта дивизия — одна из лучших в русской армии.

Однако Петр Николаевич недоволен ростом самостоятельности казачества и подает рапорт о переводе в регулярную кавалерию. Петр Николаевич полагает, что «борьба с развалом должна вестись иными путями, не ставкой на какую-либо часть армии, а дружным единением верхов армии и сплоченностью самой армии».

Май — июнь Петр Николаевич в Петрограде. Город вызывает у него отвращение.

Самое главное впечатление — это необыкновенная оживленность столицы. «С раннего утра и до поздней ночи улицы... напол-

нены толпами народа. Большую часть их составляли воинские чины. Занятия в казармах нигде не велись, и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. Количество красных бантов, утерев прелесть новизны, по сравнению с первыми днями революции поуменилось, но зато неряшливость и разнузданность как будто еще увеличились. Без оружия, большей частью в расстегнутых шинелях, с папиросой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих...»

Он вступает в тайную офицерскую организацию. Ее цель — противодействие революции, спасение Родины. Однако 30 июня он получает назначение командиром 7-й кавалерийской дивизии и выезжает на фронт.

В прифронтовом Станиславе Петр Николаевич становится свидетелем солдатского разбоя. Деморализованная революцией армия все более походит на сброд, опасный не врагу, а мирным гражданам.

«Среди ночи я был разбужен страшными криками. Через окно было видно небо, объятые заревом пожара. С улицы неслись крики, слышался какой-то треск и шум, звон стекол, изредка раздавались выстрелы. Навстречу мне шел офицер-ординарец. «Ваше превосходительство, в городе погром, отступающие войска разбивают магазины», — доложил он. Я спустился в вестибюль гостиницы. Прислонившись к стене, стоял бледный как смерть старик, кровь текла по длинной седой бороде. Рядом с ним растерзанная молодая женщина громко всхлипывала, ломая руки... В моем распоряжении никакой воинской силы не было, со мной был лишь один офицер и два гусара-ординарца. Взяв их с собой, я вышел на улицу.

Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач. На тротуаре валялись разбитые ящики, изломанные картонки, куски материй, ленты и кружева вперемешку с битой посудой, пустыми бутылками из-под коньяка. Войсковые обозы сплошь запрудили улицы. На площади застряли артиллерийские парки. Огонь охватывал соседние дома, грозя... взрывом снарядов. Я с трудом разыскал командира парка и, взяв у него несколько солдат, лично стал наводить порядок. В каком-то магазине мы застали грабителей... Схватив первого попавшегося, я ударом кулака сбил его с ног, громко крича: «Казачи, сюда, в нагайки эту сволочь». В... минуто магазин был пуст.

Через два часа удалось очистить улицу. Обозы тронулись, и артиллерия получила возможность двинуться вперед. На соседних улицах грабеж продолжался. От непрерывного крика я совсем потерял голос.

К шести часам утра на улице показался разъезд, подходил полк польских улан. Я приказал командиру полка, не стесняясь мерами, восстановить порядок. Тут же было поймано и расстреляно несколько грабителей, и к утру в городе было совсем спокойно.

К восьми часам подошла голова моей дивизии...»

А чуть дальше читаем:

«За ужином я познакомился с А. И. Гучковым. Оставив пост военного министра и окончательно разойдясь с правительством, он прапорщиком зачислился в армию и был прикомандирован к штабу 3-й казачьей дивизии. Он поразил меня своим сумрачным, подавленным видом».

Генерал Врангель с успехом командует сводным кавалерийским корпусом на Румынском фронте. Это умение командовать особенно заметно среди развала армии. Его снова и снова выделяет личная храбрость. Он отлично владеет собой под огнем. Это сразу делает его своим среди солдат.

В один из дней корниловского мятежа он подает рапорт об отчислении в резерв. Служить под контролем войсковых комитетов он отказывается.

«Все последнее время я жил под тяжелым нравственным гнетом. Участь генерала Корнилова, самоубийство генерала Крымова, возглавление армии «революционным главковерхом», «заложником демократии» во Временном правительстве, адвокатом Керенским, все события последних дней глубоко потрясли армию... процесс разложения возобновился, грозя совсем развалить фронт, а с ним и Россию...»

Исполняя приказ Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, генерал Крымов повел свой конный корпус на Петроград. Разрыв председателя правительства (Керенского) с Верховным явился для частей корпуса совершенной неожиданностью. Телеграмма Керенского, объявляющая генерала Корнилова изменником, стала известна лишь на станции Дно (все та же роковая станция в русской истории). Заколебавшись, генерал Крымов упустил время, порыв ослаб, полки заволновались. Через день стало ясно: корпус разложился. Генерал Крымов прибыл к Керенскому. Вышел «чрезвычайно резкий разговор».

Для генерала Крымова очевидна судьба России. Он отправился на квартиру своего ординарца поручика Журавского. Оставшись в комнате один, он выстрелил себе в грудь. Он еще жил несколько часов. Перед кончиной сказал: **«Я решил умереть, потому что слишком люблю Родину».**

В сентябре Врангеля вызывают в могилевскую ставку. Его представляют генералу Духонину. В ставке он узнает об октябрьском перевороте. Тогда же он встречает и генерала Верховского, спешно приехавшего в Могилев. «Я имел случай его видеть, и он произвел на меня впечатление самоуверенного ничтожества... Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина... Крыленко телеграфировал Духонину, требуя «сдачи должности начальнику гарнизона генералу Бонч-Бруевичу». Бездарный, тупой и на редкость беспринципный, Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа...»

Врангель уехал из ставки до ее разгрома революционными

матросами. Он с женой остается в Крыму частным человеком, не участвуя ни в каких делах. В январе его арестовывают матросы. Он обречен. Именно из его камеры уводят на расстрелы таких же, как он, генералов и офицеров. Случай уберег Петра Николаевича, а смерть была рядом, ближе не бывает. Товарищей по заключению убивали на берегу и, привязав груз, сбрасывали в море. Не пожалели и глубокого старика генерала в отставке Ярцева. После, уже при немцах, из моря извлекли более ста трупов.

«Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привык глядеть смерти в глаза, и меня не страшила опасность, но мысль быть расстрелянным своими же русскими солдатами, расстрелянным как грабитель или шпион была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала мысль, что самосуд произойдет на глазах у жены...»

Тогда Симферополь потрясли кровавые расправы. Около тысячи офицеров были застрелены без всякого разбирательства, просто так: раз офицер — к стенке.

Вскоре Крым подмяли немцы.

«Я испытал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унижительной власти хама и больное чувство обиды национальной гордости».

Из Крыма Врангель уезжает в Киев. Он отклоняет предложение гетмана Скоропадского о службе в украинской армии. В августе 1918 г. Петр Николаевич присоединяется к генералу А. М. Драгомирову, который по зову генерала Алексеева собирается на Дон и Кавказ. Генералы улавливаются встретиться в Екатеринодаре. В Ялте к Петру Николаевичу присоединяется жена. Они пароходом выезжают в Ростов. В Ростове они три дня и тут же отправляются в Екатеринодар. Добровольческая Армия насчитывала в те времена 35 тыс. человек при 80 орудиях. Врангеля приглашает для беседы Деникин. И 29 августа Петр Николаевич получает приказ о назначении его начальником 1-й конной дивизии, действующей на Северном Кавказе.

Остальное известно: командование Кавказской армией на Царицынском направлении, затем — Добровольческой Армией, изгнание, возвращение в качестве главы белого движения — Правителя Юга России и Главнокомандующего. Еще задолго до разногласий с Деникиным генерал Врангель сделался кумиром белого офицерства.

Кавказскую армию в значительной мере цементировало кубанское казачество. В боях за Царицын армия была обескровлена, но не потеряла боеспособности.

Именно в тех боях погиб мой родной дядя (по матери) — Василий Данилович Лымарь — кубанский казак, подъяесаул.

У мамы на всю жизнь остался в памяти тот ужасный летний жаркий день. В ворота постучали. Мама подошла, спросила:

— Кто там?

— А где родители?

— Все в поле.

— А ты кто?

— Я дочь Данилы Марковича — Мария.

— Открывай, твоего брата привезли.

Мама отворила ворота, и два казака на арбе завезли во двор металлический гроб. Там лежал убитый под Царицыном Василий, 28 лет.

А уж откуда узнали — неизвестно: с поля на лошадях скачут дед, братья. Бегут соседи...

А другой брат, Андрей Данилович (будущий полковник Советской Армии), возглавил станичную партийную организацию. Так и раскололась семья... А ведь у моего деда Данилы Марковича было 12 детей.

Петр Николаевич являлся противником торопливого продвижения к Москве, утверждая, что, чем быстрее продвигается к Москве белая армия, тем быстрее окажется в Черном море.

Петр Николаевич полагал Царицынское направление самым важным — оно обеспечивает соединение с войсками Верховного Правителя России, но Деникин это мнение не разделял.

Это Петр Николаевич писал Деникину:

«Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разбиты...»

Впрочем, Колчаку приписывали такое же преступное намерение: забвение Царицынского направления (для соединения с Деникиным) ради кратчайшего движения на Москву.

Антон Иванович считал это чушью и писал:

«Памфлеты разносили по свету поистине страшное обвинение: как Колчак и Деникин предавали друг друга и Россию...»

«Наш рабочий день начинался с семи часов и продолжался, почти непрерывно, до одиннадцати-двенадцати часов ночи, — рассказывает генерал Врангель. — Внимание приходилось уделять самым разнообразным вопросам: военным, внутренней и внешней политике, экономическим, финансовым...»

Несмотря на все трудности, удалось покрывать нормальными доходами обыкновенные расходы... Бедный местными средствами Крым, конечно, не мог прокормить весь государственный аппарат и огромную армию. Хотя боевой состав войск не превышал 30—35 тысяч (не считая флота), но непомерно разросшийся тыл, десятки тысяч заполнявших госпиталя раненых, громадное число пленных, как находящихся в запасных частях, так и сосредоточенных в концентрационных лагерях, военно-учебные заведения, многочисленные тыловые учреждения, военные и морские управления, наконец, флот и морские учреждения — все это доводило численность находящихся на иждивении правительства ртов до 250—300 тысяч. Конеч-

чно, прокормить это количество было для государственной казны непосильно. Главную часть военного снабжения по-прежнему приходилось приобретать за границей за счет скудного нашего валютного фонда.

Единственным предметом вывоза оставался хлеб. Правительство через контрагентов продолжало усиленно закупать зерно в Северной Таврии... В порты было доставлено уже до полутора миллионов пудов и вывезено за границу до одного миллиона. Помимо того что зерно являлось единственным источником нашего вывоза, появление на западноевропейских рынках русского зерна из Крыма имело и большое политическое значение. Западноевропейские государства, и в частности Франция, жестоко пострадавшая за войну, испытывали большой недостаток в хлебе...

Переговоры поляков с представителями советской России начались¹. Польская делегация прибыла в Ригу 5 (18) сентября...

Большевики, видимо, ясно отдавали себе отчет в обстановке. Учитывая, что так или иначе они достигнут с поляками соглашения, руководители советской власти решили покончить с другим врагом. Был выброшен ударный лозунг: «Все на Врангеля».

Несмотря на то что остатки красных армий безудержно откатывались перед польскими войсками на восток, красное командование все свободные резервы теперь бросало на юг.

В середине сентября стали поступать сведения о движении на юг с юго-западного участка польского фронта и красной кавалерии Буденного (1-й Конной армии)...

Осенью 1920 г., накануне крушения белого Крыма, Владимир Львович Бурцев писал о Врангеле как о «воплощении идеи борьбы без компромиссов против большевиков...».

Бывший председатель и управляющий отдела иностранных дел Верховного управления Северной области Николай Васильевич Чайковский выразился тогда же о Врангеле как о «призванном к осуществлению почетной задачи знаменосца крестьянской революции против большевизма». Чайковский имел в виду земельные законы, принятые правительством Врангеля.

Опоздал барон со своими законами.

«Закон о земле» был опубликован 25 мая 1920 г., за считанные недели до решающих событий.

¹ Рижский мирный договор 1921 г. был заключен между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. Он предусматривал прекращение войны и нормализацию отношений. Подписан был 18 марта. В договоре было много статей, среди них — обязательство советской России выплатить Польше 30 млн. золотых рублей.

Господи, кому мы только не платили! По Брест-Литовскому договору — аж черно стало в глазах, а теперь плати Польше. Да как народ при таком раскладе жизни вообще держится, не завыл, не бросил все и не ушел куда глаза глядят?... Ведь все сосут кровь. Кто только способен дотянуться — и пивают.

И не земля вокруг, и не жизнь, а самая настоящая юдоль печали и горя. Для чего тогда, спрашивается, вообще народ?..

Закон вместе с дополнениями предусматривал:

— часть помещичьих земель (в имениях свыше 600 десятин) отходит в собственность крестьян с выкупом по пятикратной стоимости урожая с рассрочкой на двадцать пять лет;

— волостные земства и сельские общины должны явиться органами крестьянского самоуправления (вместо постылых Советов);

— рабочие, равно как и крестьяне, находятся под защитой государства от владельцев предприятий.

Петр Николаевич уповал на действие закона и поворот в настроении народа.

Врангель предвидел крушение белой армии. После заключения мира с Польшей большевики имеют возможность обрушить на Крым всю свою вооруженную мощь.

Заслуга Врангеля в том, что к дням катастрофы (а ею еще тогда и не пахло) стянул огромный флот: что-то около 120 вымпелов. И в общем, дал прибежище всем, кто отказывался от примирения с красными.

Заслуга великая, поскольку все, кто уехал (тут злой иронией звучит: «уплыл»), спаслись. Их, безусловно, уничтожили бы, как те тысячи врангелевских солдат и офицеров, которые отказались оставить родную землю. Она их тотчас, можно сказать, незамедлительно и приняла, гостеприимно распахнувшись братскими могилами.

Врангель сумел оценить обстановку — и это спасло от расправы десятки тысяч людей, в немалом числе совсем и невоенных. Ох уж постреляли бы чекисты и убежденные коммунисты!

А Ленин морщил лоб над сводками и делал быстрые, неровно-волнистые отчеркивания: делов-то! Нельзя засиживаться над каждой бумагой. Россия и партия — вон какие! И размашисто ставил подпись-одобрение. И крутил ручку телефонного аппарата — надо поощрить товарищей. А после набирал номер — нет, тогда номер набирали телефонные барышни из проверенных (не грохнутся в обморок, даже если услышат в наушниках, что их родителя или родительницу пригробили вдруг на Лубянке: настоящие большевички) — и ободрял Дзержинского. А тому и ободрений не надо. Шибко прикипел к своему делу — уже такую сноровку и аллюр приобрел! Ленин только потирал лысину и улыбался на его голос-отчет. И среди цифр по выпуску чугуна, пряжи, вагонов с зерном протискивал и новую, что Мундыч назвал: теперь она там будет аж до самого мозгового удара...

Безусловно, как белый вождь, да, пожалуй, и военачальник, Петр Николаевич стоял выше Деникина. Не его вина, что он принял обломки армии, да еще запертые на крымском пятачке. Он вознамерился земельной реформой вырвать Россию из-под власти большевиков, но выстрел прозвучал вхолостую.

Генерал Врангель сообщает:

«Дисциплина в тылу, особенно в крупных городах, также значительно поднялась. Я неуклонно требовал от начальников гарнизонов самых решительных мер против разнузданности и разгильдяйства воинских чинов в тылу, требовал, чтобы все боеспособные без уважительных причин не оставляли бы своих частей, чтобы все выздоровевшие немедленно отправлялись из лазаретов на фронт; настаивал на соблюдении установленной формы одежды...

Два месяца назад я прибыл в Крым. Волна красной нечисти готова была захлестнуть последнюю пядь русской земли, где, прижатые к морю, ждали ежечасно конца десятки тысяч русских людей.

Два года боровшиеся за счастье родины остатки армии раздирались внутренними распрями, утратили веру в своих вождей, потеряли воинский облик. Объятые ужасом, оборванные и голодные, молили о помощи толпы обывателей — стариков, женщин и детей.

Смерть протягивала над ними свою костлявую руку.

Прошло два месяца, и вновь сплотились вокруг родного знамени русские воины, вновь гордо взвился из праха трехцветный флаг, оцетинились стальной щетиной полки, грудью своей прикрыли родную землю, готовые возобновить борьбу за ее свободу. Под их защитой вздохнуло население, отчаяние сменилось надеждой, горячая любовь к родине охватила сердца.

И вместо костлявого призрака смерти вставал лучезарный образ победы».

Фамилия у Петра Николаевича — чужеземная, а душой он был и остался пламенный патриот, истово русский человек.

Тогда еще не вызрел в недрах Лубянки план похищения белых вождей — тех, что представляли наибольшую опасность, — а чрезвычайная активность, организаторские способности, непримиримость делали барона именно такой мишенью.

Надо полагать, ранняя кончина Петра Николаевича уберегла его от похищения и гибели в застенках Лубянки, как, скажем, это случилось несколько позже с генералом Кутеповым. При красной московской демократии это даже очень просто, а главное — тихо: был человек — и нет. Да мало ли что могло стрястись!

В конце октября 20-го Врангель разбит в Северной Таврии, у самых ворот Крыма. Боже, помилуй и спаси!

Теперь задача — не дать белым гадам закрепиться на перешейке.

Ленин требует от командующего Южным фронтом Фрунзе: «Во что бы то ни стало, в кратчайший срок раздавить Врангеля, так как только от этого зависит наша возможность взяться за работу мирного строительства».

Фрунзе отдает приказ войскам фронта: «Армиям фронта ставлю задачу — по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым...»

7 ноября в холод, туман, дождь и ветер Рабоче-Крестьянская Красная Армия поднялась на приступ.

Сиваш вброд преодолевали 15-я и 52-я дивизии с частью сил 51-й. Около часа по грудь в ледяной воде, по илистому дну — и в атаку на колючую проволоку, метель из пуль и осколков!

51-й дивизией сибиряков и уральцев командует Блюхер, будущий Маршал Советского Союза, забитый в камере на Лубянке — там на каменном полу в луже крови остановится его сердце... Эта дивизия штурмует перешеек посуху — через Турецкий вал. Три раза дивизия поднималась в атаку и три раза откатывалась назад. Из каждых 10 красноармейцев шестерых намертво валил свинец. Бойцы грудью шли на проволоку, пулеметы и бетон укреплений. Но и те четверо, что оставались жить, были подранены. Лишь немногих щадили смерть и увечье. Однако плотность боевых порядков — атаку вели на узком участке — позволяла сохранять силу удара. Бежали на пули и взрывы, чтобы убить, растерзать таких же русских. Локоть к локтю, цепь за цепью.

Белая армия,
Черный барон
Снова готовят
Нам царский трон!

10 ноября красные полки устремляются на укрепления Ишунь. В прорыв уходят Первая Конная Буденного и Ворошилова и Вторая Конная Миронова — главная ударная сила. «Даешь Красный Крым!»

Разгромленные войска белых откатываются к портам, на корабли — другого спасения нет.

12 ноября Фрунзе доносит Ленину:

«Свидетельствую о высочайшей доблести, проявленной... при штурмах Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно тяжелы... Армии фронта свой долг перед Республикой выполнили».

Хвастливость часто заставляла Черчилля делать весьма опротивительные признания, если не выразиться резче. К ним относится и вот это, об участии союзников, следовательно и англичан, в Гражданской войне, то есть убийстве русских людей.

«Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; они снабжали оружием врагов советского правительства... Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела... и нанесли удар за ударом».

Здесь, кстати, закладывается будущий просчет Сталина. Он запомнил с Гражданской войны и первого десятилетия советской власти — злейший и непримиримый враг Англия, все эти керзоны, черчилли, чемберлены... Англия — подлинная душа всех антисоветских заговоров и душителей советской власти. Запомнил — и не поверил, когда обстановка уже изменилась коренным образом и Англия (тот же Черчилль) уже настойчиво искала союза с СССР в развертывающейся войне против Гитлера. Сталин совершил один из самых больших просчетов в жизни. По значению лишь два просчета можно отнести к более гибельным. Это — обращение к звероподобному террору — даже по ленинским меркам. И догматизирование социалистической Системы. Ведь в конечном счете советский строй рухнул из-за неспособности к изменению и совершенствованию. В непрерывно переливающихся формах жизни, в вечном приспособлении и совершенствовании всего живого как в малом, так и в громадном мертвая догматизированная Система была обречена с момента отхода от дел Ленина, ибо Главный Октябрьский Вождь при всей своей беспощадности к людям был диалектиком, к догматикам его отнести можно лишь с известной натяжкой, имея в виду его твердокаменную преданность марксизму. Тут он не ведал ни сомнений, ни каких-либо оппортунистических поползновений — марксизм являлся его плотью, дыханием, горячей кровью, святыней.

Сталин же догматизировал Систему. Она окостенела, обросла хрупкими отложениями, многократно запласовалась разного рода партийными постановлениями и клятвами. Экономика могла держаться лишь на принуждении. И Брежнев донес Систему неизменной, окостеневшей до безрассудства, полной потери здравого смысла. В одном он изменил заветам вождей Октября: повальном лихоимстве партийных верхов — родительнице воистину сатанинского разгула воровства, насилия, разграбления казны и хищничества, которое хлынет на просторы России с утверждением «демократии» и подлинного феномена ненасытности, жадности — российского капитализма, добротнo оснащенного идейно из Вашингтона, Тель-Авива и прочих сверкающих огнями столиц «великой» западной цивилизации.

Всякая преданность схеме несет гибель и поражение. Такая истовая верность марксизму не составила исключения. Кровь и гной народа от изуверств строительства первого в мире государства социализма смешались с блевотиной капитализма...

Нестор Иванович Махно родился в 1888 г. в селе Гуляй-Поле Екатеринославской губернии. Он был пятым ребенком в бедной крестьянской семье. В аграрных беспорядках 1905—1906 гг. громил барские усадьбы, добро раздавал бедным. Принял на себя вину за убийство полицейского пристава Караченцова. Почти 10 лет провел на каторге: сначала на Акатуе, а после неудачной попытки побега — в Бутырской тюрьме. Февраль 17-го вернул ему свободу.

Он становится первым председателем Гуляйпольского Совета рабочих. После Брестского мира Украина оказалась под германским сапогом. Нестор Иванович пробирается в Москву. Он встречается с Лениным и Дзержинским. По их совету открывает партизанскую борьбу против оккупантов. По данным германского командования, только за апрель—июнь 18-го его отряд совершает 118 нападений на германские гарнизоны и посты. С начала 1919 г. он начальник 3-й бригады Заднепровской дивизии Красной Армии. В одной из телеграмм РВС республики Нестор Иванович писал:

«...Заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтом насилия в лице ваших комиссариатов и чрезвычайек, творящих произвол над местным населением».

На подконтрольных его власти землях Нестор Иванович не допускал деятельности продотрядов.

«С анархо-кулацким развратом пора кончать», — заявил Троцкий.

При взятии Перекопа войска Махно были брошены на самый гиблый участок и почти полностью выбиты. Они штурмовали Турецкий вал в лоб. Пять тысяч уцелевших бойцов из бригады Махно были тут же расстреляны по приказу Троцкого. Это была высшая подлость. К тому времени Нестор Иванович носил орден Красного Знамени за номером четыре.

Нестор Иванович не участвовал в боях за Перекоп, и это его спасло (бойцы и крестьяне звали его «батькой»). Он залечивал рану. Всего за 4 года войны он был ранен 12 раз, потеряв ногу. Известие о расстреле бойцов потрясло Нестора Ивановича. Сколотив заново свою повстанческую армию, он обрушивает на коммунистов всю свою ненависть. Чекисты, сельские активисты, коммунисты, евреи и комиссары — все после пыток или сразу идут «в распыл».

По приказу Ленина на Махно обрушивается вся Красная Армия, дислоцирующаяся по югу России. Боевыми действиями руководит сам Фрунзе. В августе 1921-го Махно уходит из кольца красных войск в Румынию. За границей Нестор Иванович жил бедно, умер от старых ран в 1934 г. Похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез. На обычном памятнике всего 4 слова: «Советский коммунар Нестор Махно».

29 октября 1920 г. генерал Врангель — «Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армии» отдал приказ:

«Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь,

семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель»

Одновременно появилось «Сообщение правительства».

«...Правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжелых испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России... Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, остаться в Крыму».

«Я решил в ночь на 31-е перейти в гостиницу «Кист» у Графской пристани (это в Севастополе. — Ю. В.), где помещалась оперативная часть моего штаба; там уже находился штаб генерала Скалона...

Около полуночи вспыхнул пожар американских складов Красного Креста. Толпа черни начала грабить склады, однако прибывшая полусотня моего конвоя быстро восстановила порядок. Ночь прошла спокойно.

С утра 31 октября начали погрузку прибывшие из Симферополя эшелоны. Раненые грузились на оборудованный под госпитальное судно транспорт «Ялта»...

В сумерки прибыл генерал Кутепов со своим штабом. Войска отходили в полном порядке. Всем желающим остаться была представлена полная свобода, однако таковых оказалось немного. Генерал Кутепов рассчитывал закончить погрузку к десяти часам утра.

В десять часов утра 1 ноября я с командующим флотом объехал на катере грузящиеся суда. Погрузка почти закончилась. На пристани оставалось несколько сот человек, ожидавших своей очереди. При проходе катера с усеянных людьми кораблей и пристани несло несмолкаемое «ура». Махали платками, фуражками... Больно сжималось сердце, и горячее чувство сострадания, умиления и любви ко всем этим близким сердцу моему людям наполняло душу...

Снялись последние заставы, юнкера выстроились на площади. У

гостиницы стояла толпа обывателей. Я поздоровался с юнкерами и благодарил их за славную службу.

— Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга...

Заставы погрузились. В 2 часа 40 минут мой катер отвалил от пристани и направился к крейсеру «Генерал Корнилов», на котором взвился мой флаг. С нагруженных судов несло «ура».

«Генерал Корнилов» снялся с якоря...

Прикрывая отход пехоты, наша конница сдерживала врага, а затем, быстро оторвавшись, усиленными переходами отошла к Ялте. Красные войска значительно отстали, и ожидать их прихода можно было не ранее следующего дня.

Около полудня (следующего дня. — Ю. В.) транспорты с войсками снялись. Облепленные людьми, проходили суда, гремело «ура». Велик русский дух, и необъятна русская душа...

В два часа дня мы снялись и пошли на Феодосию...

После недавних жестоких морозов вновь наступило тепло, на солнце было жарко. Море, как зеркало, отражало прозрачное голубое небо. Стаи белоснежных чаек кружились в воздухе. Розовой дымкой окутан был берег...

Посадка прошла блестяще. Войска с барж были перегружены на «Россию». Корабли вышли в море. (На 126 судах вывезено было 145 693 человека, не считая судовых команд. За исключением погибшего от шторма эскадренного миноносца «Живой», все суда благополучно пришли в Царьград.)

Огромная тяжесть свалилась с души. Невольно на несколько мгновений мысль оторвалась от горестного настоящего, неизвестного будущего. Господь помог исполнить долг. Да благословит Он наш путь в неизвестность...

Я отдал приказ идти в Константинополь¹...

Спустилась ночь. В темном небе ярко блистали звезды, искрилось море. Тускнели и умирала одиночные огни родного берега. Вот потух последний...

Прощай, Родина!

30 декабря 1923 г.
П. Н. Врангель»

Трагические фигуры русской истории, а точнее — смуты: Корнилов, Колчак, Алексеев, Врангель, Деникин, Марков, Дроздовский...

¹ Помимо Севастополя, погрузка войск на суда производилась в Ялте, Алуште, Феодосии, Керчи и Евпатории.

Около 60 млн. человек — цифра, которую я привожу постоянно. Она складывается из смертей, которые оказались непосредственным следствием Октябрьской революции, то есть попытки силой провести в жизнь план ленинской утопии. Это жертвы и Гражданской войны, и уничтожения классово чуждых, и коллективизации, и вала 1935—1939 гг., и Великой Отечественной войны (террор во всем его затейливо-садистском многообразии плюс сталинское постижение военного искусства: горы трупов, отступление до Волги, потом клали людей без пощады, выскребываясь к нашим границам долгих три года), новых массовых арестов...

Подсчет дает цифру около 70 млн., не считая загнанных в гроб нуждой, недоедом, горем, отсутствием лекарств, ужасной медицинской, слезами отчаяния — всей системой будничного, каждодневного насилия.

И еще о рядовых коммунистах: какая разница, что рядовые члены партии в массе своей были честными людьми? Все они подпирали и подпирают темную силу, которая насилует волю народа, навязывает ему свою власть.

Царское правительство намечало в 1918 г. переобмундировать армию: в частности, вместо папах солдаты должны были получить остроконечные суконные шлемы, другими должны были стать и гимнастерки, шинели. Образ былинного воина — защитника родной земли должна была создавать новая форма — это была мысль Николая Второго. Склады были забиты новым обмундированием.

Так и перешли склады с новейшим обмундированием к новой власти. И объявились эти шлемы как революционные буденовки.

Смерть белым гадам! Даешь коммунизм!..

У красных были десятки тысяч бойцов, которые искренне верили в светлое коммунистическое завтра и люто ненавидели белых. За идеи Ленина — Троцкого они готовы были сложить головы, и складывали.

В белых, их победе видели рабство, палачей и захирение России. Любые потери, невзгоды, но одолеть белых гадов!

Даешь коммунизм!

И при всем том Красная Армия занималась и разбоем и насилиями. Эта стихия грабежа и насилий оказалась такой, что в 1924 г. политбюро (по настоянию Михаила Васильевича Фрунзе — нового наркомвоенмора) приняло решение о ее полной демобилизации; нетронутым сохранялся костяк армии: бывшие унтер-офицерские и командирские кадры. С осени 1924-го на основе этих кадров и стала разворачиваться новая РККА.

О той армии, которая воевала в Гражданскую войну и была демобилизована в 1924-м, Фрунзе докладывал политбюро как о банде разбойников с весьма ограниченной боеспособностью. А вскоре и Троцкого заменили. И Фрунзе занял его место.

Маяковский отозвался на замену Троцкого Фрунзе.

Заменить ли горелкою Бунзена
Тысячевольтный Осрам¹?
Что после Троцкого Фрунзе нам?
После Троцкого Фрунзе — срам!

После смерти Ленина на руководство партией претендовали Троцкий, Зиновьев, Сталин, Красин и Фрунзе.

Михаил Васильевич закончил три курса Петербургского политехнического института. Его отличали исключительные способности, дорога в науку была не открыта, а распахнута.

Он не из эмиграции слал прокламации и брошюры с наставлениями, а жил борьбой. Именно он возглавил первый в истории России Совет рабочих депутатов (май 1905 г., Иваново-Вознесенск). Получил два смертных приговора. Чудом избежал смертной казни, замененной на 10 лет каторги. Бежал с каторги.

Один из самых крупных военных организаторов. По характеру независимый, самобытный, лишенный какой бы то ни было угодливости, приспособленчества, прямой и отважный, с волевым характером.

С января 1925 г. — Председатель Реввоенсовета СССР и наркомвоенмор. Скончался 31 октября 1925 г. на 41-м году жизни.

Воронский вспоминал:

«Во владимирской тюрьме Валентин (товарищ Воронского. — Ю. В.) встретился с Фрунзе (Арсением). Арсений был молод (всего двадцать лет. — Ю. В.), отважен, добродушен и по-домашнему уютен. Он был арестован по делу владимирской окружной организации в Шуе, его вызвали свидетелем на один судебный процесс — здесь Арсений случайно встретился с урядником, в которого он стрелял. Его судили, дважды приговаривали к смертной казни и дважды отменяли приговор. Урядник за свой счет доставлял в суд свидетелей, очевидцев покушения. Все это продолжалось более двух лет... Арсений поражал товарищей общительностью, духом живым и бодрым и презрением к смерти. Уже имея смертную статью, Арсений увлекся синдикализмом и старательно изучал иностранные языки. После первого приговора Арсения отделили от товарищей, заключив в одиночную камеру вместе с одним уголовником, тоже осужденным к повешению...»

Сын Фрунзе, Тимур, летчик-истребитель, сражался храбро против гитлеровцев и погиб в родном небе. Мир праху твоему, Тимур!..

Кубань! Сложенная из народа храброго, независимого, она представляла грозную опасность для большевиков.

Основу казачества составляли выходцы из Запорожской Сечи,

¹ ОСРАМ — старейшая фирма, выпускавшая новые для того времени электрические лампы, в том числе и большой мощности. И что рядом с этим сверкающим 1000-ваттным чудом какая-то горелка?..

переселенные во времена генерала Ермолова (1820-е годы), то есть люди, не знающие крепостного рабства вообще.

Меня всегда волнует, когда я встречаюсь с упоминанием Кубани. Моя матушка из старинного казачьего рода, переселившегося после разгона Сечи в южные губернии России, тогда только оформлявшиеся, а вскоре, в годы Ермолова, подавшегося на свободные земли Кубани.

Дяди моей мамы, то есть братья моей бабушки, поочередно избирались станичными атаманами. На той фотографии, что сохранилась, один из них сидит с шашкой и темляком, удостоверяющими его положение атамана.

С тех времен уцелело всего две фотографии. С них на меня смотрят гордые, крупные и плечистые люди. Это — мой род. В середине сидит мой прадед — Никита Остапович: кресты, медали. Честью и правдой служил России. По правую руку от прадеда — мой дед Данила Маркович, за его спиной — моя бабушка Наталья Никитична. Они носили фамилию Лымарь, а мой прадед — Петриченко, поскольку его дочь вышла за Лымаря Данилу Марковича.

Братья моей бабушки были расстреляны, хотя ни в чем не были виноваты перед новой властью, разве лишь своим казачьим чином. От полного истребления наш род спас родной брат мамы Андрей Данилович Лымарь — самый первый секретарь партийной станичной ячейки. А станица-то была в 10 тыс. душ.

Семья моей мамы расколосась. Старший брат Василий ушел под Царицын. Боевой офицер, с наградами за храбрость в войне против немцев, он был убит и вернулся домой в цинковом гробу. На похоронах его невеста (совсем еще юная девушка) бросила призыв отомстить за смерть Василия и других казаков, которых неизвестно почему убивают на родной земле.

Потом белые войска попятились к Новороссийску — это было крушение похода Деникина на Москву. Не успели пройти полевые войска Красной Армии, как на могиле Василия Даниловича расстреляли его невесту. Опять появились каратели. И конечно же, убили не только ее.

Средний брат мамы — Андрей Данилович — стал полковником Советской Армии, прошел Отечественную войну. На его глазах приходила в разорение станица, истребляли казаков. Он верил, что это нужно, что за этим то самое освобождение, о котором мечтали поколения революционеров и борцов за народное счастье. Я хорошо помню Андрея Даниловича, он умер, когда я уже был офицером и чемпионом...

Когда на Кубани была провозглашена советская власть, сразу же появились и каратели. Они приехали незаметно. Ночью взяли несколько десятков самых уважаемых и почитаемых в нашей станице казаков и расстреляли в «глинищах» — в искусственном овраге брали глину для хат и других работ. В ту ночь полег тот брат моей

бабушки, что и по сию пору сидит на фотографии с атаманскими достоинствами. Их убили, так сказать, во исполнение доктрины. Не должно быть зажиточных, сильных — это согласно теории борьбы классов. Ведь тогда никто и не помышлял братья за оружие. Никто и не знал, что это такое — советская власть.

Грянула Гражданская война, и из-под Царицына привезли цинковый гроб дяди Васи (Василия Даниловича). Сразу после Гражданской войны во дворе бывшего станичного управления застрелили второго брата бабушки. На фотографии он сидит бок в бок со своим братом-атаманом. Сидят и не ведают, что их пристрелят на родной земле, — пристрелят просто так, ну так велит кем-то выведенная теория.

За спинами бабушкиных братьев — их жены. У каждой ладонь на плече у мужа: славный семейный обычай.

Потащили к стене и моего деда Данилу Марковича. От пули его спас сын (мой дядя) Андрей. Успел прибежать, показал мандат, партийный билет. Деда обматерили, сказали, что его счастье — и ушли... Вся вина его заключалась в том, что он не отдал на поругание свою дочь — мамину сестру (мою тетю). Станица уже насмотрелась на таких девушек. Их брали с подводами для помощи войскам. Не успевали такие подводы отъехать за последнюю хату, как девушки зверски бесчестили взводом и ротой. Это считалось естественным: девушки ведь казачки, то бишь классовые враги. Занасиловывали и насмерть, случалось и такое.

К этим потерям прибавились потери двух взрослых дочерей, особенно старшей, любимой. Дед не хотел жить и, когда их в разные годы хоронили, прыгал в могилу, ложился на гроб. Его вытаскивали. Он терял сознание. С тех дней вроде обеспамятел, а вскоре умер. Зато крепкой, могучей оказалась бабушка Наталья Никитична (какое-то время она пожила у нас в Москве). Схоронив в 1912 г. старшую красавицу дочь, потом старшего сына, потом двоих братьев, отца, снова дочь и, наконец, мужа, а в Отечественную войну сыновей (моих дядей) Ивана и Дмитрия, она дожила до 96 лет в полной памяти и умерла в 1949 г., когда мне было четырнадцать. Мама написала об этом в Саратов. Я учился в Суворовском военном училище.

После мама рассказала, что бабушка была еще сильная, но уже не хотела жить. И за несколько недель стала говорить, что жить больше не будет. Она говорила это каждый день этих недель. Так и не болея, в один из дней и умерла. Пришла днем после какого-то дела в хату, легла на кровать, закрыла глаза и затихла...

Бабушку всю жизнь пронизывало жгучее неприятие советской власти и коммунистов, хотя коммунистами были ее младшие дети. В своем кругу она упрямо повторяла: «Как победили большевики — так одна кровь...»

Кубань... люблю ее горячей любовью мамы...

Гражданская война породила такую взаимную жестокость, такое извращенное коварство и такое равнодушие к жизни, о которых на Руси уже давным-давно читали лишь в романах и исторических хрониках.

Именно кровь определяет рубежи борьбы за власть. Есть такая мера ее, которую уже неспособны пролить партии, классы, правительства или диктаторы. Они вынуждены признать свою несостоятельность, но Ленин и большевики в данном случае тоже составили своего рода сверкающее исключение, далеко не почетное.

Генерал Добровольский (высший военно-судебный чин в войсках Северной области при генерале Миллере) вспоминал:

«Для допроса взятого в плен командира полка мной был командирован один из состоявших в моем распоряжении офицеров с высшим юридическим образованием, которому я предложил по возможности выяснить положение в Красной Армии и виды большевиков на ближайшее будущее.

Командир полка, прапорщик военного времени, оказался идейным коммунистом из народных учителей. Считая свою участь предрешенной, он вежливо и спокойно обрисовал положение советской власти крайне тяжелым ввиду не только пассивного, но прямотаки враждебного к ней отношения большинства населения. В частности, у него в полку только 20 процентов считалось сочувствующими советской власти; остальные восемьдесят — были настроены крайне враждебно к ней, тяготились войной и ждали первого удобного случая, чтобы расправиться со своими руководителями. Несмотря на это, он выразил уверенность в конечной победе советской власти, которая сумеет силой заставить массы выполнять поставленные задачи, ибо для «воздействия на несочувствующих она как власть «народная» располагает той роскошью в средствах, которую не могут позволить себе белые».

В качестве иллюстрации последней мысли он сослался на расстрел ими целого красноармейского полка на нашем фронте, отказавшегося выполнять приказ о наступлении...»

Предела пролитию крови не существует для большевиков — власть рабочих и крестьян выше, она священна (что под властью прежде всего подразумевалась диктатура верхушки партии, никто на этой шестой части земли и не заикался: власть народа — и все тут!). Люди, которые недовольны нами, большевиками, уже не народ, и с ними позволительно все. Пусть будут недовольны 20, 60, 90% народа — все равно это уже не народ, и его можно и нужно приводить в повиновение любыми средствами. В этом суть ленинизма! И это ткачевщина в наичистейшем виде!

И это именно та «роскошь в средствах», о которой толковал пленный командир полка. В этом весь Ленин, весь его терроризм, вся идейная подкладка террора, массовых мучительств и убийств. Все, кто не красного цвета, не люди. С ними можно и нужно де-

лать все, что угодно, — они не представляют ценности для общества. Это шлак, удобрение для земли, за ними нет права на существование. Именно к этому свелись ученость Ленина, вся упорная работа его над книгой, все-все исследование человеческой мысли.

Да, так: для ленинцев не существуют дозволенные и недозволенные средства (слышите это вы, члены великой и доблестной партии по умерщвлению души собственного народа, подумайте над своей партийной книжечкой). Есть четкое осознание классовой природы общества, понимание всех взаимодействующих сил, уверенность в конечной правильности движения.

Власть народа свята. Пусть (за ничтожным исключением) против нас весь народ, но правы по-прежнему будем только мы, большевики, ибо за нами понимание целей и законов борьбы, и, стало быть, не они, а мы — народ, пусть нас хоть миллион, а их все триста миллионов. Это не имеет значения.

Чем не философия работоторговцев? Из этой философии, доктрины, учения вылупились все лагеря и пыточные, все убойные стройки, от которых у народа были один надрыв, одна боль и одно горе. Из этого самого передового учения и вывелись все бессердечие, вся жестокость отношения к человеку. На этом возшла теория человека-винтика. Из этого вышло все неуважение к личности. Народ топтала теория Ленина, как мнут ногами виноград в чанах. Сок народа шел на укрепление здоровья ленинизма, то есть укрепление всего аппарата подавления народа, и на насыщение партийных угнетателей.

Мы — всегда народ, а все остальные — нет, поскольку только у нас верная картина общества и его развития. Так как на нашей стороне «правда» и видение будущего, мы единственные, кто обладает правом на любые поступки. За нами не существуют ни жестокости, ни насилия, ни крови — это пустые символы.

Мы вне зла, даже если будем тонуть в крови, насилии и бедствиях народа.

Именно так, ведь тотемный знак России — трупы...

Народ рухнул на колени, изрыгая кровь. Градус взаимной ненависти притупил, стер все прочие чувства.

Земля прокисла от крови.

Кому-то суждено было выжить, кому-то... лечь в землю, кому-то избыть на чужбине, кому-то созидать ленинскую утопию, так называемый социализм...

Народ распределялся в колонны за партийными вождями. Неповоротлив — пособляли... и смыкались ряды. Ибо только послушным даровалось право на жизнь. И уже только один крик, один шаг, один цвет.

Все стали как один, и один — как все.

И везде волчьи тени, серые, юркие.

И земля, кислая от крови. Но раз другим дышать не дано, привыкай и к такому дыху — кислому от крови и пота...

«...С великим же опасением и отец с сыном глаголаше, и брат с братом, и друг с другом, и по беседе речей заклинающиеся страшными клятвами еще не поведать глаголемых ни о велице, ни о мале деле или вещи...»

И все глубже в толщу лет.

И все режут серые волчьи тени, режут человеческую массу, выкраивают из нее колонны, пока все уже — лишь одни колонны.

И где-то самым краешком чуть-чуть розовеет заря.

И нет ни одного осколочка зеркала, даже просто лужи, чтобы взглянуть на себя.

И никто не видит себя.

И уже не хотят видеть. И хорошо, что не видят.

Только — общий шаг и серые тени. И вместо лиц — жуткие маски. И эти маски уже становятся лицами, не отделить их от лиц.

Дух народа, закованный в объятия скелета...

Ничему живому и чистому не дает прорасти скелет. Обложил костями народ — держит...

И в нынешнем долгом кризисе все те же проблемы, затянутые в узел после Октября 1917 г.

На пути избавления надо терпеть... или судьба России — распасться, саморазрушиться.

Это плата за насилие и нетерпимость, возведенные в божество.

По счетам полагается платить. Идти через нищету, смертные болезни, потери — и не сворачивать. Идти, чтобы стать людьми, отторгнув насилие и нетерпимость, «традиции беззакония» и равнодушия к близким.

И никто не даст избавления, пока не будет пройден этот путь.

А тогда и сам народ станет другим...

Павел Николаевич Милюков усматривал три причины поражения белых («Россия на переломе»):

— несостоятельность стратегии (азартная стратегия);

— «натянутое и даже враждебное отношение к тем окраинным образованиям, на территории которых происходила борьба»;

— «более чем ненормальное отношение армии к населению...».

Тощевато для историка с именем подобное ученически прямолинейное толкование.

Суть белой демократии обнажилась и в карательной политике, обильной на слепое изуверство.

И опять-таки движение губило клеймо старого порядка. В этих условиях не представлялось возможным действовать эффективно, все движение стояло как бы на трупных ногах.

Борьба велась под лозунгом «национальное возрождение великой, единой и неделимой России». Лозунг совершенно чуждый простому народу.

Уже царский скипетр и держава казались многим спасением и защитой против всеокрушающей головорезно-истребительной политики Непогрешимого, которым впервые в истории были подведены под неограниченные и бессудные убийства научное и теоретическое обоснование — золотая выжимка из всего совершенства мысли.

Хотела она или не хотела, но генеральская контрреволюция приняла реакционный характер. За ней проглядывали помещики, крупные собственники и неизбежное подавление свободы, правда, не до такой дикой степени, как при большевиках, но, как мы знаем, этому давались самые серьезные и ученые обоснования.

На Юге белое движение проявляет реакционность как нигде ярко, ибо ни в Сибири¹, ни на севере России не имели места реставрации помещичьего землевладения, что коренным образом раз и навсегда определило позицию крестьянства, а стало быть, и исход борьбы.

И как напутствие времени — великой и самоотверженной попытке остановить шествие насилия — слова Будберга:

«Жизни мы не поймали; ее требования не поняли и не уловили. Жизнь ушла от нас и стала искать более примитивных, но реальных осуществлений».

Эти «реальные осуществления» уже держали Россию за горло...

Подает голос и «женевская» тварь. В столь серьезном вопросе она не могла остаться в стороне.

«Без ВЧК мы бы не победили на фронтах Гражданской войны, мы бы не отстаивали свободы и независимости нашей Родины» (из сборника «20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД»).

Конечно, преувеличение допущено, но, право же, весьма скромное, ибо с опорой на безграничный террор во многом определялась позиция самых разных слоев населения, в том числе и трудовых. Угроза расправы висела над каждым, и это сбросить с главных, итоговых «весов» нельзя, не выйдя.

Учитывая, что численность врангелевской армии не превышала 35 тыс., представляется невероятным расстрел красными многих десятков тысяч бывших белых солдат, оставшихся в Крыму. Если же это злодейство имело место в таких масштабах, то могло быть только за счет бывших пленных из красноармейцев, то есть заключенных концентрационных лагерей или рядовых запасных белых

¹ В Сибири — да, не успели восстановить помещичье землевладение, а вот в Поволжье оно оказалось возвращенным к жизни, что, как известно, во многом определило поражение Колчака, так как крестьяне сразу отшатнулись от него.

частей. Тут их действительно было на десятки тысяч. Их и могла «вычесать» «женевская» уродина.

Помимо ревтрибуналов и скорых на приговоры Особых отделов, по указанию Ленина были созданы так называемые Революционные полевые тройки. О них рассказывает Г. Д. Пласков в своих воспоминаниях «Под грохот канонады».

«...Революционные полевые тройки призваны помочь Советской власти спасти... заблуждающихся людей, вернуть их к труду на пользу общества. С истинными же врагами разговор особый. Ни один из них не должен уйти от справедливой кары. Вся деятельность троек призвана способствовать укреплению Советской власти на местах...

Председателями троек были названы комиссары бригад, их заместителями — уполномоченные особых отделений. Членами троек включались командиры и рядовые. Среди них назвали и меня. Доверие радовало...

Мы, рядовые члены троек, участвовали в их заседаниях поочередно — раза два в неделю... Протопаешь с боями верст тридцать, устроишь людей на ночлег и идешь в избу Особого отдела. Часа три-четыре сидим в прокурорской комнате... Арестованных вводили по одному (требовалось профильтровать всю массу захватываемых каждый день пленных. — Ю. В.). Секретарь заполнял судебный лист...

Потом начинался допрос. Разговор велся деловито, в спокойных тонах...

Помню рыжего верзилу. На допрос он заявился с чемоданом — сдать свою ношу коменданту наотрез отказался...

Вызвали бойца из комендантского взвода. Он вырвал чемодан у арестованного... Перед нами выросла грудка драгоценностей. Золотые дамские часы, массивные золотые портсигары, кольца, ожерелья и броши. Во флаконе из-под духов — десятки бриллиантов. В этой куче были страшные вещи — посиневшие отрубленные пальцы с кольцами, съжившиеся темно-желтые комочки отрезанных ушей с серьгами...

Обмениваемся мнениями. Здесь, на заседании, все равны. Приговор не может быть вынесен, пока все члены тройки не придут к единогласному решению... Бывало, что мы не могли прийти к единому мнению. Тогда дело передавалось на рассмотрение военного трибунала...

Мои частые ночные отлучки обеспокоили товарищей. Я почувствовал, что на меня начинают коситься. Кто-то в минуту откровенности даже сказал мне:

— Гриша, что вы там ночами делаете? Говорят, ты крестьян расстреливаешь...

Рассказать правду о своей работе в тройке я не мог: нас предупредили, чтобы мы о ней молчали...»

В данном случае комиссар ответит бойцам, каким делом занимается их товарищ.

«...Больше на меня уже не косились, — заключит свой рассказ о полевых тройках Пласков. — Наоборот, стали относиться с уважением. На привалах приставали с расспросами, кто еще прошел через наши руки...»

Взглянем и на заложничество не из-за строк циркуляров и выкладок, а глазами жертв и участников — из тех дней.

После взрыва в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 г. Бутырку заполнили красноармейцы, на двор выкатили пулеметы. «Началась расправа, и расправа жестокая в ту же ночь», — вспоминал очевидец.

Сам Мундыч, по рассказу коменданта МЧК Захарова, приехал в МЧК прямо с места взрыва.

«...Бледный как полотно, взволнованный (как же: не они, а их быют — это ж какое преступление! — Ю. В.) Дзержинский отдал приказ: расстреливать по спискам всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях...»

По-ленински!

Перезальет кровью это истребление по заложничеству все и всякие жертвы на фронтах Гражданской войны, ибо это и было теоретически обоснованное, задуманное уничтожение так называемых враждебных классов. Лягут в землю и стар и млад с клеймом «бывшие». Все произойдет в точном соответствии с теоретическими обоснованиями террора Лениным и его учеными товарищами. Вынес Ленин из чтения книг во всех ученейших библиотеках Европы одно (читал не две-три строчки, а отпечатывал в памяти страницу целиком): убивать!

Чтобы мы жили, надо убивать. Без этой непрерывной дани кровью и голодом наша жизнь под пятиконечной звездой невозможна.

О значении книги, а следовательно, и библиотеки в жизни Главного Октябрьского Вождя дает представление очерк З. В. Ждановской «Организация труда в творческой лаборатории Ленина»¹.

В Красноярске в известной библиотеке Г. В. Юдина Ленина порадовали столь нужные для работы «полные подборки журналов (главнейших) с конца 18 века до настоящего времени» (это слова Ленина).

В Лондоне этот знаток революционных кровопусканий восхищался необыкновенно оперативным отделом справок и полнотой

¹ См.: «Вопросы истории», 1977, № 4.

фондов библиотеки Британского музея, где можно пользоваться богатейшим русским отделом, в том числе книгами, запрещенными в России.

Очень скоро в ленинской России за чтение объявленных вредными книг многие десятки тысяч людей загремят на самые длинные сроки в лагеря и лягут в братские могилы. Что в таком разе молвить о любви Ильича к книге? Любил.

Хвалил он и швейцарские библиотеки — там он, можно сказать, был свой. Пользовался последними достижениями мировой культуры, все было к услугам вождя неограниченной диктатуры, ее беспощадного обоснователя и практика. Нет, он листал книги спокойно, не забывая о перерывах: пил кофе, чай, закусывал булочками, любовался очертаниями гор, с удовольствием дышал свежестью знаменитого швейцарского воздуха. Шурился, собирая мысли — одна к одной и все в доказательство справедливости кровавого слома этого самого общества. Начнем с России, а уж потом непременно доберемся и до этих красот.

Парижской национальной библиотекой будущий диктатор был не удовлетворен из-за бюрократической канители с выдачей книг и потому, что в ней «отсутствовали каталоги за более поздние годы» (тоже ленинские слова).

Это, разумеется, было обидно, ибо именно Франция дала будущему диктатору наиболее близкие схемы неизбежных событий и общее направление движения. Тут все дышало памятью великих социальных потрясений и экспериментов. Всеми порами Ленин впитывал «классику» французских восстаний, в столбики сводил уроки поражений, вычислял будущее боев и столкновений у себя на Родине.

В разных библиотеках Ленин просмотрел свыше 16 тыс. книг, брошюр, статей, периодических изданий, документов, писем... более чем на 20 языках. Впечатляет.

«С тех пор как у нас побывал господин Ульянов, — заявил бывший директор Парижской национальной библиотеки (он посетил нашу страну, и «Правда» 22 апреля 1968 г. донесла до нас почтительный восторг директора на пенсии), — мы не видели человека, который читал бы так много, и вряд ли когда-нибудь увидим».

Это большое утешение для нас: «и вряд ли когда-нибудь увидим». Да чтоб никогда такого не увидеть!

После октябрьского переворота, верно, не вдруг значительнейшая часть книг оказалась в спецхранах. Доступ к ним имели лишь единицы (особо доверенные ученые и партаппаратчики). Так что нам радоваться обилию и доступности собраний книг, журналов уже не приходилось. Свободная, независимая мысль — как раз на это ополчился ленинизм. Без нее и были лишь достижимы единомыслие и общая восприимчивость к словам пророка-вождя и его хилых последователей. Мысль оказывалась как бы на цепи и обреталась отныне только в строго заданном пространстве.

«Источники его информации очень обширны, — пишет совре-

менник Ленина американский журналист Альберт Рис Вильямс, — и дают ему огромное количество фактов. Эти факты он отбирает, оценивает и проверяет. А затем использует их как стратег, как математик, как химик, имеющий дело с социальными элементами».

Как он их использовал, эти самые факты, у нас предметное представление: наша разрушенная, обездоленная жизнь. Утопию он превращал в реальность раскаленными прутьями насилия. Изогнулась, затрепетала, застонала Россия, а пошла. Куда ей деваться — все наперед было учтено в этих самых библиотеках.

Промокли, склеились все те листы 16 тыс. источников кровью, ибо искал мыслитель будущее лишь в усмирении кровью. Накрепко сшивал строки конспектов будущими жизнями. Стежок за стежком — миллионы жизней. Уже видел, как залпами пушек, штыками, конными лавами станет вламываться в это будущее: никто не устоит. Ибо во веки веков: кровь — всех и любого — поставит на колени. Все книги свидетельствуют о том. Вождь не ошибся, все выводы сделал правильные, можно сказать, понял людей...

Крестьянство, а оно, несомненно, составляло большинство России, приняло сторону большевиков: пусть даже прототряды, пусть разруха, но земля все же вот она, при нас, родимая, своя...

Несмотря на отчасти изуверский характер махновщины, порой и антоновщины и др., это были крестьянские движения, направленные как против посягательств белых на землю, так и против существа красной политики. Крестьянство восставало против «обоих зол» (помните высказывание Троцкого?).

Ленин разом взял крестьянскую Россию, выступив против мировой войны и приняв земельный закон, не переставая разжигать непримиримую ненависть ко всякого рода угнетению. Однако военный коммунизм — продовольственная диктатура (продразверстка) — поднял деревню против красных. И все же, когда встал вопрос о выборе между белыми и красными, крестьяне предпочли красных. Им, крестьянам, под комиссарами было несладко, но все же это поближе к земле.

Пролетариат, и без того малочисленный, оказался выбитым в мировую войну; в годы междоусобицы рассеялся, деклассировался. В свою очередь в городах его ряды примется восполнять вчерашний крестьянин, но это уже под урез Гражданской войны.

Таким образом, исход Гражданской войны решила позиция крестьянства. Народ не видел правды за белыми. Вся душегубная политика большевизма по отношению к деревне еще только вызревала. И такая политика, от которой у народа потемнеет в глазах и старая жизнь вспомнится благом.

В 17-м, после Февраля, Россию ждал другой путь, неленинский, — это уж определено: без колоссальных людских потерь, изнурения, нужды и неисчислимых материальных издержек. Более расточительно относиться к материальным ценностям, нежели

относились в Октябрьскую революцию и во все времена после нее, невозможно. Сначала разрушали экономику, после предельно дезорганизовывали, а после восстанавливали, но с постоянными чудовищными издержками, за которые в конце концов расплачивался этот самый... трудовой человек и никогда — новые партийные и советские хозяева.

Разрушали деревню, создавая колхозы, пухли от голода, шли под конвоем в Сибирь, ложились под пули карателей. Потом существовали на нищенские трудовни: за год платили тридцать-сорок рублей! За целый год надрывного труда!

Налогом задавали так, что люди повыврубили сады. Отняли у людей всякую живность, потом вроде одумались и стали позволять держать, а нет, опять взялись преследовать за корову или свиней.

Фактически деревни представляли собой резервации, в которых люди под неусыпным надзором даром отдавали силы и жизнь. Отняли у крестьян паспорта и запретили прописку в городах. Это было крепостное право в самом натуральном виде, разве только не продавали людишек да называли гражданами.

Под понятием «кулак», всеобъемлющим и сразу все списывающим для карателей, было спрячено сопротивление деревни. Хотя кому сопротивляться? Все более или менее строптивые уже уложены в землю, а у тех, что остались, поломаны кости, потому и шибко берегутся от каждого лишнего слова...

Промышленность, которую конструировали по кабинетным прожекам, не могла существовать без сельского хозяйства. Вот и «развивали» деревню — командой, кнутом, демагогией, нищетой. И Лубянка тут первая помощница. Она всей стране кости вправляет — а как иначе выдержать верное направление?

Когтистой лапой сдавила партийно-бюрократическая диктатура горло каждого — на просвет самое ничтожное движение души.

И в этот раз нельзя не обратиться к уже упоминавшейся книге Родзянко.

«Последовательные ошибки в управлении государством в целом ряде десятилетий — вот причина возникновения революции в России. Правящие классы не отдавали или не хотели отдавать себе отчет в том, что русский народ вырос из детской распашонки и требовал иного одеяния и иного к себе отношения.

Постепенное развитие образования, развитие русской науки и литературы, общение с более передовыми культурными странами, увеличившееся сознание в необходимости уважения прав каждого гражданина, сознание в несомненном праве населения знать, что его ожидает завтра, и право участия в решении своей судьбы — все эти запросы народной совести встречали постоянный суровый отпор Государственной власти, явно не желавшей уступить своих позиций и привилегий. Упорная борьба на этой неблагоприятной для Государственной власти почве вызвала тот исторический ход событий, пре-

дотворратить и задержать естественные последствия которого и оказалось задачей непосильной слишком поздно призванному к деятельности народному представительству (Государственной думе. — Ю. В.). Последнее как элемент эволюции, но не революции не могло, конечно, устоять против долго сдерживаемого народного негодования. Недаром великий сердцеед и патриот Бисмарк в своих мемуарах говорит, что всякая революция сильна не столько своими эксцессами и отказом признавать существующую власть, сколько той долей правды, которая вложена в ее идею. И эта глубокая мысль встречает подтверждение и в нашей Русской революции, уже впоследствии развившейся в дикий разгул неуправляемой пугачевщины. Ведь происшедший в феврале 1917 года переворот был встречен всей страной спокойно и с одобрением. Наша Армия — цвет населения, — сильная и вооруженная, тоже не возражала против него и, очевидно, была за переворот...

Россия в момент развязки мировой войны оказалась совершенно одна, оставленная своими союзниками и предоставленная поэтому самой себе. Мы сами, своими руками разрушили нашу красавицу Родину-мать. Обуреваемые революционными страстями и вспыхнувшей взаимной ненавистью на почве классовых интересов и низменных побуждений, мы не сумели понять, что, только в самой себе черпая силы, в родном народном творчестве, возможно сохранение целостности и нерушимости Отечества. Мы сами, увлекаемые ложными теориями, правда приведенные в это состояние всей неурядицей прошлых десятилетий, положили начало разложению Государства и растлили народные души.

Преступная пропаганда интернационализма — очевидно, беспочвенная — сделала, однако, свое дело. Потухли и принижены были национальные идеи, принижено было и уважение к самим себе.

Да, Россия одна, и она только сама в себе должна черпать силу для своего возрождения, и, я скажу, слава Богу. Пусть те страдания, которые выпали на нашу долю, сметут без остатка все лживые понятия об интернационализме, о ненужности, даже вреде национальной идеи, о вреде народной гордости и достоинства...

Нам не на кого рассчитывать...

Сейчас нам не нужно быть ни правыми, ни левыми, ни социалистами, ни буржуями, ни монархистами, ни республиканцами — нам нужно быть прежде всего русскими людьми, безмерно любящими Отечество свое и верующими в его силы, и, несмотря на все наше временное унижение, мы должны воспрянуть в духе уважения к себе...

На нас, русских людей, выпало тяжелое испытание обнаружить силу духа не только во внешней борьбе, но и во внутренней — с собственным бессилием и малодушием. Я призываю всех Русских граждан-патриотов выстоять до конца так же, как выстояли назад тому триста лет русские люди в ужасную и в то же время славную эпоху смутного времени иноземного нашествия...

И если последствия тяжких и грубых ошибок управления... и

иные им подобные причины нас довели до национального унижения, до самооплевывания, до оскорбления национальной гордости, то пусть переживаемые нами страдания, горе и позор послужат источником очищения нас от этих пороков.

И пусть из этих страданий мы поймем, что только вокруг иных начал народной жизни может создаться мощное и сильное Государство.

Повторяю, все партийные счеты наши, все классовые и иные недоразумения должны побледнеть теперь перед роковым вопросом, поставленным на очередь: быть или не быть свободной, не зависимой ни от кого... России...

Я непоколебимо верю в силу и мощь России.

Я чувствую уже начало пробуждения могучего патриотического чувства. Я чувствую и глубоко убежден, что живет во всех русских гражданах вера в светлое историческое мировое будущее России...»

Историк Лев Платонович Карсавин в 1922 г. был выслан из советской России. Через год в берлинском издательстве «Обелиск» напечатал сочинение «Философия истории», в котором дает свое толкование революции. Скончался в 1952 г. 70 лет от роду.

«...Удивительно, как просто все объясняется врагами и критиками большевизма.

Прибыли из-за границы (да еще в запломбированных вагонах) несколько десятков оголтелых тупиц и преступников. Стали эти преступные тупицы «сеять смуту», собирать вокруг себя уголовных преступников и дезертиров, лстыть инстинктам армии и толпы и в конце концов подчинили себе великий многомиллионный народ... Почему русский народ не только их терпел (именно терпел, потому что «коммунистический опыт» обходился ему очень недешево), но и защищал от Колчака, Деникина, Юденича, Польши? Почему население, приветствовавшее «белую власть», так скоро от нее отворачивалось и начинало снова ждать большевиков?.. Если нам скажут, что белогвардейские армии сами собой разваливались, мы ответим, что разваливалась и красная и что в общем качество ее было как будто ниже. Если признать, что русский народ подчинился большевикам только за страх, надо будет признать нерусским народом погибших в Гражданской войне и защите России красноармейцев. А среди них были не только шедшие в атаку под пулеметной угрозой с тыла. Тогда не принадлежат к русскому народу ни крестьяне, предпочитавшие большевиков «царским генералам»... ни большинство рабочих...

До самого последнего времени русский народ их (большевиков. — Ю. В.) поддерживал. Это не значит, что он их нежно любит: он их поддерживал как неизбежное и наименьшее зло (это точь-в-точь слова Троцкого, о которых Карсавин не мог знать. — Ю. В.). Никакой цены нет за безответственными и огульными ссылками на то, что большевиков все ругают, что «мужики» их ненавидят... интел-

лигенты презирают... Правда... ненависть к большевикам и опорочивание их обладают глубокими основаниями...

Видимо, и таким, как Ленин, убедительными и «научными» казались их прогнозы и формулы, близким — наступление коммунистического рая... Без веры в социализм призывы вождей никого бы не увлекли, и только наивная, нелепая вера могла зажечь всех, кто являлся энтузиастом лучшего будущего для человечества, но по малограмотности своей в состоянии был мыслить это будущее только в рамках коммунистической идеологии и пролетарской логики. Без веры и энтузиазма нельзя было организовать армию и партию, закрывать рынки, бороться с анархией, с «белыми» и внешними врагами. Если вожди не верили в немедленный социализм, необходимо предположить в них нечеловеческое лукавство... Если они верили, это лишний раз свидетельствует о том, что они в руках истории ничтожные пешки, и это вполне согласуется с отрицанием роли личности в истории.

Можно с разных сторон подходить к большевизму. Здесь я остановлюсь лишь на одной... Они уничтожали «бар» и живших по-барски носителей культуры. Они ли? Не являются ли большевики лишь организаторами стихийной ненависти и воли темных масс? Большевики были беспощадны и бессмысленно жестоки, но, может, быть, только благодаря им не произошло поголовного истребления культурных слоев русского общества; может быть, они скорее ослабили, чем усилили прорыв стихии...

Большевики лишь приклеивали коммунистические ярлычки к стихийному, увлекавшему их, говорившему и в них течению. Они лишь понятным темному народу языком идеологически обосновывали его дикую разрушительную волю. Оттого-то и смешались в одну кучу (для уничтожения. — Ю. В.) капиталист и литератор, офицер и интеллигент...

Не народ навязывает свою волю большевикам, и не большевики навязывают ему свою. Но народная воля индивидуализируется и в большевиках; в них осуществляются некоторые особенно существенные ее мотивы: жажда социального переустройства и даже социальной правды, инстинкты государственности и великодержавия...»

И Карсавин делает замечание, что во всех этих потрясениях воля великого народа так и осталась не уловленной, не выявленной во всей полноте...

Мы можем добавить: мечта о социализме вызревала в народе, и не ведающем о таком слове, под гнетом татарщины и крепостного права — в долгие-долгие столетия российской истории.

Большевизм угадал, уловил существенную часть устремлений народа. Большевизм, удовлетворяя этим устремлениям, оказался приемлемым для общей массы людей. Распределительный социа-

лизм не только не унижал, не оскорблял народ, но и отвечал его представлениям о жизни, пути к справедливости.

Это было до тех пор, пока народ не оказался лишенным сытости. Это случилось вскоре, почти сразу после революции, но смягчалось целым рядом якобы объективных обстоятельств (последствия Гражданской войны, разруха, сопротивление свергнутых классов и т. п.). Но с этого момента казарменное лишение народа сытости уже повело к постепенному разъединению с большевизмом.

Ведь весь вопрос нынешней катастрофы (на это не надо закрывать глаза) для основной массы людей не в насилие, хотя такой размах насилия уже насторожил народ, вызвал в нем недовольство, не в ограничениях казарменного социализма, не в отсутствии свободы и справедливости, а прежде всего в отсутствии сытости, несправедливом обделении этой сытостью...

Именно по данным причинам народ на двух голосованиях (1989 и 1990 гг. — выборы народных депутатов СССР и РСФСР) отдает предпочтение все той же коммунистической партии. Углубление кризиса может быть вызвано лишь усугублением продовольственного вопроса — и ничем иным. Все прочее — свобода, справедливость... — решающего значения не имеет.

При быстром, безотлагательном решении продовольственного вопроса и ослаблении «чрезмерного» гнета в различных областях жизни (но только «чрезмерного»), унаследованного от революционного прошлого, у коммунистической партии есть все шансы закрепиться у власти (теперь уже навсегда!), так как партия безусловно усвоит урок, преподанный ей обществом в эпоху перестройки. Без этих условий партия у власти не удержится и государство окажется на грани катастрофы...

В обществе отсутствует политическая сила, способная принять на себя бремя руководства. Повторю уже высказанную мысль: историческая вина большевизма в том, что он раздавил все общественно-политические движения в России, поставив ее теперь, в годы кризиса, перед пустотой идей и политической организованностью масс, выпавших из-под пресса большевизма.

Для созревания всего многообразия общественно-политических идей и движений, связанных с ними, нужно время — это долгие годы.

Это время обществу не дано. Решать нужно сейчас же, тут же.

И Россия тонет в хаосе уродливых, мелких идей, программ, движений, не шагнувших из младенчества общественно-политического сознания, опыта, навыков...

Будущее России — «большевизм с человеческим лицом».

В революциях, брожениях будет теряться та часть народа, у которой иные идеалы. Это будет означать или физическую гибель, или исход в эмиграцию. Третьего не дано. И долго не будет дано. «Человеческое лицо» еще не проглядывает на том месте у партии, где ему положено быть и которое не обнаруживалось там все три четверти века нахождения ее у власти...

О лице всеми было забыто... Присутствовали только... серп и молот, однако не для уборки урожая, вернее, жатвы...

Потомок знаменитого дворянского рода, высоко вознесшегося при «матушке» Екатерине Второй, Димитрий Михайлович Панин угодил на сталинскую каторгу в 1940 г. Выдержать 16-летнее хождение по мукам и не лечь в могилу ему дала глубочайшая, беспредельная любовь к Богу. Он выжил там, где погибали все без исключения. С молитвой на устах он 40 суток боролся с болезнью, от которой нельзя выжить (медицине это известно) без еды. Ему же скармливали баланду, которую нельзя назвать пищей даже для скота.

Панину принадлежит необычное для бывшего советского общества признание: **«К тому времени (несколько лет тюремно-лагерного заточения) я прекрасно понял, что обществом движут единицы»**.

Он обращается к нам, теперь уже, к прискорбию, из могилы¹:

«Каждый великий народ обязан понимать задачи эпохи, верно учитывать и сознавать ее опасности. Горькие размышления о разгроме Белого движения заставляли предъявлять обвинение ведущим умам России того времени. В конце концов, офицеры сделали что могли: создали армию, сражались и одерживали победы, кровью и муками искупали допущенные ошибки. Нельзя было требовать, чтобы в ходе боевых операций они решали вопросы землеустройства в освобожденной России, выбирали будущую государственную систему, опровергали казуистику захватчиков, именовавших себя коммунистами, и отвечали на многие другие вопросы. Для всего этого были головы интеллектуалов. Если интеллигенция занималась разрушением основ, то люди с истинно высоким образованием и острым умом, прекрасно обеспеченные, бывавшие в Европе и встречавшиеся с тамошними светилами, в тиши своих кабинетов, обставленных переполненными книжными шкафами с великолепно подобранными книгами, — обязаны были предложить правильные, продуманные решения. В начале двадцатых годов светочи русской мысли, попав за границу, сумели сделать немалый вклад в понимание современности и вскрыть ряд ее пороков. Но в годы гражданской войны их влияние не было заметным, и они не обогатили конструктивными решениями Белое движение. В критической острой фазе, когда борьба шла не на жизнь, а на смерть, отсутствовала ясная единая цель, был разнобой мнений. Отсюда — пагубные результаты.

Странное поведение интеллектуалов вполне объяснимо. Они сразу попадали в положение ретроградов, как только осмеливались возражать интеллигенции. Это мешало их стремлению к популярно-

¹ П а н и н Д. «Лубянка — Экибастуз». Лагерные записки. М., «Скифы», 1991, с. 213. (Панин находился в заключении с 1940-го по 1956 г.)

сти, поэтому верные поиски губились и творчество приостанавливалось. По каким-то таинственным причинам тон задавала интеллигенция, то есть паразитическая, вредоносная разновидность узколобых горланов, под покровом трескучих фраз разрушавшая Россию...

Дочь генерала, дворянка, окончившая Смольный институт благородных девиц, коммунистка Коллонтай запросто едет в Кронштадт, собирает митинги на кораблях, произносит речи, призывает уничтожить офицеров. После ее отъезда начинается охота за ними и мучительные убийства. Таковы факты. Но как могла такая партийная барынька проникнуть в военную крепость, в стоянку военного флота во время войны с немцами? Значит, кто-то ее привез, пропустил, подготовил митинги, подогрел настроение, позволил заниматься явным предательством, и кто-то всему этому не помешал, хотя нельзя было не понять, что открыто и нагло совершается черная измена, нужная, готовая на все врагу...

Идея, ради которой люди идут добровольно на смерть, считается крайне важной и неоспоримой, и с этим нельзя не согласиться. Заблуждения гаснут, как залитая огнем головешка, а верная идея живет в веках. Ради чего же убивали достойных государственных деятелей? Чем оправдан столь ужасный способ доказательства своей правоты? Теперь, в семидесятые годы XX века, программы революционных партий начала столетия представляют лишь исторический интерес и не имеют никакого практического значения. Но две их наиболее отвратительные особенности — терроризм и безбожие, — нашедшие явное или скрытое отражение в этих документах, их пережили. Именно они погубили все хорошие замыслы революционеров, которые те вкладывали в свою деятельность. В свое время им надо было понять простую и ясную мысль: если предлагаемое не нравится, вызывает сопротивление и для его осуществления требуется принуждение вплоть до террора, то это — не идея, а вздор. Значит, вкравшись ошибки, непогрешимая «теория» — груда мусора, надо честно признать свой провал и начать с изучения своих критиков.

Российская интеллигенция не только создала все революционные партии и направляла их деятельность, но также формировала взгляды многих рядовых людей, не только мелких интеллигентов, но и простых тружеников. Последнее обстоятельство особенно омрачительно, ибо таким путем порча проникла в глубь населения...

В настоящее время психическая неполноценность Ленина не вызывает сомнений. Только в больном мозгу могли возникнуть дикие аномалии, которые соединяли взаимоисключающие понятия — такие, как «демократический централизм», «демократическая диктатура», «террор как метод убеждения» и т. п. На его высказывания ссылаться нельзя, так как каждое свое утверждение в другом месте он же опровергает. Вероятно, это проистекало из его абсолютной аморальности, уничтожившей для него возможность

различить добро и зло, а заодно и другие противоположности. Но зато по той же причине он применял любые самые страшные средства и обладал огромной волей — в этом была его сила...

Борьба с религией развернулась при Ленине и все усиливалась.

В двадцатые годы церковников, то есть активных приверженцев Церкви, вызывали в Губчека и вечером расстреливали под шум заведенных моторов; священников в глухих местах убивали толпами из пулемета; над монахинями творили непрерывное издевательство. Рядовой верующий был мишенью травли, доносов и внесудебной расправы...

Русская Церковь фактически прекратила свое существование.

Подлинное духовенство было уничтожено...

В крови и смертных муках Гражданской войны погружался в бездну дворянский класс России. В небытие уходил класс, который службу России, ее строительство и процветание считал своим основным назначением и которому Россия была столь многим обязана.

Ни в одном документе его роль не отмечена с такой яркой, законченной и возвышенной силой, как в «Жалованной Грамоте Благородному Российскому Дворянству» Екатерины Второй.

«Божию поспешествующею милостию

Мы, Екатерина Вторая

Императрица и Самодержица Всероссийская.

Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская...

Всероссийская Империя в свете отличается пространством ей принадлежащих земель, кои простираются от восточных пределов Камчатских до реки и за реку Двину, падающую под Ригою в Варяжский залив, включая в свои границы сто шестьдесят пять степеней долготы. От устья же рек: Волги, Кубани, Дона и Днепра, втекающих в Хвалынское, Азовское и Черное моря, — до Ледовитого Океана простирается на тридцать две степени широты.

Таково есть существенное состояние Российской Империи в сем знаменитом столетии, в коем истекает и настоящий 1785 год! И сим образом в истинной славе и величестве Империи вкушаем плоды и познаем следствия действий НАМ подвластного, послушного, храброго, неустрашимого, предприимчивого и сильного Российского народа; когда верую к Богу, верностию к Престолу он управляем; когда труд и любовь к Отечеству соединенными силами стремятся преимущественно к общему благу; и когда в военном и гражданском деле примером предводителей поощрены подчиненные на деяния, хвалу, честь и славу, за собою влекущие.

Начальников и предводителей таковых Россия через течение осьми сот лет от времени своего основания находила посред своих сынов, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощью Божию и пребудет вечно, Российскому Дворянству отличаться качествами, блистающими к начальству. Сие

неопрровергаемо доказывается самыми успехами, доведшими Империю Российскую до края нынешнего ея величества силы и славы...

Обыкла Россия исстари видеть службы верность, усердие и труды всякого рода от Престола предков НАШИХ, во всякое время изобильно награждаемые, почестями украшаемые и отличностями предпочитаемые. Сему свидетельства подлинныя находятся в древнейших поколениях родов НАШЕГО вернoлюбезного подданного Российского Дворянства, которое ежечасно быв готово подвизатися за Веру и Отечество, и нести всякое бремя наиважнейшего Империи и Монарху служения, пóтом, кровию и жизнью приобретало поместья, с оных имело свое содержание, а умножая заслуги, получало в награждение от Самодержавной власти в вотчины себе потомственно...

За похвальными и жалованными Грамотами на память всякого рода следовали гербы, дипломы на достоинства и патенты на чины совокупно с наружными украшениями. В честь добродетелям и заслугам установлены Всероссийские Кавалерские ордены, как вообще надписи свидетельствуют. Орден Святого Апостола Андрея Первозванного за веру и верность; Святыя Великомученицы Екатерины за любовь и отечество; Святого Благоверного Князя Александра Невского за труды и отечество. И уже во днех НАШИХ служба и храбрость начальствующих Российских воинов побудили НАС отличать победителей знаками установленного для таковых ордена Великого Победоносца Георгия, и учредит также орден Равноапостольного Князя Владимира в награждение трудов в военном и гражданском звании, приносящих общую пользу, честь и славу.

К вам обращаем НАШЕ слово достойно знаменующеся победительным орденом! Вас хвалим, о потомки! достойные предков своих. Сии были основа величества России; вы силу и славу отечества совершими шестилетними непрерывными победами в Европе, Азии, Африке; на сухом пути в Молдавии, Бессарабии, Валахии, за Дунаем, в горах Балканских, в Крыму и в Грузии; на море же: в Мореи, в Архипелаге, Чесме, Метелине, Лемносе, Негрепonte, Патросе, Египте, на Азовском и Черном морях, на реках Днепре и по великому течению Дуная.

Удивительны без сомнения будут потомкам сии многочисленные победы по краям вселенной...

А подражая примерам правосудия, милосердия и милости в Бозе почивающих Российский Престол украсивших и прославивших Предков НАШИХ, и движимы будучи собственною НАШЕЮ Матернею любовию и отличною признательностию к Российскому Дворянству, по благорассуждению и позволению НАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ повелеваем, объявляем, постановляем и утверждаем в память родов для пользы Российского Дворянства, службы НАШЕЙ ИМПЕРИИ следующие статьи на вечные времена и непоколебимо.

Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами; чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное.

Не токмо Империи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного Дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо; и для того исстари, ныне, да и пребудет на веки благородное Дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются, и следственно:

Дворянин сообщает Дворянское достоинство жене своей.

Дворянин сообщает детям своим благородное достоинство наследственно.

Да не лишится Дворянин, или Дворянка Дворянского достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступлением, основаниям Дворянского достоинства противным.

Преступления, основания Дворянского достоинства разрушающие и противные, суть следующие: 1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякого рода. 5. Лживые поступки...

Без суда да не лишится благородный Дворянского достоинства.

Без суда да не лишится благородный чести.

Без суда да не лишится благородный жизни.

Без суда да не лишится благородный имени.

Да не судится благородный, окромя своими равными...

Телесное наказание да не коснется до благородного...

Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды Российскому Благородному Дворянству вольность и свободу.

...Во всякое таковое Российскому Самодержавию нужное время, когда служба Дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякий благородный Дворянин обязан по первому позыву от Самодержавной Власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы Государственной...

В утверждение всего вышеписанного МЫ сию НАШУ жалованную грамоту на права, вольности и преимущества благородному НАМ верноподданному подданному Российскому Дворянству, НАШЕЮ собственною рукою подписали и Государственной НАШЕЮ печатью укрепить повелели в Престольном НАШЕМ граде Святого Петра, Апреля 21 дня, в лето от Рождества Христова 1785, Царствования же НАШЕГО в двадцать третье.

Подлинная подписана собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Е К А Т Е Р И Н А»

Дворянство подверглось поголовному истреблению — в живых остались единицы. Даже правнуку несравненного Пушкина — Григорию Григорьевичу Пушкину в конце 30-х годов было наотрез

отказано в праве учиться в высшем учебном заведении, как выходящу из враждебного и паразитного сословия, назначенного большевизмом к дематериализации. Внук же Пушкина Григорий Пушкин был изгнан с семьей из родового гнезда в Лопасне под Москвой, знал бы это Александр Сергеевич...

Так поступили с ближайшими потомками великого поэта — гордости России, ее символа, самого мощного камня в основании ее культуры. А остальных благородных просто уничтожали... зло, гадко, настойчиво...

Вернемся к воспоминаниям Владимира Александровича Поссе (1864—1940).

Вот как он рисует портрет 32-летнего Ленина:

«Уже тогда у него была очень солидная плешь, обнажавшая хорошо вылепленный череп с остатками рыжих волос. Лицо с сильно развитыми скулами, с рыжей бородкой — некрасиво, но вся суть в глазах, карих, умных, смеющихся и лукаво и ласково...»

Поссе снова вспоминает о диспутах в Женеве. Тогда, в 1902 г., Ленин заявлял «без колебаний, без сомнений»:

«Кто не с нами, тот не только против нас, но и против истины. За рабочим классом должно идти крестьянство, но сам рабочий класс должен идти за нами, только за нами, и должен идти не туда, куда хочет, а туда, куда должен...»

Помню, что, беседуя со мной... Чернов говорил очень дружелюбно о социал-демократах и надеялся на образование единого революционного фронта...»

Здесь и ответ на искренность веры вождей большевизма.

На избииении народа вождь большевизма выводил социалистическое будущее страны и мира.

Характерная особенность ленинизма: у него свой подход к марксизму.

К 50-летию Ленина «Правда» в апреле 1920-го публикует статью Сталина.

...Вторая группа (марксистов. — Ю. В.), наоборот, переносит центр тяжести вопроса с внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь... В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт...

Организатором и вождем этой группы является В. И. Ленин».

А Поссе после победоносного Октября переключится на писательство. Другие пути оказались заказаны, так как был Владимир Александрович клеймен эсерством и прочими небольшевистскими занятиями. О себе и своем столь бурном времени оставил книги «Воспоминания В. А. Поссе (1905—1917 гг.)» (Пг., «Мысль», 1923),

«Пережитое и продуманное» (Л., Изд-во писателей, 1933). До революции Поссе издал книгу путевых впечатлений «По Европе и России».

Сейчас бы его «порасспросить», а не тогда, когда вся «суть» великого вождя стряла в ласке карих и смеющихся глаз. Может, тогда и показались бы вроде как ледяными иль еще какими...

Если отбросить объяснения неудач контрреволюции, исходящие только из голой ненависти и презрения к тому, что случилось на просторах России, то обнаруживается одна упорно устойчивая мысль, которая развивается примерно в одном русле с карсавинской.

Программа Ленина носила не только русский, но и общечеловеческий характер. Она искала пути объединения всего человечества, искоренения пороков капитализма, создания нового, справедливого и совершенного политико-экономического строя.

С Лениным русский народ почувствовал себя народом-революционером, армией всемирного прогресса. Он видел в вождях большевизма как бы часть себя. Вожди большевизма выражали пусть не все, но часть каких-то очень важных свойств души народа. Именно поэтому народ согласился принести такую искупительную жертву ради претворения идей большевизма в жизнь. Эти идеи смутно присутствовали в душе народа. Именно поэтому он и понес столь тяжкую и неумолимую диктатуру Главного Октябрьского Вождя.

Революции нужны великая сила и великие жертвы. Народ согласился жертвовать собой во имя победы социалистического идеала во всем мире — не поднялся, не восстал против партии и ее вождей. Он чувствовал себя творцом и исполнителем великой исторической миссии. Это ему не только внушали, он это нес в своей душе.

Да, Россия, только на ее долю выпала грандиозная историческая миссия излечить мир от всех зол.

Разве это не мысль Ленина?..

Нельзя удовлетворительным образом объяснить себе успехи большевизма без ясного понимания того, что большевизм в России наиболее соответствует психологии и логике всего революционного процесса столетий. Поэтому большевизм наиболее полно соответствовал и навыкам русской революционной мысли, которая взшла из народной жизни.

Коммунистическую партию после Ленина даже недостойно называть ленинской. От своего апостола она усвоила лишь одно — карать. А Ленин был неизмеримо (это звучит кощунственно) шире. Не один террор составлял его силу.

Ленин сметал пласты людей ради великих целей, идей, пусть и утопических, а все последующие вожди творили преступления только во имя своей корпоративной сытости и безопасности. Ленин иступленно пробивался к цели, а эти преимущественно грабили да тешили извращенное честолюбие.

Это был великий политик, которого ничто на свете не могло остановить. Он умел выжидать, когда все другие соглашались на поражение. Он никогда не сворачивал с избранного пути. День за днем, год за годом он воплощал в жизнь постулаты своей утопии. Горе всем, кто оказывался на его пути.

Нелишне будет привести характеристику Ленина из уст виднейшего представителя философской мысли XX века англичанина Бертрана Рассела:

«Вскоре после моего прибытия в Москву я имел часовую беседу с Лениным на английском языке, которым он прекрасно владеет... Обстановка кабинета Ленина очень проста... Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту. Он очень доброжелателен и кажется простым, полностью лишенным высокомерия... Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости... Огромное значение имеет его смех: поначалу он кажется дружеским и радостным, но постепенно я стал чувствовать в нем что-то зловещее. Он (Ленин) склонен к диктату; спокоен, чужд всякого страха, совершенно лишен чувства личной заинтересованности — воплощенная теория. Чувствуется, что материалистическое понимание истории — смысл его жизни... У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и что он интеллектуальный аристократ...

Я приехал в Россию коммунистом; но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения — не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету (выделено мною. — Ю. В.)».

«...Мы должны убеждать рабочих фактами, мы не можем создать теорий. Но и убеждать не достаточно. Политика, боящаяся насилия, не является ни устойчивой, ни жизненной, ни понятной» — это было сказано Лениным на II конгрессе Коминтерна в августе 1920 г.

Именно от этого Ленина основные выводы Струве¹.

Для него Ленин лишен моральных критериев, в его духовном облике главное — злобность. Злобность и злость.

Струве идет дальше и определяет революционную решительность Ленина (а чем она обернулась для народа, мы знаем) как палачество в чистом виде. Ленин для него палач. И Струве объясняет: для Ленина все средства хороши, только бы подчинить себе цель.

¹ Вот зарисовка из воспоминаний Лопухина «Люди и политика»: «Тучный человек с большою рыжей бородою веером, в очках в золотой оправе, тяжелый, медлительный в движениях, Струве обликом своим, манерой держаться являл образ маститого, хорошо упитанного архиерея».

Но и Петр Бернгардович, который достаточно знал вождя большевизма, считает, что он, Ленин, «такой искусный политик и такой замечательный тактик...».

«Само собой разумеется, — замечает Струве, — он является теоретиком и идеалистом чистейшей воды; и больше: во всей частной жизни... он аскет».

Зиновьев даже как-то признался Анненкову, что «старик был немного скуповат»; Крупская любила «бриоши», а Ленин покупал ей «подковки»: они подешевле...

Это все, разумеется, мелочи, но рисуют человека достаточно последовательно.

Что ни пиши, как ни выстраивай тома доказательств, ясно одно: революция и народ повернули за Лениным.

Ленин и народ нераздельны.

И если сейчас (1987—1991) идет анализ причин (и даже не анализ, а какой-то всероссийский погром по выяснению персональной виновности) той неохватной беды, которая вдруг предстала нам вместо истории и нашей жизни, ответственность делят и большевизм и народ. Это две главные сверхвеличины. Все прочие — производные... причинки.

Народ дал Ленину силу. Без народа ленинизм выдохся и погиб бы как очередная авантюра, каких в истории было неисчислимое множество.

Народ прогнал Керенского и сплотился вокруг Ленина. Народ дал большевикам силу для того огромного, вселенского террора, который не щадил и сам народ, нанеся ему в образе крестьянства самую жестокую рану, от которой он оправиться не может до сих пор.

И уже сейчас коммунистическая власть рухнула бы, не оказывая ей поддержку народ. Все-таки большинство народа — за эту власть. Народ верит в ее преображение. Новые жертвы и испытания его не страшат.

За все время существования советской власти не было написано ничего подобного признаниям Деникина. Они бесконечно честные, как исповедь перед Богом. Особенно глаз задерживается на словах:

«Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа...»

Замечание мудрое. Но мне оно кажется не совсем точным. Антон Иванович вплотную подступил к сути явления, но не разглядел ее. Используя его слова, я бы сформулировал все иначе: поражение морального облика народа в конечном итоге не проходит без великих потрясений, завершается этими потрясениями. Провалы политических экспериментов лишь выявляют наличие такого морального поражения, его опасное развитие в народе. Тогда как следствие наступает и пора всякого рода чудовищных слухов, бредней, чертовщины, разврата, разложения и убогих правителей. Все это приходит не как следствие великого потрясения, а как причина

для потрясений. Происходит переполнение от «традиции беззакония, пронизывающей народную жизнь», а также нетерпимости и насилия, тоже ведущих происхождение от традиции беззакония, — и наступает срыв всего вроде бы благополучного течения жизни, то самое, что мы именуем великими потрясениями. Но все эти великие потрясения заложены в нас, вызревали в нас, гноем истекали в литературу Льва Толстого и Достоевского. Все время присутствует эта бацилла болезни в народном организме (от «традиции беззакония»). Тогда и происходит стремительное размножение ее. Это вызывает открытую фазу болезни всего народного и общественного организма.

Надо выгнать из наших душ традиции беззакония, убрать само беззаконие. Надо преодолеть нетерпимость и насилие как часть не только нашего характера, но и нашего миропонимания. Надо вымести эти «исторические завалы» из народной жизни. Другого не дано.

Большевизм, ленинизм довели до крайности эти «традиции беззакония», традиции нетерпимости, насилия, придав болезни исключительно разрушительный характер, но сами причины болезни коренятся в сознании народа — не только в характере, но и в мирозерцании.

Великую работу по исцелению, преодолению «исторического» недуга (не всегда осознанного) совершала русская интеллигенция. Но эта ее великая исцеляющая миссия была прервана смерчем революции. Болезнь («традиции беззакония») приняла характер истребительный. Все черное получило чрезвычайно благоприятные условия для развития. Стоит вопрос о существовании русской нации как великой нации.

События второй половины наших 80-х годов и далее — это мучительные попытки народного организма преодолеть кризис.

И все русские люди, особенно русская интеллигенция, должны подняться в этой священной борьбе за спасение народа, спасение России.

Должно отступить на второй план все личное, корыстное, тщеславное: надо бороться за возрождение народной и государственной жизни, в которой не должно быть места ни ленинизму, ни вообще марксистскому мировоззрению.

Каждый должен преисполниться мужества, которое не требует вознаграждения и прославления. Только благодаря мужеству всех можно преодолеть государственный и национальный кризис.

«Традиции беззакония», нетерпимости, ненависти, насилия должны пасть перед идеями человеколюбия и гордости за свою великую Родину. Другого пути нет. По счетам надо платить — и это очень тяжкое дело, особенно плата по «историческим счетам». Но речь идет о существовании России.

Кризис этот начал завязываться во второй половине девятнадцатого столетия, достигнув предреволюционной остроты при Александре Втором, затем претерпел спад и снова принялся нарастать в начале двадцатого столетия, разрешившись двумя революциями

1917 г. Загнанный внутрь после Октября семнадцатого года, не находя решения, он таился, пожирая здоровую ткань народа, разлагая ее, отравляя, пока не вырвался на поверхность в 80-е годы все того же столетия. Около полутора веков он сотрясал народный и государственный организмы, пока наконец не принял характер рокового, почти необратимого разрушения.

До сих пор кризис не мог быть преодолен. Не было ясного представления о его истоках, причинах. Теперь, после ужасов ленинизма, понимание того, что происходит, постепенно зарождается в народном сознании. А с этим пониманием есть надежда на то, что будет преодолена болезнь вообще, не ее материальные, имущественные, хозяйственные выражения, а сама причина, корень зла. Только тогда это войдет в историческую память народа, станет великой созидательной и охранительной силой народной жизни.

Всегда, во веки веков русский народ являлся лишь жертвой. Задача всех патриотических сил — не дать ему стать жертвой еще раз, уже последний, после чего народ сойдет с исторической сцены, как сходили до него десятки крупнейших народов, от которых остались только ископаемые памятники культуры.

Антисемитизм, белые, красные — это все те силы, те идеи, которые находятся вне понимания, вне подлинных причин болезни и кризиса, все они как бы обитают в самом пространстве зла, не изживая в себе это зло.

Надо сплотиться, надо ясно смотреть в будущее, надо по слогам складывать свою веру. Нельзя народу стать жертвой корыстных целей каких бы то ни было общественных социальных групп.

Верьте, все, что происходит, — это мучительная судорога тяжело пораженного народного организма, но это уже судорога выздоровления, попытка вырваться из мертвой хватки зла и разрушительства.

И надо помнить, что для определенной части народа выгодна жизнь при насилии и под насилием. Те силы, которые служили и готовы служить насилию, «традициям беззакония», покорны лишь одной истине: верить не разумея, иконно — и чтобы на коленях перед ней, этой силой. Это они, порождения той силы, диктовали нам правила морали. Террор, торжество черного призвали себе в союзники невежество, неразвитость. И это стало выдаваться за чуждость и, следовательно, за враждебность. Выжить можно было, только отдав душу. По данному принципу происходило замещение людей в «хамодержавии» (выражение Пильняка).

Человек, признание его как высшей ценности — та твердыня, отрицание которой всегда будет оборачиваться жесточайшими катастрофами как в жизни отдельных людей, так и в жизни целых обществ.

Случилось то, что не могло не случиться, — умерщвление душ.

Весь капиталистический мир собрался на стороне белых генералов и золотопогонного офицерства — и все же разразилась катастрофа, та самая беда неминуемая, что поражает царства и города в русских сказках. Пошел на портянки и разные подтирки бело-синекрасный. Сотни и сотни тысяч русских бежали за границу. Уповайте на Бога, господа! Родине вы ненавистны, она отказывается от вас!

Исчернился, сдал набок Крест, но еще чадит, бросает огненные искры в мрак душ, еще заметен Крест каждому...

Мрак душ.

За несколько недель до смерти 1 марта 1928 г. в Брюсселе Петр Николаевич Врангель твердо и красиво пишет страничку, которая является предпосланием к его изданию «Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля». Вот заключительная треть этого предпослания:

«Записки охватывают время от начала русской смуты до завершения вооруженной борьбы на Юге России. С оставлением Армией родной земли борьба приняла новые формы. Эта борьба продолжается и поныне и будет продолжаться, пока не падет ненавистная русскому народу власть»¹.

В 1921 г. (уже в эмиграции) барон Врангель предлагает создать сеть воинских союзов из эмигрантов-военнослужащих. Основное и принципиальное требование: члены союза должны отказаться от участия в любых политических организациях.

Осенью 1924 г., опять-таки по предложению барона, союзы сведены в единый Русский Общевоинский Союз — РОВС.

С декабря 1924-го Союз возглавляет великий князь Николай Николаевич — бывший Верховный главнокомандующий русской армии в первую мировую войну.

Михаил Константинович Дитерихс возглавит Дальневосточный отдел РОВСа — это будет его последняя служба России.

Все они верили — возродится святая Русь.

Не только верили — самоотверженно служили ей до последнего удара сердца.

Союз не дает «размыться» белому офицерству в чужих землях. По сути, это готовые кадры для любой вооруженной силы, нацеленной против Советского Союза. Нет, простите, не любой. В массе своей русские офицеры не опоганили себя службой у Гитлера — того, что поставил за главное уничтожить славянство, дабы стерлась, исчезла с карты такая страна — Россия.

Петр Николаевич внезапно умирает, оставив в наследство РОВС и две книги воспоминаний. Таких сынов Россия помнит наперечет. И мы будем склонять голову при упоминании имени и дел Петра Николаевича.

¹ У барона характерный почерк — хвостатый. Однако не все буквы хвостаты, но все — слегка угловаты. Стоят буквы ровно, слегка под наклоном. Смерть еще не вовралась в их строй, не исказила линии дрожанием руки. Господи, зачем смерть?..

Теперь нам уже становится ясно: смерть Врангеля совсем не случайна. Он сам оповестил о ней за несколько недель до последнего вздоха.

«...Борьба приняла новые формы. Эта борьба продолжается и поньне и будет продолжаться, пока не падет ненавистная русскому народу власть». Такой человек не просто опасен — он губительно опасен. Он способен увести Россию. И пошел убийца с Лубянки к Петру Николаевичу. И не промахнулся, не дрогнула рука, когда сыпал яд в чашечку кофе. Японские, германские, красные пули не взяли, а рука чекиста-убийцы отняла у России одного из лучших сыновей.

Не в обиду молвлено: значимость Врангеля подчеркивает именно это убийство. Ведь не тронули Деникина — боевого главокома белых и тоже великого патриота России, хотя и не берегся, ходил один по белу свету.

Спустя несколько недель после похорон председателем Русского Общевоинского Союза избран Александр Павлович Кутепов. Это человек действия. Врангель так однажды отозвался о нем: «Люди сутками и не спали, и не ели. Однако, несмотря на все лишения, руководимые железной рукой генерала Кутепова, доблестные полки сохраняли свой высокий дух».

«Руководимые железной рукой генерала Кутепова...» — чувствуете, еще одна трагедия поспешает нам навстречу?..

За борцами духа, вождями идей и масс незримо и неслышно скользит тень смерти. Крысы мастерят гроб. Бессильные в открытых столкновениях, они непревзойденные умельцы в тайном умерщвлении всего самобытного, смелого, большого. Что неспособны подмять, опоганить, подчинить — то уничтожают.

И нам уж роют могилу.

Вспышкой молнии дают нам воспоминания Шульгина понимание смерти, да нет, не смерти, а гибели барона Врангеля.

«У Врангеля или, быть может, у его жены, богатой женщины, была вилла под Брюсселем. Туда Врангель переселился после пребывания некоторое время в Югославии. Там он, в конце концов, заболел.

Заболел он очень серьезно. Вызвали профессора Алексинского, с которым я потом говорил. В положении Врангеля наступило внезапное и ничем не объяснимое ухудшение, причем он страшно кричал. Алексинский допускал, что ему дали отравленный черный кофе. Отравленный особым ядом: теми же бациллами, которыми он болел. При вскрытии ничего не было обнаружено. Кто мог это сделать? У Врангеля был прежний, очень верный ему денщик. К этому денщику приехал из Советской России его родственник, по профессии фельдшер. Предполагали, что именно этот фельдшер приготовил отравленный кофе.

Но семья Врангеля, его жена и мать отрицали возможность этого. Так Врангель и умер...»

К денщику приехал родственник (фельдшер) — да кто выпускал из России родственников для встречи с близкими? Это бред! Россия была замкнута на исполинский замок.

А в 20—40-е годы, отчасти и 50-е за «иностранный» родственника автоматически заматали в лагерь или травили подозрениями: ни продвижения по службе, ни покоя... А тут поездочка к белогвардейцу родственнику, да в дом к самому Врангелю!

Эх, наивные головы... «...Его жена и мать отрицали...» Отцы небесные!..

Да не родственник фельдшер приехал, а убийца фельдшер (уж как кстати фельдшерская причастность к практике медицины). И дело он свое исполнил отменно: «страшно кричал» враг красной России. Это же хрустально-орденоносная мечта чекистско-большевистской России! Слава республике Ленина и трудовому люду! Дашь освобождение рабочему человеку от мирового капитала!

Мать и жена Врангеля еще не встречались с подобным изощренным варварством.

Именно в эти годы в обиход войны, которую ОГПУ (Менжинский — Ягода) вело согласно ленинским догматам со всем капиталистическим миром, войдут такие средства, как похищение и убийство людей за границей, взламывание дверей и овладение архивами, умерщвление ядами и уничтожения-отравления, замаскированные под болезни «объекта». Тут на людей обрушится столь изощренная подлость, жестокость — настоящий ленинский «беспредел». Через два года чекисты похитят и расправятся с генералом Кутеповым, за ним — с Миллером. Убийцы, растлители, бандиты и блиц-мастера по взламыванию квартир будут разъезжать по всему свету и расчетливо, без следов уничтожать людей, лжесвидетельствовать, лгать, извращать факты, стравливать не только отдельных людей, но и партии и вожаков партий. Мир открыт им со своими буржуазно-дворянской моралью и всеми принятыми нормами поведения. Помните ленинское высказывание о буржуазной морали (ее просто нет для революционера)?.. Абсолютно безнравственный человек, он сделал таковой и добрую часть народа.

Лучшие условия для «работы» и выдумать было нельзя.

Профессор Алексинский «допускал» — это об отравлении Врангеля. На Лубянке же взяли и прописали «кофе» умному и отважному врагу советской власти. А чтоб было кому сварить и, чем черт не шутит, подать — нет, не послали, а командировали своего красного фельдшера. И «черный барон» (так звала советская пресса Врангеля) закричал не своим голосом от непереносимой муки. Достала-таки красная «пуля». Вбила крест в могилу барона мозолистая рука пролетариата.

Ленин не отпускал ладошки от козырька кепчонки: верной дорогой топаете, товарищи.

А Чижиков (в ту пору еще без седины и каменной неподвижно-

сти в чертах лица) уминал в трубке табак и разом представлял беспомощную неподвижность Ленина, его возню с письмами, завещаниями (все ведь старался упрятать от него, Джугашвили), а потом — и сломленную болью высокую фигуру белого вождя.

И, заволакиваясь дымом, шурясь от удовольствия — звонки нынче один ободрительнее другого, — частью сознания все продолжал видеть обездвиженные тела... По его воле распорядилась история. Ежели ее (историю) в тиски...

Глухо, ровно гудел маховик государственной машины. Сталин всем телом воспринимал налаженность хода машины, его, сталинскую, особенность этого хода...

Как убежденный монархист Шульгин сохранял в эмиграции тесные отношения с Врангелем. Естественно, в воспоминаниях он обращается и к тому времени.

«В молодости Петр Николаевич много кутил. Жена его, Ольга Михайловна, очень умная женщина, рассказывала:

— Я никогда его не упрекала... Это только разделило бы нас... Он стал бы жалеть, что женился. Я действовала иначе. Как-то утром он возвращается в восемь утра, я сижу за кофе и подаю ему.

— Зачем ты так рано встала?

— Нет, я не вставала рано.

— Так как же? Сейчас восемь часов.

— Да, восемь... Но я не ложились...

— Что же ты делала?

— Поджидала тебя!

— Какое безобразие!

На следующий день он пришел на час раньше. А потом еще раньше. И наконец, перестал уходить вечером. И разучился кутить...

Во время гражданской войны Врангель не кутил. Но когда другие веселились, он иногда плясал легинку, причем ему все время стреляли из револьвера под ноги...

Обращаясь к выстроенным частям, он не говорил им «братцы» или «ребята», а здоровался так:

— Орлы!

И солдаты, быть может, чувствовали некоторый подъем душевный... от такого обращения...

Врангель обладал неким даром гипнотизма. Иногда он спорил со мной и приводил разумные доводы. Но вместе с тем, одновременно, его стальные глаза давят меня, что-то внушая...

У него было четверо детей — две девочки, два мальчика...»

Это покажется выдумкой, фантазией, но это было именно так: в 1918—1920 гг. мать белого вождя Врангеля находилась в красном Петрограде, в котором год за годом вымирали от голода, стужи, болезней сотни тысяч людей. Гибель от разных природных неблаго-

получий — это не совсем то, что требовалось ВЧК. Важно было, дабы сия погребальная цифирь округлялась преимущественно за счет классово чуждых. Тут природа могла стать союзницей чекистского братства, которое и помогало ей разрушением условий, в коих только и могли выжить эти самые классово чуждые (естественно, к ним были отнесены и интеллигенты).

По чистой случайности баронесса М. Д. Врангель осталась одна в красном Питере. Муж (отец белого вождя) оказался отрезанным в Ревеле. Сын строил белое дело на Юге.

О нереальном могильном бытии в ленинском Петрограде баронесса рассказала в очерке «Моя жизнь в коммунистическом раю». В посвящении к этому очерку-воспоминаниям написано: «Моим внукам». Было что завещать внукам.

«...Прожив в Петрограде с 1918 года до конца 1920 года, я, несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом (в 1918 г. баронессе исполнилось шестьдесят. — Ю. В.)¹. Жила я под своей фамилией, переменить нельзя было, так как очень многие меня знали. Но по трудовой книжке, заменявшей паспорт, я значилась: девица Врангель, конторщица. А служила я в Музее Города, в Аничковом Дворце, 2 года состояла одним из хранителей его — место «ответственного работника», как говорят в Совдепии. Ежедневно, как требовалось (так как за пропускные дни не выдавалось хлеба по трудовым карточкам), я распisyвалась своим крупным почерком в служебной книге...

Позже, в другом месте моего жительства, я была прописана как вдова Веронелли, художница. Письма я писала под третьим именем...

Проедая помаленечку, вдвоем с прислугой, деньги, вырученные за продажу вещей, жутко делалось, а что же дальше? Цены все лезли и лезли... Старушка (хозяйка моя) сбежала в окрестности, рассчитывая, что там подешевле, но вскоре умерла от истощения... Прислуга моя то и дело падала без чувств от утомления, стоя в хвостах, полуголодная, за советским хлебом и селедками... Напившись ржаного кофе без сахара, конечно, и без молока, с кусочком ужасного черного хлеба, мчалась на службу, в стужу и непогоду, в рваных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой... Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщиками; ела темную бурду с нечищенной гнилой картофелью, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу... Сидя за крашеными черными столами, липкими от грязи, все ели эту тошнотворную отраву из оловянной чашки оловянными ложками. С улицы прибегали в лохмотьях синие от холода, еще более голодные женщины и дети. Они облипали наш стол и, глядя помертвелыми, белыми глазами жадно вам в рот, шептали: «Тетенька, тетенька, оставьте ложечку», — и, только вы отодвигали тарелку, они... набрасывались на нее, вырывая друг у друга, и вылизывали ее дочиста...

¹ В отрывке выдержаны стиль и орфография М. Д. Врангель.

Это было для меня самое мучительное — полоскать белье примороженными больными руками, адская мука, а не стирать самой было невозможно...

Дни шли, положение мое становилось все более и более критическим, придирки и наблюдения Домового Комитета (по существу, надзирающее око ВЧК. — Ю. В.), изнурительная физическая работа, недоедание, отсутствие всяких известий о муже и сыне — измучили меня, я таяла с каждым днем... Я... осталась одна и только ужасно боялась, как бы не слечь и не очутиться в больнице, где больные замерзали, где не было ни медикаментов, ни места, валялись вповалку на полу. Хирурги отказывались делать операции, так как от стужи они не могли держать инструмент в руках. **А народ мер и мер как мухи. Тридцать тысяч гробов в месяц не хватало, брали в прокат** (выделено мною. — Ю. В.). Мой сослуживец и старинный знакомый... от истощения ослеп, вскоре умер... Похоронили его в общей казенной могиле. Так как гроба жена не могла купить, то на кладбище она повезла его в большой корзине, благо он был очень небольшого роста; обернутого в простыню, поставила на розвальни, сама приткнулась около... Я потеряла, правда, два пуда весу, была желта как воск...

Зачастую я вставала ночью проглотить хоть стакан воды или погрызть сырой морковки, чтобы заглушить щемящий голод... Тоскливо было отсутствие освещения... зачастую электричества частным лицам вовсе не давали, обыкновенно оно горело с 10 до 12... Впрочем, были ночи, когда электричество блистало всюду — это в те злоеющие ночи, когда производились обыски и аресты. Все это знали, все трепетали, измученные и издерганные... Но в ночи мрака было тоже жутко...

С марта 1920 года в жизни моей началось новое осложнение. В газетах промелькнула фамилия Главнокомандующего Вооруженных Сил Юга России генерала Врангеля (как я уже сказала выше, моего сына)... Все стены домов оклеивались воззваниями и карикатурами на него...

Вид обывателей, помимо фантастического облачения, обращает на себя внимание болезненным отпечатком на лицах. Физиономии у всех одутловатые, с мешками под глазами, с восковым налетом. В духовном смысле положительно опустелись — вопросы желудка на первом месте...

Большинство стало раздражительные, издерганные и затравленные. Все поголовно страдают беспамятством...

Масса выдающихся и общественных деятелей погибли от расстрелов и голода. О расстрелах скопом всем известных видных деятелей кадетской партии, объявленных вне закона, повторять не буду, это отошло уже в историю... (выделено мною. — Ю. В.). Можно составить обширный мартиролог (перечень лиц, подвергшихся убийствам и гонениям. — Ю. В.), погибших во цвете лет, сил, дарований от руки большевиков.

Профессора и студенчество живут, как и другие лица интелли-

гентных профессий, в таком же подозрении, как и... аристократия, вечно в ожидании ареста и обыска. Они, как и остальные, стоят в хвостах у лавок за селедками и ужасным хлебом, несут трудовые повинности...

Чтобы «революционизировать» детей (школьников. — Ю. В.), их водят в кинематографы до одурения, где знакомят с похождениями Распутина, демонстрируют пасквили на интимные картины жизни членов царской семьи...

Санитарное состояние города потрясающее. Дома за отсутствием ремонта, по неимению нужного материала и рук накануне полного разрушения. Вследствие недостатка топлива все деревянные дома, бараки и окрестные леса снесены. Водопроводные и канализационные трубы полопались. Нечистоты, мусор, грязная вода выбрасываются куда попало, на лестницу, во двор, через форточку на улицу... Температура как в частных квартирах, так и в большинстве учреждений на нуле. Все и на службе и дома сидят в шубах и шапках. Спят не раздеваясь... белье не меняют по месяцу за отсутствием мыла и, конечно, вшивеют. Вши повсюду: в вагонах, больницах, трамваях, школах... Смертность в Петрограде ужасающая, эпидемии возвратного сыпного тифа, испанки, дизентерии и холеры. Население в 1917 году было 2 440 000 в Петрограде, в 1920 году насчитывают всего 705 000, конечно, расстрелы, эмиграцию тоже надо иметь в виду... Врачебный персонал сам повально болен. Больные отмораживали себе руки и ноги и умирали от замерзания...

Приезжавшие из провинции уверяли... в таком положении вся... страна».

С Кутеповым РОВС круто меняет характер деятельности — везде и во всем стремится вмешаться в жизнь Советского Союза. Это ведь годы начала коллективизации. Партия открывает новую сокрушительную войну против крестьянства.

Александр Павлович верит в успех вооруженной борьбы. По его разумению, вооруженное выступление против большевистской власти не может не отозваться восстанием. Крестьянство отвергает правление большевиков. В России нет свободы, есть одна голая диктатура, подавление любых человеческих несогласий кровавым террором и лагерями. Материальное положение народа не только не улучшается, а явно идет на спад... Все те же карточки, очереди... Это особенно поднимает роль пайков. Пробыться в ту часть России, которая допущена к пайкам, становится золотой мечтой посвященных. Это — настоящее разложение, растление и в то же время уничтожение народа...

И эта партия Ленина — которая развалила Россию, привела не к государственному кризису, нет, а к национальной катастрофе, когда речь уже идет о самом бытии народа как могучей, независимой нации, — оправившись от потрясений разоблачения правдой (наглухо спрятанной до сих пор, все преступления — под чугунной пли-

той забвения и запрета), твердит сегодня об очищении, поудобнее усаживается все в тех же креслах власти и, обеспечив абсолютное большинство на Съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете СССР, диктует народу свою волю. Что это за парламент, что это за народные избранники? В декабре 1989 г. на втором Съезде народных депутатов СССР эти избранники народа голосуют против внесения в повестку дня вопроса об отмене 6-й статьи Конституции о руководящей роли партии. А через два месяца, на внеочередном Съезде народных депутатов СССР в марте 1990 г., эта статья отменяется. Откуда прозрение? А его и не было, этого прозрения. Была команда руководства партии — и съезд послушно отголосовал, поскольку это не избранники народа, а слуги «аппарата». Для них воля народа — ничто. Для них существует только команда генерального секретаря партии.

Где стыд, где совесть у этих... растоптавших Россию, доведших народ до одичания, предельной нужды и по-прежнему держащих власть в своем кулаке? Когда проснется народ и скажет им «нет»?!

Партия продолжает вести войну против своего же народа. Вместо того чтобы открыто, честно передать власть народу, виляет, крутит, выжидает — авось положение улучшится, и тогда можно будет сохранить все то же безраздельное господство над страной.

Александр Павлович Кутепов уже разворачивает практическую подготовку. Россия вкусила обещанного рая, и отныне Гражданская война примет качественно иной заворот. У него, Кутепова, точные данные: Россия кипит мелкими крестьянскими бунтами, ее терзают карательные отряды. Она примкнет к его выступлению, офицерские кадры готовы — хоть завтра сажай на десантные суда.

Для начала следует высадиться где-то на юге, в районе Кавказа; высадиться небольшими силами, дабы иметь маневренность, а уж народное восстание на Кубани смоем большевиков.

С этого момента Кутепов был обречен.

В апреле 1928 г. российская эмигрантская печать сообщила о болезни барона Врангеля. На фотографии в журнале «Иллюстрированная Россия» (Париж, № 155, 28 апреля 1928 г.) в кресле — исхудалый человек в элегантном черном костюме с бумагами в руках, под глазами — черная обожженность от смертельного нездоровья. И подпись: «Живущий в настоящее время в Брюсселе генерал П. Н. Врангель серьезно заболел. Последние бюллетени о состоянии его здоровья говорят о серьезности положения. Однако врачи надеются на благополучный исход».

Через 42 дня с обложки того же журнала (№ 161, 9 июня 1928 г.) смотрит Александр Павлович Кутепов. Он на банкете «отвечает

представителю казачества, приветствовавшему его по случаю назначения председателем Общевоинского Союза».

Петр Николаевич вопреки надеждам эмиграции и врачей скончался.

Судя по снимку на обложке, генерал Кутепов достаточно крепок, что называется, мужчина в соку... а и впрямь, годов-то — сорок шесть! Вон и о платочке не позабыл, торчит кончик из нагрудного кармана. Александр Павлович лыс — этого не скроешь, зато над короткой бородкой бравые усы. В высоко поднятой руке — бокал с вином. Во всем облике — спокойная уверенность. Да что и толковать, крупный травленный зверь. Только сложи годы, что на крови. Год войны с японцами, почти четыре года — с кайзеровской Германией и четыре — с большевиками. Заржаветь можно от крови.

Александр Павлович Кутепов родился 28 сентября 1882 г. в Череповце. Окончил юнкерское училище в Петербурге, по собственному желанию направлен в действующую армию. Россия с оружием выясняла отношения с Японией.

Развал империи в Феврале семнадцатого застаёт его в столице: полковник Преображенского полка Кутепов в отпуске. Он мечется, стараясь повернуть преображенцев из запасного полка против восставшей столицы. Но такие, как он, тогда составили исключение. Россия пела «Марсельезу» (но еще не «Интернационал»).

В августе 1918-го Александр Павлович уже военный губернатор Новороссийска — главной базы белого Юга. Он получает под командование дивизию, затем — корпус. Даже среди общего озверения Гражданской войны (а правильнее бы — бойни) Кутепова выделяла особая ненависть к большевикам, исключительная решительность и холодная, высокого накала жестокость. Области под войсками, которыми командовал генерал Кутепов, и белые, и само население называли Кутепией. Генерал вводил там порядки, даже по меркам Гражданской войны жестокие...

В середине января 1930 г. нового председателя РОВСа похищают на парижской улице. Разумеется, об этом никто не знает, кроме самых первых на Лубянке. Эти с величайшим нетерпением ждут живую «бандероль».

Похищению содействует — кто бы мог подумать! — молодой генерал Скоблин, ближайший помощник Кутепова по РОВСу.

Вещь невероятная, не укладывающаяся в сознании: Николай Владимирович Скоблин яро ненавидел советскую власть, вогнал в землю тысячи и тысячи красных. В его послужном списке значится командование самым надежным, самым стойким из белогвардейских соединений — Корниловской дивизией.

Не лишены оснований доводы некоторых исследователей, которые считали молодого генерала агентом-двойником: работал и на Советы, и на фашистскую Германию.

Как же это верно: избави меня, Боже, от друзей, а с врагами я и сам справлюсь!

Генерал Скоблин радовал преданностью и дружбой своего бывшего комкора. А жена Скоблина — Плевичка!.. Это же соловей! Голос ее долго хвалила и помнила эмиграция.

Сколько чудных вечеров вместе, сколько планов на будущее, горячих тостов — сколько огненных слов и святой веры в свое назначение!..

Всегда ищи предателей среди друзей. Они (предатели) только здесь!

Стремление ряда историков и писателей представить Корнилова и Кутепова только храбрыми вояками, а в остальном совершенными посредственностями несостоятельно. Это очередные басни недоброжелателей России, все равно какой — белой или красной.

Лавр Георгиевич славился в кадетском корпусе математическими способностями, они давали ему заметное преимущество и в артиллерийском училище. Он неизменно шел одним из первых в своих выпусках. Лавр Георгиевич успешно закончил и Академию Генерального штаба. Анализ боевых распоряжений Корнилова, их язык, политическое чутье (генерал безошибочно улавливал характер развития событий); кругозор военного дипломата, широко объездившего Восток; монографии, написанные им; анализ бесед, сохраненных в описаниях современников, — все это укладывается в сугубо однозначное представление о мятежном генерале.

Корнилов был лишен позы, напыщенности и в то же время держал себя сдержанно, немногословно. Выдавать это за ограниченность можно только при крайней недоброжелательности, заданности взгляда на историю России вообще. А завистников у отважного генерала водилось, как и у всякой даровитой личности, более чем в достатке. Сын бедного казака вознесся на вершину военного и политического руководства России — ее белого движения. Это ли не свидетельство незаурядности натуры.

В равной мере сие относится и к храброму из храбрых — Кутепову. С той лишь разницей, что Александра Павловича еще выводила вперед кровавая непримиримость к большевизму — непримиримость высочайшего закала. Но Гражданская война и характерна потусторонним ожесточением и, как следствие, обилием крови и слез. Народ топил в крови народ.

Промахи белых генералов в другом — в непонимании природы большевизма. Это учение о борьбе классов, диктатуре пролетариата и «повальном» равенстве выводило отношения в обществе на такой уровень — поведение господ генералов, их миропонимание выглядели уже недоумочными. Большевизм отметал прежние ценности, возводя на их месте совершенно немислимые прежде величины. Обман, подлоги, шкурничество, кровь не имели значения, становились нормой жизни. Красный террор опрокидывал всякие

представления о возможном не только в политике, но и в военных действиях, в первую очередь — организации «масс». Вот здесь генералы определенно смотрелись недомерками от политики.

Мир столкнулся с антимиром. И это не прошло бесследно для жизни вообще. После семнадцатого года уже все на земле становится иным.

Для организации похищения Кутепова из Москвы прибыл сотрудник ОГПУ Сергей Пузицкий. От тех дней утвердилось предположение, что в похищении Кутепова принял участие его бывший начальник штаба генерал Штейфон. Именно он сообщил Кутепову о приезде двоих полномочных представителей московского подполья. Из-за предельной ограниченности во времени они якобы настаивают на безотлагательности свидания.

Делегатами «московского подполья» явились резидент ОГПУ в Париже Николай Кузьмин и агент ОГПУ Андрей Фихнер.

Генерал Штейфон предупредил бывшего начальника, что встреча состоится прямо у таксомотора, на котором подъедут «подпольщики». Возле таксомотора дежурил самый доподлинный полицейский, но ...коммунист.

Очевидно, Кутепов что-то заподозрил. Свидетель похищения показывал, что господин генерала грубо заталкивали в «авто». Другие свидетели видели в Гавре, как господин генерала заводили на советский пароход: поди, как пьяного члена команды — Кутепов уже был напичкан препаратами.

Вызывает сомнение утверждение, будто Кутепов скончался в 100 км от Новороссийска, уже на отчей земле. Это присочинено для прикрытия высочайшей безнравственности содеянного. Скорее всего генерал был доставлен на Лубянку, подвергнут беспощадным допросам и казнен. Несомненно, за генералом на пароходе надзирал знающий врач: «груз» был немалой ценности. За утрату такого «языка» Москва поснимала бы головы с участников операции. Не сомневаюсь, генерала довели и засекретили, что называется, намертво и в буквальном, и переносном смысле: ни в одном документе ни словечка. Возможно, держали на Лубянке под другим именем, но не довести не могли. Его сопровождал врач, не исключено, и не один. Его отлично кормили. Если надо — насильно вводили необходимые лекарства. Зачем он неживой Москве?!

Свое отношение к злодейству имел и бравый генерал Скоблин, не мог не иметь. Его жена Надежда Плевицкая уже несколько лет работала на ОГПУ... за право вернуться на Родину. О ее вербовке знал лично Дзержинский. Это ж его детище — операция «Трест»!

Не сложить голову генерал Кутепов просто не мог. Он стоял тесно окруженный друзьями. На кого ни падал взгляд... предатель... предательница... Братья по борьбе и несчастью, верные дети России...

Без Родины, без смысла дней генералы и офицеры бывшей белой армии поразительно мельчали. Быт перетирал, крошил самых стойких, убежденных и порядочных. Смысл жизни? Где, в чем? А средства?.. Все эти образованные люди с чинами, званиями, боевыми наградами, ранениями, нередко и с семьями перебивались на нищенские заработки подсобных рабочих, таксистов, официантов, разного рода прислуги, но несоизмеримо страшнее была безработица — полная ненужность жизни.

Красочны и жестоки зарисовки Бориса Пильняка в его «Китайском дневнике» 1926 года.

«...За нашим столом сидела дочь адмирала Старка, местная танцовщица и проститутка. Нас было четверо. Совершенно ясно, что все здесь обнажено до окончательной голости, и все за деньги и на деньги...

Крыдов (сотрудник советского консульства в Нанкине. — Ю. В.) сказал мне:

— ...Мне все время лезет в голову, что такое же смогло бы случиться и с моей сестрой, — ужасно! ...Вот та проститутка, — он махнул рукой, — окончила Московские высшие женские курсы. Чем она виновата, что она пошла за мужем-офицером или за отцом-генералом (в Китай по преимуществу подались офицеры бывших колчаковских армий. — Ю. В.)?.. Смотрите, — вон тот музыкант-скрипач — муж вот этой проститутки. Здесь люди опустили так, что мужья не покидают жен, вот этих русских проституток, и живут на их средства... У этого музыканта и у этой проститутки — двое детей. В четыре ночи муж поедет домой, а жена поедет в номер с тем мужчиной, который ее купил, — или, если так захочет покупатель, они поедут к ней же на квартиру. Тогда муж-музыкант, бывший офицер, поспешно переоденется лакеем и будет прислуживать им — у себя в доме!..»

Черное безденежье; чужеземщина, так сказать, — вкруговую; неопределенность существования, отсутствие гражданства, ужас безработицы — люди спивались, лезли в петлю, опускались... И все это было лишь продолжением гниения. Именно оно еще раньше подточило белые армии. Шкурничество и героизм тесно сплелись в одно — и загремели в бездну.

«...Ночью за окном около нашего дома я услышал русскую ругань. Женщина садилась в рикшу, на другом рикше ее дождался американский матрос. Русский мужчина в отрепье офицерского костюма требовал с женщины деньги. Женщина уехала. Тогда мужчина стал кричать ей вслед о том, что он — муж, он может не захотеть и не пустить ее ночевать с матросом, — он требует два доллара...»¹.

¹ Пильняк Б. Собр. соч., т. VII. М.—Л., Госиздат, 1930, с. 215, 259.

Мне довелось свести в больнице знакомство с «женевским» служителем, причастным к делу Кутепова, правда, несколько своеобразно. Нет, сам служитель не имел касательства к операции. Он мирно служил в столице по административно-хозяйственной части, но в какой «системе»! Чувствовалось, это постоянно вздергивает его, поднимает в собственных глазах.

Я приехал, разумеется, не к нему, но уже знал, что могу услышать, — меня предупредил мой товарищ и в каком-то роде учитель и одновременно оппонент по нашей горемычной истории. Мы с ним уже все обговорили. Важно незаметно свести разговор на эту тему (похищение Кутепова), не вызывая настороженности. Тут всегда кстати мое спортивное прошлое. Оно сразу делало меня вроде бы понятным и даже своим в подобного рода обществах: как бы охранный грамота на благомыслие.

А я их всегда презирал и ненавидел как несчастье, беду своей Родины. Но сейчас не об этом... В общем, тогда я прознал главное: Кутепов был похищен. То, чего не позволяли себе цари, их охранный служба (нет, был частный случай... с революционером Нечаевым, и все равно это не совсем то), чекисты сварганили (и само собой, продолжают варганить) без всяких стеснений. Ведь спокойно гулял на свободе главный вождь большевиков по городам Европы и в любое время суток — и никто не смел повязать и отправить на суд и расправу в Россию. Слов нет, существовала постоянно одна угроза (женщина: страсть, похоть, оболъщение), но от нее мужчине можно отбиться, это всегда вполне ему по силам, если, разумеется, он сам этого хотел, точнее... не хотел. Отбивались не все — это факт исторический. А так — никаких покушений!

Кутепова якобы взяли на женщину (опять женщина!). Уже будучи на Лубянке, очнувшись, он потребовал кофе. Генерал не мог взять в толк, где он. Так славно и обещающе начинался вечер. Такое знакомство. А женщина... боги благие!.. А что же потом? Что же было потом?!

Надо думать, дозы наркотиков и снотворных оказались чудовищными, но выверенными — ведь забытья хватило на всю переброску из Парижа в Москву, а воздухом его не могли отправить, да и не существовало еще прямых рейсов и таких аэропланов. Околоными путями — несколько суток, а может, и больше — и везли в Москву грозного генерала (последнего преображенца). И все время он находился в провальном беспамятстве — пичкали непрерывно...

«Женевский» служитель ерзал, пособлял речи суетливыми движениями дрябловатых и бледных ручек — они обнажались из свободных рукавов мятой больничной рубашки. Его воодушевляла собственная осведомленность, прикосновенность к такому государственному делу и внимание, с которым его слушали. Вот он каков, где служил и к каким сферам был причастен!.. Тут же, возле «женевца», стояла его жена, еще довольно стройная, привлекательная: подсадная утка, на которую не раз брали завидный фарт. Ну как

настоящий мужчина пройдет мимо, не дрогнет, не обнимет, не обомнет в мыслях...

В темном платье, черных туфельках лодочкой на низком каблучке, гладко зачесанная, с подкупающе спокойным, простым выражением лица, она смотрелась лет на сорок пять, хотя ей — по крайней мере тогда, в начале 70-х годов — было хорошо за шестьдесят.

Удлиненное лицо — без морщин, чистое, строгое; движения неторопливые, открытые и округлые, но точные, законченные. Однако в платье и кофте на узких, как бы заглаженных плечах — уже налет стесненности в средствах. Заграничный приварок прожит с тех давних времен, когда перестала брать нужных мужчин («врагов партии и народа»), а на пенсию не разговеешься. А прежние хозяева, где они?!

Он сидел возле меня и часто, не замечая, толкал расслабленно-жирным плечом. Она же стояла поодаль, не переминаясь, не кривась на ногу, — подобранная, прямая, но совсем не деревянная. Как только вернулся домой, я все записал: она именно стояла, не садилась. И это тоже точно: ни разу не подала голос, даже когда мужчечки обращался к ней. Она лишь улыбалась или кивала, озаряясь милой, доверчивой улыбкой. Единственное, что она сделала, — подошла поближе. Я это после понял: она как бы продолжала находиться на работе, нет, не в смысле соблазна...

Ровный свет выделял просторные больничные окна. День выдался без солнца, но и без низких, темноватых туч. Облака нельзя было различить — они высоко в небе сливались в один светлый полог, и от него исходило ровное, белое свечение.

На скамейках, между цветочными кадками, жужжали голоса посетителей. Бродил какой-то старик в неряшливых кальсонах под куцым халатом не по росту, потухший, ненужный, — какой-то огарок от человека, а ведь когда-то ворочал делами и немало жизней зависело от него. Больница-то была для старых коммунистов с заслугами...

Сколько же жизней поломали эти люди!..

«Женевской» чете было лестно-приятно, они уж соскучились по значительности. За давностью лет, совершенным исчезновением прежних вождей (и каких! Беспардонно грубых, сразу рубящих жизни под корень, только зарони сомнение, выкажи, хоть на ноготок, непослушание, своеволие, словом, себя...) и костоломных начальников «женевской» уродины и они способны кое-что молвить не рискуя — ведь причастны к истории. Но все же «распространяться» вот так, всуе, о подобных вещах очень не по себе. Во всяком случае, в мадам проглядывала своего рода вековая привычка молчать, так образно выраженная писателем-сатириком XIX века И. Ф. Горбуновым: «...по присущей людям его эпохи осторожности... их учили больше осматриваться, чем всматриваться, больше думать, чем говорить».

Впрочем, для бесед у нее имелись всегда свои особые средства, лучше всяких слов вели к цели — куда как безотказные, и, главное,

уже и самих слов не нужно. Ведь те, кого она увлекала к гибели, видели в ней радость жизни, луч света, нежность, наконец, просто желанную женщину — а это тоже немало!

Трудно поверить, что заработком этой женщины, орудием борьбы являлась профанация чувств (а «профанация» в переводе с французского означает «надругательство»). И разве — «женщины»? Светлое чувство любви, радости такие превратили в орудие смерти, получая за это зарплату, награды, настоящие ордена и очередные воинские звания. Твари!..

Он же, наоборот, представлял собой откровенно гадкое создание, без всякого камуфляжа — этакий мокрогоубый пачкун.

И это люди?! Что происходит на этом свете? Что за замещение, смещение понятий? Где я?..

Я слушал, запоминал и разглядывал его, ее¹...

Из-за туго натянутого пузыря-живота он казался ниже ее ростом: какие-то выцветшие, бессмысленные глаза нависают с противными жидкими натеками под ними. Глаза слезились, и он утирал их то пальцем, то ладонью, то рукавом халата. В бледноватых губах с пузырьками слюны в уголках все время дребезжал смешок. Вообще он выдавал свой темперамент, говорил с азартом, без остановок. Так и дергался перед глазами его череп, заостренный к темени, — почти гладкое яйцо с порослью по бокам. Даже дышать одним воздухом с этим человеком было мерзко. Хоть цеди воздух через носовой платок. А представляю, какие были в молодости: жадно-нетерпеливые к жизни, налитые сытой жизнью, брызжущие энергией и всяческой готовностью, готовностью на все...

Но как же внешне она отличалась!.. Впрочем, может быть, именно такой муж — или, как там говорят, прикрытие — и надобен был для этого служебно-полового механизма в юбке. Ведь ни один уважающий себя мужчина не согласится на ту роль, которую тот справлял при ней, подчиняясь бездушно-деловой росписи. Ведь она постоянно уезжала на «операции», возможно, и отсутствовала годами. Не исключено, после расспрашивал ее, и она рассказывала, но не все, а что дозволено как супругу (у них ведь не жены, а супруги). А он, обмирая, слушал, восхищаясь собой. Именно он — полнокровный владетель этой женщины. Знаменитые люди летят на ее свет, а она вот под боком у него и в любой момент он ее...

И смеялся: мужики, называется, как кобели к сучке... безмозглые...

А с другой стороны, что ж тут удивительного? Оба служили, оба присягали. И народ, история требовали...

Вот интересно, белье ей выдавали? Все только нежное, привлекательное и завлекательное... там с кружевами, вырезами, просвечиванием, оборками и всякими прочими служебно-прикладными штучками. На Руси такое по тем лихим годам не производили; разве

¹ Теперь уже ясно, именно к похищению Кутепова мадам не имела касательства.

что у наркомовских дам могло обнаружиться или выдающихся представительниц мира искусств. Тогда ведь все женщины, даже самого утонченного воспитания, носили сине-голубые трусы чуть ли не из байки — обязательно понизу подрезиненные: не то трусы, не то парашют. В общем, грели. И других, даже в лучших столичных универмагах, не водилось. Так что это не праздное удовольствие — белье: задания-то выполнять надо, да часто и с иностранцами. А те уж известно на чем воспитаны. Там на нашем «парашюте» далеко не спланируешь.

Скорее всего, бельишко мадам покупала за границей на выделенную для секретной работы народную валюту (а ну, зауди мужика, да еще самого высокого полета, — работа и есть, да самая орденосносная! — и уж по фигуре, по вкусу и модное. А для отчетности представляла чеки (не исключено, что расписывалась в ведомости), а может, и в белье показывалась: все чисто, мол... А что, это вроде «спецовки». Всякая работа на республику в почете. Тут Лубянка и не то еще сотворяла, надо же рвать капиталистическое окружение, так и лезут эти акулы капитализма к рабоче-крестьянскому горлу...

Зубоскальство?..

Когда в июле 1953 г. на заседании Президиума ЦК в Кремле взяли главу «женевского» ведомства самого Лаврентия Павловича Берия (через год умоляли всех подписчиков Большой Советской Энциклопедии сдавать листы с размерным — в полосу — цветным портретом вождя «женевцев» и прочувствованной статьей о нем — тоже на многие полосы), то, само собой, не оставили без внимания и все его многочисленные сейфы.

Одним из первых действующих лиц в аресте и охране Берии был Павел Федорович Батицкий, в ту пору — генерал, а уж после — Маршал Советского Союза. Он и расстрелял Берия в подвале штаба Московского военного округа. Павел Федорович и рассказывал мне об аресте Берии, содержании под стражей неполных шесть месяцев, трибунале и расстреле. Рассказывал не с похвалой или гордостью, а с бесконечным отвращением. Еще бы, даже умереть достойно не сумел этот убийца миллионов людей и растлитель тысяч женщин, в том числе и несовершеннолетних. Перед выстрелами взял и обгадился, обмарался...

Так вот о сейфах... Один оказался доверху утрамбован дамским бельишком всех размеров и фасонов, а главное — заграничного разбора.

Этот по праву первый в истории России убийца и насильник (и это тоже не преувеличение, только Сталин один впереди и маячит, но тот недосыгаем) рассчитывался с женщинами бельем (куда там, «царский» подарок). И то, разумеется, с теми, которые, так сказать, заслужили, то есть заработали. Пусть утешаются во французских штанишках, мать их!..

И при всем том, конечно, редкостью было такое бельишко. Кинуть в награду не стыдно и ему, Берии, — министру, маршалу, Герою Советского Союза, депутату (слава Богу, хоть не народному

депутату СССР), члену политбюро, правой руке Сталина и вообще образцовому коммунисту, автору блестящей книги «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», изданной в 1936 г. и выдержавшей потом девять изданий! На штмцтитутеле про- ставлено: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На титуле при- зыв к пролетариям соединиться повторен, но еще приписано: «До- клад на собрании тифлисского партактива 21—22 июля 1935 г.». И мелко набрано: «Тираж 100 000». Водится у меня в библиотеке сия книжица.

Увидав такое бельишко, сразу ощутил разницу между бума- зейно-портяночным порождением народной промышленности и этим чудо-одуванчиком, и потом — из чьих рук!

И проникались благодарностью... те, кто заслужил подарок, оценил благодать...

Разговор у меня с этими чекистскими чинами завязался в боль- ничном коридоре не случайно. Такую информацию я собирал бережно, прилежно, с великим тщанием — «творцы» ее провалива- лись в небытие. Хотя что-то еще успеть ухватить...

В этом очень помогал Иван Михайлович Гронский. Он все еще лелеял мечту, что я напишу роман-эпопею о революции, с героем Лениным и большевиками в духе шолоховских «саг». Он и сводил меня с участниками самых разных событий 1914—1937 гг. Раскачать на разговор не всех удавалось, но даже скупые замечания стоили очень дорого, я нес их домой за письменный стол как величайшую драгоценность. Тут главное: отличить, где правда, а где похвальба или сведение счетов. Как ни странно, живые сводят счета с мертвы- ми, да с каким азартом!..

Этот «женевец» лечился в больнице для старых большевиков с заслугами. Я и приехал по звонку Ивана Михайловича (должен же я в романе восславить Ленина и большевизм!). Он и представил меня.

Поодаль от «женевской» четы держался их взрослый сын. Как я уразумел: бытописатель и вообще историк-летописец подвигов родительской пары и заодно — их знакомых по ремеслу. А писать было что, недаром все они столь густо были увешаны медалями и орденами...

Ордена из черепов, костей, предательств и пыток...

Для сына тема была откровенно патриотической и сулила в буду- щем сенсационную книгу. Это папаша понимал и горделиво ворочал головой-яйцом. Память не сохранила внешности их отпрыска — они у меня как-то все на одно лицо... Но скорее всего, я ушел в запоми- нание рассказа. Я тогда так натренировал память — несколько часов напряженной беседы мог воспроизвести на бумаге до меж- дометий включительно.

Вопросы я задавать не мог — не дай Бог обнаружить интерес и вспугнуть. Я ведь там оказался как бы случайно, навестил Ивана Михайловича, а он взял да и представил меня...

На миг мне примерещилось: это не люди. Что-то мягкое, сытое и сырое ворочается здесь и вокруг. И это лишено определенности: заглаженное, одинаковое со всех сторон и белесое, способное успешно ползти и вперед и назад...

А «папу» очень забавляла «чашечка кофе», потребованная Кутеповым на Лубянке. Он повторял это вплоть до моего ухода — и прыскал смехом, отходя из самого нутра густым цветом апельсиновой кожуры.

Да, если не ошибаюсь (а я должен оговариваться, уж очень тяжелы факты), эта особа (не поворачивается язык назвать «женщиной», а «сухой» — как-то смахивает на брань, а к чему брань?.. Да и никаких бранных слов всех мировых языков, наречий и диалектов не хватит на священно-ленинские подвиги «женевского» воинства) имела отношение и к загону на Троцкого. Нет, Лев Давидович к ее этажным прелестям не имел касательства ни в прямом, ни в переносном смысле, скорее всего, и не видел ее вообще. Не исключено, при подготовке убийства (один из вариантов — подбиралось к нему сразу несколько групп и отдельных убийц, дело было поставлено широко) понадобились эти самые чары. С чего бы иначе она ошивалась столько в Мексике...

Я украдкой всматривался в эту... даму: Господи, вот на эту дрянь взять такого молодца, как Кутепов, — прошел японскую, мировую, Гражданскую войны, стрелянный, рубленый, а тут...

А может, она хвастает, а сама так, десятый «винтик»?..

И прямым, Господь Бог изощрен, но не злобен.

Хотя по-человечески понятно: женщина ведь — и каких статей! При чем тут все свинцово-стальные доблести генерала... А ведь в годах был! Как тогда состыковать?..

Большой озорник Господь Бог...

Не знаю, угостили ли кофе генерала. Скорее всего, не отказали. Нужен он был для допросов — что понапрасну злить... А после именем трудового народа пулю в затылок — и в крематорий, без покаяния и причастия...

Эта книга не вобрала и сотой доли того, что я услышал, записал. Естественно, у меня накопился опыт общения с подобного рода очевидцами или участниками. Слишком часто они сочиняют — и верят в сочиненное. Если не все выдумывают, то прибавляют не стесняясь. У меня уже выработалась определенная система проверки информации, так что постепенно складывался более или менее верный слепок прошлого...

В такое дело, как кутеповское, были посвящены единицы. И кто с тех пор уцелел — ведь 1930 г., после и великая мясорубка 1935—1939 гг., и просто непрерывающийся вал арестованных, и Отечественная война, и просто годы...

Но слышать о том деле эти люди слышали, и слышали, что называется, из первых уст — сие бесспорно.

Не вызывает сомнения сам факт похищения Кутепова с доставкой через всю Европу на Лубянку. Подтверждает данный факт и «чашечка кофе» — ее присочинить невозможно, это уже подлинная бытовая и совершенно достоверная подробность. Генерал, не получая больше одурманивающих средств, проснулся с дикой головной болью, в совершенной разложенности, непонимании, где он и что вообще творится, обратился за привычным и безотказным средством — кофе. Ну загулял, перепил, приволокнулся — чего не случается. Чай, мужчина.

В похищении уже в полной мере чувствуется темперамент и лобоватость, с которыми имел обыкновение прикладываться Сталин к решению ответственных задач.

Нет, было бы ошибкой считать такие, с позволения сказать, решения лишь особенностью его характера. Чижииков в данном деле является только выразителем, не больше, общего настроения, а еще точнее — установок самой доктрины, отрицающей наличие каких-либо ценностей вне марксизма-ленинизма и его детища — московского социализма (отличался особой всеядностью лишь Пол Пот — и, представьте, у многих в чести до сих пор!).

Подобный взгляд, или, если угодно, метод, присущ социалистическому миропониманию. Это то самое, о чем толковал пленный учитель — командир полка: советская власть как власть «народная располагает той роскошью в средствах, которую не могут позволить себе белые», то бишь во имя народа можно все, вообще все — любые беззакония, произвол, подлоги, насилия, лжесвидетельства, истребление своего же народа, ибо все это веления неизбежности борьбы, так сказать, кровавые издержки на пути освобождения человечества от пут капитализма.

В советской морали это просвечивает насквозь, составляет ее сердцевину. Отсюда бежит мутный ручеек в души людей.

Мы вне зла, даже если будем тонуть в крови и насилии.

И тонули, тонем...

Ленин — этот вечный мертвец — учит нас жизни...

Можно предположить (без существенных переделок), чему учил бы детей тот учитель — командир полка, а вместе с ним и миллионы советских «педагогов». Учили и учат ненависти ко всем цветам, кроме красного. Прославляют казенное искусство.

Высшая доблесть — раствориться в общем, потерять себя, отказать от себя. Ты ничтожен, твое назначение — быть средством, только средством. Высший гражданский долг — лечь под жернова истории.

И оправдание любого зла — ибо это уже не зло, если оно подразумевает благо всех. Этому учит Ленин, а Ленин свят. Все от Ленина — непогрешимо. На колени перед томами его мудрости.

Непонимание этого, более того — обращение к злу как к якобы кратчайшему и неизбежному по исторической логике средству

достижения цели (счастья людей), и привело к разрухе и запустению в душах и, как следствие, ко всем провалам математически-научно выверенных «этапов и планов».

Если в подвалах тюрем и в лагерях чекисты расстреливали свои жертвы, то именно это творили с детьми и молодыми людьми миллионы советских «педагогов» — расстреливали ядом лжи, воспитанием ненависти ко всему остальному миру, нетерпимости, самодовольства, проповедью покорности, страха перед государством. С октябрятского возраста¹ это растление, убиение душ...

Кутепов не только превосходил предшествующих председателей РОВСа предприимчивостью и решительностью. Прежде всего, он оказался чрезвычайно опасным, и даже сверхопасным, поскольку крестьянская политика в Советском Союзе пребывала на переломе — брала разгон людоедская коллективизация (и людоедская в прямом смысле), это порождало брожение в деревне. Достаточно было искры, и оно могло перерасти в восстание.

Александр Павлович это уловил, положив действовать в пределах Отечества, а это уже оборачивалось не белой, а всеобщей крестьянской войной. Таким образом, Кутепов вырастал в грозную фигуру по своей контрреволюционной значимости, даже не фигуру, а стихию.

Сталин и поставил галочку против его имени. Ну, а тут и наша дама принялась пудриться, завиваться, помаду искать, посверкивать кольцами, перстнями... возможно, и на подмывания налегла — указание-то о сверхважности задания поступило, а уж тут оружие держи в порядке, на «кажинный миг» в готовности... А ну как задание провалишь?..

И затрепетал мотылек крыльшками на огонек в Париж. Нет, такие мотыльки крыльшки не опаливают. Во все места у них вживлены заповеди ленинизма. Трусики приспустит, а оттуда... звезда пятиконечная и спит. Самых проверенных и идейных женщин растила Лубянка.

И такие были: женами ложились под врага, общих детей растили, а потом... предавали, выдавали и возвращались в истинное Отечество, в истинную семью... Орденосные.

А что тут?.. Классовая борьба, без компромиссов и пощады!..

В Париже никто не мог объяснить, куда запропастился Кутепов. Мужик крепкий, травленный, лобастый — ну как такому пропасть?..

На посту председателя РОВСа Кутепова заменяет генерал Миллер.

Евгений Карлович Миллер родился в 1867 г., на три года «запре-

¹ Дети с 7 до 10 лет «опекались» октябрятской организацией, с 10 лет — вступали в пионеры, с 14 — в комсомол.

жде» Главного Октябрьского Вождя. Миллер окончил Николаевский кадетский корпус, а затем, в 1886-м, и Николаевское кавалерийское училище, откуда выпущен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк. В 1892 г. окончил Академию Генерального штаба, всего на два года позже генерала Алексева, так что едва ли не каждый день встречались.

Кутепов, Миллер... Перелетным клином шли они все под выстрелы охотников.

Около шести лет Евгений Карлович справлял различные штабные должности. С 1890 по 1907 г. он — военный атташе в Брюсселе, Гааге и Риме.

В 1907 г. Евгений Карлович отбывает строевой ценз командиром 7-го гусарского Белорусского полка. В 1909-м — обер-квартирмейстер Главного управления генерального штаба; в 1910-м — начальник Николаевского кавалерийского училища, одного из самых привилегированных военных учебных заведений дооктябрьской России.

В 1912-м его переводят на должность начальника штаба Московского военного округа.

С началом мировой войны Евгений Карлович вступил в должность начальника штаба Пятой армии Северного фронта, 28 декабря 1916 г. получает под командование 26-й армейский корпус; после октябрьского переворота выехал за границу. Однако вскоре вернулся: вроде не все потеряно.

В 1919—1920 гг. Миллер — главнокомандующий войск Северной области. Штаб армии возглавлял генерал Квецинский.

Миллер не проявлял активности, отсиживаясь на своей территории. Как говорится, не до жиру — быть бы живу.

В конце апреля 1919 г. Временное правительство Северной области приняло постановление о признании правительства адмирала Колчака Временным Всероссийским правительством.

Осенью англичане уходят с русского Севера. Генерал Аронсайд¹ настаивает и на эвакуации белой армии. Миллер отказывается: армия готова оборонять свои русские земли.

Обстановка обостряется, англичан уже нет, и Миллер с Квецинским, бросив войска, уходят на ледоколе «Минин» в Норвегию. Собственно, войска бросать не пришлось, они в основной массе принимают сторону красных, так что дай Боже ноги...

В 1920 г. Миллер принимает предложение Врангеля и возглавляет в Париже работу военных представителей белого Крыма в Западной Европе. Его старания направлены на получение военной помощи. И когда Франция готова подписать такой документ, рушится белый Крым.

А дальше?... Эмиграция.

РОВС раздирали распри. Несмотря на очевидные факты (сомнений в предательстве Скоблина быть не могло), новый председатель

¹ Военный деятель Великобритании, начальник имперского Генерального штаба в канун второй мировой войны.

РОВСа генерал Миллер назначает предателя и отступника начальником контрразведки. Дворянское достоинство не позволяет подозревать боевого генерала — товарища по общей борьбе.

Евгений Карлович после настоятельных увещаний переезжает на новую квартиру, которая насквозь пронизана подслушивающими аппаратами. Агенты НКВД днем и ночью ловят каждое слово. Уже через сутки все важные разговоры ложатся донесениями на стол первых чекистов в Москве. А эту самую квартирку заботливо «оборудовал» и зазвал жить свой же: русский эмигрант и предприниматель с размахом Сергей Третьяков — верный агент НКВД.

Эта грязь и низость ничем не разнится от той, что запечатлена Пильняком. Правда, с некоторой долей простительности: там людей превращала в скотов нищета на чужбине, а здесь — запустение в душах, потеря даже проблеска чести, даже просто чувства человечности. Проституты в европейских костюмах с чековыми книжками и без оных продолжали губить Россию. И, казалось, во лбу каждого выжжено тавро продажности. Эти проституты теснились везде, их столько — за ними и не видно дома — родных проселков, березовых рощ и ленивого течения тихих омутных речушек...

Господи, откуда это, что за порода — поедать людей?..

Воссоздать новейшую историю России — значит живописать историю предательств. Гибель, уход из жизни целого общественного организма всегда сопровождают гниение, распад и гнусности. Армия изменяет присяге. Люди отрекаются от Родины и мажут ее отравой слов. Весь необъятный мир оборачивается внезапно громадной нечистой тварью, всё отравлено зловонным дыханием.

В декабре 1936 г. в Париж прибывает сам начальник Иностранного Отдела НКВД товарищ Слуцкий А. А. Цель командировки — организовать на месте похищение генерала Миллера.

22 сентября 1937 г. Евгения Карловича белым днем уворовывают на парижской улице — взяла и слизнула «женевская» уродина. Давно, как же давно «пасла» их высокопревосходительство!

О том со знанием дела повествует бывший резидент КГБ в Лондоне Олег Гордиевский (символически: историю ВЧК-КГБ пишет изменник, выдавший секреты своей страны иностранным разведкам):

«...Однако в отличие от Кутепова он (Миллер. — Ю. В.) оставил записку своему генеральному секретарю генералу Кусонскому, которую надлежало вскрыть на тот случай, если он не вернется. В записке указывалось, что у Миллера назначена на 12.30 встреча с генералом Скоблиным и что они должны встретиться с двумя «немцами» (в роли немецких офицеров выступили боевики НКВД. — Ю. В.), военным атташе из соседней страны и сотрудником посольства в Париже (ох подозревал что-то Евгений Карлович, заныло сердце, заскребло на душе — и черкнул записку! — Ю. В.)... Вечером того же дня вице-президент РОВСа генерал Кедров и генерал

Кусонский послали за Скоблиным. Когда он прибыл в штаб-квартиру РОВСа, его спросили, куда отправился Миллер. Не зная об оставленной записке, тот отрицал, что вообще видел Миллера в тот день. Тогда Кедров и Кусонский предъявили записку... Кедров и Кусонский настояли на том, чтобы Скоблин отправился с ними в полицейский участок. На лестнице Скоблин оттолкнул их, сбежал вниз и исчез (в русских сказках говорят: «и был таков». — Ю. В.)... Из Парижа он (Скоблин. — Ю. В.) бежал в Испанию... Его жена Надежда Плевицкая предстала перед судом в декабре, была признана виновной в сообщничестве при похищении и осуждена на 20 лет каторги. Она умерла в тюрьме в сентябре 1940 года.

Миллеру сразу же впрыснули сильный наркотический препарат, отвезли в надежное место и поместили в сундук с вентиляцией, сработанный под генеральский рост, — и в путь. И расчет времени (похищение в 12.30), чтобы засветло поспеть в Гавр, а засветло, чтобы гнать на предельных оборотах грузовик. Хватятся, ан генерал уже в тайнике, на судне. И сосите лапу, господу из французской секретной службы.

Свидетели показали, что углядели переноску сундука на советское торговое судно. Евгений Карлович спал беспробудно: доза препарата выверена, не охнет, и сердце не забарахлит...

Бесшумно разошлись створки высоких чугунных ворот на Лубянке, что с тыльной стороны самого кровавого здания в мире (так и надо выбить на доске, а доску закрепить на фасаде), и «полупорка» с надписью по фургону «Мясо» или «Овощи» вкатила во двор. Он глухо, колодцем замкнут в стенах. А уж во дворе у дверей, что ведут в тюрьму, небольшая толпа — все звезды НКВД: эвон какого волчину доставили! Лязгнула дверца, и на асфальт спустился один из последних вождей белой гвардии. Зябко поежился, по сентябрю в Москве холодит, часто и примораживает, а тут самый конец месяца, а то и начало октября. Евгений Карлович смотрит на людей в шинелях и гимнастерках: сколько же улыбок, шуток вполголоса!

— Веди, — распорядился один из них.

Евгений Карловича тронули за плечо. Трое конвойных встали вплотную.

— Вперед! — скомандовал старший конвоя...

Ох и хлебнул от допросов с пытками Евгений Карлович, пока не уложила пуля в затылок! Грудью грохнулся на опилочный пол...

Гражданская война — это не игра в «кто кого», генерал! Надо или побеждать, или складывать голову. В мире новых отношений, новой морали (морали людоедов) правила столкновения наказывают пытками и крысиным удушением в подвале всех, кто не отдал огню борьбы себя, кто не усвоил существа понятия «вождь» и позволил погаснуть, захиреть движению.

Все вы прозревали в камерах накануне расправы. Незавершенность борьбы, игра в борьбу, расслабленность в борьбе МСТЯТ —

таковы установления нового мира. Этот мир находит и сводит счеты со всяким, кто не сумел отдать себя борьбе, выгадывая жизнь. У вождя нет промежуточных состояний. Он или побеждает, или умирает. Победить или умереть — у вождя нет выбора!! Иначе тебя казнят, но сначала, и это обязательно, наплюют в глаза, обесчестят пытками, надругаются, ибо мы вступили в мир, где нет чести, где правят двуногие почитатели чековых книжек и голой силы. Глумления и насилия их любимый роздых.

Мир социализма (сам из железа и крови) уже заглатывался другим чудовищем. Ходуном ходили крепления всех стран на земле. Но товарищи на Старой площади и на Лубянке это пока еще не понимали. Это они сообразят к концу 70-х годов и побегут, как крысы, по своим потайным ходам — каждый с вырванной от народа долей добычи...

Счет в банке определяет победителя везде и во всем.

Прав старина Прудон: «Собственность есть кража».

Но удержит (сохранит) мир и человечество на уровне человеческого нестяжательство.

И Бог.

Вернемся к «Китайскому дневнику» Пильняка. Задерживает внимание признание:

«...У России никогда и не было своей культуры, Россия всегда была «отъезжим полем» чужих национальных культур — огромное полужаселенное поле, до сих пор еще не окончательно разметившее и закрепившее землю, стык всех мировых культур... Это было одно из прав России первой войти в строительство наднациональной культуры, мировой...»

Русские генералы — «недоумки»? Непонятно, как они вообще защищали свою землю и как их время от времени заносило в песчине европейские столицы...

«...У России никогда и не было своей культуры...» «Русский человек работать не умеет...» Сколько же подобного мы слышим! Сколько этого шипения доносится ныне из всех углов и задворков мира!

Если народ не умеет работать, то, спрашивается, кто построил Россию — чей топор, мастерок, пила, сметливость и натужливость?..

«...Россия всегда была «отъезжим полем» чужих национальных культур...» — что за бред?! А Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Чехов, Толстой? Да уже без одного этого устоя самобытной русской литературы осядет, перевернется вся постройка мировой культуры.

А Глинка, Чайковский, Рахманинов, Прокофьев?..

А наши художники, ученые, мыслители?..

Греются на груди России, едят и пьют сыто-сладко, плодятся старательно — и пускают яд в тело народа, их приютившего.

Но это ложь — не всех беда, слезы и черствость нужды превращали в проститутов! Держался русский человек; скрипел, но не поддавался русский характер. Таким вот духом веет от слов Н. И. Мишеева, сочиненных им на чужбине — в далеком Париже через 11 лет после октябрьской катастрофы. И мы, русские, с ним. И мы бьем в этот гигантский вечевой колокол, имя которому — Россия.

«Русский народ при самых невозможных и неблагоприятных условиях **строил и строит свою государственную жизнь**. На его глазах Москва являлась и явилась не только победительницей, но и украшала свою победу благословением Высших Сил, в честь которых воздвигла чудесные памятники, вызывающие справедливую гордость русских...

Идея Москвы — это **утверждение жизни, строительство, созидание**, причем не казарменного характера, не по ранжиру... а расцветное и согретое теплотой подлинных даров природы.

Такой «дух Москвы» (считай — России. — Ю. В.) сообщил жителям ее особую широту характера, замыслов, дел, дав им во все времена ее истории такой размах, какого мы больше нигде не найдем.

Московские государи всегда «далече глядели», и ко времени Петра Великого Сибирь, Украина пошли «под высокую руку царя всей Москвы и России». Иоанн III занял место императора царьградского. Иоанн IV заглянул в Англию. Они же сломали татарское иго...

Но приходится, например, говорить о хлебосольстве Москвы, чрезвычайно характерном свойстве ее духа... О том, как «вольно» жили московские бояре, екатерининские вельможи — все эти Орловы, Голицыны, Шереметевы, Мамонтовы, Юсуповы и подобные им, повествует не одна страница истории и мемуаров...

Принц де Линь... так выразился: «В Москве бедные хижинки стоят подле великолепных палат и не боятся их...»

Слишком много русского народного гнева, боли, любви, веры, надежды, энергии и труда впитали в себя московские стены, слишком поэтому они живые, слишком много в них души народа...

И роль Москвы в судьбах России и славян далеко еще не закончена...»

Старый чекист (в ту пору самый что ни на есть занюханный зэк) рассказывал Жаку Росси:

— У того, кого ведешь расстреливать, руки обязательно связаны сзади проволокой. Велишь ему следовать вперед, а сам с наганом в руке за ним. Где нужно — командуешь «вправо», «влево», пока не выведешь к месту, где заготовлены опилки или песок. Там ему дуло к затылку — и трах! И одновременно даешь крепкий пинок в задницу...

— Зачем?

— Чтобы кровь не обрызгала мне гимнастерку и чтоб жене не приходилось опять и опять ее стирать...

Вся карательная деятельность этого чекиста-палача уложилась именно в годы правления Ленина, год в год...

Автор «Справочника по ГУЛагу» Жак Росси — личность необыкновенная. Французский писатель Ален Безансон рассказывает о нем в предисловии к справочнику:

«Этот учтивый, почти церемонный человек, которому скоро исполнится 80 лет, прожил жизнь, трагизм которой превышает наше воображение. Он родился во Франции, его родители были французами. Отец умер до его рождения. Из-за второго замужества матери он ребенком попадает в Варшаву, где с успехом учится; изучил китайский, хинди — экзотические языки его лингвистического всеведения, куда входят также польский, французский, русский, немецкий, испанский, английский, — и, вероятно, о нескольких других я уже запомнил. Но в 19 лет он вступает в польскую компартию... Вскоре Коминтерн обращает внимание на этого полиглота, использует в различных миссиях и затем посылает в Испанию, где Жак Росси руководит одной из секретных радиостанций, действовавших за франкистскими линиями. Как известно, Сталин постарался заманить в Москву всех агентов, которые «работали» в Испании... почти все были расстреляны. Жак Росси, тогда молодой, занимавший второстепенную роль, был отправлен в ГУЛаг. Он оставался там с 1939 по 1961 год. Обратный путь его лежал через Польшу и США; в конце концов он обосновался на своей родине, во Франции, где он живет в бедности...

Росси предпочел создать научную работу (а не мемуарную книгу, как, скажем, Солженицын, Чапский, Герлинг, Шаламов и др. — Ю. В.). Его личность на протяжении всей рукописи скрылась в его исследованиях. Его энциклопедия не предназначена для широкой публики... эта энциклопедия не компиляторское сочинение, в ней отражается редчайший жизненный опыт. И тот, кто углубится в эту книгу, ужаснется, будет столь же потрясен, как при чтении искусно написанного повествования...»

«В 30-х годах по Европе прокатилась волна загадочных убийств и похищений: бесследно исчез в Барселоне сын известного социал-демократа Р. Абрамовича Марк Рейн и лидер испанской партии ПОУМ, некогда секретарь Профинтерна Андрес Нин; от рук неизвестных погибли «невозвращенцы» Навашин и Беседовский, похищен был Р. Клементис (бывший секретарь Троцкого).

Этот список может быть продолжен. Самым шумевшим, привлечшим внимание европейской общественности явилось похищение в 1937 г. генерала Миллера — руководителя Русского Общевоинского Союза. Внимание, вызванное похищением, подчеркивалось загадочным исчезновением в 1930 г. предшественника Миллера — генерала Кутепова.

Незадолго до похищения Миллера в Швейцарии (в окрестностях Лозанны) произошло одно убийство. Очередной жертвой оказался некто Игнатий Райсс (настоящее имя — Людвиг Порецкий) — профессиональный разведчик, сотрудник ОГПУ-НКВД, на протяжении 20 лет проживавший в Европе. Не пожелав мириться с окончательно сформировавшимся в советской России кровавым режимом, он в июле 1937 г. отправил обличительное письмо в ЦК ВКП(б), в котором отказался быть соучастником преступлений сталинизма. Не прошло и трех месяцев, как последовала трагическая развязка.

Убийство Райсса и последовавшее за ним похищение генерала Миллера замкнули цепь кровавых злодеяний и позволили говорить о серии терактов, организованных ОГПУ-НКВД.

Французская полиция («Сюртэ насьональ») взяла след — он привел к парижскому «Союзу возвращения на Родину», где активно «работал» С. Я. Эфрон — по существу, сотрудник советской разведки, литератор и, к сожалению и великому несчастью, муж Марины Цветаевой. Он являлся одним из главных координаторов проводимых по указанию «центра» карательных операций. Непосредственным организатором похищения оказался некто Скоблин — белый генерал.

После первого же допроса Эфрон скрылся и спустя некоторое время возник в Москве уже в форме офицера НКВД. Минуту несколько лет, и сам он оказался жертвой террора. Тогда, в 1937-м, удалось скрыться Скоблину...»¹

Нет, не встретились на Лубянке Кутепов и Миллер. К 1937 г. от Кутепова сохранился лишь формуляр в необъятном архиве «желевской» твари.

Николай Владимирович Скоблин 26-летним капитаном в ноябре 1918-го получил от Деникина дивизию. Тогда в ходу было наименование «начальник» («начдив»), а не «командир» («комдив»).

За три года Гражданской войны капитан поднимается до генерала. Красных он вешает, расстреливает, топит. Вскоре после похищения агентами НКВД генерала Миллера исчезает и Николай Владимирович — на рассвете 23 сентября 1937 г. бестелесно истаивает в утренней дымке. Не верит бывший белый начдив ни красным, ни коричневым², ни белым. После крови и предательств Гражданской войны, убойных хитросплетений эмигрантского бытия Николай Владимирович, надо полагать, не доверял вообще никому. Тем более из собственного опыта знал, как самый близкий, дорогой друг выдает кровного друга на поругание заклятому врагу. Ничего святого на этом свете нет и не будет, а в таком разе лучше самому «вести в счете», чтобы ни о чем не жалеть. Логика, безусловно, пещерная, замешенная на клятвopеступлении и жути, но таким стал бра-

¹ «Родина», 1990, № 5.

² Официальный цвет (униформы) гитлеровского движения.

вый капитан через 20 лет после октябрьского переворота. Лучше самому предавать, лгать, святотатствовать — быть настоящим иудой-хриstopродавцем (скорее всего, всегда был таким, несчастья лишь выявляют скрытое).

Посему никто ничего более о Николае Владимировиче не ведал, исчез на рассвете 23 сентября означенного года — и... как бы не жил такой.

Можно предположить, что где-то натурализовался бывший начдив, обзавелся иным прозвищем, и не обязательно русским, обзавелся и новой женой с детками (а на кой ляд та певичка, да еще подгнивающая в одиночном заключении!)

Оставил после себя этот, с позволения сказать, человек одни трупы, одно горе... и был счастлив, иначе не стал бы это делать. Ибо для многих сведение счетов, карьерно-денежная ловушка, злопамятство и зависть, получив возможность обратиться в разрушительное действие, и доставляют самое сладчайшее наслаждение, коронную цель, чего ради стоило родиться, воевать, залечивать раны. И таким после очень хорошо — ничего и не надо. Первейшая это благодать, почти nirвана...

А Тухачевский?

В деле устранения Тухачевского был прежде всего заинтересован свет-солнышко Сталин и, разумеется, сотоварищ по кровавым забавам... Гитлер.

Каждый из тиранов выполнил часть своей работы безупречно. Каждый получил то, что хотел: Сталин — голову Тухачевского, Гитлер — целиком обезглавленную Красную Армию.

А что они были сотоварищами — так это не моя выдумка. Дела их не составляют на сей счет сомнений. Впрочем, такой почетный знаток данного предмета, как вернейший сподвижник Гитлера доктор Йозеф Геббельс, оставил в дневнике соответствующую запись. И уж не открестишься.

Вот, читайте:

«Дуче (Муссолини. — Ю. В.) не извлек моральных выводов из итальянской катастрофы (верхи Италии примкнули к антигитлеровской коалиции, совершив государственный переворот. — Ю. В.), которую предвидел фюрер. Естественно, что он был слишком рад видеть фюрера и снова оказаться на свободе (из заключения дуче освободил немецкий диверсионный отряд во главе со знаменитым Скорцени. — Ю. В.). Но фюрер ожидал, что дуче прежде всего как следует распорядится со своими предателями. То, что он этого не сделал, говорит о его подлинной ограниченности. Он не революционер, подобно фюреру и Сталину. Он настолько привязан к своему итальянскому народу, что у него отсутствует размах мирового революционера и мятежника».

Запись сверхпримечательная!

Во-первых, подлинный революционер не должен питать привязанность к народу. Для «мирового революционера и мятежника» цель всегда выше народа, выше самой истории, понимая под ней

веления ее, диктуемые судьбами народа и обязательно — мира (только из этого сочетания рождаются исторически определенные цель, путь, решение). «Массы» для «великого революционера и мятежника» — всегда лишь материал, удобрение. Невольно выступает из темного угла и фигура всемирного пророка — Ленина. Разумеется, нельзя забывать о нем и тем причинять обиду. Тут за ним бесспорное первенство, уж он-то ради цели вообще не принимал в расчет кровь и волю народа, начисто обрезал всякую выборность власти, дабы народ не шалил, знал хомут и место. Тут, ежели по справедливости, надо рядышком с Лениным утеснить и фигуру легендарного Петра Никитича Ткачева — с его заповедью гнать народ в рай, а упрется — железом и кровью взбодрить.

Вот какая закваска должна быть у вождей народов, а тут политической занимаются... да сплошное любительство! Народу носом пахать землю, хрипеть, стонать, а выполнять предписанное — тогда, только тогда и распахнутся заветные дали. А тут... Христос, гуманизм, книги, хоралы, объяснения в любви. Бестрепетной рукой брать судьбу, чтоб трепетал каждый и весь народ, чтобы...

Пожалуй, хватит.

Во-вторых, как следует из понимания автором записи существования великого революционера, ни один из них не может чувствовать обеспеченной свою власть. Террор дает такую уверенность.

В-третьих, революционер-вождь вообще не должен ограничивать себя в средствах, годны все, а о размахе и речи не должно идти: сколько нужно макать в кровь, столько и макать, пусть хоть весь люд поголовно. Это и есть великое очищение и приобщение к замыслам вождя. Поэтому вредно и предосудительно питать какие-либо чувства к народу, тем более отдельным группам его. Лишь целесообразность должна повелевать вождем, а эту целесообразность он несет в себе, только ему дано читать и высшую волю. Посему всегда только так: цель определяет средства. Не оправдывает, а определяет, поскольку истинный революционер не может вообще зависеть от какого-либо оправдания, то бишь суждения. Он один несет в себе «небесную» волю. Кровь не довод и поэтому не имеет значения, это всего лишь один из элементов необходимого. Оттого в глазах Геббельса (знатока данного предмета) Сталин — великий революционер и мятежник. Сталин резал народ, кроил карту, голодом и штыками приучал народ к исполнению своей воли и отказался от такой химеры, как совесть, жалость, сомнения, а только это и есть «добродетель».

В-четвертых, Сталин и Гитлер — подлинные братья по характеру деятельности, так сказать, спаяны духовным родством, это уже их отличительный родовой признак. И Геббельс водружает их имена рядышком. И совершенно справедливо.

Вот так, друзья коммунисты и радетели народного счастья. Слишком часто за вами трупный след, аж дышать нечем. Вы народ любите или что от него остается — трупы и согнутые спины?..

По сведениям, которые открылись ныне. Сталин искал данные на Тухачевского, ему мешал Тухачевский, посему в Берлин¹ за «компромагом» был командирован будущий замнаркома внутренних дел СССР Заковский. Он выложит за гестаповское досье 200 тыс. марок (щедрость неслыханная!).

О подложности досье наперед знал Николай Иванович Ежов, но знал и другое — именно этого ждет от него Сталин. Этот человек карликового росточка, педераст по выражению половых чувств (природа часто шалит вот таким образом, отмечая свои сверхэкземпляры; особые не по физическим качествам, а по античеловеческой сути) станет главным, «несущим» винтом НКВД в подготовке процесса над военными. Именно после расстрела Тухачевского с группой крупнейших военачальников грянет всесветное истребление «мозга» Вооруженных Сил, а затем и великого множества среднего командного состава — скоро дивизиями будут командовать вчерашние командиры батальонов и рот, и все это отольется невиданной кровью народа в начале войны. Так что кровь пускали Сталин и его чекистские выродки не Тухачевскому и командирам Красной Армии, а прежде всего народу. Он, этот народ, ляжет клочьями растерзанного мяса по бескрайним лесам и полям Белоруссии, Украины, Прибалтики, переполнит сборные пункты пленных: за колючей проволокой под голым небом, на голой земле — откуда погонят их, пленных, к могильным рвам, ибо Гитлер распорядился вести войну на Востоке без жалости, а русских считать «унтерменшами», то бишь недочеловеками. И чем больше их будет убито, тем лучше для великой Германии и вообще просвещенной Европы. Так что рубил голову народу не Гитлер, а вместе с Гитлером... Сталин. Оба поочередно секли по шее русского народа. Опустит топор — и утирает лоб, восстанавливает дыхание, а в это время другой с размаху лезвие под затылок! Кровищи, брызг! Однако стоит народ... И удивлялся потом Сталин: знал, как и кто рубил под шею, а народ не рухнул, да еще сохранил любовь к нему и партии, которая его несла на руках к высшей власти над телом и душой народа. И от такого удивления и вырвется у Сталина тот самый тост за здоровье великого русского народа. Уж очень был поражен и удивлен убийца: рубили, рубили с Гитлером, ан выстоял народ. Ну что тут поделаешь — великий и есть!..

Подает свой голос из небытия и Димитрий Михайлович Панин: «„Статистика“, собранная мною за время заключения, подтверждает, что все белые офицеры и солдаты, поверившие советскому правительству (это разного рода амнистии и призывы к возвращению из эмиграций. — Ю. В.), окончили жизнь в подвалах (в подва-

¹ Тухачевский пять раз бежал из германского плена, потому и был заточен в неприступную крепость: уж оттуда не дашь тягу. А там и де Голль сидел. Вот какая история!..

лах расстреливали. — Ю. В.), тюрьмах, лагерях. **С дьяволом в сделки не вступают!»¹**

«Все белые офицеры и солдаты...» Я и впрямь не встречал таких, хотя именно такими людьми занимался более трети жизни. Были истреблены поголовно все.

«С дьяволом в сделки не вступают!»

Нам нужно строить жизнь, а не выискивать и уничтожать всех, кто хоть чуточку отличается «цветом» убеждений. Иначе нам не быть. Иначе мы выродимся. Вырождение и так уже коснулось нас...

Наши знания о «корниловце» Скоблине неожиданно пополняет один из замечательных советских разведчиков второй мировой войны, Леопольд Треппер, своей книгой «Большая игра» (М., 1990).

В ноябре 1942 г. контрразведывательная служба гитлеровского рейха выследила Треппера. На одном из допросов гестаповец Карл Гириг не без гордости сообщил Трепперу, как «они», то есть секретная служба «третьего рейха», поставили к стенке Пятницкого² и Тухачевского.

Пятницкий, по словам Треппера, подбирал, формировал и рассылал кадры Коминтерна по всем странам. Сфабрикованное в Берлине «дело» обрекло не только Пятницкого (его арестовали в начале 1937 г.), но и едва ли не весь состав различных служб Коминтерна. Ведь «враг народа» Пятницкий имел непосредственное отношение к расстановке кадров. В ближайшие месяцы было уничтожено несколько тысяч заслуженных революционеров самых разных национальностей.

Следующий удар пришелся по Красной Армии, и не без участия Скоблина. Именно Скоблин, по признанию Гирига, подсказал в 1936 г. идею уничтожения Тухачевского, вскоре с кровавым блеском осуществленную Гейдрихом. Как пишет Треппер, Красная Армия «стала поистине красной от крови...».

Карл Гириг тоже приложил руку к данному делу.

Всего два удара из Берлина — и, по существу, ликвидирован Коминтерн и предельно ослаблена Красная Армия. Берлин не сделал ни единого выстрела.

Скоблин тоже мог быть доволен. Он отомстил большевикам, да так — даже в самых смелых мечтах это невозможно было представить. Он только развил свою мысль в Берлине — и в землю лег весь командный состав армии, которую они, белые, не смогли одолеть в боях. А что до Кутепова и Миллера, не беда. Таковы правила игры...

¹ Панин Д. «Лубянка — Экибастуз». Лагерные записки, с 213.

² Пятницкий (Таршис), Иосиф (Осин) Аронович, родился в 1882 г. В социал-демократическом движении с 1898 г. С 1908-го руководил транспортом большевистской литературы из Женевы. Один из организаторов большевистского комитета в Самаре. Являлся членом партийного центра, который руководил московским ВРК в дни Октябрьского переворота. После — на профсоюзной и коминтерновской работе.

Уже после всех лет гестаповских и советских тюрем, после пыток, нравственных мучений, крушений идеалов Леопольд Треппер писал:

«Мы готовы были себя заковать в цепи ради освобождения пролетариата. Разве мы задумывались над своим собственным счастьем (главным условием работы Треппера в советской разведке было совершенное отсутствие какой бы то ни было платы или вознаграждений — ни рубля, ни цента за риск и смертельное напряжение многих лет. — Ю. В.)? Мы мечтали, чтобы история наконец перестала двигаться от одной формы угнетения к другой... Мы стремились к коммунизму именно потому, что наша юность пришлось на пору империалистического варварства.

Но если путь оказывается усеянным трупами рабочих, то он не ведет, он никак не может вести к социализму... Сталин, этот великий могильщик, ликвидировал в десять, в сто раз больше коммунистов, нежели Гитлер.

Между гитлеровским молотом и сталинской наковальней вилась узехонькая тропка для нас, все еще верящих в революцию. И все-таки вопреки всей нашей растерянности и тревоге, вопреки тому, что Советский Союз перестал быть той страной социализма, о которой мы грезили, его обязательно следовало защищать. Эта очевидность и определила мой выбор...»

Что ж, остается лишь преклонить голову перед памятью таких людей.

На двери гестаповской камеры, где содержали Треппера, было написано: «Особый заключенный». Это можно сказать и о нашем Отечестве. Вскоре после Октября семнадцатого оно все, до последнего клочка земли, до каждого человека из десятков и десятков миллионов, стало «особым заключенным», лишенным всякого подобия свободы.

Вся страна целиком — «особый заключенный». Свою исповедь Треппер завершает страстным монологом. Это и прощание с жизнью, это и напутствие всем, кто будет жить после, и живая, не смиренная близкой смертью мысль. Мысль Человека.

«...И еще несколько слов: я принадлежу к поколению, ставшему жертвой мировой истории. Люди, которые в ходе Октябрьских боев присягнули коммунизму, которых понес вперед сильный ветер революции, не могли даже подозревать, что спустя десятилетия от Ленина не оставят ничего, кроме его забальзамированного тела на Красной площади. Революция выродилась, и мы присутствовали при этом.

Через полстолетия после штурма Зимнего дворца, после всех «отклонений», после преследований евреев, после того, как Восточная Европа была «приведена в норму» этой насильственной системой, кое-кто еще решается толковать о социализме!

Но разве этого мы хотели?..

Мы хотели изменить человека и потерпели неудачу... Наше поражение запрещает нам давать уроки другим, но поскольку история наделена слишком большим воображением, чтобы повторяться вновь, то нам все же дозволено на что-то надеяться.

...Чтобы люди извлекли урок из моей жизни коммуниста и революционера, чтобы не отдавали себя без остатка ради обожествления партии. Я знаю — молодежь добьется успеха там, где мы потерпели неудачу, что социализм восторжествует и что он не будет окрашен в цвета русских танков, введенных в Прагу».

Жаль, Треппер не уточнил: возвеличивание роли партии начал Ленин, по-своему став и жертвой этого уже обожествления. Именно он заложил кровавый фундамент культа партии и государства — и уже тогда это можно было заметить. И многие заметили.

Была возведена в абсолют отнюдь не одна партия, но (с легкой руки не столько Маркса, сколько Ленина) и диктатура пролетариата — всеместное насилие во имя улыбки, счастья и любви. Нет ничего нелепее и кощунственнее этого постижения справедливого мира.

Ленин возвел в абсолют диктатуру пролетариата, террор и ведущий принцип своей революции: этично все, что служит революции.

Принцип дьявольский, достойный сатаны, но не человека.

Это не могло не породить из партии одновременно и палача, и душеителя свободной, независимой мысли, и носителя идеи о мировом освобождении человечества.

А террору и не надо было перерождаться в дьявола. Он всегда есть именно это, и только это: кровавое надругательство над жизнью.

Жизнью вообще.

И, уже зная все это, пусть молодежь пробует, но только зная это, имея доступ к каждому слову правды. И лишь тогда, когда проклятие любому обожествлению будет жечь грудь каждого. Жечь не остывая. Только тогда.

Ибо обожествление есть отречение от собственного разума. И разума вообще, то есть всего, что столь многотрудно добыто человечеством.

За обожествлением всегда — слепая вера. А где слепая вера, там топор палача.

В иконном окладе должно биться человеческое сердце — только оно. Другой правды нет, не существует.

Завершилась Гражданская война. Иссякла сила отпора большевизму.

РОВС — это последнее как бы государственное образование прежней, неленинской России, усыхание ее земель до скромных комнат на французской земле с реликвиями русской славы,

иконами. Это не столько организация для действия против советской власти, сколько отчаянное стремление сохранить образ России, себя в этом образе... но это всего лишь призрак Родины, ее мираж...

С захирением воинского союза, в общем весьма многочисленного, исчезает и последнее свидетельство бытия прежней, неленинской России.

Пьеса сыграна Лениным, занавес задерживается.

Сатана заполняет бланк «исторического счета» и предъявляет людям — да, тем самым, что обитают на одной шестой земной тверди.

Все, не тянет руки над Россией православный Огненный Крест — рухнул, раскатился и рассыпался в угли. И сатана кривится, юродствует, нет ему пуще радости. Аж до ушей разевает свою безобразную клыкастую пасть. Сыграл он свою партию — и как послушны, уродливо-угодливы оказались люди.

Но сатане мало их мук. Берет и выхлопывает перед ними длинный список — не прочесть весь, глаза ослепнут. Это и есть «исторический счет».

Требует сатана платы по счетам. Пока не заплатят — ни одну душу не отпустит. 70 лет для сатаны — один праздник!..

Душа России...

Восточная мудрость гласит, что ненависть может стариться в наслоении лет, но не исчезает бесследно. Все попытки сбросить большевизм терпели крах. Советский Союз крепнул. И ненависть части эмиграции против большевизма и его апостолов, наложивших кровавую лапу на народ, постепенно переплавлялась уже в ненависть к самому народу. Иначе не объяснить, почему часть белой эмиграции (не столь заметная) подалась на службу германскому фашизму.

Из приговора Международного Военного трибунала, заседавшего в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. (раздел «Советский Союз»):

«...Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом, и таким образом мы обеспечим нации хлеб насыщенный».

...Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором

принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи (Одесса и прилегающие к ней области должны были отойти к Румынии. — Ю. В.). Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии...»

Это была явная агрессия¹.

Что касается Геринга, Кейтеля, Розенберга и Бормана, они, кроме Бормана, скрывшегося от правосудия, и Геринга, отравившегося за несколько часов до приведения приговора, были повешены среди прочих осужденных на казнь в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут 16 октября 1946 г. и закончилось в 2 часа 46 минут. Обязанности палача добровольно исполнил американский сержант Вудс...

Таким образом, германский фашизм за одну из узловых целей метил истребление славянства и захват пространства на Востоке.

29 сентября 1941 г. Гитлер отдает директиву командующему группой армий «Север» фельдмаршалу фон Леебу:²

«Фюрер принял решение стереть с лица земли Санкт-Петербург (Ленинград). Дальнейшее существование этого крупного города не представляет интереса, поскольку будет повержена Советская Россия...»

Цель состоит в том, чтобы подойти к городу и разрушить его до основания посредством артиллерии и непрерывных атак с воздуха...

Просьбы о капитуляции будут отклонены... мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города...»

Несколько недель спустя Геринг говорил Чиано (зять Муссоли-

¹ Работы типа «Ледокол» Резуна (Суворова) не выдерживают критики. Гитлер нагло завоевал Европу, в «Майн кампф» обозначил главную цель всех захватов — Россию. И писал о нашей стране только как о будущей колонии, а о славянах как о будущих рабах великой Германии.

Подготовиться и упредить удар (а столкновение было исторически неизбежным) была не только самая важная задача Сталина, но и государственная необходимость. Беспощадное истребление славянства и разбой превратили эту войну в священную — Великую Отечественную войну.

Работы типа «Ледокол» служат одной цели: унижению России и величия подвига народа. Это заветная цель всех недругов и ненавистников нашего народа. Но мы были, есть и будем.

Славянские народы кровью залили свои земли, но отстояли их от порабощения. Именно это и не заметил господин Резун.

² Ш и р е р У и л ь я м. Взлет и падение третьего рейха, т. 2. М., Воениздат, 1991, с. 242.

ни, министр иностранных дел Италии. — Ю. В.): «В этом году (1941-м. — Ю. В.) в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Пожалуй, хорошо, что так случится, ибо некоторые народы должны быть истреблены ...В лагерях для русских военнопленных они начали есть друг друга...»

Уже стоял вопрос о существовании русских, украинцев и белорусов. В подобных обстоятельствах служба врагу означала прямое участие в истреблении своего же народа. Таким образом, та часть эмиграции, что облачилась в немецкие мундиры, уже автоматически ставила себя вне закона для России. С этого часа эти люди уже подлежали безоговорочному осуждению как предатели и палачи своей бывшей Родины.

Разумеется, это не имеет касательств к насильственной депортации бывших эмигрантов в Советский Союз.

Передо мной копия с документа 46-летней давности.

«Министерство Государственной Безопасности¹.

Сов. секретно. Экз. № 1.

Совет Министров СССР.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Прошу разрешить:

1. Судить Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР руководителей созданного немцами главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии, немецких агентов — атамана КРАСНОВА П. Н., генерала белой армии ШКУРО А. Г., командира «дикой дивизии» — генерала белой армии Султан-Гирея Клыч, их ближайших сообщников КРАСНОВА С. Н. (племянника атамана КРАСНОВА П. Н.) и ДОМАНОВА Т. И., а также командира «добровольческого» казачьего корпуса германской армии генерала фон ПАНВИЦ Гельмута (список прилагается).

2. Дело КРАСНОВА, ШКУРО, СУЛТАН-ГИРЕЯ и других заслушать в закрытом судебном заседании без участия сторон (прокурора и адвокатов).

3. Всех обвиняемых в соответствии с пунктом I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осудить к смертной казни через повешение, и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать, а по окончании процесса опубликовать в газетах сообщение от имени Военной Коллегии о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Как ранее Вам было доложено, арестованные КРАСНОВ П. Н., ШКУРО, КРАСНОВ С. Н. и ДОМАНОВ, возглавляя созданное немцами главное управление казачьих войск под руководством гер-

¹ Дата на документе после фотографирования оказалась смазанной.

манского командования, вели активную вооруженную борьбу против Советской власти, формируя казачьи части из числа белогвардейцев и военнослужащих Красной Армии, попавших в плен к немцам.

Сформированные казачьи части, находясь под командованием генерал-лейтенанта германской армии фон ПАНВИЦ и атамана «казачьего стана» ДОМАНОВА, участвовали в военных действиях против частей Красной Армии, а также югославских и итальянских партизан.

Кроме того, казачьи части ДОМАНОВА вели вооруженную борьбу против белорусских партизан и принимали активное участие в подавлении варшавского восстания.

ШКУРО и ДОМАНОВ по заданию германской разведки создали специальную школу для подготовки из числа казаков шпионов и диверсантов для подрывной деятельности в тылу советских войск.

Арестованный СУЛТАН-ГИРЕЙ являлся руководящим участником «северо-кавказского национального комитета» при министерстве восточных областей Германии и по заданию немцев в 1942 году выезжал в районы Северного Кавказа для организации немецкой администрации, выявления коммунистов и партизан, а также участвовал в формировании национальных легионов для борьбы против Советского Союза.

Следствие по этому делу закончено, между обвиняемыми проведены очные ставки, и их показания документированы.

Судебный процесс, по нашему мнению, можно было бы начать 15 января 1947 года.

Прошу Ваших указаний. АБАКУМОВ».

По «шапке» документа слева направо очень крупно начертано синим карандашом: «АБАКУМОВУ. (Подчеркнуто двумя толстыми чертами.) СОГЛАСЕН. (Подчеркнуто толстой синей чертой.) И. СТАЛИН».

Почерк Сталина — властный, крупный, нетерпеливо растянутый в длину. Нельзя назвать его угловатым, но некоторые буквы как бы надламываются. В манере писать — энергия, несдерживаемый накат мысли и очевидная нервность.

Наоборот, роспись его любимца (через 4 года он запрет его в тюрьму — так спокойнее) какая-то маленькая, неброская. Буквы округло-бокастые, как бы приплюснутые. В них проглядывает холуйская подчиненность, хотя в отдельных буквах вдруг обозначается и решимость — такая буква и с нажимом, и несколько угловата. Вся подпись свидетельствует о подавленной воле, довольно устойчивой нервной организации, покорности и в то же время об определенной женственности, возможно, сластолюбии. Абакумов и слыл первостатейным бабником, имея в белокаменной не один тайный бордель. Впрочем, разил женский пол Виктор Семенович и на службе — в нарочно приспособленном для сего «будуарчике».

Он и Берия вели с дамской половиной рода человеческого неослабный поединок, ничем не уступающий «битве с классовым врагом». История их возвышения — одно бесконечное насилие не только над народом, но и женщинами всех сословий и возрастов (даже подростками), безудержное удовлетворение и растравление похоти. Мерзкое превращение в половой придаток всей прочей жизни.

Виктор Семенович был верным псом Берии. Даже свои доклады свирепому вождю он предварительно согласовывал с Лаврентием Павловичем, хотя тот уже не числился хозяином Лубянки. В садизме этот рослый, русоволосый генерал, бывший родитель всеуничтожающего СМЕРШа, ни в чем не уступал выдающимся чекистам отнюдь не только своего времени. Однако с сослуживцами был приветлив и доброжелателен. Это не мешало именно ему, к примеру, с упоением избивать палкой врача (полковника) из группы офицеров ГРУ¹, которую возглавлял мой отец. Группа находилась в Особом районе Китая в 1942—1945 гг., там размещались центральные органы партии и сам Мао Цзэдун.

СМЕРШ — отдельное управление контрразведки НКВД, которому были подчинены Особые отделы в Красной Армии. Создан по приказу Сталина в апреле 1943 г. Все время существования СМЕРШа им энергично управлял генерал Абакумов. Название СМЕРШ разворачивается как СМЕРТЬ ШПИОНАМ! Сталин подчинил СМЕРШ лично себе по праву председателя Государственного Комитета Обороны (ГКО). СМЕРШ выявлял не столько шпионов, сколько недовольных в армии. Именно СМЕРШ «проверял» пленных по ходу боевых действий. Ему была поручена тотальная «проверка» 5 млн. пленных в конце и после войны, освобожденных на территории Германии и Австрии. СМЕРШ вошел в историю представлением о будничности пыток и обязательности массовых расправ.

Расстрелян Виктор Семенович Абакумов в 1954 г. Я в ту пору сдал экзамены за 1-й курс Военно-Воздушной инженерной академии имени Жуковского и помню сообщение в газетах, а с ним и наши пересуды, домыслы! Мы верили: наступает чистая, светлая пора преобразования!

Документ Абакумова по черному делу Краснова и других дает представление, как вершились судьбы: без разбирательств, адвокатов, прессы и публики — при заранее вынесенном приговоре, небрежном росчерке чье-то синего карандаша (подражая Сталину, многие руководители тоже ставили резолюции синим карандашом; я видел росписи Георгия Димитрова на документах ГРУ именно толстым синим карандашом).

Такой предстает судьба доброй части России. Синий росчерк

¹ Главное Разведывательное Управление Генерального штаба Советской Армии.

через все надежды, свершения, веру, мужество, любовь... — и сплошное бездонное НИЧТО.

Из русской парижской газеты (я читал ее в пору своих спортивных выступлений во Франции в начале 60-х годов и сохранил):

«Русская женщина просит лиц, знающих что-либо о судьбе кубанского казака Федора Лаптева или его адрес, написать в газету «Русские новости», 11, рю Руаяль, Париж-8, для № 3383».

«Племянник (с родинкой) разыскивает инженера Петра Гавриловича Черкасова. Писать в «Русские новости», 11, рю Руаяль, Париж-8, для № 33378...»

Нет, не откликнутся и не напишут.

Потому что тотемный знак России — трупы...

И все же «есть и высокое в мире, и даже торжествующему злу не поглотить это высокое...».

Поклон тебе, Россия. Дай Бог сил распрямиться.

Я свой долг перед тобой исполнил. Как я его разумел — исполнил. Я для него жил.

«Дарование есть поручение. Его надлежит исполнить».

Я это поручение исполнил, изойдя в него всей своей жизнью. Все было: и риск, и познание, и горе, и страхи, и прозрение, и великое наслаждение, и безысходное отчаяние, и обновление, и вера... и предательство...

Солнце, такое редкое в эту зиму и весну, светит сегодня во все окна, и небо голубое. И мне верится — будет Жизнь... и для нас будет...

Начал готовить эту книгу, собирать материал, узнавать нашу историю я в 24 года. Сейчас мне пятьдесят шестой...

ИСТОРИЯ СЛАВНЫХ ПЕРЕПИСОК

Первого октября 1909 г. Махатма Ганди отправляет из Лондона письмо Льву Толстому.

«Милостивый государь,

Беру на себя смелость обратить Ваше внимание на то, что делается в Трансваале (Южная Африка) вот уже почти три года.

В этой колонии имеется население британских индусов, почти 13 000 человек. Эти индусы уже многие годы страдали от различных правовых ограничений. Предубеждения против цветных людей, а в некоторых отношениях и против азиатов вообще, очень сильны в этой стране. Это предубеждение достигло своей высшей степени три года назад, когда был проведен закон, специально предназначенный для азиатов, рассчитанный, как думаю я и многие другие, на то, чтобы унижить и лишить человеческого достоинства тех, против которых он применялся. Я сознавал, что подчинение закону такого рода несовместимо с духом истинной религии. Как я, так и некоторые мои друзья еще раньше твердо верили в учение непротивления злу, и таковыми мы остались и теперь. Кроме того, мне выпало счастье изучать Ваши писания, произведшие глубокое впечатление на мое мировоззрение...»

24 сентября (6 октября) Толстой заносит в дневник: «Получил приятное письмо от индуса из Трансвааля» — и пишет В. Г. Черткову: «Письмо трансваальского индуса очень тронуло меня».

Это и понятно, письмо было от великого индуса. Толстой это очень скоро поймет.

7 октября он посылает ответ Ганди.

«Сейчас получил Ваше в высшей степени и интересное и доставившее мне большую радость письмо. Помогай Бог нашим дорогим братьям и сотрудникам в Трансваале. Так же борьба мягкого против жестокого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым

годом все более и более проявляется и у нас, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским — в отказах от военной службы...

Братски приветствую Вас и радуюсь общению с Вами».

4 апреля 1910 г. Ганди отправляет второе письмо, теперь уже из Йоганнесбурга.

«Милостивый государь,

Вы, вероятно, помните переписку с Вами... Как Ваш скромный последователь, посылаю Вам при сем книжку, написанную мною. Это мой собственный перевод с языка гуджарати. Любопытно, что правительство Индии конфисковало книгу на этом языке...

Остаюсь Ваш покорный слуга *М. К. Ганди*»

Ганди прислал Толстому свою книгу «Индусский гомруль»¹.

В конце ее Ганди привел список работ Толстого, которые рекомендует читателям. Это: «Царство Божие внутри нас», «Что такое искусство?», «Так что же нам делать?».

В те же дни Толстой читает книгу Джозефа Дока о Ганди.

20 апреля Толстой отмечает в дневнике: «Вечером читал Ганди о цивилизации. Очень хорошо».

21 апреля уточняет свое впечатление: «Читал книгу о Ганди. Очень важная. Надо написать ему».

22 апреля Толстой обращается с письмом к Черткову:

«Сейчас и вчера вечером читал присланную мне с письмом книгу (одну раньше, другую после) одного индусского мыслителя и борца против английского владычества Gandhi, борющегося посредством Passive Resistance. Очень он близкий... мне человек...»

Тогда же Толстой говорит о Ганди в присутствии Д. П. Маковицкого:

«...Он сидел в тюрьме. Прежде я получил книгу о нем. Эта книга в высшей степени интересна. Это — глубокое осуждение, с точки зрения религиозного индуса, всей европейской цивилизации... Его презрение к отношению белых к цветным людям. Кроме того, он проповедует, что самое действенное противоядие — это пассивное».

25 мая из Ясной Поляны уходит очередное письмо Толстого.

«Дорогой друг,

Только что получил Ваше письмо и книгу «Самоуправление Индии». Я прочел Вашу книгу с большим интересом, так как я думаю, что вопрос, который Вы в ней обсуждаете — пассивное сопротивление, — вопрос величайшей важности не только для Индии, но и для всего человечества...

Ваш друг и брат»

¹ Самоуправление (англ.).

К исходу близился последний год жизни. В ноябре 1910-го Толстой скончается на безвестной станции Астапово, но пока он жив, и мозг его по-прежнему страстно пытается и пробует мир. За какие-то 12 недель до смерти он заносит в дневник: «Жив. Ходил по елочкам. Прочел и написал письма...»

У людей такого возраста (Толстому 82 года!) в подавляющем большинстве случаев мозг уже давно в спячке или в лучшем случае пережевывает готовое, ничего не выдавая своего, тем более нового, а чаще просто чадит...

Жив...

15 августа 1910 г. Ганди пишет третье, и последнее, письмо (тоже из Йоганнесбурга).

«Милостивый государь,

Очень благодарен Вам за Ваше ободряющее и сердечное письмо...»

7 сентября 1910 г. Толстой отправляет главное и последнее письмо своему индусскому последователю — Ганди Великой Душе. Это уже не письмо, а послание, скорее даже духовная.

«Чем дольше я живу, и в особенности теперь, когда живо чувствую близость смерти, мне хочется сказать другим то, что так особенно живо чувствую и что, по моему мнению, имеет огромную важность, а именно о том, что называется непротивлением, но что в сущности есть не что иное, как учение любви, не извращенное ложными толкованиями. То, что любовь, то есть стремление душ человеческих к единению, и вытекающая из этого стремления деятельность есть высший и единственный закон жизни человеческой, это в глубине души чувствует и знает каждый человек (как это мы яснее всего видим на детях), знает, пока он не запутан ложными учениями мира. Закон этот был провозглашен всеми, как индийскими, так и китайскими, и еврейскими, греческими, римскими мудрецами мира. Думаю, что он яснее всего был высказан Христом, который даже прямо сказал, что в этом одном весь закон и пророки. Но мало этого, предвидя этот закон, он прямо указал на ту опасность извращения его, которая свойственна людям, живущим мирскими интересами, а именно ту, чтобы разрешать себе защиту этих интересов силою, то есть, как он сказал, ударами отвечать на удары, силою отнимать назад присвоенные предметы и т. п. и т. п. Он знает, как не может не знать этого каждый разумный человек, что употребление насилия несовместимо с любовью как основным законом жизни, что, как скоро допускается насилие, в каких бы то ни было случаях, признается недостаточность закона любви и потому отрицается самый закон. Вся христианская, столь блестящая по внешности, цивилизация выросла на этом явном и странном, иногда сознательном, большей частью бессознательном, недоразумении и противоречии.

...Правда, во все времена люди руководствовались одним насилием в устройстве своей жизни. Разница жизни христианских народов от всех других только в том, что в христианском мире закон

любви был выражен так ясно и определенно, как он не был выражен ни в каком другом религиозном учении, и что люди христианского мира торжественно приняли этот закон и вместе с тем разрешили себе насилие и на насилии построили свою жизнь. И потому вся жизнь христианских народов есть сплошное противоречие между тем, что они исповедуют, и тем, на чем строят свою жизнь: противоречие между любовью, признанной законом жизни, и насилием, признаваемым даже необходимостью в разных видах, как власть правителей, суды и войска, признаваемым и восхваляемым. Противоречие это все росло вместе с развитием людей христианского мира и в последнее время дошло до последней степени. Вопрос теперь стоит, очевидно, так: одно из двух: или признать то, что мы не признаем никакого религиозно-нравственного учения и руководимся в устройстве нашей жизни одной властью сильного, или то, что все наши, насилием собираемые, подати, судебные и политические учреждения и, главное, войска должны быть уничтожены.

...Социализм, коммунизм, анархизм, армия спасения, увеличивающаяся преступность, безработность населения, увеличивающаяся безумная роскошь богатых и нищета бедных, страшно увеличивающееся число самоубийств — все это признаки того внутреннего противоречия, которое должно и не может не быть разрешено. И разумеется, разрешено в смысле признания закона любви и отрицания всякого насилия. И потому Ваша деятельность в Трансваале, как нам кажется, важнее всех дел, какие делаются теперь в мире, и участие в которой неизбежно примут не только народы христианского, но всякого мира.

...Как ни ничтожно количество и Ваших людей, непротивляющихся, и у нас в России число отказывающихся, и те и другие могут смело сказать, что с ними Бог. А Бог могущественнее людей.

В признании христианства, хотя бы и в той извращенной форме, в которой оно исповедуется среди христианских народов, и в признании вместе с этим необходимости войск и вооружения для убийств в самых огромных размерах на войнах заключается такое явное, вопиющее противоречие, что оно неизбежно должно рано или поздно, вероятно очень рано, обнаружиться и уничтожить или признание христианской религии, которая необходима для поддержания власти, или существование войска и всякого поддерживаемого им насилия, которое для власти не менее необходимо. Противоречие это чувствуется всеми правительствами, как Вашим британским, так и нашим русским, и из естественного чувства самосохранения преследуется этими правительствами более энергично, как это мы видим в России и как это видно из статей Вашего журнала, чем всякая другая антиправительственная деятельность. Правительства знают, в чем их главная опасность, и зорко стерегут в этом вопросе уже не только свои интересы, но вопрос, быть или не быть.

С совершенным уважением *Leo Tolstoy*»

Над русским текстом письма Толстой работал 6 — 7 сентября.

Написав письмо, Толстой отправил его для перевода на английский Черткову.

Писал это Толстой в 1910 г., когда уже в законченном виде существовал не только марксизм, но и большевизм. Не случайна эта плотность мысли такого направления в те годы. В несовершенном мире люди искали счастье, справедливость. И мыслители, политики, которые по недоразумению относят себя к мыслителям, каждый на свой лад предлагают решения.

Почти весь 1910 г. Ленин безвыездно обитает в Париже — на стене дома ныне мемориальная доска. А чтоб каждый знал: здесь жил и созидал великий друг людей труда. Это все из той же серии: вечный мертвец учит жизни...

Июнь поглощают совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий». Ленин ведет агитацию за отдельный от РСДРП съезд или конференцию большевиков. Такая конференция и состоится в Праге в январе 1912 г.

В то лето, как всегда, он пишет статьи и встречается с единомышленниками. В беседе с секретарем русской части ЦК А. П. Голубковым Ленин дает указания по борьбе с провокаторами, густо просачивающимися в партийные организации. Последние месяцы жизни Толстого.

В августе Ленин письмом разъясняет слушателям каприйской школы антипартийный, фракционный характер этой школы, организованной Горьким. Ленин характеризует ее лекторов, в том числе и будущего наркома просвещения Луначарского, как отзовистов-богостроителей, подтверждает свой отказ от чтения лекций в школе и приглашает слушателей в Париж, иначе говоря, переманивает. Это письмо вызовет раскол в каприйской школе, то есть как раз то, что и нужно было Ленину.

Горькому, еще не продавшему свое дарование большевизму, еще не ставшему «певцом партии и чека», принадлежат слова:

«Большинство из вас рабы жизни или наглые хозяева ее, и все вы крокие мещане, временно заступающие настоящих людей».

И они пришли, эти настоящие люди. Надо отдать ему должное, он по-писательски задолго уловил изменения, которым еще предстояло стать явью. Он чувствовал пришествие нового мира и новых людей...

В октябре того же, 1910 г. Ленин выезжает в Брюссель на 11-ю сессию Международного социалистического бюро.

За несколько дней до кончины Льва Толстого Ленин в двух письмах к Горькому разъясняет ошибочность его взглядов на причины и характер раскола между большевиками и отзовистами-богостроителями, указывает, что основа раскола — в различных взглядах «на весь современный момент (и на марксизм, конечно)». Он благодарит Горького за то, что тот своим дарованием художника приносит рабочему движению столь ощутимую пользу.

Надо полагать, учел и это ленинское обращение Алексей Максимович. Уже не один год он насыщается духом партийных сочинений, подчиняя им талант и темперамент. С разъяснений Ленина он осознает, что закладывает основы новой литературы — литературы будущего социалистического общества.

Борьба за ленинизм — это не борьба за сохранение утопии Ленина. Это откровенная борьба за сохранение партии в наше время, когда вдруг открылся авантюризм Главного Октябрьского Вождя. Это борьба за сохранение господства партии над жизнью народа. Об идеалах речь и не идет (при чем тут ленинизм, надо удержать власть!), идет борьба за власть, а без ленинизма нет партии, она тогда совершенно «голая»: одно насилие, жестокость и глупость. С Лениным сей жизнелюбивый набор сохраняется, но к нему все же добавляется какой-то набор и утопических представлений. О том, что они, эти утопические представления, обошлись народам морями крови и дикими средневековыми тираниями, разговор как-то не затевается. Вроде все само собой подразумевается: извращения не дали развернуться утопии. Не вспоминают, что утопией сам вождь макнул народ аж по самое темечко, пока не сразил его мозговой удар. Не вспоминают, что жизнь дала пробу всем положениям утопии — до национальной катастрофы довела великий народ. Об этом молчат, ровно все это происходило не с партией Ленина, а где-то в иных мирах.

И цепляются за своего идола, поскольку нет без него партии, а в наличии одна кровь и неправда: никакими красками не перемазать их в добро и справедливость. За всеми этими построениями — господство партии над жизнью народа, господство партийных верхов над законом.

Жану Жаку Руссо принадлежат слова:

...Умеющих хватать, сдирать
И не давать, а только брать.

Для них сохранение ленинизма — вопрос жизни и смерти их паразитной, насилующей жизни. Им надо бороться за Ленина — иначе не сохранить власть над народом.

Вечный мертвец учит жизни. Их жизни.

«Помогай вам Бог»¹, — любил наставлять своих единомышленников Толстой. Свой, сокровенный смысл вкладывал в это напутствие...

7 ноября смерть обрывает переписку...

¹ Такое напутствие являлось излюбленным и у последнего российского самодержца.

А Ганди Великую Душу упокоят пули изувера террориста в 1948 г. на 79-м году жизни.

Поклон вам, Великие Души!..

Горький писал о Толстом: «Его интерес ко мне — этнографический интерес. Я, в его глазах, особь племени, мало знакомого ему, — и только».

Надо сказать, характеристики Льва Толстого весьма далеки от евангельских. Едкие, беспощадные, порой оскорбляюще-жестокие (и пинок, и удар хлыстом), они выставляют Льва Николаевича отнюдь не терпимым к роду человеческому непротивленцем. Мне редко доводилось читать столь беспощадные и унижающие характеристики, чем те, которые давал граф писателям, да и не только им.

Он уже рисуется двояко: и страдающим, скорбящим за род человеческий, и страстно проповедующим добро, душу, смирение, и бьющим ближнего наотмашь и по левой, и по правой щеке (уж какое тут подставление щеки обидчику, тут мечь, огонь, кровь!).

И евангелист — и помещик-крепостник, учитель жизни, наставник — и цинично-развязный господин... Когда долго всматриваешься в графа Толстого, это раздвоение уже не мнится, оно зримо: в одном человеке живут и действуют два совершенно разных Толстых. Настоящий — тот крепостник-помещик, распорядитель человеческих жизней, господин, а второй — венец развития души, совершенствования мысли. Эгоист, себялюбец сталкивается с евангелистом. Непрерывное борение этих двух начал и есть Лев Николаевич Толстой, хотя и это деление условно. Сам он гораздо более сложен. Я прочерчиваю только ведущие черты характера, жизни, судьбы...

Для Ленина и большевиков Толстой и его последователи были как бы зараженные: в них неизлечимые язвы старого мира. Надо перешагнуть через таких, они только вяжут движение. Полистайте записные книжки и дневники Толстого хотя бы за последний год жизни — «зараза» так и прет.

«Спасаясь от разбойников, постоянно организованных, признаваемых благодетелями, отдаемса в руки правительств».

Ну как Непогрешимый и его правительство наркомов могли допустить подобное? Да затушевывание это классовых противоречий! Чистейшей воды поповство и обман трудящихся! Самая что ни на есть подлость для нового, раскрепощенного направления жизни... И запись-то, отметим, недословная. Там еще о том, что **«человек признает себя Богом, и он прав, потому что Бог есть в нем; сознает себя свиньей, и он тоже прав, потому что свинья есть в нем. Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом»** (выделено мною. — Ю. В.).

Уже сколько жизнь доказывает ленинцам: нельзя своего бога навязывать народу, ибо не Создатель это, а оборотень.

И оборотня уже более 70 лет подсовывают народу вместо истинного Бога!

И набатом расходятся слова великого Толстого: «...и он тоже прав, потому что свинья есть в нем. Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом».

Но если бы это была только свинья...

И с этим высказыванием Толстого еще можно было бы смириться — ну чудачит старик, — а вот как с высказыванием о революционерах? Пусть не его мысль, но он-то произвел ее в свою, и как произвел!..

«...Когда революционеры достигают власти, они неизбежно должны поступать так же, как поступают все властвующие, то есть совершать насилия, делать преступления, без чего нет и не может быть власти».

Разве не для освобождения поработенных народов всего мира взята им, Лениным, власть? Если не он, кто из горя и крови вырубит им счастье?..

Дорога к счастью одна, и она четко прописана объективными научными выводами. Есть теория общественного движения. И он, Ленин, владеет ею и ее выводами. Он сознает себя призванным к руководству. Нет выше назначения — быть революционером и участвовать в созидании новой жизни...

«И всё от ужаснейшего, губительнейшего и самого распространенного суеверия всех людей, живущих без веры, — суеверия о том, что люди могут устраивать жизнь — добро еще свою, а то всё устраивают жизнь других людей для семей, сословий, народов. Ужасно губительно это суеверие, что та сила души, какая дана человеку на то, чтобы совершенствовать себя, он всю тратит ее на то, чтобы *устроить* свою жизнь, мало того — жизнь других людей».

Это же пощечина Ленину, он просто снедаем идеей всем все устраивать. Да как — кровью и казармой...

Никого не щадят ради своего понимания мира. За каждым с ножом и петлей — надо же сделать человека счастливым; надо уж, во всяком случае, помочь, коли не сознает своего счастья.

Изводят нуждой, травят, сжигают людей в топке общественных забот, потрясений, обновлений, а теперь и во имя перестройки — и все ради доктрины. Ну все человечество в их распоряжении.

И если бы горели только в переносном смысле.

Нестерпим жар этого сожжения людей. Опалает души, делает их грубыми, развращенными и совершенно нечувствительными к страданию. Ну настоящий новый человек — заря всего передового человечества, так сказать, авангард...

Еще не успела советская власть оглядеться — всего третий месяц существует, — а уже в строках распоряжения Ленина хруст могильного заступа для сотен людей, пока для сотен...

В Петрограде постановлением от 21 февраля 1918 г. предлагается направить на рытье окопов всех работоспособных членов

буржуазного класса, мужчин и женщин, а сопротивляющихся — расстреливать... Это, так сказать, заря советской власти...

Под классово чуждых начнут сразу подводить всех, кто не согласен и смеет думать иначе, нежели Ленин. Думаешь иначе — следовательно, враг, а им может быть только классово чуждый элемент. Ну, а тогда все ясно: классово чуждые — это не люди, они за чертой добра и зла, вообще всего человеческого. Их надлежит уничтожать, это долг каждого большевика и сознательного гражданина. Любое инакомыслие, расхождение во взглядах решать расстрелом.

И уже в классово чуждого способен попасть любой, не только интеллигент, который по воле Ленина в своем Отечестве оказывается навсегда под подозрением, как бы потенциальным преступником. Классово чуждым может оказаться и рабочий, и крестьянин, даже коммунист. Раз думаешь не по Ленину, не как все — ты уже классово чуждый и место тебе в могиле.

А иначе какая необходимость в постановлении ВЦИК от 16 октября 1922 г.:

«ГПУ предоставляется право внесудебной расправы вплоть до расстрела...»

Положим, это право ВЧК имела с первого дня своего существования. Об этом уже поведал в своей книге¹ Мартын Лацис. А тут дело в другом. Освобождением Владивостока в октябре 1922 г. закончена Гражданская война. И высшая законодательная власть страны объявляет: убивать без суда будем по-прежнему, окончание Гражданской войны тут ни при чем. Это наша политика — уничтожение не только классово чуждых, но и всех несогласных.

Постановление принято через пять месяцев после первого мозгового удара, который поразил Главного Октябрьского Вождя и от которого он довольно успешно оправился. Оно доказывает неизменность политики советского государства с момента революции до окончания Гражданской войны — и на будущее, на все дни мирного строительства, ибо несогласных не должно быть, все в этой стране будет лишь одного цвета — красного.

И все это доказано, утверждено, слажено практикой жизни Лениным.

Тот Ленин, до рокового мартовского удара, все успел.

Дух народа, закованный в объятия скелета...

А в таком разе недурственно изучать бы литературу и без графа Толстого. Только вот что значит Россия без него?..

Это ж понимать нужно. Успел вот ведь пролезть в душу. Не обойдешь...

«Севастопольские рассказы», «Война и мир» и еще там пятое-десятое — это ж сколько патриотизма! Прямо на нашу, рабоче-крестьянскую, пользу. Особенно если принять, что не только Ленин и партия одно и то же, но Ленин и Россия одно и то же...

¹ См.: Лацис (Судрабс) М. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Госиздат, 1921.

Ну, а счастье, где оно все-таки?..

Много раз я встречался и встречаюсь с позицией: «Писать бессмысленно, от слов зло не отступит».

Я убежден: такого рода отгораживание уже позиция зла. Это значит предавать народ. «Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку». Все зло невозможно без массовой поддержки людей. Следовательно, нужно растлить, растлевать людей.

А это означает, что все в искусстве надлежало рассматривать именно с данных позиций: в растление или нет.

Советская культура — это псевдокультура, правда лишь подразумевается или декларируется, а если и находит выражение, то загнанно, сверхиносказательно. Это — искусство притворства с редчайшими вспышками правды, но прежде всего это **всеобщая затемненность сознания**.

В то же время искусство в России (и это традиция), особенно новой, — державное. По-другому искусство люди в своей основной массе не воспринимают. Игра цвета, чувств, мыслей, форм не только не ценится, не только не составляет потребности духа, но воспринимается как нечто враждебное. Эта традиция державного искусства даже очень проглядывает в творениях светочей — Чайковского, Глинки, Пушкина, Толстого...

Все тот же примат государства над человеком, все та же вечная и проклятая для России тема: жесткая зависимость жизни от государства, что оборачивается унижением существования каждого перед обществом, государством. Остается лишь долг, униженность и безгласность, замкнутые на подчиненность перед любыми носителями власти. Во весь рост поднимается чиновник (воистину державный хам русской жизни) — единственная подлинная власть и ценность в государстве, хозяин его граждан.

И все это именем и от имени государства, его истории и народа. Мгновенная и незаметная подмена понятий, уничтожение человека, превращение его в тварь, винтик, средство...

Только социалистическому искусству должен отдавать художник силы и талант. Только такого художника увенчивают ордена, премии и признание.

Литературы, искусства в высоком значении быть в советской России не может. Слишком подавлено «я», а именно это «я» — основа любого искусства. Не только монголо-татарщина, но и бесконечно долгое крепостничество искалечило русского человека. Так и остался он им, крепостным, как какой-то необыкновенно живучий, выносливый ствол под вековыми ветрами и первобытной стужей...

Лев Толстой писал 7 марта 1910 г. из Ясной Поляны Ш. Вулу:

«Слова, сказанные Христом, не оттого важны и можно ссылаться на них, что они сказаны Христом. А сказаны они Христом потому, что они истинны и записаны в сердце каждого человека».

Я не написал бы не то чтобы книги — ни единой строчки вообще, коли видел бы в советском марксизме хотя бы ничтожную способность к изменению. Это застывшая, жестокая полицейская догматическая система. Изменяясь, она оставляет неизменным свое нутро — свои утопические претензии, позор унижения своим богочеловеком, следовательно, свое право руководить, гнать людей к идеалам счастья, которыми они не владеют и владеть неспособны. Невежество и самодовольство покоятся в основе их, большевиков, взглядов на мир. Все их существо — из привычек к насилию, господству над людьми, непреодолимой тяги к паразитизму. В них ничего от подвижничества праведников, желания раствориться с народом, делить его тяготы. С головы до пят это карьеристы и извратители правды. Ленинизм — это опасная заразная болезнь. Переболев им, русский народ должен вытравить его из души и тела; проклясть эту толпу изуверов, что ради догм и выгод готова снова и снова мучить людей на пути, который ведет в никуда, но прежде — в муку, нужду, одичание...

Их вождь посеял ядовитые семена, разъединил народ, растлил его душу.

Дух народа, закованный в объятия скелета.

«Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом».

Вечный мертвец учит живых жизни.

После адского одичания, зверств, потери народом самого себя смеет твердить свои слова — впрыскивать тот самый яд, который отравил не только русских, но и добрую часть человечества; чумой, мором, бурей прошел по земле.

И этот вечный мертвец все еще смеет размыкать уста и поучать, указывать, клеймить, судить...

Какая кровь нужна еще, какие муки и какое запустение душ, дабы прозрел народ, дабы догмы зла утратили силу?..

«Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку...»

Когда же шаг народа обретет свободу?..

Неужели узда, кнут и ложь есть идеал жизни? За сытость — холопство, униженность?..

Наше время поставило на пробу все учения и все дела прошлого без исключения, как бы авторитетны, заманчивы и убедительны они ни смотрелись до сих пор. В нынешней борьбе за выживание российских народов религиозная философия Толстого принимает совсем не тот смысл, который мы в нее вкладывали в свои ученические годы (и вкладывал я в данной книге, готовя эту главу более десятилетия назад). Анализ с позиций нашей борьбы требует совершенно иных оценок, ибо бездумно-традиционное следование религиозным догмам Толстого ставит наши народы под разгром. Мы уже не на словах, а на деле можем лишиться своего дома.

Все это стало возможным и обрело значение жизни и смерти при

возвращении Бога России. Она была отлучена (не вся, разумеется), и все, что было связано с верой, имело для нее как бы отстраненное бытие. Теперь православный Бог как бы заново крестит Россию...

Выражением этого критического отношения к Толстому (отнюдь не нового, но затушеванного, а то и вовсе скрытого из-за утраты большинством народа религиозности, особенно интеллигенции) является литературное наследие К. П. Победоносцева — обер-прокурора Святейшего Синода и наставника двоих последних самодержцев.

«Толстой оставлял за собой монопольное право на истинное толкование учения Христа, по сути дела, отвергал и существующую российскую государственность, и православную церковь, когда называл убийц царя «врагами существующего порядка вещей», будто бы борющихся за высшее благо всего человечества». В страстном желании обрести веру он был обречен никогда ее не обрести, ибо искал аудиенции у самого Бога, приуготовляя себя к ней личным опрощением, забыв, что путь к Богу лежит через соборность, приобщиться к которой невозможно, минуя врата общего храма.

Победоносцев... прямо написал ему (Толстому. — Ю. В.): «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления»¹.

Позже Победоносцев в статье «Церковь» будет писать: «Кто русский человек — душой и обычаем, тот понимает, что значит храм Божий, что значит церковь для русского человека. Мало самому быть благочестивым, чувствовать и уважать потребность религиозного чувства; — мало для того, чтобы уразуметь смысл церкви для русского народа и полюбить эту церковь как свою родную. Надо жить народной жизнью, надо молиться заодно с народом, в церковном собрании, чувствовать одно с народом биение сердца, проникнутого единым торжеством, единым словом и пением. Оттого многие, знающие церковь только по домашним храмам, где собирается избранная и наряженная публика, не имеют истинного понимания своей церкви и настоящего вкуса церковного и смотрят иногда равнодушно или превратно в церковном обычае и служении на то, что для народа особенно дорого и что в его понятии составляет красоту церковную».

Как не вспомнить другого графа Толстого — Алексея Николаевича, советского сверхлауреата-классика. Убежденный эмигрант, он в начале 20-х годов лютейше ненавидит советскую власть.

¹ Из вступительной статьи А. П. Ланщикова «Предотвратить ли думую грядущее?» к книге К. П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени».

Иван Алексеевич Бунин вспоминал, как этот Толстой требовал в белых газетах времен Гражданской войны и самых первых лет эмиграции поголовного истребления комиссаров и коммунистов, но сперва для всех — пытки. Так и писал: каленые иголки под ногти... Уж какое тут непротивление!

В примечании к советскому изданию Бунина указано, что Иван Алексеевич написал эти воспоминания в обиде и раздражении. Не исключено, написаны в раздражении, и было отчего, но какое это имеет отношение к высказываниям Алексея Толстого?..

Эмигрантское прозябание, настойчивые зазывы сталинских эмиссаров неузнаваемо меняют этого убежденного ненавистника диктатуры пролетариата и вообще социалистического строя. Толстой порывает с эмиграцией.

Эмиссары обхаживают и Горького¹, Шалапина, Бунина, Репина, Прокофьева... Не случайная, а продуманная линия Сталина. Им обещают жизнь куда как обеспеченную, с разной подвижностью и неподвижностью, ну ничем не хуже старой, как при убиенном в Екатеринбурге царе. Будущий ответственный редактор «Известий ВЦИК», бывший эсер-максималист, а ныне убежденный большевик Иван Михайлович Гронский занимается возвращением Горького — не наезды его домой дороги алмазному владыке, а законное проживание с пропиской на собственной жилплощади или там в имениях и на дачах Подмосковья и Крыма...

Шалапин наотрез отказывается от подобной чести и публикует воспоминания, в которых, между прочим, предсказывает и гибель храма Христа Спасителя от человека в козловых сапогах с бесшумной походкой осетина. Алмазный устроитель жизни натравливает на него газету «Известия». Пусть поливает грязью, у нее этакое добра сверх всякой меры, только посигнальте со Старой площади, ни в чем не уступит «Правде». Сыны партии.

Нет, творцы этой жизни не успокоились, без малого через полвека притащили кости беглого раба Федьки Шалапина в свою московско-партийную вотчину и призарили, пристегнув таким образом его имя к своей пропагандистской машине. С костями-то оно проще, не умеют они противиться.

Что из того, что он проклял их и сбежал? Пусть теперь только одни кости от него, а все равно куш от этого несомненный. Вроде раскаялся, вернулся... Свой!

Сергей Прокофьев возвращается из-за границы и становится под свирепые постановления генерал-полковника А. А. Жданова — высшего знатока всех таинств искусства. Не те ноты в чести у «жневских» устроителей новой России. Экая досада, почему Прокофьев не Дунаевский или Туликов? Где ясная, бодрая и зовущая вперед музыка?! Гнев генерала-полковника до лагеря композитора не довел. Остался у себя в кабинете при «своей рояле» Сергей Сер-

¹ В 1919 г. у Горького по приказу Зиновьева был произведен обыск; это потрясло «Буревестника» до самых основ души.

геевич, надо же наконец образумиться и нарисовать нужные ноты — народы ждут¹.

Корней Иванович Чуковский срывает уже почти состоявшееся возвращение Репина. Алмазный владыка, однако, повелевает считать Илью Ефимовича первым русским живописцем; его, а после — Сурикова (не мог вождь без табели о рангах), а это всегда действует, особенно на престарелых людей. И уже без осуждения взирал на опыт социалистического строительства 80-летний Илья Ефимович...

В рассказе «Жалобы» Горький словами героя говорит: «Я не верю в социализм: его выдумали евреи, это просто попытка рассеянного в мире народа к объединению. Социализм, сионизм — это, вероятно, одно и то же...»

Словом, «Буревестник» «штался», его опекал Ленин, несмотря на взаимные недовольства. «Буревестник» совсем было отпал в эмиграцию, но Сталин городом Горьким, улицей Горького² и многими другими пассажами превратил его в своего, как это сказать... вассала, что ли... Слугой не назовешь — тут все несколько иначе навинчивалось. И все же обретался Алексей Максимович на ролях почетного одабрителя разных эпохально-социалистических начинаний, в том числе и прежде всего — насилий. Сгубила Горького жадность к похвалам, славе какая-то патологическая, даже необъяснимая, поскольку имелось ее у него больше нежели достаточно... Не умеет человек, даже очень крупный, поставить себе «нет», провести черту, за которой уже не существует для него ни радость, ни честь... Слабость душевная привела к бесславному падению.

И у истоков всех падений дежурил «женевец» — потакал, потрафлял душевной слабости. Как в классической драме, важен был этому «женевцу» не сам Горький, а дарование великого писателя, все его знаменитое европейское прошлое. И ограбили его.

Наверное, лестно было Горькому гулять и ездить по улицам Горького (даже для этого гримировался и переодевался — в народ тянуло «Буревестника»). Это ж соображать надо...

Ну что для непогрешимых русские тысячелетние города, можно если не раздавать в уделы, то переименовывать — все та же самодержавная традиция. Народ хоть и республиканский теперь, а живет

¹ Тогда же, в 1948-м, отправят в лагеря и Лину Прокофьеву, бывшую жену композитора (разумеется, за «шпионаж» — иностранка ведь). Она, отбыв срок (если б не умер Сталин и не наступил амнистия — вряд ли вернулась бы...), скончается в вольном Париже в возрасте 92 лет. А пусть супруг (хоть и были уже в разводе) рисует «настоящие народные» ноты!

² 28 марта 1932 г. Горькому исполнилось 64 года. По случаю славного «тезоименитства» Нижний Новгород был переименован в город Горький. Такая же участь постигла и центральную улицу Москвы — Тверскую, а с ними и десятки других местечек, улиц и переулков... Сегодня наконец и городу на Волге, и улице возвращены исконные названия...

по законам самой тупой деспотии, трону генерального секретаря поклоняется, равноправие и свободу святит.

А вообще, пусть людишки соображают, к кому приписаны и при ком живут... «Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

«Раб Божий Епишка, ныне гражданин Социалистического Отечества...»

А литераторы из знаменитых ох как нужны! Другая вывеска: не «женевский» век, а гуманнейший и просвещеннейший! От Екатерины Великой традиция! Рабство, Радищев, Пугачев, а век — просвещеннейший, Семирамида Севера!

И потом: нужно талантливое слово, а от бывших да настоящих классиков оно и вообще двойной силы. Надо же внушить людям, что они невозвратно счастливы. И вообще, мысли должны течь в одном направлении. Течь — и въедаться в души! Общечеловек должен заменить пестрое скопище людишек. Никакого разномыслия — все в одном шаге, одной преданности и одних словах.

Дядю мы слушались — хорошо накушались.
Если бы не слушались — мы бы не накушались!

Тут «женевская» тварь чистит с одной стороны, а писательское слово — с другой, а вместе делают одно дело: уничтожают и гнут к земле народ. Самое первозданное искусство и есть.

Настольный календарь за 1938 г. еще весь в скорби о Горьком.

«1936 — 18 июня. Смерть А. М. Горького, злодейски умерщвленного „правотроцкистским блоком“ фашистских шпионов и убийц при помощи фашистов, извергов врачей. Фашистские троцкистско-бухаринские палачи „...убили Горького за то, что он как истинный сын народа был предан партии большевиков, Сталинскому Центральному Комитету партии и Советскому правительству. Они убили Горького (ох уж этот змий Троцкий! — Ю. В.) за то, что он был ближайшим другом товарища Сталина. Они убили Горького за то, что он со всей страстью своей пламенной души ненавидел фашизм и отдавал все силы борьбе с этим исчадием капитализма“» (из газеты «Правда»; кстати, главным редактором «Правды» тогда был бывший личный секретарь Сталина Лев Захарович Мехлис — этот столько людей закусал насмерть! А с виду обыкновеннейший зануда).

Составители свели в календарь самые почетные и мудрые высказывания писателя, их уже можно величать изречениями.

«Против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся — его истребляют».

«Подлинный, искренний революционер Советских Социалистических Республик не может не носить в себе сознательной, актив-

ной, героической ненависти к подлому врагу своему. Наше право на ненависть к нему достаточно хорошо обосновано и оправданно».

На мой взгляд, наиболее точный срез Горького дает Георгий Федотов в отклике на смерть писателя в 1936 г. Разумеется, автор статьи не мог написать ее в СССР, тем паче опубликовать. Он эмигрант, и этим все объясняется.

Федотовская характеристика Горького развивается по линии правды и проникновения в смысл исторического процесса.

«Горький никогда не был русским интеллигентом. Он всегда ненавидел эту формацию, не понимал ее и мог изображать только в грубых карикатурах.

Горький не был рабочим. Горький презирал крестьянство, но у него было всегда живое чувство особого классового самосознания. Какого класса? Этого не скажешь в трафаретной терминологии. Но ответ ясен: тех классов и тех низовых слоев, которые сейчас победили в России. Это новая интеллигенция, смертельно ненавидящая старую Россию и упоенная рационалистическим замыслом России новой, небывалой. Основные черты нового человека в России были предвосхищены Горьким еще сорок лет назад (за 40 лет до 1936 г., то есть в конце XIX столетия. — Ю. В.)...

Эта верность классу, вместе с отчуждением от интеллигенции, проходит в жизни Горького с начала до конца и многое в ней объясняет...

Верность классу требовала политического служения... Как поэт революции, он должен был стать на левом крыле ее, с большевиками. Но марксизм, который все время душил большевистскую бунтарскую волю к борьбе, не мог импонировать Горькому. Он всегда был с еретиками, с романтиками, с искателями, которые примешивали крупицу индивидуализма к безрадостному коллективизму Ленина...

Изменил ли Горький своему классу в 1917 году?¹ Конечно, нет. Но он был настолько кровно с ним связан, что мог позволить себе и дерзости... В нем всегда сидел моралист, учитель жизни... его учительство слишком оторвано от подлинной культуры и подлинно гуманистической морали. Но уважение к культуре и элементы гуманизма в нем присутствуют. Это как раз те элементы культуры и этики, которые сейчас выбиваются в России на поверхность, торжествуя над звериной моралью победившего класса.

Горький уважает человека, уважает науку — так, как уважали их в XVIII столетии. Ненависть к Богу — один из ингредиентов этого сомнительного гуманизма. Его любовь к человеку — ненавидящая любовь. И ненависть направлена не только на тьму, жестокость и неправду в человеке, но и на его слабость и глупость. Добрая прививка нищестанства в юности сблизила Горького с Лениным в этой

¹ Федотов имеет в виду резкие, порой убийственные выступления писателя против Ленина, нашедшие сосредоточенное выражение в его «Несвоевременных мыслях».

готовности бить дураков по голове, чтобы научить их уму-разуму. Но в отличие от Ленина Горький не заигрывал с тьмой и не разнуздывал зверя. Тьме и зверю он объявил войну и долго не хотел признавать торжества победителей (выделено мною. — Ю. В.). Горький эпохи Октябрьской революции (1917—1922) — это апогей человека. Никто не вправе забыть того, что сделал в эти годы Горький для России и для интеллигенции. Это он устраивал Дома Ученых и Дома Искусств, чтобы накормить и согреть замерзшую и голодную русскую интеллигенцию. Это он создавал «Всемирную литературу», чтобы дать ей работу. Это он вымаливал у палачей человеческие жизни — и чьи жизни! Всем известно, что Горький отчаянно, хотя и безуспешно, боролся за спасение великих князей в Петрограде. Все, что он делал тогда, он делал не для своих, а для чужих во имя чистой человечности. Его сердце билось, конечно, не с интеллигенцией, а с тем жестоким и темным народом, который тянулся к правде и свету через ложь и кровь... (выделено мною. — Ю. В.).

Горький не был эмигрантом, но лишь инвалидом революции. Узнаем ли мы когда-нибудь, сколько горечи скопилось в его сердце за эти годы? Его старость была отравлена, его гуманизм замутился, и наконец волна злобы, с которой он боролся вокруг себя, захлестнула его. Таково наше объяснение его падения, заключающее в себе признание нашей вины. Конечно, будь Горький человеком исключительной нравственной силы, он, может быть, и выдержал бы это последнее испытание. Но Горький не был сильным человеком. Само его мирозерцание не защищало его достаточно от духа злобы. И он не выдержал одиночества...

Горький поставил ставку на энтузиастов первой пятилетки. Когда этот энтузиазм выдохся, он остался снова в страшной пустоте: один на один со Сталиным.

Душевная драма Горького не может не вызывать мрачных мыслей о немощи современного гуманизма и человека вообще. Сколько их — вчера благородных людей, — предающих свои убеждения. Хотя бы в одной Германии... Гуманизм в наши дни — хрупкая вещь, ибо он не поддерживается больше общим потоком жизни и требует очень глубоких корней для своего существования. А человек сейчас звучит совсем не гордо, как некогда для Горького. Человек так слаб, грешен и незащищен. От его величия к низости — один — и такой маленький — шаг».

Бунин, похоже, возвращаться не собирался, не так давно издали его «Окаянные дни» — выражение органического неприятия советского строя, да и «Несрочная весна» стоит не меньше (как этот рассказ только пропустили в советское издание, не иначе диверсия!).

Горький на всякий случай обезопасился — помешал¹ возвраще-

¹ Уже находясь в Советском Союзе, Горький организовал ряд публикаций, чернящих Бунина.

нию нобелевского лауреата — первого в истории отечественной литературы (если не считать Льва Николаевича, не принявшего этой нобелевской чести). Алексей Максимович нутром чувствовал — при Бунине его, Пешкова, гениальность и единственность не просто слинянут, а дадут, как бы это выразиться... не тот запах, что ли. Сам Горький вернулся из италийской эмиграции, а Бунина отсек, не пустил, можно сказать, своими руками. Достанет с социалистической России и одного писателя-классика, тем более пролетарского...

И на том спасибо, Алексей Максимович, испили вы сталинского поила из пренебрежений и безразличия аж по самую завязку, даже заявили перед кончиной, что все годы при советской власти были вами прожиты «предельно горько». Что уж тут, за всю новую, счастливую пору — ни одной повести или там рассказа: не шли буквы на бумагу, не буквы, а сплошной саботаж. Одна отрада: помаленьку складывал по прежним заметкам и ленинским указаниям «Клима Самгина»¹ — памфлет на русскую интеллигенцию, своего рода оправдание презрения в ней.

Оно, конечно, лучше пресный эмигрантский кусок (уж какой у Горького пресный!), нежели жизнь гордого «Буревестника» при корыте с господским пойлом. Засветило это вроде под самый урез жизни, да поздно — в клетке. Без цепи, правда, но что проку — все равно в клетке; по-сталински забрана: ни заграничного паспорта тебе, ни интервью для крупнейших европейских газет или там встреч с независимыми политиками — особняк с чекистским доглядом, советские братья в литературе — все слова наперед известны, и еще... туберкулез. Как стрелялся в молодости, когда возненавидел свет Божий, так и загнездилась чахотка...

А ведь Алексей Максимович был человек широкий, с размахом. К примеру, никто в мире никогда не являлся ответственным редактором более полутора десятков журналов, а Алексей Максимович являлся. Неумный был человек. Все греб под себя, даже метод социалистического реализма, определенный в основном Гронским, провозгласил с трибуны писательского съезда вроде бы итогом своих раздумий...

Наравне с вождями заботу о нравственности имел Алексей Максимович. И потому не случайно с его отнюдь не легкой руки чудный инструмент — гитара — оказался под запретом на недобрые четыре десятка лет. А вся петрушка в том, что Алексей Максимович как-то ненароком, походя обмолвился, что, мол, гитара — инструмент исключительно мещанский: провинциальные страстишки, карикатурность захолустья, короче, не инструмент, а убожество. Однако обмолвился достаточно громко и, как бы это сказать, веско, что ли...

¹ Критика Горького, а равно и Шолохова была негласно отнесена советскими властями к антисоветской деятельности. Лица, на это отважившиеся, подлежали аресту и осуждению по знаменитой 58-й статье.

Вот это литература!

Партийцы, ответственные за культуру и, само собой, за воспитание граждан, его, «Буревестника», глас слышали. А и впрямь, где в переборах струн и романсах всепобеждающая поступь пролетариата?

В изголовье держали эти убежденные партийцы ленинские «труды» о роли искусства. Не сомневались в необходимости, а главное, полезности подчинения искусства указаниям великого вождя.

Надо отметить, до всего доходили руки у Владимира Ильича, даже в самые огненные годы, когда, казалось бы, от забот черно было в глазах.

6 мая 1921 г., к примеру, отправляет записку Луначарскому:

«Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5000 экз.?

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность.

По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков.

А Луначарского сечь за футуризм. Ленин»

Здесь временщик от марксизма во всей своей красе. В шутливо-зловещей записке все будущее российского искусства. Быть ему отныне под надзором генсеков и политбюро, подпертых снизу партией, той самой, «миллионпалой». Временно великие уже вошли в положение хозяев жизни. Уже определен ранжир для каждого. Должно быть искусство и партийным, и идейным («его пропагандная роль»), а самое важное, ленинским. Так и гоняли эту мысль по замкнутому кругу.

А посечь, Владимир Ильич, не помешало бы. Вы правы.

А как берегли партбилеты! Носили только в обложечках, и через два десятка лет после получения билета странички хрустели как новые. И имели неослабную гордость за то, что укрощают вражье слово, на нет сводят пережитки в людях, на самом переднем крае идеологий ведут наступление (а может, оборону?).

Вот и сели на бедную гитару, да так — треснула и расплющилась под монолитом чекистско-партийного зада.

Жирно, по-крысиному расплодилось эта порода людей — запрещать и доносить. Этим и добывала себе прокорм, весьма, надо признаться, безбедный, вполне по трудам. Впереди всех держали свою сознательность цензоры от слова: та самая гнусь, что уже столетиями пачкает и уродует русскую культуру. Паразитируют на ней — и калечат, умерщвляют мысли, убивают души, а стало быть, и человека, людей...

Трупоеды.

По призванию трупоеды, не по принуждению.

И вернулся горемычный инструмент из изгнания лишь в 70-х годах, когда вроде бы не мог помешать созреванию плодов ленинской революции. Ну никак уже не вступали в противоречие гитара и

ленинизм. И семиструнную тоже дозволили, а отчего не позволить, бренчите...

Однако не забывайте, будем «сечь за футуризм» и прочие буржуазные штучки.

Растление торило себе дороги везде и всюду.

Перед иностранной беспаспортностью и вообще нечувствительностью (ну не дают загранпаспорта!) были сверхзащищены и первый пролетарский поэт, и первый пролетарский писатель, словом, глашатаи новой морали... А тут еще «Баню» из репертуара изъяли. И вообще нет прежней воли, с какой перемещался по свету! Взяло и стало светить нечто «женевское»: мерзкое, нахраписто-безнаказанное и вообще карательно-неконституционное — воображение-то, слава Богу, профессиональное, дорисовывает все недостающее.

На просвет это в советском устройстве: благо дается лишь через всеобщую, безгласную подчиненность. Есть одна идея и превращение людей ради этой идеи в средство. А сам ты, каждый по отдельности, — пустое место.

Ну, пуля только и способна утрясти все несчастья. Не копить же, как вся «миллионопалая»...

И «Буревестник» тоже, как я уже отметил, оказался в чрезвычайно нервном состоянии. Не та жизнь. С какой стороны ни подступись — не та... Оно, конечно, учить — одно, а жить, челноча по одному образу со всеми, — другое.

А уж если об убийстве — не исключено. Не мог допустить алмазный повелитель прозрения в писателе такой величины. Жену свою угробил — ну плевое дело, а тут... чахоточный «Буревестник»... По преданию, пал «Буревестник» на отравленных шоколадных конфетах. Проверить, само собой, возможности нет, но в «деле о врачах» — врагах народа, якобы сгубивших великого пролетарского писателя, проблескивает истинность предания. Это точно: не мирно почил Алексей Максимович. Заплатил за прозрение некрологом в «Правде».

Вообще, у писателей хрупкая психика. Вот советский «заместитель» великого Толстого — Алексей Николаевич — попятился и вернулся, очень скоро подвело брюхо без гонораров и особняково-лауреатского достатка. Бывшее сиятельство отдает себя служению новой власти, да еще как! Талант-то, слава Богу, при себе. Его ни обхаживать, ни грабить не было нужды. Сам рвался к корыту с господским хлебовом... Да-а, тут не скажешь — Великая Душа, тут молвишь по-петровски, так сказать, в духе любимого персонажа...

«Хлеб» — бессовестное искажение истории Гражданской войны в угоду Сталину, холуйское заискивание перед его всевластием.

«Петр Первый» — все то же заискивание перед алмазным повелителем. Преобразователи России — Петр Первый и Сталин — это

генеральная линия романа. Две эпохи строительства и ломки старой России. Петр Первый у Толстого произносит ключевую сталинскую фразу: «Широко было задумано — жалеть было некогда». Она вынесена Толстым в фильм и вложена в уста скорбяще-гневно Петра Алексеевича.

Жалеть было некогда.

Скажите, а когда жалеть людей было время?..

Нет, должны людишки соображать, за что ложатся в землю и лупят поклоны, точнее, ими лупят поклоны...

Восторгаются языком «Петра Первого». Бунин даже написал Толстому: стиль и язык превосходны. Но восторгаться языком и стилем в отрыве от смысла сочинения и его места в строю тех лет опрометчиво. Алексей Толстой возводил на пьедестал деспота Сталина, а не царя Петра, стал бы он тратить на одного Петра столько нутряного пара!

Алексей Толстой утверждал правомерность современного насилия и свирепой диктатуры, делая их как бы оправданными исторически.

Только таким было прочтение «Петра Первого». Своими другими сочинениями Алексей Толстой доказывал справедливость именно такого прочтения.

«Хождение по мукам» — все то же стойкое искажение действительности Гражданской войны. Подтасовка и ложь, ложь...

Алексей Толстой не просто лгал, но своим примером увлекал других писателей. Тут правильнее — «не увлекал», а заражал, как, скажем, дурной болезнью заражают.

Алексей Николаевич задумывает очередную оду в честь диктатора — роман из эпохи Ивана Грозного с символическим именем героини — Параша¹, — жертвы тевтонов. Это уже не роман, а либретто какое-то. Впрочем, далеко глянул и верно. Сталин, Грозный... как родные братья — душегубы и садисты... Алексей Николаевич опять вкладывает мысль о тождественности преобразований России тогда и теперь. И, нисколько не убоясь, задумывает дать, так сказать, исторический прообраз, обоснованность и закономерность сталинского избиения людей. Верно, эпоха требует...

Когда ты с орденами, депутатским значком, пайками над людьми, а это именно так, думается совершенно иначе, ну далеко взглядом проникаешь, совсем другой разгон в мыслях!..

Алексей Николаевич творцом был, художником... Он публикует первую главу будущего романа, но смерть обрывает писательский и гражданский подвиг.

Что и рядить, интерес был у Сталина к Ивану Грозному (так и хочется написать в духе брежневского времени: товарищ Иван Васильевич Грозный). Слава Богу, не учредил орден там или медаль «Иоанна Грозного», а ведь мог... А как же, отмечать за душегубство

¹ На лагерном жаргоне одно из значений этого слова — «непроверенный слух, молва».

орденом Ленина? А тут — свой орден... Хотя еще и неизвестно, чье душегубство тут поразмашистей и поохватней...

За всю историю российской культуры больше ни один из ее сколь-нибудь заметных представителей не советовал втыкать иголки под ногти кому бы то ни было. Это изуверство нравственное и подтвердилось впоследствии всей лауреатской продажностью Алексея Николаевича. «Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом».

«Буревестник», Маяковский да Алексей Толстой (Куприн не в счет, он приехал умирать и тут же умер) — вот и весь небогатый улов «женевской» уродины среди по-настоящему крупных талантом писателей.

Среди них Маяковский, пожалуй, единственный из преданных по убеждению, так сказать, без лести преданный.

Маяковскому, однако, «свезло»: угодил стихами Сталину. Поэтому Владимир Владимирович не попятился, не запал в забвение, но это скорее частный случай. Впрочем, для этого Маяковскому тоже сначала следовало умереть в тридцать семь. И еще неизвестно — самоубийство это или убийство. Очень тянет на расправу. Не тот стал поэт для Сталина: влюбился в парижскую эмигрантку, пьесы сочинял не те, плел не то...

Ленин любил повторять строки из «Песни коммунара» Василия Князева.

Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Князев умер в лагунке Атка на Колыме.

Всего оказалось репрессировано около 2 тыс. писателей — большая часть из них были расстреляны или сгинули в лагерях, превратившись в «лагерную пыль». Из общего числа реабилитированных членов Союза писателей 305 были реабилитированы посмертно.

Культурная жизнь страны была чрезвычайно насыщена. Возьмем для примера год 1937-й. Чтобы не рассеивать внимания, ознакомимся с достижениями в изобразительном искусстве. Художники и ваятели очень чутко отзывались на социальный заказ партии — иным они искусство и не представляли.

«...1937 год оказался особенно богатым по числу художественных выставок.

Трудящиеся Москвы, Киева, Ленинграда познакомились с творчеством крупнейших русских мастеров живописи...

Яркое отражение в живописи художников нашла Великая Сталинская Конституция. Наиболее талантливым из этой группы кар-

тин (а образовалась, оказывается, целая группа таких картин. — Ю. В.) нужно назвать полотно молодого художника Малаева «Колхозники читают Сталинскую Конституцию». Очень хороши гравюры Староносова «Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов». Из произведений молодежи замечательны картины: «Партчистка» Алехина, «Брат-предатель» Невежина.

Старый мастер, заслуженный деятель искусств Юон дал картину «Приземление парашютистки». Иогансон выставил картину «На старом уральском заводе». Нестеров, творчество которого замечательно расцвело в последние годы, дал портрет Героя Советского Союза, завоевателя Арктики О. Ю. Шмидта (бедная Арктика, она, оказывается, завоеванная. — Ю. В.). Заслуженный деятель искусств орденоседец А. Герасимов написал картины «На совещании у тов. Серго», «Награждение Серго орденом Ленина» (Александр Герасимов был любимым художником Сталина, он даже взял его с собой на Тегеранскую конференцию в 1943 г.; Герасимов возглавлял Академию художеств. — Ю. В.). Художник Моравов выставил крупное полотно „Выступление товарища Сталина на заводе «Динамо» в 1924 г. «».

Уже намахивал киркой в лагере Варлаам Шаламов, ждал своей участи Осип Мандельштам, ходил в гости к Ежову Бабель — посмотреть на убийц в натуре... Доживал последние годы Мейерхольд...

С Невежиным, тогда профессором Московского художественного института имени Сурикова, я был знаком, как и с А. Герасимовым. По приглашению навещал его мастерскую на Масловке. Если память не изменяет, он заканчивал тогда большое полотно: захват в вагоне большевика Бабушкина в 1905 г. отрядом барона Меллер-Закомельского. Но что Невежин являлся автором полотна «Брат-предатель», я не ведал, а любопытно бы глянуть, как разрешена данная классово жгучая тема. А ведь обычный человек, разговаривали любезно. Но и то верно: у Молотова ведь изо рта не капала кровь жертв...

А мы как Реквием непродавшимся и оставшимся людьмипомним Мандельштама.

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Была, есть и будет такая Россия. Никто и ничто не сотрет такую Россию — ни мор, ни доносы, ни предательства, ни пули, ни голод, ни травля, ни черствость сограждан, ни ненависть, ни ложь...

Никто и ничто!

После Великой Отечественной войны промыслом писателей за рубежом занялся на какое-то время К. М. Симонов. Не по своей охоте, разумеется, а по поручению родного ЦК ВКП(б), то бишь Сталина. Слов нет, тоже горело встретиться с Буниным. Писатель самой первой величины! Непревзойденный стилист! Как бы украсил Бунин сталинский триумф после победы над фашистской Германией, и даже не триумф, не царствование или секретарство (чем-то надутно-угреватым веет от этого слова, столь презируемого на Руси), а эпоху! Тлело это екатерининское в алмазном вожде: золотая эпоха и соответственно золотое соцветие писателей.

И в плане семейном тоже сходство эпох. Императрица гробанула своего мужа, и генеральный секретарь не отстал, позаботился о супруге.

Но и то правда: ни при чем они. Поступки людей такой величины от них и не зависят. История и мораль это определенно доказали. Гений, положение и разные там обстоятельства не оставляют иных решений. Надо — и ничего тут не поделаешь. Ну золотой век и есть!

Уж как бы кстати Бунин украсил литературно-художественный букет хозяина России. Доподлинно знал он, что самой высшей пробы этот писатель, а таких он любил держать возле себя... на веревочке, что крепче любой цепи. Экие поблизости фигуры!..

И если бы только хозяин России... Да выше любого в мировой истории ставили его соратники (правда, он всех вырезал) и Союз писателей! И сам он, естественно, так же считал... Гениальный самородок! Революционер! Партийный вождь! Бесстрашный воин! Корифей науки! Великий теоретик! Полководец! Генералиссимус! Ленин сегодня! Преобразователь земли! Мудрый правитель!..

Сплошной звездопад!

А не качнулся Бунин. Не полез в валютно-лакейский ларек-кормушку, не облачился в ливрейно-шутовской наряд члена писательской организации. На чужбине слабел и умирал, не в нищете, но в нужде и одиночестве. Святил в памяти Россию...

Декабрист Михаил Сергеевич Лунин замечал ядовито:

«...Странно, в России все непременно при чем-либо или при ком-либо состоят... Я всегда — при жандарме...»

А советские писатели (свободомыслящие индивидуумы) тоже состоят (во всяком случае, мечтают) при Союзе писателей или его разновидностих. Ну не могут без чувства локтя...

Это правильно: нужда гнула Бунина. Но вся загвоздка в том: гнула, да не согнула до степени отречения от убеждений и всей прожитой жизни. Гнула — и не сломала. По сю сторону очень хотели, чтоб сломала, даже приметы этого будущего слома уже наловчились прописывать... ан не изменился Иван Алексеевич...

Когда-то татары
Во время закуски
Бросали под доски
Захваченных русских...

Саша Черный

Не было Ивану Алексеевичу пути в эту Россию. Чистое и свободное русское слово творил. Славил и почитал другую Россию. И в мыслях не смел представить себя чьей-либо собственностью. Не мог быть ни среди победителей, на досках, ни среди тех, кто издыхал под досками.

Свою речь при вручении Нобелевской премии Бунин закончил, обращаясь к престарелому монарху, следующими словами:

— ...Да соизволит разрешить чужеземному свободному писателю, удостоенному вниманием Шведской академии, выразить ему свои почтительнейшие и сердечнейшие чувства...

Именно: свободному писателю!

26—27 марта 1910 г. Толстой пишет Короленко из Ясной Поляны:

«Владимир Галактионович,

Сейчас прослушал Вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать — не слезы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою благодарность и любовь за эту — и по выражению, и по мысли, и, главное, по чувству — превосходную статью.

Ее надо перепечатать и распространить в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья.

Она должна произвести это действие — потому, что вызывает такое чувство сострадания к тому, что переживали и переживают эти жертвы людского безумия, что невольно прощаешь им какие бы то ни было их дела и никак не можешь, как ни хочется этого, простить виновников этих ужасов. Рядом с этим чувством вызывает Ваша статья еще и недоумение перед самоуверенной слепотой людей, совершающих эти ужасные дела, перед бесцельностью их, так как явно, что все эти глупо-жестокое дела производят, как Вы прекрасно показываете это, обратное предполагаемой цели действие; кроме всех этих чувств, статья Ваша не может не вызывать и еще другого чувства, которое я испытываю в высшей степени, — чувство жалости не к одним убитым, а еще и к тем обманутым, простым, развращенным людям: сторожам, тюремщикам, палачам-солдатам, которые совершают это.

Радует одно то, что такая статья, как Ваша, объединяет многих и многих живых неразвращенных людей одним общим идеалом добра и правды, который, что бы ни делали враги его, разгорается все ярче и ярче».

Очерк Короленко «Бытовое явление. Заметки публициста о смертной казни» был представлен публике в третьем номере журнала «Русское богатство» за 1910 г.

Черновик письма Толстого — это сплошная налезаящая друг на друга правка. Правка по уже перечеркнутому и переписанному — и опять правка. Так что все страницы — одни зачеркивания, сливающиеся в чернилах буквы, натеки чернил в жирных зачеркиваниях.

Скоропись у Толстого довольно узкая, высокая, даже несколько женская, но сбивающаяся на заостренную угловатость.

Короленко ответил из Алупки 7 апреля 1910 г.

26 апреля Толстой отзывается из Ясной Поляны.

«Прочел и вторую часть статьи, уважаемый Владимир Галактионович. Она произвела на меня такое же, если не еще большее впечатление, чем первая. Еще раз, в числе, вероятно, многих и многих, благодарю Вас за нее. Она делает свое благородное дело...»

«...Впереди — широкая просека, в конце ее — на небольшой горочке Ясная Поляна, — писал Короленко Татьяне Богданович; писал по мере того, как подходил к Ясной Поляне, и уже потом, когда уехал, в поезде из Тулы. — Тепло, сумрачно... У меня странное чувство: ощущение тихого сумеречного заката, полного спокойной печали. Должно быть — ассоциация с закатом Толстого...»

Сам Толстой... держится бодро (спина слегка погнулась, плечи сузились), лицо старчески здоровое, речь живая (через три месяца Толстой умрет. — Ю. В.). Не вещает, а говорит хорошо и просто. Меня принял с какой-то для меня даже неожиданной душевной лаской. Раз, играя в шахматы с Булгаковым (юноша-секретарь), вдруг повернулся и стал смотреть на меня. Я подошел, думая, что он хочет что-то сказать. «Нет, ничего, ничего. Это я так... радуюсь, что вас вижу у себя...»

Утром встал часов около шести и вышел пройтись по мокрым аллеям... Потом из боковой аллеи довольно быстро вышел Толстой и сказал: «Ну, я вас ищу. Пойдем вдвоем. Англичане говорят: настоящую компанию составляют двое». Мы бродили часа полтора по росе между мокрыми соснами и елями. Говорили о науке и религии...

Впечатление, которое я увожу на этот раз, — огромное и прекрасное...»

О встрече с Короленко Толстой сказал: «А Короленко мне очень понравился. Он очень умный. Я с ним утром говорил о религиозных вопросах. Он стоит на научной точке зрения, но все-таки понимает многое».

В дневнике, тем же днем, после впечатлений о Короленко Толстой записал:

«Редко встречал человека более меня одаренного всеми пороками: сластолюбием, корыстолюбием, злостью, тщеславием и, главное, себялюбием. Благодарю Бога за то, что я знаю это, видел и вижу в себе всю эту мерзость и все-таки борюсь с нею. Этим и объясняется успех моих писаний...»

Мы в эволюции, в прогрессе. У нас аэропланы, у нас подводные лодки... Чего же еще? Вот дай срок, и все будет прекрасно. И в самом деле, нельзя не восхищаться немыслящим людям аэропланами и т. п. К чему-нибудь да появились они. А появились они потому, что 0,99 рабов делают то, что велят 0,01...»

Это все оттого, считает Толстой, что люди вполне довольны своим положением, хотя живут в свинстве...

Над всем стоит вопрос Толстого: «Разве можно улучшить жизнь, продолжая жить дурно?..»

Да завалите все комбайнами, счетными устройствами, телевизорами, автомобилями, промышленными роботами — все равно люди будут жить в злобе, жестокостях и неправде.

В том августе 1910-го Короленко было пятьдесят семь — самый ма́терый возраст для писателя: и сознаешь себя, и научился видеть, и словом знаешь, как распорядиться, а главное — сила еще при тебе...

Учился Владимир Галактионович в Петербургском технологическом институте, потом — в Петровской академии, под Москвой. В 1876 г. за участие в студенческих волнениях исключен из академии, близко сошелся с народниками. Арестован в 1879-м, около шести лет провел в тюрьмах (преимущественно в одиночках) и ссылке: за отказ присягать Александру Третьему был сослан в 1881 г. в Якутию, откуда вернулся лишь в 1884 г.

Свои лучшие произведения Владимир Галактионович написал в той глухой ссылке, которая ломала и самых убежденных.

Уже будучи признанным писателем, Короленко не раз принимает на себя обязанность защищать обездоленных на различных судебных процессах, связанных с явной несправедливостью и предвзятостью властей.

Один из современников писал о Короленко, что из якутской ссылки он вынес стойкость убеждений, строгость по отношению к себе, любовь к человеку, сознание того, что человек создан для счастья, и твердую веру в то, что как бы ни была темна ночь, а все-таки впереди огни!

«Ради Бога, хоть не Бога, но ради самих себя опомнитесь. **Поймите все безумие своей жизни** (выделено мной. — Ю. В.). Хоть на часок отрекитесь от тех мелочей, которыми вы заняты и которые кажутся вам такими важными: все ваши миллионы, грабежи, приготовления к убийствам, ваши парламенты, науки, церкви. Хоть на часок оторвитесь от всего этого и взгляните на свою жизнь, главное — на себя, на свою душу, которая живет такой неопределенный, короткий срок в этом теле, опомнитесь, взгляните на себя и на жизнь вокруг себя и поймите все свое безумие, и ужаснитесь на него. Ужаснитесь и поищите спасения от него...

Как по закону тяготения все вещественное стремится к единению, так же и все духовное стремится к такому же единению по закону любви».

Лев Толстой со своими религиозно-нравственными исканиями был в омерзение «женевцам». Ничем не лучше этот граф, чем индусский Ганди и разные там душекопатели-космополиты. Не ошиблись тут «женевцы» всех родов войск и служб — неспроста эти двое отыскивали друг друга: непротивленчеством насыщали души. Да как с такими взглядами обездоленных сделать счастливыми, как наложить серп и молот на все широты и меридианы!..

«Понятие греха и совершение поступков и воздержание от поступков, не ради выгоды или славы, а ради страха греха, есть необходимое условие истинно человеческой, разумной, доброй жизни. Люди, живущие без понятия греха и без воздержания от него, живут одной животной жизнью. И так живут все так называемые просвещенные люди.

Жизнь без понимания ее смысла, то есть без религии, есть то, что называется сумасшествием. Когда же сумасшествие становится общим у большого количества людей, оно смело проявляется и доходит до высших пределов самоуверенности. Так что уже люди здоровые считаются сумасшедшими, и таких людей запирают или казнят.

...Служить надо тебе не людям, но Богу, и служение Ему — ясно, определено. Оно в том, чтобы ты увеличивал в себе любовь. Увеличивая же в себе любовь, ты не можешь не служить людям, и будешь служить так, как это нужно и тебе, и людям, и Богу».

Я не испытывал полного счастья ни на Олимпийских пьедесталах почета в Риме (1960) и Токио (1964), ни в ночи побед на чемпионатах мира или после больших рекордов — наутро о тебе пишут едва ли не все газеты мира, — ни даже тогда, когда выходили мои книги, ради которых я жил и живу.

Я всегда был полон чистого, светлого счастья, когда около меня были земля, поле, травы, лес, снег или небо — бездонный голубой колодец. Мне 14 и мне 56 — все равно я одинаково взволнован, когда вижу синь неба, белогрудые облака, истекающее жаром солнце. Это — заветное, истинное счастье. Мне не удастся, а я тоскую — жить с землей, вставать с рассветами, трогать травы, слышать, как качаются ветви. Но во всю жизнь я так и не заработал даже на маленький дом. Всю жизнь я стучу на машинке. Наливается болью голова. Смешиваются строки — это устают глаза. Только труд. С утра до ночи труд — каждый месяц, каждый год. Один вал неизбывного труда. Рабство... И тоска по ветру, остуженному землей, птичьему голосу (в тишине осени или позднего зимнего утра) — он повисает в своей значительности. Я люблю белые ленты дорог — пыль едкой пудрой. Брести босиком — горячая, ласковая. А лес

после дождя — это заглушенный, замедленный шум. Нет звуков по отдельности — один низковатый общий шелест. И эти кисти красных ягод на рябине. И белые-белые стволы берез. И зимний ветерок, дымком окуривающий гляцевитый наст, в котором тускл, недвижим свет. Снег — это замурованная вода. Топить его ладонями. Моя самая искренняя привязанность — деревья. С ними — особые отношения. Я болею, когда вижу следы увечий от людских рук. Вековые деревья. Я слышу их ход своей грудью. Неторопливый ход то в одну, то в другую сторону. Вся дрожь длинного ствола. Закручивание его вокруг оси — всей массы веток, как движение юбки, запаздывающей за женщиной.

А. красные угли? Бесшумный расплав огня, вдруг возникающий на них: белый, невысокий. Продолговатые ячейки угля. Почему поленья, прогорая, делятся на вытянутые прямоугольники? Проседание углей. Темноватый фиолетовый отсвет застывающих углей: под темнеющей шапкой дремота багровых углей, спекшихся в единое. И поскрипыванье ставни. И вся тишина дома, леса, мира, внезапно навалившаяся на тебя. Очень глубокая, проникновенная тишина. И смыслы многих лет. И горечь утраты жизни. Ускользает — не остановишь...

И чувство любви ко всем дням. И еще не истаявшие надежды...

Написал это, а сегодня 5 июля 1992 г., и ушел в другую комнату, сел — не по себе. Вернулся. Смотрю на листок. Что-то не так, не то... И вдруг как пронзило: стон! Стон целого народа — мы слышим его с рассвета до рассвета.

Повержена, обездвижена, обобра́на Россия.

Вера в Бога — обратная сторона веры людей в добро. Избавись в борьбе за существование, не получая добра, имея в жизни лишь напряжение, несправедливость, ложь, зло, боль, люди обращаются к Богу.

Будь людям хорошо, вряд ли бы большинство из них обращались к Богу. Ибо там, где сытость и относительная благоустроенность быта, очень мало места для Бога.

Сколько ужасной была бы судьба народа, не оказавшись он в результате ленинской утопии на краю экономической пропасти. В сытости одичание от убойных догм ленинизма зашло бы столь глубоко, что еще бы 20... 40 лет — и уже народился бы невозвратно новый человек. И тогда уже никакие потрясения не способны были бы его изменить...

Белое, красное, черное (погромное)... — ни одно из движений не ведет к цели, бьет мимо цели, хотя с разной степенью приближения.

Каждое из движений находит отзвук в душе народа, при определенных обстоятельствах способно и увлечь его.

В чем дело? Почему столь противоположные по лозунгам движения находят понимание в одной и той же среде?

Тяжкое ранение сведет в могилу гордость белой армии — генерала Дроздовского.

Слева на снимке — контр адмирал Иванов. Справа — генерал Миллер — как и Кутепов, похищен в Париже чекистами и умерщвлен.

Справа на снимке — прослав-
ленный командарм Первой
Конной Буденный.
Слева — командующий
Царицынским фронтом в
1918—1919 гг., командующий
Пятой Украинской, Десятой,
Четырнадцатой армиями,
член РВС Первой
Конной Ворошилов. Здесь
каждому из них около сорока.

Севастополь 22 июля 1920 г.
Глава белого Крыма генерал
Врангель, его
начальник штаба генерал П.
Н. Шатилов и начальник по
гражданской части
А. В. Кривошеин.

Барон Врангель за какую-то неделю до кончины (отравления ядом). Именно в эти дни и часы барон просматривал наново последние листы своих воспоминаний. Возможно, именно они у него на коленях. Помните последние строки?..
«Тускнели и замирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний...
Прощай, Родина!»

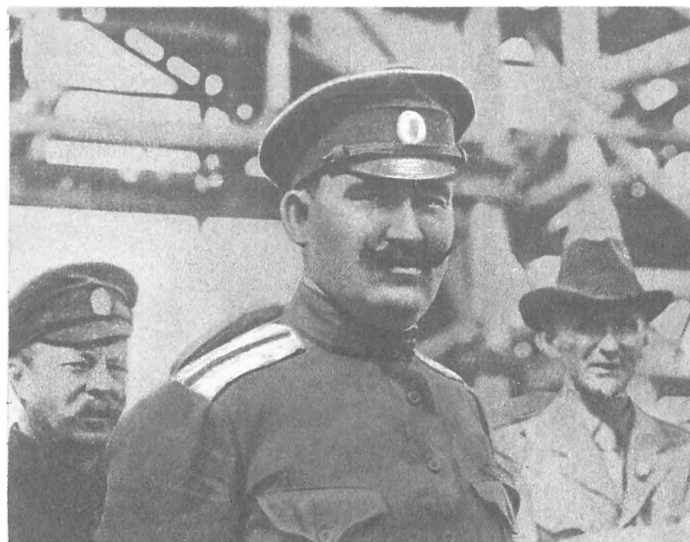

Краснощеков — российский революционер, в эмиграции — американский социалист, опора Ленина на Дальнем Востоке в Гражданскую войну, глава правительства буферной Дальневосточной республики и горячая любовь Лили Брик — знаменитой подруги Маяковского.

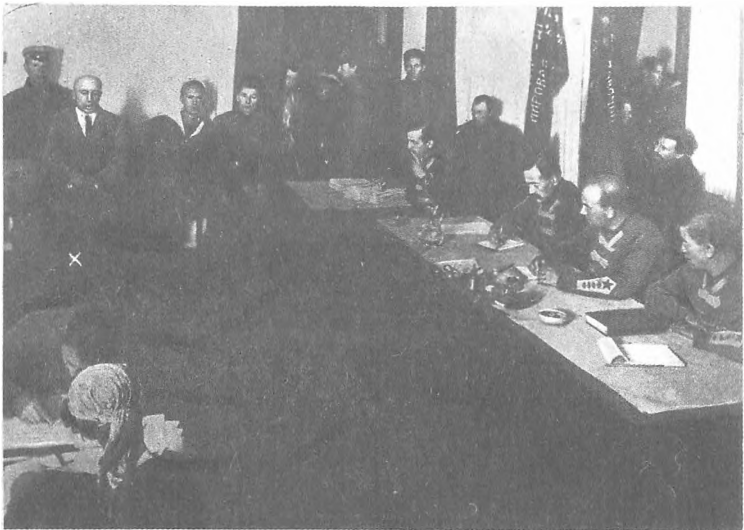
Атаман Уссурийского казачества Калмыков у бронепоезда «Калмыковец». По вагонам красовались надписи: «Пуля — коммунисту, петля — жиду!» Чекисты убьют его в Китае.

Лихой атаман Забайкальского казачества Семенов. Советская власть казнит его в Хабаровске 30 августа 1946 г. Достала-таки!..

Атаман Оренбургского казачества Дутов — расстрелян чекистами после добровольной явки из эмиграции. У атаманов и белой гвардии на евреев была особенная, ни с чем не сравнимая злость. Их они уничтожали без пощады, считая виновниками крушения России.

Бутырская тюрьма. 27 августа 1924 г. На скамье подсудимых — Борис Савинков (слева, у стены, отмечен белым крестиком). За столом — члены Военной Коллегии Верховного суда СССР; слева направо: Камерон, Ульрих (председатель), Кушнiryok.

Через четверть века (конец 40-х годов) — все тот же Ульрих (теперь уже генерал-полковник юстиции) читает, судя по выражениям лиц, очередной смертный приговор. Ульриху принадлежит абсолютный мировой рекорд по количеству вынесенных смертных приговоров. Разбирательство занимало обычно 10—15 минут. Ульрих отправил в могилы десятки и десятки тысяч людей. А рассматривал он только особо важные дела.

1914 год. Слева — мой папа Петр Парфенович Власов (тут ему 9 лет),
в центре — мой дед Парфен Александрович, а справа — моя бабушка Ольга Ива-
новна.

1905 год. Мой казачий кубанский род. С палкой в руке сидит мой прадед Никита Остапович. Справа от него — его сыновья и их жены — все будут загублены без всякой вины сразу же после октябрьского переворота. Слева от прадеда — мой дед — Данила Лымарь, за его спиной — моя бабушка (дочь Никиты Остаповича) — Наталья Никитична.

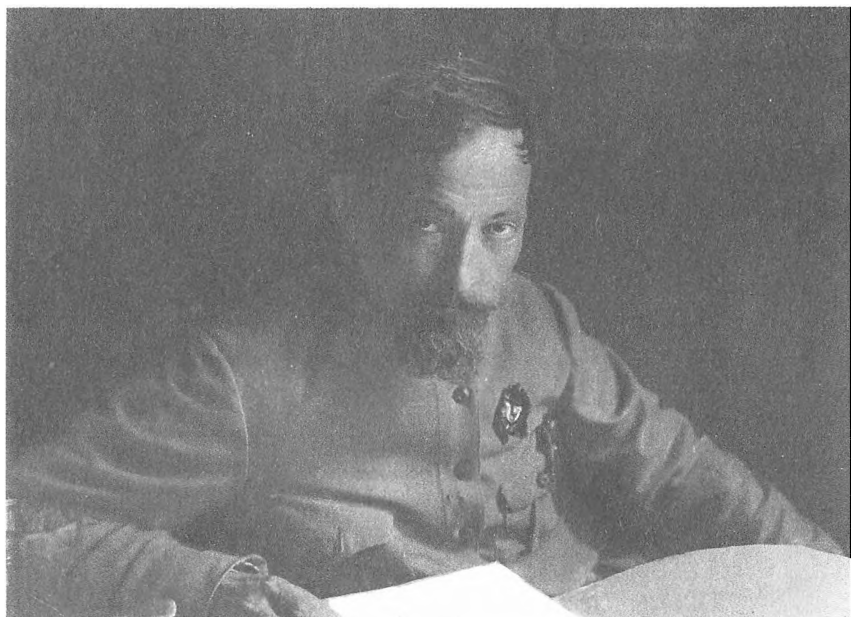
Автор с супругой Ларисой Сергеевной. 1987 г.

1935—1937 годы. Сталин, Хрущев, Молотов. В те годы Хрущев являлся секретарем московской партийной организации.

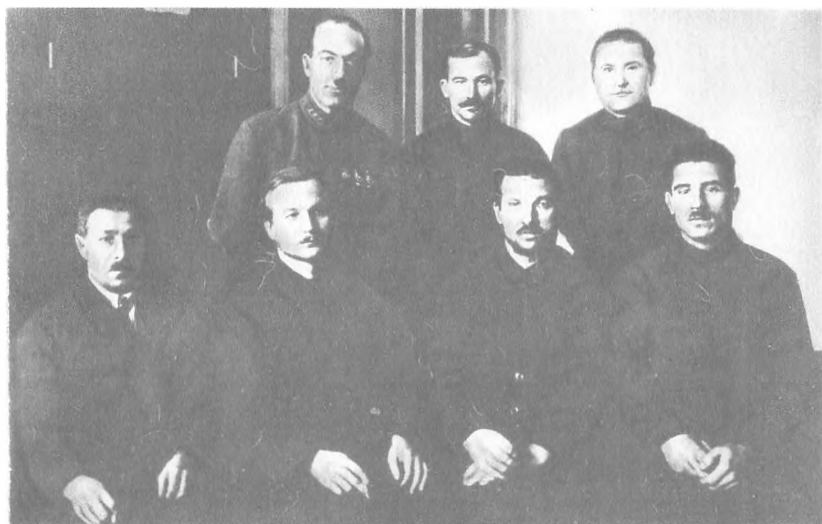
Жестокость и воля. Посмертная маска Сталина, снятая скульптором М. Г. Манисером через несколько часов после кончины вождя. Думал ли Сталин, что 24 декабря 1991 г. государственный флаг Советского Союза без всякого подобия отдания почестей сдернут с кремлевского флагштока? И вся огромная страна молча, не шевелясь, будет наблюдать — и за глумлением, и, по существу, за прологом новой Гражданской войны.

Железный Феликс — основатель ВЧК. Предает умирающего Ленина за местечко около Сталина.

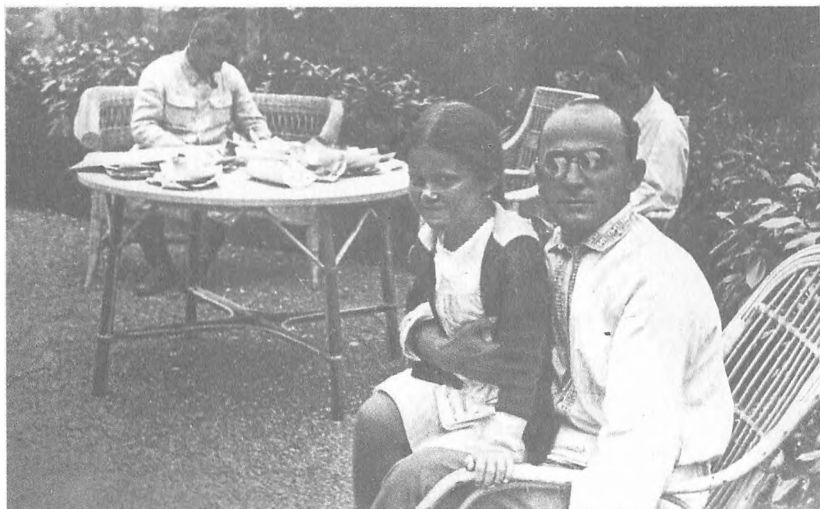
20 июля 1926 г. не станет Держинского. Все его сверхтайное и кровавое хозяйство примет Менжинский.

10 мая 1934 г. улокоится и Менжинский. К тому времени Лубянской уже будет распоряжаться Ягода. На снимке он скромно стоит сзади своих товарищей по чекистскому делу — делегатов XV съезда ВКП(б).

Ежов сменит Ягоду. На снимке справа налево: Сталин, Калинин, Ежов (военный крохотного роста), за ним — Каганович. Крайний слева — нарком иностранных дел Литвинов.

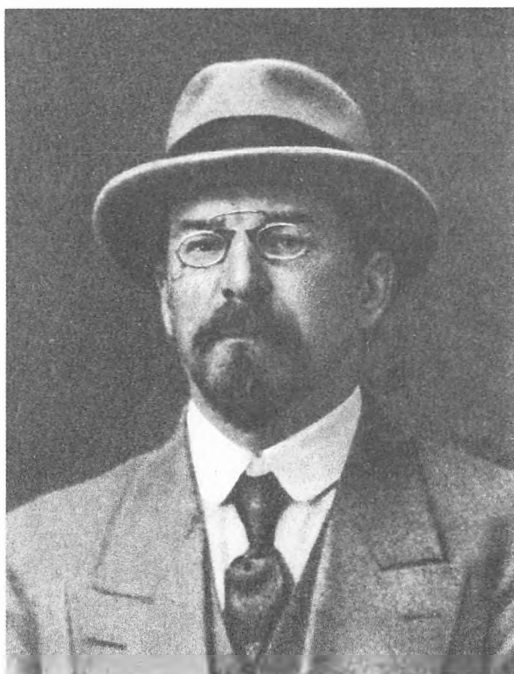
Ежова пристрелят в одной из камер сверхсекретной тюрьмы Сухановка. В него долго не смогут попасть — так ловко он будет уворачиваться. Ежова сменит Берия (пуля и этого найдет). На снимке слева направо: Сталин, на коленях у Берии — Светлана Аллилуева.

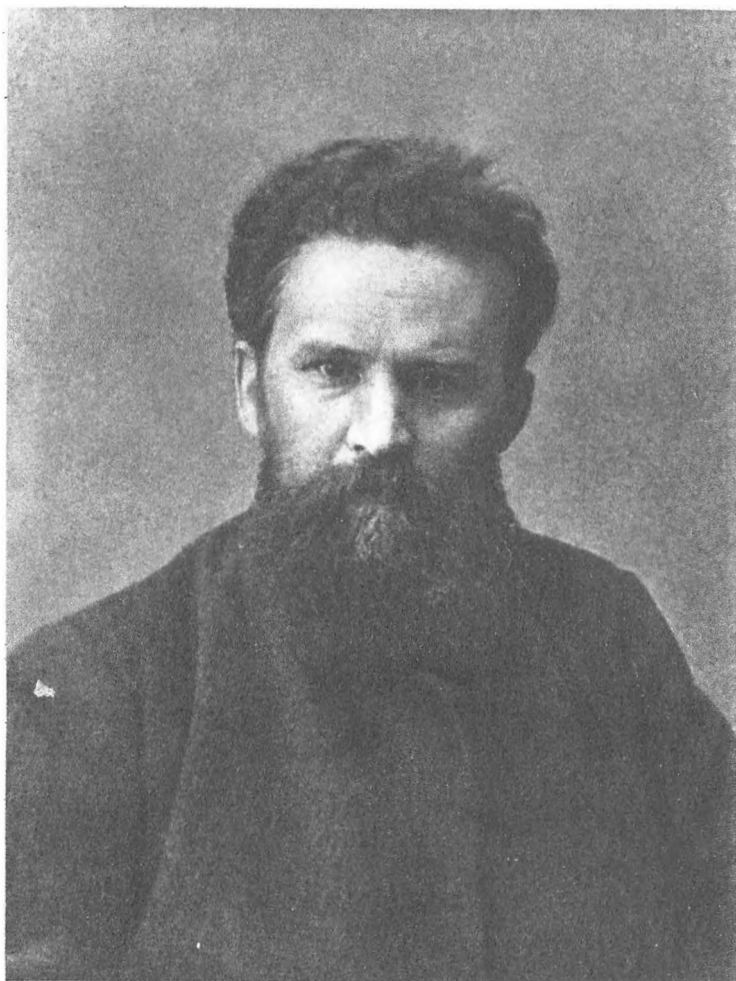
Август — начало сентября 1922 г. Ленин и Крупская в Горках. Вождь сумел оправиться от жестокого майского удара. Он найдет в себе силы выступить в ноябре на IV конгрессе Коминтерна — и роковая болезнь уже навсегда уложит его в постель.

1935—1937 годы. Сталин, Молотов, Ворошилов. Их власть над страной беспредельна.

Луначарский. 1917 г.

Короленко. Велик и упорен был в защите правды и простого народа.

Сталин. 1937 г. Его предсмертной мечтой было изгнание евреев из пределов страны — насильственная депортация всех без исключения на Север. «Дело врачей» рассыплется сразу после его смерти.

Среда обладает определенными свойствами, признаками, которые и делают ее восприимчивой к ним, этим лозунгам, казалось бы, разным направлениям жизни.

В основе белого, красного и черного одни и те же чувства, составляющие заметную часть характера народа, его облик: нетерпимость, ненависть, опора на насилие. Все то, что делает среду восприимчивой ко всему спектру зла.

Пока народ не исторгнет из себя нетерпимость, насилие как средство организации жизни на всех уровнях общества, пока не исключит ненависть как чувство самоутверждения (несущее, победное чувство), он (народ) обречен метаться от белого к красному, от красного к черному, разрушая себя, уступая злу и гниению. И никакие реформы не дадут устойчивости его бытию. Идет процесс преодоления народом себя, процесс освоения новой стадии духовного формирования великой нации. Без преодоления данных качеств, сложившихся исторически, невозможно политическое, экономическое, культурное развитие национального государства.

Поэтому все, кто препятствует этому процессу, ставят под угрозу существование народа, который уже сейчас, в надрыве от ужасов ленинизма (нужды, тяжкого строительства социализма, миллионных потерь), готов разбрестись куда глаза глядят. Ибо черпает он со дня уже последние силы для своего прожития.

Надо не ставить препятствия ради групповых корыстных целей (сохранения власти, выгод и т. п.), догм изжившего себя учения (утопии), а стремиться кратчайшим путем к хозяйственному и политическому возрождению. Силы народа на пределе. Всякая политическая игра — безнравственна и преступна.

Лев Толстой действительно являлся «зеркалом русской революции», но только не в том узком, крестьянском понимании, которое в нем увидел Ленин. Это был тот кризис народной нравственности, который и дал такой во многом необратимый результат в 1917 г. Ленинизм попал на благодатную почву. Об этом-то и писал еще задолго до революции «Петруша» Дурново, казалось бы бесконечно далекий от сих проблем, однако по полицейской сути своей уловивший смысл вековых брожений. Произошло как бы соединение двух критических масс — той, которая в области нравственной, духовной составляет то, что подлежит преодолению народом (и является сутью энергии кризиса), и той, которая определяет нравственную физиономию ленинизма.

Последствия такого соединения известны всем.

Без ленинизма имелись все основания для благополучного преодоления кризиса. Быстрый подъем культуры и экономики давал народу силы для преодоления последствий его нелегкого исторического прошлого. Этот процесс оказался прерван, народ брошен в пропасть испытаний.

«Женевцы» не могли обойти Толстого, хотя предали забвению его основные постулаты нравственности.

Ну, «Война и мир» и все такое — оно, естественно, вещи полезные и нужные, на патриотизме скроены, а данный горючий материал всегда к моменту. А вот взгляды на устройство общества, мораль, духовность... ну почему он не Горький?..

Как сложилась бы судьба Льва Толстого, доживи он до выстрела «Авроры», предугадать несложно. Он не стал бы молчать, а это самая большая вина в государстве «женевцев». За похожее пускали в расход сотнями тысяч.

И все же, надо полагать, граф оказался бы не по зубам даже Главному Октябрьскому Вождю с его всепроникающим Мундычем. Графа подвергли бы изоляции — никакого общения с миром, — дали бы волю всем мелким тварям для разоблачений и вообще высмеивания. Эти обязательно сунулись бы в личное: там — слабость к женщинам, падкость на славу, психическая неустойчивость — сам ведь признается в дневниках (их бы добыли, то есть выкрали бы), натуральный «шизик» и есть (да наговорили бы, что от старости выжил из ума). Тут и мания величия, и бабник (ого-го!), и богостроитель, и дворянчик (граф!).

Все бы тут «задействовали»...

В общем, когда «люди здоровые считаются сумасшедшими... таких людей запирают или казнят».

Скорее всего, спровадили бы в эмиграцию...

По схожей схеме разворачивались отношения новых властей с Владимиром Галактионовичем Короленко — духовным братом и почитателем Льва Толстого...

И в самом деле, разве можно улучшать жизнь, продолжая жить дурно?..

Государство можно скрепить силой и всяческими принуждениями. И такое государство, как и все существовавшие дотоле, будет вполне сносно развиваться, даже процветать. Однако нарушение законов нравственных — добра, терпимости, уважения, то есть всего того, что, оказалось бы, не имеет ничего общего с убедительностью железно-непробиваемой поступи законов, армии, полиции, правительственной прессы, бизнеса и вообще торговли, — неизбежно приводит к гниению, распаду устоев общества и в конечном итоге к кризису власти, государственности вообще. Именно это проклятие постигло железнолобую империю Ленина — Сталина.

Это как парадокс: нечто абстрактное, отвлеченное, не имеющее предметно выраженной ценности и силы держит в подчинении все самое могучее, созданное одними людьми для закабаления других. Зыбкое, беспомощное, как душа и тому подобная метафизическая чепуха, разъедает всю несокрушимую толщу государственного бетона и стали.

По существу, человечество пренебрегает Христом, а заповеди его правят миром, разрушая в конечном итоге любые государственные образования как несправедливые и бесчеловечные.

Христианские заповеди, духовность, высшие душевные качества имеют все свойства несокрушимо действующей материальной силы.

Без учета их, уважения их и следования им любое государство обречено. Пушки, полиция, «психушки», подлоги, травля, лагеря и тюрьмы, бездумно-послушная армия и вообще все железно-хваткое правление диктаторов — все-все бессильно перед добротой и любовью. И это увидел, понял Толстой.

Читаешь письма, дневники — и мороз по коже! Каждая буква, что называется, ножом по стеклу — ну все 90 томов против Непогрешимого и непогрешимых, да как же осмелились напечатать?.. А ведь при алмазном вожде все девяносто томов сочинений и писем и были изданы.

Хотя, с другой стороны, оно и так: писал великий Лев о старой власти. Теперь же вокруг новая, счастливая жизнь. Отчего не напечатать, не показать, как жутко жилось при Романовых. К солнцу шагнула Россия.

«Дело не в том, чтобы доказать, что Иисус не был Бог и что потому учение его не божеское, и не в том, чтобы доказать, что он не был католик, а в том, чтобы понять, в чем состояло то учение, которое было так высоко и дорого людям, что проповедника этого учения люди признали и признают Богом...

...Христианство не только не есть смешение высокого с низким, не только не есть суеверие, но есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое учение, выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий и в кругу которого, не сознавая того, движется вся высшая человеческая деятельность: политическая, научная, поэтическая и философская... (выделено мной. — Ю. В.).

Если же читатель принадлежит к людям, внешне исповедующим церковную веру и дорожающим ею не потому, что они верят в истину ее, а по внешним соображениям, потому что они считают исповедование и проповедование ее выгодным для себя, то пусть такие люди помнят, что, сколько бы у них ни было единомышленников, как бы сильны они ни были, на какие престолы ни садились, какими бы ни называли себя высокими именами, они не обвинители, а обвиняемые — не мной, а Христом...»

Как-то Ленин за чаем со смородиновым вареньем обронил Молотову: «Но если бы мы партию большевиков заменили, скажем, партией Льва Николаевича Толстого, то мы бы на целый век могли запоздать».

Что это?

Выходит, Ленина волнует главное: побыстрее сокрушить капи-

тализм и построить социализм. И все оттого, чтобы ему, Ленину, спеть поучаствовать. Стало быть, лей кровь — и строй!

А можно (это Ленин и признает) — и без крови и разрухи, всей нечеловеческой натуры народа, но тогда надо 100 лет ждать.

Нельзя сдержаться и снова не спросить: что это?

Сложно найти еще второго такого человека в новой истории, который бы с таким холодным цинизмом относился к людям, жизням, страданиям. Всё и все — ничто, лишь строительный материал для истории. Главное — сокрушать и строить. Это не беда, что мирно, по-людски этого можно достичь, скажем, через 100 лет. Он (Ленин) живет, он должен успеть построить, начать это строить, он для этого поставлен историей, это его миссия на земле, он один владеет тайнами и знанием этого кровавого предмета.

И кровь, жертвы, подлоги, рабство, муки, голод, надрыв значения не имеют. Люди — лишь строительный материал. Вожди поставлены историей, дабы использовать «означенный» материал...

Миру надо купаться в крови, исходить язвами, болью, дабы снова и снова обращаться к любви и добру. Все железные установления и мудрые заповеди проваливаются в трясины жестокостей, разврата, лжи, ибо органически лишены добра и любви, так как за самый первый способ общения люди почитают лишь силу и принуждение.

При всем своем величии разум оказывался бессильным при любых попытках решения извечного вопроса — как добиться достойного бытия. И все по одной причине: разум (особенно могучий, самостоятельный) исключает уважение нравственных категорий. Это в природе интеллекта — отрицать все, кроме себя.

Разум только тогда принесет благо человечеству, когда сменит гордыню, откажется от самодовольства и признает главенство и первородство нравственного. Но и это не принесет благо человечеству. Нужен не факт признания важности нравственного, а органическое слияние с ним, то есть органическое восприятие мира через все нравственное; не понимание этого, а чувствование подобным образом.

Разум лишь тогда принесет человечеству счастье освобождения от нищеты, горя и всяческих злодейств, когда будет воспринимать мир и людское только через нравственные категории, и не формально, а природно, из потребности.

Душа не хочет немая идти...

Не может быть душа ремесленным придатком экономики. Душа — всегда самое важное, она — смысл и цель бытия. Материальную значимость ее стараются не замечать то ли по невежеству, то ли по умыслу, то ли по развращенности. Ведь душа неуловима, ее не измеришь, не взвесишь... Зато она отлично (но не всегда надежно) огра-

ждается тюремными решетками и карающими приговорами — «презрением трудящихся».

Это точно: под каждым могильным холмиком не прах человека, а душа.

Самые мудрые социальные учения не способны ни освободить человека, ни тем более принести счастье, ибо в основе они несправедливые, безнадежно несправедливые, так как унижают человеческое в людях ради своего господства. Все эти учения пренебрегают самым важным — миром человека, его душой и чувствами, без которых человек ничем не отличается от животного. Ибо разум вообще не есть привилегия только человеческого рода. Разумом в той или иной степени наделены и животные. Отличие человека от животного в том, что человек может иметь душу, способен ее иметь, в большинстве случаев не имея ее. Ни разум, с его рационалистическим подходом к миру, ни социальные учения (плоды все того же разума) не способны решить исторических задач человечества: устройство бытия без насилия и голода.

До сих пор за человеком, от чьего бы имени он ни действовал, следует смерть, разрушение, умирание природы, разномастная пошлость, всяческие унижения и низости, в том числе низведение любви до одних только грубых механических действий. Унижение, упрощение, развенчивание любви — «великое» достижение капитализма.

Ни ракеты, ни космические корабли, ни роботы, ни самые сногшибательные научно-технические достижения не принесут человеку ни мира, ни радости, если он не обретет душу, ибо люди в большинстве своем приучились жить без души. Хищные устройства для добывания денег — вот кто мы.

Никогда на земле не было бы ни убийств, ни горя — имей человек душу.

Толстовский нравственный путь преодоления противоречий в обществе показался нам совершенно нежизненным, как бы крайним во всей совокупности существующих средств («борьба мягкого против жестокого»).

Прямо противоположный подход к этой извечной задаче человечества воплощали Ленин и его партия. Первым средством преодоления противоречий в обществе и его развития являлось для них насилие. Дабы оно не слишком пугало людей, его нарекли революционным. Это как бы облагораживало.

Для революционеров и людей их склада непротивленчество, как и любя нравственность в достижении целей, являлось эгоизмом. По их представлениям, такой человек отходил от борьбы, предоставляя другим лить кровь и нести всяческие тяготы. Потому толстовцы и пошли сплошным потоком в лагерь. Я хорошо помню то время. Объявить себя толстовцем было все равно что объявить себя врагом революции и Ленина. Такой человек был обречен. Торжествовал голый ленинизм, истребляя, выжигая все вокруг.

Мир Льва Толстого, как показала суровая проверка его в XX веке, несопоставим с действительностью. Следование ему ведет к разрушению Отечества, дома, семьи, русской культуры, ибо мир не обретает равновесие, когда злу не поставлен предел. Я безоговорочно принимаю слово митрополита Иоанна — оно дает понимание христианского долга в самый напряженный и опасный час существования России.

Пишу эти строки 20 ноября 1992 г. Россия в кольце огня, распри, предательства, духовного оскудения и холодного, расчетливого уничтожения под видом «демократии».

«...Да, христианство есть, несомненно, религия МИРА И ЛЮБВИ, а не вражды и ненависти. Да, главнейшая заповедь христианства — это заповедь о любви — ЛЮБВИ К БОГУ как к средоточию всяческого добра и блага: милосердия и долготерпения, красоты, гармонии, справедливости. Но именно поэтому совершенно естественно, что все, идущее вразрез с этой заповедью, все, мешающее христианину исполнять ее, должно быть ему ненавистно. И это — единственно святая ненависть: ко злу, ко греху, к страстям человеческим, к сатанинскому беззаконию. Со всем этим христианин должен быть абсолютно непримирим.

«Живи в мире с врагами, но со **своими** врагами, а не с врагами Божиими», — поучает нас великий столп Православия святой Иоанн Златоуст. «Не противься злему», — говорит Слово Божие, то есть: не ропщи, благодарно принимай все те **личные** скорби, болезни и искушения, которые будет угодно Господу послать тебе. Но такой призыв вовсе не означает потакания преступному равнодушию — равнодушию к судьбе Отчизны, терзаемой в тяжкий час злодеями и святотатцами. Мир со злом недопустим, и именно это имел в виду Спаситель, говоря: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10, 34).

Этот духовный меч, который крепко держала в руках Церковь Русская в течение тысячи лет, и ныне безмерно страшен ее врагам — предтечам и слугам грядущего антихриста. Церковь земная, по определению святых отцов, есть Церковь воинствующая, а поприще нашей земной жизни — место брани и подвига. Любовь не должна быть безрассудна. Она — любя — не растворяется с теми, кого покрывает. Не может любовь принудить человека объединиться с погибельным заблуждением. Истинная любовь беспрепятственно сражается, защищая тех, кто доверился ей, от зла, часто скрывающего свое истинное обличье под маской ложного благообразия. Мнимо христианская «любовь» и ложно понимаемое «всепрощение» — мир со всеми подряд, без разбора нужны лишь тем, кто сегодня с бешеной энергией и напористостью готовит всемирное «объединение» и «примирение» под сенью «нового мирового порядка» — политической ширмы, за которой скрывается дьявольский оскал жесточайшей антихристианской диктатуры.

Долгие столетия Русская Державность была той силой, которая препятствовала осуществлению дьявольских замыслов. Ныне — при нашем попустительстве — она почти разрушена. Восстановление ее есть для России вопрос жизни или смерти. Судьба России может определить и судьбу мира, а потому вопрос державного строительства на Руси приобретает вселенское звучание. Готовы ли мы к его разрешению?..»

15 сентября 1919 г. Ленин пишет Горькому¹:

«Дорогой Алексей Максимыч!

«Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» буржуазных интеллигентов неправильно (это черта Ленина — не доказывать свою правоту, а поучать. И буквально во всем. — Ю. В.). За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 года, брошюру «Война, Отечество и человечество». Короленко ведь лучший из «околокадетских», почти меньшевик (не может Ильич без ярлыков. — Ю. В.). А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне — дело, заслуживающее поддержки... А гибель сотен тысяч вызывает ахи, охи, вздохи, истерики...

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...».

Такое отношение к интеллигенции не могло не предопределить ее судьбу. С первых дней революции она стала нести потери. Очень быстро они приняли характер истребления.

Враги России, к примеру Геббельс, со стороны это оценивали так:

«Большевизм уничтожил в России западноевропейский руководящий слой. Он один был в состоянии сделать этот гигантский колосс способным действовать. Хорошо, что этого сегодня уже нет» (запись в дневнике 29 декабря 1939 г.).

Весьма примечательна его запись и 14 ноября 1939 г.:

«В России, как и повсюду, где-нибудь в другом месте, централизм как отец бюрократии является врагом всякого развития личности».

¹ Ленин и Горький впервые встретились 27 ноября 1905 г. Горький выехал из советской России в октябре 1921 г., а вернулся окончательно в мае 1931-го.

Революция и Гражданская война вдруг открыли какую-то зоологическую неприязнь, враждебность народа к интеллигенции. Безусловно, это результат «классового» натравливания рабочих и крестьян на «паразитирующую прослойку, которая обслуживает имущие классы, наживаясь на труде и слезах народа».

Это — презрение, ненависть к умственному слою, нечто новое, неизвестное русскому обществу. Российская интеллигенция испокон века преданно служила народу. Можно без конца перечислять имена ее представителей, которые столько сделали для духовного становления народа, которые занимались его здоровьем, гражданскими правами, спасали от голода, эпидемий...

Айхенвальд пишет:

«...Открылась глубокая пропасть между интеллигенцией и пролетариями, между городом и деревней, между работниками и рабочими. Презрительную кличку «буржуя» так часто бросают теперь в лицо труженику только за то, что он образован и культурен... Массы забыли или не знают о тех заслугах, какие имеют перед ними лучшие представители русской мысли, русского слова и русского дела... они не учитывают, как велика была в нашей интеллигенции тяга к народу, как искренне, иногда — с трогательной наивностью, верили наши просветители, что они находятся в неоплатном долгу перед народом, и как добросовестно, с каким излишком они этот долг уплачивали... Достаточно назвать Толстого, чтобы убедиться, насколько демократичен русский гений. Аристократ из аристократов, граф Толстой, князь духа, он к ногам народа сложил весь свой аристократизм — и внешний, и моральный... он ушел из города в деревню... Если таковы наши человеческие вершины, горние высоты русской славы, то естественно, что, спускаясь к обыкновенным и рядовым, в кадры безвестных тружеников, мы тоже находим гораздо более скромные, но не менее благородные формы служения народу...»

И пусть далеко не каждый из нас, теперешних интеллигентов, сам участвовал в этой широкой... работе, мы все-таки гордимся своей принадлежностью к русской интеллигенции; на нас тоже лежит не только доля ее вины, но и отблеск ее заслуг, и все мы в большей или меньшей степени причастны к ее исторической роли. Оттого, когда нас бранят «буржуями», когда рабочий или крестьянин, то есть недавний или нынешний житель деревни, высокомерно отворачивается от нас... когда нам предъявляют счет, мы должны помнить, что не только интеллигенция в долгу перед народом, но и народ в долгу перед интеллигенцией... рабочий народ многим обязан разуму просвещенных деятелей России, героям родной культуры и скромным труженикам духа вообще.

Русский интеллигент часто демократичнее русского рабочего. Не надо же угождать пролетарию, не надо льстить ему и ставить его выше облака ходячего — иначе пролетариат обратится в самую надменную и невыносимую аристократию. Надо интеллигенту хранить чувство собственного достоинства...»

Эта зараза, пущенная в народный организм, давала знать о себе еще десятилетия. В мою юность она просочилась презрительными словечками типа «очкарик» — ерническим презрением к людям умственного труда как неполноценным. Очки стали признаком такого «некачественного» индивидуума. Интеллигенции приписывали отсутствие патриотизма, тогда как именно она являлась сосредоточенным выражением национального духа и традиций, носителем отечественной культуры, спаянной с мировым разумом. Юношей я помню окрики-клички: «Эй ты, шляпа... а еще в шляпе... а еще в галстук!» Людей презирали даже за просто опрятную городскую одежду, принятую в мире. Напитанный ядом классового деления общества, народ источал презрение к людям умственного труда, для него это были готовые кадры предателей и врагов. Это каиново дело сотворили Ленин и ленинизм. Из этого зловонного угла потекла густая, кислотной крепости ненависть к русской интеллигенции. Этому отношению интеллигенция обязана своими невосполнимо тяжкими потерями и страданиями. Оно пресекло на взлете выдающуюся культуру — мир в изумлении отступал перед ней, любуясь обилием и блеском ее таланта.

Все было брошено под сапоги трудовых армий, истребляющий быт, лагерные мытарства, дикий бред сочинителей от большевистских догм — всех этих лысенко, юдиных, ждановых... Не счесть сих толп полуграмотных, ограниченных людей с чугунно-проспиртованными душами.

Это изничтожение российской интеллигенции не завершилось и по смерти Сталина, оно имеет место и донныне...

Из толщи лет прорвался к нам крик Шаламова: вы же творите черное дело с русской интеллигенцией! Опомнитесь!

Нет, не опомнились.

В инструкции для гитлеровских зондеркоманд (а это именно они в подавляющем большинстве случаев занимались уничтожением сотен тысяч, миллионов советских людей на оккупированных территориях) в перечне лиц, подлежащих немедленному расстрелу, в девятом пункте **наравне** с евреями значились русские интеллигенты, то есть их уничтожение, с точки зрения руководителей «тысячелетней» империи Гитлера, являлось сверхважным, ибо обезглавливало народ...

Евреи уничтожались согласно гитлеровской расовой концепции.

Русские интеллигенты — как организаторы, каркас русской нации, после чего процесс превращения народа в рабочую, подневольную скотину уже не представлялся сложным.

Та же инструкция требовала после уничтожения выявленных людей «немедленного и аккуратного погребения трупов».

Задача интеллигенции — осознавать действительность. Это такая же профессия, как, скажем, мастерить часы, растить хлеб.

Общество обособляет профессии — мельник, воин, ученый (интеллигент). Обособление части общества для осознания действительности в конце концов породило науку. **Это жизненно необходимо человечеству, дабы знать, куда идти.** Отсюда, кстати, и политика как отрасль знания.

Социалистические идеи не являются детищем интеллигенции. Это сокровенная мечта именно простого люда. Она запечатлена в песнях, былинах, сказаниях и множестве народных волнений.

Та часть народа (интеллигенция), которая выделена им (народом) для осознания действительности, приняла к обработке эти идеи.

Вся ненависть апостола насилия к интеллигенции в тех последних двух фразах: «...интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...».

Кто осмеливался возражать Ленину? Рабочий, крестьянин?.. Нет, в основном интеллигент.

Кто все годы критиковал его программу революции как авантюризм? Рабочий, крестьянин? Нет, интеллигент.

Кто не принял революцию? Не рабочий, не крестьянин, а по преимуществу интеллигент с его «говном» мозгом.

Как похожа, близка по духу реплика, сорвавшаяся с уст генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева на втором Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.): «Все это — интеллигентщина!...»

Природа неприятия все та же.

Но... смолчим. Отступим снова в Гражданскую войну.

Предоставим слово для ответа, а точнее, защиты, самому Короленко.

Отмечу только, что Короленко оказался тем писателем, который заметил ранние рассказы молодого Горького, ободрил его и дал первые советы.

Короленко в статье «Отечество в опасности» писал совершенно определенно:

«Телеграммы военного министра и Временного правительства бьют тревогу. Опасность надвигается. Будьте готовы!

К чему? К торжеству свободы? К ликованию? К скорейшему устройству будущего? Нет! К сражениям, битвам, к пролитию своей и чужой крови! Это не только грозно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не от одних военных, чья профессия — кровавое дело войны за защиту родины, но и от нас — 70 писателей, чей голос звучит естественнее в призывах к любви и миру, к общественному братству и солидарности, кто всегда будил благородную мечту о том времени, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»...

Тревога! Тревога! Смотрите в одну сторону! Делайте в эти дни одно дело, ей довлеющее. С запада идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. И она готова опять покрыть своей тенью родную землю, над которой только что засияло солнце свободы.

До сих пор я не писал еще ни одного слова с таким призывом, но не потому, что я и прежде не считал обязательной защиту родины. Правда, я считаю безумную свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейский мир и грозящую перекинуться на другие части света, великим преступлением, от ответственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступит время мирных переговоров, то, по моему глубокому убеждению, эта истина должна лечь в основу для того, чтобы этот ужас не повторился. Нужно быть на страже великого сокровища — мира, которое не сумели сберечь для вас правительства королей и дипломатов...»

Подобный призыв для Ленина означал сплочение народа вокруг верховной власти; следовательно, потерю реальной возможности захвата власти большевиками.

Ленинская тактика — это развал фронта, разрушение армии, беззащитная Россия. Призыв Короленко наносил по указанному плану серьезный удар. И среди тысяч событий Главный Октябрьский Вождь запомнил призыв Короленко сплотиться для отпора германскому нашествию, запомнил — и возненавидел (иначе это чувство не назовешь, судите сами по ленинскому письму), опустившись до искажения действительности. Ведь Короленко выступает как противник войн вообще; но здесь вопрос идет о гибели родной земли. И эту принципиальную разницу Ленин стусевывает — она нарушает его стратегию захвата власти. Ведь совсем скоро Ленин будет вести войну с Польшей, защищая РСФСР от посягательств извне. Стало быть, при Временном правительстве эти посягательства не имеют смысла, пусть немцы захватывают Россию, зато при большевиках оборонять эту землю уже непременно надо. Логика хоть и классовая, но трудноуловимая. Тут поневоле вспомнишь о единственной «четверке» в аттестате Ленина. Уже тогда, надо полагать, для него имела значение лишь определенная логика.

Советские порядки потрясли Короленко. Он отправляет одно за другим шесть писем наркому Луначарскому (Воину). Старый, немощный человек возвышает голос в защиту невинных, в защиту справедливости и даже просто здравого смысла. Как можно молчать среди убийства и варварства?..

Да, он, Владимир Галактионович Короленко, посвятил себя борьбе за новую жизнь. При царях был и под судом, и в тюрьмах, и

в ссылках, и под негласным надзором. В 1885 г. Россия признала его литературный талант. К 1920 г. он уже писал свыше 35 лет.

Его письма наркому Луначарскому можно объединить под общим заголовком «Не могу молчать». Так когда-то писал Лев Толстой...

Письма — это, без сомнения, духовное завещание Короленко, ибо менее чем через год за ними последует кончина писателя.

И было это все в том же, 1920 г.

«Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку...»

Глава VI

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

«Анатолий Васильевич,

я, конечно, не забыл своего обещания написать обстоятельное письмо, тем более что это было и мое искреннее желание. Высказывать откровенно свои взгляды о важнейших мотивах общественной жизни давно стало для меня... насущнейшей потребностью. Благодаря установившейся ныне «свободе слова» этой потребности нет удовлетворения. Нам, инакомыслящим, приходится писать не статьи, а докладные записки. Мне казалось, что с Вами это будет легче. Впечатление от Вашего посещения укрепило во мне это намерение...

Но вот кошмарный эпизод с расстрелами во время Вашего приезда как будто лег между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чем, пока не разделаюсь с ним. Мне невольно приходится начинать с этого эпизода.

...Правда, уже и по общему тону Вашей речи чувствовалось, что даже и Вы считали бы этот кошмар в порядке вещей... но... человеку свойственно надеяться.

...Вы знаете, что в течение своей литературной жизни я «сеял не одни розы» (выражение Ваше в одной из статей обо мне). При царской власти я много писал о смертной казни и даже отвоевал право себе говорить о ней печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой. Порой мне удавалось спасти уже обреченные жертвы военных судов...

Но казни без суда, казни в административном порядке (а именно они были практикой большевиков. — Ю. В.) — это было величайшей редкостью даже и тогда. Я помню только один случай, когда озверевший Скалон, варшавский генерал-губернатор, расстрелял без суда двух юношей. Но это возбудило такое негодование даже в военно-судных сферах, что только «одобрение»... неумного царя спасло Скалона от предания суду...

Много и в то время, и после этого творилось невероятных безобразий, но прямого признания, что позволительно соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры (к смертной казни), даже тогда не бывало. Деятельность большевистских чрезвычайных следственных комиссий представляет пример — может быть, единственный в истории культурных народов.

Однажды один из видных членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в Полтавской Чрезвычайной Комиссии, куда я часто приходил тогда с разными ходатайствами, спросил меня о моих впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право не только ссылать в Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то же самое, что мы видим теперь. На это мой собеседник ответил:

— Но ведь это для блага народа.

...Однажды, в прошлом году, мне пришлось описать в письме к Христиану Георгиевичу Раковскому (председатель Совнаркома Украины, член Реввоенсовета Юго-Западного, а потом и Южного фронтов. — Ю. В.) один эпизод, когда на улице чекисты расстреляли несколько так называемых «контрреволюционеров». Их уже вели темной ночью на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых над открытой могилкой и расстреливали в затылок без дальнейших церемоний. Может быть, они действительно пытались бежать (не мудрено), и их пристрелили тут же, на улице, из ручных пулеметов. Как бы то ни было, народ, съезжавший утром на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки, и слушал в толпе рассказы...

После, когда пришли деникинцы, они вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов и положили их напоказ. Впечатление было ужасное, но к тому времени они сами расстреляли уже без суда несколько человек, и я спрашивал у приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид? Да, обоюдное озверение достигло уже крайних пределов...

Не говорите, что революция имеет свои законы. Были, конечно, взрывы страстей революционной толпы, обгадившей улицы кровью даже в XIX столетии, но это были вспышки стихийной, а не систематизированной ярости...

Вообще, все это мрачное происшествие напоминает общественный эпизод Великой французской революции. Тогда тоже была дороговизна. Объяснялось это тогда также самым близоруким образом — происками аристократов и спекулянтов, и возбуждало слепую ярость толпы. Конвент «пошел навстречу народному чувству», и головы... полетели десятками... Ничто, однако, не помогало, дороговизна только росла. Наконец парижские рабочие первые очутились от рокового угара. Они обратились к конвенту с петицией, в которой говорили: «Мы просим хлеба, а вы думаете нас кормить казнями...»

Можно ли думать, что расстрелы в административном порядке (органами чека. — Ю. В.) могут лучше нормировать цены, чем гильотина?..

...Если есть что-нибудь, где гласность всего важнее, то это именно в вопросах человеческой жизни. Здесь каждый шаг должен быть освещен. Все имеют право знать, кто лишен жизни, если уж это признано необходимым, за что именно, по чьему приговору. Это самое меньшее, что можно требовать от власти. Теперь население живет под давлением кошмара (из-за террора ЧК. — Ю. В.)...

...Вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, в своей речи высказали как будто солидарность с этими «административными расстрелами» (казнями ЧК. — Ю. В.)... От души желаю, чтобы в Вашем сердце зазвучали опять отголоски настроения, которое когда-то роднило нас в главных вопросах, когда мы оба считали, что движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы, предполагая мужество в прямой борьбе и человечность даже к противникам. Пусть зверство и слепая несправедливость остаются целиком на долю прошлого, отжившего, не проникая в будущее.

Вот я теперь высказал все, что камнем лежало на моем сознании, и теперь думаю, что моя мысль освободилась от мрачной завесы, которая мешала мне исполнить свое желание — высказаться об общих вопросах.

До следующего письма...»

Накануне ухода из дома Льва Толстого занимает «заблуждение смертной казни». Он делает последние записи в «Записной книжке № 7». Еще несколько таких заметок — и страниц уже больше никогда не коснется рука писателя. Считанные дни отделяют его от гроба.

Если даже людям нравственная философия Льва Толстого кажется нереальной в качестве основы для соединения и здорового существования общества, все равно чувства, проповедуемые Толстым, должны быть в каждом, должны присутствовать в жизни, не

должны оставлять нас — с ними человек чист, легок, радостен и глупок. С такими чувствами жизнь благородна и достойна.

Короленко не являлся непротивленцем в полном смысле слова, но насилие ненавидел и презирал. Он выступает против изуверств гуртовых казней и казней по заложничеству, то есть казней людей, вообще ни в чем не повинных, своего рода казней-устрашений. Это совершенно новое явление, неизвестное дотоле России.

При Николае Втором Короленко скорбел, что в России нельзя протестовать против казней, как за границей: на митингах и петициями.

«Тем важнее, скажу даже — тем священнее, обязанность печати хоть напоминать о том, что ужас продолжается в нашей жизни, чтобы не дать ему превратиться окончательно в будничное, обыденное, бытовое явление, своего рода привычку, переставшую шевелить общественное сознание и совесть...»

Короленко писал об этом в очерке «Бытовое явление», который столь поразил Льва Толстого. Чему нам учиться у этой самой заграницы? Да мы свою социалистическую государственность осваиваем. К настоящей свободе натаскиваем граждан.

Нет, случались демонстрации в 60-е годы, скажем против повышения цен на продукты... там... в Темиртау, Новочеркасске, Шахтах. Но были подавлены с такой людоедской беспощадностью — у недовольных пропало всякое желание высказывать какие-либо требования. Впрочем, и сами недовольные тоже пропали.

Именно так действовала власть: не просто милиция, а войска, эти самые мальчики-призывники, вчерашние десятиклассники, будущее страны. Навалили трупов на десятки. За ними пустили мочные машины — ну должны же быть чистыми улицы. Свалили трупы в безымянные могилы, воровски свалили — никому никаких данных. Дематериализовались граждане.

Тогда, в июне 1962 г., цены на основные продукты были повышены в среднем на 30%. Повышение цен вызвало протест рабочих крупнейшего в Новочеркасске электровозостроительного завода. Никто, никакая организация не готовили протест, это было стихийное возмущение людей. 1 июня рабочие прекратили работу и с красными флагами и портретами Ленина направились к горкому КПСС. К ним присоединились рабочие других предприятий.

2 июня завод блокировали войска и танки. Услышав грохот тяжелых боевых машин, тракторист Катков воскликнул: «О Боже, и эти идут удовлетворять просьбы трудящихся!»

В демонстрантов стреляли из автоматов. На месте расправы остались 24 трупа и 31 раненый — славно потрудились мальчики в солдатском обмундировании (еще вчерашние школьники, только браться начали).

Ну как тут без КГБ? Вскоре он и произвел аресты, защищая народ от смутьянов. В тюрьме оказались 14 человек. Семерых при-

говорили к смертной казни (комедия суда) и через два месяца с небольшим пустили в расход. Вот их имена:

А. Ф. Зайцев (колхозник), М. А. Кузнецов (слесарь), Б. Н. Мокроусов (рабочий), А. А. Коркач (электрик), В. Д. Черкасов (слесарь), С. С. Сотников (токарь), Г. Шуваев (повар).

Самому молодому было 25 лет, самому старшему — 45.

Мир праху вашему, люди земли русской!

Поклон вам за стойкость, мужество перед сворой палачей!

И вечное проклятие вам, убийцы из КПСС и КГБ! Ходите вы и сейчас по нашей земле, жируете на сытые пенсии и таите черную злобу на народ: смеет подыматься с колен, смеет говорить, смеет собираться на митинги, смеет голосовать против!

Да что там расстрелы демонстраций! А издевательства, а удушение жизнью — не жизнью, а режимом жизни (подлой росписью очередей и унижений), а убийства — убийства по-тихому, каждый день, каждый час: только чуть-чуть отверни от протоптанно-указанной дорожки — крысиной тропки для всех.

Больше никаких демонстраций (аж до самого правления Горбачева) — даже при наличии несметного числа поводов — не просматривалось. Ох, близок к зрелости новый человек!

Ленинское правительство, исповедуя «женевский» принцип устройства общества, превращает казни именно в бытовое явление. Скоро эти казни безмерно превысят все преступления монархии. Жертвы расправ придавит не только всероссийский могильный холм-гигант, но и неподъемный Кощеев камень — камень молчания, ибо новое, революционное правительство не только запретит протесты в печати (это ведь не царское время), но и начисто упразднит всякую гласность, кроме казенной. Все, кого будет загребать «женевский» механизм, окажутся вне чувств и мыслей тех, кто пока жив или свободен. Безразличие, черствость и инстинкт самосохранения людей сообщат волю любым действиям советской власти. Впрочем, ежели взглянуть на все эти вещи с другой стороны, так сказать широко, то ведь это и есть та самая многотрудная работа по воспитанию нового человека. В «достоинствах» этого нового человека, который, в общем-то, состоялся, — органическое безразличие к жертвам «женевской» твари, более того — убежденность, что она, эта самая тварь, всегда права и не бить просто не имеет права: должна карать, должна загонять людей за колючую проволоку, должна выправлять в «психушках», должна определять жизнь каждого.

Вопросы права, виновности, нравственности, справедливого и несправедливого устройства общества не шевелят и не колышут совесть нового человека. Он уже обладает развитым затылочным зрением и глаза держать в нормальном состоянии неспособен, а посему со всей жутью жизни мирится без особых усилий над собой. Живет он себе, не подает голоса, смотрит на сон грядущий телеви-

зионные программы... об уборке урожая, о новом комбайне, о союзе труда и науки и наполняется гордостью! Его жизнь, его радость жизни...

Что и ридить, странная революция! Нет, спору нет: великая! Все перевернула, нарекла людей гражданами — ну все по-новому! И все же... странная: царя нет, а рабы... рабы остались. И гордятся рабством. Великое рабство по убеждению. Единение душ в общем целовании кнута со слезами умиления...

В 1919—1920 гг. Луначарский по поручению Ленина объезжал со своего рода ревизиями Кострому, Ярославль, Гомель, Харьков, Полтаву, Одессу и другие города и отсылал Ленину самые подробные отчеты о развороте дел на местах. Выезжал он по поручению Ленина и на Южный фронт (28 октября — 14 ноября 1919 г.). Не очень верил Ленин рапортам официальных властей. В таком безумном возрасте находилась партийная бюрократия, а своевольничать уже наловчилась и отписывагься тоже, даже своему апостолу.

Ленин прочитывал отчеты, делал выводы, а на первой странице сверху писал крупно, размашисто: «В архив».

Воинов — первородная фамилия Луначарского. Провинциальное пристрастие к «красивости» не обошло, в общем-то, и столь приметных людей, как Воинов. Фамилия Луначарский звучала так форсисто — почти так же, как далекая Кастилия или Гренада! И что такое Алексеев? А вот Станиславский! Сколько же не традиции, а обыкновенного провинциализма, скорее пошлости!

Именно в те дни весны 1920 г. и состоялось свидание Короленко с Луначарским.

Свою боль, несогласие с политикой большевиков Короленко высказал без утайки. Луначарский предложил изложить Короленко свои размышления в письме к нему, пообещав обнародовать в «Правде». Как же, давние товарищи по борьбе с самодержавием, к тому же оба литераторы! Худа надежда на такого правдолюбца, как нынешний Анатолий Васильевич, но все же...

Это именно Анатолий Васильевич Воинов (Луначарский) украсит отечественную словесность утверждением, что, «если бы Христос был жив теперь, он был бы большевиком».

Тут остается лишь развести руками.

А впрочем, чего и чему тут удивляться? Они ведь иначе, как в иконных окладах, себя не представляли. Даже эти, маломощные, из 70-х и 80-х годов, требовали носить свои парсуны на демонстрациях. А тут — основоположники!..

В июне 1920-го Короленко отсылает первое письмо. Несмотря на обещания Луначарского, оно не появилось в «Правде». И впрямь, где волки водятся, там рыси нет. Не поддался Анатолий Васильевич — выучка!

Горестными предстанут закатные годы бывшего наркома-литератора, а в ту пору не то беспризорного деятеля партии, не то кандидата во враги народа, назначенного вдруг послом в Испанию: ссылка, разумеется, но вечное спасибо ей. Хотя, ежели прикинуть, сколько таких скороспелых дипломатов уже «загорают» на нарах, коли вообще живы или способны еще соображать...

Понимал характер алмазного владыки Анатолий Васильевич, не из новичков в партии. С Григорием Зиновьевым, Львом Каменевым и всеми такими обошлись куда круче — даже не по себе вспоминать! А тут... посольство, молодая красавица жена из актрис¹ — в общем, гляди — и пронесет! И тут тебе Испания...

Поди, так и зудело осенить себя крестным знаменем.

«Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже во дни и в ночи, яже во уме и в помышлении: вся нам прости, яко Благ и Человеколюбец...»

И Испания, такая солнечная!..

Нет, Боже, не зря боролись...

Если бы не своя, естественная кончина по пути в Испанию, мог бы и загреметь Анатолий Васильевич на эту самую скамью подсудимых — тут без натяжки. Самых близких к Ленину людей ославили, а позже постреляли в тюремных закутках, как распоследних тварей, а он, блестящий нарком просвещения, чем лучше?

Руки за спину — и проволокой вокруг кистей, да потуже, а после сотня-другая шагов в подвал, а там куча песка. Пуля в затылок — и пинок под зад. Главное, «чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

Ссылка и являлась приготовлением к расправе, натешила бы его красавица жена, как жена врага народа, лагерных урок. «Розы против стали»...

А тут как бы и выручило сердце бывшего наркома, сразу на нет свело ненависть и презрение толстоусого хозяина советской страны.

А ведь, надо полагать, присутствовал на том диспуте в Женеве Анатолий Васильевич: и Чернов цитировал Маркса, и Ленин ему возражал, и Плеханов возвестил миру о будущем России...

Что за личность Георгий Валентинович! Властитель душ! Пророк! С ним в Россию шагнули марксизм и социал-демократия... Судьба России! Можно сказать, ее крест!..

Впрочем, мог и не быть тогда в Женеве Анатолий Васильевич... Какая разница! Он из тех, кто не только знал — вникал во все тонкости «женевского» ремесла и устава будущей республики — первой в истории республики рабочих и крестьян. Во всяком случае, заслуги его в рождении этой республики лагерных свобод бесспорны.

Что там ни толкуй, а события уже бросали отчетливую тень, и

¹ Наталья Александровна Розенель. Она оставила книгу воспоминаний «Память сердца» (М., «Искусство», 1962).

далеко вперед, аж в самую гущу могильных крестов и безымянных захоронений...

Дух народа, закованный в объятия скелета...

ГОЛОС ИЗ ТЕХ ЛЕТ...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

«Ни мы, ни эта толпа, ни учреждения Америки еще к этому не готовы (к захвату власти в США. — Ю. В.). Я — марксист (слова видного американского социалиста Стоуна, с ним на митинге в Чикаго беседовал в свое время Короленко. — Ю. В.). По моему мнению, капитализм еще не закончил своего дела. Недавно здесь был Энгельс. Он говорил: «Ваш капитал отлично исполняет свою роль. Все эти дома-монстры отлично послужат будущему обществу. Но роль его еще далеко не закончена...»

Общество не есть организм, но в обществе есть много органического, развивающегося по своим законам. Новые формы созревают в нем так же, как растут на дне океана коралловые рифы... Нужна была долгая органическая работа под водой, чтобы дать для этого устойчивое основание...

На мой взгляд, это основа философии Маркса. И вот почему Энгельс в самом конце прошлого столетия говорит, что даже Америка еще не готова для социального переворота...

...Те страны, где есть наиболее развитые объективные и субъективные условия, как Англия, Франция, Америка, отказываются примкнуть к социальной революции...

Приезд делегации английских рабочих закончился горьким письмом к ним Ленину, которое звучит охлаждением и разочарованием (не одобрили красный террор. — Ю. В.). Зато с Востока советская республика получает горячие приветствия. Но следует только вдуматься, что знаменует эта холодность английских рабочих социалистов и приветия фанатического Востока, чтобы представить себе ясно их значение.

На днях я прочитал в одной из советских газет возмущенное возражение турецкому «социалисту» Балиеву, статьи которого по армянскому вопросу отдают прямыми призывами к армянской резне. Таков этот восточный социализм...

Азия отзывается на то, что чувствует в нас родного, азиатского.

До следующего письма...

11 июля 1920 года»

От избытка сердца глаголят уста...

«Правда» молчит, но писатель, для которого совесть людей есть предмет занятий, молчать не может. Молчать — это уже значит не быть писателем.

Это письмо, пожалуй, самое короткое. Оно все о том же, набившем оскомину большевикам и знатокам Маркса: о захвате власти вопреки логике исторического процесса, о преступности насилия.

Вряд ли Владимир Галактионович был осведомлен о междоусобных партийных разногласиях и программах, но умом, культурой, опытом жизни сознавал, что нельзя строить высшие формы бытия, переступая через все предшествующие. Неспособны существовать по отдельности ветки, листья, ствол и корни дерева.

Как из отсталого вдруг слепится самое передовое? Подобное в природе исключено. Одно непременно служит ступенькой другому. Попытка добиться такого вопреки логике и законам развития неиз-

бежно ведет к срыву, падению, а сбой в подобных обстоятельствах преодолеваются только кровью. Сохранение движения становится возможным лишь через постоянное насилие, а насилие уже само по себе ведет к искажению естественности связей в обществе, то есть уродует и разлагает общество. Идеал превращается в свою противоположность — горе, беды и отвратительное настоящее. Именно это не учитывал, то есть совершенно не принимал во внимание, Главный Октябрьский Вождь. Это революционное насилие не являлось тем лечебным и очистительным костоправием, за какое выдавал его Ленин.

Авантюризм переворота, авантюризм в строительстве новой жизни, демагогия, переполняющая новую жизнь, оскорбляют Короленко. Жесток и безнравствен опыт, поставленный Лениным над русским обществом...

Ни одному человеку за всю историю мира не удавалось проверить решения такой важности, столь круто изменить жизнь такого огромного народа и оказывать такое влияние на судьбы мира.

С часа Октябрьского переворота речь шла только о счастье людей, клятвенном заверении дать это счастье, избавить людей навсегда от горя и насилий. Как не двинуть за таким человеком и такой партией?..

Люди не могли усвоить существа социальных учений, но из церкви они вынесли представление о рае. Теперь он был им обещан, причем в скором будущем, — и они не двинули, а хлынули за ленинцами...

Короленко взволнован, потрясен: нельзя эксплуатировать эти чувства народа, они святы, они из веков борьбы за лучшую долю; убить их (эти чувства) — значит наложить тяжкую черную печать на весь облик народа. Преступно обманывать людей в самом святом — вере.

Разумеется, Владимир Галактионович не понимал классовой природы общества — ну на просвет это в нем! Отсюда и обывательский подход к исторической борьбе рабочего класса и большевиков за новую жизнь. Через казни, испытания, голод и страдания — к новой жизни, а как иначе добыть ее, кто даст ее людям? Только так: через тернии — к звездам.

Он что, ослеп старик или умом пообносился? Необходимо ломать сопротивление эксплуататорских классов! Людям надобны не слова, а хлеб насущный, земля, мир и своя, народная власть! Кто это им даст, как не сила, освященная большевистской идеей?!

Письмо Ленина английским рабочим появилось в «Правде» (по валовой выдаче лжи ей принадлежит бесспорное первенство в мировом печатном деле¹) 17 июня 1920 г. До первого мозгового удара оставалось чуть меньше двух лет.

¹ Думал ли я, что стану печататься (и очень энергично) в «Правде» с лета 1992 г.! И взаправду, прямо только вороны летают.

«Правда» за Россию — и я с «Правдой»...

Ленин уведомляет, что выступает в письме не как «представитель Советской России, а в качестве простого коммуниста» (положим, простому коммунисту «Правда» не даст места на своих страницах, если это только не отвечает интересам верхов партии).

«Меня не удивило, что ряд членов вашей делегации, — пишет «простой коммунист», — стоит не на точке зрения рабочего класса, а на точке зрения буржуазии, класса эксплуататоров», ибо вожди тред-юнионов и парламентские вожди вступили «в союз с буржуазией против революционной борьбы пролетариата».

«...Я беседовал с вашей делегацией в среду, 26 мая... В Англии еще есть «влиятельные рабочие вожди», помогающие капиталистам одурачивать рабочих!..

Искренние сторонники освобождения рабочих от ига капитала никак не могут быть против основания коммунистической партии, которая одна в состоянии воспитывать рабочие массы не по-буржуазному, не по-мещански... Но если кто продолжает еще быть в идейном рабстве у буржуазии, продолжает разделять мещанские предрассудки насчет «демократии» (буржуазной демократии), пацифизма и пр., то, разумеется, такие люди... не способны ни на что, кроме как на сладенькие «резолуции» против интервенции, составленные из одних мещанских фраз...

Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и меньшевистских рабочих и т. д. ... Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров... на сторону которых становятся эсеры, меньшевики, ничтожное число меньшевистских рабочих. Свобода печати и собраний в буржуазной демократии есть свобода заговора богачей против трудящихся, свобода подкупа газет и скупки их капиталистами. Я уже столько раз объяснял это в печати, что повторяться мне... не очень весело.

...Те же «вожди» рабочих, которые ведут политику не коммунистическую, на девяносто девять сотых являются представителями буржуазии, ее обмана, ее предрассудков...»

Жирными и решительными мазками очерчено настоящее и будущее России: насилие. О другом речи идти не может, все другое будет стерто.

Набьем землю трупами, но народ будет жить по-нашему.

Ленин высказывает непреклонную решимость лить любую кровь ради своей схемы счастья людей — существования другого он не допускает, его не может быть, все пути взяты на пробу: нет там решений. За любую другую схему сносили и будем сносить головы. Есть лишь один путь к счастью — через кровь и муки. Ленин знает твердо: никакого другого пути ни он, ни его партия не допустят. Только так: насилие!

«Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».
Дух народа, закованный в объятия скелета...

И СНОВА ГОЛОС ИЗ ТЕХ ЛЕТ...

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

«...Бессудные расстрелы проходят у нас (в Полтаве. — Ю. В.) десятками, и опять мои запоздалые или безуспешные ходатайства... я узнал, что 9 человек расстреляны уже накануне (совершенно так же — замечу для Вас, Анатолий Васильевич, — как во время Вашего приезда), в том числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних. Теперь мне известно, что Чрезвычайная Комиссия «судит» и других миргородчан, и опять является возможность бессудных казней. Я называю их бессудными потому, что ни в одной стране в мире роль следственных комиссий не соединяется с правом поставлять приговоры, да еще к смертной казни. Всюду действия следственной комиссии проверяются судом при участии защиты. Это было даже при царях...

По такому же поводу мне пришлось еще писать к Христиану Георгиевичу Раковскому и председателю Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета тов. Петровскому...

Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую штуку...

Нравы остались прежние, уклад жизни тоже. Уровень просвещения за время войны сильно подняться не мог, однако выводы стали радикально противоположные. От диктатуры дворянства («совет объединенного дворянства») мы перешли к «диктатуре пролетариата». Вы, партия «большевиков», провозгласили ее, и народ прямо от самодержавия пришел к вам и сказал: «Устраивайте нашу жизнь».

Известный Вам английский историк Карлейль говорил, что правительства чаще всего погибают от лжи. Я знаю, теперь такие категории, как истина или ложь, правда или неправда, менее всего в ходу и кажутся «отвлеченностями»...

Вашей диктатуре предшествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготившей над Россией. Отчего у нас после крестьянской реформы богатство страны не растет, а идет на убыль и страна впадает во все растущие голодовки? Дворянская диктатура отвечала: от мужицкой лени и пьянства... Что у нас пьянства было много, это... была правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства как класса состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи. Образованное общество пыталось с ней бороться, и в этой «оппозиции» участвовали даже лучшие элементы самого дворянства. Но народные массы верили только царям и помогали им подавлять всякое свободлюбивое движение. У самодержавного строя не было умных людей (был: Столыпин. — Ю. В.), которые поняли бы, как эта ложь, поддерживаемая слепой силой, самым реальным образом ведет строй к гибели...

И строй рухнул.

Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунядцев, грабителей, стригущих купоны, и — ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренно говорить это?..

Вы, Анатолий Васильевич, конечно, отлично еще помните то недавнее время, когда вы, марксисты, вели ожесточенную полемику с народниками. Вы доказывали, что России необходимо и благодетельно пройти через «стадию капитализма»... Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли организующим производство. Несмотря на все его недостатки, вы считали, совершенно согласно с учением Маркса, что такая организация благодетельна для отсталых в промышленном отношении стран, каковы, например, Румыния, Венгрия и... Россия.

Почему же теперь иностранное слово «буржуа» — целое огромное и сложное понятие — с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор его не знавшего, в упрощенное представление о буржуе, исключительно тунеядце, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

Совершенно так же, как ложь дворянской диктатуры, подменившая классовое значение крестьянства представлением о тунеядце и пьянице, ваша формула подменила роль организатора производства — пускай и плохого организатора — представлением исключительно грабителя. И посмотрите опять, насколько прав Карлейль со своей формулой. Грабительские инстинкты были раздуты у нас войной и потом беспорядками, неизбежными при всякой революции. Бороться с ними необходимо было всякому революционному правительству. К этому же побуждало и чувство правды, которое обязывало вас, марксистов, разъяснять искренно и честно ваше представление о роли капитализма в отсталых странах. Вы этого не сделали. По тактическим соображениям вы пожертвовали долгом перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, как натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины. Частичную истину вы выдали за всю истину...

Своим лозунгом «грабь награбленное» вы сделали то, что деревенская грабежка, погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и в города, где быстро стал разрушаться созданный капиталистическим строем производственный аппарат...

Теперь вы спохватились, но, к сожалению, слишком поздно, когда страна стоит в страшной опасности перед одним забытым нами фронтом. Фронт этот — враждебные силы природы.

До следующего письма».

«Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!...» (Маяковский просто незаменим!)

Буржуазия должна ответить за все мытарства трудового народа. Новый порядок призваны утверждать ЧК и чрезвычайные следственные комиссии, иначе говоря — трибуналы, то есть те же ЧК.

Какие суды, над кем, для чего?..

«Задача судов состоит не в том, чтобы говорить о праве, а в том, чтобы уничтожать противников национал-социализма» — это слова главного прокурора фашистской Германии Паризуса.

Ну чем не слова Ленина?..

Или чем, скажите, отличается циркуляр опять-таки фашистского имперского министра юстиции Отто Георга Тирака:

«Судья — человек, истребляющий недостойных. Такие судьи не будут рабски опираться на костыль закона».

Ближе к ленинизму и практике советской власти уже не подступишь.

После поражения гитлеровской Германии Тирак благоразумно покончил с собой. О нем есть в «Мемуарах» Вальтера Шелленберга.

Не истина интересует советские суды, а проведение классовых линий. В противном случае судопроизводство теряет смысл. И вообще: «истинное» понимание патриотизма — это всегда давать возможность убивать себя и себе подобных, то бишь быть согласным на убийства... в любую сторону.

Время прояснило то, что тогда, в младенчестве советской власти, виделось туманным и спорным.

Ленин пребывал в броне собственных суждений, закаленных на талмудах марксизма, в опыте революционной газетно-забастовоч-

ной борьбы и фанатичной уверенности единственности своей правоты. Все прочее представлялось ему неполноценным и преходящим, в том числе и люди. Революция, движение важнее всего, во имя этого возможно все, не имеют значения никто и ничто. Мораль одна: сохранить власть и продвигать ее!

В этой однозначности мышления, запрете иных решений в государственном и партийном масштабе, неукоснительном следовании одной схеме (других не может быть, другие — предательство!) — вся будущая трагедия Октябрьской революции как Великой революции Октябрьских Обманов; вырождение самых передовых законов в свод догматических установлений и превращение республики рабочих и крестьян в тупую насилующую систему. «Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

Ленин в продолжение традиций Робеспьера провел через II и III Всероссийские съезды Советов величайшие законы — «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декрет о мире», «Декрет о земле»... Провозглашены свобода, равенство, братство. Но ни при одной власти, даже самой ретроградно-царской, эти самые освобожденные и раскрепощенные народы не были низведены до той совершенной безгласности, в которой вскоре оказались граждане советской России.

Ленин отнял свободу у людей. К чему она общественным людям-муравьям?.. После Октября 1917-го насилие двинуло большевиков в такую черную яму, такую неправду — все светлое из содеянного ими безнадежно сгнуло в той яме.

Разве в яме? В братской могиле миллионов, вообще не причастных ни к какой контрреволюции. Зато все живые будут жить по Ленину. Даже несогласия между единомышленниками ленинизм разрешал расправами. Ленинизм соглашался только на солдатскую подчиненность и только на полное единомыслие. Все только одного цвета!

Уничтожив разномыслие в партии, отняв у партии свободу выражения мнений (не декларативную, а действительную, самую обычную), Ленин распространил эту систему на всю страну. В этой солдатской дисциплине, беспрекословности подчинения уже таился культ вождя — человекобожества, мудрого и непогрешимого.

Всех умять в одну форму, кто несогласен — в землю. Должен народ жить зажиточно и свободно.

Ни одна власть не стоит столь близко к безграничной диктатуре, как власть при социализме. Этому способствует система всеобщей солдатской подчиненности, отсутствие влияния общества на власть и, следовательно, бесконтрольность самой власти. Тирания — неизбежное следствие марксизма. Диктатура партии предполагает диктатуру вождей. Партия есть орудие диктатора и бюрократической верхушки. В свою очередь и партия принимает на себя обязанности подавления общества. Для народа партия опасна не столько своими руководителями, сколько всей массой рядовых членов, ибо без них нет вождей, нет власти «аппарата», стало быть, невозможна и дик-

татура немногих над народом. Именно вся масса рядовых членов партии — основа произвола и беззаконий. На них зиждется несчастье России. И никакие «отмывания», «очищения» и «покаяния» не изменят сути марксистской партии. Она вся нацелена на захват власти и контроль над мыслью, словом...

Догматы марксизма-ленинизма лишили разум простора и самостоятельности — все идеи и мысли кружат в замкнутом пространстве.

Социалистическое военно-государственное искусство пронизано благороднейшей задачей превращения людей в одно покорное, бездумное стадо, приставленное к станкам, плугам, комбайнам, отбойному молотку...

Право говорить от имени народа монополизировано вождями партии. С момента революции они якобы воплощают собой диктатуру пролетариата — класса, которого они не знали, не могли знать из-за своей совершенной отдаленности от него. Они сами себя произвели в вожди. Но сумели это сделать опять-таки лишь через партию, то есть через свои миллионы щупальцев... Полагалось как само собой разумеющееся, что народ должен думать точь-в-точь как партия, хотя в стране всегда действовала и действует система тотального подавления всякой мысли, отличной от «спущенных сверху». Как таким образом становились известными мнения, настроения народа — великая тайна партийных бюрократов.

Люди, лишённые привычной духовной основы и вообще всего того, что объясняло бы мир, приняли ленинизм, внушаемый всей мощью государственной пропагандистской машины, как бы вместо религии, ибо никакого чудодейственного прозрения в считанные годы произойти не могло. Россия во всей своей многомиллионной толще оставалась неграмотной, заскорузлой, отсталой. Вскоре, по примеру Священного писания, был создан «Краткий курс истории ВКП(б)» — его задалбливали в старших классах школ, институтах, на обязательных занятиях всего несчетного множества курсов, кружков, семинаров и т. п. Задача была одна — превратить марксизм, точнее, ленинизм в религию. Внушить людям бездумное поклонение, фанатичную преданность, следование каждой букве доктрины.

Этот строй стоит на лжи. Он не может существовать без постоянной массивированной лжи. Она скрепляет его неправые устои, является существом этих устоев.

На месте кипучей творческой жизни русского общества проросло мертвое схоластическое древо — корни его углублялись в толщу мертвых тел, влагой питала кровь.

Горе горькое по свету шлялося,
И на нас невзначай набрело...

Воцарилась новая несправедливость, несравненно более лицемерная и бесчеловечная...

Дух народа, закованный в объятия скелета...

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

«Начинаю это письмо под впечатлением английской делегации. В нашем местном офицозе напечатана или перепечатана откуда-то статья «Наша скорбь», сопровождающая письмо Ленина к английским рабочим. В ней прямо говорится, что, наряду с гордостью нашим революционным первенством, русские коммунисты переживают «трагедию одиночества»...

Отбросив то, что можно объяснять полемической несдержанностью и увлечением, остается все-таки факт: европейский пролетариат за нами не пошел, и его настроение в массе является настроением того американского социалиста Стоуна, мнение котор'го я приводил во втором письме. Они думают, что капитализм даже в Европе не завершил своего дела и что его работа еще может быть полезной для будущего. Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати, для них не простые «буржуазные предрассудки», а необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и бесплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся пользоваться ими совместно с народом, объявляем их «буржуазным предрассудком», лишь тормозящим дело справедливости.

Это огромная ваша ошибка, еще и еще раз напоминающая славянофильский миф о нашем «народе-богоносце» и еще более — нашу национальную сказку об Иванушке, который без науки все науки превзошел и которому все удается без труда, по шучьему велению. Самая легкость, с которой вам удалось повести за собой наши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а, наоборот, на незрелость нашего народа (выделено мной. — Ю. В.)...

...Давайте честно и с любовью к истине поговорим о том, что такое теперь представляет наш народ.

Вы допустите, вероятно, что я не менее любого большевика люблю наш народ, допустите и то, что я доказал это всей приходящей к концу жизнью... Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности.

По натуре, по природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира, и это заставляет любить его. Но он далеко отстал в воспитании нравственной культуры. У него нет того самоуважения, которое заставляет воздерживаться от известных поступков, даже когда этого никто не узнает...

Вы говорите о коммунизме — для социального переворота в этом направлении нужны другие нравы...

В этот год картофель уродился превосходный, но... его пришлось выкопать всюду задолго до того, как он поспел, потому что по ночам его просто крали. Кто крал — на этот раз это не важно. Дело, однако, в том, что одни трудились, другие пользовались. Треть урожая погибла потому, что картофель не дорос, запасов на зиму из остальной части сделать не пришлось, потому что недоспевший картофель гнил. Я видел группу бедных женщин, которые утром стояли и плакали над разоренными ночью градами. Они работали, сеяли, вскапывали, пололи. А пришли другие, порвали кусты, многое затоптали, вырвали мелочь, которой еще надо было доходить два месяца, и сделали это в какой-нибудь час...

19 августа 1920 г.»

Если есть надгосударственное образование, то и все его составляющие надгосударственны, то бишь стоят над законами. Выведенность партии из подчинения законам, а вместе с нею и ее высших чинов и выявляет ту особенность ленинского социалистического государства, которая делает понятным исключительное положение

партийной бюрократии. И при всем том это одна из самых трусливых диктатур в новейшей истории человечества. Она не допускает говорить даже ничтожной правды о себе, даже если это в ее интересах. Именно матерый догматизм, отсутствие пластичности — ее слабость, та слабость, которая в конце концов и погубит ее. Она, как все обреченные образования, неразборчиво жадна и слепо труслива.

Бюрократическая каста все кладет себе на выгоду. В то же время все, что способно угрожать ее интересам, независимо от полезности для России подлежит уничтожению или изоляции.

Бюрократию пополняют выходцы из толщи народа, что сообщает ей определенную прочность. Это, так сказать, плебейская бюрократия.

И все же в своих высших звеньях это замкнутая система. В нее сложно проникнуть, и даже браки она предпочитает внутри себя. Раз проникнув в нее, человек уже принадлежит ей, как и весь его последующий род. Это как бы потомственное дворянство — закрепление в избранных, сохранение и в последующих поколениях определенных выгод, в том числе и весьма заметного льготного продвижения по служебной лестнице.

Несправедливость материальная берет начало от основного принципа социализма — «от каждого по способностям — каждому по его труду». Здесь начало начал ограбления народа. Бюрократия отваливает себе «по труду» — все согласно закону. И чем выше ранг — тем жирнее этот кус «по труду». В конце концов он уже не имеет ограничений. Ленинизм смердит по всем направлениям. Да-да, это великая демократия подачек, бессовестных льгот, совершенная безгласность перед властью любого обычного человека. Из каждой поры социалистического Отечества прет дух стяжательства.

Заискивая перед народом, одурачивая лестью и подачками, хозяйева жизни превратили его не только в дойную корову, но и в свое надежное и беспощадное орудие, ибо все в конце концов творится руками народа. Это тоже политика — сделать народ по возможности соучастником своих преступлений. Еще Сталин проводил великое множество собраний трудящихся, на коих проклинали «врагов народа». Что это, как не сознательное втягивание всего общества в лично его, Сталина (и его окружения), преступления? И все эти избивания самого себя народ одобрял на митингах и рычал, требуя только казней. Такое убийство самих себя довольно редкое явление в истории. Большевики этой механикой владели блестяще.

Независимость от кого-либо в обществе и определяет нравственный облик бюрократической касты: стяжательство, хамство, высокомерие — и это подлинные хозяева России, хозяева и растлители, самые настоящие мертвые души ее...

Никто не отвечал ни за какие ошибки и ни за какую кровь. Никто и не скупился на кровь, голод и понукания. Чекистско-партийный каток трамбовал народную гущу. В выведении российского социализма Ленин напоминал средневекового компрачикоса. Нарушение всех культурных норм, свирепость, неподсудность кара-

телей и партийных владык — это от Ленина. Эта вседозволенность хлынула в нашу жизнь, стала естественной в быту. Выросли люди-волки, люди-шакалы и прочие...

Ленинизм — это демократия по-крепостнически, то есть в чисто национальных традициях. Это демократия... при диктаторах и диктатуре, так сказать, с намордником и конституцией, или, точнее, намордником в виде конституции.

Ленин превратил в горе, бойню и бесчестье жизнь целого народа.

И за это Ленин после кончины вознесен в святые и по народным традициям превращен в святые мощи — для поклонений и молитв.

Дух народа, закованный в объятия скелета...

И СНОВА ГОЛОС ИЗ ТЕХ ЛЕТ НЕ ДАЕТ ДРЕМАТЬ СОВЕСТИ

ПИСЬМО ПЯТОЕ

«Приходится задуматься о причинах явного разлада между западноевропейскими вожаками социализма и вами, вождями российского коммунизма. Ваша монополярная печать (сколько же боли в этом замечании! Вся печать захвачена и принадлежит только партии! — Ю. В.) объясняет это тем, что вожди социализма в Западной Европе продались буржуазии. Но это, простите, такая же пошлость, как и то, когда вас самих обвиняли в подкупности со стороны Германии.

Нет надобности искать низких причин для объяснения факта этого разлада. Он коренится гораздо глубже, в огромной разнице настроений. Дело в том, что вожди европейского социализма в течение уже десятков лет руководили легально массовой борьбой своего пролетариата, давно проникли в эти массы, создали широкую и стройную организацию, добились ее легального признания.

Вы никогда не были в таком положении. Вы только конспировали и — самое большее — руководили конспирацией, пытавшейся проникнуть в рабочую среду. Это создает совершенно другое настроение, другую психологию.

...Вы... благодаря бессмысленному давлению самодержавия никогда не выступали легально. Вам лично приходилось тоже рисковать, приходилось сидеть в тюрьмах за то, что во всей Европе было признано правом массы и правом ее вождей, и этот риск тюрьмы, ссылки, каторги заменял для вас в ваших собственных глазах и в глазах рабочих всякую иную ответственность...

И вот почему вы привыкли звать всегда к самым крайним мерам, к последнему выводу из схемы, к конечному результату. Вот почему вы не могли выработать чутья к жизни, к сложным возможностям самой борьбы, и вот откуда у вас одностороннее представление о капитале как исключительно о хищнике, без усложняющего представления о его роли в организации производства.

И отсюда же ваше разочарование и горечь по отношению к западноевропейскому социализму.

Рабочие вначале пошли за вами. Еще бы. После идиотского преследования всяких попыток к борьбе с капиталом вы сразу провозгласили пролетарскую диктатуру. Рабочим это льстило и много обещало... Они ринулись за вами, то есть за мечтой немедленного осуществления социализма.

Но действительность остается действительностью. Для рабочей массы тут все-таки не простая схема, не один конечный результат, как для вас, а вопрос непосредственной жизни их и их семей. И рабочая масса прежде всех почувствовала на себе последствия вашей схематичности. Вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только, что он соединен еще с производством такими живыми нитями, что, убив его, вы убили также производство. Раду-

ясы своим победам над денкинцами, над Колчаком, над Юденичем и поляками, вы не заметили, что потерпели полное поражение на гораздо более обширном и важном фронте... Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя, не обращая внимания ни на что другое, в преследовании этой своей схемы вы довели страну до ужасного положения...

Каждый землевладелец видит только, что у него берут то, что он произвел, за вознаграждение, явно неэквивалентное его труду, и делает свой вывод: прячет хлеб в ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревням России и Украины каленым железом, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики. Если прибавить к этому, что многие области в России тоже поражены голодом, что оттуда на нашу Украину, например, слепо бегут толпы голодных людей, причем отцы семей, курские и рязанские мужики, за неимением скота сами впрягаются в оглобли и тащат телеги с детьми и скарбом, то картина выходит более поразительная, чем все, что мне приходилось отмечать... И все это не ограничивается местностями, пораженными неурожаем... А теперь вдобавок идет зима, и к голоду присоединяется холод. За воз дров, привезенный из недалеких лесов, требуют 12 тысяч. Это значит, что огромное большинство жителей, даже сравнительно лучше обеспеченных, как ваши советские служащие, окажутся (за исключением разве коммунистов) совершенно беззащитными от холода. В квартирах будет почти то самое, что будет на дворе... и это одинаково почувствует как разоренный, заподозренный, «неблагонадежный» человек в скюртке, так и человек в рабочей блузе...

И вот рабочая среда начинает чувствовать вашу основную ошибку, и в ней являются настроения, которые вы так осуждаете в огромном большинстве западноевропейских социалистов; в ней явно усиливается меньшевизм, то есть социализм, но не максималистского типа. Он не признает немедленного и полного социального переворота, начинающегося с разрушения капитализма как неприятельской крепости. Он признает, что некоторые достижения буржуазного строя представляют общепризнанное достояние. Вы боретесь с этим настроением. Когда-то признавалось, что Россией самодержавно правит воля царя. Но едва где-нибудь проявлялась воля этого бедняги самодержца, не вполне согласная с намерением правящей бюрократии, у последней были тысячи способов привести самодержца к повиновению. Не то ли с таким же беднягой, нынешним «диктатором» (пролетариатом. — Ю. В.)? Как вы узнаете и как вы выражаете его волю? Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших офицозах царствует внутреннее благополучие, в то время когда люди слепо «бредут врозь» (старое русское выражение) от голода. Провозглашаются победы коммунизма в украинской деревне в то время, когда сельская Украина кипит ненавистью и гневом и чрезвычайчики уже подумывают о расстреле деревенских заложников. В городах начался голод, идет грозная зима, а вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата. Чуть где-нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль в среде рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты тотчас же принимают свои меры. Данное правление профессионального союза получает наименование белого или желтого, члены его арестуются, само правление распускается, а затем является торжествующая статья в вашем офицозе: «Дорогому красному печатнику...» Из суммы таких явлений и складается то, что вы зовете «диктатурой пролетариата». Теперь и в Полтаве мы видим то же; Чрезвычайная комиссия, на этот раз в полном согласии с другими учреждениями, производит сплошные аресты меньшевиков...

Торжество ли это? Когда-то, еще при самодержавии, в один из периодов попеременного усиления то цензуры, то освобожденной своими усилиями печати, в одном юмористическом органе был изображен самодержец, сидящий на штыках. Подпись: «Неудобное положение» — или что-то в этом роде. В таком же неудобном положении находится теперь ваша Коммунистическая правящая партия. Положение ее в деревне прямо трагическое. То и дело оттуда приносят коммунистов и комиссаров, изувеченных и убитых. Офицозы пишут пышные некрологи, и ваша партия утешает себя тем, что это только куркули (деревенские богачи), что не мешает вам выжигать целые деревни сплошь — и богачей и бедных одинаково. Но и в городах вы держитесь только военной силой, иначе ваше представительство быстро изменилось бы. Ближайшие ваши союзники, социалисты-меньшевики, сидят в тюрьмах... В 1905 году, когда я был здоров и более деятелен, мне приходилось одно время бороться с нараставшим

настроением еврейских погромов, которое несомненно имело в виду не одних евреев, но и бастовавших рабочих. В это время наборщики местной типографии, нарушая забастовку, печатали воззвания газеты «Полтавщина» и мои. Это невольно сблизило меня со средой наборщиков. Помню одного: он был несомненно левый по направлению и очень горячий по темпераменту. Его выступления навлекли на него внимание жандармских властей, и с началом реакции он был выслан сначала в Вологду, а потом в Усть-Сысольск. Фамилия его Навроцкий. Теперь он... арестован вашей чрезвычайной за одно из выступлений на собрании печатников. В октябре Навроцкий был выслан по решению ЧК в северные губернии. Мне пришлось писать по этому поводу в Харьков. Мои «докладные записки» по началу не имели успеха. Теперь Навроцкий свободен, но зато сослан в северные губернии его сын, уже раз, еще в детстве, бывший в ссылке вместе с отцом. Очевидно, история повторяется. Когда теперь я читаю о «желтых» печатниках Москвы и Петербурга (печатники как наиболее образованная часть рабочего класса резко выступили против большевиков. — Ю. В.), то мне невольно приходит мысль, сколько таких Навроцких, доказавших в борьбе с царской реакцией свою преданность действительному освобождению рабочих, арестовывается коммунистами чрезвычайки под видом «желтых», то есть «неблагонадежных» социалистов. Одно время шел вопрос даже о расстреле Навроцкого за его речь против новых притеснений свободы мнений в рабочей среде. Чего доброго, это могло случиться, и тогда была бы ярко подчеркнута разница чрезвычайек и прежних жандармских управлений. Последние не имели права расстреливать — ваши чрезвычайки имеют это право и пользуются им с ужасающей свободой и легкостью...»

К рассуждениям Короленко не худо и присовокупить выражение Герцена, очень своевременное: «Недостаточно быть пролетарием и голодным, чтобы стать революционером».

Зато дружно становились погромщиками и доносителями.

Сейчас это затушевывается, но ведь основа ленинизма — это революционное насилие одного класса над всеми другими, то бишь террор: угрозы, преследования, лагеря, тюрьмы, «психушки», убийства.

Утопия была совершенно оторвана от действительных отношений, сложившихся в мировом хозяйстве.

Вывороченная из подлинных отношений в обществе, схема ленинской экономики — это сугубо утопическое построение, оно способно воплощаться в жизнь через постоянное, неослабное принуждение. Иначе оно работать не могло и не может.

Именно поэтому все последующее движение (идти вспять — тоже ведь движение) общества основывалось на насилии. Без насилия эти нежизненные хозяйственные отношения давали сбой. Сбой за сбоем уже грозили экономической несостоятельностью. Только через принуждение всех и каждого общество могло существовать в мертвых, утопических построениях вождей. Поэтому всю его суть пронизывало насилие.

За эксперимент народ расплачивался горами трупов, нуждой, болезнями, а главное — душевным надрывом, вырождением.

Все верно: людей хорошими или дурными делают обстоятельства. И редко складываются столь благоприятные условия для реализации низменного в людях, нежели в эпоху после Октябрьского переворота.

Тяжкое, надрывное существование, когда для выживания почти постоянно требовались сверхчеловеческие усилия, в то же время обеспеченность жизни (причем круто прогрессирующая) при определенном политическом поведении, а главное — огромных уступках в нравственном отношении к жизни, попросту говоря, совести — это не могло не сказаться на духовном состоянии общества. Еще Антон Иванович Деникин в «Очерках русской смуты» писал: «Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа». Здесь вся суть случившегося. Остается лишь прояснить, что это за «великие потрясения».

Чтобы выжить, массы населения идут на поступки и дела аморальные, грязные, зачастую преступные — иначе ложиться в ров с пулей в сердце или в гроб — от голода, — и не один, а со всей семьей. И следует учитывать, что эти испытания оказывались не разовыми, а такой была жизнь десятилетиями. Каждый миг десятилетий требовал нечеловеческого напряжения для выживания — это не могло не отразиться на духовном облике поколений. Как известно, в исторической науке за поколение приняты 25 лет. А после революции большевизм господствует до начала 1991 г. безраздельно. Правда, в 60—70-х годах условия для выживания имели свой особенный характер, голод и застенки не грозили столь явно, но тиски работы, быта (вообще существования) были очень жестки. Человек, выбивавшийся из общего шага, обрекался если не на гонения, то на прозябание и всяческие невзгоды, которые в конце концов оборачивались болезнями и скорой гибелью или крушением всех жизненных планов. Но поистине людоедскими были условия выживания в первые три десятилетия советской власти.

Стало быть, годы ущербного для морального состояния народа распределяются на целых три поколения! Это очень много, если учесть, что на все время существования России выпадают какие-то сорок поколений — это ровно тысяча лет. Вот так.

Три поколения народа оказались поставленными в тяжелейшие, порой трагически надрывные условия. Что при этом должно происходить с народным характером, представить не столь сложно, да это и видно, что называется, невооруженным глазом.

И все же не все и не всё поддавались перетиранию, подгонке, переплавке в дьявольские шаблоны, назначение которых — приспособить каждого к новой жизни, выживанию в совершенно новых, еще дотоле неведомых условиях. Это явилось истинной трагедией, когда среди великого множества оскаленных лиц, нечеловеческих гримас, крючковатых лап, одинаково приспособленных рвать горло ближнему и хватать, хапать, молниеносно пряча под себя, мученически вели жизнь группы людей (и в среде простого люда, и среде интеллигентской, образованной). Они напоминали деревья, с которых срубали ветки, драли кору, а они все равно жили, правда неизбежно подсыхая, ужимаясь в числе, но все же упрямо выбрасывая побеги и молодую листву жизни: честной, праведной и в самом главном — бескомпромиссной, ибо компромисс означал потерю челове-

ческого в себе. Верно, эти люди порой замыкались в себе, больше молчали (отнюдь не все), но они оставались людьми и никак не являлись материалом для строительства так называемого нового общества. И вот эта, по существу, ничтожная часть народа и составила его духовный каркас, не дала и не давала ему растечься студнем.

Эта борьба Зла с Добром на протяжении трех советских поколений шла слишком в неравных условиях для Добра. Зло, казалось, торжествовало по всей необозримой поверхности земли — всюду, где полоскался красный флаг. Эта борьба с одинаковой яростью со стороны Зла велась на всех уровнях народной и общественно-государственной жизни, в том числе и в научной среде, где противостояние порой принимало характер столкновения якобы научных идей.

Таким эпизодом в жизни трех советских поколений явилась, к примеру, пресловутая «лысенковщина». Итог ее — захват ведущих позиций в биологии шарлатанами, и если даже учеными, то предавшими науку. Жестокость столкновений, а борьба длилась десятилетия, однако, ничем не отличалась от подавления большевизмом (а это ленинизм в самом ярком его выражении) любых других независимых и самостоятельных движений мысли, хотя в биологии данная борьба приняла какой-то карикатурно-зловещий характер. Карикатурный — из-за вопиющей безграмотности вождей «лысенковщины», доходящей до анекдотичности. Но тут было не до улыбок. Борьба сопровождалась казнями, осуждениями на лагерные муки, самоубийствами, отлучением от подлинной науки и любимого дела. Ну, а с другой стороны — как водится, победители. О них не стоит вспоминать.

Все это оказалось небольшим сколом со всего общества — такое маленькое действие, характерное для жизни общества под идеями марксизма-ленинизма. Остается лишь процитировать деятельного участника этого столкновения доктора биологических наук профессора В. Александрова.

«Учитывая все обстоятельства, необходимо, однако, признать, что в том, как биолог прошел испытания этих трудных лет, решающее значение имела моральная структура его личности. Одни не шли ни на какие уступки новым течениям, другие использовали обстановку для захвата руководящих постов в научных и околонаучных учреждениях, для расправы со своими противниками, для материального обогащения. Между крайними позициями можно было наблюдать все промежуточные градации поведения. Так, лысенковская биология поставила грандиозный эксперимент по социальной психологии, подлежащий серьезному изучению. Эксперимент выявил пределы прочности моральных устоев разных людей. Он давал людям материал для самопознания, которого лишены живущие в нормальной обстановке. Ведь только такая обстановка позволяет до конца жизни сохранять благопристойность поведения и оставляет в неведении о хрупкости основ, на которых эта благопристойность зиждется. Лысенковский стресс проявил потенциальные возможности человеческих реакций и отношений, которые в скры-

том виде существуют, подспудно действуя, в условиях нормальной жизни.

Движущими силами поведения в создавшихся условиях были для одних страх лишиться того, чем обладают, для других — стремление добыть то, чего у них еще нет. Чаше действовали оба фактора.

Принятие догм мичуринской лженауки облегчалось невежеством, оно могло служить смягчающим обстоятельством...»

Думаю, нет нужды изучать этот «грандиозный эксперимент по социальной психологии». Октябрьский переворот и три советских поколения народа как раз и прошли через этот грандиозный эксперимент. Ни один человек не уберется от поставленного опыта, не остался в стороне — все до единого участвовали. Каждый из нескольких сотен миллионов людей, вместившихся в три поколения, дал совершенно однозначный ответ. Не надо анкетировать, гонять компьютеры в подсчетах — итог эксперимента перед нами. Все это и привело не столько к крушению коммунистического эксперимента, сколько моральных, нравственных начал народа.

Это и впрямь так: «Великие потрясения не проходят без поражения морального облика народа».

Ленин поставил социальный эксперимент невиданного масштаба, — поставил не над группкой людей, а над целым народом, и на срок в три поколения. Этот классический эксперимент по социальной психологии принес ответ. Это прежде всего вырождение целых пластов народа, настоящая и нравственная, и даже физическая деградация.

«Грабь награбленное!» Народу посулили золотые горы и в обозримые сроки, но при одном условии: отказе от себя и своих богов. И народ ответил согласием. Народ совершал противные разуму и совести дела. Тех, кто не согласился и не соглашался, вымаривали, как вредных насекомых. Это все происходило или на глазах народа, или при непосредственном участии народа, то есть значительнейших масс его. Это не могло не растлевать. К тому же яд нетерпимости, презрения ко всем иным формам государственной жизни, стремление советизировать мир, отрицание правоты всех идей, кроме ленинских, жестокое подавление любой свободной, независимой мысли и воли, поощрение насилий над всем, что хоть как-то отличается от красного цвета, не могли не отравлять народный организм. Дух насилия становится центральной добродетелью общества. И это продолжается в течение жизни трех поколений, это основа его духовного восприятия мира. В одном этом уже заключено поражение в практическом приложении ленинизма, который был и остается утопией, но людоедской, преступной, ибо предполагает для своего воплощения в жизнь постоянное, неослабное насилие. Именно поэтому такое значение приобретают карательные органы, и в первую очередь ВЧК-КГБ. Без их кроваво-неусыпной опеки над народом эксперимент рассыпался бы в считанные дни. Жизнеспособность могла ему сообщить и обеспечить только сила — внутренних, органических связей и

возможностей в нем для существования нет. Этот эксперимент вбивался в народную жизнь, как вбивается крест в могильный холм.

И обжигающая, ошеломляющая правда в том, что, если бы ленинизм, КПСС и все сопутствующие им убойно-карательные службы обеспечили хотя бы относительную сытость, народ продолжал бы жить по-прежнему — так, как жили и доживают эти три советских поколения. Отрезвление, обращение к своим поверженным богам явилось главным образом в результате нужды, потери определенной, заданной сытости. В противном случае стоять бы храмам поруганными и господствовать скотской, лживой морали, сплошь замешенной на лицемерии. Общество вплотную приблизилось к такому состоянию, когда дальнейшее сохранение прежней государственной и политической системы грозило для народа необратимыми моральными потерями. Мы свидетели тому.

Эксперимент состоялся, и он дал ответ: одни лишь материальные мотивы жизни, одна только рационалистическая организация жизни, жизни на нетерпимости, единомыслии, отказе от себя, оборачиваются угрозой гибели цивилизации (российской), превращению ее в сообщество людей, лишенных доброты, ласковости, сострадания, культуры, людей без прошлого, без **Отечества**, без корней. Уже в наше время чрезвычайно сложны устранения этих «поражений морального облика народа» — как-никак три поколения убиения человеческого в людях.

Но в этом ответе на эксперимент присутствует и такое, что должно насторожить весь мир. Общество, основанное на отказе людей от себя, поклонении строго определенному своду идей, таит в себе угрозу для всего человечества.

Вот и вся правда о нашем эксперименте. Теперь остается лишь платить по счетам истории. Все мы являлись участниками этого гигантского действия. И не только на устроителях ответственность. Сами по себе они ничто. Эксперимент обрел плоть и кровь только тогда, когда все мы шагнули в «обещанное светлое завтра» и предали разгрому жизнь, слаженную нашими предками за тысячелетие — десятками поколений. В своей основной массе мы сами захотели быть обманутыми. С того и завязалась кровавая проба будущего, да вот никак и не кончится. Общество год за годом сотрясает кровавая рвота...

Однако эксперимент дал ответ и несколько по другим направлениям, не совсем неожиданным, но другого свойства.

Утопия ведь конечной целью ставила благо людей. Не будем повторять опять, какими средствами.

Эксперимент доказал, что и само человечество недостойно конечной цели утопии — общего счастья и справедливости. Человечество по уровню развития, культуре не соответствует уровню заданной идеи. Стяжательство, хищничество, собственничество, нечестность предопределили крах ленинского эксперимента. И эти качества людей и объясняют в первую очередь, почему эксперимент

являлся утопией. Он был рассчитан и задан не на тот уровень сознательности и зрелости людей.

«Грандиозный эксперимент по социальной психологии» завершился. Занавес всемирного спектакля упал. Но сцена и зал будут пустовать недолго. Занавес непременно поднимется — и человечество опять попытается сыграть спектакль об обществе всеобщего благоденствия, братства и справедливости, поскольку сама идея — прекрасна. И расстаться с нею люди никогда не смогут, ибо что достойного может быть в такой организации мира, когда нажива, культ денег, сила богатства определяют отношения в мире, когда неизбежно в погоне за богатством оскудение и вырождение душ.

Круг замкнулся.

Человечество лишь обрело страшный опыт, как может дорога в рай обернуться кровавым побоищем и одним нескончаемым горем, но сама дорога отныне опять свободна...

Вот и все, что вам нужно? Банки, капитал, валюта, телевизоры, машины, дача, водка?.. И все — Свое, Свое!..

И уже позабыты горы трупов, лагеря, стоны, муки раненых, искалеченных, тифозных, преданных, издыхающих от голода...

И вся правда великой смуты и движения: не душа, не свет любви, не правда и не истина, а лишь Сытость.

И святая книга Библия только пересказывает это.

И не придет Царствие Божие. Невозможно оно.

Продадут и предадут и его, Царствие Божие, — все дело в цене. За подходящую — предадут не моргнув.

Вот и вся правда, для чего появится человек на свет.

Люди согласны поклоняться даже Ироду. Только пусть дает еду, кров и немного удовольствий.

А там пусть Ирод каждый день пытается, вздергивает на дыбу, казнит сотню-другую людей, ни в чем не виновных.

Государство будет благоденствовать. Люди сочинят философию, которая докажет достоинства и неизбежность такого постижения счастья. У людей будут даже книги, театр, музыка...

Это внушает мне сатана, а в душе горит (а может, догорает) любовь к жизни и привязанность к людям. Но делать доллары, валюту, наживать капитал... — и в этом и для этого жить?

Ведь были для чего-то голод, тифозная горячка, трупы, лагеря, расстрелы, издевательства, терпение, надежда, глумления... Не может быть это просто так, пустым капризом! Иначе не связались бы в дьявольский смерч сотни миллионов судеб и не искромсали Россию бесчисленные рвы-могилы!..

Был, есть смысл, а мы не читаем его. Мы остаемся теми же, не уразумев, не расшифровав смысл, переводя его на капитал, наживу, животную толчею, слюни похоти и сытость...

Мы все те же... БЕЗ СМЫСЛА.

Что за жизнь, в которой о человеке, едва только наученном ходить и говорить, можно сказать все — каковой будет его жизнь, все-все дни?

Где же постижение таинства каждого мига жизни?..

Тараканьи бега. Заданы дорожки, направление, темп и даже обличье...

Тараканьи бега.

Чтобы выжить, жить — надо бежать, надо становиться тараканом. Жизнь — это превращение людей в тараканов.

Убиваем душу, Добро — и округляем капитал. Одно с другим нераздельно.

И никогда не колеблемся в выборе — только валюта, только похоть, только Сытость. И тысячи лет, в муках и крови, возводим это общество, на другое человек неспособен — хоть всю землю задвинь храмами и завали святыми книгами.

Тьма тысячелетий.

И Бог, Добро... брошенные, беспомощные... пустой шелест слов.

Иконные доски с мазками красок, взывающие к камню душ, Добру и вере в любовь.

И горстка людей под ногами, всегда горстка... истоптанная в кровь...

И там, где вечная чернота, вихри, огни комет и звезд, где по замыслу Господню и находится вместилище душ, миллиарды, несчетные триллионы бывших людей, обратив к земле бестелесные лица, напрягают уста, рвут пространство криками дни, годы, тысячелетия, а мы не слышим!

Они в смертном исходе своем познали смысл, сверкнул он вдруг ярким огнем, ударом молнии, все осветил на миг и все сделал ясным (потому что это — смертный миг). И несметным криком они называют все слова, дабы мы прозрели, сберегли и уложили в ладони каждый миг бытия, но... крик не долетает, а сами мы БЕЗ СМЫСЛА.

Такова воля Божья. И кричат они из огня комет и звезд о самом сокровенном — о смысле каждого дня, — а мы... Мы не слышим. Мы заняты — и не слышим. Мы творим свой тараканий бег... Да какой бег? Шествие к вечной черноте и вихрям. С капиталами, похотью, властью, а... ничтожные, нищие, жалкие...

И в этом тоже умысел Господень. Ведь в таракана и крысу каждый превращает себя сам. И это Господь и сделал великой загадкой жизни.

Не Ленин был злодей, не его просвещенная гвардия и не Дзержинский (Сталин, пожалуй, убийца не по обстоятельствам, а по призванию), но их утопия предполагала для своего воплощения кровь и муки народа. И эти непорочные, непроступные по натуре люди лили кровь, казнили, гнули к земле целый народ, сея на десятилетия вперед горе и разрушения.

Именно из необходимости утопии гигантским всесоюзным упырем взрос невиданный в истории человечества карательный орган:

ВЧК-КГБ. А за ним взрослые и суды без суда (голые расправы), и милиция (всегда, в любом случае правая), и сбоку — неохватной самостоятельной величиной — коммунистическая партия: огромный политический и духовный надзиратель над всем народом, главная опора утопии и зла, вечный заявитель на диктатуру. И партия эта — из народа, всех его слоев, плоть от плоти народная. Это горькая, страшная истина, даже не истина, а какое-то проклятие, ставшее судьбой народа — он своими руками возводит для себя одну огромную тюрьму, казенный тюремный двор без конца и начала.

Как еще раз не вспомнить слова Струве, столь убедительно подкрепленные письмами умирающего Короленко:

«...В революции, в самом ее ядре, гнездилась зараза контрреволюции, которая до последнего своего издыхания будет кичиться наименованием революции. Под каким наименованием погромная зараза будет раздавлена, совершенно неважно. Раздавлена же и выжжена из русской жизни она должна быть во что бы то ни стало».

Это была (и есть) именно контрреволюция и именно погромная зараза...

И создатель ее — Ленин. И эти черные, огненные тучи он направил на Россию. Его человеколюбие замешено на нетерпимости, крови, лжи и преследованиях всех, кто хоть в чем-то несогласен с ним. Это Мундич по его вдохновению и предначертаниям залил Россию горем и кровью. Чекисты впились в русскую жизнь проклятием и бесчестьем. Этот черный орден коммунистов (ленинцев) и чекистов (ленинцев), придавив Россию (аж утонула в крови, хрипит, тянет голову из трясины тел и крови), держит ее распластанной, не дает вольного дыха, ведет счет мыслям и шагам каждого русского, скребущего с чела своего знаки рабства...

В дни, когда Короленко обдумывал пятое письмо наркому Луначарскому (кого пытался взять логикой — одного из устройств «женевского» механизма и жизни под ним), богоносец революции подготавливал ответ корреспонденту газеты «Дейли ньюс» мистеру Сегрю. Ответ будет обнародован в «Правде» и «Известиях ВЦИК» 12 сентября 1920 г.

Из ответа однозначно явствует, как борется новая власть с меньшевистскими настроениями.

«...Дитман возмущается расстрелами, но естественно, что меньшевиков в этих случаях расстреливают революционные рабочие и что Дитману это не может особенно нравиться. Плох был бы III Коммунистический Интернационал, если бы он допустил вхождение в его ряды Дитманов...»

В общем, все в том же духе письма Ленина английским рабочим: или опуститесь на колени, или сгниете — таков наш принцип грядущего социализма. Тут и без всякого образования ясно (даже без

начального): при подобном разрешении политических разногласий вообще не будет никаких других носителей идей, кроме ленинских (как Гитлер задумал решить еврейский вопрос, так и здесь геноцидом добиться полной идейной однородности). Будет лишь одна социал-демократия — большевистская, всегда единственно правая, так сказать, исторически обусловленная и подлинно народная (определенные основания так считать имелись). Так что меньшевики — это лишь ручеек в бурном потоке крови, пущенном большевиками на слив.

В каждой строке таких документов, как письмо английским рабочим, ответ Сегрю и др., клокочет кровавое человеколюбие вождя. Не таясь, он заявляет: резали — и будем резать! А все недовольные — это буржуазные выродки, холуи, предатели. Кто не с нами — ляжет под нашу поступь...

Нет, в короленьковские времена народ еще не притерся к новой жизни, точнее, его не притерли. Это еще обычный народ, и он еще ропщет, защищает свои права, уходит к Махно, Антонову и прочим «батькам», не ведая, куда причалить от истребительно-карательной любви советской власти.

Ленин был самого лестного мнения о Ткачеве. С его помощью оглыбил свой взгляд на народ, который должен следовать за ними, большевиками, — и никаких одобрений не нужно. Одобрения — это вообще дань буржуазной демократии, видимость свободы, а не свобода. Революционная партия опирается на силу. Так сказать, не создаете своего счастья, мы в вас его вобьем, пеняйте на себя.

Это насилие по Марксу, Ткачеву и по его, Ленина, принципам вождь приложил не только к враждебной большевизму стихии — имущим сословиям и интеллигенции, — но и к самому трудовому народу. Ленин его умело разделял, классифицировал и таким образом подводил под необходимость усечений, так сказать, по непокорно-враждебным частям. Он непрерывно вычленяет в народе все неподвластно-непокорное — и уничтожает, всякий раз не забывая об идеологическом объяснении-ярлыке. Ну не может «женевское» заведение без идеологического клейма. Человек любых достоинств враз за ним растворяется. Ну нет человека — одна враждебность, чужеродность и вызов. Тут и срабатывает заглатывающее устройство. Это уже и рефлекс, и потребность, и, само собой, классовая ненависть. «Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

И однако, та же вера в Ленина, то же безрассудное поклонение.

Какой крик, какие доказательства еще нужны? Изгнать всему народу? Покрыть Россию могильными крестами?..

Но партия существует, в нее вступают, в ту КПСС, что несет на своих плечах безграничную власть генсеков.

Что еще нужно, дабы уразуметь, какая сила в нашей истории ставит нас на грань гибели?..

Дух народа, закованный в объятия скелета...

**И УЖЕ В КОТОРЫЙ РАЗ ГОЛОС ИЗ ТЕХ ЛЕТ,
А МЫ БУДТО ОГЛОХЛИ — НЕ СЛЫШИМ...**

ПИСЬМО ШЕСТОЕ, ПОСЛЕДНЕЕ

«...У вас схема совершенно подавила воображение. Вы не представляете себе ясно сложность действительности.

Но прежде всего вы сделали у себя самое легкое дело: уничтожили русского буржуа, неорганизованного, неразумного и слабого. Вам известно, что европейский буржуа гораздо сильнее, а европейский рабочий не такое слепое стадо, чтобы его можно было кинуть в максимализм по первому зову... У западноевропейских рабочих более сознания действительности, чем у вас, вождей коммунизма, и оттого они не максималисты. После переписки Сегрю и Ленина дело ясно: европейская рабочая масса в общем не поддержит вас в максимализме. Она остается нейтральной в пределах компромисса...

Вы... прекратили буржуазные способы доставки предметов первой необходимости, и ныне Полтава, центр либеродной местности, окруженная близкими лесами, стоит перед голодом и перед лицом близкой зимы вполне беззащитная. И так всюду, во всех областях снабжения. Ваши газеты сообщают с торжеством, что в Крыму у Врангеля хлеб продается уже по 150 р. за фунт. Но у нас (т. е. у вас) в Полтаве, среди житницы России, он стоит 450 р. за фунт, т. е. втрое дороже. И так же все остальное.

...Жизнь берет свое: несмотря на ваш запрет, кожевники-кустари то и дело принимаются делать кожи, удовлетворяя таким образом настоятельнейшие потребности в обуви ввиду зимы... Пока... не узнают об этом преступлении наши власти и не прекратят его... Конечно, вы можете сказать, что у вас уже есть кое-где «советские кожевники», но что значат эти бюрократические затеи в сравнении с огромной, как океан, потребностью. И в результате посмотрите, в чем ходят ваши же красноармейцы и служащая у вас интеллигенция... в лаптях... в кое-как сделанных деревянных сандалиях...

Вообще, сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией. Рассмотрите ставки ваших жалований и сравните их с ценами хотя бы на хлеб. Вы увидите, какое тут смешное, вернее, трагическое несоответствие. И все-таки живут... Да, живут, но чем? — продают остатки прежнего имущества: скатерти, платочки, кофты, пальто, пиджаки, брюки. Если перевести это на образный язык, то окажется, что они продают все заготовленное при прежнем буржуазном строе, который приготовил некоторые излишки. Теперь не хватает необходимого, и это растет, как лавина. Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупa. Все разрушается: дома, отнятые от прежних владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал.

Ясно, что дальше так идти не может и стране грозят неслыханные бедствия. Первой жертвой их явится интеллигенция. Потом городские рабочие. Дольше всех будут держаться хорошо устроившиеся коммунисты и Красная Армия... Лучше всего живется всякого рода грабителям. И это естественно: вы строите все на эгоизме, а сами требуете самоотвержения...

...Не далее двух недель тому назад из Полтавы уходил на фронт красноармейский полк... Во дворе дома, где я живу, есть несколько ореховых деревьев... Трудно описать, что тут происходило... Влезали на деревья, ломали ветви, и, постепенно входя в какое-то торопливое ожесточение, торопясь, как дети, солдаты стали хватать поленья дров, кирпичи, камни и швырять все это на деревья с опасностью попасть в сидящих на деревьях или в окна нашего дома... Но и начальство могло прекратить это только на самое короткое время... Все деревья были оборваны, и только тогда красноармейцы ушли, после торжественной речи командира, в которой говорилось, что Красная Армия идет строить новое общество... А я с печалью думал о близком бедствии, когда нужда не в орехах, а в хлебе, топливе, в одежде, обуви заставит этих людей с опасным простодушием детей, кидаться теперь на орехи, так же кидаться на предметы первой необходимости. Тогда может оказаться, что вместо социализма мы ввели только грубую солдатчину вроде янычарства.

Мне пришлось уже говорить при личном свидании с вами о том, какая разница была при занятии Полтавы Красной Армией и добровольцами. Последние более трех дней откровенно грабили город... Теперь приезжие из Киева рассказывают, что Красной Армии было предложено перед выступлением в поход «одеться за счет буржуазии...». Опасный симптом уже начинается: вы кончаете тем, чем начинали денкинцы. Приезжие говорят, что на этот раз грабеж продолжался более недели...

Чувствую, что мои письма пора кончать. Они слишком затянулись... Поэтому закончу кратко: вы с легким сердцем приступили к своему схематическому эксперименту в надежде, что это будет только сигналом для всемирной максималистской революции... но уже ясно, что в общем рабочая Европа не пойдет вашим путем, и Россия, привыкшая подчиняться всякому угнетению, не выработавшая формы для выражения своего истинного мнения, вынуждена идти этим печальным, мрачным путем в полном одиночестве.

Куда? Что представляет ваш фанатический коммунизм?..

...Вы вместо монастырского интерната ввели свой коммунизм в казарму... По обыкновению самоуверенные, недолго раздумывая над разграничительной чертой, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни, ворвались в жилье... стали производить немедленный дележ необходимейших вещей как интимных проявлений вкуса и интеллекта, наложили руку на частные коллекции картин и книг... Не создав почти ничего, вы разрушили очень многое, иначе сказать, вводя немедленный коммунизм, вы надолго отбили охоту даже от простого социализма...

Дело, конечно... в душах. Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождался учреждение... Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата.

Политических революций было много, социальной не было еще ни одной. Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы...

Народ, который не научился еще владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: «грабь награбленное»), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, — такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться, а не учить других.

Вы победили добровольцев Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, вероятно, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой: оно пробудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея Отечества до сих пор еще является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверно, будет достигнуто только объединением отечеств...

Вы видите из этого, что я не жду ни вмешательства Антанты, ни победы генералов. Россия стоит в раздумье между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться...

...Всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет. В этом смысле можно сказать, что Россия вас заслужила... Вы являетесь только настоящим выражением ее прошлого, с рабской покорностью перед самодержавием даже в то время, когда, истощив все творческие силы в крестьянской реформе и еще несколько за ней последовавших, оно перешло к слепой реакции и много лет подавляло органический рост страны. В это время народ был на его стороне, и Россия была обречена на гниль и разложение. Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные. Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода прививку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего.

Но под влиянием упорно ретроградного правительства у нас было не то...

Затем случайности истории случайно разрушили эту перегородку между народом, жившим так долго без политической мысли, и интеллигенцией, жившей без народа, т. е. без связи с действительностью. И вот, когда перегородка внезапно рухнула... вы явились естественными представителями русского народа с его привычкой к производству, с его наивными ожиданиями «всего сразу», с отсутствием даже зачатков разумной организации и творчества. Немудрено, что взрыв только разрушал не созидая.

И вот истинное благотворное чудо состояло бы в том, что вы наконец... сознались

бы и отказались бы от губительного пути насилия. Но это надо делать честно и полно... Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с вашим народом...

Правительства погибают от лжи... Может быть, есть еще время вернуться к правде, и я уверен, что народ, слепо следовавший за вами по пути насилия, с радостью просыпающегося сознания пойдет по пути возвращения к свободе. Если не для вас и не для вашего правительства, то это будет благодетельно для страны...

Но... возможно ли это для вас?..

22 сентября 1920 г.»

Письма тогда не могли появиться. Они посягали не только на основы революции, точнее, на весь ее авантюризм, но и на мудрость ее апостола, а уже тогда это было невозможно. Главный Октябрьский Вождь и вожди уже приняли сан непогрешимых. И ничего не значили для них ни кровь, ни горе, ни гибель страны. Их собственный эгоизм превышал все.

По Ленину, догматы марксизма оправдывали любые разрушения капитализма. Ведь через разрушения лежал путь к изобилию. Формулы требовали расшифровки. Посвященные разворачивали эти формулы, так сказать, на спине народа. По крови и стонам, то бишь степени немоготы, определялись те или иные знаки искомым величин. А как иначе их определить? Кто научит, даст ответ?..

Диктатор разрушал хозяйственную деятельность громадного и сложного организма, не имея представления о новой экономике. Ясно одно: все должно быть общим. Постепенность развития, последовательность опробования, отказ от всеобщего разрушения не устраивали его. Только так: вздыбить, сломать! И росчерком пера вводились самые крутые меры по углублению революционных преобразований, то есть разрушений.

Развалить капитализм до самых черепков!

Продовольственная диктатура явилась примером тягчайшего авантюризма в управлении страной и ничего общего не имела с издержками военного времени. Это была попытка насилем привить новые формы — те, которые казались наиболее близкими к идеалам нового мира. По деревне был нанесен сокрушительный удар. Вождь действовал беспощадно. Сегодня — кровь, завтра — сияние социализма.

Это факт: Ленин верил, что за ним право истории ломать, разрушать, а следовательно, убивать и приказывать. Всякое неповиновение его планам есть неповиновение ходу истории, есть реакция, белогвардейщина, стремление опять загнать народ в кабалу частной собственности и унижений. Он ни на мгновение не сомневался в законности своей власти. Революционная воля не имеет ограничений, она вещь в себе, она не нуждается ни в оправданиях, ни тем более в подотчетности. Никто не смеет ограничивать революционную волю. И он, Ленин, воплощение данной воли, которая в свою очередь является производной от воли рабочего класса и беднейшего крестьянства. Но вождю несвойственны шатания и незрелость

народных масс. Вождь не должен терять из виду главное движение и все необходимые для него действия. Именно поэтому он не смеет отзывать на страдания и тяготы людей. Вождь видит светлое завтра и все пути к нему. Очерстветь, окаменеть, но пробиваться, пробиться!

Диалектика явлений издевалась над Главным Октябрьским Вождем. Она на глазах у него смыкала священные цели с тем, против чего он всю жизнь боролся. Он уничтожал, разрушал, преследовал, требовал, насаждал, сшивал концы новых отношений ради будущей счастливой жизни, а жизнь, обретая новые черты, превращала это в зло. Рождалось общество, сшитое силой. Его пронизывал цинизм силы. Оправданием всего служила только сила. Бюрократия с хрюканьем осваивала власть.

Обращение к нэпу явилось еще одним признанием поражения, точнее, утопичности планов. Ленин обращался за помощью к тому, что разрушал с такой последовательной ненавистью, — капитализму. Всеобщая социализация жизни, то бишь отмена всех прежних отношений, отказ от частной собственности, разрушение налаженных хозяйственных связей — и все это без малейшей подготовленности к переходу на новые отношения. Поэтому все эти действия по скоропалительному овладению коммунизмом, о котором трубили народу, обернулись не чем иным, как одним бессмысленным разрушением.

Вся советская жизнь скроена по этой душегубной диалектике. На всем — жесткие швы казарменно-государственного воплощения свободы.

Гонишь продукцию за станком, жуешь хлеб, спишь под крышей — и рта не смей разевать. В свободе ты и всяческих благах. От Ленина это представление о счастье и свободе. Вся власть — самозванное утверждение себя и уничтожение тех, кто не признает генеральных секретарей и бюрократическую знать как пророков новой эры. И это тоже от Ленина.

Необходимость в нэпе возникла из-за огульного разрушения капитализма — провозглашения нового мира явочным порядком. Отсюда гигантские потери людей и материальных ценностей. Большевистский бог предстал без сияющих риз, разрушителем и насильником... Разгромлено было то, что наверстывалось потом и натугой каторжного труда, издержками и жестокостями ограничений последующих десятилетий. Да и вообще, труд при новой власти был и есть не спокойное, достойное дело, а штурм, битва, предельное напряжение сил и нервов общества.

Не Гражданская война оказалась основной причиной голода. Без освоения материальной базы (для немедленного перехода на новые отношения), только разрушая, без опыта руководства и кадров курс Ленина неизбежно вел страну к острейшему хозяйственному кризису — исчезновению едва ли не всех промышленных товаров, лекарств, обуви, одежды, а самое губительное — к голоду. За голодом с ослабленного, истерзанного народа снимали жатву тиф, «испанка»

и многие другие болезни, принявшие характер эпидемий. От них людей погибло несравненно больше, нежели от кровавой междоусобицы Гражданской войны. И никто не учитывал другую сторону жизни — невероятную, повседневную тяготу быта в стуже, без продуктов, без лекарств и одежды среди повального воровства, бандитизма, сиротства и дикой дороговизны буквально всего. В первую очередь гибли люди не физического труда, а менее всего приспособленные к примитивным условиям существования и лишениям, то есть интеллигенция. Страна исходила кровью, потом, и болью...

Зачем это вздыбливание страны, зачем этот наскок на «светлое завтра»? Зачем эти демагогические обещания немедленного рая? Зачем оргия разрушений и убийств? Что она создавала?

Зачем вся эта категоричность и жестокость однозначного движения, явочное объявление нового мира, когда сама история учила постепенности, предельной осторожности, а не судорожному прорыву в будущее без всякой материальной обусловленности?

Власть колеблется, власть неустойчива. Лишения, горы трупов и кризисные отношения на местах...

— Крови! Крови! — требует Ленин.

Только кровь дает устойчивость власти. Он и его последователи уверены: массы, отказывающиеся повиноваться приказам вождей, — это уже контрреволюционный сброд. Нет народа и святости народа — есть только сброд!

Никто не должен жить по своим убеждениям, совести, чести. Идти лишь так, как он приказывает; говорить то, что он определил, назвал (сечь надо, сечь «за футуризм»!). Всем следовать его воле, его представлениям о жизни — забыть все, отказаться от всего. Там, впереди, — социализм!

Россия — это Ленин. Традиции, прошлое, настоящее, все самое передовое и чистое — это Ленин!

Всеобщий парализующий страх сковал людей, стал сопутствовать жизни каждого от рождения.

Убивали, терзали, как правило, в тиши. И рыдали, поминая замученных и жалуясь на жизнь... тоже в тиши. Это было непреложным условием новой раскованной жизни — знамена, марши, рапорты, портреты... и слезы в тишине, одиночестве. В этом Отечестве всех и всяческих свобод бьют — и плакать не велят, да и сам не заплачешь на людях. Плакать — это ведь значит не соглашаться с властью.

Жизнь в вечном страхе и запуганности — это характерная черта советского общества. Никогда, ни с кем не делись и не откровенничай — к этому приучают с пеленок, с рождения и до гробовой доски.

Пробовать новые формы жизни — естественно, но убивать тысячами, миллионами за сомнения в законности подобного пути, преследовать любого за самостоятельность мнения, искать и истреблять всех, кто заметил хотя бы ничтожную несуразность в организации жизни под серпом и молотом, погреть любое инакомыслие,

натравливать народ на право свободной мысли, стирать в порошок всех, кто вдруг уловил блеск иной мысли, пробудился от кошмара, именуемого социализмом Ленина, — это преступление. Это — глумление над всем святым, ради чего народ обратился к революции.

Сживали со свету, травили, казнили, убивали без счета, преследовали за все то, что потом приняли в свою жизнь, — неравенство, богатство, несправедливость, привилегии. Что ж теперь, снять шапку и молвить: «Простите, убили, поуродовали на десятки миллионов, уморили и запарили в костоломном быту и работе, однако прочитались? Виноваты».

А кто, какая живая вода оживит, вернет людей?

А изуродованные жизни, культура, новые обычаи, похожие на повадки волков и людоедов?..

Смешон и нелеп ныне лозунг революции: «Горжусь, что я беден!» Чем выше превозносят Ленина, тем отчетливее проглядывает страх разоблачения его святости, страх перед правдой. Отбить работу мысли в указанном направлении, пресечь поиск правды...

Ленинизм искалечил души жестокостью. Это — бесстыдство силы в очищенном виде. Оправдание всего здесь — сила...

И это тоже уникальное явление истории, своего рода рекорд: жертва, которую топчут, обирают, держат в упряжи и свирепой строгости, из которой, по существу, сосут кровь, испытывает нежность к палачу. Впрочем, целовать кнут — это в некотором роде национальная традиция. Помните у Некрасова?

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа...

А как не стать традицией, коли народ слышал только ложь да басни, если к нему не прорывалась правда — во всю тысячелетнюю историю земли русской!

И мысль известкуется, костенеет, ложится в партийные молитвенники.

Ленинизм выступал от имени всеобщего благоденствия и свободы: не жалеть себя, через боль и муки идти за вождем. Только в единстве дыхания, шагов постижение победы! Всегда права могучая поступь общих шеренг. Нет выше радости, как вбивать шаг в один такт, один вдох, под грохот одного барабана. Благоденствие каждого достижимо лишь через благоденствие всех, счастье всех — лишь через ленинизм. Только смирение и величайшее напряжение сил отворит дверь в рай. Научись быть свободным там, где нет свободы; счастливым там, где напряжение жизни разрывает тебя. На коленях принимай милости грядущего рая!

И как свое имя, как имена матери и отца, ты должен помнить, что не смеешь говорить правду — ни слова сверх разрешенных слов,

если не хочешь бесчестия и гибели. Ибо слова всех присвоили Ленин и ленинизм.

Всякая власть портит, а неограниченная — особенно, писал спустя несколько десятилетий после кончины Ленина Дж. Неру.

У Ленина и наших генсеков была власть только неограниченно бесконтрольная. Разложение властью здесь не ведаёт пределов. Эта неограниченность и бесконтрольность власти, её полная независимость и обособленность от народа превращали генеральных секретарей и бюрократическую знать в палачей, извергов, самодуров, расхитителей народных ценностей, лжецов, преступных махинаторов в управлении обществом. Нет преступлений, которые бы не совершали эти люди...

Борделя грязная свобода тебя в пророки избрала...

Луначарский не ответил Короленко и не напечатал письма в «Правде». Все до единого они были утаены от народа¹.

И это тоже был 1920 год.

Письма — свидетельства из недр революционных лет, самой зари советской власти.

Всю жизнь Короленко был строг, даже беспощаден к себе. Не допустил он снисхождения к себе и в свои предсмертные месяцы. «Человеколюбие» Ленина и его партии вызывает его яростное негодование. Народ обезличен и поставлен на колени, и кто смеет и может молвить правду?..

К слову, Анатолий Васильевич не всегда был безропотным соглашателем и покорным солдатом партии.

2 ноября (по старому стилю) 1917 г. он обнаруживает свою отставку. Он отказывается быть народным комиссаром в правительстве Ленина.

«Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве.

Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что же ещё будет? Куда идти дальше?

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя. Вот почему я выхожу из Совета Народных Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше.

А. В. Луначарский»

2 ноября 1917 г.

¹ Впервые письма были опубликованы в 1988 г. в журнале «Новый мир».

Эти фантазии очень скоро покинут писательствующего Луначарского...

В моей библиотеке имеется сборник его пьес «Пять фарсов» (СПб., «Шиповник», 1907). Сборничек я приобрел по случаю в 1961 г. в букинистической лавке на Арбате (еще не было Нового Арбата) у весьма известного в те годы среди любителей книги директора ее — Бориса Израилевича.

Работая над книгой, решил взглянуть на сборник. Полистал... И вот какие слова последние, самые последние в том сборничке:

«А теперь всех в тюремный замок!»

И нарочно не выдумашь.

С ничтожным количеством русской интеллигенции остается Ленин, да и та далеко не единодушна в симпатиях к революции.

31 июля 1919 г. Ленин в тревоге обращается к Горькому. Ленин предпочитал краткость и сжатость писем, докладов, а это письмо из ряда вон выходящее — длинное.

«Дорогой Алексей Максимыч!..

...Как и в Ваших разговорах, в Вашем письме — сумма больших впечатлений, доводящих Вас до больших выводов.

Начинаете Вы с дизентерии и холеры (которые поразили и Питер, и центральную Россию. — Ю. В.); и сразу какое-то большое озлобление: «братство, равенство». Бессознательно, а выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват — в нужде, нищете и болезнях осажденного города (прав Горький: именно большевики и разломали нормальную жизнь, довели столицу России до средневековой холеры. — Ю. В.)!

...И Вы договариваетесь до «вывода», что революцию нельзя делать при помощи воров, нельзя делать без интеллигенции.

Это — сплошная большая психика, в обстановке озлобленных буржуазных интеллигентов обострившаяся.

...Советы уехать Вы упорно отвергаете.

Понятно, что довели себя до болезни: жить Вам, Вы пишете, не только тяжело, но и «весьма противно»!!! Вы не политик. Сегодня — зря разбитые стекла, завтра — выстрелы и вопли из тюрьмы, потом обрывки речей самых усталых из оставшихся в Питере нерабочих, затем миллион впечатлений от интеллигенции, столичной интеллигенции без столицы, потом сотни жалоб от обиженных, в свободное от редакторства время, никакого строительства жизни видеть *нельзя* (оно идет по-особому и меньше всего в Питере), — как тут не довести себя до того, что жить весьма противно.

Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее свержение. Естественно. За первую Советскую республику — первые удары *отовсюду*...

Жизнь опротивела, «углубляется расхождение» с коммунизмом...

Не хочу навязываться с советами, а не могу не сказать: радикально измените обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно.

Крепко жму руку.

Ваш Ленин»

«...Революцию нельзя делать при помощи воров, нельзя делать без интеллигенции...» Помните грабеж еще не остывших останков Романовых — женщин, девушек и мужчин с мальчиком? Помните все эти кроваво-идейные экспроприации — одно нескончаемое насилие, распространенное уже на всю страну? Помните звероподобный клич Ильича «Грабь награбленное!»? Горький все точно схватил: «Революцию нельзя делать при помощи воров...»

И уже широченный, можно сказать, невозвратный шаг к «психушкам» — превращение нормальных людей в больных, глумление над разумом. Раз с революцией не в ладах — «это сплошная больная психика».

Само собой разумеется, что она совершенно здорова у тех, кто вбивает в людей единомыслие (те самые «выстрелы и вопли из тюрьмы»).

Андропов принимал свой метод излечения инакомыслия прямо из рук Главного Октябрьского Вождя.

«Клеветает» Короленко — Ленин и пнул его в письме. Аж хряск до наших дней долетел.

«Клеветает» Алексей Максимыч — пинок поделикатней, но, так сказать, наполненной.

А что до «выстрелов и воплей из тюрьмы»... — казнили и будем казнить, ведь «строительство жизни... идет по-особому».

Естественно, никакие нервы тут выдержат не способны, кроме разве как у убежденных — тех, что этот самый порядок и вывели из кабинетных раздумий и дискуссий, съездов партии и конференций; тех, что мастерили гильотину для народа еще на заре большевизма в далекой Швейцарии. Для них это не ужас разрухи, эпидемии, насилия, а уничтожение сопротивления свергнутых классов, рывок в лучезарное завтра.

«...Радикально изменит обстановку, и среду, и местожительства...» Алексей Максимыч это и сделал, отъехав на Капри. Другим (из несогласных и недопонимающих) эту обстановку, среду и место жительства изменили несравненно проще — тюрьмой, лагерем, ссылкой... расстрелом.

Житие с волкодавами нового строя — это и есть «изменить среду». Некоторые так и не смогли, аж до конца 80-х годов их не оставляли без присмотра и соответствующего «обслуживания».

Горький и тот сумел вписаться в новую среду лишь с третьего или четвертого захода. Сколько улиц да городов его имени понадобилось, какая забота «синего воинства» (лично опекало), аж все

время слеза дрожала на реснице (тогда еще от умиления, после — от осознания тюремности своей жизни)!..

«Ваш Ленин» — так вождь подписывал письма редко, вообще редко; в частности, письмо к Сталину 13 мая 1920 г. Он вообще с исключительной теплотой пишет о Сталине. Вот в письме к А. А. Иоффе 17 марта 1921 г.:

«...Пример — Сталин. Уж, конечно, он-то бы за себя постоял. Но «судьба» не дала ему *ни разу* за три с половиной года быть *ни* наркомом РКИ, *ни* наркомом национальностей. Это факт...»

Во множестве писем, записках Ленин советует своим корреспондентам обращаться по тем или иным вопросам к Сталину, предлагает просить Сталина помочь в том-то и том-то...

И сколько подобного трогательно-доверительного в отношении со Сталиным! А иначе и быть не могло — дело (преступное внедрение в жизнь утопии) было общим, и тут они являлись самыми близкими в понимании задач и методов их решения. Феномен Сталина взошел на ленинизм. «Чудный грузин» добавил свое лишь в отношении с единомышленниками. В остальном — строго шествовал ленинским курсом.

Сталин являлся одним из самых близких к Ленину в последний отрезок жизни главного вождя. Молотов говорил об этом так в 70-х годах:

«Со Сталиным у Ленина отношения были тесные, но больше на деловой основе. Сталина он куда выше поднял, чем Бухарина! Да и не просто поднял — сделал своей опорой в ЦК. И доверял ему.

В последний период Ленин был очень близок со Сталиным, и на квартире Ленин бывал, пожалуй, только у него...»

Как это характеризует отношения в партии: не партия, а Ленин «поднял». А иначе и быть не могло. Партия являлась лишь инструментом (своего рода скальпелем) в руках главного вождя — не самостоятельной, а сугубо подчиненной величиной. Придаток — наиболее точное название этих «спянных единством воли людей». Сплоченные, чтобы быть придатком воли вождя и вождей. Совершенный отказ от себя, своей воли, разума, какого-либо не то чтобы критического, а просто творческого отношения к миру.

С придатком и обходились соответствующим образом, когда он пытался что-то значить. Иначе и быть не могло. Ведь эти «спянные единством воли люди» сами соглашались (и соглашались на подобную роль). Тут все было и есть в точном соответствии с природой вещей.

Кляня ленинизм, карательные органы, не следует выпускать из виду самое первое, самое существенное, можно сказать, душераздирающее обстоятельство. Все советские структуры власти составлял (и составляет) народ. Они — часть народа. Они возможны лишь благодаря определенным свойствам народа, его определенной культуре и нравственности.

«Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

Партия, ленинизм, карательные органы — все это плоть народа, его живая ткань. Насилие исходило от народа, во всяком случае, от его большей части. Народ составлял (и составляет) карательные и партийные органы...

И Ленин, и Сталин, и все прочие генсеки ничего не сумели бы в одиночку.. Силу им давали не только обманная утопическая философия, в которую поверил народ (поверил ведь!), не только ВЧК-КГБ, не только партия (это идейное и духовное насилие), а народ.

И это так: во всю свою горемычную историю русский народ сам возводил для себя тюрьмы, своими руками устраивал жизнь — один тюремный двор.

Народу еще очень долго болеть, не десятилетия, а гораздо больше. Яд ленинизма, яд жестокой, безнравственной утопии проник слишком глубоко в его душу и тело...

Всегда правый народ...

К искреннему облегчению большевиков, Владимир Галактионович упокоился 25 декабря 1921 г.; сочинил махрово контрреволюционные письма — и отринул в мир иной. Ну просто молодчина!

О письмах Короленко, его отношении к советскому режиму и Ленину — ни звука в советских энциклопедиях; ну отошел старче после Гражданской войны, надорвали пламенные годы, а, надо полагать, отдал бы иначе силы пролетарской диктатуре и литературе; в один строй затесался бы с самим «Буревестником», а то, поди, и рифмами пособил бы Владимиру Владимировичу. В самой силе находился пролетарский поэт, совсем не обременен разными мыслями о себе и новом строе — ну далек был от суда и казни над собой...

Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

И в самом деле, зачем городить разные глупости в энциклопедиях и школьных учебниках о писателе-народнике?.. Надо сберечь его для общества, то бишь своих нужд, самое что ни на есть он достояние народа.

Верно: никто ближе писателя не стоит к политике, даже если он пишет о самых возвышенно-отвлеченных предметах...

«...Когда же сумасшествие становится общим у большого количества людей — оно смело проявляется и доходит до высших пределов самоуверенности. Так что уже люди здравые считаются сумасшедшими, и таких людей запирают или казнят».

Это общество свободных людей (и не только у нас) считает естественными преследование и уничтожение всех, кто хоть в какой-то степени ставит под сомнение правомерность догматов власти. Оно бесчувственно и безразлично к расправам над всеми, кто имеет мужество и дерзость сомневаться в мудрости назначенных путей.

«Борьба, ожесточенная до звериной злобы».
Звериная злоба.

Глава VII

ИСКУПЛЕНИЕ

Обратимся к лагерным запискам Димитрия Михайловича Панина:

«Я считаю себя обязанным рассказать читателю о том, какое невообразимое количество людей уничтожено террором. Я веду свой внутренний счет и вправе дать на каждую сотню погибших на моих глазах по одному напоминанию (помните Шарля де Костера: пепел Класса стучит у меня в груди? — Ю. В.). У того, кому полсотни лет угрожала машина террора, особенно когда ее колесо его переехало и едва не задавило насмерть, достаточно оснований, чтобы об этом писать. Тем же, кто, к счастью, этого не испытал, надо для блага близких и своего собственного напрячь воображение, вникнуть, понять и поверить, когда предупреждают об опасности. Иначе может быть слишком поздно... С 1918 года трупный смрад из подвалов чекистов пополз по земле, залпы расстрелов возвестили... о водворении власти подонков, но не сразу и далеко не все поняли жуть эпохи, пропитанной кровью застенков»¹.

О трагедии в Куропатах — лесном массиве под Минском — стало известно весной 1988 г. Экскаваторщик Н. Таран рыл траншею и наткнулся на черепа... Последовало обнаружение многих сотен массовых захоронений. Судебная экспертиза установила, что в них находятся жертвы террора 1937—1941 гг.

26 ноября 1988 г. «Известия» № 332 (тогда еще вполне приличная газета, хотя уже и с проявлениями «западной» и антирусской заданности) обнародовали отчет своего корреспондента с места событий под названием «Правда о Куропатах».

«...За несколько месяцев группа — следователи Н. Ничипоренко, С. Ковриго, О. Абадовский — проделала огромную работу. Вскрыты 8 из 510 предполагаемых захоронений, произведены многочисленные и разнообразные экспертизы, найдены и допрошены 170 свидетелей...

¹ П а н и н Д. «Лубянка — Экибастуз». Лагерные записки, с. 210.

Слово документам и свидетелям...

...Согласно заключению комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы человеческие останки, найденные в 6 захоронениях, принадлежат не менее чем 391 человеку. 114 из них — мужского пола. 21 — женского, по другим останкам пол установить невозможно. Возраст людей от 20 до 60 лет. В захоронениях обнаружены 164 гильзы и 21 пуля от револьвера «наган» образца 1895 года и одна гильза «ТТ».

...В 192 случаях из 213 исследованных выстрелы производились в затылок, остальные — в височно-теменную область головы. В 182 черепах имеется по одному входному отверстию, в 29 — по два входных отверстия, в 5 черепах — по три входных отверстия...

В ходе следствия установлены 55 свидетелей из окружающих деревень Цна, Заболотье, Дроздово, Малиновка, Зеленый Луг, которые были очевидцами событий... Они видели, как работники НКВД привозили в лес на крытых машинах людей и расстреливали их, видели засыпанные и незасыпанные могилы, видели лежавших в них расстрелянных...

Н. Карпович: «Забор был плотный, из досок, однако до конца в 1937 году не достроенный. Внутри была охрана НКВД в форме защитного цвета. Заводили людей вечером. Раза два мне приходилось видеть, как их расстреливали. Их ставили над ямой в ряд... Мы с отцом подошли к яме — яма была большая, около пяти метров, полна трупов, прикрытых ветками. Мы подняли ветки и увидели людей. Одеты они были просто, в куртках, в сапогах, видимо, деревенские...»

Н. Нехайчик: «Мы с ребятами после проезда машин считали выстрелы, их бывало тридцать-сорок, иногда семьдесят. Обычно приезжали по 2—3 машины, но бывало, что и по 6—7 машин».

С. Хмельникова: «В 1937—1940 годах людей расстреливали внутри огороженной забором и охраняемой часовыми территории... Были слышны крики, выстрелы. Как правило, людей расстреливали вечером и ночью...»

...Абрамчик Фома рассказывал, что людей ставили к яме и стреляли из наганов. Люди перед расстрелом кричали: «Да здравствует Советская власть! Да здравствует Сталин!» В 1938 году стали арестовывать работников НКВД, которые принимали во всем этом участие...»

«...25 июня 1941 г. наша организация эвакуировалась в Могилев (показал бывший сотрудник НКВД К. Куликович. — Ю. В.). Однако на завтра меня в составе опергруппы направили в Минск для уничтожения архивов райкомов, горкома партии и НКВД. К нашему прибытию в Минск эти архивы были уже уничтожены во время бомбежек и пожаров. Все оставшееся уничтожили мы и затем вернулись в Могилев».

Отчет в «Известиях» показывает и доказывает, как стирались в пыль свидетели преступлений, их исполнители, пусть даже самые высокопоставленные. Убивали этих, что творили расправы, их, в

свою очередь, казнили другие — и так по несколько раз, чтоб никаких живых свидетелей. Миллион за миллионом как бы сам ложился в землю. Но ужас распространялся, парализуя живых. Чекистов страшились — это были нелюди, сверхсущества. Они творили жизнь и смерть.

Это не могло не уродовать сознание живых, сознание народа. Нечего копать в ленинских резолюциях и доказывать благородность его устремлений — они воплотились в горы безглазых черепов. Жертвы второй мировой войны меркнут, ужимаются перед итогом работы ленинской мысли по созиданию нового общества. Как Батый, прошел большевизм (высшая ступень ленинизма) по российским просторам — ужас, запустение, умственный упадок народа.

«Посмотрите, какая впечатлительная хроника получается, — пишут «Известия». — «За нарушение социалистической законности» и другие государственные преступления привлечены к уголовной ответственности наркомы НКВД БССР:

Молчанов Г. А. — бывший наркомом НКВД с 28.11.36 г. по 4.2.37 г. Приговорен к высшей мере наказания 2 ноября 1937 года (всего два месяца отпустили ему на резню народа — и самого пустили под «нож». — Ю. В.).

Берман Б. Д. — бывший наркомом с 4.3.37 г. по 22.5.37 г. Приговорен к высшей мере наказания 22 февраля 1939 года (ему отпустили на палаческую работу около четырех месяцев — и повязали, поволокли в камеру смертников. — Ю. В.).

Наседкин А. А. — бывший наркомом с 22.5.37 г. по 17.12.38 г. Приговорен к высшей мере наказания 25 января 1939 года (на полгода дали право пускать кровь Наседкину — и расшибли череп пулей. А уж тут в Москву подоспел и Лаврентий Павлович. В Минске аж до 1953 г. утвердился генерал Цанава. Этот доблестный чекист, по свидетельству П. К. Пономаренко, после ареста в 1953 г. без пропусков занимался в камере онанизмом. И этому животному были вручены судьбы миллионов людей! Господи, да когда ж такое кончится?! — Ю. В.).

Следователи говорят, что в 510 захоронениях лежит прах не менее тридцати тысяч человек. Археологи называют цифру гораздо большую, обосновывая ее тем, что могил могло быть до девяти сот, но часть из них покоится под кольцевой дорогой, которая прошла по краю леса».

Вина уничтожения людей (да уж, пожалуй, не людей, а народа) не имеет прощения. Она несмываема и уже сама по себе имеет силу приговора. Что по сравнению с этим все бумаги и резолюции?..

И еще маленькая, почти мимолетная подробность, и все из того же отчета — теперь уже о чекистах после массовых казней.

«Ночью, после расстрела, они приезжали часа в три-четыре, — показывал бывший выводной внутренней тюрьмы НКВД С. Харитонович, — затем до утра пили спиртные напитки в столовой НКВД. Потом, на следующий день, приходили позже на работу».

Там не совесть или страх заливали. Там отмечали еще одну

победу над классовым врагом. И не замыкалось, не связывалось в чекистском сознании, что казнили... народ, что за штампом «классовый враг» стоял обескровленный, оболганный и порядком обесцененный народ...

А потом, в 1993-м, все экраны телевизоров засветятся: счастье — удовлетворение личных потребностей и ничего выше денег нет, не было и не будет. Нажива и есть цель совершенства человечества. А ведь тогда, как думали, стреляли не в черепа, а в эту самую «гнилую идеологию», стреляли именно в эту самую наживу и «четвероногое» представление о счастье. Там счастье — строить новое, круша черепа и вжимая жизнь в догмы устава КПСС, здесь — жрать, поедать других людей.

Замкнулся круг исканий.

Из-за мудрых книг, волшебства полотен и пленительности музыки вылез и расселся (уже в который раз!!), все заслонив, ХАМ — это он корежил жизнь народа, человечества, искажая, уродуя и гася любую искру доброй и чистой мысли. Для ХАМА — смысл и цель человечества в сытом брюхе, блюде и власти над людьми.

Изживание ХАМА и есть единственный путь и смысл человечества. ХАМ неослабно держит ногу на горле человека. И все, что сочиняют люди, будь это научная мысль или возвышенное искусство, от жажды избавиться от ХАМА, хоть миг прожить в неотравленном мире без ХАМА.

Но если ты любишь женщину и она — тебя и вы оба преданы друг другу (ничего нет крепче этой преданности) — все Зло мира бессильно и не способно достать вас; отнять жизнь — да, но не лишить счастья, любви, великой радости принадлежать друг другу, рождать детей и нежить, и воспитывать их. Господи, это уже так много!

Любовь, дар любить, дар ответного чувства — это уже почти Все, если не Все!

Панин приводит сводную таблицу жертв опыта социалистического строительства¹. Цифры согласованы с другими подобными исследованиями. Правдивость выводов мы можем тут же проверить. Ведь у нас на руках данные КГБ, сообщенные комиссии Шатуновской по делу об убийстве Кирова. Согласно официальной справке КГБ, с 1 января 1935 г. было арестовано 19 млн. 840 тыс. человек! Читатель, только вдумайся в эту цифру — ведь оказалась за решеткой и проволокой целая страна!!

Из этих миллионов СЕМЬ было расстреляно!! Как это вместить сознанием?! СЕМЬ миллионов мужчин, женщин и совсем юных людей застрелены в затылок! Что это, товарищ Ленин, товарищи коммунисты?!

¹ П а н и н Д. «Лубянка — Экибастуз». Лагерные записки, с. 368.

Таблица Панина дает за эти годы ту же цифру в СЕМЬ миллионов. Нет никаких расхождений и далее, разве ж лишь в сторону занижений действительных потерь.

Итак, сводная таблица жертв опыта социалистического строительства в России.

1917 — 1921 гг.: расстреляны, замучены, уморены голодом, угли от эпидемий **6—12** млн. человек.

1922 — 1923 гг.: легли в землю от голода в Поволжье и других местностях **7,5—13** млн. душ.

1922 — 1928 гг.: уничтожено духовенства и активных верующих **2 — 3** млн. душ.

1929 — 1933 гг.: ликвидация так называемых кулаков и сопутствующий этому голод унесли **16** млн. жизней.

1934 — 1942 гг. (до начала войны): массовые расстрелы, гибель в лагерях от голода, непосильного труда и эпидемий унесли **7** млн. жизней.

1941 — 1942 гг.: из-за практического отсутствия пищи в лагерях при рабском труде умерли **7,5** млн. заключенных.

1943 — 1945 гг.: погибли в лагерях военных лет **5** млн. заключенных.

1946 — 1953 гг.: заморены напоследок еще **6** млн. человек.

По нижнему пределу цифр (наименьшие потери) это дает **60 млн. погибших**. В действительности эта цифра заметно «жирней». В нее, разумеется, не входят жертвы Великой Отечественной войны, в значительной мере обусловленные людоедской стратегией и тактикой партийного руководства, прежде всего Сталина. Общая сумма потерь России подтягивается к **100 млн. человек!!** И это уже не поддается разумению. Ничего подобного человечество не знало. Господи, неужели эти цифры — **60 млн.** и **40 млн.!!** — ничего не говорят нам?! Неужели мы, народ, не защитим себя даже от ничтожной толики повторения такого?..

100 млн. погибших, из них 60 млн. зверски умерщвленных в мирное время, во всяком случае, не на фронте.

А ведь мы не берем в расчет те десятки миллионов, которые остались жить в горе от утрат родных, кто рос в детских домах, на улице и без родных вообще. Мы не ведем речь и о тех, кто надорвался в «свободном» труде, кто надрывался в работе, уверенный в райской жизни завтра...

Художества «женевской» уродины простерлись в такие дали, о коих простой советский человек и примыслить не смел, даже в самом разброде воображения — ну святотатство, кощунство!

В апреле 1990 г. станет известно о лагерях и массовых убийствах заключенных в Германии и Австрии (в советских зонах оккупации), но уже, разумеется, не нацистами, а идейными ленинцами — чеки-

стами. Не забыли изречение Главного Октябрьского Вождя: каждый коммунист должен быть чекистом? Партия и была на подхвате у чекистов во всех ее самых кровавых делах. А как иначе: теория движения в светлое завтра требует.

С рассказами о тех ужасах выступили, пожалуй, все немецкие газеты (да и не только немецкие), в том числе «Берлинер цайтунг» и «Юнге вельт».

Оказывается, «женевская» тварь приспособила для своих целей бывшие гитлеровские лагеря смерти. Вот это действительно святотатство!! За то, чтобы уничтожить эти лагеря, смести их с лица земли, и полегли десятки миллионов советских людей, а тут... можно сказать, мгновенное возрождение, но только под красным рабоче-крестьянским флагом.

«Едва последний узник нацистов покинул Бухенвальд, как в лагерных бараках появились первые жертвы НКВД. Это произошло 12 августа 1945 года».

Мир праздновал победу, а в это время в лагеря сгоняли людей, чтобы снова убивать... Нацистов там находилось куда как меньше, нежели взятых по доносам и разного рода подозрениям. За проволокой немало оказалось и 12—13-летних детей, тоже обреченных на болезни и погибель.

Таких бывших гитлеровских лагерей было задействовано одиннадцать. На весь мир известный Заксенхаузен прикрыли лишь к марту 1950 г. Надлежало предпринять все, но замести следы. Это означало одно: практически все узники были уничтожены или исчезли в Сибири.

Дематериализация людей — основное занятие чекистов со времен Ленина.

Вот свидетельства бывших узников:

«Питание... состояло из кислой капусты и хлеба... люди худели, превращаясь в ходячие скелеты наподобие узников Освенцима и Дахау. И умирали...»

«Ежедневно умирало от 30 до 40 человек... Лозунг (в Бухенвальде. — Ю. В.) «Каждому — свое» заколотили досками, но все осталось по-прежнему.

Нет, кое-что все-таки изменилось: спилили буковые деревья вокруг лагеря, чтобы создать еще одну зону обстрела за пределами электрического ограждения и деревянного забора; на окнах появились решетки, бараки опутали колючей проволокой; у прохода на лагерную улицу стоял дежурный из числа арестантов...

Кто из нас раньше знал, что бывший фашистский концлагерь Бухенвальд в течение ужасно долгих пяти лет продолжает использоваться советскими оккупационными властями? Его ликвидировали только в 1950 году».

Ну что добавить?..

Система ВЧК-КГБ все та же: что захочет, то с человеком и делает.

С любим!

Да плевое дело!..

Даже с мировым гением! Главное, «чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

Из письма бывшего заключенного В. Клинга от 4 апреля 1947 г. к фрейлейн Фровайн, сестре оберштурмфюрера СС Эрнста Фровайна, бывшего лагерного врача:

«...Непритязательная правда состоит в том, что миллионы немцев, отцы и матери, сыновья и сестры, не видели ничего преступного в... преступлениях. Миллионы других совершенно ясно понимали это, но делали вид, что ничего не знают...»

Те же самые миллионы ужасаются теперь убийце четырех миллионов, Гессу, спокойно заявившему перед судом, что он уничтожил бы в газовой камере и своих ближайших родственников, если бы ему приказали».

Всякая доктрина (независимо от своих лучезарных посулов), если объявляет цель высшей добродетелью (при этом не гнушается любыми средствами достижения), если считает людей стадом, быдлом, не сознающим своего счастья, объявляет другие группы, классы, сословия не заслуживающими человеческого обхождения, если натравливает одни классы, общественные группы на другие, — такая доктрина преступна.

По всем названным признакам это — фашизм.

По всей совокупности признаков это и ленинизм.

И совершенно никакой натяжки в этом нет, это кажущиеся противоположности, в действительности они тождественны.

Убийцы и мародеры.

По части интриг и сколачиванию группировочек, фракций Главный Октябрьский Вождь был непревзойденным мастером, хотя это категорически запрещал всем другим как дело глубоко не порядочное и антипартийное. Молотов это подтверждает однозначно: «Ленин предложил собираться на заседания Политбюроо без Троцкого. Мы сговорились против него...»

Ну, а при таком подходе к данному вопросу самого Ленина нам, как говорится, и Бог велел (вообще Бог позволял большевикам все, и сходило им с рук все), и Молотов вспоминает, как уже без Ленина они, то есть сталинисты, продолжали эту практику групповщинки: «А через год-два — без Зиновьева и Каменева. А потом без Бухарина, Томского, Рыкова. Хотя они еще оставались в Политбюро, но им, конечно, не сообщали».

Тут все в строгом соответствии с природой вещей. Каждому будет воздано по заслугам.

А что до практики этой подленькой групповщинки, так она и укоренится в верхах партии и после кончины основоположника. Будут обманывать своих товарищей по политбюро, ошельмовывать перед партией, обвиняя именно в этой самой групповщине, преступных попытках раскола партии, — и казнят одного за другим в подвале Лубянки. Ответственным стрелком-палачом будет не тот, кто подждал их в подвале у кучи песка и пистолетом наготове, а все они, маленькие, изовравшиеся людишки с самомнением, от которого мутит и спустя полвека при чтении их откровений. Ну и партия, разумеется, как же без нее? Она по-рабски покорно и вдохновенно подпирала этих кровавых гномиков-кривляк.

Возьмут человека, загонят в лагерь (если соизволят не убить), где выживают из тысяч несколько несчастных, и после заявляют (о том, кто вышел, уцелев, сломленным, согласным на все постулаты людоедства научной теории коммунизма): «Проучили человека. Разбираться стал в политике» (Молотов).

Им и в голову нейдет, что человек — это святыня. У него все свое. Он от рождения наделен правом на свои мысли, чувства, желания. И травят, мучают, дабы выморить это свое, сломить, стереть, сделать пригодным к скотскому безгласному существованию.

И сколько же самомнения в правоте у этих палачей, сколько непробиваемого самодовольства! Гадят, плутуют, убивают — и, ровно закливание, твердят: «Это во имя Отечества! Во имя светлого будущего!»

Чьего Отечества? Чьего будущего?

А затем плесневеют на пенсии 10, 20, 30 лет. Утирают лбишко: как же, приморились, это ж сколько натуги надо — приколотить гробовую доску сразу над десятками миллионов жизней, погасить, задуть огонечек этих жизней. И вспоминают ту жизнь — из стонов, страха, слез, крови и лжи. И берегут себя, выхаживают каждый свой насморк, каждый кашлешок или колику в кишочке. Чуть что — и чертит черный лимузин в уютную больничку или на курорт.

Упыри...

Светочи человечества с могильными заступами на плечах...

Нет издателя на эту книгу, чтобы напечатать быстро, точно и без надувательств. Рукопись уже готова, а того, кто согласился бы напечатать, нет. Мало того, что корежат текст, у всех одно желание — нажиться за счет автора, хотя я и без того согласен на все. Без книги какой смысл был у жизни?..

С февраля 1990 г. мыкаюсь — и всюду отказы. Будто никому не нужна рукопись и все в ней совершенно чуждо людям. Время бежит, рукопись все еще на моем столе, а я так торопился, беспощадно уплотнял время, не считался ни с чем, прежде всего ни во что не ставил свою жизнь. Ведь годы, десятилетия!..

И ложатся в рукопись новые листы. Воля и разум не смиренны. Я по-прежнему ищущу — книги в моей библиотеке десятилетиями подбирались преимущественно под одну тему. Я листаю старые, истлевшие книги, до которых не доходили руки в запале работы, снова пролистываю давнишние газеты, сборники, журналы¹.

Как увлекательно, наново сложил бы я «Огненный Крест»!

А сегодня я читал в одном из номеров еженедельника «За рубежом» о покушении на генерала де Голля. То время я помню хорошо, генералу всегда симпатизировал, побольше бы таких, с позволения сказать, диктаторов!

Поражают слова одного из руководителей заговора после неудачи со стрельбой из автоматов и погоней за президентской машиной. Это слова Бастьен-Тири, слова бессильной горечи:

«...Все пытаюсь понять, почему диктаторам часто везет. Гитлер отошел от стола, когда взорвалась бомба, подложенная Штауффенбергом. Бонапарт подорвался бы на адской машине, проезжая по улице Сен-Никез, если бы его кучер не был в тот вечер пьян и не гнал карету что есть мочи. Наверно, в этом нужно видеть руку Провидения, которое хочет покарать народ, согласившийся оказаться во власти диктаторов».

И далее рассказ о де Голле, который всю жизнь с презрением относился к любым попыткам покушения и никогда не прятался, если обстоятельства превращали его в цель. Он — символ Франции!..

За всю свою жизнь Сталин так и не проявил, даже просто не обозначил личного мужества, кроме «мужества» палача, равнодушного к крови и страданиям жертв. Это был палач и изверг по призванию: и большевик-ленинец, и палач. Подобное слияние, совпадение двух понятий, двух качеств не случайно. Большевизм требовал для своего выживания насилия.

«Борьба ожесточенная до звериной злобы».

Все так и было.

Диктатура пролетариата. Раз диктатура, значит, должен быть диктатор. Но это, как мы уже знаем, не распространилось на рабочий класс, который тоже оказался всего лишь жертвой. Ими, диктаторами, явились вожди коммунистической партии, подпертые изрядным множеством палачей с партийными билетами, покрывшими сыпью тело России.

Сломленный народ...

Я избегаю лишний раз обращаться к дополнительным свидетельствам. Книга и без того перенасыщена разного рода цитатами, и,

¹ В 1917—1922 гг. они печатались на скверной бумаге. Книги почти истлели. Бумага ломкая, желто-коричневая, сама распадается.

если идти подобным путем, числа им несть. Литература по революции не то чтобы велика, а необозрима. И все же...

И все же встречаются такого рода документы (показания очевидцев и участников событий — это уже бесценные документы), которые просто необходимо довести до читателя; без них теряется нечто очень весомое, самое что ни на есть коренное, от сути явления.

К таким свидетельствам, несомненно, относится книга воспоминаний Юрия Павловича Анненкова «Дневник моих встреч», уже упомянутая мною.

«В юности отец мой принадлежал к революционной партии «Народная Воля» и состоял в ее террористической организации, совершившей убийство Александра Второго 1 марта 1881 года. Вместе с Николаем Кибальчичем, Софией Перовской, Андреем Желябовым, Тимофеем Михайловым, Николаем Рысаковым (он всех предает после ареста. — Ю. В.) и некоторыми другими членами этой группы был арестован и мой отец. По счастью, непосредственного участия в покушении на императора он не принимал и потому избег виселицы. Он был один год и восемь месяцев в одиночной камере Петропавловской крепости, после чего, приговоренный к каторжным работам, был сослан этапным порядком в Сибирь. Года через полтора каторга была ему заменена принудительным поселением, и отец был переправлен на Камчатку, в город Петропавловск. Туда приехала к нему его жена, и далекий Петропавловск стал моей родиной.

Вскоре отец был помилован и смог постепенно, на собственные средства, вернуться в Европейскую Россию: сначала, в январе 1893 года, — в Самару, где мы прожили года два, и наконец — в Петербург.

В Самаре мой отец познакомился и сблизился с Владимиром Ильичом Ульяновым, а также с мужем его сестры, Марком Елизаровым...

В августе того же года Ленин покинул Самару, и между ним и моим отцом завязалась переписка. В письменном столе отцовского кабинета долгие годы бережно хранились ленинские письма...

...В том же местечке Куоккала, верстах в трех от нашего именина, временно поселился другой шлессельбургский узник, народоволец Морозов (к которому мы ходили с отцом по бесконечной извилистой лесной дороге), и — в тот же год (1906) — переехал в Куоккалу, скрываясь от петербургской полиции, В. И. Ленин... Он неоднократно заходил в наш дом навещать моего отца и В. Н. Фигнер. Таким образом, я впервые познакомился с Лениным в нашем собственном саду...»

Через пять лет, в Париже, Юрий Анненков снова встретится с Лениным и его окружением: Анатолием Луначарским, Владимиром Антоновым-Овсеенко, Юлием Мартовым. Встреча получилась мимолетной.

Далее Анненков вспоминает:

«3 апреля 1917 года я был на Финляндском вокзале в Петербурге, в момент приезда Ленина из-за границы. Я видел, как сквозь бурлящую толпу Ленин выбрался на площадь перед вокзалом, вскарабкался на броневую машину (кстати, из броневого дивизиона, в котором служил будущий русский советский писатель Виктор Шкловский. — Ю. В.) и, протянув руку к «народным массам», обратился к ним со своей первой речью.

Толпа ждала именно Ленина. Но — не я...

Я пришел на вокзал не из-за Ленина: я пришел встретить Бориса Викторовича Савинкова... который должен был приехать с тем же поездом. С трудом пробравшись сквозь площадь, Савинков и я, не дослушав ленинской речи, оказались на пустынной улице...

Так проскользнула моя третья встреча с Лениным.

Вскоре мне удалось несколько раз увидеть Ленина на балконе особняка эмигрировавшей балерины Кшесинской, ставшего штабквартирой большевиков.

...Когда 18 июля 1917 года произошло первое большевистское вооруженное восстание против Временного правительства, мой отец, возмущенный, вынул из своего архива письма Ленина, разорвал их и на моих глазах бросил в зажженную печь.

Движимый любопытством, я несколько раз побывал в период Октябрьской революции... в Смольном институте... Возле двери, ведущей в кабинет Ленина, постоянно стояли то один, то два, то целый десяток вооруженных красногвардейцев. На двери оставалась прибитой металлическая дощечка с надписью: «Классная дама».

...В ночь на 26 октября 1917 года, после взятия Зимнего дворца и ареста членов Временного правительства, я снова пробрался к Смольный, где до пяти часов утра заседал съезд Советов. На трибуне появился Ленин, вернувшийся из своего подполья.

«...Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Последняя ленинская фраза осталась, однако, до сих пор не слышанной, не понятой или умышленно забытой в Западной Европе, в Америке, во всех свободных странах... Подобное непонимание или забывчивость приносит с каждым днем все новые и новые победы международному коммунизму, то есть расширению всечеловеческого рабства.

...Я помню, как через несколько дней после Октябрьской революции один из друзей моего отца, сидевший у нас в гостях, сказал, говоря о Ленине:

— К сожалению, не того брата повесили.

...В ноябре того же года к моему отцу приехал от имени Ленина Марк Елизаров с предложением занять пост народного комиссара по социальному страхованию... Отец ответил категорическим отказом, заявив, что он является противником произведенного вооруженного переворота, свергнувшего демократический строй, противником всяческой диктатуры...»

Именно Анненков оформлял Красную площадь к первой годовщине Октября, и именно он руководил постройкой трибуны для Ленина и гостей (на том месте будет стоять мавзолей).

Для Ленина Юрий Анненков — сын политкаторжанина, знакомый ему почти с пеленок (едва ли не 30 лет), юный друг Веры Фигнер — поэтому Ленин с ним не таится, он свой. Это отношение Главного Октябрьского Вождя переймет и все его окружение. Юрий Анненков не только знаменитый художник, он свой в Кремле. Это делает его свидетелем (а для кремлевских владык и как бы соучастником) самого потаенного — изнанки дела, всего первоизданного смысла его. Дела как оно есть.

«В 1921 году, — пишет далее Анненков, — советская власть заказала портрет Ленина, и мне пришлось явиться в Кремль...

Ленин был неразговорчив. Сеансы (у меня их было два) проходили в молчании... я пробовал... заговорить об искусстве.

— Я, знаете, в искусстве не силен, — сказал Ленин... — искусство для меня — это... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и, когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык, дзык! — вырежем. За ненужностью...

Ленин снова углубился в исписанные листы бумаги, но потом, обернувшись ко мне, произнес:

— Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. «Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель вполне практическая. Только и всего.

Каждый сеанс длился около двух часов. Не помню, в связи с чем Ленин сказал еще одну фразу, которая удержалась в моей памяти:

— Лозунг «догнать и перегнать Америку» тоже не следует понимать буквально: всякий оптимизм должен быть разумен и иметь свои границы. Догнать и перегнать Америку — это означает прежде всего необходимость возможно скорее и всяческими мерами подгноить, разложить, разрушить ее экономическое и политическое равновесие, подточить его и таким образом раздробить ее силу и волю к сопротивлению. Только после этого мы сможем надеяться практически «догнать и перегнать» Соединенные Штаты и их цивилизацию.

В комнату вошла Крупская и спросила меня, не хочу ли я «глотнуть чайку».

Я отказался и, поблагодарив, поцеловал ей руку.

— Ишь ты! — воскликнул Ленин, засмеявшись. — Вы, часом, не из дворян?

— Из дворян.

— Ах вот оно что... Впрочем, я тоже.

...Выйдя из кремлевских ворот, я вдруг испытал чувство морального облегчения...»

И далее совсем необычное, просто ошеломляющее:

«...В декабре 1923 года Лев Борисович Каменев (тогда председатель Московского Совета)... предложил мне поехать в местечко Горки, куда ввиду болезни укрылся Ленин со своей женой.

Каменев хотел, чтобы я сделал последний набросок с Ленина. Нас встретила Крупская. Она сказала, что о портрете и думать нельзя. Действительно, полулежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с беспомощной, искривлённой младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета Ленина.

Это была моя последняя встреча с Лениным.

Ленин умер 21 января 1924 года...

Я жил в то время в Петербурге, работая над одной театральной постановкой. На следующий день после смерти Ленина я получил срочный вызов в Москву, чтобы написать портрет Ленина в гробу. Меня работа не вдохновляла (и Анненков уклонился, попросту спрятался. — Ю. В.)...

Однако, приехав в Москву недели через три, я был немедленно вызван в Высший Военный Редакционный Совет, где мне предложили отправиться в основанный в Москве Институт В. И. Ленина для ознакомления с фотографической документацией ввиду предполагавшихся иллюстраций для книг, посвященных Ленину.

«Ознакомление с документацией» продолжалось около двух недель. В облупившемся снаружи и не топлённом внутри Институте В. И. Ленина... меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа во время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из института... Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской...

Среди множества ленинских рукописей я наткнулся там на короткие, отрывочные записи, сделанные Лениным наспех, от руки, с большим количеством недописанных слов, что вообще было характерно для многих его писаний — до частных писем включительно (я мог судить по письмам, адресованным моему отцу). Эти записи, помеченные 1921 годом, годом кронштадтского восстания, показались мне чрезвычайно забавными... Я, не снимая рваных варежек (пар изо рта валил облаками), незаметно переписал их в свою записную книжку. Вскоре, однако, и эти ленинские странички, как и банка с мозгом, исчезли из института... Я никогда не видел их опубликованными (за исключением двух-трех отдельных фраз)...

В первые годы после Октября Ленин, человек дальновидный, скоро понял невозможность немедленного осуществления коммунистической революции в мировом масштабе.

...Необнародованные ленинские записи говорили:

„В результате моих непосредственных наблюдений в годы моей эмиграции я должен признаться, что так называемые культурные слои Западной Европы и Америки не способны разобраться ни в современном положении вещей, ни в реальном соотношении сил; эти слои следует считать за глухонемых и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения...

...На основании тех же наблюдений и принимая во внимание длительность нарастания мировой социалистической революции, необходимо прибегнуть к специальным маневрам, способным ускорить нашу победу над капиталистическими странами.

а) Провозгласить для успокоения *глухонемых* отделение (фигурное!) нашего правительства и правительственных учреждений (Совет Народных Комиссаров и пр.) от Партии и Политбюро и в особенности от Коминтерна, объявив эти последние органы как независимые политические группировки, терпимые на территории Советских Социалистических Республик. *Глухонемые поверят*¹.

б) Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических сношений с капиталистическими странами на основе полного *невмешательства* в их внутренние дела. *Глухонемые снова поверят*. Они будут даже в восторге и широко распахнут свои двери, через которые эмиссары Коминтерна и органов партийного осведомления (уже обозначается всемирный простор для «женевской» твари. — Ю. В.) спешно просочатся в эти страны под видом наших дипломатических, культурных и торговых представителей.

Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью.

Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, *закроют глаза* на указанную выше действительность и превратятся таким образом в *глухонемых слепцов*. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах, и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против *наших поставщиков*. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства...“»

...В те же месяцы Юрий Анненков в конкурсе занимает первое место. Его портрет Ленина признан лучшим. Кроме Ленина, ему позировали Троцкий, Зиновьев, Антонов-Овсеенко, Красин, Склянский... — убедительный перечень.

«Максимальное использование конституционных свобод буржуазного общества с целью их уничтожения является аксиомой марксистской диалектики», — писал Артур Кестлер.

¹ «Самое забавное то, — писал Борис Бажанов, — что они (не только буржуазия, а люди вообще. — Ю. В.) питают иллюзии, будто с коммунистическим режимом можно работать и делать полезную работу для страны».

Кестлер вступил в коммунистическую партию Германии на исходе 1931 г., оставил — за год до начала второй мировой войны.

Ему принадлежат слова:

«Я прильнул к коммунизму как живительному источнику, а расстался с ним, подобно пловцу, выброшенному из отравленной реки, усеянной руинами затонувших городов и трупами утопленников. Таков был вкратце итог моей жизни...»

«...До войны (1941—1945 гг. — Ю. В.) в Усвяте был конский базар. А как его закрыли, один цыган подошел к памятнику Ленину и говорит: «Лучше б ты был жив, а дела твои померли».

Ну, его сразу взяли...»¹

После смерти Ленина и до 60-х годов писали в книгах, газетах, на красных полотнищах, что крепили по стенам клубов, цехов, казарм, фасадам кинотеатров: «Ленин умер, но дело его живет».

Что живет — это совершенно верно, на сей счет сомнений нет.

Этот скелет намертво прирос к живой плоти народа — не отодрать. И вроде бы окостенел, нет его, а все отравляет, смердит...

Простота и человечность Ленина...

Поражает безмерный цинизм Ленина равно как в отношениях с государствами, так и просто с людьми («говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок»).

Здесь (в записях Ленина, скопированных Анненковым) и вся программа разрушения мира — всего того, что повергло мир в войны «холодные» и «горячие». Здесь вся иезуитская программа советизации мира, которую столь горячо принял Сталин и проводил всю жизнь, предельно раздвинув границы советской империи.

Здесь и все лицемерие Ленина: партийная и гражданская власти якобы разделены и самостоятельны.

Об этом пишут и трубят все последнее десятилетие: будто бы нарушен, искажен основной принцип народовластия, установленный Лениным (партийная власть и советская — независимы одна от другой). Мол, все слияние — дело рук злодея Сталина.

Всегда, везде, во всем господствует единственно партия. Условия диктует единственно партия. И это установил, закрепил в государственном обиходе Ленин. А как же! «Глухонемые поверят...» И надо признать, не ошибся вождь — поверили, и поныне верят...

За всем хороводом фраз о солнечном завтра просматривается безжалостный эксплуататор-вождь, эксплуататор-государство (все те же вожди, бюрократия). Вспомните: «Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин... рабочий мог... читать наши декреты, воззвания, приказы...» Только и всего. Идеал этого строя: человек-робот. Ничего, кроме труда, политичес-

¹ «Звенья». Исторический альманах. Вып. I. М., «Прогресс» — «Феникс — Atheprint», 1991.

кой накачки через различного рода письменные документы... да и размножение... Поскольку народа губим много, налоги наложим на бездетных. Рабочие единицы нам шибко нужны.

Именно здесь абсолютный вселенский рекорд в отношении к искусству («Мы его — дзык, дзык! — вырежем. За ненужностью...»). Отсюда все подавление культуры, исключительно потребительское отношение к искусству — только как к средству воздействия на массы в политически нужных направлениях. Отсюда ждановщина. Отсюда угасание русской культуры, отсюда ерничество частушек и похабные блатные песенки в тысячах пластинок, магнитофонных записей, фильмов. Это блатное, воровское, кабацки-слезливое и разухабистое подмяло все. И как следствие — поразительное убожество вождей социализма. Уголовное нутро власти.

В высказываниях Ленина поражает органическая неприязнь, граничащая с ненавистью, к интеллигенции и вообще людям самостоятельной мысли. Именно из-за подобного отношения к умственному труду всплывет в те годы на поверхность всесоюзной жизни все непотребно-примитивное, грубо-потребительское. Это отношение к интеллигенции отбросит Россию в культурном отношении на десятилетия назад.

Главный Октябрьский Вождь привлекает внимание не своей целеустремленностью, а узостью. Он ограничен до предела: имеют значение лишь доктрина марксизма и его, Ленина — вождя революции, выкладки. В сравнении с этим всё — ничто, даже народ (помните рассуждения учителя — командира полка на допросе у белых: мы имеем роскошь не стесняться в средствах).

И кто, что в божествах у этого человека?

Насилие!

Лишь оно признается высшей ценностью, лишь за ним признается великая преобразующая роль. Сознание только через разрушения, муки, кровь!

Все палачество советской власти (и это доньше: возьмите всеобщую ложь верхов с Чернобылем, возьмите один непрерывный обман на всех уровнях власти) — от Ленина и ленинизма. Сталин — это та же ипостась Ленина, его другая грань, но это все тот же Ленин.

И если этот человек уже более 70 лет для нас высшее божество, если этому человеку мы призваны поклоняться, то чего мы ждем от самих себя? И что же мы можем?!

Когда довод за доводом, факт за фактом укладываются в сознании, вдруг начинаешь сознавать: Ленин — это обезчеловечивание. И Горбачев — лидер нашего государства, лидер «обновления» — клянется в верности этому учению, этой морали, этому человеку.

Не может насилие во имя господства какого-то учения, класса, группы людей быть справедливым.

Все учение о диктатуре пролетариата стоит на трупных ногах. И

к этому учению пытаются приспособить человеческое лицо! Но где, с какой стороны это приспособление вообще возможно?.. Никакое человеческое лицо к этой утопии (точнее — чудовищу) не приспособить и не приделать — это противоестественно!

Народ оказался вовлеченным в кровавое черное дело. Платит за это по счетам истории — без этого нельзя, не бывает.

И тягостную дань этой платы нельзя принимать за оправдание возвращения в прошлое, к былым порядкам на подновленный лад. У этого прошлого — могильные рвы с трупами и разрушенные очаги. И те, кто это сотворил, вновь обещают рай, клянясь обзавестись на такой случай человеческим лицом...

5 августа все того же, 1990 г. сидел я со своими товарищами. Чуть выпивали, чуть жевали что сумели взять с боем в наших магазинах. И вдруг выясняется, что гость напротив меня совсем недавно стоял на расфасовке продуктов для номенклатурных пайков. Он рассказывал об этом заведении. Насыщенность стукачами и официальными сотрудниками КГБ была (и есть) предельная. И все же, когда началась расфасовка икры, в цех сразу входило много людей — не повернуться.

— Зачем? — спросил я, позабыв о закуске. — Боялись, что будете воровать?

— Нет, там не вынесешь, — сказал гость. — Там с этим глухо.

— А чего ж они тогда боялись?

— Цель одна: занять всех разговорами. Тогда никто не сможет есть икру...

Ад что в сравнении с этим?

«...В 1942 г., в начале января, я был арестован... Я находился в камере № 72, это маленькая камера в тюрьме, бывшей «Шпалерке» (это в блокадном Ленинграде. — Ю. В.)...

После приговора меня уже отвели в камеру № 5. Это очень большая камера, в которой после суда было человек до ста. Здесь находились осужденные в возрасте от 10 лет(!) и до 80, всех национальностей — поляки, евреи, эстонцы, финны, русские... Нары из досок были сплошные. На верхнем настиле лежали все те, которые не были людоедами; под настилом, на полу, лежало человек 15—20 людоедов, которые вылезали из-под нар ночью, стаскивали с верхних нар человека и в сыром виде съедали. Мы обращались к надзирателям, чтобы они приняли меры к людоедам, а они отвечали нам: чем больше вас съедят, тем меньше работы. Умирало в этой камере по 10—15 человек в сутки.

В конце марта всех тех, кто мог двигаться и держаться на ногах, собрали и увезли в Кресты (тюрьма в С.-Петербурге. — Ю. В.)...»¹

¹ «Звенья». Исторический альманах. Вып. I.

Людишки любого советского города очень тесно связаны с мясниками — ну куда без них? От их расположения зависит немало: получишь ли вместо мяса кости или все же мясо (хотя кости ведь обязательно кому-то достанутся). И это в условиях, когда мясо — редкость едва ли не космическая.

В общем, мясники — почетная часть общества. Их знают в лицо, с ними заговаривают, смягчая голос и желая по возможности понравиться.

В один из магазинов, лежащих в зоне моей охоты за продуктами (а это настоящий промысел, добыча, полное напряжение сил, а главное — нервов), продавцов в мясном отделе трое.

Алексею за пятьдесят, советскую власть не переносит, что называется, на дух. О себе глаголет скупое. Доподлинно известно лишь одно: в прошлом — летчик-истребитель, офицер. Теперь изрядно закладывает, отчего всегда красный, как малиновый сироп. Кудрявые и еще густые волосы по цвету приближаются к молодому снегу. Для него нет разницы, Горбачев или Ельцин. Алексей презрительно цедит из-за прилавка: «Все тут кровососы и стукачи». Это его окончательный приговор прошлому и будущему нашего Отечества.

Другой мясник — Дмитрий. Ему около тридцати. В парке его девушку скуки ради обозвал «легавый», скорее всего спяну. Девушка резко ответила. «Легавый» стукнул ее по шее: он же все-таки законная власть.

Дмитрий возмущился.

— Что ж вы делаете?! Ведь это девушка!

И получил свое, но уже по физиономии.

Дмитрий — под метр девяносто, крепок, поворотлив. В общем, милиционер загремел в кусты.

Дмитрия доставили в отделение, оглушили и долго, со вкусом избивали — это их законная добыча и умягчение намученной дежурствами плоти.

Дмитрий оказался в Бутырке — нашей исторической следственной тюрьме; кажется, полреспублики через нее протиснулось.

Ему предложили стать осведомителем (вся Россия почти «стучит», а «им» все мало). Парень наотрез отказался. Для начала его поместили к «педикам» — имелся там специальный подбор. Дмитрий, что называется, дошел: ни минуты сна. Забудешься — изнасилюют. Спал стоя, но выстоял, не взяли, не испакостили.

Дмитрия загнали в карцер. Он стал кашлять, затемпературил, засвистели легкие. «Комитетчики» улыбались. Но он по-прежнему отказывался «пойти в стукачи». Похоже, он уже и не был им нужен, они просто мстили. Дмитрий вскрыл вены раз, второй, четвертый... Всякий раз его спасали... чтоб продолжать мучить. Он вытягивал руку, закатывал рукав: от кисти до локтя узкие поперечные шрамы. Бритва ведь почти не оставляет следа.

Сомнений нет: его заморили бы, не «выкупи» родня. Она принялась носить богатые передачи, деньги (надоумили) — все для разной тюремной челяди.

Его оставили в покое.

Судили, получил срок, оказался в лагере.

Оскорбленный, доведенный до высшей степени отчаяния, он отказался работать. Другого способа выразить протест не было. Его дубасили два месяца без перерывов — он все равно не выходил на работы. И опять его оставили в покое.

В тюрьме и лагере он увидел такую подлость, такую неземную жестокость, такое надругательство над жизнью — это сломило его. Бледнея, теряя голос, он рассказывал о порядках в зоне. Подсидживания, доносы, унижения, побои. За «бабки» (деньги) приведут женщину — и оставят с ней. За «бабки» доставят водку, наркотики, жратву. Купить можно все. Лагерников режут, дают новые сроки, калечат, избивают...

Дмитрий повторял: «Я не работал, но остальные работали, в основном на начальство. Нас держали там за рабов. Все в зоне — это собственность начальников лагерей. С нами можно все. Любое неповиновение — побои, нож в бок или наматывают новый срок, и статью искать не надо...»

До тюрьмы Дмитрий учился в аспирантуре. У него диплом инженера. Он безусловно владеет английским — у него способности к языкам. Его ждала интересная работа. Россия получила бы достойного гражданина, интеллигента. Но в том-то и дело, что ЛЮДИ ей не нужны. Ей за своих — блатари, партийное ворье; мучители в сине-голубых мундирах, доносчики, болтуны...

Теперь Дмитрий пьет. И, бледнея, весь напрягаясь и дрожа, говорит о похабности нашей жизни. И сколько боли, невыплаканных слез в голосе! Поистине страшна его ненависть к «комитетчикам» — «крючкам» (как он их называл по имени их шефа).

В ноябре Дмитрий уезжает в Канаду. У него уже есть вызов. Уезжает навсегда. Он говорит, что бросит пить, больше не возьмет ни капли — и будет работать. Он готов мыть посуду, сортиры, руками выгребать дерьмо из сточных канав, ежели такие обнаружатся в Канаде. Все, что угодно, но в Россию не вернется. «Будь проклята!» У него будет новая Родина.

О третьем мяснике сказ как-нибудь после. И так вышло длинно. Книга-то не о моих знакомых мясниках, а о Ленине и ленинизме. И партии, которую столь берегут в этом Отечестве насилий и нужды...

Это провидение, судьба, Бог (кому что угодно) назначили народу меру искупления греха.

Идти и терпеть. Терпеть, даже если нет силы жить. Не дали отпор, сами загнали себя в эту яму.

По историческим счетам надлежит платить.

Не могут быть просто так, безответно втоптаны в землю десятки миллионов жизней. Ведь замучены, обесчещены, убиты.

Народ принял веру Ленина — ленинизм. Муки народа теперь —

это искупление. Нельзя без ущерба для морали (самой жизни) уничтожать людей, творить зло, глумиться над людьми, превращать людей в животных. Народ, который допустил это, должен пройти дорогой исцеления.

Не вынесет, сорвется на новое насилие, новые диктатуры, новую междоусобицу — значит, погибнуть ему; значит, мера зла, совершенного всем миром людей, превышает духовные и физические возможности народа к возрождению; значит, быть ему орудием зла и терпеть муку до самоизживания себя.

Идти — и терпеть.

Десятки миллионов трупов, живых, но истерзанных душ — за это полагается плагион, это просто так не списывается. В природе сообщества людей все помнить и нести в себе.

И по камню, по кирпичу возводить новую жизнь. Хоронить родных, рыдать, сушить слезы новым горем — и строить новую Россию, но не уступать ее никому. Наша Россия!

Другого не дано, другое не существует.

И не терять гордость, не терять чувство национального достоинства, не позволять чужим быть судьями в нашем доме. Нести боль в себе — и распрямляться.

Еще много разных «человеческих лиц» наладятся сулить и предлагать народу, но у него один путь (другого не дано): отказ от зла, нетерпимости, ненависти, насилия. Не будет этого — гнить народу душой и телом...

И никто, никакой святой не даст избавления, скорого благоденствия. За служение злу, растление, уничтожение людей полагается ответ¹.

Любой другой путь — ложь и зло в новом обличье.

И на этом горьком пути не забывать: подаяние предполагает право на твою душу или души многих людей. Подают... чтобы посадить на поводок, навязать ошейник. Не все, но очень многие... Помните, ведь это люди предали Христа!

Терпеть...

¹ Из газеты «Русское дело», 1992, № 3: «...реальность бытия не зависит от навязанного нам представления о гуманности, и до тех пор, пока существуют те, кто видит в нас врагов и рабов, антигуманной по отношению к нам будет проповедь смирения и непротивления злу — проповедь одностороннего духовного разоружения».

Проповедь нравственного очищения, непротивления имеет смысл внутри одного народа, дабы исключить из его жизни насилие и нетерпимость. Такая проповедь имеет смысл организации жизни народа на новых духовных и нравственных началах.

Это неоспоримая истина: если к тебе заведомо идут как враги (огрбить тебя, покорить твою Родину), а тогда только молиться и терпеть — значит, быть обобранным, лишиться родной земли. Народ будет обречен на вымирание. Политика деятельного насилия, подавления человека в человеке, как это было и в большевизме, нуждается в отпоре. Тем более не образумить духовными песнопениями чужеземных захватчиков.

Мы должны держать меч обнаженным и разить врагов России, наглых и жестоких захватчиков русского богатства, земли, попирающих наши верования, обычаи, устои. Враги русской земли нашли предателей среди нас, и теперь они все вместе продают, предадут Россию, русских и братские с ними народы.

Чем решительней отказ от зла, тем короче путь.

И покуда власти у народа нет, быть ему ломовой лошадию у разного рода возниц с «человеческим лицом». Народ будет лошадию, всего лишь лошадию, в очередной раз... жертвой...

А что до ленинизма... не привинтить, не приклеить, не прибить и не подвязать тесемками к нему «человеческое лицо»... Не выйдет. На том месте — кровь, ложь, стяжательство. Не станет держаться маска даже на сверхклее самых праведных и проникновенных слов. Время ленинизма избыло, вышел его исторический срок, столь громко именуемый эпохой. Эпоха громких слов и растленных поступков.

Мозг с грецкой орех... Один человек видел и рассказал, а все остальные утаили: кабы не рассудили на все дела и все учение, кабы не приняли результат болезни за обычное состояние мозга великого провозвестника небывалых «свобод и счастья»...

В стремительном рассказе Анненкова — подлинный Ленин, тот, до которого не надо добираться через завалы надуманных строк; подлинный в наготе, доступности. На мгновение он приоткрылся перед тем, кого считал своим, только краешком открылся, самым-самым краешком.

Этот Ленин начисто отсутствует в так называемом полном собрании сочинений, в том, которое призвано лепить иконный лик великого вождя. Но есть другой, у которого очень мало общего с этим. Этот подлинный Ленин — в бетонно-бронированных сейфах хранилищ Института марксизма-ленинизма — недоступный, навек засекреченный. Это сверхсекретные протоколы политбюро, доверительные письма и записки «своим». Это тот Ленин, от которого содрогнется мир, и потому он спрятан, замкнут, замурован...

Главный Октябрьский Вождь поражает все той же узостью мышления. Он не может уразуметь, это ему не дано: что, если имеется несколько моралей, это уже гниение человека и людей. И это разложение неизбежно в первую очередь для тех, кто, казалось бы, защищен от всего мира своим положением.

Именно здесь началось разрушение ленинской гвардии и его (Ленина) утопии, а не в надуманности экономической схемы. Сразу дала червоточину, гнильцу сама опора строя — человек, будь он с партийным билетом или без оного.

Сначала пал человек, после затрещала и рухнула Система. Великий рационалист и утопист учел все: жестокость подчинения, свирепость карательных служб, единомыслие, обязательность определенного культурного и духовного пайка. Не была учтена в выкладках лишь одна «материя» — Душа. Именно она отказалась жить в ленинском царстве железа, крови, приказа, лжи и всяческого грома-гласия.

Душа пала под ложью, а с ней пала и Система.

Никогда не сможет существовать сама по себе Система и сама по себе Душа. Это не дано было знать великому утописту, хотя в слове

«утопия» всегда слышится нечто доброе, наивно-фантазерское. Ленин оказался утопистом особого склада — из логики железа и крови.

Он был великим утопистом. Он начертил схему (в которую непрерывно вносил дополнения, уточнения, в общем, всяческие нэпы, большие и крохотные), но в этой схеме не было места Душе. И эта неуловимая, призрачная «материя» (нельзя ни потрогать, ни взглянуть) жестоко посмеялась над великим материалистом и диалектиком.

Никогда, никто не построит жизни, если Душа изгнана.

Спрашивают, почему все напасти на русский народ — беда за бедой.

А потому, что живет на богатой земле, живет вольготно, неестественно (в Европе, эвон, все локтями друг друга пихают, ни клочка свободной и чистой земли). Нивы от горизонта до горизонта. Сибирь так еще по-настоящему и не тронута.

Тут столько соискателей на эти богатства! А сколько жадных рук уже тянулось! Владей русские одними песками да горами — и никто не ходил бы в гости со стрелами, пиками, мушкетами, танками и «перестройкой».

До сих пор доблестно защищал русский свою землю, а тут сдал. Не уберегли Россию! Тысячу лет предки наши «копили», оберегали ее, а мы сдали...

Самое подлое поколение русских! Не будет нам прощения...

Сейчас «демократическая» печать углубляется в проповедь аморальности любви к Родине, преуспеваает в этом и многожды орденоносная «Комсомольская правда», взять хотя бы номер за 27 июня 1992 г. с рассуждениями А. Муртазаева: не люби отчий дом — и не будет бед, крови...

Ширится подлая кампания: не должно быть чувства патриотизма, это — изжившее себя чувство, пережиток прошлого. Это главная забота «демократической» прессы: тогда будет сломлено сопротивление народа. А ну-ка скажите в Израиле, что не должно быть чувства патриотизма, смешивайтесь и живите одной семьей с арабами. Скажите японцам, что их любовь к своим островам — это несовременное, пещерное чувство, от него следует отказаться. Скажите об этом датчанам, которые вдруг проголосовали против единой Европы — им дорого свое Отечество. В России же эти кощунственные слова говорить не возбраняется.

По логике: если нет чувства патриотизма — значит, нет и Родины, стало быть, и нет предательства. Делай по отношению к этой стране все, что угодно, потому как нет такой моральной категории — Родина, Россия. И армия тогда будет ненужной — а что ей защищать, коли нет Родины? И пусть армия рассыпается.

И история наша — сборник анекдотов, глупостей, сюжетцев для бульварных книжонок.

День ото дня это внушается нам, изливается помоями на наши головы. И делается это на русской земле!

Что это?!

Задача врагов России (а наша лжедемократия стала их основным оружием) — физически обескровить русский народ, сократить его численность, вызвать в нем духовный паралич и омертвение высоких чувств и, как следствие, осуществить разгром и захват России.

С нападением Гитлера на Советский Союз пришло в движение множество людей. Кто мог, бежал из западных областей, хотя это оказалось делом трудным. Движение немцев было стремительным, уже через неделю пал Минск. С августа 1941-го они уже начали угрожать Москве. В поток беженцев влилась и наша семья: мы с братом и мама. Милая, дорогая мама, припал бы к твоим ногам и не шевелился...

Недели мы добирались до Долматова. Там поселили нас по распределению в дом на окраине города. Хозяин советскую власть ненавидел и все грозил нам:

— Придут немцы и перережут вас всех, комиссаровых сук и их выродков.

Из разговоров мамы я уяснил лишь одно: это был дом раскулаченных.

Мама списалась со знакомыми (кажется, Мокрушиными), и мы отправились в Ленинск-Кузнецкий, точнее, горноспасательную станцию под этим городом.

На станции школы не было, и брат ходил в Ленинск-Кузнецкий, это полем около часа. Я так скучал без него, что приходил к школе и под окнами ждал его — и так все дни. Обычно мы вместе возвращались, превращая это возвращение в игру.

Однажды нас догнала упряжка. Последним осенним зноем отходил тихий маревый день, в поле — ни души. Мужик лет сорока с вожжами в руках накуривал самокрутку. Лошадь шла не так чтобы резво, и мы не раздумывая сорвались, догнали телегу и вспрыгнули на самый краешек, опасливо косясь: не согнал бы дядя.

Так, трясясь по пыльной дороге, мы и катили блаженствуя, как вдруг мужик повернулся к нам, изогнулся и длинно вымахнул кнутом. От удивления я потерял способность к движению, зато брат с телеги слетел почти мгновенно. Еще бы, кнут ожег его!

В тот же миг я услышал полное злобы шипение:

— Пошел в..., жиденок!

Но мужик обращался только к брату, а меня и не замечал. Пораженный, я так и катил в телеге. Наконец я пришел в себя и спрыгнул. До сих пор помню — на дороге было очень много пыли, почти белой и невозможно мягкой и ласковой пыли. Но кнут, кнут!..

Мой папа, Власов Петр Парфенович, коренных русских кровей,

из села Хреновое Воронежской области. Весь его род белый, круглолицый.

Моя мама, урожденная Лымарь Мария Даниловна, из станицы Мингрельская Краснодарского края. Станица из древних, ее основали запорожцы, изгнанные Екатериной Второй из Запорожской Сечи. Поначалу жен они брали с гор — своих, украинок или русских, не было, своих не хватало, вольные же не шли в эти края. Давали калым — и брали почти малолетних девочек, в горах дорожили сыновьями.

Отсюда у казаков смуглость, горбоносость и чернота волос.

Лет до двенадцати у меня были белые волосы и прямой нос, без горбинки, — хлебный русский мальчишка. После нос пошел на излом, а волосы потемнели, борода после и вовсе пошла смоляная. Но в детстве я был белый, толстогубый, голубоглазый...

А брат от рождения черный и горбоносый.

Этот случай настолько врезался в память — я до сих пор остро помню все подробности.

Весь вечер мы расспрашивали маму, кто такие «жиды».

Мама строго говорила, что это гадкое, грязное слово — и мы должны забыть его, все люди равны, только фашисты ненавидят и убивают евреев...

Искусственно отрывая идеологов насилия и казарменного счастья от исполнителей (коммунистической партии, комсомола и всякого рода разновидностей этих организаций, а также ВЧК-КГБ), Горбачев и другие лидеры ленинской партии по-прежнему славят Ленина.

20 апреля 1990 г., в канун годовщины 120-летия Главного Октябрьского Вождя, Горбачев произносит в Москве речь. Она называется «Слово о Ленине Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева».

«Товарищи! Гении тем и отличаются, что нужны людям во все времена и каждый раз оборачиваются к ним новой гранью.

Перестройка открывает нам подлинного Ленина...

Не будь Ленина, не будь Октября, невозможно было бы сейчас так по-новому поставить всемирно-исторический вопрос о критериях прогресса человечества и самооценности человека.

Мир Ленина необъятен. Он охватывает все сферы человеческого существования...

Мы теперь поняли, что Ленин требует полного, всеохватывающего, а не выборочного изучения — во всем богатстве его творчества...

Но мы решительно отвергаем надругательства над памятью Ленина, в чем бы это ни выразалось и где бы это ни происходило — у нас или за границей.

Чем скорее мы преодолеем упрощенное восприятие Ленина, тем лучше пойдем его величие, насколько он современен и нужен нам...»

Ну что тут молвить?..

С новым рождением, Владимир Ильич!

С новым качеством... социализмом с человеческим лицом!..

И на том спасибо, что вспомнили о лице — должно все-таки быть, непорядок — без лица. И желательно все же человеческое лицо, на другие нынче нет спроса...

Так и хочется воскликнуть словами Филиппа Филипповича Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца»: «„Ей-богу, я, кажется, решусь“ . Никто ему не ответил на это...»

И похоже, это правда: отвечать и впрямь некому...

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739—1791) прославился отнюдь не одной близостью к Екатерине Второй (как деликатно изволили выражаться в подобных обстоятельствах: «Он в случае» — сиречь в любовной связи с самой императрицей Екатериной Алексеевной). Светлейший князь преуспел и на другом поприще. Под его неусыпным руководством Россия не только окончательно осела на своих южных окраинах, но и приступила к их энергичному хозяйственному освоению.

В 1930 г. Херсон по семейным обстоятельствам навестил будущий советский классик Борис Лавренев. В ожидании выздоровления отца он однажды заглянул в храм, превращенный в музей антирелигиозной пропаганды.

«...За неимением сколько-нибудь серьезных экспонатов по стенам были развешаны вырезанные из старых журналов репродукции картин мастеров итальянской и голландской школ, изображающие религиозные сюжеты. Тут были Сикстинская Мадонна, Голгофа, снятие с креста, воскресение, Христос у Марии и Марфы, Мария Магдалина, вознесение, сошествие святого духа на апостолов работы Тициана, Веронезе, Рубенса, Ван Дейка и других художников. Под каждой репродукцией на неряшливых клочках бумаги были приклеены напечатанные лиловым шрифтом на машинке надписи совершенно идиотического содержания.

Я хотел уже уходить, но вдруг в глаза мне бросилась пирамидальной формы застекленная витрина, в которой лежал какой-то круглый коричневый предмет. Подойдя, я увидел, что это человеческий череп. Внизу витрины была приклеена табличка: «Череп полубовника Катерины II Патьомкина». Я протер глаза, но видение не исчезло.

Череп оставался по-прежнему в витрине и глядел на меня пустыми впадинами. Я оглянулся и увидел вторую такую же витрину, но уже продолговатой формы. В ней лежал скелет с прилипшими местами клоками ссохшихся мускулов. Надпись гласила: «Кистки полубовника Катерины II Патьомкина». Рядом, в третьей витрине, лежали остатки зеленого бархатного кафтана с потускневшими позументами, затем что-то неразличимое, в пятнах гнили, бывшее когда-то белыми атласными короткими штанами, такие же

сгнившие чулки и туфли. «Шматки одягу полюбовника Катерины II Патъомкина», — прочел я, наклонясь к надписи.

Я поднялся в полном бешенстве. Вытащенный из склепа и разложенный на три экспоната Потемкин — это было уже нечто неслыханное по варварству и идиотизму.

Со мной был фотоаппарат. Я навел объектив на череп и сделал снимок. Но тут ко мне подбежал какой-то вахлак с багровым от пьянства носом и закричал, что «снимать сурово заброняется»¹...

Россию поразило культурное одичание. Оно и не могло не произойти. Ведь обещал Ленин искусство (а стало быть, и культуру) за ненадобность «дзык, дзык» — и отрезать.

И отрезали.

И не только искусство и культуру.

Как я уже упоминал, в разговоре со мной будущий генеральный секретарь ЦК КПСС, а тогда хозяин всемогущей тайной полиции — КГБ — Андропов обронил: «Дадим людям вдоволь колбасы («или нададелаем» — точно не помню) — и никакого диссидентства не будет».

Нет ни декабристов, ни Пушкина, ни Герцена, ни самосожжения религиозных ревнителей веры, ни Бородинской битвы, ни Великой Отечественной войны — борьбы против иноземной кабалы... а есть колбаса. От фундаментальности подобного вывода, надо полагать, просел бы сам Главный Октябрьский Вождь: ну не додумался ведь!

Дядю мы слушались — хорошо накушались,
Если бы не слушались — мы бы не накушались...

Все духовное, возвышенное, почитаемое человечеством за святыни, то самое, что как раз отличает человека от животного, и есть, оказывается... колбаса «от пуза» (хотя и вольная птица в клетке с сытным кормом очень часто умирает)... Воткни колбасу в глотку каждому — и обряжай на выбор в колодки, хомут, гони в стойло. Человеку есть что жевать, и он не огрызается, готов настоящий гражданин.

Это несколько тяжелая и неожиданная, но достойная мысль — венец марксизма и ленинизма: если рабство кормит, это уже не рабство, а благо и самое что ни на есть естественное состояние. Словом, в наличии что защищать и чем гордиться...

¹ Лавренев Б. А. Вторичное погребение Потемкина. — «Памятники Отечества», № 2, 1991, с. 155. А вторичное — поскольку Лавренев добился помещения Потемкина в новый гроб и захоронения в склепе. Там, правда, в качестве экспоната возлежал еще и родитель подруги Пушкина и Жуковского князь Иосиф Россет. И он после вмешательства Лавренева тоже оказался вторично предан земле.

У советских
собственная гордость.
На буржуев
смотрим свысока...

И уж понятно, почему всю культуру: римскую, греческую, европейскую, русскую, а также театр, живопись, литературу — все-все заменила мудрость «Краткого курса истории ВКП(б)», бывшего десятилетиями высшим культурным, философским и политическим авторитетом для народа. Самое жуткое, что «Краткий курс» Чижикова претендовал на это, и самым серьезным образом. «Курс» был обязателен для всех советских людей любого возраста и образования. Уж так повелось: духовно ущербные люди представляют Россию, формируют ее облик.

Этим людям невдомек, что стремление к свободе по природе свойственно человеку. Сколько бы человека ни дрессировали, сколько бы ни мучили, а это чувство будет вновь и вновь самозагадываться. Оно крепче страха смерти и любых выгод существования. С головы до пят полицействующий, этот генеральный секретарь не мог иначе думать о свободе, как только о «колбасном» продукте. В свой мирок втискивал весь мир. Тут самое время заметить, то «он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом».

Так вот, ни сейчас, ни в будущем не надо нам свиней вместо Бога...

Так ленинизм и завершил свое развитие «колбасным» постулатом.

Вклад Ленина в искажение русской культуры и характера народа способен соперничать лишь с «заслугами» Батыея, никто другой и близко дотянуться не может.

И любой русский из духовных братьев Пушкина, Достоевского, Льва Толстого и иных достойных сынов России, родись на заре XX века, почти наверняка стал бы изгоем, узником «психушки» (и врачей нетрудно сыскать — столько добровольцев!) — этого диалектически оправданного творения Андропова, сгинул бы в лагерях, проигранный в карты блатными. Для них — генеральных секретарей, «синего воинства» и блатарей — это был бы праздник...

«Борьба, жесточенная до звериной злобы».

Разнотолков и быть не может, Академия наук смолчала бы и в данном случае, находясь как бы в лучезарном завтра. Эта самая академия, а с нею и вся выдающаяся часть российской интеллигенции делают вид, будто все в этом обществе гармонично и справедливо. В самом главном, где сосредоточиваются мука и боль борьбы со злом, — знании — она по известной традиции на стороне зла. За это — почетные звания, чины, «звезды», сытость... Ученые мужи в основе своей продавали народ, являясь самой откормленной и ретроградной частью общества, точнее, бюрократии. О сих малопочтенных мужах можно с полным правом молвить: вечные угодники и соглашатели, пожиратели народного труда, истинная академия

пороков и лизоблюдства. Была такой — такой осталась и при лжедемократах.

Что не все поддаются дрессировке — этого большевики не учли. Нет, они учитывали это в своей теории борьбы классов, для того и сладили «женевский» агрегат. Но вот что «женевский» агрегат не сумеет всех превратить в граждан с затылочным зрением, и предположить не смели. Ну трупы, могилы, а единомыслия нет! Того, о котором мечтали, нет!

Страшную, вселенскую запуганность народа бюрократическая каста и ее вожди принимают за верность и согласие, не чувствуя той всероссийской хляби-трясины под ногами, готовой в любой момент разверзнуться и поглотить их. Эта трясина — безверие, отвращение и безмерная усталость от ленинизма — бесконечной дани с души и тела каждого...

В 60-х годах я водил знакомство с врачом-психиатром Я. Л. (в 1973 г. он одним из первых подался в Израиль). От него я и услышал эту историю. Надо сказать, пережил он ее очень, до нервной депрессии.

Как-то к Я. Л. обратилась немолодая еврейка. Судьба даровала ей возможность выжить в лагерях. После освобождения она страдала мучительными бессонницами — что называется, сквозные, без «щепоточки» сна неделями; бессонницы ослабевали, погода опять возвращались.

Ясно, болезнь коренилась в ее прошлом.

Я. Л., истовый поклонник Фрейда, при очередном обращении к нему предложил размотать все до единого узелки прошлого и таким способом расквитаться с ним. Других путей к исцелению не видел.

Женщина очень подробно рассказывала об аресте, допросах, содержании в общей камере, унижениях тюремного быта и дошла до содержания в тюрьме после следствия. То, что она была совершенно не повинна ни в чем, было очевидно, как неповинны были десятки миллионов других.

И она продолжала разматывать клубок прошлого. Ее перевели в одиночку, держали там недели, месяцы. И почти каждую ночь к ней навевались офицеры госбезопасности — и насиловали, иногда вдвоем-втроем. Ее держали так, в одиночке, четыре месяца.

А надо сказать, она была чрезвычайно хороша и, по словам Я. Л., вовсе не похожа на еврейку. Просто редкостно хороша, даже в немолодые годы и после мытарств, сквозных бессонниц годами.

Как только женщина рассказала об этом во всех подробностях, она внезапно запнулась, посидела в прострации около четверти часа, после резко встала, простилась и ушла.

В ту же ночь она повесилась. Тут Фрейд сыграл гибельную шутку.

Насколько я знаю, это был не какой-то исключительный случай. Обыденная практика, даже не практика, а жизнь советского государства — детища Ленина.

И тем, кто творил это, тогда было 20—25 лет. И ходят они сейчас среди нас... полковники, пенсионеры, редакторы газет, доктора различных общественных наук, и многие теперь — «демократы», и даже в солидных государственных чинах.

Да-а, как зеницу ока берегли партию и ее единство, а еще пуще — авторитет Ленина. И что им были все страдания людей, как и сейчас для лжедемократов — ведь они ведут страну в зажиточное завтра...

Что такое фашизм, социализм, демократия?.. Везде и всегда это — люди.

Как ни крути с политическими системами, а начинка у всех одна и та же: люди.

Калечат людей не системы и не вожди (они ничто без народа), а люди. Это люди топчут ближних, унижают, доводят до смертных болезней. Источник зла — человек, без него все системы — всего лишь неодушевленные символы.

Система нужна, чтобы ограничить зло, идущее от людей. Есть системы — наоборот, дают простор злу в нас, раскрывают самое низменное, животное, зверское. И в таких системах имеются люди, которые наживаются на горе и бедах. В свою очередь есть системы, где зло в человеке ограничивают самим устройством жизни: подобные системы не дают воли сорному, жестокому, низменному.

Но везде, всегда и всюду источник зла — человек.

Мы болеем, гнием в лагерях, очередях, терпим нужду, хиреем, израненные именно ближними. Не вещи тиранят нас, не природа, а люди, ближние. Лишь человек производит зло.

И какую бы совершенную систему государственного устройства ни создать — она будет покоиться на человеке, а с человеком и приходит зло. Нет ни коммунистов, ни фашистов — есть люди... и зло.

Поэтому мир был, есть и будет только одним: противоборством Добра со Злом.

Добро и Зло.

Единственное, ради чего стоит жить, — Добро и Любовь.

Но Добро через Зло невозможно. Добро через Зло — это уничтожение человеческого в людях, одичание.

В одной из документальных книг о войне русский солдат, у которого война отняла все — не только детей, даже старую мать, — кричит пленному немцу:

— «Гитлер капут»? Теперь твердишь «Гитлер капут!»? Ну уж это хрен! Нашли чем оправдываться! Разве можно, подлая твоя

душа, одним Гитлером рассчитаться за все горе и мытарства? А вы, вы сами?!

Огромного смысла слова, просто огромного!

А вы, вы сами?!

Люди! Есть солнце, море, трава... Есть любовь — одно доброе, ласковое сиянье. Есть и сама доброта, от которой все вокруг тоже начинает лучиться. Есть музыка, книги, холсты. Есть беспредельная синь неба...

Почему же вы свою жизнь отдаете на откуп темным, себялюбивым личностям? Как может быть так?

Какая разница, как они называют себя — демократами, радикалами, социалистами... — но если с ними зло, неправда, нужда — терпеть их? Кормить, нести на плечах, да? А если они отдают Россию «на поток и разграбление» и на вечную кабалу — тоже терпеть?

Очнись, Россия!

За что, по какому праву эти личности (а как их еще назвать?) превращают вашу жизнь в череду унижений, страданий, нужды?..

Почему вы самое важное, от чего зависит ваша судьба и судьба всех, отдаете на откуп проходимцам с лощеными внешностями и ловкими манерами? Почему вы позволяете политику творить им?..

Неужели вы настолько безразличны к мукам других и своей судьбе, что не в состоянии, не хотите, не утруждаете себя следить здесь за порядком? Всё в вашей воле, совершенно всё!

Неужели вы не сознаете, что, пока вы безразличны к тому, что происходит в политике, вы для проходимцев от власти — игрушки, ничто или, как писал величайший революционер всех времен и народов, «глухонемые слепцы».

Вы, которые можете все, если не проявите чуть-чуть интереса и ответственности, были, есть и будете только «глухонемыми слепцами».

Великий диалектик это точно определил, а в чем уж он разбирался и был искусен до изощренности, так это в диалектике.

«Глухонемые слепцы»...

Неужели вы столь безразличны к себе и будущему?..

Литература исполнила долг. Устами Льва Толстого, Короленко, Достоевского, Бунина... она поведала народу, что такое революция, во что она неизбежно выродится... Это будет голое насилие. Убитая душа.

Ничего случайного в том, что ленинизм утвердился именно в России, нет. Этот клочок земли погиб навсегда, и возрождение его невозможно.

Каким ужасным низостям подвергается народ — и соглашается так жить!

Народ дурачат, а он терпит. По существу, с этим народом можно делать все, что угодно, обеспечив ему лишь минимальную сытость. Растление состоялось. Не уберegli Россию. Предали своих предков и детей.

Никогда, сколь помнит себя Русь, тюремщиков и карателей не любил и не уважал народ. Брезгливость, отвращение, презрение — вот издревле чувства русских людей к полиции, жандармам, сыщикам, тюремщикам и доносителям; недаром палачи прятали лицо под маской.

С карателями, доносчиками, тюремщиками и провокаторами народ вел настоящую войну, и спасения им не было даже в самых дальних землях.

По данным Меньщикова, около ста провокаторов были убиты, несколько десятков покончили с собой. Кровью и ненавистью выжигал народ тех, кто на горе и несчастье людей промышлял себе пропитание...

Ленинизм возвел в ранг героев карателей и доносчиков. И это тех, кто добывает себе на прокорм и вообще сытость на страданиях людей, кто изощрялся и изощряется в подлогах, доносах, ловле душ, предательствах, клевете и... крови. На труподестве возшла их сила.

Назовите, найдите на Руси пядь земли, не оскверненную мучительством и кровавыми преступлениями «сине-голубой» рати — остря власти ВКП(б)-КПСС.

Нет такой земли, ни клочка...

Никогда прежде русский народ не был палачом, способным на массовые убийства, как на обычную работу: без угрызений совести, а слишком часто — и в яростном упоении и глумлении над беззащитными.

Не был русский народ ни палачом, ни доносителем даже в самые черные полосы своей истории.

Идеология ленинизма превращает людей в убийц и равнодушных зрителей. Ленинизм претендует на душу каждого, отнимает душу, чеканит вместо совести, чести, справедливости, достоинства и благородства свои приказы. Безразличие и подлость единят души.

В служении ленинизму — оправдание любых преступлений, даже предательство своих отцов и матерей.

Ленинизм взрос на гуманнейшей дореволюционной русской культуре. На ее проповедях любви и веры в человека, ненависти к насилию и палачам.

Ленинизм запалил пламя изуверской нетерпимости, взрастил холопство перед вождями, освоил ложь как государственную политику.

Это — государство условленной лжи. Едва ли не все сознают: это не социализм, не счастье, не братство, а унижения, нужда и вечная зависимость от жирного, наглого и бесконтрольного чиновничества.

Это — государство общей договоренности лгать и делать вид, что сие правда. Ленинизм превратил все в бесстыдство лжи. Все слилось в гнойный, кровавый клубок: проповедь благородства труда — и обворованный труд; жизнь под серпом и молотом как символами свободы — и рабская зависимость каждого; самые решительные постановления о правах граждан — и всеобъемлющая власть карательных служб над жизнью каждого; клятвенное провозглашение ценности личности — и совершенная ничтожность ее перед государством генеральных секретарей; величайшая убежденность — и торжество сытых, удачливых, поприание порядочности сытостью, карьеризмом, лакейством...

Это какое-то зловонно-дорогое месиво из самых передовых постановлений, проповедей добра, счастья, борьбы за мир — и циничного глумления власти над правами каждого, муравьиного ничтожества всех перед властью и догмами Ленина.

Это дикая смесь из народно-святого, «Марсельезы», «Интернационала» — и утробного хохота, хрюканья, свиста, храпа, стонов, хрипа и мольбы о помощи.

Это высокая жертвенность — и ползучая мудрость партийных мещан.

Это — изобилие для сытых — и надрывное существование обездоленных: всех, кто отказывается пресмыкаться, воровать, прислуживаться.

Это искренность веры — и бесстыдство захватчиков власти.

Это особые способы унижения и уничтожения человека.

Это величайшая честность художника, искренность искусства — и лауреатно-депутатская подкормка литературных подлецов и выжиг (в благодарность за холуйство, подлоги и извращение истории)...

Это моления ленинизму, сплочение равенством без... свободы, жизнь в рабстве в качестве рабочих придатков машин. Это тусклое житие рабов, разыгрывающих свободных людей.

И это — Россия.

Дух народа, закованный в объятия скелета.

В конце открытого письма Марии Спиридоновой Центральному Комитету партии большевиков звучит тревога, переходящая то в отчаяние, то в гнев: революция Ленина нанесла смертельную рану вековой мечте человечества — социалистическому устройству общества, справедливости для всех.

«...Вера в социализм есть вместе с тем вера в лучшее будущее человечества, в добро, правду и красоту, в прекращение всех форм гнета и насилия, в осуществление братства и равенства на земле.

И вот *по этой* вере, как никогда еще не бывало, ярко разгоревшейся огненным светочем в душе народа, вы ударили в корень, будто плюнули в детскую душу.

...Вы устроили что-то вроде единственной в мире провокации

над психологией масс, сделали ядовитую прививку в громадном масштабе, во имя идеи социализма, — прививку отвращения, недоверия и ужаса перед этим социализмом-коммунизмом... вы превысили свое значение, потребовали себе, как великий инквизитор, полного господства над душой и телом трудящихся. А когда они стали сбрасывать вас, вы сдавили их застенками для борьбы с «контрреволюцией»...

Трудовые массы почти никогда не бывают контрреволюционны. Они только бывают голодны и обижены (выделено мною. — Ю. В.)...

И конечно, в этот пафос освобождения, в этот энтузиазм нашей революционной эпохи нельзя было вносить ваш догматизм, диктаторский централизм, недоверие к творчеству масс, фанатичную узкую партийность, *самовлюбленное отмежевание от всего мозга страны*, нельзя было вносить вместо любви и уважения к массам только демагогию, и, главное, нельзя было вносить в это великое и граничащее с чудом движение психологию эмигрантов¹, а не творцов нового мира...

Вы будете сводить партийные счета, будете суживать и суживать «своих», будете искать все более благонадежных «в вашем смысле» и уничтожать все независимое от вашего морального отупения, но кровно слитое и спаянное с интересами социалистической революции и трудящихся...

Должно прийти время, и, быть может, оно не за горами, когда в вашей партии поднимется протест против удушающей живой дух революции и вашей партии политики...»

Лениным завершается мрачный и зловеще-кровавый период отечественной истории. Период иступленной нетерпимости, торжества грубых, примитивных начал жизни. После чего стало очевидным: без преодоления в себе определенных качеств у русского народа не может быть будущего, он был (и будет пока) в истории только жертвой.

Мы никогда не были свободны. Мы лишь по-черепашьи ползли к свободе.

Мы потому и оказались добычей ленинизма, что были несамостоятельны и привыкли считать себя частью чего-то (но ни в коем случае не самостоятельной величиной), то есть собственностью,

¹ Какое совпадение! Именно об этой «психологии эмигрантов» в вождях большевизма писал и Короленко. О том же напишет и Рожков. Скрученные эмигрантскими склоками, погрязшие в одном зложелательстве, оторванные от Родины едва ли не с гимназических лет, а зачастую и чуждые ее культуре, ничего общего не имеющие с народом (кроме формальной общности языка), они так и вывалились на политическую сцену России, вроде как в исподнем, еще не остывшие от склок, и тут же принялись за свое костоправное дело.

«Психология эмигрантов». Она и теперь проглядывает в эмигрантах из бывших диссидентов. Многие уже порвали с Россией, а есть и такие, что не только чужды, но и враждебны ей — народу и культуре.

даже не подозревая, что стадные поклонения идеям — тоже от рабства, рабства духа.

Люди?!

Полезли в ленинский хомут. Ладно было б отчего...

Однако при Сталине оглянулись: хомут-то даже не хомут, а петля. Вроде зароптали. На большее не хватило: ропот и тот показался чрезмерным. И полезли в новый хомут-петлю. Все в порядке, правильно.

Свое большое нутро народ (и особенно партия, плоть от плоти народная) показал в 30-х годах, когда обезумевший от крови маньяк на белом свету преспокойно резал миллионы людей!

Резал, гноил в лагерях, насилывал, шельмовал миллионы и миллионы!

А народ и особенно партия молчали или, наоборот, выделив своих сыновей и дочерей в палачи, пособляли чем могли, славили его, клялись в верности — и десятками миллионов доносили, десятками миллионов!.. Раствление!

Кто только не сидел на шее русских, не «пушал» кровь: Грозный, Бирон, чужекровная принцесса София, то бишь Екатерина Вторая, Николай Палкин, Аракчеев, Ленин, Сталин, временщики генсеки со своим причтом (теперь — и «демократические» выжиги), — а народ терпит. Ни бунта, ни революции, только подает заявления о приеме в партию и требует от любимых «правоохранительных органов укоротить языки тем, кто клеветает на достижения народа».

Россияне до сих пор могли находиться лишь в двух состояниях: господском или холопском — третьего не дано, за всю горемычную историю до третьего не добрались...

И самое жуткое — это холопство по убеждению пытались наложить на весь мир. Почти три четверти века накладывали. На Восточную Европу это «одеяло» натащили-таки.

Народ и не знает, что такое свобода. Во всю свою историю являлся только жертвой и занят был одним — выжить (за исключением ничтожно коротких отрезков истории). Отсюда и последствия: кто сумеет вскарабкаться народу на горб — тот и господин.

А такой лесенкой, по которой наловчились залезать на этот самый горб, служит коммунистическая партия (а теперь — и лжедемократия со своими организациями). Одного изверга за другим усаживала на горб народа.

И охраняла, но не народ, а... извергов, и все вычисляла неизбежность счастья.

А народ тужится, стонет и метит каждый шаг своей кровью...

И еще не сделан даже первый, робкий шаг к свободе. Стоит же на Красной площади укрывалище для святых мощей — крепко стоит, подпертое десятками миллионов скелетов, одним заледенелым стоном и воплем.

И греет, ласкает солнышко укрывалище, и тянется нескончаемый поток благодарных людей...

Запах тополиный и сиреневый
Над Москвою майскою поплыл.
Встретились весною дети с Лениным,
Ленин с ними долго говорил:
— Надо, чтоб росли вы коммунистами,
И тогда вам грозы нипочем.
Улыбалось солнышко лучистое,
Радуясь беседе с Ильичем...

Это на уроках в третьем классе заставляют учить всех детей, а ведь им всего по 10 лет. Моя дочь Ирина принесла это с урока 4 мая 1990 г. — всех обязывали заучивать наизусть.

С Лениным и нынче можно встретиться.
Лениным вся жизнь озарена.
Посмотри, как много в мире ленинцев.
Ленин — это солнце и весна!..

А во времена моей молодости пели о Сталине, и тоже в обязательном порядке. Разное заучивали, пели, скажем, и такое:

...Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...

Надо сказать, очень долго «идет».

Однако теперь петь о Сталине как-то неуместно. Переключились на «первоисточник». Но и то правда: как без хозяина народу?..

Дочери на уроке учитель внушал:

— Самые лучшие в мире песни — лирические, а самые лучшие лирические песни — о Ленине.

Ленин всегда живой,
Ленин всегда со мной...
...Ленин в тебе и во мне...

И по всей земле русской, во всех детских садах и школах, как только детишки начинают что-то соображать, под руководством воспитателей и учителей заучивают холопски благодарственные вирши о Ленине:

Наш Великий Вожатый,
Самый Главный Учитель,
Эта песня простая
Посвящается Вам.

Из справочника Жака Росси:

«При обыске на месте в камеру или барак неожиданно врывается группа надзирателей, которые молниеносно загоняют всех заключенных в один угол. Одни наблюдают за ними (не пытается ли кто что-либо спрятать или уничтожить), а остальные обыскивают освобожденную часть помещения и заключенных. Обыскиваются все

щели в стенах, полу, столах и т. п., постель и пр. Там, где имеется параша, ее заставляют приподнять (не укрыто ли что-либо под ней?), а затем отнести в уборную и опорожнить, чтобы проверить, не было ли что-нибудь опущено в нее.

Все пожитки заключенного осматриваются по отдельности. Все карманы выворачиваются: во все надпоротые места засовывается палец или рука; все швы старательно прощупываются; обувь сгибается (не запрятано ли в подметке лезвие?), а каблуки внимательно изучаются (нет ли в них тайника?), и в случае неясности их ковыряют ножом, которым затем прорезывается арестантский хлеб и другие продукты, а также мыло. В зубном порошок обшаривающий ковыряет черенком зубной щетки и проверяет, не отточен ли он, и то же — черенком алюминиевой ложки; не оторвано ли ушко от алюминиевой казенной кружки. В тюрьмах ломаются все зэковские изделия из хлеба или папиросных и спичечных коробок (футляры для очков и пр.), дабы убедиться, не запрятаны ли в них иголка или лезвие.

Личный обыск начинается с команды «Разденьтесь!». Не касаясь обшариваемого, надзиратель велит ему самому прощупать бороду и волосы (в следственных тюрьмах не стригут в обязательном порядке). Велит открыть рот и заглядывает туда; велит пошевелить языком (не укрыто ли что-либо под ним). Затем велит поднять руки и смотрит, нет ли чего под мышками. Потом осматривает руки и ладони, причем пальцы должны быть раздвинуты.

Следующая команда: «Подымите член!», затем — «Открой член!», причем непонимающему новичку надзиратель терпеливо разъясняет, сдвинув два пальца и сделав ими движение вперед: «Он у вас закрытый. Откройте его!» — и его два пальца движутся назад.

Затем: «Сделайте приседание!» (не выпадет ли что-либо зажатое ягодицами). Потом: «Повернитесь кругом!» После осмотра спины — новая команда: «Нагнитесь. Положите руки на ягодицы. Раздвиньте!» Когда надзиратель добросовестно исполняет свой служебный долг, лучи красной звезды на его фуражке озаряют глубины зэковского заднего прохода...

Наконец, осматриваются ступни, причем велят пошевелить пальцами ног...

Если обыскивает женщина (женщину. — Ю. В.), она обязана, надев резиновую перчатку, проверить влагалище.

Обычно личный обыск длится от 5 до 30 минут, а обыск помещения — до 2—3 часов, в зависимости от его размера и численности заключенных. Иногда обыск устраивают ночью...»

Леопольд Треппер — «звезда» первой величины в советской разведке — и тут не потерял присутствия духа.

«— Повернитесь! (Я подчиняюсь). Возьмите свои ягодицы в руки и раздвиньте их. Шире, шире...

Он наклоняется к моему заду. Я взбешен.

— Вы потеряли там что-нибудь? — невольно вырывается у меня...»

И это тоже Россия...

Мама...

Мне было пять лет, когда в детском саду, играя, я промок до нитки. Кому было до этого дело? А стояли холода — и я заболел крупозным воспалением легких. В ночь кризиса старый доктор просидел над постелью всю ночь — я лежал дома. Тогда не было ни антибиотиков, ни сульфамидных препаратов. Человек болел и выживал сам.

К рассвету температура круто пошла вниз: 40°, 39°, 38°, 37°...

Доктор вышел к маме и сказал:

— У вашего сына могучее сердце. Он будет жить.

Мама рассказывала, как накануне она ходила в аптеку. Она шла по Москве с рецептом и рыдала. Я должен был умереть... но сердце распорядилось иначе.

Это приключилось зимой, после Нового года. Летом мама добилась, и ей дали долгосрочную путевку для меня. Следовало залечить легкие. Она отвезла меня в Евпаторию. Я впервые оказался без мамы, брата, тети Юли...

Мама вернулась в Москву — и не могла успокоиться. Не было покоя. Ее донимали мрачные предчувствия. Она смогла вытерпеть лишь две недели — и сорвалась назад, в Крым. Господи, когда я увидел ее — я задохнулся от счастья! Когда нас вели на прогулку к морю, я выглядывал маму. Она шла поодаль, ей не разрешали идти с нами. Вот ее платье в цветах — это был модный рисунок ткани накануне войны. Мама, мамочка!..

Я так прижался к ней — никогда, никогда на расставаться!

Вместо 40 дней я пробыл в Евпатории четырнадцать.

Мы вернулись домой утром 22 июня 1941 г. Мы обнимались с братом, после играли и не могли наглядеться друг на друга — до моего поступления в Суворовское училище мы были неразлучны. Не знаю, как он, а я страшно тосковал без него.

Мы играли в нашей комнате, когда на кухне раздался приглушенный плач. Я обратил внимание, что радио мама включила очень громко. Мужской голос заполнял всю кухню. Мама слушала — и плакала...

Это выступал Молотов: на нашу страну напали немцы.

Через несколько дней нарушилось регулярное сообщение с Крымом, и почти тут же прекратились гражданские перевозки. Все, кто оказался в Крыму, попали в тяжелое положение и в большинстве своем были захлестнуты беженским потоком, не вернувшись домой. Не заberi меня мама за 26 дней до окончания путевки, я наверняка оказался бы унесенным потоком войны и, наверное, погиб бы, как погибли сотни тысяч детей, погибли или навсегда потерялись.

На нашу землю пришел безжалостный и кровавый враг.

В октябре того же, 1941 г. второй человек после Гитлера — Герман Геринг говорил: «В этом году в России умрет от голода от два-

дцати до тридцати миллионов человек. Пожалуй, хорошо, что так случится, ибо некоторые народы должны быть истреблены... В лагерях для русских военнопленных они начали есть друг друга»¹.

Такой была участь русского народа: исчезнуть с лица земли. Русского — в первую очередь, ибо он являлся организующей силой на пространствах России. Главный удар приняли русские...

«Унтерменшами» называли их захватчики, то есть «недочеловеками»...

Но наш народ победил. Сражались не диктаторы, а русские люди за свое право существовать.

В 1927 г. С. М. Эйзенштейн снял фильм «Октябрь». Фильм охватывал события от Февральской революции до взятия Зимнего и II съезда Советов. Роль Ленина сыграл В. Н. Никандров — рабочий Лысьвенского металлургического завода Пермской области. Никандров удивительно походил на Ленина.

Крупская так отозвалась о Никандрове в кино:

«...Неудачное изображение Ленина. Очень уж суетлив он как-то. Никогда Ильич таким не был. Что, пожалуй, хорошо — это ноги Ильича, передающие правильно свойственный ему произвольный жест нетерпения...»

Первыми актерами (и высокого класса), которые сыграли Ленина в кино и театре, оказались Б. В. Щукин и М. М. Штраух.

5 ноября 1937 г. москвичи увидели премьеру пьесы «Правда». Пьеса рассказывала о событиях лета и осени 1917 г. и заканчивалась выступлением вождя на II съезде Советов. Крупская приехала на 5-е или 6-е представление (23 ноября 1937 г.).

«Мы притаились в ложе, — вспоминал постановщик пьесы народный артист РСФСР Н. В. Петров, — внимательно наблюдая за ней (Крупской. — Ю. В.), зная, что вот сейчас настанет решительная секунда в спектакле. Именно секунда, так как первое же появление Штрауха в роли В. И. Ленина решало и всю дальнейшую судьбу нашего театрального представления. И эта решающая секунда наступила. Как будто что-то ослепило Надежду Константиновну. Она откинулась на спинку стула и правой рукой закрыла глаза. Зал грохнул оглушительными аплодисментами, все встали и бурно приветствовали появление Ленина на сцене... Надежда Константиновна медленно опустила руку и серьезно, внимательно, но несколько удивленно начала вглядываться в Штрауха...

Спектакль окончился. Зрители много раз вызывали исполнителей, а Надежда Константиновна продолжала сидеть в ложе, как будто даже не замечая ни зрителей, ни нас... И когда уже... зрители начали расходиться, она обратилась к нам с просьбой пригласить в

¹ Из дневника графа Чиано (зятя Муссолини), расстрелянного своими же (фашистами) в 1944 г.

ложу Штрауха и всех исполнителей. Очень высокую оценку дала Н. К. Крупская и спектаклю в целом, и всем исполнителям, а главное, М. М. Штрауху, удивленно и внимательно разглядывая его, когда он стоял перед ней без грима, столь разительно непохожий на только что созданный им образ Ленина...»

Штрауха поразило: Крупская приблизилась к гримеру (тот скромно стоял в углу) и пожалала ему руку.

Социалистическое искусство оттачивало свой творческий метод прежде всего на личности Главного Октябрьского Вождя. «Зияющая» в поднебесье вершина, непорочная и недостижимая. Мощно зазвучали голоса Горького, Маяковского, Алексея Толстого, Шолохова, а погода — и Фадеева, Симонова...

Метод социалистического реализма отливал форму для нового человека — совершенно неведомый феномен природы.

Отныне жизнь строить по Ильичу...

И шаг в любую сторону — предательство. Отныне ты — только как все...

Крупская весьма лестно отозвалась о работах Щукина и Штрауха. Она писала:

«...Им удалось показать Ленина на трибуне. У товарища Штрауха даже в голосе слышатся нотки Ильича, у товарища Щукина удалась манера Ильича говорить на большом собрании, удалась жестикуляция.

...Надо дать не только физический облик Ильича, надо отобразить, как он воспринимает, как он переживает... Он тоже ведь переживал, и не в одних словах эти переживания выражались. В момент сильных переживаний, бывало, подолгу ходит Ильич по комнате, заложив руки за жилет, тихо, тихо, иногда на цыпочках. Или сидит подолгу, не двигаясь, не шевелясь, весь уйдет в свои думы».

Юрий Яковлевич Соловьев родился в семье довольно известного общественного деятеля эпохи Александра Второго. Окончив Царскосельский лицей, Соловьев в 1893 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел.

«...Всю первую половину моей службы мне сплошь и рядом приходилось переписывать чужие донесения, а не давать другим переписывать свои (пишущих машинок не было, и все секретные донесения должны были переписываться секретарями от руки), что меня крайне огорчало из-за моего дурного почерка. Я его понемногу все же выработал, но он оставался весьма крючковатым. Почти все политические донесения представлялись в оригинале Николаю Второму, который их добросовестно прочитывал и в результате знал приблизительно все наши почерки. Он как-то шутя заметил моему коллеге, первому секретарю, при его приеме: «А у вас в миссии есть какой-то необыкновенный почерк с крючками...»

Летом 1903 года я пробыл довольно долго в Петербурге, где жил у брата, офицера Конной гвардии, в казармах полка. Весной этого года я получил первое придворное звание камер-юнкера¹... Аудиенция состоялась в Петергофском малом дворце... мне пришлось говорить с ним (царем. — Ю. В.) с глазу на глаз в течение десяти минут.

Николай Второй принял меня в небольшом угловом кабинете, выходящем окнами на взморье, стоя у письменного стола в малиновой, почти красной рубаше русского покроя. Их носили царскосельские стрелки. Впервые разговаривая с Николаем, я был поражен той несколько странной простотой, с которой он держался, почесывая себе левую руку в широком рукаве рубахи... Николай говорил очень спокойно и естественно²...

Александра Федоровна, которая приняла меня на следующий день, произвела иное впечатление. Обладая довольно высоким ростом, она стояла во время аудиенции, стараясь принять величественный вид, однако постоянно меняющаяся краска лица выдавала ее крайнюю нервность, неуравновешенность и даже плохо скрываемую неуверенность в себе...»

Вся полнота власти единственно самодержавию — это Ваше понимание мира, Александра Федоровна. И оно дало такую силу воронке смерча: и сын, и дочери, и муж... и Вы сама — все сгинули, одна зыбкая память...

Вся полнота власти единственно самодержавию — что увидела в миг гибели российская государыня? О чем пожалела?

Воистину глубоко трагическая фигура! Ради принципов, ради своего понимания России и служения народу возложила на эшафот пятерых детей, мужа и себя.

Последняя русская императрица.

В. Б. Лопухин в своих воспоминаниях отмечает определенную прозорливость императрицы Александры Федоровны. Она в отличие от мужа допускала возможность революции, но полагалась на светлую волю Божию. Императрица однажды обмолвилась, что «готова воспринять судьбу Марии Ануанетты. Однако она не отступится от борьбы за передачу сыну власти в неприкосновенности, во всей полноте, унаследованной его отцом и предками».

¹ То самое звание, которое столь унижало Пушкина.

² Из разговора Николая Второго со Столыпиным:

— Вы знаете день моего рождения, Петр Аркадьевич?

— Как же, Ваше Величество, 6 мая.

— А день какого это святого, знаете?

— Нет...

— День Иова Многострадального!..

А. Е. Голованов слыл любимцем из любимцев¹ Сталина. За пять лет обычного пилота тяжелого самолета он доводит до звания главного маршала авиации, доверяя командовать авиацией дальнего действия. В 1970 г. журнал «Октябрь» публикует воспоминания Голованова «Дальняя бомбардировочная...». Он, в частности, пишет:

«...Как-то в октябре (1941-го. — Ю. В.), вызванный в Ставку, я застал Сталина в комнате одного. Он сидел на стуле, что было необычно, на столе стояла нетронутая, остывшая еда. Сталин молчал. В том, что он слышал и видел, как я вошел, сомнений не было, напоминать о себе я считал бестактным. Мелькнула мысль: что-то случилось, но что? Таким Сталина мне видеть не доводилось. Тишина давила.

— У нас большая беда, большое горе, — услышал я наконец тихий, но четкий голос Сталина. — Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин так же тихо сказал:

— Что будем делать? Что будем делать?

Видимо, происшедшее ошеломило его.

Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда — ни прежде, ни после этого — мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой душевной муки. Мы встречались с ним и разговаривали не более двух дней тому назад, но за эти два дня он сильно осунулся.

Ответить что-либо, дать какой-то совет я, естественно, не мог, и Сталин, конечно, понимал это. Что мог сказать и что мог посоветовать в то время и в таких делах командир авиационной дивизии?

Вошел помощник, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников:

— Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба.

Сталин встал, сказал, чтобы входил. На лице его не осталось и следа от только что переживаемых чувств. Начались доклады.

Получив задание, я уехал...»

...Она подняла стеклянную крышку над витриной и бережно, с очень заметной осмотрительностью вынула фрак.

— Возьмите, подержите, — предложила она.

И я принял фрак Пушкина в свои руки.

Первое впечатление — размер фрака: совсем крохотный, дет-

¹ Это ему будет предлагать Сталин построить дачу возле себя. Честь и доверие неслыханные.

Одиночество давило вождя в годы после Великой Отечественной войны. Старость обостряет одиночество.

Обе жены в могилах. Старший сын Яков (от первой жены) расстрелян немцами. Василий беспутничает, вечно пьян. Светлана не хочет с отцом быть под одной крышей, избегает его.

Чужие люди. Пустой дом. Один среди людей-волков.

ский! Ну просто невозможный! И тут же, это простегнуло меня, я скорее принял всем телом, нежели увидел это рыже-бурое пятно понизу, уже изрядно вылинявшее за полтора века. Я напрягся, чтобы не выдать дрожь головы.

Точками, мерцанием реяла тишина в квартире Пушкина...

Это было в июле 1974 г. После опасно изнурительной работы (издал наконец свою многострадальную рукопись «Особый район Китая») я впервые смог выехать из Москвы. Долгие пять лет сверхработы, то утраты надежды, то...

Фрак держать я не мог. Я вернул его нашей провожатой.

Убитая Россия...

За чувства, стихи, гордо поднятую голову...

И никакая живая вода не воскресит...

Не уберегли... ни тебя, ни Россию...

Но это неправда, ленинизм не только насилие и подлоги (вместо справедливости и свободы — диктаторы, тюрьмы и палки). Была вековая мечта народа, людей о лучшей доле. О жизни без власти только толстого кармана, о справедливости для всех.

Без погони за деньгами любой ценой ты не человек. Человек — это деньги. Каждый человек имеет денежную стоимость.

Эх, пожить бы без господ, без самоуправств толстого кошелька!

Поклонение не Богу, не правде, не красоте, не просто Жизни, а выгоде, прибыли, золоту, власти золота...

Чтобы был человек, а потом уже все остальное, не прибыль, доходы, а человек.

Люди исстрадались в мечтах о таком мире. Исстрадались и поместили в сказки, только в сказки, вымысел... и рай послеземного бытия... молитвы...

И вдруг — Ленин, коммунизм, справедливость!

Народ повернулся к нему. Разве ж за такое не стоит положить жизни!..

Да, так тоже было... и есть.

Самое важное и самое первое — собственность. Через людей переступают, они мешают, они лишние. Торжествует принцип голой наживы, Барыш определяет все, не существует иных ценностей. Пронырливость, стяжательство вытирают ноги о людей и народ. Народ покорно несет новую беду на плечах...

Уже рукопись готова, завтра отвезу в редакцию «БЛИКа»¹, а мысли все о ней. Дописал книгу в феврале — никто не взял. Руко-

¹ Это было четвертое место, куда я осмелился предложить свою крамольную рукопись (будет и пятое). Иногда отказ поступал сразу после прочтения, причем хам-

письм поневоле оставалась на столе, и я, что ни день, прикладывался к ней, продолжая жить только ею... и дополнял ее, дополнял...

И вот уже август на исходе.

И книга незаметно, но стала другой. Выходит, и зло способно оборачиваться благом...

Какие-то куцые месяцы минули, ну февраль... март... июль... А сколько событий! О чем страшились говорить — стало фактом жизни. Те же месяцы, дни, а сколько каждый вместил! И самое замечательное — как вырос народ, какое стремительное прозрение!..

Рукопись на столе, книги смотрят с библиотечных полок — и в сознании продолжается работа: хорошо бы вставить это, а к этому вот добавить, не забыть о том помянуть, и вот это — само происходит...

И расчехляю машинку, отбиваю вереницы новых страниц... Пусть, пусть... Настоящая книга обязательно выше своего создателя — в этом я убедился. Есть внутренние силы сцепления мыслей, выводов, страстей — и они диктуют свою волю. Ты только познаешь ее. И книга складывается по своим законам. Я только стараюсь эту внутреннюю логику не загубить — развернуть точно.

И этому есть объяснения. В меня тоже заложена воля событий. Я пишу, стараясь опережать события, но не всегда это удается.

С час назад вернулся — ходил на рынок, в магазинах почти ничего не купишь, а купишь — почернееешь от очередей. Из почтового ящика вынул «Известия». Мокрый от сумок, остываю в кресле, прочитывая газету. И весь проваливаюсь в чтение рубрики «Письма о жизни».

И вчитываюсь в одно письмо, вчитываюсь...

Как же можно после этого молчать?

Сажусь за машинку. Пусть еще вставка, пусть самая последняя! Люди должны знать, что было. Годы все затянут мертвой зыбью — и боль, память ослабевают, а после незаметно отступят, сотрутся, ничего не запомнится. Да к тому же я не раз был свидетелем того, как вышибаются из памяти события, как ложь выдается за правду и как все начинают верить в эту единственную «правду», назначенную.

Сбоку, на газетной колонке, оттиснуты слова письма.

Нет, не убит — вполне благополучно дожил до пенсии. Но ограблен! Ничего не осталось — отнята жизнь, и неизвестно за что. Целые поколения живых, но с отнятыми жизнями — вот это должна вобрать огнем память.

ски пренебрежительно. Иногда пробовали надуть, присвоить рукопись — было и такое. Иногда при редактировании нагло уродовали текст — и я забирал рукопись. Лишь после «БЛИКа» рукопись пошла в работу — это было ее пятое пристанище. Мало написать книгу, измочалив сердце, — нужно еще пробиться к читателю, тратя на это сил не меньше, нежели на работу с рукописью. Я уже понемногу привык к этому и лишь окаменело-безразлично наблюдаю за всеми манипуляциями. Где-то в душе спеклась боль, а молчишь...

Да и было ли в моей жизни иначе?..

(А «БЛИК» тоже надурочит меня.)

Надо обязательно запечатлеть в книге этот крик сердца. Пусть ляжет красной пламенной лентой в историческую память народа — боль, оскорбление, унижение. За что? За честно прожитую жизнь?..

Письмо названо «В чем я виноват?». Привожу его дословно.

«В 15 лет, прибавив себе 3 года, я ушел в сорок первом воевать — надо было Родину защищать. После войны честно работал, восстанавливал страну и не считался ни с плохой пищей, ни с малым заработком.

Но сегодня мне говорят, что я опять виноват в развале экономики, и опять я должен платить за чью-то нерадивость и бесхозяйственность. Правительство бросало налево и направо мною заработанные деньги, выходит, виноват?..

Как вы думаете, сколько можно пользоваться моим терпением? Шахтеры, мол, не правы, что требуют отставки правительства, на митингах тоже не правы, что кричат «Долой компартию», а кто тогда прав?..

Хорошо, теперь уже смерть не за горами, ведь другого счастья нет. Как же так, что до сегодняшнего дня некому защищать нашу честь и спросить с действительно виновных? Разве от хорошей жизни у нас раздаются выстрелы в республиках и до сегодняшнего дня нигде нет покоя?..

В первые часы Советской власти объявили: земля — крестьянам, заводы — рабочим! Только всю прибыль от работы забрали, а куда ту прибыль девали — опять покрыто мраком. Нельзя же всю жизнь на одном обмане ехать.

Вот сегодня по радио и телевидению объявляют — богатый урожай! А дело-то опять кошке под хвост идет, потому что землю-то крестьянину отдать, мол, нельзя... Жрать нечего, надо выращивать скот. Нет, говорят, нельзя...

И теперь говорим: гуманный социализм. А в чем, объясните мне, его гуманность?»¹

Одних убили, а других ограбили. И ограбили опять же в самом главном — все в той же жизни: не вернуть годы, не прожить наново, ни денька не поправить... И ничего с собой, кроме проклятий, — а как ложиться в землю с проклятиями? Прожить жизнь, чтобы проклинать?!

Пережил народ монголо-татарское иго, вынес Ивана Губителя (Ивана IV), перемог смуту лжедмитриев и поляков в Кремле, вырвался из ярма крепостничества, когда торговали людьми, отнимали плоды труда, — переживет и иго ленинизма.

Распрямится.

¹ «Известия», 1990, № 231, 18 августа.

Центральная задача верхушки партии была в удержании власти, удержании любой ценой, ибо власть ускользала; можно сказать без натяжки: власть ускользала едва ли не с самых первых месяцев победы революции и аж до самых 40-х годов, покуда массовый террор не обеспечил наконец замирение народа, превращение его в оболваненную, надорванную кровью, трудом и алкоголем массу — именно массу... мешанину...

Труд создал человека, неослабный террор — власть Ленина и его партии. «Борьба, ожесточенная до звериной злобы».

Все эти ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ — это отделы distinguished славы РКП(б), ВКП(б) и КПСС (слава Богу, продрались к ней сквозь эти чащобы кроваво-пыточных букв!), то бишь соответствующие отделы Центрального Комитета партии, выделенные из-за особенности задач — поголовного насилия (бойни) — в отдельные «органы», но это все те же органы партии, сосредоточенное выражение ее политики.

В ЦК партии всегда присутствовали отделы по культуре, экономике, армии, а вот отдел «массового избиения» выделен в самостоятельный орган — ВЧК-КГБ, — но это все тот же орган ЦК партии, он един с ЦК. Недаром высший кадр ВЧК-КГБ пополнялся непосредственно высшим кадром партии (исключений не было).

Революция доказала: с помощью насилия все возможно и достижимо — доказала и утвердила это как норму жизни. В этом великая «историческая» заслуга Ленина.

Идейные, хрустально чистые обоснования для убийств, массового уничтожения людей других убеждений — о ленинизме можно сказать словами поэта В. А. Жуковского, друга Пушкина:

«И эти люди называют себя христианами (ленинцами. — Ю. В.). Что это за религия (утопическая философия «спасения человечества». — Ю. В.), которая учит предательству и вымораживает из души всякое сострадание?.. Режь во имя Бога — и будь спокоен!..»

Политика есть прием выживания как одного человека, группы людей, так и целого народа. Аморальная, преступная политика одного человека или группы людей наказуется и преследуется. Но если эта политика принята народом, она все так же именуется просто политикой — и только.

До 10 лет я рос в Военном городке (за исключением 1942-го и большей части 1943 г.), что стройно стоял тогда за Покровско-Стрешневым. От метро «Сокол» до Военного городка бегал «двадцать первый номер» трамвая.

Городок располагался за лесом (рощей его назвать нельзя и по сию пору) из корабельных сосен: светлый-светлый бор. От Красной Горки (это сразу за мостом окружной железной дороги) тянулись дачи. Вечерами приятно было брести дачными закоулками. За заборами — тесные заросли черемухи, жасмина, сирени, уютный отблеск огней с террас и окон старинных деревянных домов.

В июле 1941 г. в бору рыли щели (прятаться от бомбежек), валили красавицы сосны и настилали поверх щелей, но бор выдержал — и после войны стоял такой же первозданно величественный. 60-е годы превратили его в захламленный, неприглядный лесок.

Вскоре после войны с другой стороны бора был построен знаменитый Институт атомной энергии имени Курчатова — тогда невозможно секретный и таинственный. А в полях, возле реки, длинной широкой улицей, упирающейся в конечную остановку трамвая, стояла и сама деревня Шукино, давшая название множеству улиц нашего городка. Скорее всего, названием своим она была обязана шукам, они в изобилии водились тогда в реке и озерах за рекой, скрытых в 70-е годы в один просторный водоем с церковкой среди сосен на горизонте, за Серебряным Бором.

На озерах и болотцах сразу после Отечественной войны, в 1946 г., мы с папой стреляли уток и бекасов. Мы — это я и старший брат. Помню эти три часа пополуночи — темень кромешная, небо в тучах. В будке у реки дежурный по переправе — пожилой дядя в простых портах, телогрейке. Он вышел из будки на наши голоса: за дверью полыхнул свет голой лампочки, мелькнули нары с тряпьем, ведро, табуретка, бутылка с огурцом. Дядя взял весла, запалил фонарь — такой, как в старину, на фитиле под стеклом.

Мы разместились в лодке, и он споро заработал веслами. Фонарь светил на самом носу, у меня за спиной. Блики от фонаря расходились по совершенно черной воде. Река, такая черная, пахла свежестью! И главное — тихо, невозможно тихо — и от этого очень просторно, и весь ты невесомый, воздушный. И у меня одно ощущение: у людей нет плохих желаний, все будет лучше, с каждым рассветом, днем, месяцем и годом — счастливее и лучше. Этот мир для людей, и в нем все только хорошее, светлое...

Лодка идет рывками. Дядя гребет привычно напористо. Тонко, стеклянно звенит капель, срываясь с вздетых весел.

...И вот мы уже лезем через борт на песок, точнее — песчаную отмель. Впереди черный гребень невысокого берега. Здесь вскоре посадят тополя и разобьют пляж. (Тополя и поныне рядом теснятся на берегу, уже основательно подмытом течением.) Папа хорошо заплатил лодочнику. Он долго бурчал из темноты слова благодарности. После сильно и невидимо в темноте заработал веслами.

Ветра нет. Гребки слышны очень далеко: скрип уключин, плеск воды и тут же глухой заворот ее. Меркнет рябь от фонаря. Свет его стягивает свои лучи и съживается в пятнышко.

И я вдруг увидел, что будущий день совсем незаметно разбавил темноту и уже заметна полоса реки, и урез воды, и линия более высокого берега... далеко справа.

А село Строгино высилось на крутом берегу по ходу реки: большое, богатое село. Отсюда спозаранку разъезжались молочницы. У каждой через плечо-бидон спереди и бидон сзади (бидоны объемистые, вместительные), а в сумке — литровая мера на длинной алюминиевой ручке. Почему-то все молочницы отдавали в одежде пред-

почтение черному плюшу, хотя столица находилась под боком и можно было купить другую ткань, а то и готовую одежду... У каждой были свои квартиры в нашем городке (тысяч на 5—6 жителей, преимущественно семей молодых офицеров). Только у нее, у своей, и ни у какой другой, молочницы в этих квартирах покупали молоко. Так было до самых 50-х годов. Из села приходили умельцы, торговали свистками, мячиками на резинках и прочими страшно красивыми и желанными вещами — целый праздник...

Уже позже, на исходе 80-х годов, мы узнали, что канал, в котором любят купаться москвичи (здесь река впадает в город и вода относительно чистая, не столь отравленно-жуткая, как, скажем, в Филях), копали заключенные. По берегу были обнаружены захоронения-могильники на несколько тысяч и даже на несколько десятков тысяч — теперь горы костей и черепов. И это в нескольких шагах от пляжей, травы, цветов...

В 1946 или 1947 г. школа в Военном городке была закрыта (кому-то понадобилось помещение) и все стали ездить в другую, на «Сокол». В годы моей юности трамвайную остановку за «Соколом» называли «Всехсвятская» — по имени церкви и поселка, который прежде стоял здесь. (Сейчас — «Площадь имени Марины Расковой».) И в этой школе закончат старшие классы мой брат. А я поступил в Суворовское училище в Саратове и уехал на долгие годы, возвращаясь лишь на зимние и летние каникулы.

Именно тогда и развернулось мощное строительство жилого района за «Соколом». Для строительства понадобилось снести обширное многовековое кладбище, вплотную промыкавшее к знаменитой церкви, где и поныне трезвонят колокола: не до конца заморили их души красные годы.

Тысячи могил оказались опустошенными, останки увезены. На месте кладбища разбит парк, сейчас там кинотеатр «Ленинград». Столетние липы — это кладбищенские липы, они стерегли древние могилы. На другой части кладбища, ближе к улице Алабяна, поставлены 7—8-этажные дома. Часть домов этого района возводили пленные немцы, как, например, и тот, в котором я живу. Немцы построили и городок, что прилегал к Хорошевскому шоссе. Вместо тех двух-трехэтажных домов здесь поднялись 16-этажные бетонные коробки, но кое-где сохранились и те, послевоенные домики.

Каждый раз, оказываясь в парке под вековыми кладбищенскими липами, я пытался разгадать одну и ту же задачу: почему от всего кладбища (множества прицерковных могил) сохранена всего одна. Под гранитным валуном покоится студент Сергей Александрович Шлихтер, тяжело раненный под Барановичами 20 июня 1916 г., привезенный в Москву и почти тут же умерший. Ведь на кладбище из убитых в боях офицеров и вольноопределяющихся покоился не только Шлихтер. Отчего сохранили лишь эту, единственную могилу?..

Ответ я найти не мог. Думал, скорее всего, пожалели рабочие:

добротный камень и человек, так рано убитый. Но ведь на кладбище было много добротных памятников — и еще каких!

Только сейчас, заканчивая «Огненный Крест», я, кажется, приблизился к истине.

Не часто, но в документах революции мелькала фамилия Шлихтер.

До 1985 г. историкам революции приходилось обращаться к 41-му тому Энциклопедического словаря Гранат, до сих пор самому полному. При публикации в советское время к этому тому (буква С) припечатывали 7 или 8 дополнительных книг — таких же толстых, как и основные тома. В приложениях к дополнительным книгам «41-1» и «41-2» были помещены автобиографии (что чрезвычайно важно: автобиографии — значит, не все столь переврано!) и в редких случаях — биографии всех более или менее заметных деятелей большевистской революции (к примеру, Троцкого): десятки и десятки имен (и все будущие «враги народа» там в полном комплекте).

Естественно, при Сталине за утаивание энциклопедии с подобной крамолой, что называется, «брали». Не книги — людей...

Начиная с правления Хрущева изъятые энциклопедии уже не предавали огню. Арестовывали ли за них? Вряд ли. Какие-то неприятности могли последовать — это почти наверняка. Энциклопедии отбирали или покупали, если ты сам предлагал их магазину (в этом случае, разумеется, не наказывали) и распределяли по различным спецхранам, где к книгам допускали людей лишь по особому разрешению (однако допускали тоже не ко всем; ко всем, пожалуй, никто допуска не имел: мне приходилось убеждаться в этом при работе над книгой «Особый район Китая», имея, казалось бы, самый разрешительный допуск).

Свою энциклопедию Гранат я приобрел в 1965 г. у бывшего секретаря ЦК ВКП(б) и члена ЦК КПСС П. К. Пономаренко. Хрущев посадил Пантелеймона Кондратьевича на скудное для бывшего члена Президиума ЦК КПСС содержание по старости. В 1943 г. Пономаренко был удостоен звания генерал-лейтенанта, в 1942—1944 гг. руководил Центральным штабом партизанского движения. Хрущев питал острую неприязнь к Пономаренко, которую сам Пантелеймон Кондратьевич (за глаза мои домашние звали его Пантюшей) объяснял тем, что он и Хрущев являлись секретарями союзных республик (соответственно Белоруссии и Украины). В Белоруссии партизанское движение приняло характер вселенского пожара. С этим размахом не шло ни в какое сравнение партизанское движение на Украине. Пантелеймон Кондратьевич говаривал, что Хрущев именно этого простить не может. И впрямь, неприязнь Никиты Сергеевича носила исключительно целеустремленный характер. Назначения следуют по нисходящей: министр культуры СССР, затем посол в Польше, Индии и Непале, Нидерландах, наконец, представитель СССР в МАГАТЭ, затем — в 1962-м — его спровадили на пенсию. Надо отметить, Пономаренко выгодно отличался от партийных работников. Владея сверхкрупной библиотекой, собранной отчасти из книг, захваченных при вступлении наших войск в Западную

Украину и Белоруссию (1939) — во Львове, в замках Потоцкого, Радзивиллов, — он был достаточно начитан, обладал цепкой памятью, любознательностью, определенной демократичностью.

Он рассказывал немало забавного о Брежневе. Ведь при освоении целины хаживал в первых секретарях он, а Брежнев — во вторых. Ядовито усмехаясь, Пономаренко повествовал неторопливым баском (он отличался четким выговором): «Все искусство этого освоителя целины — в искусстве вешать портреты. Не поверите, Юрий Петрович, не успеет кто-то собраться к нам, а у него в кабинете уже соответствующая перестановка портретов. Нюх у Леонида Ильича на подобные вещи был безошибочный...»

Пономаренко было больно — его отодвинули и забыли, а вырвались вперед люди, которые крутились у него на побегушках.

Как правило, беседы мы вели на даче, в проеме забора: здесь никто не слушал...

К прискорбию, вся эта сверхбиблиотека исключительной ценности (там находились подлинные инкунабулы, редчайшие из редчайших книг и собраний сочинений: шедевры искусства переплета!..) сгорела в сарае, куда была помещена из-за ремонта самой дачи. Тысячи и тысячи томов!

При увольнении Хрущев посадил Пономаренко на 300 рублей обычной генеральской пенсии. К такой жизни Пантелеймон Кондратьевич решительно не привык и чахнул в самом непосредственном значении слова. И посему взялся полегоньку распродавать библиотеку. Именно тогда я приобрел энциклопедию Гранат и еще дватри десятка нужных для работы книг.

Не могу не отметить еще одно обстоятельство: Пономаренко неизменно сохранял почтительное уважение к Сталину. Что бы ни говорилось о нем, что бы ни писалось — он только шурил глаза и качал укоризненно головой. Сталину был предан и считал его человеком исключительных заслуг перед Россией. Впрочем, тогда говорили только — Советский Союз.

Примечательно отношение Брежнева к Пономаренко. Бывший его подчиненный, прямо и во всем от него зависящий, Брежнев не возвысил Пономаренко (а как Пантелеймон Кондратьевич ждал этого!). Леонид Ильич не мог допустить, чтобы рядом находился человек умнее, да еще такой, который лицезрел все его «художества». Брежнев отстроил за государственный счет сгоревшую дачу Пономаренко и водворил своего бывшего шефа туда. Так и закончил свои дни Пантелеймон Кондратьевич.

Но вернемся к злоключениям энциклопедии Гранат с крамольными дополнительными книгами к 41-му тому. Теперь ее не запрещают — а как же, перестройка! Дыши во всю грудь! Но что осталось от тиража — это уже вопрос другой.

Фамилии Шлихтер в том подробнейшем своде автобиографий не обнаружилось. Оставалось обратиться к Советской исторической энциклопедии — этому убогому детищу цензуры и партийного самодурства. И вот последний том ее, 16-й, и дал разгадку.

Шлихтер, Александр Григорьевич, родился в 1868 г. Член коммунистической партии с 1891 г. (только основоположник мог тягаться с ним по стажу). И далее — впечатляющий перечень высочайших партийных, советских, научно-партийных должностей и званий, сплошной звездопад. Отошел в мир иной Шлихтер в декабре 1940-го. Нет, не репрессирован, сам почил 72 лет.

Супруга его — Лувишук Евгения Самойловна, 1869 г. рождения. Член все той же победоносной партии с 1892 г.! Это же не стаж, а сотрясение почвы, шаг Командора! Еще партия не сложилась, а они уже состояли в ней и примеривались к России... Евгения Самойловна закончила университет в Берне (потом всем запретили бывать не только в Берне, но и в 100-километровой зоне государственной границы — а нечего шастать, коли прикреплен к своему законному рабочему месту!). Евгения Самойловна мыкалась по царским ссылкам и эмиграциям с мужем, скончалась в декабре 1943-го — в год великого перелома в войне против Гитлера.

Сергей Александрович — их сын. Нет, нельзя утверждать сие однозначно, однако для меня это несомненно. Тогда все замыкается в естественный и неопровержимый вывод!

А иначе и быть не могло! Ведь революция утверждала неравенство и несправедливость! Сын Шлихтера избежал участи быть выброшенным из могилы, не за то «клали себя» его родители. А тысячи других? Что ж поделать — ну вымели, как мусор... А чему учил Ткачев? Народ себя и сознавать неспособен. Им управляют. Управляют единицы просвещенных, закаленных борцов, сведенные в партию или организацию единомышленников. Бежать людишкам туда, куда им велят, не отвернутся. Не побегут — карать!..

Та одинокая могила в старом кладбищенском парке, что возле кинотеатра «Ленинград» еще раз свидетельствует о законченной аморальности революции.

Есть сомнения? Сын революционеров — и такая милость: раненым привозят в тыловую Москву. Виданное ли дело?..

Мы забываем: счет вело другое время. Это самое классовое чувство, что приведет к всеобщему озверению, лишь неясным облаком витало впереди. Вспомним, в царской армии в годы мировой войны врачом-офицером служил родной брат Ленина, богоносца революции, — Дмитрий Ильич.

Это они со своими партийными билетами и всей массой «рядовых коммунистов» принесут пещерную ненависть к окружающему миру и нетерпимость аж в самые наши дни, отчего по русской земле черной смолой растечется одичание (а все начнется «с заостренного чувства классовой ненависти — святого чувства каждого трудового человека») — и замажет, вытравит все живое.

И опрокинули Россию в бездну!

Не уберегли Россию!

Что же позволяем творить с ней!

Кто же мы тогда для нее?!

На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. Сталин сказал:

«Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма...»

Памятуя об отношении Главного Октябрьского Вождя к интеллигенции как к «говну мозгу», данное замечание Иосифа Виссарионовича подтверждало недоверие к интеллигенции вообще, не только буржуазной. Интеллигенции надлежало опроститься до степени потери всех своих отличительных особенностей, превратиться в справочник по различного рода знаниям человечества — и только. И это ленинизму в основном удалось.

Поначалу интеллигенции вырвали язык, потом — оскопили волю, после — развращали страхом, пайками и лизоблюдством. А большее... большее и не понадобилось...

«Стукачи (доносители. — Ю. В.) были самыми страшными и опасными врагами... Количество заключенных, уничтоженных вследствие предательства, провокаций и клеветы, огромно и сравнимо лишь с погибшими от искусственно созданного в лагерях голода (а это значит, на счету доносителей миллионы и миллионы смертей. — Ю. В.). Ни блатные, ни комендатура, ни надзорсостав, ни сами чекисты без помощи стукачей не смогли бы нанести и малой части того урона, который был обеспечен их деятельностью. Около лагерной больницы находился барак, заполненный чахоточными молодыми людьми, заработавшими болезнь в карцерах в основном зимой. Все они были жертвами стукачей... Чувство мести и ненависти против них накопилось и ждало лишь выхода...

Всю жизнь я был против террора в любом виде... Чекисты осуществляли неослабевающий террор. Его проводниками в среде заключенных были стукачи. Следовательно, они были необходимым орудием террора и сами являлись террористами. При таких обстоятельствах уничтожение крупного стукача, убившего нескольких заключенных и подорвавшего здоровье многих, было актом самообороны... Спруту надо отрубить щупальца: ведь он сам избрал такое применение себе, вкрадывался в доверие, выпытывал, вызывал на откровенность, доносил, врал и клеветал. Есть ли что-нибудь более отвратительное на земле, чем служба этих иуд?... Они хуже чекистов, палачей, прямых исполнителей актов террора...

Расплата с пособниками чекистского террора — стукачами — велась систематически в течение восьми месяцев. Уничтожено было сорок пять человек...

Свирепая борьба со стукачами резко парализовала и крайне ослабила их деятельность. Без них чекисты *ослепли и оглохли...*¹

Мы скорбели о Державине: нет его, единственно достойного для такой темы, как доносительство. Только великий Гаврила мог сочинить нечто достойное в память предательства и доносительства, которые, как сыпь, поразили русский народ в XX столетии: скажем,

¹ П а н и н Д. «Лубянка—Экибастуз». Лагерные записки, с. 330—331.

оду в высокаторжественном, приличествующем обстоятельствам стиле. Но Гаврилу Романовича с успехом заменил генерал КГБ.

Из беседы с председателем КГБ Башкирии, опубликованной в уфимской газете «Ленинец»:

«...Уместно сказать несколько слов, в чем разница между нашими помощниками и стереотипно бытующим понятием «стукач». Должен сразу сказать, что мы глубоко уважаем тех, кто оказывает нам посильную помощь. За время своей работы в органах КГБ в их числе я помню и академиков, и докторов наук, и писателей, и журналистов... Готов поклониться им в пояс — это порядочные, честные, добросовестные люди...»

Вот они, достославные всходы!

21 августа 1990 г. «Известия» перепечатали откровения генерала КГБ под заголовком «О славных стукачах замолвили слово».

Это, конечно, не ода доносительству, до Державина тут далеко, зато селекция налицо.

Есть жертвы, но есть и та множественность, которой и селекция не нужна. Противоборствуют не только разные взгляды на суть бытия, но всегда еще и волки и люди внутри одного народа...

Будь виноваты в русских бедах одни евреи, как все было бы просто: пусть уезжают — и у нас рай.

А только рая не будет.

Беда — наша, от нас прежде всего. В нас она. Когда пойдем да разберемся — и Россия пойдет по-другому.

А понять надо. Мы же народ, мы хозяева жизни. От нас все зависит — так что же мы? Мы-то что?!

Надо понять!

16 августа 1990 г. народный депутат СССР Н. убежденно и проникновенно объяснял в вечерней программе «Время», как это противозаконно и непорядочно — разрушать памятники Ленину. Все верно: разрушать памятники — варварство. Но вспомните: что вы, коммунисты, творили после Октября семнадцатого? Взрывали и уничтожали памятники не только царям, но, скажем, и таким народным героям, как монах Александр Пересвет¹ и Родион Ослябя² (заводская постройка придавила их прах) или генерал Скобелев³. Я назвал ничтожную часть оскверненных вами святынь.

¹ Пересвет — герой Куликовской битвы, монах Троице-Сергиева монастыря, до пострижения — боярин. 8 сентября 1380 г. вступил в единоборство с татарским богатырем Темир-мурзой (Челибеєм). По преданию, они сшиблись с такой силой, что оба пали замертво.

² Ослябя вместе с Пересветом сопровождал великого князя Дмитрия Донского на Куликово поле, где и принял участие в битве.

³ Скобелев, Михаил Дмитриевич — герой войны болгарского народа с турками (1877—1878). Обладал исключительной личной храбростью, солдаты боготворили генерала. В боях всегда появлялся верхом на белом коне, за что был прозван Белым Генералом. В Москве на народные пожертвования ему был установлен памятник (сейчас на том месте красуется памятник основателю Москвы князю Юрию Долгорукому).

Вы взрывали не только памятники, но и огромные храмы — достояние народа, часто возведенные на народные пожертвования. Перечислять все уничтоженное вами, последователями Ленина, не хватит и толстой книги. Но самое жуткое, поистине каиново преступление — вы обессилили народ, растлили и теперь бросили...

А ваши памятники?

В центре столицы, на Лубянке, подпирает небеса высоченный памятник человеку, который не только уничтожил памятники из металла и камня, но и загнал в землю целые пласты русского общества¹.

Уничтожать памятники — варварство, но вы, народный депутат страны, говорили еще о созидательности учения, способности этого «великого революционного учения» к развитию...

Вы не одиноки. Подобные рассказы звучали с трибуны учредительного съезда Российской компартии, да еще с требованием оградить память Ленина от критики законом. Для вас это естественно: ибо он не человек, а Божество, Непогрешимый, Апостол счастья людей и т. п.

И речь идет о человеке, который поставил на грань распада великое Русское государство, который нанес по нему удар такой силы — вопрос, выстоит ли оно еще, а если выстоит — каким будет!..

И вы говорите о созидательности его учения... и несмотря на потоки крови, которые уже льются... на пороге голода, новой Гражданской войны?

Вы говорите это о человеке, который в насилии видел будущее человечества, который превратил людей в безгласные организмы и террором заместил совесть, честь и справедливость. Нет такой низости, к какой не прибегали бы носители этих идей. Это вы заразили народ страшной болезнью безверия, безмерной усталостью, циничным равнодушием, высосав из него все соки, унавозив миллионами безвременно умерших свое благополучие.

Можно представить, что было бы с людьми, кто, как вы, призвал бы к сохранению памятников культуры в годы, когда вы держали народ за горло. А вы по-другому с ним и не обходились. Вы все 70 лет только держали его за горло и давали дышать ровно столько, сколько нужно, чтобы лишь работать, с утра до ночи работать, ни о чем не помышляя...

Вы пуце кары небесной боялись свободной, независимой мысли — и это сотворил ваш Ленин. Это он научил вас поклоняться одному богу — диктатуре, всемогуществу генеральных секретарей и их окружению, террору...

Это он, ваш богоносец революции, раз и навсегда замкнул уста огромному народу. И с тех пор десятилетиями звучит только его речь, его брызжащее нетерпимостью к самостоятельной жизни сло-

¹ Памятник Дзержинскому был снесен в августе 1991 г. — *Прим. ред.*

во. Вы любовно хранили изданные вами 55 томов той преступной программы, по которой разрушалась Россия.

«Борьба, ожесточенная до звериной злобы».

И вы рассуждаете о созидательности, об искажении учения, о непрочитанных страницах учения, о бессмертии дела гениального вождя. Да от непрочтенных страниц у всего народа разом встанут волосы дыбом. Только опубликуйте настоящего, «засекреченного» Ленина.

Каменные истуканы этого величайшего диктатора в истории нашего Отечества заполонили города и села России. Все эти партийные памятники (не только ему) — огромный каменный горб на теле русского народа, огромное и смертельное увечье народа, его тяжкая и трудно, безмерно трудно излечимая болезнь...

Ненависть к бюрократии у нас особая. Она, так сказать, от самих основ жизни. В ней, этой ненависти, запеклись вся боль и негодование народа, скорее даже презрение. И адресована эта ненависть бюрократии партийной — здесь счет за все: почти вековое глумление, обман и принуждения.

Мы, по существу, пребывали в крепостном состоянии. Положение любого мало-мальски значительного бюрократа больно давало нам это понять. А рабство растлевает — эта истина за тысячи лет истории человечества нашла самые веские доказательства и примеры.

У генсеков — от самого первого (и Главного Октябрьского Вождя в том числе, хотя он генсеком не числился) до откровенно вороватого Брежнева — имелся один бог, один «родной отец». Это он возводит их в генсеки, это он удерживает их у власти и превращает народ в покорную массу, это он дает возможность едва ли не вековую нужду и тяготу жизни выдавать за благо и болтать, болтать, обещая рай. И этот божище — КПСС.

Все эти молотовы, вышинские, берии, кагановичи, брежневы, андроповы... — других и не мог вырастить ленинизм. Главное было — сила, насилие, это определяло ценность человека (а не ум и культура), его общественную и государственную значимость. И взошли поколения шутов, иначе этих надутых марионеток при генсеках и назвать нельзя, но, само собой, шутов и марионеток зловещих, коварных. По их воле и предначертаниям жизнь превратилась в надругательство.

Брежнева народ не хоронил — хоронили его партбюрократы и КГБ (на этом ордене подслушивателей, провокаторов и лжецов преимущественно и держалась его власть), а народ просто свалил его в яму, как гнилое, отравленное мясо...

Угробили непримиримостью, ложными, утопическими путями движения в светлое завтра десятки и десятки миллионов, а нынче спокойно говорят: стоп, ошиблись, давайте искать новые пути.

Ищите, но только без нас...

На насилии, зле нельзя и невозможно вырастить добро — это исключено.

И теперь культуру (и даже быт) этого мира, беспощадно, с проклятиями расколотого на ничтожные куски в семнадцатом, собираем по крошечке.

После 70 с лишним лет издевательств, унижений, террора, торжества тупости собираем с прилежанием и грустью.

Та кровь, которая была пролита, та искривленная, испохабленная жизнь, которую мы получили взамен, заставляет это делать. Другого ничего не остается.

Перо Чернышевского вывело эти слова: «Добро без оскорбления зла невозможно». Когда я впервые выхватил их из рядов строк, я замер: это именно так! Только так!

Вечная память тем, кто не смирился с моралью насилия и благоразумия всех — и сгинул, растоптанный.

Память тем, кто вопреки унижениям, гонениям распрямился.

И память тем, кто не принял догм, обязательных для выживания (пусть жизни даже не шибко благополучной, а может, и вовсе не благополучной, но все же жизни!), и рухнул: кто с дырой в черепе, кто от лагерных мук, кто от горя и травли, гонений. Всегда правый народ.

Разве пулю в череп посылает непосредственно сам диктатор? Разве миллионы лживых газет и книг — только один он — диктатор? Разве не сам диктатор — эти толпы от горизонта до горизонта: одни слова, один шаг, одно пламя ненависти?..

Вечная память тем, кто не пал на колени перед богоподобностью авторитетов гениев и лег в могилу, кто шагнул в небытие через муки одиночества, презрение, наветы, проклятия — но шагнул, не дрогнул...

Вечная память вам, люди!

Вечная память тем, кто прошел через всеместное отступничество, хрюканье дрессированной прессы, палачество, не замаравшись и не оскотинясь... Прошел — и рухнул, отравленный ядом самого воздуха и их слов, их выражений глаз и пожатий рук... Всегда правый народ.

Вечная память тем, кто не принял их милостей, их сытости, их гирлянд орденов и елейных словопочитаний — и обрел братскую могилу, сровненную с землей: ни метки, ни даже сбивчивого слова предания...

Могилы братская... потому что там твои братья (ибо истинные братья — это не братья по крови). Там те, кому нет места на земле, — места среди уюта смирения и согласия на любую жизнь (но жизнь, жить!), на любую цену за выживание. Там, в земле, те, кому нет пристанища здесь: земля огромна, а — нет, есть только гнет сырой земли на груди, руках, веках...

Вечная и солнечная память вам, братья и сестры!..

В прах изошли ваши тела, однако слова правды, гордости, чести,

любви струятся с воздухом, и братья ваши (кому еще надлежит лечь в братскую могилу) слышат вас.

Вас не столь уж мало — тех, кто перешагнул через черные камни поголовного насилия, доносов, предательства и всеядности. Все завещанное вами слышим и видим...

И я послужу вам. Не много у меня сил и нет уже той ярости к жизни, но я всегда с вами. Впрочем, нет, тело еще сильное — меня хватит на хороший шаг, верьте!

С высокой колокольни ударю в тяжелый, неподатливый колокол — в вашу память ударю. И густой рокот возвестит и разнесет по всей земле русской славу вам и нашу печаль...

Не сбивайте с деревьев живые листья! Иссохнет древо жизни. Сожжет вас пыль и зной. Не будет тени, даже ничтожного уголка тени...

Шел год 1975-й — время последнего расцвета деятельности КГБ по удушению мысли и правды. В расплывчато-сытых чертах лица Андропова, его очках в тонкой золоченой оправе как бы оживала тень Лаврентия Павловича (сам Юрий Владимирович подмечал это сходство, надо полагать, тяготился; однако подшучивал — а что ж делать?..).

Андрей Дмитриевич Сахаров безуспешно пытается проникнуть в зал суда, где разбирается дело Сергея Адамовича Ковалева. Его «привлекли к ответственности» за хранение экземпляра книги «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Ковалева (в наши дни он народный депутат России) осудили на 10 лет лагерей и 3 года ссылки. А Сахаров так и не был допущен в зал. Впрочем, его самого ждали издевательства и пытки...

Все эти люди, кто выслеживал, подслушивал, доносил, лжесвидетельствовал, угрожал, бил, и поныне в полном здравии — при чинах, орденах, а то и с депутатскими значками — занимают новые кабинеты. Никто и никогда не отвечает у нас за преступления против прав и свободы человека, разве только покойники... У нас палачи в почете. Милосердие для них, в первую очередь и всегда — для них.

Давеча я слушал выступление Ковалева по телевидению Ленинграда.

«Оппозиции режиму не было, — говорил Ковалев. — Оппозиция — это какая-то организация, это общая программа, это деятельность с поддержкой заметной части общества. Этого не было. **Была нравственная несовместимость отдельных людей с обществом — вот и все**» (выделено мной. — Ю. В.).

А такие люди опасны. Опасны самим фактом своего присутствия.

Эту нравственную несовместимость со средой ярче всех выразила Марина Цветаева:

В бедламе нелюдей
Отказываюсь — быть.
С волками площадей
Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь — плыть
Вниз, по теченью спин...

Кончали самоубийством, гибли от болезней, порожденных невозможностью так жить; гибли, исторгнутые самой средой (а это, по сути, все общество) как нечто чужеродное, в «психушках», лагерях и под пулями в подвалах тюрем...

Инакомыслие и не могло, и не способно было обрести форму организованного сопротивления. Ближе всего оно стояло к мученичеству...

Ничто другое не способно вмешаться в ход истории, изменяя его, кроме того, что уже заложено в ней, содержится. Наше настоящее обусловлено нашим прошлым — именно так.

Никогда к рычагам власти в крупном государстве не смогли бы пройти люди наподобие генеральных и первых секретарей — не будь РКП(б)-КПСС с ее ленинскими догмами. Полуобразованные, кроме узкого окружения Ленина, полуграмотные, с унтерским пониманием национальных и общественных интересов, жестокие, развращенные вседозволенностью, не поддающиеся в силу диктаторского положения ничьему контролю — громадная могильная плита на теле России, ни глотка свежего воздуха, ни слова правды, ни одного вольного шага. А честь? Нет такого слова в их языке.

Сталин закинул сеть: зачем ему одному марать руки (казнить, пытать, морить в лагерях, подслушивать, судить, травить и насиловать), а ежели народ приспособить?..

И попробовал.

А народ отозвался.

На сотни тысяч, миллионы надел шинели надзирателей и карателей. Да разве хватило бы рук у алмазного повелителя, чтобы проводить слежку, подслушивания, арестовывать, гноить на допросах, казнить, держать в лагерях десятки миллионов несчастных? Такое дело можно проворачивать лишь всем миром. Заскрипели десятки миллионов перьев. Не ошибся Сталин. Отозвался народ...

Доносили не только тоннами анонимок. В открытую называли «врагов» — кого надо стрелять или сжигать со свету в лагерях. Тут очень сгодились партийные собрания и вообще коммунистическая сознательность.

Разные митинги тоже не обманывали вождя, без перерыва выдавали новые имена. Натужливо на густой, клейкой крови проворачивались маховики «женевского» механизма.

«Борьба, ожесточенная до звериной злобы».

И не случайно гибла старая культура. Ленинизм насаждал свою — огненными гвоздями засаживал в лоб каждому.

Но это несколько неправильно, будто народ несчастен, его бросают, уходят в эмиграцию лучшие умы (так, в одном только 1990 г. выехали из России 70 тыс. ученых, а сколько — в Гражданскую войну и первые годы советской власти!). Не они, эти лучшие умы, бросают народ, а, наоборот, народ дает силу бюрократии, КПСС и прочим темным силам, так что гнет этих сил, условия жизни становятся непереносимы.

Народ может — так что же он терпит и нищету и глумления?! Народ может все — так что же происходит?!

Ничто не возможно без народа — это наиглавнейший постулат любой политики. Именно это имел в виду Варлаам Шаламов, когда с болью и укоризной говорил о том, что случилось после октябрьского переворота: народ очень виноват перед своим священством и интеллигенцией. Виноват за глумления и насилия.

Всегда правый народ.

Сытость определяет позицию и действие масс людей. Пусть изойдет синим пламенем и горячей кровью (кровью одиночек, отчаянных и мужественных бойцов за общее счастье) эта самая свобода, испепелится и рассыплется на угли — отоварь мою сытость, а после — выкаблучивай что и как заблагорассудится, надо — и пособим.

В России высшая добродетель — покорность, молитвенность, смирение. И вкуче с ними — ерническая, жуткая по своему всеобъемлющему смыслу присказка: **откинешь стыд — и будешь сыт!**

Сытость! Прокорм! Да на хрена свобода; и вообще, что это такое?.. Свобода!.. Ее не укусишь, не сжуешь, не напаялишь полшубком...

20 лет назад Солженицын дал художественное исследование палачества Сталина — это не пошевелило народ, хотя уже существовало и развитое инакомыслие. Но радио, телевидение, газеты — этого достаточно, чтобы клеймить по наущению и по искренним порывам души, ненавидеть в указанных направлениях, оплевывать или не обращать внимания: а какое мне дело — пусть все пердохнут...

Солженицына выслали, а общество продолжало погружаться в пьянство, тихое воровство, пока не последовала команда «прозреть» — и принялись прозревать.

Здесь цена всему.

Не порыв, не ненависть к угнетателям, не боль за поруганную землю, а команда сверху и ее дружное исполнение...

И свободу мы не добыли, а получили как милостыню из рук своих притеснителей и обманщиков. Вот вам перестройка, а вот и выборы...

Это ли не покоренная земля?..

Неужели люди неспособны уразуметь, что за сила они? Неужели не понятно — народ все может! Неужели не понятно: все было доз-

воленным, поскольку народ это допускал. Неужели не понятно, что так будет всегда, поскольку народ по-другому не хочет?..

Народ был и остается господином своей судьбы. Что бы с ним ни творили, как бы ни дурили — в конечном итоге он определяет все. И о своем прошлом он знает теперь почти все. Нет неведения.

Будущее себе выбирает народ.

И в храмах отмаливает свою горькую судьбину... тоже народ.

И если столько дикой, кровавой несправедливости в его судьбе — в этом тоже его воля, народа.

Может быть, поэтому на Руси так поражающе много храмов, церквушек, часовенок?.. Надо же у кого-то просить заступничества или замаливать грехи. И такие стены возвели, и такую жизнь устроили — кроме как в церкви, некому и негде молвить простые человеческие слова...

Так зачем устраивать такую жизнь?!

Народ-Богоносец, народ — хозяин своей судьбы...

Русские песни...

Извела меня кручина,
Подколотная змея...
Догорай, гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я.

* * *

Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик...

* * *

Уймись, душенька,
Уймись, рученька,
Сломись, веточка,
Умри, деточка...

* * *

Пьяна я, пьяна я,
Пьяна вся моя семья,
Пьяны мои дети —
Любо поглядети...

И присказка такая — волосы дыбом встают: **«Ни кола, ни двора, ни образа помолиться и ни ножа, чтобы зарезаться».**

И сколько же еще таких и много горше!

Какую надо иметь историю, чтобы сложить такие песни?..

Из какого же темного, кнутового бесправия и вековой нужды глянули на нас эти песни!

И какой же грех людей такой судьбы подтолкнуть, а после принудить к несравненно более жутким испытаниям, которые уже и судьбою наречь нельзя. Одна гибель и мұка.

А вы, кто имеет наглость обманывать, присваивать, терзать, давить и грести все под себя, грести... — неужели вы не сознаете, что творите с поверженным, изрыгающим кровь народом?! Неужели вы все — только жадность, только власть, только хамство и насилие?!

Кто же вы?

Кто ваши матери и отцы?

Чего заслуживаете — это вы знаете?!

«Тюрьма — истари неотъемлемый элемент русского быта и русской культуры, — повествует в своем справочнике Жак Росси. — Она отражена в творчестве крупнейших русских писателей прошлого и настоящего. Россия не единственная страна, где виднейших мыслителей и писателей непременно бросают за решетки. Но она единственная, где в течение столетий, невзирая на войны и революционные перемены, это последовательно продолжается и поныне, в век спутников. Советский Союз немислим без тюрем, лагерей, цензуры...»

Большевизм счел для себя все дозволенным, потому что присвоил право выступать от имени народа. И все, что делал, когда переступал черту человеческого, оправдывал благом народа, высшими интересами трудящихся.

Тюрьма уже воплощала не только замиренный народ, она выполняет отныне и чисто «воспитательную» функцию.

Вымирание, истребление ослабляют конкуренцию в обществе — это оборотная и совершенно неожиданная сторона террора. И это еще один смысл и довод в пользу террора. Для социальной группы, которая захватила власть, это имело первостепенное значение.

«Чтоб кровь не обрызгала гимнастерку».

Сталину по нутру было единообразие — это черта натур неразвитых, деспотических. Он всю Россию обрядил в форму, в ней щеголяли даже работники сберкасс. Мундир, погоны, «фрунт» — это грело Чижикова. Но он умел ставить и спектакли доброты и ласки. Он, презирающий людей...

Он накручивает патефон и слушает грамзаписи, а на круглых наклейках царапает пером «народная» или «ненародная». Так определяется судьба композитора и музыки. В общем, досуга нет — есть неусыпный надзор.

Он стравливает людей, особенно же горазд их напавать. Пьяные несдержанны, он узнает, что они думают, а самое важное — надежны ли. Его попойки принимают унизительно-хамский ха-

рактер. От необходимости пить, и пить до блевотины, не избавлен никто. Этот прием появился не сразу, а после ознакомления малограмотного диктатора с историей царствования Петра Первого.

Когда ненавидят и враждуют, на поверхность вырвется все тайное и сокровенное, как раз то, что ему и нужно.

Вкусы, его привычки, политические наставления (их нельзя назвать ни теорией, ни философией — это именно наставления; ближе всего они к воинским уставам) въедаются в души сотен миллионов людей, обращаются в естество повседневных отношений. В него иступленно верят, ему поклоняются, за него разможат череп любому, даже младенцу. Вера эта штампует миллионы подобных ему, можно говорить, что миллионы отражений «гениального» вождя несметным количеством осколков рассеяны по Руси.

На его долю выпала убойно-страшная работа, первыми подручными в которой оказались ВЧК-МГБ. Их нынешний заместитель — КГБ — все та же тайная служба по укрощению людей во имя власти генсеков и их приближенных, сгусток зла и преступности¹. И всем строем, почти без потерь, они дружно шагнули в «демократию» (после августа 1991-го) — а как без них на Руси? То-то, без сыска люди не могут, наипервейшее заведение...

Заслуживает внимания приветствие Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала товарищу Сталину в 1938 г.

«...Всюду, где грозила Советской республике опасность, Ленин слал и народ звал тебя, товарищ Сталин. Послушный велению партии и зову народа, ты ушел защищать Царицын, и вместе с незабвенным Кировым ты защитил его (если бы Кирова и впрямь угробили враги партии, не Сталин — сколько же они, большевики, за одну его жизнь готовы были сгноить сотен тысяч людей, какой дикий расчет! — Ю. В.). Ты ушел в боевом содружестве с Фрунзе и Ворошиловым громить Деникина и Врангеля, и ты разгромил их...»

Вот так: пошел и разгромил...

Что ж было в таком разе брать с простого человека. Он тоже славословил вождя, но только криком одинокого петуха. Авось услышат... поднатужусь — гляди, и услышат. А это надежда: и убе-

¹ Было бы чистой нелепостью считать, что все без исключения работники КГБ связаны с преступной деятельностью против народа. Однако же сама работа в таком учреждении, безмерно кровавая история этой тайной службы, ее огромная, неизбывная вина перед народом не могут не вызывать у людей определенных чувств. История навечно выжгла позорное клеймо на физиономии этой глубоко законспирированной, бесконтрольной и безнравственной организации из нескольких миллионов сотрудников, опирающихся на целый океан доносителей, добровольных и платных.

речь может или ослабит тяготу жизни, а то и вообще прибытком обернется. И кукарекали миллионами голосов... Сталин!!

После смерти Сталина наступил период выученности (относительно мирный). Более или менее все будут представлять, что и как делается, то есть считать принуждение, за которым сразу пропасть, обрыв, тюрьма (а это почти то же самое, что казнь), здоровым состоянием общества. А это как раз то, к чему стремился террор, — сделать всех одного цвета, одной выученности, одной политической надежности. В таком обществе из-за страха подавления, напора кровавой дрессировки исключены нормальные чувства, прежде всего — недовольство. Эти чувства становятся просто невозможными. Общество же одобряет любые действия правительства. Не потому, что оно народное, их правительство, а потому, что общество выучено на одобрение. С детского сада, с октябрятских собраний его приучают всегда все одобрять.

Этот режим, трупно выдрессировав всех, может себе позволить властвовать без крови и массовых гонений, и властвовать, ведя войну уже с какой-то горсткой инакомыслящих... «нравственной несовместимостью отдельных людей»...

Страх правит миром — на этом стояла власть КПСС и ее вождей.

Однако события после 1985 г. доказали: террор вкупе с ленинским идеологическим террором сам по себе неспособен обеспечить покорность общества, его крепостную устойчивость, даже не крепостную (холопы все же восставали), а скотскую, ведь именно к этому состоянию вели все этапно-могильные меры по замирению народа. Оказалось, присутствует нечто, это нечто — выше страха и даже умственной отравленности, это сытость или оголодание. Получается заколдованно-неразрывный круг. Чтобы общество было надежно-покорным, следует его терроризировать, превратить в рабов-животных, но такой метод хозяйствования неспособен обеспечить пропитанием и сносным существованием эти самые толпы рабочих муравьев. Стало быть, такой труд оглувленных людей, сведенных на покорность, не может быть действен, от него надлежит отказаться, ибо общество уже пробуждается к мысли, пусть поначалу искривленной, уродливой, но мысли, которая уже живет самостоятельно, тут КГБ бессилен всех затоптать. Может — очень многих, но всех... не получается, пробовали...

Так начинает выступать самостоятельной величиной сытость — или, если угодно, степень оголодания.

Напрасно столько толкуют сейчас о Боге, религии, вере, добре. Все это призраки, все это несуществующие материи: будет сытость, ляжет хоть какое-то довольство в жизнь — и все эти духовные сущности потеряют свою значимость, отступят. Люди вновь предадутся жизни, в которой главное — инстинкты и себялюбие.

Доказательство в самой Октябрьской революции. Никто не мешал служить Богу и слышать его, верить, религия преподавалась

даже в школах, а люди в какие-то месяцы забыли о Боге и всех заповедях и растоптали самое понятие о Добре и справедливости. Народ вооружился длинными ножами, и реками полилась черная кровь. А ведь этому взрыву ярости, дикости предшествовало тысячелетие веры.

Значит, это была не вера в ее истинном значении.

Значит, всегда существует и есть нечто более важное, чем вера.

Что же?

Это — инстинкты самосохранения и сытости. Во всей многоликости их выражения. Значит, мы должны с печалью отметить, что религия не смогла преодолеть животное в людях.

Это свидетельствует об одном: вера никогда не являлась верой и не проникала глубже телесной оболочки.

Следовательно, изъяны в самой вере?

Вряд ли.

Даже совсем нет.

А в чем?

В огосударствлении религии, превращении ее в несправедливость, в то же насилие — только в этом.

И сейчас религия снова дзинулась той же дорогой. Она является частью государственной структуры независимо от того, кому собирается служить: правым или левым, — ибо она только по заявлениям вне политики и служит Высшему. Высшему она возглашает молитвы, а служит — земному. И поэтому опять закладывается взрывчатый материал, обозначается вероятность, а скорее даже неизбежность новых потрясений. Ибо религия служит не вере, не душе, не состоянию чад своих, а государству, политике, хотя связи эти на беглый взгляд не просматриваются.

Именно в этом еще одна из причин, почему люди в 17-м году отвернулись от веры, дали большевикам возможность творить свое дело.

Вера назначена растить душу, давая победу над инстинктами, над стихийным, животным, кроваво-подлым и двуличным.

Ибо противны Богу (а лично для меня Бог — это и синоним Добра) убийство, доносительство, служба в карательных органах, зависть, которая бросает нас в омут междоусобной борьбы. Бог (или Добро) — это слияние с миром, это величайшее наслаждение от возможности дышать и видеть солнце, но никогда — нажива, стяжательство, длинные ножи для доказательства правоты.

И пока в людях будут бушевать губительные инстинкты, ставящие его по жестокости, коварству впереди любого животного, никакой мир Добра не возможен. И вот в этой работе по преодолению животного в нас, в помощи слабым духом, в помощи обретения света души — и есть настоящее, первородное призвание церкви, имеющее нетленное будущее. Всякое другое поведение — обман людей и скатывание к одному из обычных учреждений по причине боли людям...

И никакие молитвы не способны здесь что-либо исправить.

Вся пастырская деятельность церкви назначена иметь другой характер. И в этом смысле новое сращение церкви с государством или, наоборот, попытка ее самой играть государственную роль губительны для народа, это путь в никуда...

Как это ни покажется невозможным, между воспоминаниями Молотова (безусловно, человека ограниченного) и воспоминаниями Троцкого (человека острого ума, мгновенной словесной реакции) существует большая внутренняя связь, родство. Оно и в общей тональности: скучноватое перечисление трупно-кровавых буден. Ни в чем не ощущается общность беды с народом, общее страдание. А ведь это были времена гибели миллионов от голода, пуль, бездомности. Спокойное, невыразительное перечисление эпизодов, событий, определенная похвальба...

И тот и другой находят вполне уместным говорить о своей власти как о чем-то естественном. Отсюда и право карать, повелевать, миловать (они обычно не миловали) — и очень мало человеческого. Классический пример как власть извращает психику.

Ведь разговор о людях только такой: нужен — не нужен, убрать — не убрать. И все! Ничего человеческого, даже ни на капелчку!

Свое право повелевать, ломать судьбы, карать они рассматривают как вполне естественное. Это они, кто эту власть захватил, присвоил и оградил штыками...

Фридриху Энгельсу принадлежит высказывание:

«...Россию нельзя победить извне, в нее нужно внедрить учение».

Отношение Энгельса к славянам можно сравнить лишь с высказываниями крайних ненавистников.

Что ж, мы приняли в себя яд учения. Теперь мы должны исторгнуть его из себя, должны стать тем народом, которым были и будем, — русскими. Не куклами и шутами в руках проповедников разных учений, а самостоятельной, сознающей себя силой. Прошлое, теперь жестокая борьба воскрешают нас для... жизни. Той жизни, которая у нас была отнята почти целый век...

Переболев, мы станем другими, мы будем все теми же россиянами, однако с нами будут зрелость и мудрость грозного испытания, искуса, посланного судьбой для того, чтобы мы стали другими, выжгли в себе много чувств и стремлений, которые лишали нас зрелости и достойной жизни.

Душный июльский день. После тренировки вообще не напиться. С мыслью о воде и гоню свою «Волгу». Хоть бы глоток!

Я заметил его еще издали. Он поднимал руку, но машины не останавливались. Я затормозил. Открыл дверцу. На мгновение

глаза его расширились от удивления. Он был в рваных, запачканных цементным раствором штанах. Такая же куртка на голое тело. Опытным взглядом спортсмена я сразу схватил могучую ширококостную крепость этого человека, только чрезмерно иссушенную: широкие ребра по груди, запавший живот. Лицо по-славянски кругловатое, глаза голубые, губы обветренные. Светлые волосы всклокочены.

Я спросил:

— Куда вам?

— До первой бетонки, где поворот на Радищево.

Стекла были спущены, гудел ветер, шоссе было почти свободно. Чувствовалось, он хочет что-то сказать, но... не решается. У меня от многотонных нагрузок руки запластовали подошвы мозолей, заскорузнувших в десятилетия тренировок. Но руки этого человека не шли в сравнение с моими: кисти были просто огромны, от тяжелого труда сызмальства.

— Здесь? — спросил я, притормаживая.

Он кивнул, неумело тыкаясь в ручки. Открыл дверцу, неловко вылез, потом вдруг наклонился ко мне (большое лицо) и сказал:

— Послушай, начальник (я сидел огромный от тренировок, широкоплечий, в капитанском мундире... холеный...), я полвойны отмахал с автоматом, другую половину отмаялся в плену. Тех, кто работал, там кормили, даже не били. Ведь мы работали! А за это не бьют. Ты понял? Не будем мы больше за вас воевать! Не заставите!..

До сих пор в глазах его лицо. Прямое солнце, от которого было все белым вокруг. Эти обветренные губы, голубые глаза, глубоко провалившиеся под лоб¹.

Жестокая, нетерпимая власть большевизма во главе с Лениным как идеологом и практиком этой власти привела к гибели десятков миллионов людей. Насилие стало нервом и главным приводным ремнем этого общества. Террор ВЧК-КГБ обеспечивал систему принудительного труда, назначенность судеб и всей приказной практики бытия. Социалистическая система ленинского образца показала свою неспособность к изменению, саморегулированию и ус-

¹ Когда лет 20 назад я выводил на бумаге подобные слова, мне было очень не по себе. Я долго учился писать без внутренней цензуры. И впрямь, вдруг увидят чужие глаза! Дни и ночи это ощущение угрозы расправы и чувство совершенной беспомощности. Но делать надо, и бьешь на машинке строку за строкой...

И где бы ни был, в памяти держишь: в доме никого, а рукопись на столе, одна... В доме никого!

И ни на мгновение, никогда об этом не забываешь, даже во сне.

Трудно жить в стране, где убийц не наказывают. Где творят беззакония — и зовут к гражданскому согласию.

Спокойно убивают, спокойно насилуют, спокойно морят голодом сырых, слабых и старых (на миллионы душ) — и вальяжно, спокойно живут.

Что же ты, народ?!

вершенствованию. Социалистическая система могла существовать лишь в условиях неослабного сыска и ограничения прав человека.

«Демократия», которая пришла на смену большевизму в 1991 г., ничего общего с подлинной демократией не имела. Россия подверглась разгрому в интересах западного мира и спекулянтов, выжиг, всякой нечисти. Русский народ и народы-братья оказались брошенными в нищету. Нависла реальная угроза распада Российского государства и вымирания народа.

Да, да, но распад России должна подготовить Гражданская война. Нас подталкивают к междоусобной войне, дабы после взять наши земли даром. Это главное в планах наших недругов.

На смену этим двум силам (большевизму и «демократам») стал подниматься русский патриотизм — естественная реакция народа на его уничтожение и превращение в голую рабочую силу. Гордость народа за Отечество, любовь к родной земле, великая культура стали сплачивать людей.

В условиях тягчайшего кризиса, порожденного политикой лжедемократов, все четче и четче прорисовывается неизбежность нового столкновения за власть. Обнищание народа, неодолимая нужда с каждым часом приближают развязку. За спиной патриотов выстраиваются коммунисты. Победа патриотов открывает им путь к власти, тем более среди патриотов очень много людей с ленинской психологией.

Социализм и ленинизм в результате предательской и грабительской политики лжедемократов обретают как бы реабилитацию, хотя именно ленинизм привел страну к государственной катастрофе и острой необходимости смены экономического курса. Ленинская идеология, построенная на приказных, диктаторских принципах, в силу своей сущности, внутренних свойств была лишена способности к пластичным изменениям. Она вообще смотрела на любые изменения как на отступничество, что и завело ее в тупик.

Надежд на то, что большевизм учтет опыт своего 70-летнего владения над Россией, почти нет. В умах своих приверженцев будущее страны видится ему только через ленинско-чекистские догмы. В том государстве человек по-прежнему будет безгласен перед властью партийных воротил, все его права присвоит государство; по-прежнему экономика будет чахнуть, обеспечивая существование по казарменному образцу.

Итак, с одной стороны теснятся «демократы», продавшие свой народ, наглые грабители и ненавистники всего русского. С другой — за спиной национального движения собираются коммунисты, которые, конечно же, неизмеримо многочисленней патриотов.

Российскому патриотическому движению нет места в будущей России. Оно неизбежно будет подавлено, подчинено большевизмом. Если это случится, России назначено новое сокрушение. Ибо никогда общество людей не может существовать на принуждении,

ограничении воли, искусственных схемах. Пройдет 10, 20, 40 лет, и такое общество снова неизбежно подгниет до самых основ. **Нужна принципиально новая организация жизни. Ее может дать лишь национальная идея, главное для которой — бережение народа как основной, первой силы любого национального государства.**

Что касается идеи социализма, то она неизмеримо шире ленинской утопии. К сожалению, в сознании людей эта идея всегда преобразуется в ленинский убойно-принудительный социализм, доказавший свою несостоятельность.

Общество, в котором нет эксплуатации человека человеком, в котором не барыш определяет ценность жизни, покорит мир. Но для России этот тип настоящего социализма недостижим, ибо вместо него по привычной, догматизированной схеме будет возрождаться ленинизм.

Это государство имело великое будущее. Для устранения внутренних противоречий ему было назначено переболеть в начале века, не больше. Оно же было грубо сломано. С тех лет и не может найти сил для возрождения. Не может найти этих сил еще и потому, что слишком много внешних сил заинтересовано в слабости России. Россия находится под возрастающим, постоянным ударом враждебных внешних сил. Вся «вина» ее — в ее природных богатствах, почти еще не тронутых, — огромные земли от одного океана до другого...

Разве одни условия жизни делают ее тяжелой, порой непосильной ношей?

А злота, которая загоняет людей в больницы и заставляет затягивать петлю у себя на шее? А грязные сплетни? А беспричинная грубость — рана в душе, которую наносят просто так... и уходят, не замечая и не помня... А ложь, зависть?..

Какие партии, учения, революции, пророки это умерят, сморют?..

Я всегда помню: эти люди распяли Христа. И разошлись есть, делать деньги, спать и, разумеется, размножаться...

Распяли Христа — и каждое мгновение с тех пор травят ближних, предают, мучают... и размножаются, чтоб было кому творить и нести зло и боль.

Выживают же, кто умеет половчее наступить на горло, кто умеет терпеть, кто задубел в невежестве и тупости, кто рычит на собственное отражение в зеркале.

Месяцами, годами упражняются в умении ударом ладони, ноги, головы свалить, лишит сознания человека. Упражняются в мастерстве с первой пули поразить сердце, голову.

Убить, свалить, наступить на горло, «наградить» самыми гадкими словами...

Эх, люди...

Что вы славите, чему поклоняетесь, куда идете?..

Да разве это — человеческое? И это жизнь?!

Жить так?!

Бог...

Богу надлежит смотреть в глаза, а не прятать свои глаза в поклонах и за крестными знаменами.

Ленин не дал благодати, отступим снова за Бога? Господь не выдаст...

Что же мы позволяем делать с нашей землей и нашей жизнью?

Кто мы для России? Почему позволяем губить ее?

В одной из книг о гитлеровской системе я прочел: «Смотрели (граждане Германии. — Ю. В.) на то, что «дает» фашистское государство, и научились не думать о том, что оно «берет» взамен...»

Все это в полной мере и наше.

Это «взамен» оказалось таким, что мы походили на тени людей. Мы отдавали все, имели право на подлинно достойную жизнь, а на деле еле сводили концы с концами, заживо пожирая деревню, — и это во все существование после 17-го. Мы настолько привыкли к хронической нужде и бесправью, что многие из нас принимают ту жизнь за благо.

Нынешняя жизнь окрашивает прошлое в розовые тона, но то было преддверие ада.

Вывожу эти строки 4 сентября 1990 г. Нет книге издателя — и не могу от нее оторваться, задвинуть ее; слова сами складываются...

Плачет, плачет за окнами Россия. Скатываются, срываются прозрачные слезы по пустоте стекол. Сыпью стыннут неподвижные белые капли на белом стекле.

Ровно шумит дождь. И вроде бы слабо, робко, а гул машин и голоса не заглушают. Расплещут лужу машины — и опять тихое всхлипывание дождя.

Плачет Русь...

Все норовит отступить за Бога.

Нет у нее сил, пусть Господь принимает все боли и муки...

Плачет и стонет Русь...

Не уберегли тебя...

До седых волос я думал: зло в мире оттого, что люди не ведают правды. Мне казалось: люди узнают правду — и зло рухнет. Люди выйдут на улицу — режим зла распадется, все отвернутся от него. Он станет невозможным... В 80-х, уже немолодым, я все сохранял ту же наивную веру. В приемнике я слышал речения писателей из эмиграции, порой главы запрещенных книг — откровения сердца. До самых последних дней я все думал: люди узнают, что было и что есть, как стало возможным это гнилое и позорное настоящее (те-

перь и разрушение Российского государства, превращение слова «патриот» в ругательное, оболванивание народа, превращение в «массу», замкнутую на самые низменные интересы), — и не будет зла. Все дело в том, что правда основательно замурована, — так полагал я.

Я очень хорошо представлял, как каждый из десятков миллионов расстрелянных, замученных, оболганных верил, что когда узнают правду о его и их муках, то люди непременно призовут к ответу насильников, добьются изменения жизни; не будет страха, произвола, глумления над истиной.

Сколько же заслонов на пути страха — государственная граница с доскональной проверкой любой бумажки, каждой нитки, «глушилки», покрывающие все зарубежные голоса, вещающие на русском; жесточайшая цензура, агенты КГБ среди нас... Страх перед правдой поражал и в то же время придавливал. Казалось, не дано простому смертному преодолеть пути к ней.

«Пала бы эта система сокрытия правды, — думал я, — и тогда режим, партия, ее вожди обречены. Они потеряют всякое уважение народа, а партия просто развалится — ведь она опора зла...»

Так я думал.

Все верно, друзья.

«...Но я хочу тебя предостеречь — не старайся заглядывать очень уж пристально к ним в души, не то тебя стошнит».

И мы, разглядев, отвернемся, забудем их как подлинные отбросы нашего народа, не то нас будет тошнить весь последующий путь, а нам ведь идти, возможно, очень долго.

Поищем свет в душах, распустим судорогу ненависти, отречемся от зла...

Возвращаемся на трамвае. Вагоны на две трети пусты, и от этого их подбалтывает. Это № 23 — мой знакомый с детства. № 21 («очко», — шутили мы) прессовал рельсы от «Сокола» до деревни Щукино, где и замыкал кольцо (в войну я клал патроны, и они отчаянно палили под колесами, это было наше любимое развлечение). Теперь у «21-го» другой маршрут.

Щукино в 30-е, 40-е и даже еще 50-е годы — свиновхоз, высаживал и морковь, капусту, свеклу на полях, где нынче многоэтажки. А тогда это были любезные сердцу поля, спадающие к каналу Москва—Волга. Нет, не поля, а доподлинные просторы. За гладью воды они сливались с лугами, рощами — и так до смутного прочерка горизонта.

Мы, кто обитал в Военном городке, выходили на предпоследней остановке — дальше в одиночных и тусклых огнях терялась в темноте сама деревня, как и всякая деревня, имеющая одну улицу. По праздникам оттуда через поле доносились гармошки и бабы охально-визгливые голоса.

Трамвай разворачивался на площади Марины Расковой (тогда — Всехсвятской), набирал пассажиров у «Сокола», катил, лязгая и погромыхивая, вдоль Волоколамского шоссе, а с моста через окружную железную дорогу (еще царской постройки) нырял в черноту сосновых боров. Скорости у трамваев тогда были выше. И за окнами мокро и «длинноруко» (ветки почти доставали окна) шумели клены, кусты акаций, сирени. За ними высоко и статно стыл мачтовый сосновый лес — ствол к стволу. И по этой ближней стене полнолистных деревьев и кустов стремительно смещались желтоватые прямоугольники-отражения вагонов.

А № 23 со скрежетом сворачивал под мост через окружную железную дорогу направо: ни в детстве, ни в юности я туда не ездил. Вообще маршрут «23-го» — один из самых длинных в городе. Он и доныне тот же...

Лариса шепотком сводит впечатления о публике: устала, примята, бедна... Погодя замечает, что вагоны в пыли, подтеках, краска облупленная. Я слушаю и поглядываю на Ленинградку: струится обилием огней. Час поздний, а поток автомобилей не скудеет: возвращаются дачники. Небо впереди, за высотным зданием «Гидропроекта» у «Сокола», уже почти в один цвет с ночной синевой. Когда-то там жались один к одному двухэтажные деревянные домишки («Парикмахерская», «Ателье», «Починка обуви...»), текла мутная, похожая на сток нечистот Таракановка...

— Сейчас одна публика ездит в машинах, другая — в трамваях и метро, — рассуждает Лариса, — резкое деление, очень заметное в последние годы. Прежде разграничение не было столь бросающимся в глаза.

— Еще очень много москвичей эмигрировало, — отзывается я, — взамен приехали из деревень и мест, где стреляют. Смотри, сколько нерусских.

— Русских-то и нет.

Потом мы молчим. Нас покачивает. Ветер пушит волосы.

Все вокруг знакомо: здесь я вырос...

Поневолу вслушиваюсь в мужские голоса. Они стараются перекрыть грохот. Двое немолодых мужчин вошли и сели впереди и, очевидно, продолжают разговор.

— ...Степан Павлович, вы старше. Мне к концу войны было тринадцать, вы с сорок четвертого воевали. Ведь было хуже: голод — пухли, разруха — гнили в землянках, а в городах — без отопления, ставили временки. Хрен знает что за печурки! А слезы, горе? В каждый дом десятками похоронки. Сплошной вой! Ведь тридцать миллионов погибли...

— Не погибли — сгубили. Немцы вон... всего потеряли шесть миллионов, а воевали со всем светом.

— Согласен... Ведь ни хрена не было! Кусок черного — благодать. Ни масла, ни жиров, ни маргарина. Пробавлялись картошкой...

— Капусту не забывай.

— Да, и это уже в достаток. Другие и того не видели: доходили, умирали... Барахло... Какое?! В опорках, босиком, в солдатских ботинках, трофейных немецких кителях — кто во что горазд.

— Не, больше ватники. Вся Россия — в ватниках, Костя.

— Да. Ведь наше время с тем и сравнить нельзя. Ну хоть хлебом брюхо набьешь, а тогда и того не достанешь. Что там двести—триста граммов на день — да выстой, это стояние на многие часы в дождь, мороз. И все равно на всех не хватало — стой не стой! Ни хрена не было, ложись — и подыхай. А сейчас по тем меркам — изобилие. Жить можно. А люди? Вы посмотрите: опустились — грязные, не следят за собой, даже вши объявились. Почему не следить за собой — в крапах-то пока есть вода? Везде плевки, грязь. Все ломают, жгут, рвут, гадят. Драки, бандитизм. Пьянство несусветное. Разврат. Вор на воре...

Они некоторое время молчат. После тот, что постарше, говорит:

— Я не пророк, Костя, а соображаю так: нет дубинки над людьми — и обозначилось их нутро. При Сталине тряслись. Наказанием отоваривали незамедлительно, и... не пожелаешь врагу. Патриотизм поубавился?.. Нет, Костенька, у нас патриотизм с наказанием в одно слиты... Что людям мешает жить чисто, с достоинством?..

Пожилой мужчина молчит, после все так же неторопливо продолжает:

— Ну нет одежды — имеется старая. Следи да латай, стирай. Будь опрятен. А тут какая-то болезненная опущенность. Нет, Костя, истинное нутро подвылезло. Усталость, само собой... и нутро. Исчезли страх, опасения, нет уважения закона и власти — и вылезло, как чирьи, настоящее из людей. Себя настоящими в зеркало увидели. Вот и все басни о сознательности людей и кто есть люди. С такими «чирьяками» в душе коммунизм строить?.. Эх, Ильич...

Знали был люди, что их ждет...

Сейчас народ (и что примечательно — интеллигенция) обращается к Богу за спасением. Но это обращение не принесет избавления от бед и нужд. Вера в своей основе имеет нечто другое — она по своей сути должна исключать возникновение зла, то есть всего того, что происходит сейчас с нами на государственном уровне: боль, страдания, бесчестье, позор... Не избавит Бог от этой чаши, заставит всех испить, и верующих и неверующих, но центральное в этом процессе — протрезвление, то есть организация жизни на иных началах.

И тогда вопрос: способна ли вера преобразовать общество, не впадали ли христианские государства в худшие из зол — терзали, мучали, травили чад своих?

Тогда какой смысл в нашем обращении? Что несет вера?

Это очевидно: Божья воля — в каждом из нас. Следовательно, нужно лишь уметь прочесть ее. А ее не всегда дают прочесть, чаще всего вовсе не дают, поскольку волю Божию разом толкует множество посредников между Создателем и нами, людьми.

Посредники эти, тужась разгадать волю Всевышнего, вносят в объяснения чрезвычайно много своего. Так что мы и не можем ведать, в чем же, собственно, воля Божья.

И вообще, разве могут быть посредники между Богом и человеком? Да простит мне Создатель богохульство, это все равно что иметь посредников между женой и мужем, когда их соединяет страсть.

В чтении воли Божьей не может быть посредников. Мы звеним чужим звоном, словно пустой чугунок на плетне под ветром...

Но даже если мы читаем, познаем волю Божию, какими мы становимся, почему зло все с таким же успехом шествует по земле?..

Почти две тысячи лет люди исповедуют заповеди Христа, а в нравственном устройстве жизни не продвинулись ни на шаг.

В развитии законов люди сделали определенный шаг. Что же касается нравственного устройства жизни — в людях по-прежнему так мало добра, ласки, заботы, любви!

Что же это: лишь только ослабеваает действие закона, становится возможным избежать кары — и люди уподобляются зверям. Людей людьми делает холодное, жесткое, бессердечное — законы. Без законов люди хуже чудовищ. Сними действие законов — и сообщества людей погрузятся в мрак и тьму.

За две тысячи лет человечество не сдвинулось в нравственном, совершили подвиги лишь отдельные личности.

Люди воруют, травят друг друга, подводят друг друга к самоубийствам, подвергают страданиям, боли... Ведь как просто — ничего не было бы — ни болезней, ни мук, ни нужды и гнетущей ноши жизни, — если бы не люди: именно они взваливают это на каждого. Живи люди по заповедям Христа — разом исчезли бы суд, множество болезней, нищета, предательство и надрывная ноша жизни, от которой порой хочется лечь на землю и не шевелиться, заснуть навечно.

Нет развития в нравственном, хотя люди утыкали землю сотнями тысяч храмов, завалили прилавки библиями и бесчисленным множеством священных книг, крестов, икон, свечей.

Только люди источники зла. Пока они не преобразуют себя — бессмысленны любые социальные преобразования. В каждом таится зверь, и — едва жизнь даст сбой, придавит нуждой, риском гибели — все звериное выплеснется, и общество превратится в скопище антилюдей.

Жизнь делают неподъемной ношей только люди.

И наверное, есть вещей символ в том страшном деянии, которое на их совести: ведь это они, люди, предали Христа, а другие смолчали, не закрыли его собой, позволили пытать и убить.

В каждом убитом есть частичка Христа, а это никого не останавливает. Любое убийство — это покушение на Христа: каждый свят. Только тогда придем к миру и согласию: ведь каждый свят! В каждом боль и страдание разрывают мозг и сердце.

Да кто же вы, кто убивает и терзает словом, доносом, сплетней, пулей, ножом и громадой своего богатства?..

И в этом весь приговор человечеству. Не будет добрым и чистым это общество. Общество людей вообще. Нравы способны смягчаться при изобилии жизненных благ, но сие будет означать лишь только то, что зверь в человеке дремлет — не ушел, а дремлет. Доказательства такому взгляду на историю людей дают две тысячи лет христианства. Христианство — лишь прекрасная мечта. Ею и останется, как и социализм с его проповедью братства, отказа от эксплуатации человека человеком, отношением к человеку не по принципу «сколько он стоит».

Человек из двух начал: разума и животных инстинктов. Он — порождение ума, разумное существо, и в то же время он — животное со всем набором звериных побуждений (инстинкты самосохранения, размножения, эгоизм... из коих произрастает весь букет зла). В человеке вечное бореие между тварью и человеком. Горе в том, что изрядное количество людей всегда стоят ближе к твари. Доказательство тому — государство. Будь иначе, государство потеряло бы смысл — зачем, кого устрашать и подавлять?..

Две тысячи лет христианства дают возможность прочесть будущее человечества с большой точностью приближения.

Человечество может существовать лишь в крепком государстве, укрощенное крепкими законами. В противном случае эти «подобия Божьи» начинают пожирать друг друга.

И чаша Октября — это первобытный шабаш зла во имя... добра, взрыв всего звериного в людях, одичание душ, отравы...

«Борьба, ожесточенная до звериной злобы».

Во имя добра убей, святотатствуй, жги, подчиняйся, верь только Ленину, учи только Ленина, откажись от себя, подави в себе все чувства, кроме преданности вождю, учению...

«Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь напротив, часто оправдывается целью» (Ленин).

То, каким делал большевизм людей, отмечали и враги. Так, 14 ноября 1940 г. Геббельс заносит свои впечатления о составе советской делегации, прибывшей в Берлин на переговоры (руководитель Молотов).

«На их лицах написан страх друг перед другом и комплекс неполноценности. Даже невинная беседа с ними почти полностью исключена. ГПУ (тогда уже НКВД. — Ю. В.) бдит! Это ужасно. В этом мире человеческая жизнь не имеет жизненной ценности».

Кризис последних лет...
Кончина Брежнева, крутой поворот Горбачева — страна аж вся
накренилась...

Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!

Чернота неизвестного.

Беда всего этого напряженного состояния страны заключается в том, что никто не думает о простых людях. И они чувствуют, что брошены.

Слова, слова, а жизнь надрывнее, и, уже нет сил жить...

Да дорожить такой жизнью?!

И вулкан обиды, боли, негодования все время готов изрыгнуться лавой народного гнева. И эта лава уже испепелит все.

Политики, которые предают народ. И народ, который несет их на своих плечах.

Речи, слова, за которыми пустота, вообще ничто.

Дома в собственность... магазины, заводы, деньги, земля, хапуги в чинах и без чинов... Воронье в большевистских и «демократических» перьях. Оборотни! И хищничество, одно нескончаемое хищничество в России и над Россией.

А народ это видит, еще пуще чувствует. Не все ведает, но чувствует: он никому не нужен, его предают, им торгуют. Оборотни!

Силу взял огромный торг. До России никому нет дела, почти никому... На торжищах — Россия! Бери, покупай, насилуй, присваивай, подкупай, предавай — никто не заступится, никто не остановит. Продают Россию!..

Разного рода спасители Отечества лозунгами всех свобод и благ прикрывают свою алчность, свой порыв к славе, должностям. Оборотни «демократии». Оборотни большевизма. Оборотни, оборотни...

А до России никому нет дела. Слева, справа — ни души, ни любви. Везде один расчет, одно честолюбие, бесстыдная игра, выгода и растоптаный, обманутый народ...

Целая страна со всеми заводами, улицами, озерами, угодыями на торгах. И спешит со всех уголков воронье...

И Россия, народ: чем бедней, проще — тем заброшенной и беззащитней, уже голая добыча и жертва больших и малых кровососов.

Рулетка, капитал, земля, барыш, биржа!..

Один грабеж, одна подлость.

И народ, обобранный, нищий, все еще ждущий добра, все еще верящий, пока верящий...

Не уберегли Россию...

Грубая сила во всех своих ипостасях неизбежно являлась важнейшей и традиционной составляющей внутренней политики России. С закреплением большевизма грубая сила становится уже центральной самодовлеющей величиной, все прочее лишь обслуживает ее, не менее грубо и топорно оправдывая всеобщность ее приложения. Уже все государственные учреждения в своей деятельности подстраиваются под практику этих отношений.

Грубая сила (убийства, принуждения, травля, насилия, ложь и подлоги) как основа государства искажает не только отношения внутри государства на уровне официальных органов, но и отношения между людьми, внося в жизнь ожесточение, черствость, безразличие и опустошающее безверие. Вся политика государства, партии и вождей в конечном итоге исходит из властвования через грубую силу.

Именно поэтому такое значение для государства приобретают карательные организации, в первую очередь ВЧК-КГБ. На данной организации — несмыслимая вина в искажении сознания общества, более того — физического и морально-умственного упадка народа.

Поражает, что и поныне (1991) эта служба является в глазах народа и привлекательной и заманчивой. К примеру, при поступлении в Высшее училище КГБ на одно место претендуют пять кандидатов. В обычные высшие учебные заведения страны, особенно технические, конкурс куда меньший.

Бесконечно далеки мы от того требования-признака свободного народа, который был сформулирован Герценом почти полтора века назад: свободен лишь тот народ, который умеет ненавидеть свою политическую полицию.

Добавим: и тех, кто в ней служит.

Для России этот час не пробил. Значит, не пробил и час свободы, ибо наша воля, желания, страсти по-прежнему во власти и под контролем других сил. И мы все так же не принадлежим себе. И в любой миг опять и опять становимся игрушкой в руках других сил.

Мы потрясающе разобщены и по-прежнему терпим насилие, произвол, если они непосредственно не угрожают нам. И если мы сыты — мы глухи к произволу.

В. М. Молотов (он умер на 97-м году жизни 8 ноября 1986 г.) оставил после себя исчерпывающее толкование основных событий, политики, оценку личностей, относящихся к советскому государству от его возникновения (и даже несколько ранее) и до начала крушения сталинизма, за которым в наше время последовало и крушение самой идеи насильственного строительства новой жизни, достижения счастья через кнут, расстрелы и строго определенный свод мыслей и чувств, своего рода умственная кастрация общества во имя коммунистических идей (на данном уровне — утопических).

«Конечно, Ленин (был более суров, нежели Сталин, — это ответ

Молотова на вопрос собеседника. — Ю. В.). Строгий был... Почитайте его записки Дзержинскому (это требования все большей крови. — Ю. В.)... Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все. Я как раз был на обсуждении. Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если б была такая возможность...» (Это говорил Молотов 30 июня 1976 г.)

Из этих мыслей, которые составили целый том в изложении и комментариях писателя Феликса Чуева, воссоздается вся философия и практика ленинизма.

Вячеслав Михайлович Молотов уже при основоположнике играл видную роль в партии (кандидат в члены политбюро с 1921 г.) и был, а не слыл одним из наиболее приближенных к нему деятелей, одновременно занимая пост и секретаря ЦК РКП(б). После смерти основоположника становится вторым лицом у Сталина, а после кровавых чисток — и вторым лицом в государстве.

После разгрома оппозиций на протяжении почти 20 лет он являлся самым крупным деятелем государства после Сталина. И этим сказано все.

«Я сам лично размечал районы выселения кулаков... Выселили 400 тысяч кулаков. Моя комиссия работала...» (Это говорил Молотов 11 мая 1978 г.)

Незадолго до кончины генералиссимуса (не исключено, и убийства — ведь уточнил шепотком Берия Молотову на трибуне мавзолея 1 мая 1953 г. о характере переселения Сталина в мир иной: «Я его убрал») он оказался несколько не у дел, но по-прежнему на вершине партийной иерархии. Не могло партийное чудовище, которым стало государство, обойтись без «каменной жопы», как любовно называл Молотова сам Ильич.

Возможность заглянуть в мир мыслей, чувств (судя по высказываниям и поведению, спектр этих самых чувств не отличался богатством, даже более того, отжимал на крайнюю скудость — и это не выдумка, почитайте сами эти не то воспоминания, не то указания), идей этого выдающегося коммуниста (у него был билет № 5, у Сталина — № 2), предоставленная стараниями Чуева на протяжении 17 лет (он записал 140 бесед с ним), производит впечатление.

Из отношения Молотова к миру вне социализма и самому социализму прежде всего бросается в глаза абсолютная схематизация мира Лениным и ленинцами, то есть коммунистами. В этом пространстве нет человека, да и не может быть, — здесь господствуют линии, оси, пунктиры, фигуры. Это бездушный мир доктринеров.

Поражает их испепеляющая уверенность в праве распоряжаться судьбами людей, мира, человечества — ни на мгновение у них не возникают сомнения в подобном праве.

«Венгры? Мещане они глубокие, мещане...»

«Поляки тогда были еще хуже, чем сейчас...»

«Да, Аляску неплохо бы вернуть... Еще время, по-моему, не пришло таким задачам...» (Это из разных бесед Молотова.)

И сами они: жестокость, вымороченность человеческих чувств.

Из каждой строчки, каждой мысли выпирает классовый критерий подхода ко всему в обществе, деление на «красных» и «некрасных» — отсюда и моральная, правовая оценки: жить или не жить вот этому человеку, людям, государству. Это ограниченное представление о мире неизбежно приводит и к убогости восприятия всего окружающего, потрясающего сужения его до примитивных инстинктов «наш», «не наш» и безграничной уверенности в правоте лить кровь — вообще лить. Им, в их пространстве, не нужна и сама культура. Это настоящее царство нелюдей. Книга Чуева вдруг вываливает перед нами вождей в исподнем: такие, какие они есть. И это вызывает отвращение: кто же правил Россией? Получается, власть над ней захватила группа ограниченных маньяков, верящих только в свою утопию и готовых ради нее на любые злодеяния, что они с успехом и творили многие десятилетия, и не без успеха творят и поныне, изрядно перекосив сознание народа.

Что характерно, что так и сквозит из существа Молотова, а следовательно, и советской власти — держится у них все на чекистах и терроре. И это как бы само собой разумеется.

«Нет, я никогда не считал Берия главным ответственным, а считал всегда ответственным главным Сталина¹ и нас, которые одобряли, которые были активными, а я все время был активным, стоял за принятие мер.

Никогда не жалел и никогда не пожалею, что действовали очень круто». (Это говорил Молотов 1 ноября 1977 г.)

Это не просто воспоминания — это лозунги. И устремлены они в будущее. Для тех, кто готов принять карательную миссию смирения народа, приведения его к единомыслию и солдатской подчиненности вождям партии...

Всё дают на утверждение, подбирают кандидатов на все посты (то есть фактически определяют управление в государстве соответствующим подбором кадров), убирают соперников, просто людей — чекисты. Тут без мускулов террора не обходятся ни на мгновение. Как это у Молотова: «У Сталина все мускулы были натянуты» — в этом Россия и мир имели возможность убедиться. До сих пор всё стараются натянуть старые испревшие мышцы насилия, да вот нет подходящего Сталина и народ не тот, нет единомыслия, разложился помаленьку. Однако мускулы все же тренируют — а вдруг!..

Из книги открытий Молотова во весь размах предстает вся людоедская сущность ленинизма.

Мне за мою, более чем полувековую, жизнь не приходилось встречаться с такой убежденностью в праве убивать и вправлять жизнь в заданные формы, кроме как в гитлеровской не то книге, не то инструкции — «Майн кампф».

¹ Сталин не уважал Молотова, держал за исполнителя, отведя ему, судя по фактам, в недалеком будущем роль центральной жертвы на процессе, подобном бухаринскому. Смерть диктатора спасла Молотова.

«...Крупская говорила Ленину:

„Ты ведь не знаешь, как хлеб растет, ты видишь, как он булками на стол поступает, и думаешь, что он таким и родится!“» (Это рассказывал Молотов 16 июля 1978 г.)

Это не 140 бесед с одним из руководителей советского государства, ближайшим сотрудником Ленина — это гимн насилию, гимн насильникам, это отрицание права на жизнь кому-либо и чему-либо, кроме ленинизма и их, ленинцев, это полное и всестороннее вырждение их в партию погромщиков.

Вы только вдумайтесь в слова Ленина (в августе 1920-го он пишет заместителю Троцкого по РВС Республики Эфроиму Склянскому, советуя заслать в Латвию и Эстонию под видом «зеленых» красные отряды): там «перевешать кулаков, попов и помещиков... Премия — 100 рублей за повешенного».

Вождь мудро предлагает все содеянное свалить после на «зеленых», к которым-де Москва отношения не имеет.

«Премия — 100 рублей за повешенного» — это венец людоедской философии, это слова не государственного деятеля, а скорее босса мафии, убежденного насильника. И плата-то: 100 рублей — по тому курсу как раз на бутылку водки. В сознание сразу вместить такое непросто.

Читая многие десятки страниц, поневоле забываешься и начинаешь думать, будто находишься не в XX веке, а в античных империях Дария, Ксеркса или великих монгольских завоевателей. Оторвать область, присоединить область, сослать народ, помиловать человека, пытаться человека, отшвырнуть человека... — это сквозит из каждой мысли, это — на каждой странице. Почти как у Геринга: когда я слышу слово «совесть», то хватаюсь за пистолет. Был такой...

Лучше бы этой книге не появляться. Она лишает последних иллюзий, не оставляя за ленинизмом уже ничего, кроме студня из крови и самоуверенной тупости. И это прочили в судьбы человечеству!

Дон-Аминадо набрасывает убийственный портрет Молотова.

Лобик из Ламброзо,
Галстучек-кашне,
Морда водовоза,
А на ней пенсне.

Молотов был единственным в советском правительстве, кто с начала 20-х годов и до самой кончины носил галстук. А Ламброзо? Итальянский ученый-криминалист — автор теории о заложенности преступных наклонностей в зависимости от строения черепа...

Им, верным последователям Ленина, мало тюрем. И в 1950 г. по указанию Маленкова в Москве открывается особая тюрьма, секретность которой делала ее неизвестной аж до самых последних дней. В этой тюрьме следственные дела вели работники аппарата ЦК КПСС со Старой площади, истязая людей и часто без суда убивая.

Это они, ленинцы, обстреливали в 1920 г. химическими снаря-

дами Бухару, а затем бросили на разграбление и насилие красным войскам. Даешь социализм и слава Ленину!

Это они из пушек умирляли крестьянское восстание Антонова в Тамбове — такого на Руси не было со времен Ивана Грозного, чтоб из пушек да по своим же деревням.

И до последних дней продолжают свои операции, но тайно. Вся страна, как зловредной сыпью, изрыта изуверствами террора и бессмысленной национальной резни — это секретное, черное дело, но кровь ручейком сочится в их логова, под колеса их черных лимузинов.

Они вцепились зубами в кресла, телефоны правительственной связи, выставили заслон в миллион чекистов — и твердят о демократических выборах и любви к народу.

Да не народ вы любите, а свои льготы, пайки («корыто»), дома отдыха, дачи, валюту, кремлевские палаты больниц, которые своим горбом добывает вам народ.

Это в беседе с Молотовым (и уж не так давно) бывший Главный маршал авиации Голованов скажет: «...если не будет второй сталинской руки, никакого коммунизма мы не построим».

Это вы, оказывается, строили коммунизм — нищие деревни, бараки, лагеря, тюрьмы, все это командно-расписанное убожество жизни? Да разве жизни?.. Существования по милости партии.

Ваш идол — сила. Вы дорогу к «коммунизму» иначе как через плеть и лагеря и вообразить неспособны. И как же вам хочется еще разок попробовать!

Идея социалистического устройства жизни никогда не покинет людей, но теперь история будет пробовать другие пути. Насилие и кровь уже поставили огромный народ на предел бытия. Человечество найдет иной путь к справедливому устройству общества. Оно жестоко ошиблось, рухнуло в безверие, чтобы снова обратиться к социализму — обществу, в котором не барыш будет определять стоимость каждого из нас. Люди найдут способ обуздать алчность и жить без господ и слуг.

Положить рядом и сравнить две книги: исповедь члена политбюро и секретаря ЦК РКП(б) Молотова в 140 беседах, изложенных писателем Чуевым, и автобиографию члена политбюро, наркома иностранных дел, наркомвоенмора Троцкого «Моя жизнь» — и не может не броситься в глаза стремление Молотова и Троцкого доказать прежде всего свою близость к Ленину. Обоим страсть как хочется, чтоб зарево от ленинского нимба попадало и на них, вмещались и они в пространство святого зарева. От этого и весь заворот книг, все рассуждения и перечет событий. Бессмертный пророк — и они рядышком, и от этого тоже почти бессмертные и почти пророки.

Что ж, заглянем в пророков.

Молотов рассказывает (так и слышится неторопливый бесстрастный говорок):

«Ленин понимал, что с точки зрения дел в партии и государстве очень разлагающе действовал Троцкий. Опасная фигура (фразочка прямо для доноса. — Ю. В.). Чувствовалось, что Ленин рад бы был от него избавиться, да не может... Даже Ленин, который вел с ним непримиримую борьбу, вынужден был опубликовать в «Правде», что у него нет разногласий с Троцким по крестьянскому вопросу. Помню, это возмутило Сталина как не соответствующее действительности, и он пришел к Ленину. Ленин отвечает: «А что я могу сделать? У Троцкого в руках армия, которая сплошь из крестьян (выходит, не будь этой армии — сделал бы?! — Ю. В.)...»

Ленин не хуже Сталина понимал, что такое Троцкий, и считал, что придет время снять Троцкого, избавиться от него...»

Вот, оказывается, какие пироги...

Имеются, впрочем, и свидетельства других известных деятелей партии о враждебности Ленина к Троцкому. В подлинности их сомневаться не приходится.

Троцкий же приводит множество доказательств веры Ленина в него, вплоть до незаполненных бланков (их никто, кроме Троцкого, не имел) с подписью Ленина: Троцкий заполнял их по своему усмотрению — выше доверия и быть не может. Кстати, в книге представлена и копия образца такого бланка. Именно Ленин первый предложил Троцкому союз против Сталина. Впечатляет и письмо Крупской Троцкому через месяц после похорон Ленина — в каждом слове дружба и даже определенная признательность.

Что же получается, двое из наиболее близких к Ленину людей, кроме Сталина и уже покойного в те годы Свердлова, пишут вещи взаимоисключающие, пишут о нем — Ленине. Где же настоящий Ленин? В каком случае его слова — правда?

Тут голову не надо ломать. Правда и не лежит, а просто парит над поверхностью. Нет слов, Ленин таил против Троцкого зло в годы Гражданской войны (а после Гражданской и не пришлось — смерчем налетел мозговой удар, потом — еще до второго — ряд мелких), держал близко, что, верно, не совсем от Ленина и зависело, скорее терпел (остались высказывания — от письменных свидетельств никуда не денешься)... Однако когда против теряющего силу диктатора формируется союз Сталин—Каменев—Зиновьев, он без колебаний обращается за помощью к... Троцкому. Да-да, своему тайному недругу! Тому самому, которого при иных обстоятельствах, как говорится, постарался бы «задвинуть». Вспомните высказывание Молотова на сей счет: «Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если б была такая возможность».

Все дело в том, что не было такой возможности. Крупноват был Лев Давидович, и опять-таки армия за ним. Но на X съезде партии Ленин проводит-таки резолюцию о запрете фракций, иначе говоря, о запрете иметь мнение, отличное от его, ленинского, поскольку в ЦК он имел обеспеченное большинство.

Политика, скажете. Думаю, все же помои... Главный вождь ведет игру, неискренен, лжив — и это ко второму после себя чело-

веку в партии и новом государстве, самой деятельной фигуре накануне и после октябрьского переворота, а затем и Гражданской войны. Вот только дай срок укрепиться, и, что называется, спешим тебя, голубчик...

И он же, Ленин, призывает этого человека во спасение себя! Тону, Лев Давидович, кроме тебя, нет никого — давай руку, давай заключим союз!

Не учел лишь главный вождь, что его «карликовое» окружение сподобится печатать свои воспоминания и его, ленинские, откровения.

И это можно будет сопоставлять.

Вот тут и осечка...

Что до «карликового» окружения: «...злобные карлики, связанные круговой порукой», — назовет жена Сталина окружение мужа в последний вечер своей жизни (существует версия такого определения верхушки партии Надеждой Аллилуевой)¹.

К Ленину она свои слова не относила, ибо чтила, как святого, хотя и он, как и все они там, ростом не вышел. Но эти крохотные мужички («злобные карлики») так навалились — затрещала Русь и пошла с той поры вперекос...

Две книги под рукой, по сути, об одном человеке и его деле. Неспроста, значит, Создатель обложил его изменой в черные дни угасания. Что замышлял и творил с другими, вылезло против него; вылезло вдруг, когда, кажется, все вокруг склоняли головы и спешили исполнять его волю — стоило только черкнуть записку или бросить в телефонную трубку несколько слов.

Великие духом...

¹ Жена Сталина покончила с собой 8 ноября 1932 г., ей был 31 год. Дочь напишет о матери через 31 год после ее гибели: «Ничего хорошего ее не ждало. Рано или поздно она оказалась бы среди противников отца... Быть может, судьба даровала ей смерть, спасшую ее от еще больших, ожидавших ее несчастий?..»

Глава VIII

«КЛЕЩЕВИНА»

«Уважаемый Анатолий Иванович¹, я вынужден к Вам обратиться по несколько необычному поводу.

Мы с Вами люди разных политических убеждений: я отрицаю ленинизм, Вы — исповедуете и преданно ему служите. Однако и Вы и я преследуем одну цель: добиться достойной жизни для народа. Именно поэтому я стал народным депутатом СССР, Вы — Председателем Верховного Совета СССР. Вы отстаиваете свои убеждения, я — свои.

Вполне естественно, я как писатель следую своим принципам и в своих литературных работах. Я выступаю со статьями, очерками, художественными произведениями, в которых отстаиваю и развиваю идеи, которые считаю демократическими и которые составляют цель и смысл моей жизни уже десятилетия.

Между тем миром, к которому принадлежите Вы, и тем, несравненно более малым миром, к которому принадлежу я, развернулась настоящая борьба. Это борьба неравная, ибо не на нашей стороне вся мощь государственного аппарата, в том числе тайных служб (так и хочется сказать «карательных»).

Я отлично знаю, в каком мире вырос и живу. И все же главным принципом моей работы и жизни было следование правде, исторической точности. Все, что я печатаю, если это публицистика, всегда соответствует фактам и соответственно документировано.

Как бы ни был неприемлем для меня политический строй, который установился после 1917 года, я считал невозможным ради достижения политических целей, завоевания популярности и т. д. обращение к подлогам, клевете и вообще любой нечистоплотности. Я сле-

¹ А. И. Лукьянов — последний Председатель Верховного Совета СССР (1989—1991). Был арестован по делу о путче верхушки КПСС и КГБ в августе 1991-го.

довал этому строго и неукоснительно. Но жизнь поставила меня в необычное и очень неприятное положение. С тех пор как в предвыборной кампании я выступил с осуждением КПСС и КГБ, вмешательство госбезопасности в мою личную жизнь обрело всеобъемлющий и самый бесцеремонный характер, временами — откровенно наглый. Это выражается во многом.

1. Мой дом постоянно посещается работниками КГБ. Было множество случаев убедиться: «посетители» всегда оставляли следы.

2. Предметом досмотра явился и мой литературный архив.

В результате оказались похищены дневники за последние четыре года (три толстые тетради). Это не только личные записи, но и основа будущих литературных работ, то есть, образно говоря, мой хлеб. Кроме того, унесены путевые дневники и отдельные книги из библиотеки, в том числе и по истории ВЧК М. Лациса.

3. Бесследно исчез ряд документов, фотографий и семейных реликвий.

Горше всего пропажа дневников. Это ведь не только документ. Это сугубо личные записи. В них интимные чувства, мысли, переживания. Все, что есть сокровенная тайна жизни каждого человека. Тайна неприкосновенная и чрезвычайно дорогая для каждого из нас.

Невыносимо больно знать, что их листают чужие руки, и эти руки опекает закон. И вот за такие действия обеспечивает сытой зарплатой.

4. В течение двух поездок за границу я лечил легкие. Надо сказать, что до 1988 года я легкие не лечил никогда. Беседуя с врачами, к которым я вынужден обратиться на Западе, не доверяя нашей медицине, как Вы теперь догадываетесь, по вполне понятным причинам, я понял: болезнь приняла упорный, хронический характер из-за вмешательства извне. Поведение организма при моей превосходной тренированности (особенно в последние годы) не находило логического объяснения. Консультации врачей, снимки и полное обследование за границей убеждают, что это результат вмешательства со стороны с определенными целями. Да мы и в самом деле беззащитны... В квартиру проникают когда хотят. Берут все, что заблагорассудится. Несут в дом все, что угодно. Поле для преступной деятельности необозримое, тем более оно под охраной закона.

5. Перехват почты, получение вскрытых конвертов без важных документов, безобразное подслушивание телефонных разговоров и прямое вмешательство в них — все это стало практикой жизни и творится каждый день и час.

В некоторые моменты очевидна прямая слежка, столь плотная, что может вести к столкновению, на которое, видимо, и рассчитывают чекисты.

Не буду писать о шантаже по телефону и в письмах, который составляет естественный фон моей жизни.

Я мог бы еще долго продолжать перечень «художеств» «щита и меча» нашего социалистического государства. Добавлю лишь, что все это не случайно. Сверху, от высшего руководства, внушается обществу мысль о том, что люди иных политических взглядов — это безусловные враги и предатели. С ними не только можно, но и нужно делать все из максимально возможного сейчас. Это все согласно ленинскому постулату: этично все, что служит революции. В данном случае — удержанию власти. КГБ сплошь и рядом преступает законы, цинично прячась за принцип: «не пойман — не вор», — преданно служа не народу, не всему обществу, а лишь верхушке КПСС и президентской власти.

Я отлично понимаю: все, о чем здесь пишу, с точки зрения доказуемости — пустое место. Именно это и составляет силу КГБ. Все свои дела они исполняют без свидетелей, и любое обвинение сразу же рикошетирует в обвинителя. Чтобы не слыть лгуном или человеком с большим воображением, приходится молчать. И в общем, я молчал, отвечая лишь тогда, когда давление со стороны КГБ становилось совершенно нетерпимым. И все же я избегал прямой борьбы с действиями госбезопасности против меня, относя все это к чьей-то излишней ретивости. Хотя против народного депутата СССР такие действия не могут осуществляться без разрешения высшего руководства страны. Так оно происходит и в самом деле. Никакой «самодетельности» эта служба не может допустить.

После того как действия КГБ простерлись даже за пределы нашей страны и дали мне знать о себе в Испании, после того как были похищены дневники и часть литературного архива, я молчать не намерен. Из гадких писем последнего месяца совершенно очевидно, что дневники и часть архива — у «них».

Не случайно я упомянул в начале письма, что мы ведем политическую борьбу. Это так, но я и предположить не смел, что в этой борьбе противная сторона опустится до мародерства, прибегнет к такого рода действиям, которые в цивилизованном мире квалифицируются как преступные.

Если это допускается по отношению к народному депутату СССР, к тому же как-то известному по прошлому, что же делают с людьми, не защищенными ни депутатскими мандатами, ни известностью?.. Об этом я имею представление по многочисленным письмам, которые приносят мне люди. Сотни и сотни раз осуществляется беззаконие, уже заклеянное по практике прошлых лет и ничем от него не отличающееся. Это все та же служба, подчиненная руководству КПСС, лишь формально не имеющая к ней отношения.

Разве это литературная работа, когда я не могу оставить рукопись на столе, все важные книги и документы храню вне дома?

Ничто не изменилось после 1985 года. Ничто. Так называе-

мая реформированная часть КГБ, что боролась с инакомыслием, под другой вывеской удушает свободную и независимую мысль.

Как Председателя Верховного Совета СССР я прошу принять во внимание все, с чем я обратился к Вам. Если понадобится, я готов дать Вам личные разъяснения по любому пункту данного письма, которым никоим образом не хотел нанести Вам оскорбление. Я просто отмечаю огромную ложь между принципами декларируемыми и практикой данных принципов.

Каким может быть мир, который якобы создается вместо того, что превратил Россию в один огромный лагерь, если даже в это как бы «свободное» время пользуются все теми же старыми приемами, которые являются не чем иным, как насилием? Каким может быть мир, где пользуются давним правилом: «не пойман — не вор»? Каким может быть мир, в котором огромная, многомиллионная тайная служба обращена против народа, являясь по-прежнему совершенно законспирированной, неподсудной и неподотчетной? В каких кабинетах принимаются решения против беззащитных людей и насилуются их воля, разум, здоровье?..

В нашей системе таких «воров» уличить, а тем более поймать — невозможно. Там — вся мощь государственных учреждений, подкрепленная поддержкой власти, а здесь всегда лишь одиночка. Сломать его — да проще простого.

Значит, так и будем шагать в правовое государство, опираясь на беззаконие? Значит, по-прежнему будем исповедовать принцип: дозвоительно все, что укрепляет власть?

Много пишут о том, что «деструктивные элементы» ведут подрывную работу против КГБ. Как я теперь убеждаюсь, это делается с одной целью — прикрыть антиконституционную деятельность этой тайной службы, заранее нейтрализовав любые протесты против насилия.

Здесь настолько свыклись с ложью, что считают ее естественной.

Здесь настолько впитали в кровь идею вседозволенности в политической борьбе, что исключают какие-либо моральные категории вообще.

А по-человечески скажу Вам: бесконечно тяжело не только заниматься политической деятельностью, но и жить в этой стране. Ибо каждый день здесь — не только унижение и беззаконие, но и ожидание очередного произвола. У многих людей мысли об эмиграции в подобной обстановке становятся естественными, а сама эмиграция — единственным выходом.

Это факт: в стране снова создается обстановка тотального укрывательства деятельности КГБ против политических противников системы, то есть власти КПСС.

Напомню Вам знаменитое стихотворение Шарля Бодлера о Родине. В свое время оно поразило мир. Я понимаю, сколь некстати стихи для официального документа, но позволю себе процитировать

Бодлера, зная, что и Вы сочиняете стихи (и, как я слышал, неплохие). Повторяю, это стихи о Родине:

За что любить тебя? Какая ты нам мать,
Когда и мачеха бесчеловечно злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая?..
Во мраке без зари живыми погребала,
Гнала на край земли...
Во цвете силы — убивала...
Мечты великие без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила...
Какая ж ты нам мать? За что любить тебя?..

Именно поэтому я и противник подобной системы. Но неужели со мной нельзя бороться тем же оружием, которым пользуюсь я: идеей. Идея борется с идеей.

В самом деле, мне и в голову не приходит мысль тайно проникнуть к Вам в дом, выкрасть стихи или какие-то документы... Я думаю, для любого нормального человека подобные мысли отвратительны. Против этого восстает совесть, это претит всему естеству человека.

Как народный депутат СССР, в дни Съезда я не могу работать, если без присмотра остается мой дом: «визиты гэбэшников» неизбежны. И это жизнь?

Неужели здесь все навсегда останется на той ступени варварства, на которую общество взошло 74 года назад, провозгласив диктатуру и насилие единственным мерилom человеческих ценностей?

Неужели идеи Системы настолько слабы, что неспособны существовать без подлогов, лжи и гнусных тайных манипуляций?

Я буду ждать Ваших разъяснений.

С уважением, народный депутат СССР

*Юрий Петрович Власов
5 марта 1991 года*

Москва»

Ответ председателя Верховного Совета СССР поступил позже, когда я уже похоронил надежду получить его. Лукьянов отрицал причастность КГБ к похищению архива. Но кому, спрашивается, на этом свете, кроме меня, нужны эти бумаги? Ведь в доме были ценности — их не тронули.

Напрасно, разумеется, было ждать ответа открытого, это ведь равнозначно раскаянию.

ВКЧ-КГБ — и раскаяние?!

А вождь, а его слова? Помните: «Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью».

Тут и Игнатий Лойола — генерал ордена иезуитов — к пролетарскому вождю плечиком подстраивается. И Гитлер к нему притискивается — все в одной шеренге. Слово в слово то же исповедовали.

В таком разе какой спрос с ВЧК-КГБ? Это ведь их кумир самое сокровенное черкнул себе в книжку на память. Смерть настигла — не успел поделиться.

Это их бог. Да разве они отступятся?..

Какой насмешкой звучат слова Юлия Исаевича Айхенвальда:

«Свободное государство устанавливает такие законы, в силу которых никто не смеет вторгаться ни в чужой дом, ни в чужую душу».

Айхенвальд написал это в начале 1918 г. А и донныне вторгаются и в дома, и в души, воруя, присваивая почту, дневники, подслушивая телефонные разговоры, насадив несметное полчище доносителей — именно чтобы заглядывать в душу.

И советский парламент от имени народа утверждает право вторгаться в чужие дома и чужие души (май 1991-го).

И народ терпит.

Россия — государство с полицейскими традициями вседозволенности, безразличием большинства ко всему, что их не затрагивает. Это государство предполагает самоистребление интеллигенции или исход за рубеж.

Интеллигенции важна не столько оплата своего труда, сколько свобода, без которой она неспособна существовать. Ибо без свободы нет ни научного, ни духовного творчества. Дух без свободы вырождается, чахнет и гибнет. Полицейское государство воспроизводит полицейскую «интеллигенцию» — это суррогат мысли, духа, творчества.

23 августа 1862 г. Лев Николаевич Толстой отмечает в дневнике: «Подал письмо государю».

Какое письмо? В чем дело?

Ответ можно найти в переписке Льва Николаевича. Писал он тысячи писем, и они составляют десятки томов — для меня они интересней большинства литературных произведений.

Вот письмо графине Александре Андреевне Толстой из Ясной Поляны 7 августа 1862 г.:

«Я вам писал из Москвы; я знал все только по письму; теперь, чем дольше я в Ясной, тем больше и больше становится нанесенное оскорбление и невыносимее становится вся испорченная жизнь... Дела этого оставить я никак не хочу и не могу... Выхода мне нет другого, как получить такое же главное удовлетворение... К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе (имеется в виду возможность обратиться к Герцену в Лондон за публикацией разоблачений действий царской администрации. — Ю. В.). Я и прятаться не стану, я громко объявляю, что продаю именья, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут, — я уеду...

6 июля с колокольчиками и вооруженными жандармами подсаkali три тройки к Ясеневскому дому.. Судьи и властелины, от которых зависела моя судьба... состояли из какого-то жандармского полковника Дурново, Крапивенского исправника, станowego и частного пристава — Кобеляцкого, выгнанного из какой-то службы за то, что он был бит по лицу... Этот самый господин прочел все письма, которые читали только я и та, которая их писала, и мой дневник, который никто не читал... вся поездка в наших глазах не имеет другой цели, кроме оскорбления и показания того, что дамоклов меч произвола, насилия и несправедливости всегда висит над каждым. Частный пристав и жандарм не преминули дать почувствовать это всем в доме: они делали поучения, угрожали тем, что возьмут, требовали себе есть и лошадям корму без платы. Вооруженные жандармы ходили, кричали, ругались... как в завоеванном крае... частный пристав прочел все, что мне писано и что я писал с 16 лет... Они читали и откладывали подозрительные письма и бумаги... Мало этого, они поехали в другую мою Чернскую деревню, почитали бумаги покойного брата, которые я, как святыню, беру в руки...

Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то верно бы уже судился как убийца...

У меня в комнате заряжены пистолеты, и я жду минуты, когда все это разрешится чем-нибудь (то есть Толстой решил защищать неприкосновенность дома. — Ю. В.)... ежели это делается без ведома Государя, то надобно воевать и из последних сил биться против такого порядка вещей. Так жить невозможно...»

23 августа того же года во время маневров войск на Ходынском поле Лев Николаевич вручает в Петровском дворце флигель-адъютанту С. А. Шереметеву письмо для государя императора.

Письмо помечено 22 августа 1862 г.

«Ваше Величество!

6 июля жандармский штабс-офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение... Обыск продолжался два дня: были обысканы школа, подвалы и кладовые...

Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер объявил словесно, что действует по Высочайшему повелению... Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанными, и уезжая, объявили моим гостям и семейству, что они свободны и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно, они были и наши судьи и от них зависело обвинить нас подозрительными и несвободными. Жандармский офицер прибавил, однако, что отъезд его еще не должен оконча-

тельно успокоивать нас, он сказал: каждый день мы можем опять приехать...

По свойственному человеку чувству, я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мной. Себя я не могу обвинить: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять, они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по Высочайшему повелению...

Для того чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мною, я решаюсь обратиться прямо к Вашему Величеству...

Вашего Величества верноподданный

Граф *Лев Толстой*
22 августа 1862 г. Москва»

Александр Второй получил разъяснения шефа корпуса жандармов князя В. А. Долгорукова. Последствием оказалось письмо шефа жандармов тульскому губернатору П. М. Дарагану с обоснованием необходимости обыска.

И все.

Лев Николаевич, надо полагать, и не рассчитывал на другое. Чтобы помазанник Божий да попросил прощения? Там, где власть, Бог уже выступает в латах, орденах и с мечом...

Лев Николаевич добился своего: царь прочел протест-возмущение, обида не сошла безответно. В следующий раз насильники встретят отпор: Петербург не мог не знать о письме Льва Николаевича графине Александре Андреевне Толстой. Письмо прочитал и обещал помочь троюродный брат Льва Николаевича знаменитый поэт граф Алексей Константинович Толстой, прочел и Б. А. Перовский. Это не могло не стать известно жандармским властям. Вторичное посещение грозило европейским скандалом и настоящими выстрелами. И поэтому уже ничего подобного не было. Имя Толстого заколдовало Ясную Поляну.

Этот случай, безусловно, не украсил царя-освободителя, славного отменой крепостного права и передовыми реформами. К тому же Александр Второй, несмотря на весь загон, который организуют на него народовольцы, не допустит пыток заключенных и перлюстрации частной переписки. Александр Второй вообще был чрезвычайно противоречив. Человек чести, безукоризненно воспитанный и понимающий нужды России, он в то же время давал волю и выход поступкам не только самодурным, но и откровенно реакционным, а порой и гадким. Власть развращает.

Самодержца отличало завидное самообладание. Так, на охоте он кинулся на выручку егерю, которого подмял огромный медведь, и выстрелом в упор свалил зверя. Это — поступок. И Александра Николаевича очень привлекали женщины. Число его увлечений бесчисленно. В этом он один к одному повторил своего августейшего родителя. Александр Второй сделал для России очень много, во вся-

ком случае, свой долг государя исполнил. Другие поколения должны были продолжить его геркулесово дело, а свое он исполнил. В светлых делах и чертах характера его очень сказывалось влияние В. А. Жуковского. На это до сих пор историки не обращают достаточного внимания. А именно так: на царя и его дела наложила яркий отпечаток личность друга Пушкина — его единственного настоящего заступника и бескорыстного почитателя таланта. Василий Андреевич являлся учителем и воспитателем будущего императора Александра Второго.

Через шесть дней после визита в Петровский дворец с письмом к императору Лев Николаевич запишет в дневнике: «Писал плохо (речь о литературном сочинении. — Ю. В.). Обходишь сущность, и выходит болтовня».

Как видим, это традиция — обыскивать дома российских писателей. Ей упорно следуют веками. Прежде ей служили костоломы Тайного Приказа, потом, поближе к нам, жандармы в голубых одеждах (кстати, как я удивился! Толстой за цвет мундира называл жандармов тоже «синими (голубыми)»). Помните, еще не успело остыть чело Пушкина, а они уже звенели шпорами, рылись в бумагах поэта, опечатывали, увозили, но у Пушкина, даже поверженного, был... Жуковский!..

И все же Лев Толстой оказался им не по зубам. Кончину его тоже сопровождало нашествие голубых мундиров, но бумаг писателя они не коснулись.

Зато для габэшников в голубых кантах (чтят традицию на Лубянке) уже не существовало никаких моральных принципов. Обыскивают, вламываются в дома российской интеллигенции три четверти века — и конца тому не предвидится. Впрочем, за что на них гневаться? Это одно из их назначений, вмененных ленинской партией, — преследовать и карать независимую, самостоятельную мысль. Вот они и прорежают это «поле»...

И еще, ну самую малость! Кто был тот вежливый жандармский полковник Дурново? Не родственник ли (а вдруг родитель?) героя этой книги П. Н. Дурново?

Любопытное скрещение имен и судеб.

Что жаловаться нам, простым смертным, на произвол «женевской» твари, ежели она уже во времена дореволюционные, имея другое прозвание, посягала даже на священную особу императора? Уже Александр Второй жаловался на всесилие III отделения, говаривая среди близких, что они (жандармы) перлюстрируют (то есть вскрывают и прочитывают) и его переписку. Факт невероятный, но в оном можете удостовериться, ежели обратитесь к книге «Последний Самодержец» (Berlin, Eberhard Frowein Verlag, 1912, с. 331).

Это уже зарождение опасной традиции — той самой, которая, несмотря на революцию, превратит ВЧК-КГБ в самостоятельную

величину: и высшая власть, и правительство, и вообще одно безнаказанное и неподсудное насилие кучки генералов, поставленных к тайному контролю над мыслями и жизнью целого народа, в том числе и его правителей.

Берия подслушивал Сталина. Почитайте об этом у К. М. Симонова — «дело врачей». Хрущева подслушивал Семичастный (глава КГБ), Горбачев у себя на даче в Форосе боялся молвить слово в помещении, зная, что оно напичкано подслушивающими устройствами (уж кто такой Крючков — президент Горбачев представлял). Одно безмерное беззаконие сверху донизу, одно бесправие всех перед всеокрушающей мощью тайных служб, которые постепенно возвысились над государством и народом.

Взяли многое. Думаю, выносили сумками. Однако все потери меркнут в сравнении с потерей дневников. Потеря одного из них особенно болезненна. Я веду дневники с 1960 г., есть даже более ранние записи, но постоянно прилаждался писать без пропусков, пожалуй, с 1964 г. Эти дневники я называю главными. Их — восемь. Это большие тетради-книжки. Вот из них гэбэшники заудили одну. Остальные спасло то, что я не храню архив дома. Я очень быстро убедился в существовании перестройки, ее демократии и новой роли КГБ. Как могут те же люди, что всю жизнь говорили, делали одно, вдруг изменить свое нутро? Они способны изменить костюм, прическу, слова, но не свою душу, сердце, склонности и тем более опыт властвования — через приказ и повиновение. Все эти виляния в политике, то есть перестройка, начались с единственной целью — удержаться у власти, когда экономика вдруг обозначила полную и органическую неспособность нести на своих плечах государство, пронизанное, по сути, крепостным трудом.

Партийным верхам следовало срочно перестраивать хозяйство. Но несвободный человек не даст того, что ждали от экономики. Следовало жертвовать, то есть дать и определенную... свободу — вот тут и вышла основная осечка. Отцы обновления отпустили немного свободы, но, разумеется, не с тем, дабы народ и в самом деле избирал того, кого вздумает. Именно это не входило в планы отцов перестройки. Они не собирались уступать кому-либо рычаги власти. Экономика пусть работает по-новому — это только в радость, но людишки должны знать свое место. Пусть тешатся газетками, книгами, митингами, но не посягают на основы партийного устройства государства. Удила были ослаблены, но не сдернуты с народа. Все системы, которые держат эти удила, в полном натяге: партия, КГБ, пресса и телевидение. Тут, справедливости ради, не все получилось по плану, даже более того — совсем двинуло не туда и не так, однако никогда не поздно отыграть и задний ход. Благо имеются столь мощные средства воздействия на народ, как нужда, голод, национальные распри и оживление того самого яда в сознании народа, которым почти век отравляли всех ско-

пом. Ведь не только страх, пуля, лагерь поставили народ на колени, но и яд ленинизма, который проник столь глубоко и всеобъемлюще, что для многих заменил даже родственные связи и любовь. Этим можно «гордиться»: в душе почти каждого дремлет (а то и не дремлет) тот человек — из яда и лжи (это уже как бы родовая память).

Я знал определенно: для нового государства (каким бы оно ни оказалось — это пусть решает народ) нужны новые люди, но не эти тени прошлого, не эти оборотни и упыри. Я почти мгновенно отучился верить им. Поэтому архив в 1985 г. не перекочевал в мой дом. Я держал и держу его у нескольких друзей. И как показали события, я не ошибся ни в отцах перестройки, ни в инструментах этого священного процесса, особенно в КГБ, который спит и видит, как бы сделаться «демократичным и свободолюбивым». Это подлинное скопище трутней, устроивших жизнь за счет государственной казны, то бишь на налоги с народа, того самого, к которому они приставлены не то для кровопусканий, не то для убережения демократии, не то... А в общем, весь талант этих людей в умении причинять людям зло.

Та похищенная тетрадь, из главной серии дневников, нужна была для работы, и я ее держал около года дома, как и тетради малых, вспомогательных дневников, тоже понадобившихся при выпуске сборника рассказов и повестей «Стужа», — я восстанавливал в памяти некоторые события четвертьвековой давности.

Я понимал, как неосторожно и опасно вести дневники. Ведь это готовый обвинительный акт против самого себя да еще выдача своих товарищей. Они с тобой откровенны, а ты записями бесед, спорами в дневнике с их мнениями подставляешь их. Очень подробны, интресны те семь главных дневников-книг, так и не обнаруженных КГБ. Они — настоящие документы времени; я бы сказал, это уже вещи заметной общественной ценности, они уже как бы не принадлежат мне.

С начала 80-х годов я повел тот последний из главных дневников, который и составил гордый улов Лубянки. В то время я начал выдавать чистовой вариант своего романа «Тайная Россия». Я знал: если гэбэшники что-либо пронюхают о романе — не только мне конец, но и всем родным несдобровать. Что касается себя, я не обольщался: не будет в таком случае ни суда, ни лагеря. Такую книгу они простить не смогут никогда и никому. Я знал: они просто убьют меня, а убийство оформят, скажем, как гибель от разрыва сердца или какого-то удушья... Опыт у них на сей счет богатый. Поэтому последний из главных дневников я вел предельно скупое. Записи чаще всего протокольные, скучноватые, но если бы их стал читать я — дневник сразу бы заговорил. Я лишь схематично обрисовывал события. Такими записями я уже никого не мог подвести в случае своего ареста. Не исключая, в каких-то записях, когда умирали

близкие, я открывался, но опять-таки не выдавая мира друзьям, связей, привязанностей — это начисто отсутствует в дневнике, но лишь в этом, последнем: я ведь писал тогда «Тайную Россию».

Из этого дневника на Лубянке ничего не узнают, кроме глубины того презрения и ненависти к ним и глубокой обиды за народ, который так и не призвет их к суду за все измывательства и продолжения измывательств. Ведь они преступны с головы до пят своим прошлым и настоящим — и ничего, продолжают делать свое дело.

В том дневнике я не раз писал, что хочу убить себя: земной смысл жизни преследовал — одно свиное хамское рыло. Вот это их должно было порадовать. Для них такое — бальзам. И еще достаточно писал о страсти к женщине...

При всей боли за утрату дневников я, однако, испытываю удовлетворение: я никого не подвел. Ибо, покуда торчит этот дом-громило на Лубянке, закона на одной шестой части земной тверди нет, это начисто исключено.

Только обстановка бесправия и беззакония, которые царят в нашей стране, дает этой организации почетное гражданство с дополнением в виде совершенной безнаказанности.

Лоб в лоб я встретился с этой благородной службой в ходе избирательной кампании весной 1989 г. Я тогда, наверное, первый в стране включил в свою программу пункт о контроле над деятельностью КГБ и о его ответственности перед законом. Это была первоочередная задача: разморозить людей, растопить леденящий ужас перед КГБ; без преодоления этого состояния, причем всем обществом, было бы невозможно движение к свободе, да и само свободное слово. Имелись в моей программе и другие сверхкрамольные (разумеется, по тем временам) пункты, например многопартийность.

Тогда данное требование воспринималось как преступление против общества. Я вел кампанию в марте, апреле, мае (я был избран после второго тура голосования). Жили мы с женой тогда на Кривокожской, что возле метро «Нагорная»: крохотная однокомнатная квартирка, насквозь проеденная клопами (мы вынуждены были снимать ее, рады были и такой). Гэбэшники посещали ее, наверное, каждый день, стоило нам только уйти. Тогда-то я и столкнулся с их пониманием законности и защиты Отечества.

Я вел кампанию полубольным. Чтобы подкрепить сердце, я прибегаю к внутривенным вливаниям рибоксина. Данный препарат я знаю достаточно. До последних лет на этих препаратах (только в таблетках) тренировалась сборная страны по тяжелой атлетике. Препарат заметно улучшает деятельность сердечно-сосудистой системы, повышая общую выносливость, или, как говорят, энергетику сердца.

Ампулы лежали в упаковке — 12 штук. Первые два-три вливания в вену прошли, как и подобает, а вот последующие... Сразу же после инъекции я почувствовал чрезвычайное угнетение сердечной

деятельности с такой же внезапной психической подавленностью. Препарат никак не мог дать подобной реакции. Через день повторная инъекция — и опять тот же неприятно-опасный эффект.

Мы с женой стали разглядывать ампулы. Привлекли внимание пустые ампулы самых первых инъекций. Маркировка на стекле держалась крепко, стереть пальцем ее было почти невозможно, и само стекло толстое, крепкое. А вот эти ампулы... Только коснись пальцем, и стекло остается без краски букв, а сами ампулы очень хрупкие, совсем не похожи на те, что были до сих пор.

Я передал коробку для анализа другу — он крупный химик. Выданный им анализ ошеломил! Содержимое ампул не соответствовало формуле рибоксина. Мой друг выяснил у фармакологов, что это за состав. В ампулах находился мощный депрессант с добавками.

Мы приехали, положили коробку на стол и принялись обсуждать новость. После вышли — надо было купить хлеб до закрытия магазина. Мы отсутствовали минут двадцать. Когда вернулись, упаковки с ампулами не было. Мы обыскали всю нашу крохотную квартирку: ампулы исчезли. Значит, КГБ вел постоянное прямое подслушивание всего дома, не разговора по телефону, как обычно, а всего дома. Сутками, сменяя друг друга, агенты КГБ прослушивали квартиру!

Это было прямое покушение на убийство, замаскированное под сердечный приступ, только растянутое во времени. Я получал бы вливания в вену, и эффект накапливался, пока не вызвал бы сердечный приступ, — так объяснил мне врач.

Но... не пойман — не вор, хотя я тогда же рассказал об этом журналистам. В журнале «Страна и мир», появилась соответствующая публикация. Все это было настолько дико, что не укладывалось в сознании.

Спустя полтора года КГБ выкрадет из моего дома заграничные паспорта, а после моего обращения к Председателю Верховного Совета СССР Лукьянову произойдут вещи и вовсе диковинные. При возвращении из Голландии (я выезжал на лечение легких) мне вручат те паспорта, которые я имел для поездки, а с ними и те, похищенные, которые я якобы забыл на погранпункте три месяца назад.

А после КГБ просто ограбит мой архив...

Для меня были и есть те, кто служит добровольно в КГБ, — нелюди. Для них все, кто отрицает марксизм, оспаривает власть КПСС, — лютые враги, в борьбе с ними годятся любые средства: можно подменить лекарство, можно травить легкие (как это они стали делать со мной). Можно вообще изнасиловать женщину или девочку-подростка, ограбить квартиру — и это не преступления, это они делают не с людьми, а с врагами. А враги, согласно ленинизму, не люди, на них не распространяются законы человечности, с ними можно все, иначе не будет светлого завтра.

Когда я 20 лет назад работал над книгой «Особый район Китая», среди документов мне попался отчет о работе нашего разведчика,

хирурга по профессии. Он рекомендовал устранять неугодных лиц (это пациентов за границей) посредством наборов «лекарств», являющихся ядами, которые своими действиями похоже воспроизводили симптомы болезни, постепенно умерщвляя жертву. Ту жертву, которая обратится к нему за помощью. Рентгеновский аппарат он тоже рекомендовал для смертельного облучения. Я испытал потрясение, ибо знал этого человека, в детстве к нему был привязан.

Ради корыстных целей, ради господства над народом эта организация обезглавила российские народы, ведя истребительную войну против инакомыслия. Она искалечила судьбы великих художников, травила крупных писателей и просто честнейших интеллигентов, убила гениального Н. И. Вавилова.

В чинах все эти... кто отдавал приказ на пытки академика. Не сгнули те, кто бил, их не обошли щедротами, повышали в званиях и окладах...

Эта организация мучила их, избивала, бросала в тюрьмы на глумление уголовникам. Она сжигала гениальные рукописи, выталакивала в эмиграцию, изгнание одного за другим сотни, тысячи светлейших умов. Воины с Лубянки делали свое дело исправно, без промашек, да и какие могли и могут быть промашки, когда они имеют дело с незащищенными людьми, открытыми, незащищенными жилищами. Против них всегда — одиночки, а за ними — вся мощь государства с его тотальным оболваниванием печатным словом, телевидением. Они это делали до середины 80-х годов открыто. Еще в 1985 г., якобы спасая Сахарова от смерти в ходе голодовки, подвергли его пытке, вызвав непродолжительный инсульт. Тогда же мучили Ирину Ратушинскую — поэтессу цветаевской силы. Нет, после 1985 г. они не забросили свое ремесло, переключившись на полузакрытое подавление того инакомыслия, которое уже становилось реальной угрозой власти нынешних лидеров КПСС.

Можно без натяжки утверждать, что без ВЧК-КГБ партия не существовала бы.

Есть уличные эпизоды, в которых вдруг высвечивается глубина общественных сдвигов. В манифестации 24 февраля нынешнего, 1991 г. колонна шествовала к Манежной площади на митинг. Шествие продолжалось уж никак не меньше часа. И все это время часть колонны скандировала в стены роддома, который оказался на пути демонстрантов: «Не рожайте коммунистов!»

Шли новые тысячи — и подхватывали это скандирование, так что оно не стихало возле роддома.

«Не рожайте коммунистов!»

Люди (я не пишу «все общество») отвергают диктат КПСС и право распоряжаться судьбой страны. Для них эта власть — уже чужая, враждебная. От нее постоянно исходит угроза повторения страшного прошлого.

«Не рожайте коммунистов!» Остается лишь добавить, что за

ними, новорожденными коммунистами будущего, всегда будет следовать их КГБ, война которого против народа не затихает с конца семнадцатого. Менялись только вывески на фасадах этого штурмового заведения.

Я думаю, когда приспееет пора и здание на Лубянке освободится (а такая пора настанет), будет ошибкой использовать его под какие-либо учреждения, пусть самые благотворительные. Это здание должно быть разнесено по кирпичику и сгнута, как сгнула, исчезла из сердца Парижа Бастилия — есть только белая линия на камне площади с обозначением места, где она стояла. А Бастилии нет. Ее больше не было в истории Франции.

Надеюсь, настанет время и исчезнет здание на Лубянке — сама история пыток, уничтожения народов, неподчинения законам морали, глумления над правдой и справедливостью.

И отодвинется в прошлое Великая История Насилий.

Для углубления представления о сих малоприятных и, конечно же, малопочтенных событиях приведу отрывок из книги Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского, бывшего ответственного сотрудника КГБ, — *Ch. Andrew and O. Gordievsky. KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev.*

В вольном переводе название книги читается так: «КГБ. Рассказ изнутри об операциях от Ленина до Горбачева». Книга напечатана издательством «Hadder... Stoughton» в октябре 1990 г., то есть совершенно неизвестна даже многим специалистам по данному вопросу.

Домысел исключен. Книга документирована, что называется, сверху донизу. Весь фактический материал в основном почерпнут из данных многочисленных перебежчиков — офицеров КГБ самого высокого ранга. По сообщению бывшего генерала КГБ, а после народного депутата СССР Олега Даниловича Калугина, только на территории СССР разоблачено около 15 шпионов иностранных разведок, которые являлись или офицерами КГБ, или офицерами ГРУ. И это улов только последних лет. Но что еще более важно, так это соотношение офицеров КГБ и ГРУ, разоблаченных как шпионы иностранных разведок, с общим количеством разоблаченных шпионов. Итоговая цифра — 30 человек. То есть половина предателей — это офицеры спецслужб, а не подготовленные на Западе агенты. В это число, разумеется, не входят офицеры-перебежчики. Среди них тоже были работники КГБ самых высоких званий и чинов. В общем, недостатка в материалах для подобного сочинения не ощущалось. Эта информация широко известна на Западе, но по-прежнему утаивается от советских людей.

«Наибольшая угроза для будущего КГБ — это его прошлое, — пишут Эндрю и Гордиевский. — В сталинский период из своей штаб-квартиры на площади Дзержинского эта организация осуществляла

крупнейшие в мирное время репрессии и создала самую большую в европейской истории сеть концентрационных лагерей. Народный депутат СССР и выдающийся советский спортсмен Юрий Власов сказал Съезду (Первому. — Ю. В.) народных депутатов СССР в 1989 г. (31 мая 1989 г. — Ю. В.): «КГБ — это не служба, а целая подпольная империя, которая до сих пор не выдает своих тайн...».

Нервозность, с которой центр воспринимает требования открыть архивы, показывает, что он понимает угрозу, которую они таят для КГБ (тут авторы ошибаются: таят не для КГБ, а для советской власти и, конечно же, КПСС. — Ю. В.)...

КГБ, однако, более не является хозяином всех своих секретов. В результате демократических революций в Восточной Европе возникла возможность того, что, как и во время «пражской весны» 1968 года, некоторые секреты могут появиться на свет Божий из досье, хранящихся у бывших союзников по советскому блоку. Один из таких секретов, который наверняка должен волновать лично Крючкова (тогдашнего председателя КГБ. — Ю. В.), — это досье Болгарской госбезопасности об убийстве болгарского писателя-эмигранта Георгия Маркова в октябре 1978 года¹. За несколько месяцев до этого Генеральный секретарь Болгарской компартии Тодор Живков (в марте 1991 г. в Софии начался судебный процесс над Живковым. — Ю. В.) старался заручиться помощью КГБ в том, чтобы заставить замолчать эмигрантов, таких, как его бывший протеже Марков, нападавших на него в западной печати. Центр представил Живкову и болгарской Державной Сигурности (ДС) услуги сверхсекретной лаборатории КГБ при Оперативно-техническом управлении, находящейся под прямым контролем председателя КГБ (тогда им был Андропов. — Ю. В.). Крючков лично одобрил откомандирование в ДС (болгарский отпрыск КГБ. — Ю. В.) генерала Сергея Михайловича Голубева из Управления «К» (ПГУ) для оказания помощи в использовании ядов, разработанных в лаборатории КГБ, против болгарских эмигрантов (вот это уже интернациональное братство, столь милое сердцу Ильича! — Ю. В.).

Через семь лет после этого Голубев руководил операцией по обработке Гордиевского наркотиками из той же самой лаборатории в безуспешной попытке заставить его признаться...

Голубев посещал Софию три или четыре раза в течение 1978 года, чтобы помочь в выполнении плана операций против эмигрантов.

Первой жертвой оказался болгарский эмигрант, живший в Англии. Когда он был в отпуске на континенте, ДС смазала стены комнаты, в которой он остановился, ядом, который проникал в организм сквозь кожу и, согласно данным лаборатории КГБ, не оставлял следов и обладал смертоносным действием (и люди, работа-

¹ Я хорошо помню сообщение Би-би-си о том убийстве. Оно поразило многих. Тогда же был назван виновник убийства — ДС. Однако все понимали: за ДС стоят КГБ и Андропов. Торжествовал все тот же принцип: не пойман — не вор.

ющие в такой лаборатории, добывающие подобные яды, считают себя порядочными? Да это же патологические убийцы, преступники! Когда-нибудь их имена тоже станут известны. Ничего нет тайного, это история доказала — и проклятие падет если не на них, то на их семьи, весь их род. — Ю. В.). Жертва серьезно заболела, однако выжила.

С одобрения Крючкова Голубев вернулся в Софию, чтобы разработать план нападения. По просьбе Голубева главная резидентура КГБ в Вашингтоне приобрела несколько зонтиков и отослала их в Центр (можно было и не писать с большой буквы. — Ю. В.). В ОТУ — нацистско-преступной лаборатории — приделали к концу каждого зонтика иглу, оставляющую в теле жертвы крохотный металлический шарик, содержащий рицин — высокотоксичный яд, извлеченный из семян клещевины (ведь тужились — нашли и взяли извлекать, тоже ведь трудовой процесс. — Ю. В.). Голубев затем отвез зонтики в Софию, чтобы проинструктировать убийцу из ДС, как ими пользоваться. Жертвой стал Георгий Марков, в то время работавший в болгарской секции мировой службы Би-би-си. Перед смертью в больнице Марков успел сказать врачам, что он столкнулся на Вестминстерском мосту с незнакомцем, который извинился за то, что случайно ткнул его зонтом. На правом бедре Маркова был найден след укола и обнаружены остатки шарика.

Была предпринята и еще попытка убийства с помощью зонтика. Но она оказалась неудачной... На этот раз стальной шарик не успел распасты и был извлечен из тела Костова до того, как из него выделился рицин...»

Кого считать настоящим чекистом и кто они, чекисты, вообще, дает четкое представление Молотов. В разговоре с Чуевым 6 июня 1976 г. он замечает о Берии:

«...По-русски грамотно говорил. Организатор, вернее, администратор, хороший. И чекист прирожденный, пожалуй...»

Так вот каков стандарт «прирожденного чекиста»! Тогда неудивительно, что они в сверхсекретной лаборатории разрабатывали средства замаскированных (тайных) убийств. Это их кровавые забавы.

Ведь недаром Сахаров, вспоминая о множествах «таинственных» смертей в кругу своих знакомых, приходил к выводу: «Считаю почти достоверным участие КГБ».

Это подтвердил и бывший сотрудник КГБ самого высокого ранга Калугин, когда его спросили о практике политических убийств. «Не знаю, как сейчас, но некоторое время назад еще существовала». Существовала эта самая практика.

Им вторит и Алексей Аджубей, зять Хрущева и бывший редактор «Известий», человек широкой осведомленности. Он, к примеру, обратил внимание на гибель всех так или иначе причастных к смещению Хрущева.

«Я ничего не хочу утверждать, но молниеносность и прицельность этих смертей заставляют задуматься. Особенно если сопоставить с признанием тогдашнего председателя КГБ Семичастного, что Брежнев однажды открыто просил его убрать Хрущева физически».

Убивали тех, кто политически расходился с режимом или имел свое мнение. Убивали просто осведомленных и чересчур самостоятельных. И само собой, под шумок, под видом государственных интересов сводили счеты, убивали личных недругов. Иначе говоря, под крышей почетного государственного учреждения на народные деньги существовала (и существует) организация по безнаказанным убийствам. Любой может пасть, если на нем остановится зрачок «женевской» твари. Но убивают, разумеется, при одном условии — безнаказанности.

Света они не выносят. Свое делают, как крысы, в темноте и преимущественно под «полом».

Из обвинительного заключения по делу Берия, Меркулова и Кобулова.

Лист 69

«Следствием установлены другие тяжчайшие бесчеловечные преступления Берия, Меркулова и Кобулова, заключавшиеся в совершении опытов над живыми людьми. Эти эксперименты совершались как до начала ВОВ (Великой Отечественной войны. — Ю. В.), так и во время войны.

Изыскивая способы применения различных ядов для совершения тайных убийств, Берия издал распоряжение об организации сов. секретной лаборатории, в которой действия ядов изучались на осужденных к высшей мере уголовного наказания. Осужденные направлялись в эту лабораторию по распоряжению Берия, Меркулова и Кобулова.

Как видно из показаний свидетеля, коменданта МВД Блохина, Берия, отдавая приказание об оборудовании спец. камер для производства опытов, предупредил об особой секретности этого задания.

Блохин показал:

«Майрановский вместе с работавшими у него врачами и лаборантами производили умерщвление арестованных путем введения в организм людей различных ядов. Способы введения ядов были различными — через пищу, путем уколов тростью (именно этим приемом, отработанным в бериевской лаборатории, воспользуется генерал Голубев при наставлении своих болгарских коллег в подготовке убийства писателя-диссидента Маркова. — Ю. В.) или шприцем.

В мою задачу входила доставка арестованных в специальные камеры. Всей работой руководили Берия и его заместители Меркулов и Кобулов».

Лист 70

«При производстве таких опытов в секретной лаборатории было умерщвлено не менее 150 осужденных. Лаборатория была тщательно засекречена, и допуск в нее имел весьма ограниченный круг сотрудников.

Берия на допросе 26 августа 1953 года показал, что по его санкции такие опыты производились. Аналогичные показания дал Меркулов.

...Майрановский показал, что Меркулов получал отчеты о производстве опытов и лично посещал секретную лабораторию».

Допрошенный по этому поводу 27 августа 1953 г. Майрановский показал:

Лист 71

«...Да, я подтверждаю указанное мною в заявлении. Кто были эти лица, я не могу назвать, так как мне не называли их, а разъясняли, что это враги и подлежат уничтожению. Задания об этом я получал от Л. П. Берия, В. Н. Меркулова и Судоплатова (это главный «винт» секретной лаборатории. — Ю. В.). Это относится к периоду начиная с 1938 по 1950 год.

...Мне никогда не говорилось, за что то или иное лицо должно быть умерщвлено, и даже не называлась фамилия. После полученного задания Судоплатов, или Эйтингон, или Филимонов организовывал мне встречу на конспиративных квартирах с лицом, подлежащим умерщвлению, и там во время еды, выпивки мною то ли в напиток, то ли в пищу вшивались яды. Иногда лицо, подлежащее умерщвлению, одурманивалось и посредством инъекции яда умерщвлялось. Я не могу точно назвать, сколько лиц мною было умерщвлено, но это несколько десятков человек. Я не знаю их фамилий, я не знаю, в чем их вина.

Вопрос. Значит, для вас было достаточно указания Берия, Меркулова, чтобы умертвить любое лицо, не задаваясь вопросом, за что?

Ответ. Да, для меня достаточно было указания Берия и Меркулова. Я не входил в обсуждение этих указаний и безоговорочно выполнял их.

Вопрос. Где вы совершали умерщвления людей?

Ответ. В Москве, Ульяновске, Саратове, Закарпатской Украине».

Лист 72

«...Обманув Высшую аттестационную комиссию, Меркулов добился, чтобы преступнику Майрановскому была присвоена ученая степень доктора медицинских наук. Более того, Меркулов обещал Майрановскому, что если изуверские опыты последнего по выяснению так называемой «проблемы откровенности» окажутся успешными, то ему будет присуждена Сталинская премия».

Майрановский, Судоплатов, Филимонов — главные действующие лица этой зловещей истории.

Григорий Моисеевич Майрановский получил степень доктора медицинских наук 27 февраля 1943 г. и оставался ее обладателем, а также и профессором медицины до 13 ноября 1962 г. — в тот «скорбный» день Майрановский был лишен научных степени и звания.

В протоколе блеф: «обманув Высшую аттестационную комиссию»! Обманывать не надо было. Там, наверху, существовала до самых последних лет практика присвоения научных степеней за так называемые научные работы оборонного характера. Эти степени присваивались закрытым порядком, без Высшей аттестационной комиссии, каким-то своим, псевдонаучным органом, готовым подписать любое представление. Это было волевое присваивание (раздача) научных степеней под видом законности. Так что в протоколе совершенно очевидная «липа». Она легко доказывается — ведь в протоколе черным по белому написано: «преступнику Майрановскому». А преступнику, хотя он изводил людей, оказывается, и после процесса и казни Берии с его зловонной компанией, сохраняют не только жизнь, что называется, не моргнув глазом, но и ученые степень и звания.

Почему?

Да он нужен был партийной верхушке, диктатуре. Лаборатория, по мнению генсеков, занималась делом полезным. И Майрановский остается в живых, дабы участвовать в работе или передаче всей многосложной документации — рецептуры убийств, столь нужной для повседневной деятельности ЦК КПСС и КГБ.

Когда появляются новые кадры, не уступающие в осведомленности Майрановскому, его отодвигают, но, заметьте, не казнят, хотя на конспиративных квартирах он уничтожал людей, не осужденных советским судом, то есть и юридически и практически невиновных, но чем-то неугодных чекистской и партийной верхушке, когда суд и огласка являлись нежелательными. Умер от сердечного приступа — и все! Какой спрос?

Правда, впечатляет: семена клещевины, яд, генерал, спящий с зонтиками... Что верно, то верно — не товарищ Крючков создал эту сверхсекретную лабораторию, но, судя по информации своего бывшего офицера, имел к ней отношение.

Первый подкоп под КГБ в направлении этого гордого порождения человеческого разума совершила газета «Московские новости», за ней несмело, но все же подали голос и другие газеты. Наиболее примечательно следующее обобщение одной из них:

«Опубликованные недавно в газете «Московские новости» данные о существующей в ведомстве Берии секретной лаборатории по проведению опытов на людях не явились новостью для венгерского

историка Миклоша Куна — одного из крупнейших в мире специалистов по истории СССР, и особенно истории НКВД (это ведь не случайно, что историк СССР является и историком ВЧК-КГБ, одно без другого невозможно. — Ю. В.). Более того, в интервью будапештскому журналу «64 часа» Кун пополнил эти сведения дополнительной информацией.

Лаборатория под руководством Судоплатова, о котором идет речь, существовала в недрах НКВД еще в конце 20-х годов, когда во главе этого ведомства находился Генрих Ягода. Сначала она проводила опыты на животных, а затем добралась и до людей (надо полагать, одним из таких людей явился Максим Горький. — Ю. В.)... Возможно, первой ее жертвой был знаменитый психиатр Бехтерев, имевший неосторожность обнаружить у Сталина симптомы шизофрении. За ним последовали сын Троцкого и сам Ягода. С 1938 по 1941 год через зловещую лабораторию прошли по меньшей мере 150 человек (несомненно, это все именитейшие люди, простых гробили конвейерным способом — пулей в затылок или висок. — Ю. В.).

Судоплатов, которого Кун называет «советским Эйхманом», с не меньшим основанием может быть охарактеризован как «советский Менгеле» или «советский Скорцени».

Во время войны он возглавлял особое карательное подразделение, действовавшее в районе активного партизанского движения и имевшее целью ликвидацию партизанских командиров, проявлявших, по мнению московских руководителей, чрезмерную самостоятельность. После освобождения от гитлеровцев Западной Украины Судоплатов занимался выявлением «неблагонадежных элементов» среди тамошнего населения. По свидетельству одного из помощников Судоплатова, Меньшагова, его шеф лично принимал участие в пытках и особенно любил собственноручно пытаться женщин.

Начав войну в звании майора, Судоплатов закончил ее генерал-лейтенантом (вон куда может клещевина увести! — Ю. В.). В послевоенный период он «наводил порядок» в странах Восточной Европы. В 1953 году (после смерти Сталина и ареста Берии — Ю. В.) он, в отличие от большинства других ближайших подручных Берии, сумел избежать суда, искусно симулируя сумасшествие. Однако, когда в 1957 году (я в тот год установил свои первые всеосязные рекорды по тяжелой атлетике. — Ю. В.) Судоплатов был переведен в Казанскую спецбольницу, пользовавшуюся дурной славой, он предпочел «выздороветь», после чего суд приговорил его к 15 годам заключения.

После отбытия наказания (в основном во владимирской тюрьме) Судоплатов вернулся в Москву и без труда получил там работу и квартиру. В настоящее время, по имеющимся у Куна сведениям, он продолжает безбедно жить в Москве, получая хорошую пенсию».

Да и как посмеет обидеть старика советская власть! Она же

знает, чем обязана вот таким судоплатовым. Как говорится, ворон ворону глаз не выклюет.

В 1952 г. терапевт кремлевской больницы Софья Исааковна Эйтингон оказалась на Лубянке по делу «врачей-отравителей» (престарелый диктатор усмотрел в своих немочах козни врачей). После инсульта и смерти диктатора в марте 1953-го и своей безусловной реабилитации Софья Исааковна наотрез отказалась служить в «кремлевке» (так в просторечии именуют данное лечебное заведение, до сих пор о нем бытует шутка: «Врачи анкетные — полы паркетные»). Со второй половины 60-х годов и до 1977-го я обращался преимущественно к Софье Исааковне (естественно, каждый визит за плату). Она была терапевтом высокого класса.

От нее я неоднократно слышал о старшем брате, который подвергся репрессиям и теперь опасно хворает. Я относился к ее жалобам с сочувствием, не проявляя, однако, интереса к самому брату. Тогда, доживая, мучилась в болезнях целая когорта бывших заключенных: они сотнями и сотнями тысяч хлынули из лагерей и тюрем после 1956 г. Что брат?.. Всего лишь еще одна беда.

С Софьей Исааковной мы встречались десятки раз, можно сказать, дружили. Она рассказывала об аресте и обыске («„Разденьтесь!.. Повернитесь кругом!.. Нагнитесь. Положите руки на ягодицы. Раздвиньте!“ Если обыскивает женщина, она... надев резиновую перчатку, выщупывает влагалище...» — из справочника Жака Росси), о ретивом полковнике Рюмине, допросах, «наседках», предателях... Отложился в памяти один из рассказов. Нахраписто и особенно оскорбительно вел допросы один из следователей, высокий красивый полковник. Обессиленная, измученная, не имеющая возможности постоять за себя, Софья Исааковна (тогда еще сравнительно молодая женщина), повинувшись неосознанному порыву, как бы невзначай обронила на очередном допросе: «Вы знаете, гражданин начальник, я опытный врач и смею вас заверить — вы больны давно и неизлечимо: у вас запущенная форма рака». Сказала страстно, убежденно и смолкла, закусив губу.

На следующий день означенный следователь не появился. Надо полагать, кинулся по врачам или вымолил отпуск для поправки здоровья и расшатанных нервов. Увидела его Софья Исааковна спустя 3 или 4 месяца. Даже она, привычная ко всему за годы врачебной практики, была поражена: перед ней стоял жалкий остов того, что являл собой, казалось бы, «выставочный» образец славянина. Элегантный костюм сидел на удалом опричнике отнюдь не по-светски (полковник зачастую навещался в штатском — костюмы все были от хорошего портного; не те, готового пошива, что выдают офицерам КГБ вместе с военной амуницией). А сам — одни кости. Взгляд потух. С лица изжелта-бледный, с внушительными отеками под глазами.

Он тут же спросил, чрезвычайно волнуясь, сколько ему еще жить. Софья Исааковна ответила с безоговорочной определенностью: «Самое большое — восемь недель. Ошибка исключена. У вас, гражданин начальник, уже метастазы, а это, знаете ли... Вы безнадежны».

Ранг кремлевского врача придал словам авторитет и вес. В представлении «выставочного» славянина специалиста выше существовать не могло.

— Уже много позже прослышала: вроде бы умер через семь недель, — вспоминала Софья Исааковна. — И уж какой там диагноз — откуда знать? После, на свободе, рассказывалась: убила ведь! Обычным словом убила, ненавистью. Убила — это факт!

Вот убивать без счета других «женевцы» мастера, калечить жизни, растлевать, превращая людей в доносчиков и осведомителей, тоже умельцы высший сорт, а вот как доходит дело до них, то превращаются в червей, навозных жуков, подвальнойю слизь. Даже от страха, всего лишь от страха, прорастают раковыми опухолями.

История сия врезалась в сознание, как и расспросы о поведении в камере. Я делал вид, будто мне это важно как литератору, а сам не исключал ареста: попадусь когда-нибудь с «Огненным Крестом» (думал ли я, что не сумею его напечатать в так называемые свободные годы, буду мыкаться с готовой рукописью годами, когда прилавки завалят «Анжелики», детективы, истории «половых» богатырей...). Софья Исааковна, не подозревая тайного смысла моих расспросов, решительно советовала не сидеть в камере, а по возможности двигаться, и по многу часов, — тогда не будут отекать конечности. Она надавала еще кучу советов для моих «литературных героев». Слава Богу, мне самому они пока не пригодились. Да я все пуще склоняюсь к мысли, что меня просто пристукнут. Жил — и нет.

Софья Исааковна, несомненно отражая настроения семьи и брата, была непримиримо настроена к эмиграции советских евреев в Израиль и вообще придерживалась большевистских принципов. Однако после всего испытанного предпочитала не распространяться о политике — по-моему, у нее и интерес к ней пропал.

Я не придавал значения ее вскользь оброненным замечаниям о старшем брате, его страданиях, тяжком прошлом. Она очень переживала его невзгоды, прежде всего — нездоровье. Любила его горячо, нежно.

Софья Исааковна не столь уж и мало служила в святая святых хозяев жизни — «кремлевке». Ей было доверено здоровье первых сановников «рабоче-крестьянского» государства. К здоровью они всегда относились со всей серьезностью, не допуская здесь уже никаких утопий и фантазий, требуя для себя лишь последних, самых эффективных достижений науки и вообще предельно точных знаний. Она перечисляла имена — и впрямь из первых, — но отзывая-

лась о них с презрением, скорее даже брезгливостью, поскольку никто не заступился за нее, отдали на заклатие не моргнув. Разве только Лихачев — сталинский министр автомобильного транспорта. Он разыскал ее и принялся названивать вскоре после освобождения всей группы напуганных и отчасти уже намученных врачей. Иван Алексеевич Лихачев (умер в июне 1956 г. и похоронен на Красной площади) просил Софью Исааковну вернуться в «кремлевку». Бывший матрос Балтийского флота, красногвардеец, сотрудник ВЧК (кажется, вся Россия успела походить в сотрудниках ВЧК, попытать власть и поставить кого-то к стенке), нарком машиностроения и прочая и прочая весьма ценил ее советы. Баба Соня, так называли ее в нашей семье, отвечала категорическими отказами; думаю, не без влияния брата. Она устроилась в платной поликлинике. Очередь к ней выстраивалась, как за самым редким «дефицитом»...

У нее была всего лишь одна фамилия с грозным сталинским террористом, знатоком самых изощренных убийств, похищений и доверенным в самых жутких тайнах социалистического Отечества, заботливо опекаемым до последних дней КГБ. В те годы МГБ было срочно переименовано в КГБ — те же люди, за теми же столами или другими привычными занятиями по сокращению народонаселения одной шестой части земной суши, с теми же задачами (это самое важное — с теми же!), но под другой вывеской; после процесса Берия и его лампасного окружения требовалось незамедлительно сменить вывеску, но только вывеску, а сам чекизм сохранился в полном цвете — как единственное самое верное оружие партии. Опекали, укрывали до самых последних дней жизни Эйтингона, Судоплатова, Майрановского, Филимонова и сотни, тысячи, многие тысячи других душегубов — от лагерного зачуханного стража с ППШ или мосинской трехлинейкой, стреляющего в ни в чем не повинного зэка единственно ради краткосрочного отпуска (была такая награда и, надо полагать, есть и поныне — за голову якобы бежавшего...), до звездастого генерала — в набитом телефонами кабинете и жирной вереницей адъютантов, секретарш, порученцев, — проституирующих всем и чем угодно ради теплого места, ради возможности сосать кровь из народа...

Что до Филимонова, не удалось вообще ничего прознать. Всей многомиллионной чекистской массой задвинули — и ни слуху ни духу, ровно и не водился такой. Совершенно определенно только одно: сжил со свету множество людей.

И о других ничего не проведаем. Архивы ВЧК-КГБ спешно уничтожаются (1987—1991), болтаются в делах безвредные бумажки, а о живодерстве «щита и меча» социалистического Отечества ни буквочки: сами порешили себя десятки миллионов людей, сами развалили хозяйство (исключительно по собственной лени и склонности к алкоголю) и вообще ни тюрем, ни лагерей не было, а если что и обнаруживается, так это все Берия. Он нарушал закон, и это он сам из автомата положил миллионы людей. И никто не пособ-

лял — ни солдаты, ни офицеры, ни доносители, ни осведомители, ни вся гнойная сволочь, живая горем и смертями других, неистребимое племя приспособленцев, холуев, садистов и б...¹.

Надлежит скрыть все первобытно-изуверское, что принес с собой светлоокий ленинизм, — и, казалось бы, неизбежно вечное прошлое, намертво запечатленное документами, превращается в игру света и дыма, летучий и ломкий пепел. Вот и вся память о стогах, нестерпимой боли, стрельбе палачей по миллионам людей, запуганной России, боящейся соседа, сослуживца, приученной предавать и продавать своих детей без счета и жалости своре опричников. Да какая же это свора? Это, пожалуй, добрая треть всего люда, ежели не вся половина, а то и погуще. Писали-то служебно-ответственные постановления и разную прочую документацию и впрямь несколько тысяч, а дело... дело проворачивали всем миром: откуда же взялись дивизии² для охраны зон и секретных объектов по превращению людей в трупы и еще сотни тысяч кровавых псов для обслуживания тюрем, пыточных, подслушиваний, слежки, цензуры (прочитывали и прочитывают письма без разбора), стрельбы по людям, доносчиков, осведомителей? Это, простите, не сотни тысяч, это — большие миллионы...

В трех поколениях народа, на которые пришлось героические проволочно-блатные годы господства партийной номенклатуры, это уже десятки миллионов, клейменных душегубством. В одном народе всегда были и будут два народа. Прав был старый лагерник, что вспоминал в одном из документальных фильмов о большевистском лихолетье: «Народ пожрал народ».

Нам лишь остается добавить: а с чьей подачи, кто разбудил в людях самое сорное и жуткое, дал этому сорному и жуткому простор?

Все имена на слуху, и сочинять, ломать голову не надо. Однако народ гнет и по сию пору. Нет силушки распрявиться, но дай Бог, чтобы в конце концов скопилась, да поднялся, встал бы в полный рост, навсегда стоптал с себя позорящие одежды, в поколения передал бы отвращение и проклятие им, одеждам зла, и каждому, кто на горе и шкурничестве возьмется искать пропитание и покой.

Вся эта огромная толпа палачей (о них сердобольный народ говорит с вызывающей дрожь заботливостью и спокойствием: «А что им делать, они народ подневольный») стоит по вине вровень с казненными в Нюрнберге как самыми настоящими отбросами человечества. Только советские «отбросы» не были изолированы от обще-

¹ Все это, безусловно, не относится к внешней разведке ВЧК-КГБ, которая обеспечивала интересы Отечества. Внешняя разведка ВЧК-КГБ сама являлась жертвой своей же системы, точнее, той системы, к которой принадлежала, и понесла неоправданные и дикие по бессмысленности и ценности потери.

² Это были особые дивизии, предназначенные для карательных действий. Именно эти дивизии начал стягивать Берия к Москве в начале лета 1953-го — к решающей схватке за власть, но... опоздал. Хрущев действовал напористой.

ства, а служили как почетный и крайне нужный элемент государственного механизма; под наказание угодили ничтожные десятки убийц, да и их пустячные сроки не в счет; это даже не сроки, а способ укрывательства от общества. Намеренно пишу «общества», а не «народа» — не было у народа священного гнева против своих убийц; у той части, что сохранила себе жизнь в потрясения первых тридцати лет советской власти, запеклась в груди одна благодарность: «ОН цены снижал», «при НЕМ порядок был»... Казненными оказались лишь самые первые из чекистов, что угрожали новым секретарям владеть высшей властью. Прочие, то есть все, получали генеральские пенсии за невиданные злодеяния и перекося сознания народа и скоротали век в довольстве и покое. В России за отбросы считают Алексея Лосева, Варлаама Шаламова, Анатолия Марченко...

Вот передо мной заметка из «Аргументов и фактов» за июль 1991 г., № 25 (558). Прочел — и потянулся за ножницами: такую стоит вырезать и сохранить, такие метки человеческого сознания грешно опускать в бездну забвения. Пусть лежит и напоминает, что извлекли люди из истории предательства и убийства Христа. Глаза не верят, да буквы сами складывают слово за словом.

«Правительственный вестник», № 25

«Л. М. Каганович, бывший нарком, сподвижник Сталина, как-то посетовал, что существует на пенсию 120 рублей. Прочитав эту заметку, совет трудового коллектива Кыргызского камвольного-суконного комбината постановил: ежемесячно из фонда социального развития перечислять ветерану партии 300 рублей. Но Лазарь Моисеевич в ответном послании, поблагодарив камвольщиков, отказался от материальной помощи, заметив, что ни в чем не нуждается. Однако забота камвольщиков о старце взяла верх: директор комбината подписал приказ об отправке первого трехсотрублевого перевода в Москву...»

Ну что тут добавить? Много пару по давно известным фактам. Однако попробуем восстановить памятью, что и к чему здесь.

Это ведь заботливый перевод тому человеку, который со Сталиным крушил черепа миллионам людей. Это Сталин и Каганович вкупе с десятком соратников создали систему истребления интеллигенции, крестьянства и той же самой партии вместе с рабочим классом. Всех опоиля кровью.

Это его, Кагановича, стараниями (разумеется, и всего сталинского окружения) выросли все эти сверхлубянки и сверхпалачи берии, судоплатовы, кобуловы, меркуловы, эйтингоны, абакумовы, деканозовы, гоглидзе, игнатовы, рюмины, филимоновы, майрановские, серовы, ежовы, ягоды и прочая и прочая... а Россию перекопали рвы-могилы. Не дрогнули трудовые руки камвольщиков при голосовании (а сколько по стране обездоленных из-за кнута строительства новой жизни и окалеченных после лагерей, травли без куска хлеба и угла!), по копейке собирают всем комбинатом деньги: не нуждайся, Лазарь Моисеевич, Родина помнит твои дела.

Именно так. Знают, кому деньги, за что деньги, как и знают (это доказал адрес перевода), кто им нужен и дорог сегодня, завтра.

Так и стоит Россия: в одном народе два народа...

Из «Известий» за 4 июля 1991 г., № 158:

«Концлагерь для детей «врагов народа»

Эти ребята, напряженно смотрящие в объектив, — дети «врагов народа». Снимок сделан в 1938 году в детской колонии с весьма миролюбивым названием: Пролетарский детский городок. Городок этот стал концлагерем для десятков тысяч ни в чем не повинных детей...

— Кормили плохо, врачей вообще не было, — вспоминает Анатолий Васильевич (тогда ему было 10 лет). — Мы болели какой-то неизвестной страшной болезнью — гнили заживо, умирали как мухи. Утром стаскивали с нар умерших за ночь и сами хоронили (и это восьми-десятилетние дети! Люди, очнитесь!! — Ю. В.). Нас в колонии постоянно было 5—6 тысяч, и каждый день поступали новые...»

После всех мытарств, войны, рабства в Германии, ранений на фронте, унижений Анатолия Васильевича не реабилитировали — «в КГБ говорят, что не сохранились документы». Да разве они их будут сохранять!..

Вот и весь сказ. В эти пространства уже не долетит сердобольный перевод крещенных большевизмом камвольщиков, да они его туда и не пошлют. Вот еще...

А что до чекистов, они и сейчас все те же... из воистину великих для них лет кровавой бойни. Каждый мускул в натяжке от тех лет. Сердце высекает все ту же, одну преданность — Ленину.

Никогда не было одной России, уживаются два народа в одном народе.

Как мы теперь знаем (свидетельства перебежчика Гордиевского, генерала Калугина), лаборатория с расстрелом Берии и его окружения не была упразднена. Она, наоборот, продолжила свое дело с нарастающим напряжением и производительностью (это показала и история уничтожения Бандеры — сверхсовременное средство устранения явно было, что называется, выковано в стенах заслуженного учреждения). Как это явствует из признаний беглого полковника Гордиевского и генерала Калугина, лаборатория действует под кодом «№ 12».

Действовала она под этой скромной нумерацией и в годы председательства Андропова, у которого якобы руки были чисты.

Нет, не сходится. Не были чисты ни у Андропова, ни у всех предшествующих председателей КГБ и первых (генеральных) секретарей КПСС — первых кураторов этого заведения. Только за существование подобных учреждений Нюрнбергский суд над главными

военными преступниками, учрежденный союзниками после второй мировой войны, отправил на виселицу или под пули всех к ним причастных лиц. Ибо это являлось величайшей угрозой для человечества и надругательством над жизнью.

Но мы на сей счет народ особый.

Здравия желаю, товарищи «генералы от клещевины», а также труженики лаборатории Оперативно-технического управления — вот кто, оказывается, обратил на мою ничтожность внимание. Чай, быстро сладили ампулы рибоксина с новой начинкой. Для вас это — плевое дело. Сколько людишек спровадили в мир иной, и никто из окружающих и не усомнился, что это дело ваших рук, а не хвороб этих несчастных.

Люди изобретают машины, станки, открывают пенициллин, ищут средства против рака, туберкулеза, ревматизма, сочиняют музыку, книги, а вы?.. Дни и ночи мозолите мозги над новыми ядами и как бы их «пограмотнее» втереть в стены комнаты (наверное, хрипите от споров: помешают обои или нет?), подсунуть под видом лекарства, устраиваете здоровому сердцу инфаркт, рвете сосуды у здоровых людей (а делов-то — одна таблетка)...

Поди, на полном ходу нынче эта сверхсекретная лаборатория Оперативно-технического управления КГБ. Всем своим доблестным составом варит из семян сныти или болиголова отраву для какого-нибудь населенного пункта, чрезмерно разбавленного противниками КПСС и президента, а то и вовсе наводит варево на весь свободолобивый лагерь — морить так морить! А управление по охране конституции (бывшее пятое управление КГБ) списочки представит¹, согласно приказу сверху не щадит себя на этом деле с первого часа перестройки. До того, наверное, в азарт вошли — от отдыха, пенсии отказываются — с ног валяются на вахте у котлов. Важно, чтобы отравы на всех и на все хватило!..

Чародеи!..

Так что не обижайтесь на слова великого Варлаама Шаламова, это он вам сказал: «Клянусь до самой смерти мстить этим подлым сукам!» Мы разделяем вашу обиду: вы только крохотный вершочек всей преступной глыбы вашего ведомства. В таком случае чуток распространим клятву-напутствие Варлаама Тихоновича.

И этой организации доверили борьбу с преступностью в стране? Да она прежде всего сама преступна и аморальна с головы до пят и каждым швом на своих одеждах, форменных и штатских. Матерь Божья, да оборони и защити от таких умельцев! Да избави наконец русскую землю от всего этого стада упырей!

¹ После нескольких выступлений в своем избирательном округе, на которых я настоятельно советовал ознакомиться с некоторыми работами Ленина из 45-го тома его сочинений (разумеется, обосновывая интерес к ним), сотрудник КГБ обратился в библиотеку района с просьбой составить список всех, кто затребует данный том.

Все вы замараны кровью и слезами невинных людей, и нечего тыкать в прошлое. Делали вы это вчера, делаете и сегодня.

Поэтому и легли на архивы животами, уничтожаете их, вырываете сотни страниц. Все ниточки прошлого идут на сегодня. Все вы пришли из того прошлого, не отреклись от него, а исповедуете, поклоняетесь.

Что ж, словами Лермонтова: «Вы шулер и подлец, и здесь я вас отмечу!..»

Знаете, почему вы все время проигрываете, почему не добились окончательной победы и не добьетесь? Лили кровь, пытали, ворвали бумаги, порочили людей, движения, обрекали на муки целые поколения, а результата, то есть покоя, нет?

Есть та черта инстинкта самосохранения, за которой жертвы¹ перестают бояться... в отличие, кстати, от вас — вечных клиентов спецлечебниц и солнечного юга.

Все вы трясетесь за свое здоровье и никогда не рисковали (убиваете вы из-за угла, мучаете всей шайкой — в чем же тут риск?). Это вы и ваша идеология возвели лагеря, травили людей, сживали со свету — и сейчас бежите по следу любого независимого движения — кабы загрызть его...

Вы не то проглядели, не то прослушали, не то проспали, но не ухватили стержневого, сердцевинного, точнее, не знаете: вас не боятся (такое случается, когда людей перезаливают кровью и болью) — и в этом всё, в этом ваш... нет, вам приговор. Не мой, разумеется, хотя и у меня есть на это право, а народа. И даже не народа, а истории. Впрочем, истории ли?..

Презрение людей отторгает вас от всего человеческого.

18—23 декабря 1953 г. на закрытых заседаниях Специального присутствия Верховного суда СССР разбиралось не только дело Берии, но разбирались и дела его подручных, занимающих ключевые должности в МГБ и МВД.

Бывший начальник управления МВД СССР С. А. Гоглидзе показал:

«Должен отметить, что, кроме избияния арестованных на допросах, Берия неоднократно давал указания мне, Кобулову (в ту пору заместителю министра внутренних дел СССР. — Ю. В.) и моим заместителям в присутствии других начальников отделов бить арестованных перед расстрелом. Такие указания затем передавались группе, приводившей в исполнение приговоры и решения тройки НКВД Грузии, и тех арестованных (то есть смертников. — Ю. В.) били».

¹ Мы не народ и даже не население, а всего только жертвы. Умеем нести боль, умеем покорно нести тяготы по вине негодяев, умеем молча умирать.

Тогда ничего удивительного и в том, что палачи перед казнью насильовали жертвы. В начале 70-х годов сведущий человек показал мне однажды очкастого висломьясого старика — начальника отдела кадров одного из агентств печати (чисто «гэбэшная» должность), который перед расстрелом насильовал женщин (одну или несколько, смотря по приговору). Это была его система. С таким «напутствием» он отправил на тот свет всех осужденных (независимо от возраста), которых ему вменялось по долгу службы расстрелять. И ничего — как я помню, бодро шагал.

При наличии приказа истязать заключенных перед казнью это было вполне естественно. Это как бы являлось всего лишь продолжением того же возмездия «врагам народа» и вообще всякой «падали». А пусть, сучки, платят, мало им!..

Показания свидетеля Васильева на предварительном следствии:

«Однажды я зашел в кабинет оперуполномоченного Серебрякова (осужден), у которого сидел на допросе один из арестованных... и на мой вопрос Серебрякову: «Как дела?» — он ответил, что арестованный молчит и не отвечает на вопрос. Я подошел к арестованному. Он был мертв. Тогда я спросил Серебрякова, что он с ним делал, и он мне показал свернутую проволочную плетть пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что тот уже мертв. Многие арестованные после подобных допросов умирали в камерах».

Да, картина: мертвец на стуле... упрямится, не дает показаний...

Из письма Всеволода Эмильевича Мейерхольда генеральному прокурору СССР А. Я. Вышинскому 13 января 1940 г.:

«Меня клали на пол лицом вниз, жгутом били по пяткам, по спине; когда сидел на стуле, той же резинкой били по ногам. Следующие дни, когда эти места ног были залиты обильными внутренними кровоизлияниями, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, на больные чувствительные места налили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Руками меня били по лицу... Следователь все время твердил угрожая: „Не будешь писать, будем бить опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного тела“».

Известной поэтессе на допросе наложили горчичники на половой орган...

И такие муки прошли не 10, не 100 тысяч, а миллионы людей. И могут еще пройти «по новой». Ибо по-прежнему благоденствует это ведомство по уничтожению людей и человеческого в людях.

Остается добавить, что Мейерхольд являлся «звездой» первой величины среди театральных режиссеров 20—30-х годов. Его жена

(Зинаида Райх, бывшая жена Сергея Есенина) будет зверски убита чекистами в своей же квартире, а имущество разграблено... Ну приглянулась жилплощадь...

Один из авторов книги о Берии пишет:

«...Обычный срок эксплуатации рабсилы в заправочной зоне равнялся **трем** месяцам. Статистики Гиммлера вывели такую же цифру в своих концлагерях. Случайное совпадение?...»

Избави Бог!

Конечно же, не случайное!

И гитлеровская и ленинская системы строили свои государства через пулю, кнут и оболванивание. Массовые убийства, принуждения, полиция и доносительство — без этого ни то, ни другое государства не могли бы просуществовать ни мгновения.

Кажется, дай этому народу веревку, и он по взаимному согласию перевешает сам себя, как в известном анекдоте о профсоюзном собрании, имевшем хождение в начале 70-х годов. Помните? Профсоюзное собрание приняло решение всем повеситься. И каждый член ленинских профсоюзов принял решение стойко. Лишь один осмелился и спросил:

— А веревку самим принести или будет казенная?

Нет, скорее всего, казенная не потребуется.

А вот это что?

«Местные жители охотно выдавали беглецов: за каждого пойманного платили поштучно — столько-то килограммов муки, столько-то метров мануфактуры...»¹.

И выдавали и брали мучишку, пекли оладьи, кормили деток кровью и мясом замученных. И вырастали из деток вурдалаки, бесчувственные к страданиям люди. И понес народ на своем теле гнилые язвы позорных болезней.

«Если охранники настигали беглецов неподалеку от лагеря, они пристреливали их на месте и тащили тела на волокушах к вахте. Здесь их, истерзанных овчарками, должны увидеть на утреннем разводе все бригады. Тех беглецов, что успевали уйти далеко, бросали в тундре, отрубив кисти рук — для доклада (отчета. — Ю. В.) по начальству. Однако кисти рук — скоропортящееся доказательство, и спустя некоторое время из ГУЛАГа поступило новое указание — доставлять уши погибших...»

Знать все это — и дать преступникам, создателям этого режима дичайших преступлений спокойно жить на пенсии, катать в черных «Волгах», носить залитые золотом погоны...

Что это?..

¹ Берия: конец карьеры. М., Политиздат, 1991.

К пыткам и у чекистов и у вождей было более чем своеобразное отношение. Просто эпические картины рисует «постоянно-бесконечный» член политбюро Молотов (совсем в духе застеночных пыток времен блаженной памяти императора Петра Алексеевича).

«Мы пришли в Госбезопасность. Там я был, Микоян. По-моему, было несколько членов Политбюро...

Он (Рудзутак. — Ю. В.) жаловался на чекистов, что они применяют к нему такие методы, которые нетерпимы. Но никаких показаний не давал.

«Я не признаю ничего, что мне приписывают». Это в НКВД Рудзутак говорил, очень били его, здорово мучили. Крепко стоял на своем. Его, видимо, здорово пытали».

— Это через Берию проходило?

— Не без него.

— Неужели вы не могли заступиться, если вы его хорошо знали?

— Нельзя ведь по личным только впечатлениям! У нас материалы». (Это из беседы Молотова с писателем Чуевым.)

Ян Эрнестович Рудзутак родился в 1887 г. в Латвии, профессиональный революционер. Много лет состоял членом и кандидатом в члены политбюро. Был казнен на Лубянке в 1938 г. на 51-м году жизни.

Итак, бывший член политбюро, ближайший товарищ явившихся в застенок членов политбюро (они пришли удостовериться в степени его виновности) жалуется им, можно сказать, с дыбы на нечеловеческие пытки, заявляет о своей невинности, но на них это не производит впечатления. Не того они закала, большевики, дабы поверить вот так, на слово, коли тут в наличии «материал».

Ни сердца, ни совести, ни ума...

И ни одному в голову не придет (уж о сочувствии и речи быть не может), что даже при этих самых «материалах» (которые совершенно очевидно подделаны, фальшивы) нельзя бить, пытаться — не дано такого права никому на земле.

Но это как-то не светит в голове ни у одного из членов высшего руководства партии — великой партии, «совести эпохи».

Миленькое дело. Ходят в застенок, как на прогулку, глазуют на своего измордованного, полуживого товарища, как и на других людей в камерах, знают, что и его и их вот-вот пустят в расход, — и потом в один голос блажат, что ничего не ведали о пытках и вообще терроре. И Ленин святой! А ежели кто и виноват, то подлец Берия и, может быть, Сталин, но он все же «гениальный революционер», и народ ему очень многим обязан, и вообще при нем от сохи до ракет и атомного оружия развились.

За усталостью, горечью обид приходит тоска. Такая огромная — не уместится в душе!

Невыразимо жаль дней. Сматывается жизнь, укорачивается.

А она так дорога! Не отрываясь, смотрел, смотрел бы... на каждую травинку, на каждое облако...

И ласкаешь взглядом все вокруг, будто сейчас умирать.

Господи, это богатство — жизнь! На что ж мы его размениваем?

Такое богатство — нехватишь взглядом, не выслушаешь — сколько прелестных звуков. И краски — сколько цвета, сочетаний! И все это мы не замечаем. Ради чего не замечаем? Что приобретаем взамен?..

А ветер — что лучше? А шум листвы? А плеск ручья, дождя?..

Что же мы ищем? За что травим друг друга?..

Тоскую по жизни. Живой, а будто уже умираю.

Молотов вспоминал на казенной даче в Жуковке 28 ноября 1974 г.:

«В кабинете Ленина я встретил молодого Берия: давал информацию по Кавказу, наверно, достоверную, иначе Ленин бы не имел с ним дела».

Подобная встреча представляется маловероятной, но чего только не было в истории советского социалистического государства. Как говорится, Молотову виднее...

Из протоколов допроса Берии

Вопрос генерального прокурора СССР Р. А. Руденко:

«По вашему указанию Саркисов (полковник с шестиклассным образованием, начальник охраны Берии, основной поставщик «женского товара» для шефа. — Ю. В.) и Надария вели списки ваших любовниц. Вам предъявляется 9 списков, в которых значатся 62 женщины. Это списки ваших сожительниц?»

Ответ Берии:

«...Это мои сожительницы...»

Вопрос Руденко:

«Кроме того, у Надария хранились 32 записки с адресами женщин. Вам они предъявляются. Это тоже ваши сожительницы?»

Ответ Берии:

«Здесь есть также мои сожительницы...»

Вопрос Руденко:

«Вы сифилисом болели?»

Ответ Берии:

«Я болел сифилисом в период войны, кажется в 1943 году, и прошел курс лечения». (Просто профессиональная болезнь лидеров партии.)

Бывшему маршалу и Герою Советского Союза Берии было предъявлено обвинение в изнасиловании ученицы 7-го класса, которая родила от него сына.

7 мая 1949 г. Берия обманно заманил 16-летнюю школьницу и по обыкновению изнасиловал; после пригрозил матери и дочери: пожалуетесь — сотру.

Эти списки и записочки, как и данные об изнасиловании несовер-

шеннолетних, лишь крохотная часть того, что всплыло на процессе этого верного пса Сталина, вместе с ним возглавлявшего партию (в членах политбюро хаживал). Женщин он бесчестил тысячами (я слышал такое мнение от одного из участников процесса) — и никто не смел перечить, все и всё сносили, кроме одной, которую и застрелил сам Герой Советского Союза. Во избежание позора эти женщины, если находились на свободе, молчали, у большинства были мужья, дети, родные. А были и такие, и совсем немало, которые радовались. Счастье-то!! А на смерть пошла, но не дала надругаться — всего одна... Убойное соотношение чести и бесчестья.

Когда председателю профсоюзов Грузии М. И. Кучаве при ознакомлении с материалами следствия попался на глаза объемистый список женщин, изнасилованных Берией, он взмолился:

— Ради Бога, не оглашайте имен. Три четверти в этом списке — жены членов нашего правительства!

Под шифром «Краб» у Берии имелось досье на самого близкого к Сталину человека в партии — Маленкова.

Подобное досье было заведено даже на Василия Сталина, но, разумеется, под своим шифром — «Сова».

При аресте в портфеле Берии была обнаружена облигация, на которую приходился самый крупный выигрыш. Эта облигация якобы принадлежала Н. А. Булганину — тогда министру обороны, а вскоре — председателю Совета Министров СССР (свидетельство Д. Н. Суханова, хранившего портфель после ареста Берии).

23 декабря 1953 г. генерал Батицкий (в скором будущем маршал Советского Союза), выполняя приговор суда, пристрелил Берию. Врач поначалу отказался удостоверить факт смерти.

— Что его осматривать? — сказал он. — Он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в сорок третьем болел сифилисом.

Вот так руководство в нашей стране!..

Чуть-чуть не дотянулся этот сгнивший сифилитик до «всероссийского престола», оставался какой-то шажок. А там и партия подперла бы надежно. Сколько раз уже подпирала...

По команде грабили («Грабь награбленное!»), жгли...

По команде расстреливали: сколько велели — столько и клали. Друг друга убивали — и не теряли вкуса к жизни.

По команде ставили лагеря по всей стране — это же сколько десятков тысяч километров колючей проволоки!..

По команде хоронили едва ли не треть своего же народа.

По команде рушили храмы и травили священство.

По команде изживали независимую, самостоятельную мысль, культуру.

И терпели, несли на плечах своих же палачей, даже награждали любовью и славил в свой смертный миг.

Государство с жесткой централизацией власти, ограничением свободы (отсутствием ее вообще) и подавлением всякой независи-

мой, самостоятельной мысли ждало вырождение в типично мафиозное и жуткое в силу своей военной и финансовой мощи. Группы людей, связанных родственными, личными отношениями, в конце концов захватили бы власть над народом, обратив ее в источник наживы, и это было поставлено ленинизму неизбежным концом. Вырождение в террористическую, корыстную систему власти являлось обязательным для партии и государственного аппарата, ибо отсутствовали механизмы, препятствующие данному процессу. Исторически основой власти были с Октября 1917-го насилие, принуждение и произвол. И к мафиозному принципу организации власти государство начало соскальзывать с самого своего зарождения. Уже тогда это была власть чрезвычайно узкого круга лиц, возможная лишь при свирепом насилии над народом. Приближаясь к своему краху, партийно-советская власть уже стала воспроизводить в своих наиболее слабых звеньях мафиозные структуры в их первоначально чистом виде — в Узбекистане, Азербайджане, мелких кавказских образованиях. Это ждало и всю страну. Захват ее мафиозными партийно-советскими кланами уже начал осуществляться. Система властвования преступных группировок была логическим завершением «ленинской демократии».

Неужели возможна жизнь без разного рода тайных служб, без подслушивателей и доносителей («людей гражданского долга») и прочей нечести?

Секреты, секретность, горы бумаг, спецчасти, папки, машины с антеннами для подслушивания и записей, тайное фотографирование, чтение чужих писем, шепоты слов (это так секретно!), допуски... Да это все сверхважно для крыс, потому что они сами пусты и ничего не значат и мир себе создали холодный, жестяной, продуваемый всеми ветрами зла. И уже секретная полиция, тайны, а на подхвате мастера избиений, хваталы — эти нелюди, их ремесло — охота за другими людьми. А мир мирится, отдается любви, слагает стихи, слушает музыку и лекции о свободе духа и культуре — величии познания, неукротимости постижения мысли...

Неужели возможен мир без политиканов, от которых зависят наши судьбы (да что там судьбы — жизни!) и которые несут порок уже в одной своей внешности? Непорядочность, похоть, зависть и нечестность намертво впечатаны в их лица-маски. Их не соскрести мочалкой, не смыть мылом, массажем и чтением книг, не запрятать за блеск орденов и триумфы свободных выборов. Порок политики и политиков не поддается лечению просвещением, исповедами апостолов веры, мужеством людей и даже горем целого народа.

Неужто нет мира, в котором можно просто так вложить в руку ладонь встречного, улыбнуться ему и не опасаться предательства?

Неужели нет чистого солнца, чистой воды, чистых больших окон в домах и чистых слов?

Неужели чистая жизнь только сказка, выдумка?

Неужели мы пришли на землю, чтобы быть отравленными?

Кто мы? Для чего? Зачем живем, если всё предали? С Христа начали продавать и предавать и никак не уговоримся...

Неужели чистая жизнь лишь сказка, выдумка?

Купол голубого неба, правда этого неба. Дымка у кромки земли — мы ее называем горизонтом. Глянцевые извивы рек — чистое, неторопливое течение вод. Полет птиц, голоса птиц... Господи, я же с вами, это и мне вы говорите... И я тоже ложусь на крылья. Я же ваш...

Травы, в которых гаснет солнце. Теплое, влажное дыхание нагретой земли. Бабочки, дуреющие в цветах.

Жить в добре. Только добром встречать живое и каждые сумерки утра нового дня. Добро освещает мир, не отпускает с губ улыбку...

Белесые космы над озерами и прудами на рассвете — бесшумное, таинственное смещение прядей, изменчивость их, вдруг бесследное исчезновение. Алое свечение крови между пальцев, если ладонь наставить к солнцу. Биение сердца в груди — просторность дыхания, широта жизни, легкость шага.

Снег, узоры на замерзшем стекле. Тусклое мерцание льда. Мерцанье заснеженных полей ночью — тишина, изливание лунного света, заглаженность земли под снегом. Великий покой.

Обилие, половодье, нашествие вод в весну. И тоска в душе вслед каждому дню. Угасание дня в полоске зари — там земля смыкается с небом.

Кланяюсь тебе, земля. Боготворю тебя и все живое. Я с вами, неразделим — мы одно целое. Я лишь и счастлив с вами...

А живу в клетке — ее называют жизнью. И не могу быть тем, кем хочу, — частью вас, вами.

И так худо здесь все устроено: мы станем принадлежать друг другу лишь после смерти, моей смерти, — ни единым мигом прежде.

Так и бредем рядом, любя друг друга и не смея принадлежать друг другу.

Эту жизнь долго и с великим тщанием возводили люди. Соорудили огромную боль и обозвали это жизнью...

Но без людей мне нельзя. Так как же быть?..

Роман «Что делать?» Чернышевский положил на бумагу в Петропавловской крепости в месяцы, предшествующие гражданской казни и ссылке в каторжные работы. По повелению Александра Второго содержался Николай Гаврилович как военнопленный (о чем тот сам после с гордостью говорил), то есть, находясь в заточении, на каких-либо принудительных работах не использовался. Представляю, как я писал бы свой «Огненный Крест» во внутренней тюрьме на Лубянке и как меня после с почетом содержали бы в мордовских лагерях, где костей больше, чем земли. От одного подобного представления Россия зашла бы со смеху. И то правда: Андропов — и Александр Второй?! Сравнение их не то чтобы невоз-

можно, а просто кощунственно. Хотя при любом критическом упоминании Андропова меня начинают уверять, что он «умный был». Возможно, и был, только на что был направлен ум?..

Да чтоб ни один звук сверх заданного не вырывался из этого народа. И не вырывался, коли не брать в счет диссидентов, но их можно было счесть по пальцам. «Синее воинство» до сих пор при упоминании имени Андропова берет под козырек.

Клевещу на социализм?

Да ни в коем разе. В наличии «светлый» опыт с Андреем Дмитриевичем Сахаровым — принудительное «спасение» его от якобы голодной смерти в горьковской больнице летом 1984 г.

«11 мая до введения питательной смеси мне ввели в вену какое-то вещество, малым шприцем, я потерял сознание (с непроизвольным мочеиспусканием). Когда я пришел в себя, санитары уже отошли от кровати к стене. Их фигуры показались мне странно искаженными, изломанными... Как я узнал потом, эта зрительная иллюзия характерна для спазма мозговых сосудов или инсульта... В записке (Сахарова. — Ю. В.) от 20 мая написано: «Хожу еле-еле. Учусь». Как видно из всего вышеописанного, спазм (или инсульт) от 11 мая не был случайным — это прямой результат примененных ко мне медиками (по приказу КГБ) мер!..»

Что тут скажешь? Умный был Андропов...

После взрыва в Зимнем дворце, устроенного 5 февраля 1880 г. Степаном Халтуриним, Адлерберг (министр двора Александра Второго) намекнул на необходимость «заставлять» допрашиваемых говорить.

«Государь прервал его, спросив с неудовольствием: каким же образом заставлять? Разве пыткой?..»

Разумеется, пытки оставались под запретом... до 1918 г.

На жаргоне хиппи: врубаетесь, чуваки, в чем тут разница?

Сочинил бы я свой роман на Лубянке! Да под умно-проницательным оком Юрия Владимировича Андропова перемещался бы на четвереньках и без порток, чего доброго и лаял — а на что малый шприц? При условии, ежели бы меня вообще оставили в живых. Тут ум у Юрия Владимировича был нацелен исключительно остро. На основе всеохватывающей информации и десятилетий опыта ВЧК-КГБ. Полицейский ум.

Что до порток, это не преувеличение. Высокоосознательные врачи из горьковской больницы имени боевого революционера Семашко обещали Сахарову, что штаны сам не наденет: в наличии у них еще и не такие средства!..

Печатаю эту главку, а за окнами синее небо, воля. Что за день: деревья не шелохнутся, солнце высвечивает крыши. Я обитаю на самом верхнем этаже — насколько хватает глаз, одни крыши.

Что ж мы устроили из жизни? Такая короткая, оглянуться не успеешь, а ее и нет, на исходе последние дни... Господи, это ж надо

так ухитриться все запутать, заморочить! И откуда это в людях: обязательно приладиться и сесть другому на шею?!

Я смотрю на это небо — нет крыльев, чтобы взмахнуть и улечь. И пусть несут долго-долго...

Вспомним Русь после Ивана Грозного. Опустошение своих же земель, которое учинил этот столь искусный грамотному слову государь, сравнимо лишь с нашествием диких орд. А Псков, Новгород, сожженные, побитые хуже, нежели от любого иноплеменного захватчика? А это ведь свой царь, для защиты земель посаженный на престол.

И вскоре после смерти его — мор, смута по всей Руси и, наконец, захватчики в Кремле. Долго болела Русь, но перемогла надрыв.

Так и большевизм с его огнедышащими вождями Лениным, Сталиным и всей последующей мелкотравчатой ратью — надорвали народ, запаковали землю. И от этого приключились одичание душ и развал государства...

Вполне обоснованны эти сравнения. Оба ведут корень от надрыва, истощения народных сил и, конечно же, обилия крови...

Чужа смерть, богомольный Иван Четвертый по прозванию Грозный (более позднему, от народа) составил для поминания список загубленных им людишек — надо полагать, на тысячи имен. А пусть отмаливают его грехи и душегубство церковные иерархи, а он делал свое трупное дело и делать будет. На то они, церковники, и поставлены Богом, дабы отмаливались земные грехи.

Любопытно было бы почитать подобный поминальничек от руки Владимира Ильича. Для начала поправимся: свое дело он не считал душегубством — и писать там разные списки категорически отказался бы. Но мы допустим... Тогда, наверное, он не дрогнув вписал бы несметное множество имен, ибо уничтожал не просто непокорных, там тысячи людишек, а часть народа — это уже не ручеек крови. И список этот не вместило бы ни одно из книгохранилищ мира, поскольку жертвы его, Ульянова-Ленина, вписываются в тот поминальник и доньне.

Тут такие Василии Грязные да Малюты Скуратовы с Федьками Басмановыми под рукой оказались, свое убойное дело справляли лихо, не хуже головорезов опричников, что ужас посеяли на Руси. Существовала опричина всего-то семь годков и минуло с того времени четыре века с вершком, а крестятся православные до сих пор, вспоминая ее и изверга царя.

Да и такое было: водились, и немало, палачи-бессребреники, убежденные; как сказали бы сегодня — идейные. Тоже служили идее из крови и трупов — на том ставили свою власть изуверы во все времена, а оправдывали все тем же — благом или государства, или

человечества, или Христа. Палачи-фанатики — это залежалый, но жутковатый товар истории.

Малюта Скуратов настолько перезалил кровью Русь — после его гибели имя этого опричника, любимца кровавого самодержца, в общем-то довольно распространенное на Руси, начисто исчезло из обращения на рубеже XVI—XVII веков. Отказались русские мужички и разный посадский люд крестить и поганить детей иродовой кличкой. Так и сгинуло на Руси это имя — Малюта.

Малют не стало, а Владлены не перевелись.

Не могла их революция не завершиться крахом и разложением, в котором потонули без всяких видимых следов все самые проникновенные и человечные лозунги, все идеалы и «гениальные предвидения».

Обратимся к рассказу А. Брота — шофера Василия Сталина (сына незабвенного вождя)¹.

«До 1944 года я был водителем у командующего бронетанковыми войсками П. Рыбалко, а после ранения возил замнаркома заготовок. В 1947 году я познакомился со знаменитым футболистом Всеволодом Бобровым и стал возить армейскую футбольную команду. Мне было тогда около 30 лет, носил звание старшины...

В один из ближайших дней Бобров отвез меня в штаб на ул. Осипенко. Меня принял Василий Сталин. Он поинтересовался, знаю ли я «иностранные» машины. Я ответил, что некоторые знаю. Тогда он вызвал своего адъютанта Виктора Полянского и приказал оформить меня шофером, но поставить на довольствие штурмана в особом отдельном авиационном полку...

Вскоре после оформления на работу спецводитель с «паккарда» посадил меня за руль одной из «моих» машин и стал показывать «трассу» Василия Сталина. Я ехал осторожно, соблюдая все правила движения. Но эмгэбэшник (тогда был не КГБ, а было МГБ. — Ю. В.) сказал, что «у них так не ездят». Я понял, что для них дорожных правил не существует. А хозяин якобы такую езду не любил.

С ним, кстати, я ездил редко. Когда он был выпивший (а таким он бывал часто), он, сидя рядом, нажимал ногой на педаль газа. Требовал, чтобы машина выезжала на тротуар, встречную полосу. Наконец он понял, что я не для него. Но водитель все же нужен был дома и на даче. Поэтому меня не уволили.

Сначала Сталин-младший жил в «Доме правительства» («сером») на берегу Москвы-реки, а потом переехал на Гоголевский бульвар, в дом 7. До него там жил генерал Власик, начальник личной охраны Сталина. Он вроде бы проштрафился, и его из этого особняка выселили. Туда и вселился Василий. Там были шоферская, адъютантская, приемные залы, кабинет, бильярдная, она же кинозал, гаражи, спальни, столовые, кухня. Жизнь у них там, наверну, была осо-

¹ «Аргументы и факты», 1991, № 14.

бенная. Там — совершенно другой мир, другая обстановка. До того, как я узнал этих людей поближе, имя Сталин было свято для меня. Когда я окунулся в этот мир, то понял: мы для них букашки, мы ничто. Нас можно посадить, убрать со своей дороги...

Как-то собрались гости, и меня отправили за шашлыками. Я привез их (из ресторана «Арагви». — Ю. В.) и сел в шоферской. Дождался, когда надо будет развозить... гостей. Вдруг слышу, заходит дежурный адъютант и зовет к хозяину... Он был пьяный, сквернословил, бегал по комнате, упрекая меня в том, что его гости — старые академики и профессора — не могут разжевать мясо... Вдруг схватил со стола одну из частей тяжелого металлического чернильного прибора и запустил мне в голову. До сих пор у меня шрам. Кровь потекла рекой. На следующее утро Василий опять меня вызвал. Иду и думаю: теперь добьет. А он только стал меня корить, что я невнимательный (т. е. не увернулся от «тяжелой» части чернильного прибора. — Ю. В.). И сам, мол, виноват. Спросил, не нужна ли мне квартира. Когда я пожаловался на то, что у нас нет отопления и газа, был очень удивлен. Тогда по улице Рождественка тянули газовую линию, но мимо нашего переулка. И нам, по указанию моего хозяина (всему переулку), отвели газ. Я заплатил за это удобство шрамом на лбу.

У меня до сих пор сохранился пропуск в кремлевскую столовую на имя моего хозяина — на особое питание. Он, конечно, ничего этого не ел. Дома-то целый подвал был с балыками, семгой, мочеными и свежими арбузами круглый год... Зайдешь, отрежешь кусок балыка или ветчины... Для этого подвала я получал продукты не в «кремлевке», а на улице Дзержинского, в магазине для членов семей руководства партии и государства. Целый грузовик привозили. Все запломбировано, проверено специальной комиссией...

Я жил тогда в шоферской. Однажды поднялся в кинобудку и оттуда посмотрел через оконце для киноаппарата в бильярдную. Василий играл с Главным маршалом одного из родов войск. Этот пожилой человек проиграл, разделся донага и полез под бильярдный стол, а Василий его кием по «казенному» месту... Развлекался! И терпели все, иначе и нельзя было (представьте: сын де Голля или американского президента шлепает по задней части совершенно голого высшего чина Вооруженных Сил своей страны. Невозможно? А у нас возможно). И даже любимы те времена, а они и не столь уж отдаленные. Грел мне в те годы грудь комсомольский билет в нашитом изнутри кармане черной суконной гимнастерки суворовца (нет, очень близко то время. — Ю. В.)...

Когда семья Василия жила в «сером» доме, он был женат на Бурбонской. У них с Василием было двое детей — мальчик и девочка. Но Бурбонская, как я понял, была из «простых». Такого там, наверно, потерпеть не могли. «Убрать!» — и все тут. Они развелись. Вскоре Василий женился на дочери маршала Тимошенко — Екатерине Семеновне. Они жили на даче — в шикарном домике с прислугой, с кухней, гаражом, псарней... Чего там только не было!

Однажды меня вызывает адъютант и говорит, что меня затребо-вала к себе жена хозяина. Чем-то ей не угодил ее шофер. Она в то время училась сразу в двух вузах. Профессора приезжали к ней на дачу, где она и сдавала экзамены, зачеты... Женщина она была очень строгая, даже жестокая. Детей Василия от Бурбонской она не любила. Их тайно подкармливала повариха, да я привозил им из города гостинцы.

Как-то адъютант сказал мне, что ночью на станцию Ухтомская придет грузовая машина с вещами — подарками для высшего командования и их семей из ГДР. Мы поехали. Действительно, пришел грузовик, полный ценностей. Адъютант забрал кое-что для Василия (в основном приборы для письменного стола), а остальное приказал отвезти на дачу к Екатерине. Об этом мне не велено было сообщать хозяину. Два солдата разгрузили все на даче. Это были золотые украшения с бриллиантами и изумрудами, десятки ковров, много дамского белья (прямо царского!), мужские костюмы в огромном количестве, пальто, шубы котиковые и каракулевые (четыре — золотистый, серый, коричневый, черный каракуль), горжетки, посуда, воротники из чернобурки (если бы только Василий для себя грабил — нет, это были, так сказать, запланированно-централизованные поставки для самой верхушки руководства, но отнюдь не исключение. — Ю. В.).

Позвала она меня и спрашивает, хитро так: что, мол, со всем этим делать? Я и говорю — носить. А она смеется — все не переносить, ковров не истоптать. И действительно, дом и так ломился от ковров, золота и хрусталя. Попросила меня все это продать. Но в комиссионных требовался паспорт, а она не хотела предъявлять свой. У меня же была красноармейская книжка. Тоже — опасно. И решили мы все это продать через скупку. Переживала, что дешево, но деваться было некуда. Я нашел такую скупку на Трубной. Целый месяц я возил туда это барахло. А деньги сдавал Екатерине. Однажды меня задержали, когда пытался продать кое-что в Столешниковом переулке, в комиссионном магазине «Меха». Меня отвезли в милицию, но там начальник узнал машину Василия, и меня отпустили, извиняясь и даже предлагая сопровождение. Набрались десятки тысяч рублей. Я спросил Екатерину, зачем ей столько денег. Она ответила, что «Сталин не вечен, а деньги всегда останутся деньгами». Только золото не продала.

И все это на фоне страшной бедности и нищеты. Я возвращался домой и видел, как живут мои соседи...

Иосифа Виссарионовича Сталина видел только один раз. На даче у Василия в день его тридцатилетия. Собралось много гостей. Были там и Каганович, и Булганин, и Микоян, и Молотов. Вдруг все забежали, охрана, прислуга... В ворота въехала машина Сталина-отца. Он холодно поздравил сына, и все прошли в дом. Они были в натянутых отношениях. Нас, конечно, и близко туда не пустили.

Не могу забыть всего этого, поэтому и решил заговорить. Может, легче станет?»

Сталин этого не знал? Его «ленинское окружение» не знало? Да он же приезжал к сыну, как мы это видим из рассказа Брота, не на дачу, а в вотчину (и с работниками, и охраной, и еще Бог весть с какой обслугой). Это же он, великий Сталин, нашлепал сыну-юнцу генеральские погоны, поставил во главе всех военно-воздушных парадов в Тушине. Искренне был бы против — так достаточно было только сказать. Не сказал.

Сталин и все «ленинское окружение» жили, не касаясь народа, совершенно изолированно от него, вне его забот и страданий.

Они, вожди, и их продолжение до самых районных глубин такую жизнь считали естественной. Разложение началось с самых первых дней революции, когда они убивали кого хотели и сколько хотели, достаточно было произнести магическое слово «враг». Право на все жизни вокруг себя не могло не завершиться моральным падением, вырождением и страхом. Жили они за плотным строем гэбэшных спин, размноженных до таких количеств, дабы надежно их закрывать и защищать — всю неправду их существования.

Образцы мужества, скромности, морали!.. Вспомните одни лишь пьянства у самого Иосифа Виссарионовича. Его полусловцо или вздернутая бровь — и скатерть сразу ухватывала гурьба слуг, а в скатерти, дробясь, смешиваясь, — хрустальная посуда, яства, дорогие сервизы. И скатерть уносили этаким узлом, а на столы тут же стлались новые, хрустящие, и выставлялись опять сервизы, хрусталь, яства. Как тут не вспомнить Петра Первого, когда он с полу поднял серебряную (или золотую) нить из шитья парадного платья Екатерины и заговорил гневно: как можно этим разбрасываться, ведь это месячное жалованье моего драгуна! Тут о подобных материях и не задумывались.

Вот и вся правда о той кощеевой лаборатории, ядовитой клещевине и прочих тайных средствах умерщвления — чтобы на корню извести всякое прозрение, даже самую ничтожную угрозу их власти.

А все это приистекало из таких вот откровений Главного Октябрьского Вождя, не поленимся, еще раз глянем:

«Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью».

При такой постановке вопроса возможно уже было все, буквально все. И это все проросло в жизнь, превращая нас в людей-муравьев. Однако преданно стережем мавзолеей, не сознавая, что этот человек повинен и в столь тяжком грехе, как опорочивание самой идеи социализма, о чем и писала Мария Спиридонова. Никто столько не сделал для подрыва идеи социализма. Правда, мы знаем теперь, что надо искать другой путь. Не поклоняться мощам, а искать путь достойный и чистый.

Весной 1953 г. я в звании старшего вице-сержанта (звание, принятое в Суворовских училищах) находился в выпускной роте Суворовского училища в Саратове. До свободы (выпуска) оставались

считанные месяцы. Семь лет позади! О чем мы только не мечтали! И сколько разговоров: кто в какое училище будет добиваться назначения! Бог мой, какие города, сколько их! И мы после семи лет братства расстанемся. Мы уже тяготились алыми погонями — это свидетельство ненастоящего военного. Нам грезились погоны курсанта, а потом, за ними, и вовсе невозможное счастье — золото лейтенантских погон.

Нас воспитывали в святой и иступленной любви и преданности армии и армейской службе. Мы пришли в этот мир, чтобы защищать Родину, мы здесь для мужества и подвига. Сталин! Партия!

В то мартовское утро 1953 г. 1-я рота (это выпускники) возвращалась из бани, что криво прилепилась к дальнему скату Глебычева оврага. Ровно раз в неделю нас поднимали в пять, чтобы мы успевали строем пройти в баню, помыться, облачиться в чистое белье и строем вернуться к завтраку. Распорядок в училище выдерживался неукоснительно. Оттепель превратила снег в кашу. Синел рассвет, когда, покачиваясь, распахнулись высокие чугунные ворота училища и мы вступили во двор — каждая его подробность до боли знакома и близка. Бросился в глаза свет: были непривычно освещены все этажи ротных помещений. Не успели мы пройти в само здание, как по колонне понеслось: «Сталин тяжело болен!! Передают информационный бюллетень о состоянии здоровья!! Сталин!!!»

О награждении члена Президиума и члена Реввоенсовета Южфронта тов. И. В. Сталина орденом «Красного Знамени».

Ноябрь 1919 г.

«В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов Советская власть отражала удары неприятеля; в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революции в июле 1919 года подступали к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на боевой пост Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии.

Будучи сам в районе боевой линии, он под боевым огнем, личным примером воодушевлял ряды борющихся за Советскую Республику.

В ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И. В. Джугашвили (Сталина) орденом «Красного Знамени».

Это был первый орден, первое отличие будущего владыки России.

27 февраля Сталин смотрел «Лебединое озеро». В ложе Большого театра он, отгороженный от зала, наслаждается зрелищем в одиночестве.

28 февраля он принимал гостей: Берия, Маленков¹, Хрущев, Булганин. После смотрели кинофильм.

Первого марта (воскресенье) на дежурство по охране и обслуживанию «ближней» дачи Сталина вступили подполковник Старостин (старший наряда), подполковник Туков и майор Рыбин.

За гардеробом Сталина присматривала Матрена Бутусова — подшивала пуговки, гладила вещи...

Первого марта около шести вечера в Малом зале дачи зажегся свет, но вызова не последовало.

Погода прибыла служебная почта. Ее подполковник Старостин обязан вручить. Твердым шагом он направился в дом к Сталину.

По воспоминаниям охраны, Сталин любил, чтобы шаг у офицеров был не лакейский, а твердый, четкий.

Когда подполковник Старостин после стука твердо вошел в дом, он обнаружил Сталина в белье, приваленным боком к столу, без сознания... Была вызвана охрана. Сталина отнесли на диван. Он был изрядно остывший, очевидно пролежав уже немало без одежды.

Подполковник Старостин позвонил Берии — того нет. Он позвонил Маленкову, тот: «Позвоните Берии». И вскоре звонок от Берии: «Что у вас там?» После доклада подполковника Старостина распорядился в трубку: «О болезни Сталина никому не звонить и никому не сообщать».

Через несколько часов (уже наступило 2 марта) приехали наконец Берия и Маленков. Посмотрели на Сталина и уехали. Причем в покои Сталина Маленков вступил, сняв ботинки, в носках.

Сцена эпическая: второй человек в государстве без ботинок (ботинки в руках) на цыпочках крадется к постели поверженного Хозяина. Рядом грузно, но тоже с осторожностью шагает истинная тень Хозяина — Лаврентий Павлович.

Уверенности у обоих нет: вдурит Хозяин очнется...

Не очнулся.

Медицинская помощь не последовала. Это, безусловно, не забывчивость.

Сталин один, в заброшенности хрипит на старом, продавленном диване. Еще час, еще, еще...

В семь тридцать объявился Хрущев. Этот не стал снимать ботинки. Подъезжают остальные члены политбюро.

А помощи все нет.

Лишь около девяти утра прибывают врачи. Страх перед диктато-

¹ Помощник Маленкова Дмитрий Николаевич Суханов рассказывал о своем высоком начальнике: при телефонных разговорах со Сталиным в своем кабинете тот всегда стоял, хотя вождь, разумеется, не мог его видеть.

ром настолько велик (пусть диктатор без сознания и недвижим) — никто из них не смеет ножницами спороть белье. Это делает охранник.

Таким образом, помощь поверженному мозговым ударом диктатору не оказывалась свыше 12 часов. Какие тут сомнения — конечно же, намеренно.

О последней встрече с отцом Светлана Аллилуева рассказывает: «И потом я была у него 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось семьдесят три года (как мы теперь знаем, в действительности исполнилось семьдесят четыре. — Ю. В.). Тогда я и видела его в последний раз.

Он плохо выглядел в тот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть гипертонии, — так как неожиданно бросил курить, и очень гордился этим — курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет. Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода — откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты; но он сам же делал недопустимое: через два месяца, за сутки до удара, он был в бане (построенной у него на даче в отдельном домике) и парился там, по своей старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было...

И вот я у него последний раз... у него красный цвет лица, хотя он обычно был всегда бледен (очевидно, было уже сильно повышенное давление). Но он, как всегда, пьет маленькими глотками грузинское вино — слабое, легкое, ароматное...

Когда я уходила, отец отозвал меня в сторону и дал мне деньги. Он стал делать так в последние годы, после реформы 1947 года, отменившей бесплатное содержание семей Политбюро. До сих пор я существовала вообще без денег...

А он не знал ни счета современным деньгам, ни вообще сколько что стоит — он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей — это колоссальная сумма. И когда он давал мне две-три тысячи рублей (это приблизительно одна хорошая зарплата инженера. — Ю. В.) — неведомо, на месяц, на полгода или на две недели, — то считал, что дает миллион...

Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе... Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — все это оплачивалось государством»¹.

¹ Со Светланой Иосифовной Аллилуевой меня познакомил Иван Михайлович Гровский (партийный псевдоним Ивана Михайловича Федулова) в октябре или ноябре 1960 г. Мы (Иван Михайлович, я, незнакомый мужчина — спутник Светланы Иосифовны и сама Светлана Иосифовна) сидели за столиком в тесно-убогой буфетной ком-

Светлана Аллилуева рисует картинку из того дня — дня смерти Сталина:

«Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль...

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой... Прислуга... не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо, и никогда не получали отказа...

Никто здесь не считал его ни богом, ни сверхчеловеком, ни гением, ни злодеем — его любили и уважали за самые обыкновенные человеческие качества, о которых прислуга судит всегда безошибочно».

Брошенным, отчасти ошельмованным и преданным уходил в мир иной Ленин.

Брошенный ближайшим окружением, ненавидимый им (за исключением, пожалуй, Молотова), уходил в тот мир и Сталин.

Не случайны эти предательства и поругания у еще не остывших тел властителей. И дело отнюдь не только в свойственной людям борьбе за власть. Неправедные законы их бытия, насилие, которое сопровождало их власти и жизни вообще, предполагали именно такого рода погибель. Другой она не могла быть в силу самой природы вещей.

Я повторю опять притчу, которой поклоняюсь всю жизнь: что могут существовать сами по себе, независимо, по отдельности листья, ветки, корни, ствол... Всегда есть дерево во всем своём единстве и невозможности раздельного бытия.

И еще. Так сказать, на посошок.

Маршал Советского Союза Батицкий арестовал Берия, а после и расстрелял (тогда Батицкий был генерал-полковником). Павел Федорович по долгу службы присутствовал на заседаниях трибунала. Однажды он рассказал мне о том, что делал Берия после похорон Сталина. Вечером, покончив с делами, он закатил роскошный ужин на троих... само собой, в своем особняке. Лаврентий Павлович отнюдь не тужил после своей печально-грозной речи с трибуны мавзолея («кто не слеп — тот...» — речь эта звучала с выраженным грузинским акцентом). Трапезу с ним разделили две красивые юные женщины. После, раздеваясь с ними и ложась в постель, он произнес с издевательским пафосом: «Сталин умер, но дело его живет!»

нате Института мировой литературы. Я выступал перед сотрудниками с рассказом о большом спорте и своей победе на Олимпийских играх в Риме 11 сентября того же, 1960 г. Мы сидели около получаса. Все молчали, кроме Ивана Михайловича. Он вспоминал, говорил... Однако молчание Светланы Иосифовны бросалось в глаза. Это была не застенчивость, которая тоже бросалась в глаза, а желание никого не пускать в свой мир. Светлана Иосифовна лишь односложно отвечала «да», «нет», бледная, усталая, вся ушедшая в себя...

Тогда, при жизни Сталина, по стране писали (один из самых расхожих лозунгов на красном полотнище): «Ленин умер, но дело его живет». Берия издевательски переделал лозунг.

Это показала на заседании трибунала одна из тех особ, кстати уже не раз разделявшая ложе с самым страшным человеком страны... да, пожалуй, не страны, а всего тогдашнего света. Миллионами гнили за решетками и проволокой лагерей его «подопечные»... И не только гнили: Лаврентий Павлович, будучи первоклассным стрелком, не давал руке отвыкать. Наезжая в Сухановку, сам дырявил голову им же осужденной жертве. В едином лице: закон, суд и исполнительная власть — великое достижение Октября. А помните, с таких, как Семен Григорьевич Чудновский, это завязывалось и входило в жизнь?..

21 декабря 1959 г. Уинстон Черчилль произнес в палате общин речь в честь 80-летия Сталина.

«...Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают».

Подобный панегирик более чем удивителен. Ведь Черчилль превосходно знал, с кем и какой системой он имеет дело и чем обеспечены успехи Сталина. И после этого восхищаться, по сути дела, тем необъятным океаном крови, пролитой тираном.

Обратимся к речи Черчилля, произнесенной по Би-би-си в девять вечера 22 июня 1941 г. — в этот день Гитлер обрушился на Советский Союз.

«Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем...»

Не сомневаюсь, знай Черчилль все о нашей системе, он, безусловно, поставил бы большевизм на недосыгаемо первое место по преступной чудовищности и людоедству. Но может быть, и тогда все равно произнес бы похвальное слово?..

«Что ж, история, народ таких людей не забывают».

Мы не забудем — это точно.

Можно строить это самое величие государства («принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением») не на костях, черепахах и бесправии, упиваясь своей безмерной властью и трепетом, согнутыми спинами, холопским лепетом. Новая история дает множество подобных примеров. На карте мира десятки государств, могущество и процветание которых созданы не диктаторами и истреблением своих народов.

Сталин упивался неограниченной тиранической властью.

Лучшей эпитафией на могиле Сталину могут быть слова Берии — его верного пса-людоеда. Берия прокричал их кинорежиссеру Михаилу Чиаурели (он снял несколько грандиозных фильмов о «великом вожде») месяц спустя после гибели Сталина:

«Забудь об этом сукином сыне! Сталин был негодяем, мерзавцем, тираном! Он всех нас держал в страхе. Кровопийца! Он весь народ угнетал страхом! Только в этом была его сила. К счастью, мы от него избавились¹. Царство небесное этому гаду!»

Кому другому не знать того, что почти в истерике вылаивал этот самый близкий Сталину человек, тем более одной грузинской крови. Он знал о Сталине все, и столько, и такое, о чем достопочтенный сэр Уинстон и не догадывался, что не могло ему прибредиться даже в самой злой горячке. Очень удобно наблюдать кровавый фарс из первого ряда театра, все время осознавая, что ты всего лишь зритель, ты сейчас вернешься в уют и покой сытой, устроенной жизни.

Но если бы это был только спектакль!..

В одну из ночей 1961 г. — вскоре после XXII съезда КПСС — сержант Берлев² и солдат (оба из кремлевского полка) вырыли могилу у кремлевской стены. Саркофаг с телом Сталина открыли. Другой солдат срезал погоны генералиссимуса, золотые пуговицы и звезды Героя (Социалистического Труда и Советского Союза).

Анастас Иванович Микоян отказался войти в мавзолей и проститься с тем, с кем прошел бок о бок (более трех десятков лет) через революцию, террор и Отечественную войну: небрежно махнул рукой и отвернулся. Микоян являлся членом президиума ЦК КПСС и первым заместителем председателя Совета Министров СССР, к тому времени один из старейших партийных деятелей.

На захоронение не были приглашены ни дальние, ни близкие родственники Сталина. Несколько солдат подняли саркофаг, вынесли и опустили в могилу. Наблюдали за процедурой комендант мавзолея и офицеры кремлевского полка — того самого, личный состав

¹ Что зловеще любопытно: «Мы от него избавились». Выходит, убили?..

² Сержант Николай Берлев — в будущем офицер спецподразделения «Альфа» КГБ СССР (см. Болтунов М. «Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ, М., «Кедр», 1992, с. 27).

которого нес охранную службу на посту № 1 — у входа в мавзолей. И зарыли Сталина.

Той же ночью имя «Сталин» на мавзолее заложили древесно-стружечной плитой и закрыли клеенкой под цвет мрамора.

О последних годах Василия Сталина расскажет в книге воспоминаний Александр Николаевич Шелепин, в прошлом — первый секретарь сталинского ЦК ВЛКСМ (у меня хранится Почетная грамота ЦК ВЛКСМ за отличное окончание саратовского Суворовского военного училища в достопамятном 1953 г. с подписью-клише «железного Шурика» — так звали Шелепина в 60-е годы, разумеется за глаза), потом — председатель КГБ (чьим почетным поднадзорным я состою не один десяток лет) и, наконец, член всемогущего политбюро ЦК КПСС времен Брежнева.

«Пожалуй, самым тяжким для меня в чисто человеческом плане было поручение заняться судьбой Василия Сталина — сына И. В. Сталина, который сидел в тюрьме, — рассказывает Шелепин, в ту пору председатель КГБ. — Как-то Хрущев задал мне вопрос: «А как чувствует и ведет себя Василий Сталин? Может, его освободить (хорошо устроились: можем посадить, можем освободить, а суд и законы? — Ю. В.). Поговорите с ним сами и посоветуйтесь об этом со Светланой — дочерью Сталина». Москвичам Василий был известен как алкоголик, развратник, допускавший хулиганские действия. Когда мы встретились с ним, он поклялся, что будет вести себя достойно. Посоветовался и со Светланой, задал ей вопрос: «Как вы смотрите на то, чтобы освободить Василия из тюрьмы?» Она сказала: «Если вы со мной советуется и хотите знать мое мнение, то скажу откровенно: я бы его из тюрьмы не освобождала». О беседах с Василием и Светланой доложили Хрущеву. Выслушав меня, он сказал: «Я за то, чтобы его освободить» — и попросил узнать мнение членов Президиума ЦК. Если они поддержат это, то привезти Василия к нему в Кремль. Все высказались за его освобождение.

На другой день его привезли к Хрущеву. Я присутствовал на этой встрече. Василий, войдя в кабинет, бухнулся ему в ноги и умолял выпустить на волю. Хрущев подошел к нему, поднял с пола, обнял и заплакал, приговаривая: «Вася, Васенька, мой дорогой, ведь я тебя еще в люльке качал». Затем сказал ему, что из тюрьмы он будет освобожден, но чтобы он, Василий, вел себя хорошо. Вскоре решением суда (это самое пресловутое «телефонное право». — Ю. В.) его освободили из тюрьмы.

Однако уже на второй день откуда-то появились дружки и организовали пир в честь освобождения. Опынев, он сел за руль автомобиля и на огромной скорости сбил пешехода. Доложил об этом Хрущеву. Он страшно разгневался. Решено было положить Василия в больницу. А подлечив, отправили его в Казань, где он вновь впал в беспробудное пьянство, от которого вскоре и скончался».

О смерти Василия Иосифовича первой поведала его сестра в книге «Двадцать писем к другу».

«Срок окончился не полностью (Военная коллегия приговорила его к 8 годам тюремного заключения летом или осенью 1954 г. — Ю. В.); весной 1961 года его все-таки отпустили из лефортовской тюрьмы по состоянию здоровья. У него были больная печень, язва желудка и полное истощение всего организма — он всю жизнь ничего не ел, а только заливал свой желудок водкой...

Его отпустили снова, но уже на более жестких условиях... Ему разрешили жить, где он захочет, — только не в Москве (и не в Грузии...). Он выбрал почему-то Казань и уехал туда со случайной женщиной, медсестрой Машей, оказавшейся возле него в больнице...

В Казани ему дали однокомнатную квартиру, он получал пенсию, как генерал в отставке, но он был совершенно сломлен и физически и духовно. 19 марта 1962 года он умер, не приходя в сознание, после попойки с какими-то грузинами. Вскрытие обнаружило полнейшее разрушение организма алкоголем. Ему был лишь сорок один год».

Но у Сталина был и другой сын — Яков Иосифович (от первого брака). Он погиб героически, выдержав все мучения в гитлеровском застенке, — не стал предателем. Вечная ему память.

У российской интеллигенции постепенно обозначилось три подхода к преодолению кризиса.

Первый — обращение к Богу. Это — непротивленчество и уход во всепрощенчество, созерцательность, сострадание к ближнему и, как следствие, отрицание внешней жизни, то есть всей громады беды, которая все прочнее налезает на народ. Этот путь можно было бы поименовать созидательным, исповедуй народ, общество в равной степени хотя бы схожие принципы. Такая позиция уступает поле жизни власти тьмы и зла. «Розы против стали» тут оборачиваются сдачей поля жизни самому махровому злу.

Второй — это намерение покарать и одолеть зло. Попытка противостоять злу злом — так это определили бы все, кто исповедует веру в Творца. И верно, зло злом не исправишь, но и от зла спасения на земле нет. Зло нагло попирает жизнь. Это заставляет таких, как Варлаам Шаламов, утверждать (как итог всей жизни — революции, голода, арестов, лагерей, писательства), что весь опыт отечественной гуманистической литературы доказал: ее значение (как и культуры вообще) в борьбе со злом равно нулю. Шаламов и писал, и повторял: любой расстрел 1937 г. может быть повторен когда угодно.

Я добавлю: и никто не отзовется, разве поставят в какой-нибудь заметке (ежели такая еще проскочит) восклицательный знак (даже не два) при сообщении о расправе.

И Шаламов в свинцово-никелевой оболочке строк-пуль строит вывод: пером эту действительность не выскребешь и не изменишь.

Мир волков, зло, тьму можно образумить только силой. Не за перо следует браться, а за оружие. И восклицает: клянусь до самой смерти мстить этим подлым сукам!

Подлые суки — это те, кто распял Россию после 1917 г., поправ все святое. Для Шаламова это большевизм, ВЧК-КГБ и неоглядная свора воспитанных ими нелюдей-волков.

И третий подход — это совершенное неверие в народ, физические и духовные силы которого, безусловно, подточены, если вообще не исчерпаны. У народа с такой горько-надрывной историей нет сил даже для борьбы во имя выживания, он уже неспособен созидать, бороться со злом, у него нет будущего, ему грозит утрата государственности — и интеллигенция отступает, уходит в эмиграцию. А народ тащится с сумой в неизвестность.

Остальная же интеллигенция пополняет оба враждующих стана общества.

Не уберегли Россию.

«Борьба, ожесточенная до звериной злобы».

Варлаам Тихонович в 70-е годы повторял: я никогда не забуду зла, причиненного ими России. Лицо его, измученно-худое, всегда бледное, окаменело в судороге страдания. О нем вспоминали ээки: огромный, худой, с замкнутыми устами. Огромный — ростом тянул за 190 см.

А «ими» — это партийная верхушка, с привязанностью к которой никак не расстанется изрядная часть нашего общества. С горящими глазами вспоминают: «Какие люди были!..» Это ленинизм и ВЧК-КГБ. Это волки внутри нашего народа. Всегда два народа в одном.

Я вынесу (вынес) все обиды и ни одной не спущу — Варлаам Тихонович был непримирим.

Неисказенный человек в искаженном мире обречен. Но существо его не смирялось с обреченностью. И тогда он чувствует в себе готовность силой противиться умерщвлению жизни, любимой им жизни (не «их» собачьей жизни, жизни полиграфов полиграфовичей шариковых и швондеров) и жизни миллионов других, ибо знает: «они» (захватчики власти в Кремле и на Лубянке и их множественная подпорка по всей стране) потешаются над всеми словами, им в забаву интеллигентские упражнения словом. Они всерьез принимают лишь пулемет, гранату, танк, расстрел. Только тогда в них просыпается человеческое, ибо страх заставляет их искать выход, защиту для себя и своих семей.

Неисказенный человек в искаженном мире...

Муки десятилетий каторги, гибель на его глазах тысяч и тысяч людей, совершенная нечувствительность и неподсудность палачей, узаконенное убийство невинных подводят Шаламова к единственному для него выводу всей жизни: со злом такого характера, как в России, следует бороться не пером, а штыком и пулей, ибо в зло вовлечена и заметная часть народа.

А это — Гражданская война. Опыт жизни не дает для Шаламова иных решений, он в них не верит. Все другие решения оставляют власть хищникам и палачам. И штык, пуля — данный вывод для него, как приговор, который обжалованию не подлежит. Иначе зло, как монголо-татарское иго, зависнет на 100, 200, 300 лет... Жди, покуда образуются могильные черви и согласятся на другую пищу. Нет, им, сколько будет земля, подавай трупы...

Варлаам Тихонович родился в 1907-м, скончался в 1982 г. Это 75 лет не жизни, а судороги, боли, стона и проклятий нелюдям. И крепнущая до твердости стали решимость отлить память о своем времени в жар и кровь строк. Пройти все, вытерпеть (и тогда, когда лечь, не дышать — радость), но сложить строка за строкой память ленинского постижения будущего, о котором сейчас глумливо говорят: это народ захотел.

Народ верил в счастье сколько помнит себя, как и мечтает о счастье любое здоровое существо на земле, будь это домашний воробей или селезень, которого стремительно несут в неведомые дали крылья. Все живое жаждет счастья. И народ поверил в обещания счастья, но не в черный или красный колпак ката с прорезью для глаз, дабы углядеть, куда опускать топор или набрасывать петлю. Не это народ видел за обещаниями Ленина и его партии. Народ оказался обманут, когда взял винтовку в Гражданскую войну. Он поверил: его счастье украдено богачами и царем. И счастье можно вернуть лишь силой, иначе не отдадут. Это прокричали ему Ленин, Троцкий и большевики.

И народ, приняв винтовку, подсумки с патронами, буденовку с пятиконечной звездой, пошел за УКРАДЕННЫМ СЧАСТЬЕМ.

А «украденное счастье» — это не что иное, как мечта о социальной справедливости, мечта о мире без всеуничтожающей власти наживы. Есть ты и человек — ничто другое не разъединяет нас и не имеет значения. Смысл и значение имеет только сам человек.

Это коренное в мечтах, свойстве и безотчетных устремлениях русского народа. В этом, и только в этом, его социалистичность.

Во всем мире подобные настроения давно уже и бесследно изжиты. Изжиты историей, особенно самой последней ее частью — капитализмом. В русском народе это настроение гнездится прочно и неистребимо, составляя один из важных стержней его мироощущения.

Многочисленные национальные образования рвут плоть русского народа, становясь (хотят они или нет) на сторону зла, пособничая возрождению большевизма. Темное и кровавое из еще вчерашнего прошлого забываются. Ад нынешней жизни как бы оправдывает большевизм.

С одной стороны в народ вцепился хищный бюрократический

аппарат, вскормленный КПСС (это КГБ, партия, реакционный генералитет и различного рода кровососы, вышедшие из прошлого). А с другой — плоть народа, его тело, мозг, волю разрывают, ослабляют движения меньшинств, которые требуют самостоятельности вне России.

России грозит стать только географическим пятнышком. Ибо эта игра в независимые автономии приведет к утрате Россией ее государственности, и уже окончательно.

Оборотни от партийной бюрократии сознают: Союз им не удержать. Республики, рано или поздно, освободятся от подчинения центру и обретут самостоятельность. И вся эта бывшая партийная рать, жадно грабя народ, присваивая, хапая, отступает на просторы России — это ее дом, его она не уступит. Ради этого бывшая «номенклатура» вкуче с иностранными хищниками обращается к крайнему средству — разваливает Россию руками ее же народов, которые в ослеплении национальных лозунгов и чувств берут на себя роль марионеток-разрушителей. Самое трагическое — что в результате разоренная Россия, слабая и безвольная, потерявшая себя, станет добычей — не самостоятельной страной, а всего лишь добычей. И уже никто не сможет противостоять любым захватчикам власти.

Под видом национальных движений в самые недра организма России вносится смертельный и сокрушительный яд.

«Трудовые массы почти никогда не бывают контрреволюционеры. Они только бывают голодны и обижены».

Не уберегли Россию — вот и весь сказ.

Выводы по коренным действующим силам революции и Гражданской войны можно свести к двум довольно четким группам ответов (данные выводы охватывают, как оговорено, события 1917—1922 гг., которые предопределили судьбу революции и ленинского социализма; после сознание народа подверглось искажению, невиданной в истории обработке умов и костоправию ВЧК-КГБ с неизбежным рождением нового типа гражданина, дотоле неизвестного миру).

Во-первых, революцию и, стало быть, ленинизм не приняла по преимуществу образованная Россия (с нею, разумеется же, и верующая), ее культура, достоинство.

Под культурой подразумевается не только интеллигенция, а и то, что сплавляет нацию в единое целое, — сложная и многообразная совокупность факторов (и именно эту совокупность факторов сейчас ожесточенно долбят молотами различных национальных образований, но в историческом плане это бессмысленный труд: культура сплавляет народы в неразрывное целое).

Во-вторых, движущую силу ленинизма, ее деятельную опору составили темные пласты народа. Нет, не обязательно люди физического труда, а те из них, которых выделяют названием «темные». Это по преимуществу люди без выраженного сознания Родины,

обездоленные и обойденные судьбой, историей, и просто деклассированные элементы, которым в том, старом мире совершенно нечем было дорожить: да все пусть пойдет полымем!

Это люди без корней, почти сплошь малограмотные, отчего во все времена легко становятся добычей социальных демагогий, особенно если в них такая убойная сила, как в ленинизме, которой он «обогатился» в условиях мировой войны и связанного с ней обнищания. Именно эти особи явились основным кадром для развертывания террора. И это они составили опору новой власти по всем направлениям, вплоть до академической науки. Именно им советская власть дала льготы для быстрейшего замещения всех командных должностей — от самых ничтожных до величественно первых (вот и глаголали с трибун: «сицилизм» — на большее недоставало знаний и культуры, да и не требовалось это в людоедской стае, а это «самое передовое общество» целиком взошло на энтузиазме трупедства).

Отсюда понятна и неприязнь Ленина к интеллигенции, граничащая с ненавистью, почти полным ее отрицанием и «отмежеванием от всего мозга страны». Еще бы, она в подавляющем большинстве отвергла утопически-погромный эксперимент, причем задолго до революции. Сомнений же вождь не прощал, для себя исключал их начисто. И, жестоко презирая образованную Россию, он создал все условия для заполнения ее места в обществе выходцами из самых черных, не помнящих родства низов — необозримое пространство полуграмотных, грубых и ограниченных шариковых, стадность в мышлении и поведении которых превзойдет все мыслимое до сей поры. Они укрепятся в науке, искусстве, армии, производстве, школе... Страна отдана им на откуп, это их время. Все подлинно интеллигентное, культурное они сразу брали звериным нюхом и подводили под уничтожение, метили клеймами, травили... Сечь надо, сечь «за футуризм». Как же они боготворили вождя, опрокинувшего мир им под сапоги и галоши! Пожили, «тапереча» наше время!..

Им и не к чему были партийные «указивки». Они сами день за днем выпалывали безбрежное людское поле России: ни росточка самостоятельной мысли. Шаблоны они знали отлично — и прикидывать на «свой — чужой» не след. И впереди всех шагали чекисты, эти оборотни марксизма, его крысиное воинство. Это они открытый бой на свету и солнце заменили на бойню в подвалах. И вывалились оттуда... прокисшие от слез и крови, не своих, конечно. Так и замирили Россию. У седла — собачья башка, за кобылой или конем — помело... И гармошка, присядка, ордер, орден и опять ордер (само собой, на жилплощадь)... Эпоха!

Догмы ленинизма предполагали разрыв связей прошлого с настоящим, что благополучно и свершилось в полном соответствии с планами новых господ. Номенклатурная Россия приучала народ к своей упряжи.

За что же все-таки тебе такая судьбина, Россия?..

В эти десятилетия интеллект нации претерпевает заметные изменения. Следует резкий спад его, притупление, а с ними и захирение культуры, размывание нравственных основ бытия. Отчетливо проглядывает ослабление народа — и физическое, и духовное, и культурное. Это не случайный итог. Главный Октябрьский Вождь сознательно упрощал жизнь, отодвигая интеллигенцию, а вместе с нею и критический разум, растворяя интеллигенцию в других социальных группах, организуя ставку на культуру как нечто прикладное, подсобное, служащее, скажем, умению читать газету и, конечно же, политучебники, брошюры с очередными задачами строительства социализма, что неизбежно скажется на увеличении объема и производительности труда. Для него культура не вещь в себе, не великое и самостоятельное, что формирует нацию, народ. В этом он, сам книжный человек с головы до пят, обнаруживает удивительную узость, даже какой-то провал в самой деятельности ума. Читая его, порой кажется, что имеешь дело с недоучкой, лишенным систематического образования. Разумеется, это совсем не так. Просто у него нет желания скрывать подлинное отношение к культуре, а следовательно, и интеллигенции (помните его об искусстве: «...мы его — дзык, дзык! — вырежем за ненужностью...» — и это вождь скороговорит о культуре, вождь державы, глашатай будущего!).

Все, что случилось, заложено в учении. За чем пошли, то и получили. И пуще всего для подобного «хождения» годились темные слои населения (народ может выступать и как население — это тоже новая социальная категория). На их и без того сумеречное сознание ленинизм наложился особо прочной цементирующей массой — монолит, ничем не прошибешь. На что-либо другое ум уже оказывался органически неспособным и не приспособленным — только следовать догмам и предначертаниям, а главное — ненавидеть и презирать все вне себя... «Отмежевание от всего мозга страны» — только так и жили!

Однако доктрину большевизма — крупница за крупницей — создавала образованная Россия, во всяком случае, та часть ее, которая бесспорно принадлежит просвещенной России (Плеханов, Ленин...). И, соединив в учение, она всеми доступными средствами обрушила его на народ, дабы завоевать его. И это завоевание состоялось. Тут заслуга «интеллигенции» тоже неоспорима.

Народ понес ни с чем не сравнимый физический и духовный урон. Задача его — не только возвращение в русло мировой цивилизации с сохранением своих национальных и культурных особенностей, но и развитие, продолжение прерванного пути, того самобытного, неповторимого, что присущ лишь России. Поклон тебе, великая Русь!

Это задача народа, это задача интеллигенции (не бегство, не исход в чужие края) и это смысл истории — новое обогащение мирового разума.

По показаниям видного чекиста, в начале 50-х годов Берия как-то обмолвился в своем кругу («круг» этот, как обычно, с очередной женщиной — не то изнасилованной, не то благодетельствованной — тут все смешивалось в дьявольский клубок):

«Хозяин в стране не Сталин, а я».

Берия тоже ошибался.

Хозяином была Система, а ее породили Ленин, ленинизм и определенные свойства народа, ибо без народа все они: ленины, сталины, берии, брежневы и т. д. — лишь бесплотные тени. На своих плечах их нес народ: истекал кровью, погибал, пухнул от недоеда — но нес. Народ являлся и их силой, и их жертвой.

Народ и сейчас, в любой миг, может вернуть ИХ к власти — только бы дали хоть чуть-чуть обеспеченной СЫТОСТИ. Когда есть сытость, хоть какая-то, народ молчит и можно творить, наворачивать, делать, почитать, любые дела. Это горькая, страшная правда, но это так. Ибо на этой шестой части земной тверди один народ пожрал другой и может это повторить в любой миг.

«Один народ пожрал другой» — не мои слова. Я уже упоминал: их произнес бывший зэк — свидетель изуверского процесса уничтожения одних людей другими. Процесс этот со стороны палачей втянул не сотни тысяч, а миллионы людей. Тут и охранники, и палачи, и железные чекистские дивизии, и десятки миллионов доносчиков... Продолжать перечень?..

На этом свете все может быть только с дозволения, воли народа. По-другому не бывает. Как бы ни был лишен власти народ, как бы ни был забит и обездолен, оболган, но без народа все эти вершители судеб — лишь жалкие бесплотные тени, носители насморков, геморроев, больных печенок и гриппов.

И поэтому народ умывается горем и воем от горя по-волчьи. Это Господь его приговорил — пока не примет другое обличье. Не примет — будет выть, хоронить и изничтожать друг друга. Вот и весь умысел Господень.

Эти мысли в разной форме я неоднократно повторял здесь. Разумеется, все это сделано сознательно. Мной владеет одна жгучая цель: помочь, приблизить, обозначить, чтобы народ осознал себя и свою силу; народ всемогущ, рядом с ним все — карлики, все без исключения. Думаю, это и цель Создателя.

Капитализм бездуховен. Он всей своей сутью устремлен на наживу — это его высшая цель и высшая «добродетель». Для него нет человека и человечества — есть товар. Человек для него только предмет стоимости. И это приговор капиталистической системе, ибо превращает людей в стадо алчных и бессердечных животных. Капитализм развивает инстинкты в человеке, причем не лучшие, и не дает простора духовности. Он упорно низводит человека на ступень животности.

Это обрекает капитализм на гибель. Такое общество не может быть целью человечества.

Капитализм разрушает любую жизнь во имя наживы. Он готов уничтожить человека, народы, дабы обеспечить себе прибыль. И это мы можем наблюдать теперь каждый день. Вместо людей капитализм возвращает пустых, развращенных и бессмысленных существ — вместилища жвачек и убогих помыслов. Это растление именем государства и конституции. Жизнь не может не отомстить за это.

Русский народ рванулся к счастью, к жизни без хозяев, наживы и проститутов всех мастей, жизни по справедливости — и разбился.

Это была жертва во имя человечества.

И в этом было величие русского народа.

Он изнемог, пал в стремлении добыть счастье всем.

Ценой жизни народа человечество обрело бесценный опыт. Отныне оно определенно знает, что не годится и чего делать нельзя ни при каких условиях. Опыт оплачен жизнью и неземными страданиями большого и светлого народа, во многом еще по-детски наивного. Народ этот отчаянно борется сейчас за свое выживание. Борется при холодном и жестоком равнодушии всех других народов...

И все равно человечество нащупает путь к справедливости, пробьется к смыслу достойной жизни: будут высшая духовность, уважение и любовь между людьми. Не будет места в жизни высшей добродетели капитализма — наживе, которая безнадежно калечит, похабит, отравляет бытие людей. Будет изгнан смысл оправдания всего наживой...

А внизу, совсем близко у ног людей, уже захлестывая их, клокочет, поднимаясь, необозримое пространство крови...

Запись из моего дневника (9 июля, вторник, 1970 г.):

«С рассвета — белые лоскутки облаков. Небо густой синевы. И все ярче, горячей солнце. И уже резкие тени в траве, лесу.

Раскачиваются ветки яблони подле моего окна. Скворчат слетки скворцы.

Возле черемухи всегда гудят мухи, жуки, а лепестки на самой длинной ветке (она из тени сарая тянется к свету) свернуты тлей в желтоватые трубочки.

Доцветают купальницы — тропинки под окнами в крупных янтарных лепестках: я привез их из леса и посадил здесь два года назад. Слетки скворцы уже ворчливо скрипят на березах вокруг скворечен.

Я пошел и прилег на штабель теса — горячие доски накалили спину. Солнце быстро заплывило лицо жаром...

Цветут незабудки, полянка у забора — темно-голубая. Напеваet мухоловка-пеструшка: повторяющаяся, однообразная песенка.

Чуть заметно подрагивают листья на яблоне — возле самого подоконника.

Измучен литературной работой до степени, когда притупляются инстинкты. Словно в тифу, и этот тиф еще не оставил меня...

К полудню небо принялось хмуриться, то накрапывал дождь, то снова сияло солнце, а вдали погромыхивал гром.

По дороге к озеру вечерами грустно распевают целые хоры зарянок, а совсем возле озера, в темном еловом бору, всегда звучно и громко поет певчий дрозд. Невдалеке поют и другие, но песня этого особенно богата и полнозвучна. Он набирает строфы неторопливо, словно наслаждаясь в паузах отголосками своего чудного покрика. Обычно поет он в сумерках, когда лес погружен в тишину, и уже бело выходит луна — без света, пустая, недвижимая. Этот бор на болотистой почве. В сильные ветры здесь часто рушатся ели. Тропинки замшелые. Шаг по ним бесшумен. А вокруг смещаются столбики комаров...

Благословенно лето, благословенно тепло, благословенны звери, листья, трава, ветры, реки и солнце!

И будь проклята эта борьба за жирный кусок, насыщение честолюбия, подлая и преступная возня за власть! Каким-то гнойным нарывом на теле природы эти дела людские...

Солнце, трава, дороги, лесные закоулки, тихие ручьи... кланяюсь вам, люблю вас. Для меня только вы и есть правда жизни...»

Я знаю чудовищную русскую поговорку: «Москва слезам не верит».

Она это доказала.

И все же. **«Есть и высокое в мире, и даже торжествующему злу не поглотить это высокое...»**

Август 1983 г. — апрель 1990 г.¹

Р. С. Моя квартира на последнем, седьмом этаже. Дом на холме, и она капитанским мостиком возвышается над всей округой.

За окнами — Ленинградский проспект, метро «Сокол», через парк — дом, там жила мама. Не увижу я ее больше, никогда не увижу...

В этих местах прошли моя юность, молодость...

¹ Рукопись залежалась, и кое-что, иногда довольно объемное, я продолжал вносить вплоть до дня, когда книга пошла в набор.

Как же устаешь жить в ненависти! Неужто так и не удастся сбросить ненависть этого мира с плеч и уйти? Уйти — и не поворачивать больше лицо навстречу яду слов, искаженным лицам и глазам, заплавленным в злобу...

Я не ваш — это верно.

Моя горячая нежность пишущей машинке «Olympia». Она во все годы работы ни разу не подвела меня, вынесла все десятки тысяч страниц черновиков и беловика!

·Почти 31 год работы над этой темой — позади. Я чувствовал себя то открывателем, то узником, то хранителем истины, то измученным, почти сломленным человеком. Но я выстоял. Вот она, стопка рукописи: 31 год работы — в ней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. ПРЕСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	5
Правда О Царской Семье и «темных силах»	9
Глава II. СТОЛЫПИН	34
Глава III. БРЕСТ-ЛИТОВСК	54
Глава IV. БЫВШИЕ	140
Глава V. ИСТОРИЯ СЛАВНЫХ ПЕРЕПИСОК	340
Глава VI. НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ	381
Глава VII. ИСКУПЛЕНИЕ	419
Глава VIII. «КЛЕЩЕВИНА»	500

Власов Ю. П.
В58 **Огненный Крест: Бывшие.** — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. — 560 с.; ил.

Автор, используя новые и малоизвестные документальные материалы, дает свою оригинальную трактовку исторического развития царской России, революционных событий 1917 г., довольно полно освещает судьбы бывших вождей «белого движения» (М. В. Алексеева, П. Н. Врангеля, А. И. Деникина, Л. Г. Корнилова и др.).

Представляя собой самостоятельное художественно-публицистическое произведение, книга завершает развитие событий и людских судеб, описываемых в вышедших ранее книгах Ю. П. Власова «Огненный Крест. «Женевский счет» и «Огненный Крест. Гибель адмирала».

В 4702010204-179 КБ-41-52-92
006(01)-93

ББК 84Р

ISBN 5-01-003928-1
5-01-003925-7

Юрий Власов
ОГНЕННЫЙ КРЕСТ
БЫВШИЕ

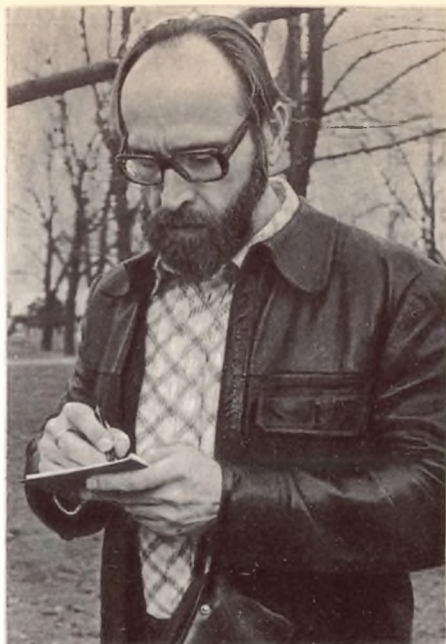
Художник В. Ю. Новиков
Художественный редактор В. А. Пузанков
Технический редактор Е. В. Левина
Корректор И. В. Леонтьева

ИБ № 19542

ЛР № 060775 от 25.02.92 г. Сдано в набор 04.12.92. Подписано в печать 27.08.93.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35+2,0 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 37,6. Уч.-изд. л. 39,68.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 846. С 179. Изд. № 48831.

А/О «Издательская группа «Прогресс».
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства
печати и информации Российской Федерации.
170024, Тверь, проспект Ленина, 5.

Я далек от того, чтобы идеализировать дореволюционное прошлое России, но то, что пришло ему на смену, никак не назовешь благом.

«Огненный Крест» написан не для доказательства того, что лучше — капитализм или социализм. В книге исследуются ленинизм и социализм изнутри, с позиции нравственной. Это главное.

Я не ставил целью сорвать зло на социалистическом прошлом своей Родины. Для подобных дел сочиняют не такие книги. Кто-то должен был возвысить голос против мракобесия ленинизма. Судьбе было угодно, чтобы этот жребий принял и я.

Ю. Власов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ПРОГРЕСС»